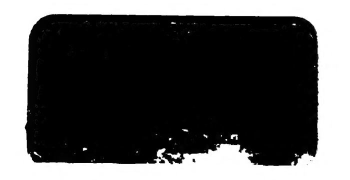

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ
ЖУРНАЛЪ
ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-
ЛИТЕРАТУРЫ.
1871
1
ШЕСТОЙ ГОДЪ. — КНИГА 1-ая.
ЯНВАРЬ. 1871.
ПЕТЕРБУРГЪ.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВА.

КНИГА 1-ая. — ЯНВАРЬ, 1871.

ВѢСТНИКЪ

ЕВРОПЫ

ШЕСТОЙ ГОДЪ.—ТОМЪ I.

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ.

Sixth year

ШЕСТОЙ ГОДЪ.

ТОМЪ I.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“: ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала: на Невскомъ просп., у Казан. моста № 30.

Экспедиція журнала: на Вас. Остр., Академ. переулокъ № 9.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1871.

ТИПОГРАФІЯ Ф. СУЩИНСКАГО.
УЛИЦА МОГИЛЕВСКАЯ 2.
С.ПЕТЕРБУРГЪ

БОЛЬШОЙ БОЯРИНЪ

ВЪ

СВОЕМЪ ВОТЧИННОМЪ ХОЗЯЙСТВѢ.

(XVII-ый вѣкъ).

Наши старинныя вотчинныя отношенія — предметъ мало извѣстный и вовсе необработанный; между тѣмъ отъ его разъясненія, по возможности точнаго и подробнаго, вполнѣ зависитъ рѣшеніе многихъ спорныхъ вопросовъ нашей исторіи и культурныхъ и политическихъ. Мы долго будемъ препираться о нашей древней общинѣ, о значеніи петровской реформы, о значеніи всего нашего развитія и т. д., пока не приведемъ въ ясность положеній нашего стараго вотчиннаго и земскаго быта, т.-е. тѣхъ положеній, среди которыхъ несъ свое тягло нашъ старый земецъ, — этотъ сфинксъ нашей исторіи. Только тогда мы встрѣтимся лицомъ къ лицу съ самимъ народомъ, который непремѣнно и разскажетъ намъ, что̀ онъ такое? Только тогда возможна будетъ и «исторія народа», если ее надо отдѣлять отъ исторіи государства. Конечно, на этомъ пути намъ придется выслушать очень много мелочныхъ и неважныхъ для политическаго любопытства свидѣтельствъ; но съ народомъ нельзя иначе знакомиться, какъ только посредствомъ мелочей его жизни. Нашъ очеркъ вотчинныхъ дѣйствій и отношеній богатаго боярина есть только опытъ разработки такого мелочного матеріала, извлеченнаго исключительно изъ столбцевъ и книгъ XVII-го ст., храня-

щихся въ архивѣ Оружейной Палаты и въ Московскомъ Архивѣ министерства юстиціи. Такъ какъ богатый бояринъ является здѣсь не только правящимъ своими крѣпостными вотчинами, но и разговаривающимъ съ своими прикащиками и крестьянами, то въ изложеніи своего предмета мы старались и о томъ, чтобы сохранить складъ старинной живой рѣчи, въ которомъ всегда обнаруживается и складъ самыхъ понятій.

I.

Бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ.—Его вотчинное богатство и вотчинное управленіе.—Значеніе боярскихъ дворянъ.—Приказный человѣкъ.—Прикащичій наказъ.—Вотчинные доходы.—Оброкъ денежный.—Столовые запасы и обиходы и другіе поборы натурою.—Распоряженіе и приказы боярина о сборѣ такихъ обиходовъ.—Повозы или подводы.—Оброки и заводы рыбные.—Вотчинные сады.—Боярская пашня и сѣнокосъ.—Вольнонаемная работа.

Большой бояринъ, о вотчинномъ хозяйствѣ котораго будемъ говорить, принадлежалъ дѣйствительно не только къ числу большихъ бояръ, но и былъ первымъ лицомъ въ государствѣ. Это былъ знаменитый Борисъ Ивановичъ Морозовъ — дядька-воспитатель царя Алексѣя и вмѣстѣ съ тѣмъ, по вступленіи на царство своего воспитанника, дядька-опекунъ всего царства. «По благоволенію царскому былъ онъ силенъ и словомъ и дѣломъ», какъ отзываются о немъ современники. Происходилъ онъ изъ знатнаго и стариннаго боярскаго рода, служившаго Москвѣ еще съ перваго времени, какъ она стала великимъ княжествомъ. Неизвѣстно, какими вотчинными богатствами владѣлъ этотъ родъ вначалѣ, но извѣстно, что всѣ наши богатые роды, развѣтвляясь и раздѣляясь, съ теченіемъ времени всегда все больше и больше бѣднѣли и, затѣмъ, въ отношеніи земельнаго богатства низводили своихъ членовъ на степень обыкновенныхъ рядовыхъ дворянъ-помѣщиковъ средней руки. Такимъ средней руки помѣщикомъ является въ началѣ своего поприща и знаменитый Б. И. Морозовъ. Вмѣстѣ съ своимъ братомъ, Глѣбомъ Ивановичемъ, онъ началъ службу стольникомъ и, главное, спальникомъ при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ, какъ только тотъ вступилъ на престолъ; это показываетъ, что братья Морозовы были по лѣтамъ сверстники молодому царю. Такимъ образомъ, службу они проходили не на боевомъ полѣ, какъ другіе знатные боярскіе дѣти, а постоянно и почти безотлучно при особѣ государя, т.-е. подъ кровлями дворцовыхъ покоевъ, гдѣ на царскомъ довольствѣ жить было привольнѣе, хотя и суетливѣе, ибо ихъ должности, особенно

старшаго брата Бориса, равнялись все-таки должностямъ камердинерскимъ и состояли въ томъ, чтобы передавать куда слѣдуетъ царскіе домашніе комнатные приказы, ходить на посылкахъ, приносить тѣ или другія вещи по желанію государя, вообще исполнять все то, чего требовала исключительно комнатная служба и комнатное кабинетное прислужничество. Служба дѣйствительно суетливая, но не слишкомъ тяжелая, вовсе незнавшая лишеній и невзгодъ далекаго похода и боевого поля, а потому и не пользовавшаяся особымъ почетомъ и славою. Но за то въ концѣ концовъ эта служба всегда такъ прикрѣпляла людей къ особѣ государя, связывала ихъ съ самодержцемъ такими привычными, почти дружественными отношеніями, что эти люди по естественнымъ причинамъ становились впослѣдствіи хозяевами во дворцѣ и стало быть во всемъ государствѣ, ибо дворецъ и государство были тогда понятіями однозначущими. Съ возрастомъ государя, возрастали и его домашніе слуги, а съ тѣмъ вмѣстѣ возрастало и ихъ вліяніе уже не на домашнія, но и на государственныя, общеземскія дѣла. Самостоятельность государевой власти, выходившей съ его возрастомъ изъ-подъ опеки боярской думы, тотчасъ же передавалась сама собою и личнымъ комнатнымъ слугамъ самодержца, которымъ естественно онъ могъ больше довѣрять и больше на нихъ надѣяться. Боевое поле, походная и вообще далекая служба, хотя бы и самая почетнѣйшая, напр., намѣстникомъ въ какой-либо далекой Казани или Астрахани, отдаляла человѣка отъ очей государя и тѣмъ всегда лишала его непосредственнаго прямого вліянія на дѣла. Приближенные, комнатные бояре и особенно временщики это очень хорошо понимали и опасному человѣку, въ виду своихъ цѣлей, всегда уготовляли такое почетнѣйшее далекое замосковное поприще.

Само собою разумѣется, что перенести свое вліяніе изъ государевой комнаты на государственныя дѣла могли только люди способные, знающіе и даровитые, а такими не всегда являлись комнатные слуги государя. Многіе изъ нихъ такъ и оставались только на этой первой ступени своей службы, т.-е. только комнатными людьми, получая впослѣдствіи, и то только по своей родовитости, санъ ближняго боярина. Зато способный и проницательный человѣкъ, умѣющій добыть себѣ положеніе, создавалъ себѣ въ государевой комнатѣ самую твердую почву для дальнѣйшихъ дѣйствій и успѣховъ своей службы. Такимъ и былъ бояринъ Морозовъ. Видно, что съ братомъ своимъ Глѣбомъ онъ съ самаго начала отличался добрымъ, благочестивымъ нравомъ и, кромѣ того, отъ брата отличался крѣпкимъ разумомъ и стремленіемъ увеличивать запасъ своихъ познаній не одною только

церковностью, но и всякими новыми свѣдѣніями и опытами, какіе только можно было повстрѣчать въ кругу знающихъ людей. Онъ не отказывался отъ дружбы съ нѣмцами и съ другими иноземцами, стараясь всегда извлечь изъ этого знакомства наиболѣе практическія прикладныя, наиболѣе выгодныя пользы. На такія именно пользы направлена была и крѣпость его ума, не отличавшагося способностями въ прямомъ смыслѣ государственными, а стремившагося только повсюду, и въ государствѣ, какъ и у себя дома, соблюсти выгоды и порядки хозяйственные, тѣ именно порядки, посредствомъ которыхъ наживаютъ больше денегъ, открываютъ новые источники доходовъ, не всегда думая о послѣдствіяхъ. Его вотчинные, какъ увидимъ, очень разумные порядки вполнѣ могутъ объяснять систему его дѣлъ государственныхъ: разныя новыя пошлины и налоги, новыя тягости для народа, доставляли государству, хотя и видныя, но весьма сомнительныя пользы, а потому сдѣлали имя Морозова ненавистнымъ для всей земли и возбудили цѣлый рядъ народныхъ возстаній.

Когда оба брата Морозовы были взяты во дворецъ на житье, что случилось, кажется, въ 1615-мъ г., ихъ вотчинное хозяйство, вѣроятно, находилось не въ особенно достаточномъ состояніи. На это указываютъ между прочимъ царскіе имъ подарки, свидѣтельствующіе, что они и самую одежду получали отъ щедротъ государя. Такъ, 28-го окт. 1615-го г., Борису Ивановичу государь пожаловалъ 4 аршина сукна лундыму сѣрогорячій цвѣтъ, цѣною все портище въ 6 р.; 25-го марта 10 арш. камки червчатой (12 р. 50 к.); 9-го іюля подарилъ ему уздечку для коня, цѣною въ 1 р. 80 к. Въ 1616-мъ г. окт. 31-го, государь съ матерью инокою Мареою Ивановною ходилъ въ свою казну, т.-е. въ кладовыя казеннаго двора; ихъ сопровождали и братья Морозовы, которымъ тутъ же и было пожаловано по 10 арш. камки червчатой, цѣною каждое портище въ 10 р. Затѣмъ, 6-го іюня Борисъ Морозовъ получилъ опять 10 арш. атласу червчатаго (16 р.). Въ 1617-мъ г. марта 14-го, государь благословилъ его значительнымъ количествомъ иконъ, вѣроятно, устраивая его домомъ, ибо вскорѣ, 6-го іюля, Морозовъ женился, причемъ по обычаю, пріѣхавъ на другой день свадьбы во дворецъ, также былъ богато одаренъ и съ молодою женою и отъ государя и отъ государевой матери. Къ сожалѣнію, имени молодой не упомянуто и неизвѣстно изъ какого она была рода. Но это умолчаніе ея имени должно показывать, что родъ ея не былъ знатенъ, хотя, можетъ быть, и былъ богатъ. Вѣроятно, за женою Морозовъ взялъ что-либо въ приданое и изъ вотчинъ, а потомъ къ этому времени и самъ государь могъ наградить молодого прибавкою вотчинъ или по-

мѣстья за службу. Со стороны царской справедливости это было даже и необходимо, ибо Морозовъ, поступивъ въ комнатную службу и находясь при государѣ безотлучно, разумѣется, не могъ уже хорошо вести свое вотчинное хозяйство, и хорошо слѣдить за своими хозяйскими прибытками. Ясно, что помогать ему въ поправкѣ его состоянія долженъ былъ самъ государь, который на самомъ дѣлѣ все это вполнѣ понималъ. Когда, умирая, онъ призвалъ Морозова, чтобы поручить ему попечительство о наслѣдникѣ престола, его же воспитанникѣ, царѣ Алексѣѣ, онъ въ предсмертномъ словѣ выразилъ вѣрному слугѣ, что вполнѣ цѣнитъ не только его службу, но и его личныя жертвы, принесенныя этой службѣ. «Служи сыну также, молвилъ государь, какъ мнѣ служилъ и работалъ — съ великимъ усердіемъ и радостью, оставя домъ свой и всякіе пожитки и покой». Лѣтописецъ прибавляетъ по этому случаю, что Морозовъ «служилъ ему великому государю и пребывалъ въ царскомъ дому его неотступно, оставя свой домъ и пожитки и волю и покой всякій, и не пожелалъ имѣть жены (вѣроятно уже второй) и чадъ и сродниковъ, всегдашняго пребыванія (во дворцѣ) токмо возжелалъ». Впрочемъ Морозовъ окончательно укрѣпился во дворцѣ только со времени избранія его въ дядьки къ царевичу Алексѣю въ 1634-мъ г. [1]). Вѣроятно, въ это время онъ былъ уже вдовъ и ради новой такой высокой службы не пожелалъ вторичной женитьбы. Какъ извѣстно, онъ потомъ женился въ одно время съ своимъ воспитанникомъ и притомъ на родной сестрѣ молодой царицы. Само собою разумѣется, что съ того же времени начинаетъ увеличиваться и его вотчинное богатство. Бывши стольникомъ, Морозовъ числился своими окладами по вѣдомству галицкой четверти, т.-е. по городу Галичу, гдѣ Морозовы были старинными помѣщиками. Въ 1628-мъ г. за нимъ, какъ и за его братомъ числилось по 1,000 четвертей или по 500 десятинъ помѣстной земли. Денежнаго жалованья онъ получалъ почти наравнѣ съ окольничими и поровну съ кравчими, т.-е. больше всѣхъ товарищей стольниковъ и даже больше брата, онъ—230 р., а братъ 200 р. При назначеніи въ дядьки къ царевичу и возведеніемъ въ санъ боярина денежный окладъ былъ увеличенъ до 500 р., вѣроятно, съ соразмѣрнымъ увеличеніемъ и помѣстной или же вотчинной земли [2]).

---

[1]) Точно также и братъ его Глѣбъ впослѣдствіи тоже былъ опредѣленъ дядькою-воспитателемъ къ царевичу Ивану Мих., въ 1638 г.; но по случаю скорой кончины царевича не могъ укрѣпиться во дворцѣ наравнѣ съ братомъ.

[2]) Описаніе Разр. архива, М. 1842. стр. 6, 9.

Старинными его вотчинами, которыя перешли къ нему по наслѣдству, были подмосковное село Павловское съ деревнями въ Звенигородскомъ уѣздѣ (312 десятинъ) и галицкое село Вознесенское съ деревнями около 600 десят. Когда его воспитанникъ, царевичъ Алексѣй Михайловичъ вступилъ на престолъ и когда они оба поженились, то Морозовъ получилъ въ вотчину знаменитыя и очень богатыя Приволжскія села, Лысково и Мурашкино съ деревнями; въ первомъ по писцовымъ книгамъ 1626-го г. значилось 5,400 десятинъ, во второмъ 11,700 дес., итого 17,100 десят. со множествомъ разныхъ угодій, съ казенными кабаками и таможнями. Между тѣмъ еще прежде этого пожалованья, равно какъ и послѣ, бояринъ много вотчинъ пріобрѣталъ и покупкою, такъ что къ концу, въ годъ своей смерти (1662) онъ былъ владѣльцемъ по крайней мѣрѣ 8,000 дворовъ[1]), чтò примѣрно и по умѣренному разсчету можетъ равняться слишкомъ 20-ти тысячамъ крестьянскихъ душъ и 80 тысячамъ десятинъ земли помѣщичьей, крестьянской и лѣсныхъ угодьевъ. Намъ неизвѣстно вотчинное богатство другихъ бояръ—товарищей Морозова, но во всякомъ случаѣ это былъ землевладѣлецъ достаточно крупный. Въ его владѣньи находились села, не упоминая о принадлежащихъ къ нимъ деревняхъ, въ Московскомъ уѣздѣ: Павловское, Иславское, Бедрино, Котельники; въ Тверскомъ — Лотошино, Городня, Едиманово; во Владимирскомъ — Филисова Слободка; въ Галицкомъ — Вознесенское; въ Каширскомъ — Косяево; въ Рязанскомъ — Селецкая слобода, села: Киструсъ, Борокъ, Красная Слобода, Сасыкино; въ Ряжскомъ — Петровское-Канино; въ Нижегородской сторонѣ: Лысково, Мурашкино, Покровское - Ногавицыно, Покровское - Вадъ, Троицкое - Ичалки, Бурцово, Сергачъ (нынѣ городъ), Кузминъ - Усадъ, Якшень, Знаменское-Котросъ, Покровское-Перегали, Уварово, Богородское-Кочюново и др.; въ Темниковскомъ—Новое Рожествено.

Управленіе всѣми этими вотчинами до послѣднихъ мелочей сосредоточивалось въ рукахъ самого боярина, но главнымъ образомъ, конечно, въ рукахъ его дворовыхъ людей, изъ которыхъ двое, самые приближенные, сидѣли въ московскомъ дворовомъ боярскомъ приказѣ, центральномъ мѣстѣ вотчиннаго управленія, откуда выходили всякіе боярскіе указы и приказы

---

[1]) Въ одной Нижегородской сторонѣ у него было, по его же словамъ, въ 1650-мъ г. больше 4,000 дворовъ. Въ годъ его смерти осенью, 4-го окт. 1662-го г., вдова боярыня получила съ Нижегородскихъ, Арзамазсскихъ, Рязанскихъ, Галицкихъ и со всѣхъ вотчинъ, кромѣ Московскаго уѣзда, съ крестьянскихъ и бобыльскихъ съ 7,880 дворовъ по полтинѣ съ двора—3,940 р. Архивъ Оруж. Пал. Книга № 218.

и куда тянули всѣ дѣла всѣхъ вотчинъ. Изъ дворовыхъ же, непремѣнно, въ каждую вотчину назначались прикащики или управители. Такъ дѣлалось по старому неизмѣнному обычаю, который шелъ отъ самаго начала нашей исторіи и въ XVII-мъ стол. оставался памятникомъ еще варяжской древности. Князья и ихъ дружина—бояре, получая отъ земли *кормленіе*, въ первое время должны были сами его и собирать, а потому и поручать этотъ сборъ могли только людямъ вполнѣ имъ преданнымъ, на которыхъ можно было надѣяться и потому надѣяться, что, въ случаѣ обмана, можно было ихъ преслѣдовать какъ свою же собственность. Словомъ сказать, сборъ кормленія и всякія подробности управленія землею по этой статьѣ должно было поручать людямъ своимъ, по просту людямъ крѣпостнымъ, холопамъ. Вотъ почему въ древній періодъ нашей исторіи, какъ скоро кто дѣлался тивуномъ (прикащикомъ) или ключникомъ (дворецкимъ), тотъ по необходимости становился холопомъ. Надо было дѣлать особый уговоръ, чтобы не попасть въ холопы, принимая на себя эти должности. А такъ какъ кормленіе составляло существо самаго управленія землею, то ясно, что исполнительная власть этого управленія почти вся находилась въ рукахъ холопства, въ рукахъ дворовыхъ княжескихъ ли, боярскихъ ли людей. Изъ холопа выросталъ такъ-называемый *приказный человѣкъ*, т.-е. которому была приказана, поручена какая-либо доля власти и управленія, для того, чтобы собирать кормленіе. Таково начало приказной службы, изъ которой потомъ образовалась служба государева, а затѣмъ государственная. Но измѣняя свой обликъ, переходя съ медленною постепенностью изъ частнаго, личнаго, къ общему, она очень долго сохраняла свое первоначальное существо, т.-е. свой крѣпостной, холопскій характеръ, отчего и прежніе дружинники и всѣ безъ исключенія государевы слуги или собственно уже слуги государству именовались обыкновенно холопами. Приказная служба во всѣхъ своихъ видахъ была по существу своему служба холопская, ибо вотчинникъ, былъ ли то государь или помѣщикъ — все равно, какъ общій типъ управленія землею, управлялъ ею посредствомъ своихъ дворовыхъ, своихъ крѣпостныхъ, которые встарину, по пребыванію во дворѣ вотчинника, именовались *дворянами*. Такимъ образомъ дворня, какъ во всемъ государствѣ, такъ и въ каждой вотчинѣ и повсюду представляла существенную силу всякой управляющей власти, драпируясь только въ широкія имена бояръ, намѣстниковъ, воеводъ и т. д., а по существу дѣла все тѣхъ же тивуновъ-прикащиковъ. Главное, что характеризовало эту правящую и владѣющую силу и чѣмъ отличалась она

отъ земли—народа—это были ея особые нравы, обычаи, навыки, пріобрѣтенные ею въ незапамятныя варяжскія времена и стоявшіе на томъ, чтобы побирать съ земца свое кормленіе. Ясно, какіе это были нравы, обычаи и навыки. Кормитель-земецъ долженъ былъ оплачивать этой силѣ каждое свое движеніе на землѣ, каждый свой шагъ. Сила развивала въ себѣ непомѣрную жадность, взяточничество, своеволіе, самовластіе, всяческое коварство, всѣ пороки холопства и всѣ его добродѣтели, что для земца было одинаково, ибо холопская добродѣтель есть собственно только наиболѣе усердное угодничество предъ властью, смотрѣвшею лишь за прибыткомъ въ своемъ кормленіи. Никто, конечно, не приносилъ въ крестьянскую среду столько обидъ и притѣсненій, какъ эти *приказные люди* всякаго названія. Народу они очень хорошо были извѣстны съ самыхъ первыхъ временъ. Еще въ имени княжескаго и боярскаго тивуна соединялось для него все ненавистное и страшное въ его жизни, и поэтому при всякой народной расправѣ первыми жертвами всегда являлись тивуны (прикащики) и отроки (слуги). Сами князья хорошо знали навыки своей дворни и, поучая доброму своихъ дѣтей, какъ Владиміръ Мономахъ, крѣпко наказывали не давать, особенно во время походовъ, «отрокамъ пакости дѣлать ни въ селахъ, ни въ житахъ, да не начнутъ васъ (люди) клясти». Но лучше всего объясняетъ отношенія тивуновъ къ народу полоцкій князь Константинъ. Однажды у себя на пиру захотѣлъ онъ смѣхомъ укорить своего тивуна и спросилъ предъ всѣми попа: «владыко! гдѣ быть тивуну на томъ свѣтѣ». Попъ отвѣтилъ: «тамъ же, гдѣ и князю». Князю это не полюбилось. «Какъ же такъ? возразилъ онъ: тивунъ неправдою судитъ, взятки беретъ, людей продаетъ, мучитъ, все лихое дѣлаетъ; а я что дѣлаю»? Попъ отвѣчалъ, что «добрый князь, который жалуетъ людей, любитъ правду, выбираетъ и тивуна добраго, разумнаго, правдиваго. Тогда и князь въ рай, и тивунъ въ рай. Князь же недобрый, который крестьянъ не жалуетъ, сиротъ не милуетъ, о вдовицахъ не печется, поставляетъ и тивуна, человѣка злого, только для того, чтобы богатство добывалъ. Такой князь не бережетъ людей: какъ бы бѣшенаго человѣка кто пустилъ на людей, давъ ему мечъ; такъ и князь, давъ человѣку волость, губитъ людей. И князь въ адъ, и тивунъ съ нимъ въ адъ же!»

Такимъ образомъ, по свидѣтельству самихъ же князей, тивунъ-прикащикъ былъ типомъ земскаго насильника и взяточника. Но они мало слушали мудрыя поповскія разсужденія, а еще меньше имъ слѣдовали; ибо трудно было измѣнить установленную прадѣдами систему кормленія, трудно было вынуть, такъ сказать,

душу изъ приказной холопской среды, посредствомъ которой они добывали себѣ это кормленіе. О томъ, что обыкновенно дѣлывала эта среда даже вблизи своихъ господъ, особенно во время походовъ и поѣздокъ, мы имѣемъ многія свидѣтельства. Въ 1480-мъ г., по случаю нашествія ордынскаго царя Ахмата, великая княгиня Софья, ради татарскаго страха, уѣзжала изъ Москвы съ дворомъ на Бѣлоозеро. Зимою, когда опасности уже не было, она воротилась въ Москву. Лѣтописецъ отмѣчаетъ ея походъ слѣдующими словами: «Пріиде великая княгиня Софья изъ бѣговъ, бѣгала отъ татаръ на Бѣлоозеро, а не гонялъ никтоже; и по которымъ странамъ ходили, тѣмъ пущи татаръ (было) отъ боярскихъ холоповъ, отъ кровопійцевъ христіанскихъ. Воздай же имъ Господи по дѣламъ ихъ и по лукавству начинанія ихъ, по дѣламъ рукъ ихъ даждь имъ», восклицаетъ очевидецъ этого похода.

Къ этому надо еще припомнить, что дворня у каждаго вотчинника всегда была очень многочисленна, сравнительно, разумѣется, съ его достатками или съ знатностью сана. Боярскій обычай содержать при себѣ многочисленную дворню, отъ 100 до 1000 человѣкъ, какъ говоритъ Котошихинъ, относится къ той же глубокой старинѣ и происходитъ изъ условій и потребностей дружиннаго быта. Какъ вольные люди, переходя отъ одного князя къ другому, бояре необходимо должны были имѣть свою крѣпостную дружину (чадь, челядь), т.-е. достаточное число даже вооруженныхъ слугъ, готовыхъ въ случаѣ нужды и къ защитѣ, и къ нападенію. Этотъ крѣпостной разрядъ дружины именовался тоже *дворомъ*. Въ древнее время онъ имѣлъ значеніе, по преимуществу дружинное, военное. Въ царскій періодъ, утративъ прежнее значеніе, боярскіе дворы пріобрѣтаютъ значеніе такъ сказать, декоративное и притомъ оффиціальное. Въ XVII-мъ вѣкѣ при встрѣчѣ пословъ выставлялись для церемоніи не только придворные люди государя, но и дворы бояръ и даже вдовъ-боярынь, за которыми оставлялись мужнины вотчины. Въ началѣ XVII-го стол. первые государевы стольники Борисъ и Глѣбъ Морозовы выставляли въ этихъ случаяхъ—первый 25, второй 15 человѣкъ, дворовыхъ конныхъ въ цвѣтномъ платьѣ. Постольку же или немного больше выставляли и бояре. Впрочемъ, эти числа не были всегда одинаковы, а увеличивались или уменьшались, смотря по важности церемоніала.

Все это, конечно, приводило къ необходимости или вполнѣ поддерживало древній обычай содержать во дворѣ приличное, т.-е. соотвѣтственное знатности и богатству число дворовыхъ людей. Не говоримъ о повседневныхъ условіяхъ тогдашняго

бита вообще, а боярскаго въ особенности, когда, напр., простая поѣздка боярина въ деревню требовала весьма значительнаго подъема людей и достаточнаго конвоя, ибо дороги повсюду не были безопасны; грабить выѣзжали даже сами помѣщики и притомъ еще князья. Точно также и въ московскомъ дворѣ жить было безопаснѣе среди крѣпостного многолюдства.

Само собою разумѣется, что это дворовое многолюдство вмѣстѣ съ своимъ бояриномъ сидѣло на хребтѣ того же земца-кормителя, земца-пахаря и промышленника. Котошихинъ говоритъ, что кромѣ такъ-называемой мѣсячины и застольной, т.-е. кромѣ корма, а также и одежды, бояре выдавали дворовымъ женатымъ еще денежное жалованье отъ 2 до 10 руб. въ годъ, смотря по человѣку и по службѣ. Но инымъ, особенно холостымъ, жалованья вовсе не давалось; да и кормъ не во всякомъ боярскомъ домѣ бывалъ достаточный, или по скупости, или по бѣдности. Во многихъ дворахъ выдавались только харчевыя деньги, да и то, что называется, въ обрѣзъ, такъ что едва ихъ доставало на прокормъ. Оттого праздный боярскій людъ нерѣдко добывалъ себѣ продовольствіе посредствомъ воровства, грабежей и разбоевъ, чѣмъ всегда славилась старинная Москва, какъ центральное и столичное мѣсто для всякой дворни, жившей при своихъ господахъ-боярахъ. Въ Москвѣ дѣйствительно бывали такіе боярскіе дворы, мимо которыхъ, какъ мимо двѣнадцати дубовъ Соловья-разбойника, не было обывателямъ ни проѣзду, ни проходу. Таковы, напр., были дворы на Дмитровкѣ окольничаго Стрѣшнева, кн. Голицына, кн. Татева, у которыхъ чинилось убійство великое и дурно-всякое. А люди кн. Ромодановскаго зазвали однажды къ себѣ во дворъ съ серебрянымъ товаромъ, будто для покупки, старосту серебрянаго ряда, ограбили его и убили. Забрать этотъ дворъ было послано 100 человѣкъ стрѣльцовъ. На розыскѣ грабители повинились въ убійствѣ еще 20-ти человѣкъ и разсказали, что въ этихъ разбояхъ участвовала чуть не вся дворня Ромодановская [1]). Это было въ 1675 г. Конечно, разбойное дѣло въ боярскомъ дворѣ не было правиломъ, а было только исключеніемъ, являлось вслѣдствіе или нужды, или крайняго разврата дворни. Въ обычныхъ, повседневныхъ случаяхъ жадная, да большою частью и бѣдная, дворня занималась всякими поборами съ тѣхъ, кому былъ нуженъ доступъ къ боярину. А кому же не нуженъ былъ такой доступъ, если каждый бояринъ, и старшихъ, и младшихъ чиновъ, сидѣлъ въ какомъ-либо приказѣ, или въ какомъ-либо городѣ на воеводствѣ,

---

1) Дворц. Разряды, III, 1118, 1338.

или исполнялъ другіе какіе наказы правительства. Шли въ боярскій дворъ нуждающіеся люди и оплачивали тамъ каждый свой шагъ, платили за каждое боярское слово. Эту сторону боярскаго быта раскрываютъ намъ со всею наивностью расходныя *памяти* или записи земскихъ людей, когда имъ приходилось о чемъ-либо хлопотать у властей или въ приказахъ. Такъ, напр., въ 1617 г. іюня 5, пишетъ Слободской на Вяткѣ земскій староста: «Ходилъ я староста съ цѣловальники въ Хлыновѣ къ *приказнымъ*, къ воеводѣ ко князю Александру Даниловичу Ростовскому, били челомъ о хлѣбѣ, чтобы онъ взялъ съ сохъ за хлѣбъ по цѣнѣ деньгами; дано воеводѣ отъ міру въ челобитье рубль денегъ да ковшикъ рѣпичатой въ два рубля; да княгинѣ его дано гривна, да племяннику его Михаилу гривна; да *дворянамъ* ихъ дано гривна. Да дьяку Ивану Порошину дано отъ міру въ челобитье два рубля двѣ гривны, боярынѣ его десять алтынъ, *дворянамъ* ихъ дано четыре алтына. Подъячему Сидору дано отъ міру въ челобитье рубль, да ковшикъ рѣпичатой данъ рубль десять алтынъ...» Далѣе: «за узду два алтына, что увезли князя Александра Даниловича люди, какъ ѣхали съ Устюга и т. д. Холуницкій волостной цѣловальникъ (1617 г. марта 25) ходилъ въ Хлыновѣ ко князю Александру Даниловичу, для московскія посылки, несъ ему воеводѣ 5 алтынъ, княгинѣ гривну, дворянамъ его 8 денегъ [1]). Августа 11, ходилъ въ Хлыновѣ во дворы къ воеводѣ и дьяку для того, что не поспѣли наши холуницкіе крестьяна на совѣтъ мірской, далъ имъ отъ того на оба двора 2 гривны, *дворянамъ* ихъ на оба двора 2 алтына. Чистянскій волостной цѣловальникъ съ Верховскимъ цѣловальникомъ по мирскому приговору волостныхъ крестьянъ (1615 г. дек. 2) ходили въ Хлыновѣ въ боярскіе дворы о пустошахъ бити челомъ и несли въ челобитье государевымъ воеводамъ князю Ѳедору Звенигородскому, да Василью Жемчужникову, да дьяку Михаилу Ординцову, во дворъ по рублю, да дворянамъ ихъ во всѣ три двора роздано 27 алтынъ 2 деньги».

Въ 1615 г. марта 11, хлыновскій земскій посыльщикъ съ казною на Верхотурье, писалъ: «Ходили (на Верхотурье) къ воеводѣ во дворъ челомъ ударити, несли ему гостинца 2 пуда меду да три полти мяса, да три куницы хмѣлю, да два рубля денегъ; да дву сыновьямъ его Володимеру и Борису дали полтину, да боярынѣ дали полтину; да *дворянамъ* его дали 10 алтынъ, да

---

[1]) Чтобы судить о цѣнности такихъ небольшихъ подарковъ, должно припомнить, что въ то время достаточно было одного алтына (3 коп.) на кормъ въ день человѣку; на эти деньги можно было купить хлѣба, калачей, рыбы, капусты и вина.

приворотнику дали 4 деньги...» Въ томъ же году въ декабрѣ слободской земскій староста писалъ между прочимъ: «Въ боярскій воеводскій пріѣздъ кн. Звенигородскаго, за винную баклашку 8 денегъ—свезли боярскіе люди; за чарку 2 алтына 4 деньги, что свезли боярскіе люди... да свезли скатерть боярскіе люди... сани изломали боярскіе люди, какъ ѣздили по волостямъ» и т. д.

Все это были порядки и навыки очень старинные, укоренившіеся въ землѣ еще со временъ варяговъ, со временъ княжескихъ *путей, объѣздовъ* по землѣ для сбора даней и пошлинъ. Примѣчательно, что крестьяне и воеводъ называли безразлично съ дьяками и подъячими тоже *приказными*, ибо и на самомъ дѣлѣ это были прикащики-тивуны отъ правительства. Примѣчательно также, что *дворяне* этихъ воеводъ, какъ и другихъ приказныхъ властей, составляли нераздѣльную съ самими властями среду для собиранія взятокъ и всякихъ поборовъ. Они являются тоже какъ бы чиновниками только младшаго разряда. Такъ ставила ихъ подлѣ себя управляющая власть, такъ понимали себя и дворовые, когда въѣзжали въ среду управляемыхъ. Такимъ образомъ, весьма естественно, что и въ частномъ быту, старинное вотчинное управленіе должно было сосредоточиваться въ рукахъ тѣхъ же дворовыхъ, изъ которыхъ каждый вотчинникъ выбиралъ для своихъ вотчинъ управителей-прикащиковъ, по свидѣтельству Котошихина даже съ прямою мыслью, чтобы дать заслуженнымъ холопамъ возможность поживиться отъ крестьянскихъ достатковъ: «Да ихъ же женатыхъ добрыхъ людей посылаютъ бояре погодно въ вотчины свои, въ села и въ деревни, по приказомъ, по перемѣнамъ, и укажутъ имъ съ крестьянъ своихъ имати жалованье и всякіе поборы, чѣмъ бы имъ было поживиться». Съ тѣмъ же разсужденіемъ были посыланы отъ царя и бояре-воеводы по городамъ на кормленіе. Такъ въ сущности одинаковы были въ допетровской Руси порядки жизни и вверху, и внизу, потому что всѣ эти порядки выростали изъ одного очень древняго корня, изъ права кормленія землею, которое въ то время понималось еще непосредственно и прямо, и распространяло взяточничество въ неимовѣрной степени, мало или вовсе не помышляя о томъ, что это вещь беззаконная.

При посылкѣ дворового человѣка *на приказъ* въ какую-либо вотчину, въ прикащики, ему давалась особая память или собственно наказъ о томъ, какъ вести вотчинное управленіе. Начиналась эта память обозначеніемъ года, мѣсяца и числа: «Лѣта 7157 г. іюня дня»; и словами: «По приказу Бориса Ивановича память человѣку моему (такому-то). Ѣхать ему въ (такой-то) уѣздъ въ вотчину мою въ село, въ деревню... а пріѣхавъ — исполнить

и исполнять (то-то)». Если вотчина была совсѣмъ новая для боярскаго хозяйства и управленія, то прежде всего ставилось прикащику въ обязанность переписать въ вотчинѣ крестьянскіе и бобыльскіе дворы и во дворахъ людей, ихъ дѣтей, братей, племянниковъ, внучатъ, зятей, пріемышевъ, сосѣдъ, подсосѣдниковъ, захребетниковъ, слѣд. все родство, жившее во дворѣ, и всѣхъ работниковъ двора, всѣхъ по именамъ съ отцы (съ отчествомъ) и съ прозвищи, и что подъ которымъ крестьяниномъ тягла.

Затѣмъ прикащикъ, взявъ съ собою *добрыхъ* крестьянъ, долженъ былъ произвести досмотръ всей вотчинной землѣ — осмотрѣть межи, урочища, всякіе признаки, т.-е. границы владѣнья, также сѣнные покосы, лѣса, бортные ухожіи, рыбныя ловли и всякія угодья—гдѣ вотчинная земля или угодье сошлись съ чужими землями и угодьями, нѣтъ ли гдѣ спору, не завладѣлъ ли кто чѣмъ; все это пересмотря, записать въ книгу, порознь, по статьямъ. Составленныя такимъ образомъ *переписныя* книги крестьянамъ, землѣ и угодьямъ должно было закрѣпить *поповою* рукою и своею и прислать къ помѣщику въ Москву, а копію оставить у себя для вѣдомости.

Сельскій священникъ являлся въ этомъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ дѣйствіяхъ вотчиннаго управленія, свидѣтелемъ и закрѣпителемъ правды или правильности въ дѣйствіяхъ прикащика, а въ сущности онъ являлся только звеномъ той цѣпи вотчинныхъ и вообще земскихъ отношеній, которая извѣстна подъ именемъ круговой поруки. Круговое ручательство подвластной среды было въ то время единственною основою надежныхъ къ ней отношеній со стороны всякой власти, и помѣщичьей и государственной.

Затѣмъ прикащичій наказъ объяснялъ кругъ вѣдомства для прикащика. Въ то время вотчинное управленіе сосредоточивало въ своихъ рукахъ всякую управу надъ крестьянами во всякихъ дѣлахъ, какія только возникали между ними и касались ихъ. Оно пользовалось полнымъ правомъ ихъ судить; поэтому прикащику вмѣнялось: *вѣдать* крестьянъ и бобылей и ихъ судить, и расправу межъ ими чинить безволокитно, безпосульно, безкорыстно, судить въ правду, праваго виноватымъ, а виноватаго правымъ не чинить. Судить, однакожъ, онъ долженъ былъ по старому обычаю, вмѣстѣ со старостою, съ цѣловальниками и съ выборными крестьянами, для чего бояринъ приказывалъ, чтобы крестьяне всею вотчиною съ приселками, деревнями и починками, выбрали изъ своей среды десять человѣкъ, кого излюбятъ, крестьянъ добрыхъ, разумныхъ, правдивыхъ, которымъ (съ прикащикомъ) у дѣла моего быть, и дали бы помѣщику на тѣхъ выбор-

ныхъ письменное удостовѣреніе, *выборъ* за поповою рукою. Эти выборные составляли необходимое, по понятіямъ времени, деревенское, вотчинное представительство, которое существовало не для одного только суда, но и для всякихъ дѣлъ вотчины, какъ крестьянскихъ, такъ и помѣщичьихъ, какіе вотчинникъ почиталъ необходимымъ отдавать на рѣшеніе вотчиннаго міра, конечно, съ главною цѣлью ограничить имъ произволъ прикащика и тѣмъ охранить свои интересы. Староста, кромѣ того, имѣлъ обязанность наряжать крестьянъ ко всякому дѣлу. Вообще въ помѣщичьемъ быту деревенскій міръ являлся какою-то натуральною силою, хотя и безправною предъ самовластіемъ вотчинника или его прикащика, но безъ которой, все-таки, по понятіямъ старины, не мыслимо было устройство вотчинныхъ дѣлъ и вотчиннаго управленія.

Въ отношеніи крестьянскихъ дѣлъ, судимыхъ съ ихъ представителями, въ наказной памяти прикащику особенное вниманіе обращалось на споры о землѣ, т.-е. на раздѣлъ тягольныхъ участковъ. «А гдѣ доведется итить на землю у крестьянъ или на мѣру, и ему ходить со старостою, цѣловальниками и съ выборными и разводить въ правду безъ поноровки и безпосульно, не наровя ни кому. А будетъ гдѣ гораздо учинитца споръ, что развесть нельзя, — тогда прикащикъ долженъ спрашиваться у старшаго прикащика въ старшей вотчинѣ, если такая находилась вблизи, деревенскій у сельскаго; а если и тотъ не могъ развесть спора, тогда прикащикъ доносилъ самому помѣщику».

Для полицейскаго надзора въ вотчинѣ бояринъ предписывалъ «выбрать *закащиковъ*, крестьянъ коихъ добрыхъ и приказать имъ на-крѣпко тово смотрѣть и беречь, чтобъ у крестьянъ воровскимъ людямъ пріѣзду не было». Не сказано, кто именно выбиралъ этихъ закащиковъ, — прикащикъ ли своею волею, или крестьяне всѣмъ міромъ. Повидимому, они состояли въ полной власти прикащика и потому, вѣроятнѣе, и избирались имъ же. Это были надсмотрщики за порядкомъ между крестьянами, и полицейскимъ, такъ сказать уличнымъ, и рабочимъ, когда крестьяне выходили на барщину. Полицейскія ихъ обязанности состояли въ томъ, чтобы крестьяне тотчасъ *являли* имъ, закащикамъ, кто каковъ человѣкъ къ кому пріѣдетъ и станетъ ночевать, и точно также *отъявляли бы* того человѣка, который отъ нихъ поѣдетъ. Закащики въ свой чередъ являли и отъявляли такіе пріѣзды прикащику. Соблюдался, стало быть, въ вотчинѣ теперешній городской порядокъ о прибывшихъ и выбывшихъ съ постою.

Закащики строго также наблюдали, чтобы крестьяне у во-

ровъ лошадей, разбойныхъ и краденыхъ, и никакой такой же рухляди (пожитковъ, вещей) не покупали и сами-бъ не воровали и съ ворами бъ не знались. Если въ вотчинѣ появлялись такіе пристанодержатели и воры, то прикащикъ долженъ былъ ихъ смирять вмѣстѣ со старостою, цѣловальниками и выборными на сходѣ, передъ всѣми вотчинными крестьянами, чтобъ всѣ вѣдали и видѣли.

«Первая вина — спустить, смотря потому, если небольшая вина, побранить словомъ и дать на поруки; а своруетъ въ другорядь — и такихъ бить батогами; а своруетъ въ третіе, и такова бить кнутомъ», и, въ обоихъ случаяхъ, отдавать ихъ на крѣпкія поруки съ записьми. «По комъ порукъ не будетъ, а вѣдимо, что онъ воръ, такихъ сажать въ тюрьму, покамѣстъ поруки крѣпкія будутъ и писать о томъ къ боярину въ Москву». Если открывалось, что изъ пріѣзжихъ кто продавалъ какую рухлядь (пожитки) или лошадей, того должно было тотчасъ вести въ вотчинную съѣзжую избу и расправшивать гораздо. Когда изъ распросовъ узнавали, что тотъ человѣкъ не воръ, его отпускали; а который въ распросѣ начиналъ плутаться и оказывался воромъ, такихъ велѣно было сажать въ *колоду* [1]) или въ *желѣза* (цѣпи) и потомъ отсылать съ поличнымъ въ Губу, т.-е. къ общему суду въ городъ.

Такимъ образомъ, вотчинный судъ, во главѣ котораго стоялъ все-таки прикащикъ, пользовался правомъ сажать въ тюрьму, въ колоду, въ желѣза, бить батогами и даже кнутомъ. Ниже увидимъ, что онъ могъ подвергать подсудимыхъ и пыткѣ.

Оберегая крестьянъ отъ всякаго воровства и отъ всякаго сообщества съ ворами, бояринъ предписывалъ также, чтобы крестьяне, ѣздя по городамъ и по торжкамъ (ярмаркамъ), лошадей безъ записи не покупали; кто гдѣ купитъ, записывали бы и пошлины государевы платили и брали купчія за помѣщиковою, или вотчинниковою или за поповою рукою. «Да заказать накрѣпко, писалъ еще бояринъ, чтобъ крестьяне безъявочно никуды не ѣздили; а куды кому случится ѣхать и имъ являться прикащику, и старостѣ, и выборнымъ и закащикамъ». Вслѣдствіе этого заказа устроено было такъ: крестьянинъ, если куда хотѣлъ ѣхать, писалъ на имя боярина челобитье на клочкѣ бу-

---

[1]) Колодою, откуда колодникъ, назывался снарядъ, состоявшій изъ двухъ притесанныхъ другъ къ другу бревенъ съ вырѣзанными посрединѣ для помѣщенія ногъ дырами. Когда требовалось сажать въ колоду, то колодниковъ сажали на лавку, бревна подъ ногами раздвигались, ноги помѣщались въ упомянутыя дыры и потомъ сдвинутыя бревна запирались замкомъ или другимъ какимъ запоромъ.

маги и подавалъ прикащику, который на оборотѣ помѣчалъ: «По указу боярина Бориса Ивановича Морозова приказный такой-то отпустилъ туда-то крестьянина такого-то до такого-то сроку», причемъ обозначалось также, для чего именно и съ чѣмъ, съ товаромъ продавать или покормиться ремесломъ отъѣзжаетъ крестьянинъ, и предписывалось, если отправка была въ Москву, явиться съ этой отпускной челобитной на дворъ боярскій къ тамошнему прикащику. Въ утвержденіе прикладывалась прикащичья печать.

Безъ такой отпускной грамотки крестьяне Морозова не смѣли выѣзжать изъ вотчины. По свидѣтельству самого боярина, это дѣлалось для ихъ же береженья. Онъ не разъ подтверждалъ прикащикамъ: «которые промышленные крестьяне станутъ ѣздить къ Москвѣ съ товары и они бъ имали *проѣзжія памяти*, а къ Москвѣ пріѣхавъ являлися въ приказѣ у меня людямъ моимъ Ивану Лунину да Степану Киселеву (главнымъ управителямъ); а безъ памятей и неявяся у меня въ приказѣ отнюдь не ѣздили бы для ихъ же крестьянскаго береженья». Это береженье отчасти заключалось уже въ одномъ имени сильнаго боярина, который всегда способенъ былъ крѣпко защитить своего крестьянина отъ всякихъ городскихъ и дорожныхъ прицѣпокъ. Но, съ другой стороны, эти крестьянскія явки, особенно въ Москвѣ, весьма надобны и полезны были собственно для вотчиннаго управленія: пріѣхавшіе крестьяне должны были исполнять разныя порученія съ вотчины и разныя работы на московскомъ дворѣ. Поэтому боярскій приказъ на той же проѣзжей памяти или отпускной челобитной всегда отмѣчалъ и мѣстожительство пріѣхавшаго, съ запискою того же и у себя въ книгахъ.

Въ отношеніи домашнихъ крестьянскихъ дѣлъ прикащикъ долженъ былъ заказать накрѣпко, «чтобъ крестьяне на продажу вина не сидѣли (не курили) и табаку не держали и не пили (не курили) и не продавали и зернью и картами не играли и плашками (бабками?) не метали и на кабакахъ не пропивались; о табакѣ Морозовъ прибавлялъ, чтобъ одполично въ вотчинѣ ни у кого табаку продажнаго и дарового не было, а будетъ кто учнетъ табакомъ торговать, или кто у кого купитъ и кто станетъ пить, и тѣхъ бить батоги нещадно и давать на поруки; а будетъ кто неуймется и его бить кнутомъ». Однакожъ, что касается вина и пива, т.-е. ихъ домашняго приготовленія, то разрѣшалось сидѣть вино и варить пиво, если кто захочетъ, только къ празднику, къ родинамъ, крестинамъ, къ свадьбѣ и непремѣнно съ объявленіемъ о томъ прикащику, не въ большомъ количествѣ; больше осмины или четверти хлѣба употреблять не до-

зволялось. Бояринъ присовокуплялъ объ этомъ въ наказѣ слѣдующее: «а буде у котораго крестьянина хлѣба Богъ уродитъ и слишкомъ, и они бъ пиво варили не часто и больше четверти не варили. А вино крестьянину сидѣть или пиво варить часто, ино не прибыльно, убыточно».

Строго наказывалось прикащику крестьянъ въ обиду никому не давать и отъ стороннихъ людей оберегать и во всемъ за нихъ стоять, а также и самому съ своими крестьянами стороннихъ людей никого не изобижать и жить въ сосѣдствѣ смирно и бездорно и въ совѣтѣ. Съ этою цѣлью, между прочимъ, запрещалось принимать въ вотчину прихожихъ крестьянъ отъ мелкихъ помѣщиковъ, изъ-за дворянъ, изъ-да дѣтей боярскихъ, хотя бы и изъ дальнихъ городовъ, которые станутъ называться вольными, некрѣпостными, — отнюдь ихъ не принимать, ссоры въ томъ не чинить. Но это, однакожъ, были только разумныя слова, соотвѣтственныя тогдашнимъ узаконеніямъ. На дѣлѣ прикащикъ остерегался только уже слишкомъ явныхъ случаевъ въ подобномъ пріемѣ чужихъ бѣглыхъ крестьянъ, ибо въ томъ же наказѣ ему предписывалось вотчину *строить*, крестьянъ старыхъ (своихъ) собирать, въ пустые дворы сажать, вообще предписывалось, чтобы пустовыя тягольныя мѣста были заселены. Онъ очень хорошо помнилъ общій смыслъ наказной памяти, въ которой бояринъ, между прочимъ, говорилъ: «И во всемъ бы (тебѣ, прикащикъ) радѣть и прибыли искать и работа своя и правда показать. А вашему брату, прикащику, то и надобно, чтобъ во всемъ мнѣ больше радѣть и правда и радѣнье показати. А кто, вашъ братъ, государю своему, при своемъ братѣ (т.-е. передъ другимъ прикащикомъ) прибыль учинитъ и во всемъ радѣетъ, и тѣхъ больше и жалуютъ». Вслѣдствіе такого указанія управитель, конечно, старался всѣми силами полнить вотчинныя пустовыя тягла и принималъ приходящихъ, лишь бы они были люди обстоятельные и были бы соблюдены всѣ необходимыя формальности. Что дѣйствительно такъ было въ вотчинахъ Морозова, какъ и во всякихъ другихъ богатыхъ и бѣдныхъ вотчинахъ, на это указываетъ множество сохранившихся челобитныхъ къ боярину отъ разныхъ мелкихъ помѣщиковъ, просившихъ объ отдачѣ имъ бѣглыхъ крестьянъ, проживавшихъ за бояриномъ, подъ видомъ людей, пришедшихъ къ нему въ крѣпость съ воли. Вообще должно замѣтить, что, судя по числу пустыхъ дворовъ, составлявшихъ не малый процентъ почти въ каждой вотчинѣ, и по безмѣрному множеству исковыхъ челобитныхъ о бѣглыхъ крестьянахъ, знаменитое право перехода отъ одного помѣщика къ другому, упраздненное закономъ, на дѣлѣ существовало въ весьма

значительныхъ размѣрахъ. Мужичекъ всегда имѣлъ возможность и способы откочевать и со-всею семьею куда либо подальше отъ тягости излишнихъ работъ и поборовъ. Стоило назваться только другимъ именемъ и обозначить себя другимъ мѣстожительствомъ. Развивалось стало быть и самозванство, которое, въ первое время по изданіи указовъ о запрещеніи перехода, выросло даже въ самозванство государственное.

Непосредственно для вотчиника заботы и служба прикащика заключались въ томъ, чтобы вотчину *строить*, крестьянъ собирать, въ пустые дворы сажать и за ними смотрѣть, чтобъ они дворы себѣ строили не оплошно и всякіе дворовые заводы заводили, и лѣсъ подъ пашню расчищали и пахали не оплошно; чтобы держать боярскую пашню тоже не оплошно, заставлять крестьянъ пахать ее во всѣхъ трехъ поляхъ указанное количество десятинъ, «а десятинамъ (боярскимъ) мѣра 80 саж. длиннику, а поперечнику тожъ, а сажень трехъ аршинъ»; чтобы посѣвъ, ужинъ и умолотъ вести на строгомъ отчетѣ; бортные лѣса беречь накрѣпко, сѣчь ихъ подъ пашни и подъ сѣнные покосы стороннимъ людямъ никому не давать, за то стоять. «А которые вотчинники и помѣщики—писалъ бояринъ—около вотчины моей по-близку и люди ихъ учнутъ ѣздить для хоромнаго лѣсу и для всякой лѣсной угоды въ мои бортные лѣса, и съ тѣхъ брать на меня явку (извѣстную пошлину), кто дастъ, смотря по людямъ и по тамошнему разсмотрѣнью». Этотъ пунктъ очень любопытенъ отмѣткою о явкѣ—кто дастъ, слѣд. другіе могли и не давать, и бояринъ оставляетъ это тамошнему разсмотрѣнію, т.-е. вообще мирволитъ сосѣдямъ помѣщикамъ въ отношеніи лѣсныхъ порубокъ и самъ признаетъ, такимъ образомъ, обычное право пользоваться безданно, безпошлинно чужимъ лѣсомъ.

Таковы были общія основанія прикащичьяго наказа, который, разумѣется, всегда дополнялся множествомъ разныхъ другихъ повелѣній, смотря по обстоятельствамъ времени и мѣстности и многое оставлялъ произволу самого прикащика, его радѣнью и умѣнью угодить своею службою выгодамъ вотчинника.

За службу прикащику назначалось *приказное жалованье:* съ крестьянъ въ годъ на три праздника съ *дыму* (со двора) по алтыну, на Рождество Христово, на свѣтлое Воскресенье и на Петровъ или на Ильинъ день. Въ тѣже дни крестьяне должны были, принося эту дань, приходить къ нему съ хлѣбами, т.-е. съ хлѣбомъ-солью, какъ водилось. Потомъ онъ получалъ съ судныхъ дѣлъ пошлинныя деньги, съ рубля по алтыну; также свадебныя куничныя:—кто женился дома въ своей волости, съ того *убруснаго* шло прикащику 2 алтына 2 деньги; кто дѣвку или

вдову отдавалъ за волость, съ того *выводу* шло 4 алтына 2 деньги; но если чужія боярщины брали больше за свой выводъ невѣсты въ вотчины Морозова, то прикащику предписывалось брать столько же, противъ ихъ, выводу. «А будетъ позоветъ крестьянинъ на протраву и за протравной боронъ на виноватомъ взять 2 алт. 2 деньги; а дворовой боронъ, кто позоветъ на лишекъ, и на виноватомъ взять 2 алт. 2 деньги». Сверхъ того, бояринъ жаловалъ прикащика пашнею въ полѣ по десятинѣ, а иногда по пяти десятинъ, и сѣнными покосами копенъ по 40 или по 50, съ условіемъ, чтобы онъ пашню пахалъ и сѣно косилъ собою, самъ по себѣ, а крестьянъ насильствомъ не заставлялъ ни пахать, ни косить. «А кто честью по добротѣ станетъ на него пашню пахать и имъ въ томъ заказу нѣтъ», прибавлялъ бояринъ. Но это-то самое разрѣшеніе и отдавало крестьянъ въ руки прикащика, который всегда могъ добиться отъ нихъ надобной ему чести и доброты и, слѣд., всегда обработывалъ свою пашню крестьянскими руками.

Получивъ такой наказъ, прикащикъ получалъ вмѣстѣ и особую грамоту отъ боярина къ вотчиннымъ крестьянамъ, въ которой объяснялось, что бояринъ такого-то года и числа пожаловалъ къ нимъ на приказъ человѣка своего (имя), велѣлъ ему ихъ крестьянъ вѣдать, судить и расправа межъ ими во всемъ чинить и отъ сторонъ отъ обиды оберегать; чтобъ они во всемъ его слушали и ни въ чемъ не огурялись и подъ судъ къ нему приходили и противъ наказу жалованье праздничное ему давали, а не будутъ слушать и учинится боярскому дѣлу какая поруха и за то имъ отъ боярина быть въ великомъ наказаньи.

Если прикащикъ являлся только на смѣну другому прикащику, что случалось обыкновенно черезъ годъ и черезъ два, то новый управитель долженъ былъ принять отъ стараго всѣ деревенскія письменныя дѣла и бумаги, хлѣбъ въ житницахъ и полевой въ одоньяхъ, и на скотномъ дворѣ животину и пр., и во всемъ со старымъ росписаться, причемъ и составлялась подробная опись хозяйству или *росписной списокъ* за рукоприкладствомъ пріемщика и отдатчика.

Денежные оброки, всякій мелкій помѣщичій доходъ и всякое вотчинное издѣлье крестьяне платили въ иныхъ случаяхъ съ дворовъ или *дымовъ*, а главнымъ образомъ *повытно*, т.-е. соотвѣтственно количеству пахатной земли, на которой сидѣло населеніе и которая для распредѣленія оброковъ и поборовъ была раздѣлена на извѣстныя доли, называемыя *выти*. И въ XVII-мъ, и въ XVI-мъ ст., и вѣроятно гораздо раньше, по общему обычаю, въ московской сторонѣ въ вотчинныхъ и помѣстныхъ земляхъ

на вытъ полагалось доброй земли по 6-ти десятинъ, средней по 7-ми, худой по 8-ми въ трехъ поляхъ. Однако эта общая мѣра въ распредѣленіи всякаго сбора у крестьянъ, когда они *разрубали* выть между собою, по своимъ хозяйствамъ, она дѣлилась еще на трети, на четверти, а чаще на восьмыя доли, называемыя *осмаками*, *осмухами*, *осминниками*, такъ что осмакъ доброй земли составлялъ $^3/_4$, средней $1^3/_4$, а осмакъ худой земли 2 десятины въ каждомъ изъ трехъ полей. По большей части такой осмакъ и служилъ обычною, нормальною мѣрою пахотнаго тягла или оклада для каждаго отдѣльнаго крестьянскаго хозяйства или двора, представляя въ тоже время и обычный надѣлъ крестьянъ вотчинною землею.

Этотъ надѣлъ равнялся стало быть $2^1/_4$, $5^1/_4$ и 6-ти десятинамъ, смотря по качеству земли. Но такъ какъ крестьяне свои оброки уравнивали между собою по животамъ и по промысламъ, т.-е. кто сколько могъ и способенъ былъ платить, то и этотъ тягловой надѣлъ дробился еще на части, такъ что иные дворы сидѣли на полуосмакѣ или на пол-пол-чети выти, иные даже на четверти осмака или на пол-пол-пол-чети выти, т.-е. на $^1/_{16}$ и на $^1/_{32}$ выти [1]). Вслѣдствіе этого выть, какъ податная единица, заключала въ себѣ весьма различное количество дворовъ. Очень богатые крестьяне сажались однимъ дворомъ на цѣлую выть безъ малаго или съ лишкомъ, напр., на выть безъ четверти или съ четвертью. Вообще въ богатыхъ промышленныхъ вотчинахъ на выть приходилось по 4, по 7 дворовъ, а въ бѣдныхъ дворовъ по 12, по 16 и больше, даже вдвое. Людей мужеска пола на каждый дворъ присчитывалось среднимъ числомъ около 3-хъ человѣкъ.

Сажанье на большія или меньшія тягловыя доли зависѣло сколько отъ прикащиковъ (это на нихъ полагалось по наказу боярина), столько же и отъ деревенскаго міра, въ рукахъ котораго находилось главное—разверстка земли. Въ этихъ случаяхъ міръ всегда показывалъ большую самостоятельность и крѣпко защищалъ свои интересы.

Мелкія жеребьи вытей или осмаковъ доставались или очень бѣднымъ, которые не въ силахъ были поднимать обычнаго оброка, или очень богатымъ, которые въ замѣнъ пахатнаго тягла облагались какимъ-либо промысловымъ окладомъ, поставкою на боярина соли, рыбы и т. п., что называлось накладнымъ оброкомъ.

---

[1]) Напр. въ Нижегородскомъ селѣ Нагавицынѣ съ деревнями числилось 319 дворовъ—1012 человѣкъ, которые по тяглу составляли 25 вытей и пять осмухъ съ четверткою (осмухи) и съ получетверткою (осмухи) и съ третьею долею полуосмухи, платя оброку по 15 руб. съ выти.

Кромѣ того крестьяне разверстывались въ мелкіе вытные жеребьи, именно на трети и четверти осмака или $^1/_{24}$ и $^1/_{32}$ выти, по случаю особыхъ льготъ при большой боярской запашкѣ или при обработкѣ крестьянами какого-либо боярскаго промысла, напр., при поташныхъ заводахъ. Въ такихъ случаяхъ на выть сажалось 32 и 24 двора. Средняя цифра дворовъ на выть колебалась между 12 и 16 — въ вотчинахъ, такъ сказать, рядовыхъ, и между 4 и 8 въ вотчинахъ промысловыхъ и богатыхъ, каковы, напр., были нижегородскіе Лысково и Мурашкино.

Выть, какъ мы сказали, была только общею податною единицею, внутри которой, въ отношеніи разверстки платежей, всегда заключалось великое разнообразіе, приспособляемое къ цѣлямъ наиболѣе равномѣрнаго и справедливаго распредѣленія тягловыхъ податей. У Морозова крестьяне платили денежнаго оброка съ выти по 6, по 10, по 15, по 20 и по 24 рубля. Оброкъ уменьшался до 6 р., если крестьяне сидѣли на большой боярской запашкѣ и притомъ на крупныхъ жеребьяхъ, такъ что въ выть приходилось тоже около 6 дворовъ; онъ возвышался до 24 р., если крестьянамъ отдавались въ пользованія и всѣ боярскія угодья вотчины, съ освобожденіемъ отъ всякаго боярскаго издѣлья, повозовъ и т. д. Средняя или постоянная цифра тягловаго денежнаго сбора заключалась въ 15 р. съ выти, какъ было во всѣхъ его нижегородскихъ вотчинахъ. Въ нѣкоторыхъ рязанскихъ (село Киструсъ) и тверскихъ (село Городня) платили по 24 руб. Круглымъ числомъ съ двора приходилось по рублю съ четвертью или безъ четверти; и только въ одномъ рязанскомъ Киструсѣ приходилось на дворъ по 2 р. Есть извѣстія, что въ половинѣ XVII ст. и у другихъ помѣщиковъ собиралось оброку тоже по рублю со двора.

Кромѣ годового денежнаго оброка, крестьяне были обложены сборомъ, такъ-называемыхъ, *столовыхъ обиходовъ* или *столовыхъ запасовъ*, которые собирались тоже съ выти, потомъ особо съ каждаго *дыму*, и нѣкоторые огуломъ со всей вотчины. Въ нижегородскихъ вотчинахъ шло съ выти въ 12—16 дворовъ (при 15 руб. денегъ): 2 пуда свиного мяса, 1 гусь, 1 поросенокъ, 30 аршинъ холста или взамѣнъ холста 10 гривенокъ (фунтовъ) шерсти на войлоки и епанчи. Въ иныхъ вотчинахъ, сверхъ того, съ выти же, еще 1 утка, 8 куръ или 8 гривенокъ коровья масла, 100 или 50 яицъ, осмина или полосмины, или четверикъ орѣховъ, или вмѣсто орѣховъ, четверть хмѣлю. Вмѣстѣ съ тѣмъ особо съ дыму или съ каждаго двора 1 курица, сушеная, иногда живая; гривенка масла (или вмѣсто масла деньгами за гривенку алтынъ) и 3 яйца; также гривенка шерсти, если шерсть

не была положена съ выти. Въ одной вотчинѣ со всѣхъ 13¼ вытей 2 четверти сухой малины.

Въ рязанскихъ вотчинахъ съ села Киструсъ при денежномъ оброкѣ въ 24 р. съ выти собиралось столовыхъ запасовъ съ выти же (12 дворовъ): свиныхъ мясъ по двѣ туши съ потрохами, вѣсомъ безъ потроховъ по 1½ пуда туша; по 4 барана, по сыру. Съ дыму по курицѣ живой, 10 яицъ, по трои обуви лаптей; со пчелинцевъ меду отъ улья по гривенкѣ. При оброкѣ въ 15 р. съ выти собиралось свиного мяса 10 тушъ (15 пудъ), крупъ гречневыхъ 5 четвертей, вина 14 ведръ, 5 барановъ, 10 гусей мерзлыхъ, 10 поросенковъ, 10 курицъ сухихъ, 1 сыръ, 12 пластей сухой рыбы лещей, 250 яицъ мерзлыхъ, 20 ф. масла коровья; меду отъ улья по гривенкѣ. Съ дыму по курицѣ живой, 10 яицъ, 3 обуви лаптей.

Въ одномъ селѣ съ деревнею, Ряжскаго уѣзда, гдѣ было 138 дворовъ, 481 человѣкъ, оброковъ ходило: по 120 р. деньгами, 30 ведръ вина, 15 пудъ меду да отъ улья по гривенкѣ; хмѣлю 8 пудъ, 2 четверти маку; 24 барана, 4 сыра. Съ двора по курицѣ живой, 10 яицъ, 3 обуви лаптей.

Въ Тверскомъ уѣздѣ съ села Городни (54 двора, 210 человѣкъ—три выти) ходило съ выти по 24 р. денегъ, 8 барановъ, 1 пудъ свиного мяса, 8 гусей; да со всего села 30 курицъ живыхъ, 500 яицъ, 4 сыра; 2 ведра сметаны, 20 ведръ брусники.

Во Владимирскомъ уѣздѣ съ одного сельца съ деревнями,— 135 дворовъ, 395 челов., ходило 70 р. денегъ, 56 барановъ, 21 пудъ мяса свиного, 28 гусей, 56 курицъ, 21 гривенка масла, 7 ведръ брусники, 2 четверти безъ полуосмины грибовъ.

Женскій полъ въ подмосковныхъ и въ Москвѣ обоброченъ былъ льняною пряжею, которая потомъ разсылалась въ дальнія вотчины къ крестьянкамъ и бобылкамъ, которыя ткать горазды, для тканья полотенъ. Онѣ же обязаны были и выбѣлить эти полотна.

Разныя другія статьи подобнаго сбора являлись, смотря по мѣстности, гдѣ что урожалось и гдѣ какая мѣстность занималась какимъ-либо особымъ производствомъ и ремесломъ. Глазъ и рука вотчинника не пропускали безъ вниманія и безъ побора никакой мелочи въ крестьянскихъ промыслахъ, какъ и въ производительности почвы и ея разныхъ угодьевъ. Гдѣ ловили рыбу, раковъ, онъ бралъ рыбу и раки; гдѣ росли орѣхи, малина, брусника и т. п., онъ бралъ орѣхи, ягоды, грибы; гдѣ крестьяне работали деревянную посуду, онъ бралъ посуду, ложки, чашки и т. д. Само собою разумѣется, что въ неурожайные годы, при животинномъ падежѣ, или по случаю какихъ-либо другихъ

несчастій, размѣръ и вѣсъ нѣкоторыхъ статей этой дани уменьшались, напр., сбавлялся вѣсъ свиныхъ мясъ, которыхъ бояринъ собиралъ иногда только по пуду и даже по полупуду съ выти и т. п. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ бояринъ прощалъ крестьянамъ третью долю оброка и сборовъ, выбирая отчетливо только двѣ доли.

Во всѣхъ вотчинахъ жило также достаточное количество бобылей, которые владѣли только дворами и не владѣли землею. Съ нихъ оброку собиралось по 20 коп. съ двора.

Количество боярской пашни расположено было не одинаково, вѣроятно, смотря по мѣстнымъ удобствамъ. Въ иныхъ мѣстахъ на выть (12 — 16 дворовъ) приходилось по одной десятинѣ въ полѣ, въ другихъ нѣсколько болѣе, наконецъ въ самыхъ хлѣбопашныхъ вотчинахъ на выть доставалось по двѣ, и даже по три, десятины въ каждомъ изъ трехъ полей. Вообще же, среднимъ числомъ десятину въ полѣ обработывали отъ 6 до 8 дворовъ. Боярская десятина была мѣрою 80 саж. длиннику и столько же поперечнику, слѣд. вчетверо больше обыкновенной въ то время сороковой десятины. Къ этому прилагалось и соразмѣрное количество боярскаго сѣнокоса.

Въ нѣкоторыхъ вотчинахъ пахатныя земли отдавались въ оброкъ, большею частію вотчиннымъ же крестьянамъ. Озимая десятина пашни ходила по 50 к., яровая по 40 к.; озимая десятина сѣнного покоса ходила по 25 коп., яровая по 20 к. Такъ было въ нижегородскихъ вотчинахъ.

Другія оброчныя статьи условливались разными мѣстными обстоятельствами, доставлявшими возможность собирать пошлины и подати. Въ торговыхъ и очень населенныхъ мѣстахъ, напр. въ Лысковѣ и Мурашкинѣ, оброкъ шелъ съ лавокъ, полулавокъ, съ полковъ, анбаровъ, кузницъ, харчевень, бань, даже съ извоза, съ лошадиныхъ водопоевъ, съ прорубей, не говоря уже о мельницахъ, перевозахъ, мостахъ и т. п.

Главная забота хорошаго, разумнаго хозяина, хорошаго устроителя своей вотчины и своихъ выгодъ заключалась въ томъ, чтобы никакая доходная сила его хозяйства не пустовала и именно по отношенію къ крестьянамъ, къ этой основной силѣ вотчинническаго быта. Поэтому, не было предмета въ крестьянской работѣ или какомъ промыслѣ, за которымъ время отъ времени не протягивалась бы рука помѣщика. Онъ почиталъ своею собственностью все, что̀ ни производилъ и чѣмъ бы силенъ ни былъ человѣкъ, жившій въ его крѣпости. Въ томъ состоялъ экономическій и даже политическій умъ вѣка. Очень естественно, что, покупая новую вотчину, или пріобрѣтая ее въ пожалованіе

отъ государя, умный вотчинникъ внимательно осматривалъ свое новое поле крѣпостныхъ дѣйствій и почти всегда окладывалъ крестьянъ новыми податями и поборами, если не прямыми, то косвенными, заводя новыя производства, промыслы, открывая въ самой землѣ новые источники разныхъ выгодъ и т. д. Къ такимъ умнымъ и изобрѣтательнымъ вотчинникамъ принадлежалъ и Морозовъ. Мысль о томъ, выдержитъ или не выдержитъ живая крестьянская почва постоянно производимыя въ ней опустошенія, была очень далека отъ тогдашней экономической и государственной мудрости, которою столько славился знаменитый бояринъ. По исторіи и именно морозовскаго времени мы знаемъ, что почва не выдерживала и иной разъ колебала даже самое государство.

Должно замѣтить, что Морозовъ самыя богатыя вотчины, именно низовыя, приволжскія, Лысково и Мурашкино, получилъ, кажется, вскорѣ по вступленіи на царство своего воспитанника, царя Алексѣя, какъ оно и слѣдовало. Устроить эти вотчины оброками, онъ посылалъ въ 1646 г. своего брата, вѣроятно двоюроднаго, окольничаго Петра Тихон. Траханіотова, человѣка впослѣдствіи очень извѣстнаго устройствомъ въ подчиненномъ ему вѣдомствѣ, Пушкарскомъ приказѣ, не только беззаконныхъ поборовъ, но и полнаго грабежа съ своихъ подчиненныхъ. За это онъ и поплатился жизнію во время московскаго народнаго возстанія въ 1648 г. Этотъ-то окольничій Траханіотовъ въ знаменитомъ приволжскомъ селѣ Лысковѣ съ деревнями, по боярскому указу, учинилъ слѣдующее: лысковцы, бывши за государемъ въ числѣ вотчинъ дворцовыхъ, платили всякихъ оброковъ по писцовымъ книгамъ со 126 вытей по 7 руб. 50 к. съ выти. Онъ къ числу вытей прибавилъ еще шесть вытей, т.-е. увеличилъ число тяголъ и наложилъ оброкъ въ селѣ по 20 руб., а въ приселкахъ и деревняхъ по 15 р., т.-е. вдвое и почти втрое, а съ прибавочными вытями и больше. Однако, по случаю такой большой надбавки оброка, крестьянамъ было сказано: пашни на вотчинника не пахать, столовыхъ запасовъ не платить и всякихъ задѣлій не дѣлать. Кромѣ того, имъ были отданы за этотъ же прибавочный большой оброкъ, оброчныя пустоши, пахатная земля и сѣнные покосы въ безоброчное пользованье. Въ другомъ селѣ Новомъ-Покровскомъ, Перегали тожъ, Траханіотовъ обложилъ крестьянъ съ осмака по 3 руб., что съ выти приходилось 24 р., отдавъ точно также въ ихъ пользованіе всѣ вотчинныя угодья и сказавъ, что на вотчинника пашни не быть, скотному двору тоже, задѣлья не дѣлать, повозовъ не возить. Такимъ образомъ, тягость новой налоги уравновѣшивалась освобожденіемъ

крестьянъ отъ всякихъ другихъ поборовъ и вотчинныхъ работъ. Но неизвѣстно, какимъ случаемъ слова—обѣщанія Трахапіотова остались словами, а дѣла приняли совсѣмъ другой оборотъ. Оброкъ денежный остался оброкомъ, а съ нимъ рядомъ потянулись, обыкновеннымъ порядкомъ, разные натуральные поборы и службы. Черезъ годъ, въ 1647 г., вотъ что писали и о чемъ били челомъ своему боярину лысковцы—старостишка и всѣ крестьяне. Изложивъ дѣло, какъ обложилъ ихъ Траханіотовъ большимъ оброкомъ, они жаловались, что какъ пріѣхалъ въ Лысково на управленье боярскій приказный человѣкъ Семенъ Безобразовъ, то отданныя крестьянамъ безоброчно пустоши опять сдалъ въ оброкъ прожиточнымъ (богатымъ, зажиточнымъ) людямъ села; что по окладу Петра Тихоновича (Траханіотова) они все-таки платятъ большой вытный оброкъ и вмѣстѣ съ тѣмъ сверхъ окладу платятъ столовые запасы, свиныя мяса, гуси, ососы (поросята), куры, яйца, пшеничную муку. «Да мы-жъ сироты, сверхъ того, твоего государева указу большого оброку служимъ тебѣ въ таможнѣ и на кабакахъ по 36 человѣкъ на годъ; да мы-жъ сироты работаемъ тебѣ, мельницы строимъ по вся годы, а мельница государь у насъ строится въ мѣсяцъ и больши, а ходитъ насъ на тое мельницу на всякой день работать человѣкъ по 60 и по 70 и по 80; а къ затвору (плотины) ходитъ и по 100 человѣкъ. Да мы-жъ сироты твои строимъ твои кабацкіе заводы, поварни и выходы и анбары и избы ставимъ; да мы-жъ сироты строимъ въ Нижнемъ-Новѣгородѣ твои житницы и въ тѣ житницы лѣтнимъ путемъ въ дѣловую пору, а зимнимъ путемъ по послѣднему пути хлѣбъ возимъ, и въ томъ намъ сиротамъ чинится многое безвременье; да мы-жъ сироты чистили на тебя черной лѣсъ подъ пашню въ селѣ Богородскомъ 10 дней, а было насъ на той работѣ 600 человѣкъ; да у насъ же сиротъ, волею божіею, за умноженіе грѣхъ ради нашихъ нынѣшняго лѣта саранча хлѣбъ ржаной и яровой на поляхъ поѣла и въ гумнахъ и въ огородахъ овощь и траву поѣла, а иное градомъ побило, и оттого государь и отъ твоего государева оброку большаго прибавочнаго и издѣлья мы сироты твои оскудали и одолжали великими долгами, нынѣ намъ твоего оброку платить невозможно, многіе изъ насъ сиротъ скитаются по-міру. Умилосердись государь Борисъ Ивановичъ! Пожалуй насъ сиротъ своихъ бѣдныхъ для своего многолѣтнаго здоровья, какъ тебѣ объ насъ бѣдныхъ Богъ извѣститъ на нынѣшній годъ въ своемъ государевѣ оброкѣ и въ столовыхъ запасахъ, чтобъ намъ сиротамъ впредь твоего государева тягла не отбыть. Государь смилуйся пожалуй».

Тоже самое испытали и новопокровскіе крестьяне, да вѣро-

ятно и всѣ другія нижегородскія вотчины. Въ 1650 г., покровскіе объясняли боярину, что обложилъ ихъ Петръ Тихоновичъ большимъ оброкомъ съ упомянутымъ условіемъ пашни на боярина не пахать и пр., а нынѣ они пашутъ боярщины по 10 десятинъ въ полѣ и скотный дворъ заведенъ, всякое издѣлье дѣлаютъ, повозы возятъ, лѣсъ подъ пашню и подъ сѣнокосы чистятъ, такъ что оброкъ платить по окладу Траханіотова стало не въ силу. Выслушавъ челобитье, бояринъ сбавилъ имъ оброка по 4 р. съ выти, т.-е. оставилъ все-таки съ выти по 20 р., наравнѣ съ лысковцами. А что сталось съ оброкомъ этихъ лысковцевъ, неизвѣстно; вѣроятно бояринъ тоже облегчилъ и ихъ, по крайней мѣрѣ, въ этотъ несчастный годъ. Но вообще въ оброчныхъ облегченіяхъ бояринъ былъ очень разсмотрителенъ и не особенно подавался на сторону плачевныхъ жалобъ. Такъ, въ 1650 г. мурашкинскіе крестьяне били боярину челомъ: «Велѣлъ ты государь оброка готовить съ Семена дни (1 сент.) и кончае велѣлъ брать оброкъ съ Покрова (1 окт.). И намъ сиротамъ вскорѣ твоего оброку платить нечѣмъ, недавно изъ поль съ хлѣбомъ спрятались и хлѣба еще не молачивали; городъ у насъ отдалѣлъ, хлѣба продать на твой оброкъ до зимняго пути отвезть нельзя. Намъ же велѣлъ ты въ Нижнемъ житницы ставить, да мы же на Кемарахъ (деревня) сѣкли лѣсъ подъ пашню и облаживали и выжгли всего 17½ десятинъ. Умилосердись—писали крестьяне—вели въ оброкѣ дать сроку до зимняго пути, чтобъ намъ справиться». Бояринъ помѣтилъ: «на комъ можно нынѣ взять и на тѣхъ имать, а на комъ нынѣ взять нечего и имъ дать сроку до зимняго пути; то положено на васъ — обращался онъ къ прикащику—а оброкъ бы собирать не оплошно». Однако, въ концѣ 1650 г., онъ наказывалъ прикащикамъ Лыскова и Мурашкина: «Писано отъ меня, велѣно на 1651 г. взять денежной мой оброкъ весь сполна по окладу, и нынѣ я ихъ крестьянъ для скудости и хлѣбнаго недороду и животиннаго падежу пожаловалъ, велѣлъ взять двѣ доли, а третью не имать, тѣмъ я ихъ пожаловалъ». Въ томъ же году одна мурашкинская деревня, Холязино, выгорѣла и крестьяне били челомъ, что волею божіею, а ихъ согрѣшеньемъ они погорѣли до основанія, хлѣбъ и платье, и сѣмена, и всякая посуда пригорѣла и пить-ѣсть стало нечего, скитаются въ мірѣ христовымъименемъ, до основанія погибли, до конца разорены, *почать-кончать* стало не чѣмъ. «Умилосердись государь Борисъ Ивановичъ!—восклицали они въ концѣ челобитной—пожалуй насъ сиротъ своихъ бѣдныхъ! Воззри въ нашу бѣдность, вели надъ нами свою боярскую милостивую пощаду учинить въ своемъ боярскомъ оброкѣ на 1652 годъ и въ

старомъ своемъ оброкѣ, чтобъ намъ въ конецъ не погинуть»! На этомъ челобитьѣ бояринъ наложилъ такую помѣту: «буде они со всѣми животы погорѣли и на нихъ на 1652 г. половины оброку моего имать не велѣть». Неизвѣстно, какъ крестьяне могли уплатить половину, когда почать-кончать было нечѣмъ. «Ты-жъ ко мнѣ писалъ—говорилъ бояринъ мурашкинскому приказщику весною въ томъ же 1651 году—что указалъ я собрать недоборныя деньги со крестьянъ прошлыхъ годовъ, и крестьяне-де не платятъ, — и тебѣ-бъ одноличио тѣ деньги со крестьянъ сбирать всѣ сполна безо всякаго переводу, а которые бѣдны и взять на нихъ нечего и имъ велѣть работать у буднаго дѣла (на поташныхъ заводахъ) и зачитать въ оброкъ или велѣть жечь золу и возить къ будному дѣлу и тоже зачитать въ оброкъ.

Такова была строгая и непреклонная точность боярина въ отношеніи сбора крестьянскихъ податей. Очень понятно, что во время московскаго бунта, въ 1648 г., 25-го мая народъ потребовалъ первую голову Морозова; бывшія дворцовыя волости, поступившія подъ тягло боярину, тоже всколебались, такъ что молодой царь тотчасъ же долженъ былъ написать имъ успокоительную грамоту (10-го іюня), а потомъ и другую (10-го іюля) и притомъ ни на чье другое имя, а прямо на имя крестьянъ, старостамъ, цѣловальникамъ и выборнымъ людямъ и всѣмъ крестьянамъ и бобылямъ, въ которой повелѣвалъ «боярина и людей его во всемъ слушать попрежнему и *заводу* никакого не заводить безо всякаго сумнѣнія, пашню на него пахать и оброкъ и всякіе доходы платить, а которые не послушаютъ тѣхъ крестьянъ и бобылей приказывалъ отдавать на крѣпкія поруки съ записьми до его указу». Замѣчательно, что государь не грозилъ крестьянамъ ни опалою, ни наказаньемъ. Бунтъ былъ усмиренъ и дѣла пошли попрежнему.

Для сбора всякихъ оброковъ и доходовъ всегда, въ началѣ ноября, къ главнымъ приказщикамъ бояринъ посылалъ особую грамоту, въ которой прописывалъ, съ самыми точными подробностями, что̀ и какъ собрать и когда доставить въ Москву. Обыкновенный и неизмѣнный срокъ доставки полагался къ Рождеству, т.-е. къ 25-му декабря. Другой срокъ бывалъ лѣтній къ Петрову дню, впрочемъ только для нѣкоторыхъ статей изъ столоваго запаса. Въ такихъ грамотахъ бояринъ писалъ: «Взять со всѣхъ крестьянъ съ выти окладъ въ 1650 г., по пуду, а въ 1659 г. по-полупуду свиныхъ мясъ добрыхъ и хлѣбныхъ; имать не само тяжелые, а въ вѣсу-бъ было туша пуда въ полтора или въ 60 гривенокъ, а пудовыхъ бы полтей отнюдь не имать; полоть въ полтретьядцать гривенокъ или въ силахъ, что въ 20 гривенокъ

полоть. Да со всѣхъ крестьянъ съ дву вытей взять по *гусю* да по *ососу* по доброму. А гуси-бъ имать передъ поѣздомъ, свѣжіе и не лежалые съ потрохами; а велѣть бы гуси и потрохи везть бережно, чтобъ дорогою неизвѣтрѣли... Гуси, и утки, и поросята прислать мерзлыми, а не живыми, построить чисто; и потрохи да и перье, и пухъ, и крылья, все прислать имянно; да взять бы со всѣхъ крестьянъ *по курицѣ съ дыму*, а имать куры добрыя и старыя, жирныя; а молодыхъ куръ и пѣтуховъ не имать; и велѣть пластать, и натирая солью пересушить. Да взять бы передъ поѣздомъ же со всѣхъ крестьянъ *съ дыму по три яйца* свѣжихъ, а не гнилыхъ, и беречь ихъ на-крѣпко, чтобъ не перегнили, и, переморозя, привезть ко мнѣ. Взять съ дыму по полугривенкѣ масла коровья; и масло имать доброе, свѣжее и велѣть въ кади наливать, или набивать, какъ лучше, съ солью, а соли-бъ класть въ мѣру, чтобъ не добре было солоно, и масло-бъ было чисто, не порошно (сорно), и подонья-бъ не было».

Иногда бояринъ приказывалъ собранное мясо и птицу осолить, солью натирать гораздо, для чего къ этому дѣлу приставливалъ и цѣловальниковъ, съ заповѣдью прикащикамъ: «будетъ худо осолите и то мясо велю на васъ и на цѣловальникахъ доправить».

Упоминая о годовыхъ столовыхъ оброкахъ, бояринъ въ тѣхъ же грамотахъ расписывалъ свои приказы и о всякихъ другихъ запасахъ и припасахъ, какіе были надобны для его годового обихода, а иное приказывалъ вновь заготовить или купить и прислать въ Москву къ сроку. Въ 1650-мъ г. ноября 5-го онъ писалъ, между прочимъ, къ мурашкинскому прикащику Поздею Внукову: «да взять бы тебѣ, Поздей, съ мурашкинскихъ и съ лысковскихъ кабаковъ про мой обиходъ 500 ведръ вина добраго и противъ вина дать, смѣтясь, хлѣба. Да изготовить про мой обиходъ 40 четей (четвертей) пшеницы доброй, 10 четей муки пшеничной доброй, чтобъ про мой обиходъ годилась. Да купить 100 осетровъ астраханскихъ, да осеннихъ осетровъ и бѣлугъ съ 30 или и больше, будетъ дешевы; да 500 пучковъ вязиги. Изготовить про дворовой мой обиходъ 145 четей съ осминою сухарей; а 354 чети съ осминою сухарей велѣно изготовить въ селѣ Кузминѣ Усадѣ, итого будетъ 500 четей... Да купить бы тебѣ 10 пудъ сала говяжья на свѣчи. Да велѣть бы тебѣ избить изъ сѣмени конопляного масла 20 ведръ. Да что есть во всѣхъ нижегородскихъ и арзамаскихъ вотчинахъ гречи, велѣть тое гречу передѣлать въ крупы, оставить только на сѣмена по тамошнему разсмотрѣнью. И медъ, и воскъ, и масло коровье, и хмѣль, и макъ, и япанчи, и войлоки, и подхомутники, и сукна, и холсты, и ленъ, и что

есть въ которой моей вотчинѣ, сколько какова запасу, тобъ все было готово къ Рождеству Христову и велѣть всѣмъ прикащикамъ всякимъ запасамъ учинить росписи за ихъ руками. Да велѣть бы тебѣ Поздей собрать со всѣхъ вотчинъ съ токарей деревянныхъ судовъ, блюдъ и ставцовъ, и братинъ, и яндовъ, и ковшей, и ложекъ противъ прежняго. Да будетъ въ Нижнемъ рожь покупаютъ московскую четверть алтынъ въ 10, и тебѣ продать ржи изъ моихъ житницъ, сколько доведетца; а больше 10 алтынъ, и тебѣ и гораздо ржи продать, а будетъ дешевле, не продавать меньше 10 алт.»

Въ 1659 г. ноября 7-го, въ тѣже вотчины, росписывая прикащикамъ какъ и что̀ собрать изъ столовыхъ запасовъ и какъ изготовить ихъ къ отправкѣ, бояринъ наказывалъ: «да и дворцовые мои столовые обиходы были бы у васъ во всѣхъ моихъ вотчинахъ готовы; а изготовя, все-бъ прислали, кончая къ Рожеству Христову». Дворцовыми обиходами въ боярскомъ хозяйствѣ назывались всякіе запасы, приготовляемые на боярскихъ вотчинныхъ дворахъ, гдѣ главнымъ образомъ устроивались обыкновенно скотные дворы и сады. «Да по-прежнему моему указу,— продолжаетъ бояринъ,—и по сей моей грамотѣ построя, прислать ко мнѣ къ Москвѣ 100 ведръ *каразинной* водки да 200 ведръ вина двойного. Да взять бы вамъ подрядное мое вино села Лыскова на крестьянинѣ на Ивашкѣ Потѣхинѣ въ полы, 250 ведръ, простого вина и прислать ко мнѣ къ Москвѣ, а вино-бъ было доброе. Да по-прежнему моему указу прислать 30 пудъ сала говяжья добраго и чистаго плотнаго; а которое у васъ будетъ сало самое доброе чистое, которое въ ѣству годитца, и вамъ бы на той кади ерлыкъ приложить; да гдѣ будетъ и дворцовое сало отъ моей животины говяжье, велѣть перетопить. А свиньи, осоля въ короваи, обертѣть хорошенько, чтобъ и впредь прочно не погнило. Да прислать 500 языковъ говяжьихъ соленыхъ; да 50 четвертей муки пшеничной самой доброй; да 30 четей пшеницы самой же доброй: въ которой моей вотчинѣ самая добрая есть пшеница, оттуды и, взявъ, прислать, чтобъ годилась на крупичатую муку. И ядра орѣховые, собравъ со крестьянъ по указу все сполна, прислать ко мнѣ. Изъ бортныхъ ухожеевъ медвеной оброкъ велѣть имать съ бортниковъ и съ Мордвы медъ самый добрый *улазной*; а что будетъ отъ моихъ пчелъ (дворцовыхъ) и тотъ весь медъ и воскъ прислать къ Москвѣ-жъ.... И япанчи, и войлоки, и сукна и сундуку, по указу построя, прислать къ Москвѣ-жъ.... А какъ пшеницы на муку отберете и вамъ велѣть колашникамъ той пшеницы муки отвѣдать, испечь пироговъ, двуалтынной и гривенной и пятиалтынной, и будетъ въ-пригожъ чи-

ста и не сѣдаетца и подъемиста, и та пшеница во мнѣ и прислать 30 четей. Да прислать къ Москвѣ, сдѣлавъ три бочки возовыхъ, уксусу; а уксусъ бы былъ самой доброй. Да какіе у васъ есть отданы въ дѣло кожи яловишныя красныя и бѣлыя и подошевныя и которыя кожи къ вамъ съ Москвы присланы и вамъ бы тѣ всѣ кожи, какъ изъ дѣла выдутъ, прислать къ Москвѣ. А съ которыхъ моихъ крестьянъ, съ низовыхъ промышленниковъ идетъ рыба и соль, и вязига, взять по указу. Да велѣть бы вамъ кузнецамъ сковать 100 удилъ къ уздамъ, да 100 сѣдельныхъ снастей пряжекъ, а сковать въ мягкомъ желѣзѣ—половину веретенныхъ пряжекъ, а другую завареныхъ. Да въ которыхъ моихъ вотчинахъ есть горохъ и макъ, и вамъ бы прислать макъ весь, а гороху прислать 30 четвертей. Да велѣть бы вамъ, въ которыхъ моихъ вотчинахъ есть мой хлѣбъ, сдѣлать 30 четей толокна да 30 четей крупъ овсяныхъ. А толокно-бъ и крупы было самое доброе и не перезжено; а къ Москвѣ толокно прислать, просѣя, а крупы, выполовъ и вычистя. Да въ которыхъ вотчинахъ есть гречиха, и въ той гречихѣ велѣть крупы передѣлать и прислать къ Москвѣ, только оставить на сѣмена, а крупы бъ были добрыя и чистыя. Да въ которыхъ моихъ вотчинахъ готовлены какія ягоды и постилы, и вамъ бы прислать велѣть къ Москвѣ-жъ. Да доимочныя оброчныя деньги велѣть выбирать по тамошнему разсмотрѣнью и писать велѣть особь статьею.... Да и ничтобъ у васъ по прежнимъ моимъ и по сей моей грамотѣ въ забыти не было. А орѣховые-бъ ядра по прежнему моему указу и по сей моей грамотѣ со крестьянъ взять по указу безо всякаго мотчанья; и будетъ въ которой вотчинѣ по се число ядра орѣховые не взяты и вамъ бы тѣхъ прикащиковъ бить батоги нещадно, вмѣсто кнута, а ядра взять; а можно ядра имать и лѣтомъ, какъ орѣхи поспѣваютъ, на Ильинъ день или на Оспожинъ день. А ядра, взявъ и обшивать, чтобъ духъ не выходилъ. Одноличнобъ ядра, взявъ, прислать къ Москвѣ да и памяти прислать къ Москвѣ, по чему съ осмака ядеръ емлется, чтобъ мнѣ вѣдать. А будетъ и у васъ, въ вашихъ *присудѣхъ* по се число ядра не взяты, и вамъ потому жъ отъ мя быть въ кручинѣ и въ наказаньѣ».

Таковы были боярскіе приказы о всякихъ мелочахъ боярскаго столоваго обихода. Судя по расположенію статей приказа, которыя ставились одна за другою, какъ приходили на память, перепутывались съ другими, дополнялись подробностями впослѣдствій, судя вообще по такому содержанію приказовъ, можемъ думать, что они писались прямо со словъ самого боярина, ибо въ его приказной канцеляріи они навѣрно получили бы боль-

шій порядокъ и послѣдовательную правильность. Тамъ нашлось бы время распредѣлить статьи приказа по родамъ и сортамъ; здѣсь же онѣ излагаются въ томъ порядкѣ, какъ являлись въ памяти приказывающаго боярина.

Кромѣ такихъ годовыхъ или окладныхъ сборовъ, бояринъ назначалъ иной разъ особый сборъ чего-либо надобнаго въ его хозяйствѣ. Такъ въ 1660-мъ г. ему понадобились зачѣмъ-то раковыя *жерновки*. Іюня 28, онъ писалъ въ арзамасскія вотчины, въ с. Знаменское и Покровское, наказывая прикащикамъ: «тотчасъ велѣть въ Пьянѣ рѣкѣ и въ рѣкѣ Ваду ловить на мой обиходъ раковъ и изъ тѣхъ раковъ вынимать раковыхъ жерновковъ гораздо слишкомъ и о томъ бы вамъ порадѣть и что наготовишь, прислать къ Москвѣ». Въ другой разъ въ томъ же году іюля 8, онъ писалъ къ лысковскому прикащику Грозу: «да велѣть бы тебѣ Левонтей изготовить нащипать свороборинново цвѣту (шиповникъ) и велѣть высушить, и высуша, прислать къ Москвѣ; изготовить цвѣту съ осмину». Собирались и разные другіе цвѣты и травы, особенно лекарственные. Однажды изъ подмосковнаго села Павловскаго прикащикъ по боярскому приказу посылалъ боярину *дягильнаго коренья* четверикъ да травы *звѣробойной*; это было въ 1652-мъ г., когда бояринъ далъ прикащику указъ: «выпустить изъ кандалъ Ѳедосейка коновала и велѣть ему всѣхъ лошадей пересмотрѣть и которая занемогла, и тѣхъ велѣть лечить; а у которой *лихой*, и у тѣхъ велѣть вырѣзывать и тожъ лечить. Да велѣть ему о *купальницѣ* (іюня 23-го, канунъ Иванова дня) травъ всякихъ накопать къ лѣченью лошадямъ, чтобъ въ годъ припасти. Да велѣть бы тебѣ накопать о купальницѣ звѣробойной травы, тѣмъ же людямъ, которые знаютъ и прежъ сего которые копали».

Зимою 1659-го г., боярину понадобились охотничьи *скворцы*, вѣроятно которые умѣли говорить. Дек. 8-го, онъ писалъ главнымъ прикащикамъ низовыхъ вотчинъ: «Да одноличпобъ во всѣхъ нижегородскихъ и арзамасскихъ вотчинахъ, у кого есть у охотниковъ скворцы, собрать у всѣхъ и прислать ко мнѣ и велѣть сдѣлать клѣтку большую и обшить войлокомъ, чтобъ до Москвы везучи не поморозить и не тѣснобъ имъ было; прислать сколько ихъ ни будетъ въ сборѣ; да и во всѣ мои вотчины отписать ко всѣмъ прикащикамъ, чтобъ скворцы собрали и ко мнѣ прислали, свѣстясь съ другими прикащиками». Тутъ же бояринъ прибавлялъ: «да со всѣхъ вотчинъ собрать деревянной посуды: 100 блюдъ сковородчатыхъ красныхъ и нà-оловяное дѣло, большихъ и середнихъ, такихъ же, какъ прежъ сего имывались; да 20 братинъ красныхъ, 20 середнихъ, 20 поменьше красныхъ;

500 ложекъ, въ какомъ деревѣ дѣлаются, только-бъ онѣ были на́-корельчатое дѣло».

Великимъ постомъ 1652-го года, бояринъ у подмосковныхъ крестьянъ собиралъ грибы (соленые) грузди, для чего былъ посланъ особый сборщикъ и ему дана слѣдующая память: «160 году марта въ 23 день по указу Бориса Ивановича *память* Ѳомѣ Аѳонасьеву ѣхати въ Павловское, и въ Глухово, и въ Иславское, а пріѣхавъ, тотчасъ велѣть собрать со крестьянъ груздей, у кого есть, сколько съ кого доведется, а собравъ, привезть тотчасъ къ Москвѣ съ собою вмѣстѣ». Вѣроятно, такія памяти давались и въ другихъ подобныхъ случаяхъ и служили для сборщика открытымъ листомъ. Само собою разумѣется, что на подмосковныя вотчины, чаще чѣмъ на замосковныя падали различные мелочные поборы, особенно въ лѣтнее время, напр. грибами, ягодами и т. п. Павловскій прикащикъ всегда доставлялъ въ свое время на обиходъ боярина и свѣжіе грибы, и ягоду земляницу, и другія мѣстныя произведенія почвы. Кромѣ того онъ готовилъ про боярскій обиходъ разное пиво. Въ 1652-мъ г. весною онъ доносилъ: «въ Павловскомъ пива хмѣльново сварено 38 четей съ осминою, наложено 16 бочекъ большихъ; да легкаго въ дву варяхъ 4 четверти, а взято на четверть по 30 ведръ, всего въ двухъ варяхъ хмѣльнаго пива 120 ведръ». Затѣмъ спрашивалъ боярина: «что укажешь: еще ли пива̀ варить хмѣльныя и тонкія? А расхожаго пива по 1 апрѣля на лицо 4 бочки». Въ другой разъ тогда же онъ писалъ: «отпущена бочечка пива ведра въ три, что варено по твоему указу пиво тонкое, а велѣно взять съ четверти по 30 ведръ и того пива варено 2 четверти, а взято 60 ведръ; а послана бочечка пива для откушиванья». Подобнымъ образомъ въ низовыхъ вотчинахъ, гдѣ были кабаки, заготовлялось вино и водка. Въ 1651 г. янв. 1, бояринъ послалъ въ Мурашкино слѣдующую грамоту: «Отъ Бориса Ивановича человѣку моему Данилу Внукову да таможенному и кабацкому головѣ Лазарю Михайлову. Какъ къ вамъ ся моя грамота придетъ и вы-бъ велѣли передвоить тотчасъ сто ведръ вина, а чтобъ вино двоить съ анисомъ. Одноличнo-бъ вамъ Данила и Лазарь передвоить вина тотчасъ, кой часъ ся моя грамота придетъ, тотчасъ и велѣть двоить, чтобъ вино поставить вскорѣ къ Москвѣ, къ масляницѣ». Въ 1660 г. іюня 28, бояринъ приказывалъ тамъ же въ Мурашкинѣ изготовить *каразинной* водки 2 бочки возовыхъ, «а малина въ каразинную водку собрать съ вотчинъ со крестьянъ, да и сухой бы малины изготовить осмину».

Всякіе запасы, когда они привозились въ Москву на боярскій дворъ, принимались здѣсь по накладнымъ счетомъ, мѣрою

и вѣсомъ и чего не доставало или что приходило попорченнымъ, за то строго отвѣчали приващики и пріемщики. Такъ въ 1660 г., привезено было свиного мяса 153 полти, вѣсу въ нихъ 180 пудъ; полтями сошлось, а въ пудахъ недовѣсу учинилось 20 пудъ. «Мнѣ вѣдомо учинилось, писалъ бояринъ, что заказчики (пріемщики) отъ тѣхъ мясъ зубья (осунувшіяся части) отсѣкали и имали себѣ. Сыскать о томъ накрѣпко». Однажды изъ подмосковной прислана была ветчина не въ надлежащей сохранности, бояринъ тотчасъ писалъ прикащику: «Отъ Бориса Ивановича память Алексѣю Дементьеву. Прислалъ ты къ Москвѣ семдесятъ полоть ветчины и ту всю мыши изъѣли. И коимъ обычаемъ мясо все мыши переѣли, и то дѣлается твоимъ небереженьемъ и нерадѣньемъ. Какъ того не уберечь, чтобъ мыши мяса не ѣли? И о томъ бы тебѣ ко мнѣ отписать, коимъ обычаемъ мыши мясо переѣли. Хорошо сдѣлаешь, только у меня и послѣднее мясо своимъ нерадѣньемъ и небереженьемъ потравишь. Хотя-бы у кого и ума не было, инобы такъ мясо не перетравилъ. И тебѣ бъ о томъ тотчасъ ко мнѣ отписать подлинно, какъ мясо перетравлено?»

О полученіи всякой посылки бояринъ всегда съ точностью отвѣчалъ, какъ она принята. Въ январѣ 1660 г., онъ писалъ одному изъ низовыхъ прикащиковъ: «Писалъ ты ко мнѣ и прислалъ на крестьянскихъ 12 подводахъ села Перегалей столовые обиходы и противъ твоей отписки и кладовой росписи столовые обиходы приняты и крестьяне отпущены; только ядеръ орѣховыхъ не домѣрилось четверть съ четверикомъ; написано у тебя, что ты отпустилъ ядра орѣховые и мѣрилъ вверхъ, а въ другой кладовой росписи, что дана цѣловальнику для вѣдомости, написано, что посланы ядра подъ гребло мѣрены; и у васъ въ росписяхъ не справчиво; и тебѣ-бъ о томъ ко мнѣ отписать тотчасъ, немѣшкая, подлинно подъ гребло-ль у тебя мѣрены ядра или вверхъ, чтобъ мнѣ было вѣдать»... Иной разъ, конечно, запасы не въ полномъ количествѣ доходили по назначенію; иное что и пропадало, оставаясь при случаѣ въ рукахъ крестьянъ или прикащиковъ. Однако при точномъ и до крайности мелочномъ надзорѣ за всѣмъ хозяйствомъ самого боярина, пропажа почти всегда отыскивалась.

Однажды павловскій подмосковный прикащикъ доносилъ: «Да писано, государь, ко мнѣ холопу твоему, велѣно прислать орѣховые избоины къ Москвѣ и у меня въ Павловскомъ избоинъ нѣтъ; кой часъ государь масло выбьютъ, тотчасъ я посылалъ избоины къ Москвѣ по приказу Ив. Лунина (главнаго прикащика) съ Никонкомъ садовникомъ. И Никонка я распрашивалъ:

избоины ты Никонко въ Москвѣ возилъ гдѣ ты дѣвалъ? И онъ сказалъ: избоины я продавалъ по приказу Ив. Лунина, а продалъ 4 чети (изъ четверти орѣховъ оставалось 8 избоинъ, которыя продавались по 4 алтына за штуку), а продавалъ съ Вагою-поваромъ, а вѣдаетъ про то и Семенъ-клюшникъ». Дѣло заключалось въ томъ, что садовникъ, продавъ 16 избоинъ по 4 алт. съ деньгами, утаилъ-было эту продажу, не сказавъ о томъ прикащику и не отдавъ по принадлежности денегъ.

Собранные оброки и доходы, т.-е. денежная казна, и потомъ столовые обиходы и всякіе другіе запасы отправлялись въ Москву на крестьянскихъ же подводахъ, чтó и называлось *повозами*, *возить повозы*,—слово очень древняго происхожденія, ибо еще радимичи возили повозы кіевскимъ князьямъ. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что вмѣстѣ съ словомъ въ XVII-мъ ст. оставались и всѣ тѣ древніе порядки поборовъ и оброковъ, указанныхъ выше, изъ числа которыхъ повозы составляли только одну долю. Къ тому же повозами исключительно назывались только обозы зимніе, рождественскіе, совпадавшіе съ временемъ древнихъ княжескихъ объѣздовъ за данью.

Подводы собирались съ крестьянъ, смотря по количеству запасовъ, иногда больше, иногда меньше; иногда отъ двора по подводѣ, иногда не съ дворовъ, а съ осмаковъ или же съ вытей, и притомъ въ уменьшенномъ размѣрѣ, съ двухъ, съ трехъ вытей по подводѣ. «Да можно и монастырскимъ, и поповымъ бобылямъ отвезть по повозкѣ и по другой», приказывалъ иногда бояринъ, облагая, въ случаѣ нужды, и всѣхъ бобылей этою повинностью. Но это случалось только въ нижегородскихъ вотчинахъ во время перевозки въ Нижній разнаго хлѣба. Обыкновенныя московскія подводы распредѣлялись только съ вытей.

Въ Москву съ обозами всегда отправлялись и сами прикащики, пріѣзжавшіе туда и для всякой отчетности. Для проѣзду и для обереганья денежной казны отъ нижегородскихъ вотчинъ старшій прикащикъ бралъ съ собою отрядъ служилыхъ вотчинныхъ казаковъ съ ружьемъ, и дорогою ѣхалъ съ великимъ береженьемъ, что тогда было вполнѣ необходимо, ибо и сами помѣщики, въ родѣ князя Лобанова-Ростовскаго (въ 1683 г.), нерѣдко выѣзжали на извѣстныя мѣста, къ какой-либо Красной Соснѣ, грабить и разбивать даже государевыхъ мужиковъ съ государевою казною. Конечно, чѣмъ полнѣе, многочисленнѣе были вотчинные повозы, тѣмъ безопаснѣе было и ѣхать, и вотъ почему изъ разныхъ вотчинъ Нижегородскаго края они трогались приблизительно въ одно время, по повѣсткѣ старшаго прика-

щика и вѣроятно потомъ собирались въ одинъ большой обозъ на какомъ-либо извѣстномъ пунктѣ.

Тягловая крестьянская повинность возить повозы не ограничивалась тѣмъ, что доставляла въ Москву годовые запасы; въ Москвѣ подводы должны были возить еще на боярскій дворъ дрова. Отъ этой новой работы крестьяне нерѣдко бѣгали, за что бояринъ въ наказаніе доправлялъ на нихъ съ подводы по гривнѣ, а иногда и по полтинѣ.

Въ боярскомъ домашнемъ обиходѣ очень важную статью въ числѣ столовыхъ запасовъ представляла живая или вообще свѣжая рыба. Длинные посты праздничные, весьма обширные по числу ѣствъ боярскіе пиры, потребляли такой рыбы въ необозримомъ количествѣ. Очень понятно, что большой бояринъ, какъ и всякое большое тогдашнее хозяйство, при постоянной заботѣ имѣть всякій запасъ готовымъ у себя дома, должны были хлопотать, чтобы живая рыба пріобрѣталась не изъ торговыхъ садковъ по дорогой цѣнѣ, а сидѣла бы въ собственныхъ прудахъ, ловилась бы въ собственныхъ крѣпостныхъ рѣкахъ, крѣпостными руками и такимъ образомъ доставлялась бы къ столовому обиходу во всякое время почти даромъ. Съ этой цѣлью въ каждой, даже и маленькой вотчинѣ, гдѣ только способствовала мѣстность, устроивались свои садки и пруды, а у большихъ бояръ, кромѣ того, заводились на рыбныхъ рѣкахъ крѣпостныя рыбныя ловли. У боярина Морозова много прудовъ и садковъ находилось въ подмосковномъ селѣ Павловскомъ, куда обыкновенно и доставлялась живая рыба изъ другихъ мѣстъ, а главнымъ образомъ съ Оки. Тамъ, Рязанскаго уѣзда, Понисскаго стану, была особая крѣпостная слобода Селецкая, Сельцы (29 дворовъ 105 человѣкъ), неподалеку отъ знаменитыхъ рыболовныхъ дворцовыхъ слободъ Бѣла-омута, Ловцы и Дѣднова. Селецкая слобода, какъ и другія подобныя слободы, потому и называлась слободою, что сидѣла не на пашнѣ, а только на оброкѣ именно, рыбномъ и на всякомъ издѣльѣ, касавшемся рыбной ловли. Другихъ никакихъ сборовъ она уже не платила. Она управлялась прикащикомъ изъ дворовыхъ людей, а за отсутствіемъ его — старостою и выборными. Крестьяне обязаны были ловить и доставлять про боярской обиходъ рыбу хотя и не по окладу, а что изловятъ, однако сообразно съ обычнымъ количествомъ улова, такъ что, еслибы и не случилось улову, то они должны были все-таки, хотя на собственныя деньги, покупать это обычное количество рыбы и доставлять про боярскій обиходъ въ Москву частію живую, частію откалыванную.

Прикащикъ обязанъ былъ доносить о ходѣ этого оброчнаго

рыбнаго дѣла, кàкъ и когда оно начиналось, кàкъ велось и чтò Богъ далъ. Такъ, въ 1652-мъ г. марта 30-го, онъ писалъ боярину, что «Ока всврылася, а изъ береговъ не вышла, вода мала; что онъ всѣми крестьянами про боярина рыбу ловить ѣздилъ на низъ по рѣкѣ, верстъ по 30, и вверхъ верстъ по 10 и рыбы ничего не словили; что крестьяне говорятъ: потому рыба и не ловилась, что вода мала; что онъ впредь, какъ Богъ милость свою дастъ, будетъ тепло, станетъ рыбою промышлять не оплошно». Бояринъ отвѣчалъ съ большимъ наказомъ, чтобъ «промышлять въ рѣкѣ, въ затонахъ, въ заводяхъ и въ береговыхъ озерахъ,—промышлять осетрами, стерлядями, лещами, линями, судаками большими, ѣздить за рыбою и денно и ночно, а что будетъ въ уловѣ, то все въ сады сажать». Но, не дожидаясь собственнаго улова, бояринъ приказывалъ: «да собрать съ крестьянъ 5 руб. денегъ и на тѣ деньги купить рыбы, отъѣхавъ по Окѣ верстъ 30 и 50, лещъ по 2 алтына и съ копѣйкою и по 3 алтына безъ 2 денегъ, и по гривнѣ; стерляди были бы больше аршина и въ аршинъ и безъ 2 вершковъ, а меньше трехъ четвертей арш. не присылать; а лещи бъ тоже въ аршинъ и безъ 2 вер., а линей въ $^3/_4$ арш.». Къ этому бояринъ присовокуплялъ для прикащика: «а будетъ ты не станешь мнѣ радѣть и рыбою промышлять и тебѣ отъ меня быть въ большомъ наказаньѣ и съ приказу тотчасъ велю тебя перемѣнить».

Мѣсяца чрезъ полтора въ Селецкой слободкѣ случилась большая радость, Богъ послалъ отличный уловъ. 14-го мая крестьяне писали боярину: «Государю Борису Ивановичу деревни Селецкія слободки старостишка Ѳедоска и выборные и всѣ крестьяне челомъ бьютъ. Въ твоей государевой Селецкой слободкѣ далъ Богъ во всемъ здорово мая по 14-е число. Да послалъ Богъ твоимъ государевымъ счастіемъ осетра дву аршинъ съ четвертью да 10 стерлядей: 2 по полутора аршина, 1 аршинъ съ четвертью, 1 аршинная, 3 по аршину безъ вершка, 3 по три четверти; а съ тою государь рыбою посланъ выборной съ товарищи мая того жъ числа».

Очень былъ радъ такому улову и бояринъ. Черезъ шесть дней, 20-го мая рыба была доставлена въ Москву водою вверхъ по Окѣ и по Москвѣ рѣкѣ, чрезъ Коломну, въ особо устроенномъ для такихъ перевозокъ прорѣзномъ стругѣ. Бояринъ полюбовался своимъ счастьемъ и на другой же день послалъ рыбу въ подмосковную, въ Павловское на Истрѣ, точно также водою вверхъ по Москвѣ рѣкѣ и по Истрѣ. Для сопровожденья дорогого запаса послалъ двухъ дворовыхъ людей—Ларивона Королевича и Меркулу Сокольника, а для поспѣшенья далъ имъ два

мерина, чтобъ тянули рыбу вверхъ по берегу. Павловскій прикащикъ принялъ рыбу счетомъ и мѣрою, при чемъ доносилъ, что осетръ мѣрою сошелся, а стерляди нѣкоторыя не сошлись, одна вмѣсто полутора аршина объявилась въ 1 арш. 5 в., у другой въ 1 арш. 4 в. не достало вершка, двѣ принялъ въ 1 ар. 2 в., двѣ въ 13 в. и три въ 12 в., а одна въ 1 арш. 4 в. уснула еще не доходя Павловскаго. Далѣе онъ писалъ, что «тоѣ рыбу посадилъ въ верхній прудъ Олешковской, и осетръ, государь, прибавлялъ прикащикъ, пошелъ хорошо, только лишь поизбился, во многихъ мѣстахъ наступила руда (кровь)». Сонная стерлядь была возвращена къ Москвѣ на съѣденье за боярскимъ столомъ.

Нельзя здѣсь не замѣтить, какія удобства и выгоды представляло самое расположеніе боярскихъ вотчинъ: изъ рязанской Оки, а стало быть, при случаѣ, и съ Волги очень легко было доставить живую рыбу въ подмосковную звенигородскую вотчину, гдѣ и находился, такъ сказать, главный рыбный заводъ боярина.

Но не всегда уловъ былъ счастливъ. Иной разъ, по случаю малой воды, рыба не показывалась, бѣдные крестьяне, а особенно прикащикъ не знали, какъ быть, какъ отвѣчать своему государю-боярину. Такой грѣхъ случился въ томъ же году въ августѣ. 13-го числа прикащикъ, Титко Голоперовъ, писалъ боярину челобитье и объяснялъ: «въ твоей государевой въ рязанской вотчинѣ въ Селецкой слободкѣ крестьяне августа по 13-й день далъ Богъ здорово, а рыбы твоей государевой оброчной теперь въ саду нѣтъ, а сказываютъ крестьяне вода-де теперь малая, улову рыбѣ нѣтъ; о томъ, какъ государь укажешь, какъ мнѣ на крестьянахъ твою оброчную рыбу имать»? Въ отвѣтъ бояринъ указывалъ такъ: «писалъ ты ко мнѣ, что оброчной моей рыбы и по се число въ саду нѣтъ, а сказываютъ-де крестьяне, что вода малая, для-де того улову рыбѣ и нѣтъ. И то твоимъ нерадѣньемъ рыбы въ уловѣ нѣтъ, а не за малою водою. Какъ они, крестьяне, были за Государемъ и у нихъ не токмо-што оброшная рыба, почему они платили во Дворецъ, и сверхъ оброчной рыбы много было, оттого они и сыти и богати были и за своимъ обиходомъ, и на сторону и къ Москвѣ возя, продавали; а какъ за меня достались и у нихъ будто и рыбы въ Окѣ не стало; а Ока рѣка течетъ по старому, зашто рыбѣ не быть? И то знатно, что твоею дуростью и понаровкою ко крестьянамъ, по се число оброчной моей рыбы въ саду нѣтъ. Обрадуешься ты малому, что съ нихъ со крестьянъ посулу возьмешь, и имъ потакаешь и во всемъ укрываешь, а у меня

тѣмъ большое теряешь. За толь я тебя пожаловалъ, что тебѣ у меня для своей бездѣльной корысти терять. Надобно было тебѣ за мою милость мнѣ порадѣть и прибыли поискать; а ты лишо мнѣ вездѣ убыль чинишь. И какъ къ тебѣ ся (сія) моя грамота придетъ и тебѣбъ одноличио оброчною моею рыбою промышлять не оплошно и крестьянамъ приказывать, чтобъ у нихъ моя оброчная рыба противъ прежняго моего указу была готова; а нынѣ та пора ужъ приспѣла, что рыба къ Москвѣ присылать; а у тебя по се число и въ уловѣ нѣтъ, не то што присылать! Одноличио бъ тебѣ рыбою осетрами и стерледми и лещами промышлять не оплошно и къ Москвѣ присылать. А будетъ можно добытца и бѣлыхъ рыбицъ, и тебѣ бъ потому жъ промышлять не оплошно! А будетъ твоимъ и ихъ крестьянскимъ нерадѣньемъ оброчная моя рыба не вся будетъ готова, и я велю на нихъ крестьянехъ за ту рыбу цѣну взять втрое да имъ же отъ меня быть въ большомъ наказаньѣ; а тебя велю съ *приказу* перемѣнить и вѣкъ тебѣ у меня моей милости не видать и на *приказѣ* не бывать».

Прикащикъ, зная впередъ, что будетъ боярскій гнѣвъ, посылалъ боярину съ своимъ донесеньемъ въ видѣ особой ласки *вомвишку*, «что женишка моя шила» — рукодѣлье своей жены, вѣроятно, для наряда бояринѣ, супругѣ Морозова. Вомва принадлежала къ убору лѣтниковъ — женскаго параднаго платья. Бояринъ сухо отвѣчалъ въ концѣ своей грамоты: «да съ тѣмъ же крестьяниномъ (который привезъ прикащичье донесенье) прислалъ ты вомву и та вомва принята цѣла».

Въ этомъ боярскомъ гнѣвѣ на прикащика, въ угрозахъ ему, вполнѣ высказывается тотъ характеръ вотчиннаго помѣщичьяго управленія, по которому для двороваго человѣка высшую боярскою милостью былъ *приказъ*, т.-е. самостоятельное и въ отношеніи крестьянъ господствующее положеніе, гдѣ онъ изъ холопа становился самъ государемъ, управлялъ и повелѣвалъ, а главное наживался, набогачивался разными установленными и неустановленными вотчинными поборами, въ которыхъ собственно и заключался весь смыслъ боярской милости. Грозя съ приказу перемѣнить, бояринъ самъ очень хорошо разумѣлъ, что должность прикащика и красна, и любезна, и прибыльна только такими поборами.

Другая рыбная ловецкая слобода въ вотчинахъ боярина находилась на Волгѣ подъ селомъ Городнею (Тверскаго уѣзда), гдѣ съ крестьянъ, вмѣсто оброка, собиралось рыбы по 60 бѣлыхъ рыбицъ, а осетровъ, стерлядей и лещей, что изловятъ. Рыбу отсюда отпускали къ Москвѣ не живую, а только колотую.

и вѣроятно только въ зимнее время. Въ 1668 г. было отвезено въ три отпуска, въ 1-й—бѣлыхъ рыбицъ 23, стерлядей 200, лещей 12; во 2-й — осетръ, бѣлыхъ рыбицъ 15, стерлядей 221; въ 3-й—стерлядей 600, рыбицъ 7.

Въ подмосковномъ селѣ Павловскомъ, какъ мы сказали, были у боярина заводные пруды—садки, въ которые и сажалась привозимая живая рыба для заводу и для запасу. Туда же поступала лучшая рыба, ловимая въ близьлежащихъ озерахъ и въ рѣкѣ Истрѣ. Такъ, осенью, 29-го ноября 1651 г., въ Павловскіе пруды было посажено улову съ Круглаго озера 454 щуки и 44 окуня. Изъ этихъ запасовъ живой рыбы бояринъ и приказывалъ ловить для своего обихода, чтó надобилось, обозначая въ точности, какъ и гдѣ что изловить. Весною 1652 г., онъ писалъ прикащику: «велѣть изловить въ Ивановскомъ прудѣ 1,000 карасей большихъ, а что попадется малыхъ, послать въ Олешковскій прудъ. А гдѣ стерляди и лещи въ Олешковскомъ прудѣ, — отнюдь въ томъ прудѣ ловить не велѣть». Вообще должно замѣтить, что рыбоводство въ боярскомъ хозяйствѣ было распространено въ значительной степени и постоянно распространялось не въ однихъ подмосковныхъ, но, напр., и въ арзамасскихъ вотчинахъ. Такъ, весною 1660 г., бояринъ приказывалъ прикащику арзамасскаго села Богородскаго: «велѣть въ рѣкѣ Пьянѣ подъ Сергачемъ и въ Сергацкихъ озерахъ изловить лещей десятка три-четыре и посадить въ богороцковскіе мои пруды для заводу; а будетъ изловить не добудешь и тебѣ бъ хотя и купить, а какъ бы ни есть промыслить и посадить лещей въ богороцковскіе мои пруды». Въ тоже время писано и къ двумъ другимъ прикащикамъ близлежащихъ вотчинъ, чтобъ ловили лещей въ рѣкѣ Пьянѣ и въ озерахъ или же покупали бы и сажали въ тѣже пруды, а въ вотчинѣ Уваровѣ, въ уваровскій прудъ, куда бояринъ приказывалъ посадить лещей съ двадцать.

Однако потребленіе рыбы у боярина было таково, что своихъ крѣпостныхъ ловель и заводовъ не доставало, и онъ въ подмосковныхъ вотчинахъ присовокуплялъ къ нимъ еще ловли наемныя. Въ январѣ 1652 г., онъ выпросилъ у государя на оброкъ изъ наддачи на 5 лѣтъ безъ перекупу дворцовыя рыбныя ловли въ рѣкѣ Клязьмѣ съ *потоки* и съ *полои*, съ озерами и съ озерки, которыя были на оброкѣ у властей Троицесергіева монастыря, платившихъ по 5 р. въ годъ, а бояринъ далъ наддачи еще 1 р. 10 денегъ. Въ тоже время и такимъ же способомъ онъ захватилъ себѣ на оброкъ и многія другія выгодныя ловли въ подмосковныхъ дворцовыхъ волостяхъ.

Пользуясь своимъ властнымъ положеніемъ, онъ не упускалъ

случая округлять свое хозяйство во всякихъ даже и мелкихъ статьяхъ. Кромѣ того, рыбный запасъ боярина очень часто пополнялся и присылами разной рыбы въ подарокъ отъ монастырей и духовныхъ властей, владѣвшихъ всегда отличными рыбными угодьями. Такъ, въ мартѣ 1652 г., казанскій митрополитъ прислалъ боярину небольшой запасъ при слѣдующей запискѣ: «Государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всеа Русіи боярину Борису Ивановичу Корнилій митрополитъ Казанскій и Свіяжскій челомъ бьетъ казанскія рыбки свѣжія: бѣлужка, осетрикъ, двѣ лососи, десять стерлядей; просольныя: бѣлуга, три осетра».

Зато, когда требовалось поставить пиръ про бояръ или и для самого государя, что также случалось, но обыкновенно въ подмосковныхъ селахъ, когда государь выѣзжалъ на охоту, то бояринъ отдавалъ только приказы ловить стерлядей, лещей и всякую готовую рыбу въ собственныхъ прудахъ. Такъ, въ маѣ 1652 года, онъ писалъ Павловскому прикащику: «отъ Бориса Ивановича память Алексѣю Дементьеву. Какъ къ тебѣ ся память придетъ, и тебѣ-бъ тотчасъ велѣть изловить четыре стерляди середнихъ да четыре леща; да велѣть изловить въ прудѣ неводомъ да въ Истрѣ другимъ неводомъ, а изловить щукъ сколько и каковы Богъ не пошлетъ, хотя голову, да окуней и карасей и изловя рыбу посадить въ садъ и въ садовни, чтобъ къ государеву приходу была вся рыба жива. Одноличнобъ противъ сей памяти рыба изловить и велѣть беречь, чтобъ была вся жива. Да велѣть бы тебѣ дворъ Ивана Лунина (старшаго надъ всѣми прикащика) опростать и приготовить стоять Казанскому митрополиту. А государь будетъ въ Павловское завтра въ понедѣльникъ къ кушенью (къ обѣду) и у тебя-бъ одночлично рыба и все противъ прежней и сей памяти было готово. А откушавъ, государь пойдетъ въ монастырь къ Савѣ чудотворцу» [1]).

Въ томъ же году еще зимою, въ январѣ, царь Алексѣй Мих. ѣздилъ въ Саввинъ монастырь на открытіе мощей препод. Саввы вмѣстѣ съ патріархомъ и въ сопровожденіи всего боярства. 20-го января въ монастырѣ по случаю этого празднества былъ государевъ столъ, а послѣ того бояре заѣзжали въ гости къ Морозову въ его село Павловское. Тогда, въ пополненіе готовыхъ сельскихъ запасовъ, состоявшихъ главнымъ образомъ изъ свѣжей рыбы, бояринъ потребовалъ нѣкоторыя статьи и изъ Москвы и писалъ московскому старшему прикащику: «Отъ Бориса Ивановича человѣку моему Степану Киселеву. Прислати-бы тебѣ

---

[1]) Государь выѣхалъ изъ Москвы мая 17.

меду ведра съ три, который я пью; да съ три-жъ ведра легкаго меду; да послѣдней ставки ведра съ два, да раманеи прислать почетой галенокъ, да сельдей свѣжихъ 50, да соловецкихъ шесть сельдей; да крупичатой бы тебѣ муки прислать три сковородки, да прислать бы тебѣ щучины просольной звено. А посланъ къ тебѣ на подводѣ Василей Карповъ, а тебѣ отпустить на той же подводѣ нарочно человѣка, чтобъ ему поспѣть къ кушенью. А будетъ есть на Москвѣ мои лошади и тебѣ бы прислать на моей лошади. А одноличио бъ тебѣ прислать ко мнѣ не мѣшкавъ, чтобъ поспѣть къ кушенью, а у меня будутъ въ гостяхъ бояре». (Противъ сей памяти послано все сполна съ Васильемъ Лунинымъ генваря 20, въ 12 часу ночи). Кромѣ запасной и заводной живой рыбы въ Павловскомъ на прудахъ содержался другой сладкій боярскій кусъ—лебеди. Объ нихъ прикащикъ однажды заявлялъ боярину: «Какъ я холопъ твой былъ на Москвѣ, докладывалъ тебя государя объ лебедяхъ, что лебеди государь въ Павловскомъ старые, дики государь гораздо; какъ государь станутъ выгонять изъ пруда, только не десять человѣкъ, такъ выгнать никоторыми мѣрами нельзя; и ты государь тѣхъ лебедей указалъ прислать къ Москвѣ, и я холопъ твой послалъ къ Москвѣ трехъ лебедей, чтобы государь въ то число прислать посмирнѣе».

Вмѣстѣ съ рыбными прудами заводились въ вотчинахъ боярина повсюду, гдѣ была пашня, и плодовые сады: яблонные, вишневые, грушные, сливные и всякихъ ягодъ, а также и хмѣльники. Во всѣ вотчины, ко всѣмъ прикащикамъ бояринъ многажды писалъ, чтобъ одноличио (непремѣнно) сады и хмѣльники заводили неоплошно. Въ 1650 г., указъ этотъ былъ снова упомянутъ со строгостью въ Нижегородскихъ вотчинахъ и именно Мурашкинскому прикащику, который долженъ былъ отписать объ этомъ во всѣ другія тамошнія вотчины. Но само собою разумѣется, что сады съ особеннымъ стараніемъ были разводимы въ главной подмосковной вотчинѣ, въ Звенигородскомъ селѣ Павловскомъ, куда бояринъ нерѣдко выѣзжалъ для прохлады не только лѣтомъ, но и зимою на охоту и куда заѣзжалъ иногда въ гости къ боярину и самъ государь. Здѣсь сады строились постоянно и каждый годъ увеличивались подсадкою новыхъ кустовъ и деревьевъ. Бояринъ принималъ непосредственное участіе въ этомъ дѣлѣ, указывалъ со всѣми подробностями, какъ вести дѣло, и распространялъ свои заботы даже и на огородничество. Весною 1652 г., апр. 1, онъ, посылая туда огородныхъ сѣмянъ, осмину луку, 1000 чесноку, посады 2 фунта, огурешнаго сѣмени, наказывалъ прикащику, чтобы лукъ и чеснокъ,

должно быть особенно хорошій, велѣлъ садить при себѣ, «а будетъ тебѣ самому недосугъ, прибавлялъ бояринъ, то приставить человѣка добра, чтобъ садовники не распродали и не раздали, а посадилибъ весь». Въ тоже время онъ посылалъ вишни черныя, красныя, бѣлыя, сливы, яблоки и пр. черенками и кустами и притомъ за своею печатью, которую, принимая, прикащикъ долженъ былъ хорошо осмотрѣть—цѣла-ли она, т.-е. дошли ли въ цѣлости самыя растенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ бояринъ давалъ точныя и подробныя наставленія, какъ и гдѣ сажать. «Вишни садить—писалъ онъ — коренья положить на ночь въ воду и посадя поливать, поговоря съ садовникомъ, какъ лучше, такъ и садить». Для прививки послано было 10 ф. воску и смола, причемъ дано наставленіе: велѣть смолу съ воскомъ спустить, сдѣлать варъ, и выдавать въ вѣсъ; а какъ черенки начнутъ прививать, смотрѣть, чтобъ садовники черенковъ не перемѣнили. Все это показываетъ, что бояринъ очень дорожилъ посылаемыми растеніями, которыя, быть можетъ, добывалъ гдѣ-либо, какъ особенно рѣдкія и чѣмъ-либо отличныя отъ обыкновенныхъ. Для такихъ-то растеній и была необходима боярская печать и надзоръ, чтобъ ихъ не перемѣнили на рядовыя. На самомъ мѣстѣ дѣло велось со стороны прикащика съ большимъ вниманіемъ и не безъ страха отвѣтственности. Вотъ письмо мѣстнаго управителя къ главному прикащику московскаго приказа: «Государю моему Степану Никитичу Васька Гнѣздовъ челомъ бью. Присланъ съ Москвы садовникъ Иванъ Кушниковъ на нонѣшней недѣлѣ во вторникъ на-вечеръ, а велѣно, Степанъ Никитичъ, ему къ пенькамъ прививать черенки. И онъ сталъ въ середу съ первымъ садовникомъ съ Полуехтомъ садить вишни; а черенковъ, государь Степанъ Никитичъ и по се мѣста не прививали, потому де дни сиверные, варъ стынетъ. А вишенъ посажено нонѣшней же недѣли по пятницу 260 вишенъ. И они мнѣ, Степанъ Никитичъ, говорили, чтобы я и Борису Ивановичу (боярину) отписалъ: вишни де садить худо, листъ у вишенъ ставитца великъ и цвѣтъ развертываетца, чтобы-де намъ отъ боярина Бориса Ивановича въ томъ въ кручинѣ не быть. И тебѣ, Степанъ Никитичъ, о томъ доложить и ко мнѣ бы пожаловать боярскій указъ отписать. А по томъ тебѣ, государю своему, челомъ бью».

Сборъ плодовъ, конечно, производился съ большимъ отчетомъ и особенно тѣхъ, которые почему-либо бывали памятны боярину. Такъ, 10 авг. 1652 г., къ нему было послано 35 лучшихъ дуль, опавшихъ съ дерева отъ вѣтра.

Въ другомъ подмосковномъ селѣ Котельникахъ также было

два сада вишневыхъ, въ нихъ, кромѣ того, 56 яблоней, 100 кустовъ терну, 15 грядъ смородины черной, малинникъ, орѣшнику 20 кустовъ. Въ вотчинахъ яблоки и другое слѣтье обыкновенно продавалось и деньги поступали въ боярскую казну.

Само собою разумѣется, что уходъ за садами, кромѣ приставленныхъ садовниковъ, требовалъ и многихъ крестьянскихъ рукъ, которые должны были отбывать и эту статью барщинной работы.

О боярской пашнѣ, въ какомъ именно количествѣ ее обработывали на помѣщика крестьяне каждой вотчины, мы говорили выше. Бояринъ всегда очень заботился, чтобы пашня была исполнена во всѣхъ подробностяхъ въ надлежащемъ порядкѣ, какъ велось въ хорошемъ хозяйствѣ, почему въ свое время и посылалъ въ вотчины строгіе и точные наказы прикащикамъ. Особенно настаивалъ бояринъ на томъ, чтобы не пропустили по нерадѣнію хорошей пахатной поры и иной разъ приказывалъ начинать пашню уже слишкомъ рано. Такъ, въ 1652 г. апр. 1, прикащикъ подмосковнаго села Павловскаго отвѣчалъ, между прочимъ: «прислано мнѣ, чтобы пашни пахать тотчасъ и пашни пахать нельзя никоими обычьи, потому что земля мерзла и топоромъ не просѣчешь, а лѣсу чистить (для новой пашни) нельзя же, снѣгъ лежитъ; какъ земля растаетъ, тогда и пашня поспѣетъ». Любопытно, что въ Павловскомъ господская пашня обработывалась преимущественно *дѣловыми* людьми, какъ назывались въ то время вольно-наемные рабочіе, которыхъ въ этотъ разъ бояринъ послалъ въ Павловское 49 человѣкъ, приказывая, «если пашня поспѣла, заставить ихъ пахать, а не поспѣла—готовить сохи, бороны; сохъ изготовить 70 (можетъ быть вообще про запасъ); также лѣсъ чистить на новую пашню и гдѣ чищено, на сѣчахъ подбирать дрова въ сажени, а дрязгъ въ узлы и велѣть этотъ дрязгъ жечь, вѣроятно для удобренія. А къ дѣловымъ приставить приставовъ добрыхъ, чтобъ гулять не давали и чтобъ пахали хорошо». По скольку въ день получали эти дѣловые—неизвѣстно; но они были очень неудобны для боярскихъ прикащиковъ. Это были не свои крѣпостные, съ которыми, какъ съ животиною, можно было поступать, какъ хочешь, лишь бы соблюсти барыши и выгоды помѣщика, въ подобныхъ случаяхъ всегда съ мягкостью взиравшаго на жестокости своего добраго и радѣтельнаго слуги. Это были люди чужіе, свободные, не слишкомъ поддававшіеся боярскимъ притѣснительнымъ порядкамъ. Въ началѣ мая въ Павловскомъ работало уже 139 человѣкъ. Время отъ времени прикащикъ доносилъ о ходѣ дѣла.

Писалъ онъ однажды: «сѣкли пустошь, —пришло болото, и

въ немъ вода въ иномъ мѣстѣ выше колѣна и бочаги — вода въ поясъ; какъ кустъ станутъ сѣчь, такъ вода и забрызжетъ; а дѣловые говорятъ: мы де нанялись не болото сѣчь и не въ водѣ; вотъ заработаемъ харчь и пойдемъ». Прикащикъ и приставы жаловались вообще, что дѣловые работаютъ худо и лѣниво, поздно начинаютъ, рано оканчиваютъ. Бояринъ писалъ: «смотрѣть, чтобъ не гуляли, чтобъ обѣдали и полдникали только два часа—не больше; на дѣло посылать, какъ станетъ солнышко всходить, спускать—какъ солнышко сядетъ».

А рабочіе приставамъ говорили: «у насъ уговоръ былъ такъ, что на работу ходить часъ дни, а съ работы ходить за часъ до заката». Наглядѣвшись на поведеніе этихъ дѣловыхъ, прикащикъ доносилъ: «Такихъ огурщиковъ въ Павловскомъ не бывало, работать лѣнивы гораздо; работали два дни только до обѣда и у насъ два до обѣдья записаны за одинъ день, а они почитаютъ за два дни; а будить себя до солнечнаго всхода не велятъ; приставовъ и меня бранятъ и не слушаютъ; таковыхъ озорниковъ въ Павловскомъ никто не запомнитъ; приставовъ бранятъ матерны и обухами бить хотятъ и не отпросясь у пристава съ работы ходятъ рано, а до солнца будить себя не велятъ, а сказываютъ, что ряда у нихъ была, что отпущать съ работы рано, а будить ихъ, какъ солнце взойдетъ».

Въ другой разъ въ іюнѣ приставы доносили: «Въ пятницу (кажется въ Ивановскую предъ 24-мъ іюня), дѣловые на работу не пошли, азерщики лютые!... Мы безпрестанно бьемся съ ними, что съ собаками.... пытались съ ними—шумѣли и добротою говорили, и они не слушаютъ». Однакожъ эти жалобы обнаруживали въ сущности вопль прикащичьяго самовластія, которое изумлялось отпору людей, не совсѣмъ отъ него зависимыхъ. Вскорѣ въ Москву къ боярину явился и отъ поденщиковъ отъ всей артели посолъ съ жалобою, и съ поличнымъ, съ подбитымъ глазомъ.

«Государю Борису Ивановичу бьютъ челомъ и плачутся бѣдные и безпомощные сироты твои разныхъ помѣщиковъ наемные дѣловые людишики — писали рабочіе боярину. Жалоба, государь нашъ, на твоего человѣка на Григорья, прозвище, на Горюна, что намъ сиротамъ отъ его налоги бресть врознь, потому что онъ насъ сиротъ бьетъ и мучаетъ не про дѣло, напрасно, безъ вины, и многихъ насъ сиротъ изувѣчилъ и глаза подбилъ, у инова руку переломилъ. Смилуйся государь... вели его отъ насъ перемѣнить, чтобъ намъ отъ него въ конецъ не погинуть и врознь не разбрестися; а посылаетъ насъ на работу до свѣта за два часа, а съ работы спущаетъ часъ ночи». Въ тоже вре-

мя, какъ дѣловые посылали эту жалобу, прикащикъ спѣшилъ предупредить ихъ, и съ нарочнымъ объяснялъ боярину слѣдующее: «Пахали дѣловые на сѣчѣ (на новорасчищенномъ полѣ), а приставы у нихъ были Григорій Горюнъ да Степанъ Внуковъ, да Ѳедоръ Рындинъ, и Горюнъ перебилъ всѣхъ, а бьетъ плетью; а твой государевь указъ, велѣно ихъ бить батоги, сыскавъ вину предо всѣми дѣловыми; а плеть у него тяжела добре и плетью вышибъ было у дѣловаго глазъ; и тотъ дѣловой пошелъ къ тебѣ къ Москвѣ бити челомъ ото всѣхъ дѣловыхъ; а они наняли въ его мѣсто работника, покамѣстъ онъ сходитъ. Хотѣли бѣжать всѣ къ Москвѣ, и я не отпустилъ, а того послалъ одного. А ему Горюну говорилъ я при слугахъ и при крестьянахъ: что̀ онъ, не сыскавъ вины, бьетъ; и онъ бранитъ меня матерны и грозитъ мнѣ кнутомъ...» Новаго богатыря Горюна бояринъ унялъ, велѣлъ его за то, что бьетъ и увѣчитъ, и прикащика не слушаетъ бить самого батогами передъ всѣми дѣловыми, чтобъ впредь такъ не дуровалъ и дѣловыхъ не увѣчилъ. «А будетъ дѣловые огуряютца, прибавлялъ бояринъ, ино, сыскавъ вина, и за вину бить батоги слегка, а не увѣчить».

Изъ этого обстоятельства видимъ, что государство тогда еще не простирало свою защиту даже и на свободнаго человѣка, что и онъ находился еще подъ гнетомъ частнаго крѣпостного права. Нанимавшій его хозяинъ могъ, по винѣ смотря, самъ же его и наказывать, и одно лишь увѣчье возбуждало опасеніе, что вступится за него и общая государственная власть.

Такъ велось пашенное дѣло съ вольнонаемными рабочими.

Ив. Забѣлинъ.

СТУКЪ... СТУКЪ... СТУКЪ!

Студія.

I.

...Мы всѣ усѣлись въ кружокъ—и Александръ Васильевичъ Ридель — нашъ хорошій знакомый (фамилія у него была нѣмецкая — но онъ былъ коренной русакъ)—Александръ Васильевичъ началъ такъ:

Я разскажу вамъ, господа, исторію, случившуюся со мной въ тридцатыхъ годахъ... лѣтъ сорокъ тому назадъ, какъ видите. Я буду кратокъ—а вы не прерывайте меня.

Я жилъ тогда въ Петербургѣ — и только-что вышелъ изъ университета. Мой братъ служилъ въ конной гвардейской артиллеріи прапорщикомъ. Баттарея его стояла въ Красномъ Селѣ—дѣло было лѣтомъ. Братъ квартировалъ собственно не въ Красномъ Селѣ—а въ одной изъ окрестныхъ деревушекъ; я не разъ гостилъ у него и перезнакомился со всѣми его товарищами. Онъ помѣщался въ довольно опрятной избѣ вмѣстѣ съ другимъ офицеромъ его баттареи. Звали этого офицера Тѣглевымъ, Ильей Степанычемъ. Съ нимъ я особенно сблизился.

Марлинскій теперь устарѣлъ—никто его не читаетъ—и даже надъ именемъ его глумятся; но въ тридцатыхъ годахъ онъ гремѣлъ какъ никто—и Пушкинъ, по понятію тогдашней молодежи, не могъ идти въ сравненіе съ нимъ. Онъ не только пользовался славой перваго русскаго писателя; онъ даже—что̀ гораздо труднѣе и рѣже встрѣчается—до нѣкоторой степени наложилъ свою печать на современное ему поколѣніе. Герои à la Марлинскій—попадались вездѣ, особенно въ провинціи и особенно между армейцами и артиллеристами; они разговаривали, переписыва-

лись его языкомъ; въ обществѣ держались сумрачно, сдержанно— «съ бурей въ душѣ и пламенемъ въ крови», какъ лейтенантъ Бѣлозоръ «Фрегата Надежды». Женскія сердца «пожирались» ими. Про нихъ сложилось тогда прозвище: «фатальный». Типъ этотъ, какъ извѣстно, сохранялся долго, до временъ Печорина. Чего-чего не было въ этомъ типѣ? И байронизмъ и романтизмъ; воспоминанія о французской революціи, о декабристахъ—и обожаніе Наполеона; вѣра въ судьбу, въ звѣзду, въ силу характера, поза и фраза—и тоска пустоты; тревожныя волненія мелкаго самолюбія—и дѣйствительная сила и отвага; благородныя стремленья—и плохое воспитаніе, невѣжество; аристократическія замашки—и щеголяніе игрушками... Но однако, довольно философствовать... Я обѣщался разсказывать.

II.

Подпоручикъ Тѣглевъ принадлежалъ къ числу именно такихъ «фатальныхъ» людей, хотя и не обладалъ наружностью, обыкновенно этимъ личностямъ присвояемой; онъ, напр., нисколько не походилъ на Лермонтовскаго «фаталиста». Это былъ человѣкъ средняго роста, довольно плотный, сутуловатый и бѣлокурый, почти бѣлобрысый; лицо имѣлъ круглое, свѣжее, краснощекое, вздернутый носъ, низкій, на вискахъ заросшій лобъ и крупныя, правильныя, вѣчно неподвижныя губы: онъ никогда не смѣялся, не улыбался даже. Лишь изрѣдка, когда онъ уставалъ и задыхался, выказывались четырехъ-угольные зубы, бѣлые какъ сахаръ. Таже искусственная неподвижность была распространена по всѣмъ его чертамъ: не будь ея, онѣ бы являли видъ добродушный. Во всемъ его лицѣ не совсѣмъ обыкновенны были только глаза, небольшіе, съ зелеными зрачками и желтыми рѣсницами: правый глазъ былъ чуть-чуть выше лѣваго и на лѣвомъ глазу вѣка поднималась меньше чѣмъ на правомъ, что придавало его взору какую-то разность и странность и сонливость. Физіономія Тѣглева, не лишенная впрочемъ нѣкоторой пріятности, почти постоянно выражала неудовольствіе, съ примѣсью подоумѣнія: точно онъ слѣдилъ внутри себя за невеселой мыслію, которую никакъ уловить не могъ. Совсѣмъ тѣмъ онъ не производилъ впечатлѣнія гордеца: его скорѣй можно было принять за обиженнаго, чѣмъ за гордаго человѣка. Говорилъ онъ очень мало, съ запинками, сиплымъ голосомъ, безъ нужды повторяя слова. Въ противность большей части фаталистовъ, онъ особенно-вычурныхъ выраженій не употреблялъ—и

прибѣгалъ къ нимъ только на письмѣ: почеркъ имѣлъ совершенно дѣтскій. Начальство считало его офицеромъ — «такъ-себѣ»; — не слишкомъ способнымъ и не довольно усерднымъ. «Есть пунктуальность—но аккуратности нѣтъ», говорилъ о немъ бригадный генералъ нѣмецкаго происхожденія. И для солдатъ Тѣглевъ былъ — «такъ себѣ» — ни рыба ни мясо. Жилъ онъ скромно, по состоянію. Девяти лѣтъ отъ роду онъ остался круглымъ сиротою: отецъ и мать его утонули весною, въ половодье, переправляясь въ паромѣ черезъ Оку. Онъ получилъ воспитаніе въ частномъ пансіонѣ, гдѣ считался однимъ изъ самыхъ тупыхъ и самыхъ смирныхъ учениковъ; поступилъ, по собственному настоятельному желанію, и по рекомендаціи двоюроднаго дяди, человѣка вліятельнаго, юнкеромъ въ гвардейскую конную артиллерію — и, хотя съ трудомъ, однако выдержалъ экзаменъ сперва на прапорщика, потомъ на подпоручика. Съ другими офицерами онъ находился въ отношеніяхъ натянутыхъ. Его не любили, посѣщали рѣдко — и самъ онъ почти ни къ кому не ходилъ. Присутствіе постороннихъ людей его стѣсняло; онъ тотчасъ становился неестественнымъ, неловкимъ... въ немъ не было ничего товарищескаго — и ни съ кѣмъ онъ не «тыкался». Но его уважали; и уважали его не за его характеръ или умъ и образованность—а потому, что признавали на немъ ту особенную печать, которою отмѣчены «фатальные» люди. «Тѣглевъ сдѣлаетъ карьеру, Тѣглевъ чѣмъ-нибудь отличится» — этого никто изъ его сослуживцевъ не ожидалъ; — но «Тѣглевъ выкинетъ какую-нибудь необыкновенную штуку»—или «Тѣглевъ возьметъ да вдругъ выйдетъ въ Наполеоны»—это не считалось невозможнымъ. Потому тутъ дѣйствуетъ «звѣзда» — и человѣкъ онъ «съ предопредѣленіемъ»—какъ бываютъ люди «со вздохомъ» и «со слезою».

III.

Два случая, ознаменовавшіе самое начало его офицерской службы, много способствовали къ упроченію за нимъ его фатальной репутаціи. А именно: въ самый первый день его производства—около половины марта мѣсяца онъ, вмѣстѣ съ другими, только-что выпущенными офицерами, шолъ, въ полной парадной формѣ, по набережной. Въ тотъ годъ весна наступила рано, Нева вскрылась; большія льдины уже прошли — но всю рѣку запрудилъ мелкій, сплошной, пропитанный водою ледъ, извѣстный подъ именемъ «сала». Молодые люди разговаривали,

смѣялись... вдругъ одинъ изъ нихъ остановился: онъ увидалъ на медленно двигавшейся поверхности рѣки, шагахъ въ двадцати отъ берега, небольшую собачку. Взобравшись на выдававшуюся льдину, она дрожала всѣмъ тѣломъ и визжала. «А вѣдь она погибнетъ» — проговорилъ офицеръ сквозь зубы. Собачку тихонько проносило мимо одного изъ спусковъ, устроенныхъ вдоль набережной. Вдругъ Тѣглевъ, ни слова не говоря, сбѣжалъ по этому самому спуску — и, перепрыгивая по тонкому салу, проваливаясь и выскакивая, добрался до собачки, схватилъ ее за шиворотъ и, благополучно вернувшись на берегъ, бросилъ ее на мостовую. Опасность, которой подвергался Тѣглевъ, была такъ велика, поступокъ его былъ такъ неожиданъ, что товарищи его словно окаменѣли—и только тогда заговорили всѣ разомъ, когда онъ подозвалъ извощика, чтобы ѣхать къ себѣ домой; весь мундиръ на немъ былъ мокръ. Въ отвѣтъ на ихъ восклицанья, Тѣглевъ равнодушно промолвилъ, что кому что на роду написано, тотъ того не минуетъ — и велѣлъ извощику ѣхать.

— Да ты собаку-то возьми съ собой на память,—крикнулъ одинъ изъ офицеровъ. Но Тѣглевъ только рукой махнулъ—и товарищи его переглянулись въ молчаливомъ изумленіи.

Другой случай произошелъ нѣсколько дней спустя, на карточномъ вечерѣ у баттарейнаго командира. Тѣглевъ сидѣлъ въ углу — и не участвовалъ въ игрѣ. «Эхъ, кабы мнѣ, какъ въ пушкинской Пиковой-дамѣ, бабушка напередъ сказала, «какія карты должны выиграть!» — воскликнулъ одинъ прапорщикъ, спускавшій свою третью тысячу. Тѣглевъ молча приблизился къ столу, взялъ колоду, снялъ—и, проговоривъ: шестерка бубенъ!—перевернулъ колоду: внизу была шестерка бубенъ.—Тузъ трефъ!—провозгласилъ онъ и снялъ опять: снизу оказался тузъ трефъ. —Король бубенъ! промолвилъ онъ въ третій разъ сердитымъ шопотомъ, сквозь стиснутыя зубы — отгадалъ въ третій разъ... и вдругъ весь покраснѣлъ. Вѣроятно онъ самъ этого не ожидалъ. «Отличный фокусъ! Покажите-ка еще», замѣтилъ баттарейный командиръ. «Я фокусами не занимаюсь», сухо отвѣтилъ Тѣглевъ— и вышелъ въ другую комнату. Какимъ образомъ это такъ случилось, что онъ заранѣе отгадывалъ карту—я растолковать не берусь: но видѣлъ я это собственными глазами. Послѣ него многіе изъ присутствовавшихъ игроковъ пытались сдѣлать тоже самое — и никому оно не удалось: *одну* карту еще иной и угадаетъ; но уже двѣ сряду—никакъ. А у Тѣглева вышло цѣлыхъ три! Этотъ случай еще болѣе утвердилъ за нимъ репутацію таинственнаго, фатальнаго человѣка.

IV.

Понятно, что Тѣглевъ тотчасъ ухватился за эту репутацію. Она придавала ему особое значеніе, особый колоритъ... «Cela le posait», какъ выражаются французы — и при небольшомъ его умѣ, незначительныхъ познаніяхъ и громадномъ самолюбіи — такая репутація приходилась ему какъ разъ подъ руку. Заслужить ее было трудно, а поддержать ее — ничего не значило: стоило только молчать и дичиться. Но не въ силу этой репутаціи я сошелся съ Тѣглевымъ — и, можно сказать, полюбилъ его. Полюбилъ я его во-первыхъ потому, что самъ былъ порядочный дичо̀къ — и видѣлъ въ немъ собрата; а во-вторыхъ и потому, что человѣкъ онъ былъ добрый — и въ сущности очень простосердечный. Онъ внушалъ мнѣ нѣчто въ родѣ сожалѣнія; мнѣ казалось, что помимо его напускной фатальности, надъ нимъ дѣйствительно тяготѣетъ трагическая судьба, которой онъ самъ не подозрѣваетъ. Разумѣется, *этого* чувства я ему не высказывалъ: внушать сожалѣніе — можетъ ли быть обида хуже для «фатальнаго» человѣка? И Тѣглевъ чувствовалъ расположеніе ко мнѣ: со мной было ему легко, со мной онъ разговаривалъ—въ моемъ присутствіи онъ рѣшался показать тотъ странный пьедесталъ, на который не то попалъ, не то взобрался. Мучительно, болѣзненно-самолюбивый, онъ, вѣроятно, все-таки сознавалъ въ глубинѣ души своей, что ничѣмъ не оправдываетъ своего самолюбія — и что другіе, пожалуй, могутъ смотрѣть на него свысока... а я, девятнадцатилѣтній мальчикъ, не стѣснялъ его; страхъ сказать что-нибудь неумное, неумѣстное при мнѣ не сжималъ его вѣчно-настороженнаго сердца. Онъ даже иногда впадалъ въ болтливость; и благо ему, что никто, кромѣ меня, не слышалъ его рѣчей! Его репутація не долго бы удержалась. Онъ не только зналъ очень мало — онъ почти ничего не читалъ—и ограничивался тѣмъ, что набирался подходящихъ анекдотовъ и исторій. Онъ вѣрилъ въ предчувствія, предсказанія, примѣты, встрѣчи, въ счастливые и несчастные дни, въ преслѣдованіе или благоволеніе судьбы, въ значительность жизни однимъ словомъ. Онъ даже вѣрилъ въ какіе-то «климатерическіе» годы, о которыхъ кто-то упомянулъ при немъ и значеніе которыхъ онъ не понималъ хорошенько. Фатальнымъ людямъ настоящаго закала не слѣдуетъ выказывать подобныя вѣрованья: они должны внушать ихъ другимъ.... Но Тѣглева, съ *этой* стороны, зналъ я одинъ.

V.

Однажды, помнится въ самый Ильинъ день, 20-го іюля, я поѣхалъ гостить къ брату — и не засталъ его: на цѣлую недѣлю куда-то его откомандировали. Вернуться въ Петербургъ я не хотѣлъ; потаскался съ ружьемъ по окрестнымъ болотцамъ, убилъ парочку бекасовъ, а вечеръ провелъ съ Тѣглевымъ подъ навѣсомъ пустого сарая, въ которомъ онъ устроилъ, какъ онъ выражался, лѣтнюю свою резиденцію. Мы покалякали кой-о-чемъ, а впрочемъ бóльшей частью пили чай, курили трубку и разговаривали то съ хозяиномъ, обрусѣвшимъ чухонцемъ, то съ мотавшимся около баттареи разнощикомъ, продавцомъ «пельциновъ, лимоновъ хоро—шихъ», милымъ человѣкомъ и балагуромъ, который, кромѣ другихъ талантовъ, умѣлъ играть на гитарѣ и разсказывалъ намъ о несчастной любви, которую онъ въ «младости» питалъ къ дочери хожалаго. Войдя въ лѣта, этотъ Донъ-Жуанъ въ александрійской рубахѣ уже не зналъ несчастныхъ привязанностей. Передъ воротами нашего сарая разстилалась, постепенно углубляясь, широкая равнина; маленькая рѣчка блистала мѣстами въ извилинахъ ложбинъ; дальше, на небосклонѣ виднѣлись низкіе лѣса. Ночь приближалась и мы остались одни. Вмѣстѣ съ ночью спускался на землю тонкій, сырой паръ, который, все болѣе и болѣе разростаясь, превратился, наконецъ, въ густой туманъ. На небо взошелъ мѣсяцъ: весь туманъ проникнулся насквозь и какъ бы позлатился его сіяніемъ. Все странно передвинулось, закуталось и смѣшалось; далекое казалось близкимъ, близкое далекимъ, большое малымъ, малое большимъ...., все стало свѣтло и неясно. Мы словно перенеслись въ сказочное царство, въ царство бѣло-золотистой мглы, тишины глубокой, чуткаго сна.... И какъ таинственно, какими серебристыми искорками сквозили сверху звѣзды! Мы оба умолкли. Фантастическій óбликъ этой ночи подѣйствовалъ на насъ: онъ настроилъ насъ на фантастическое.

VI.

Тѣглевъ первый заговорилъ, съ обычными запинками, недомолвками и повтореніями о предчувствіяхъ.... о привидѣніяхъ. Въ такую точно ночь, по его словамъ, одинъ его знакомый студентъ, только-что поступившій въ гувернёры къ двумъ сиротамъ и помѣщенный съ ними въ павильонъ, въ саду,—увидалъ жен-

скую фигуру, наклоненную надъ ихъ постелями, и на слѣдующій день узналъ эту фигуру въ незамѣченномъ имъ до тѣхъ поръ портретѣ, изображавшемъ мать этихъ самыхъ сиротъ. Потомъ Тѣглевъ разсказалъ мнѣ, будто родителямъ его, за нѣсколько дней до ихъ гибели, все чудился шумъ воды; будто дѣдушка его въ бородинскомъ сраженіи избавился отъ смерти тѣмъ, что, увидавъ на землѣ простой сѣрый голышъ, внезапно нагнулся и поднялъ его,—а въ это самое мгновенье картечь пролетѣла надъ его головою и сломила его длинный черный султанъ. Тѣглевъ даже обѣщался показать мнѣ этотъ самый голышъ, спасшій его дѣда и вдѣланный имъ въ медальонъ. Потомъ онъ упомянулъ о призваніи каждаго человѣка и о своемъ въ особенности, и прибавилъ, что онъ доселѣ въ него вѣритъ, и что если въ немъ когда-нибудь на этотъ счетъ возникнутъ сомнѣнія, то онъ съумѣетъ раздѣлаться съ ними и съ жизнью, ибо жизнь тогда потеряетъ для него всякое значеніе. «Вы, можетъ быть, полагаете, промолвилъ онъ, изкоса глянувъ на меня, что на это у меня не хватитъ духа? Вы меня не знаете.... У меня воля желѣзная»!

«Хорошо сказано», подумалъ я про себя.

Тѣглевъ задумался, глубоко вздохнулъ и, выпустивъ изъ руки чубукъ, объявилъ мнѣ, что нынѣшній день для него очень важный. Ныньче Ильинъ день—я имянинникъ.... Это.... это для меня всегда тяжелая пора.

Я ничего не отвѣчалъ и только глядѣлъ на него, какъ онъ сидѣлъ передо мною, согнутый, сутулый, неповоротливый, съ уставленнымъ на землю сонливымъ и пасмурнымъ взоромъ.

— Сегодня, продолжалъ онъ, одна старушка нищая (Тѣглевъ не пропускалъ ни одного нищаго, не подавъ ему милостыни) сказала мнѣ, что она о моей душенькѣ помолится.... Развѣ это не странно?

«Охота же человѣку все съ собою возиться!» подумалъ я опять. Я долженъ, однако, прибавить, что въ послѣднее время я сталъ замѣчать необычное выраженіе заботы и тревоги на лицѣ Тѣглева; и не «фатальная» то была меланхолія: его что-то дѣйствительно грызло и мучило. И въ этотъ разъ меня поразила унылость, распространенная по его чертамъ. Ужъ не начинали ли возникать въ немъ тѣ сомнѣнья, о которыхъ онъ мнѣ говорилъ? Мнѣ сказывали товарищи Тѣглева, что онъ, незадолго передъ тѣмъ, подавалъ начальству проектъ о какихъ-то переформированіяхъ въ артиллеріи, и что этотъ проектъ былъ ему возвращенъ съ «надписью», т.-е. съ выговоромъ. Зная его характеръ, я не сомнѣвался въ томъ, что подобное пренебреженіе начальства глубоко его оскорбило. Но то, что́ мнѣ чудилось въ

Тѣглевѣ, походило болѣе на грусть, имѣло болѣе личный оттѣнокъ.

— Однако сыро становится, промолвилъ онъ вдругъ, и повелъ плечами. Пойдемте въ избу—да и спать пора. У него была привычка поводить плечами и поворачивать голову со стороны на сторону, точно ему галстухъ становился тѣснымъ, причемъ онъ брался правой рукою за горло. Характеръ Тѣглева выражался—такъ по крайней мѣрѣ мнѣ казалось—въ этомъ тоскливомъ и нервическомъ движеніи. Ему тоже было тѣсно на свѣтѣ.

Мы вернулись въ избу и легли, каждый на лавкѣ, онъ въ красномъ углу, я въ переднемъ, на постланномъ сѣнѣ.

VII.

Тѣглевъ долго ворочался на своей лавкѣ, и я не могъ заснуть. Разсказы ли его взволновали мои нервы, странная ли эта ночь раздражала мою кровь—не знаю; только я заснуть не могъ. Всякое даже желаніе сна исчезло, наконецъ, и я лежалъ съ раскрытыми глазами, да думалъ, напряженно думалъ, Богъ знаетъ о чемъ, о самыхъ безсмысленныхъ пустякахъ,—какъ это всегда бываетъ во время безсонницы. Переворачиваясь съ боку на бокъ, я протянулъ руку.... Палецъ мой ударился объ одно изъ бревенъ стѣны. Раздался слабый, но гулкій и какъ бы протяжный звукъ.... Я, должно быть, попалъ на пустое мѣсто.

Я вторично ударилъ пальцемъ.... уже нарочно. Звукъ повторился. Я еще.... Вдругъ Тѣглевъ приподнялъ голову.

— Ридель, промолвилъ онъ, слышите, кто-то стучитъ подъ окномъ.

Я притворился спящимъ. Мнѣ вдругъ пришла охота потрунить надъ моимъ фатальнымъ товарищемъ. Все равно мнѣ не спалось.

Онъ опустилъ голову на подушку.

Я подождалъ немного и опять постучалъ три раза сряду.

Тѣглевъ опять приподнялся и сталъ прислушиваться.

Я постучалъ опять. Я лежалъ къ нему лицомъ, но мою руку онъ не могъ видѣть.... я ее назадъ закинулъ, подъ одѣяло.

— Ридель! крикнулъ Тѣглевъ.

Я не отозвался.

— Ридель! повторилъ онъ громко. — Ридель!

— А? Что такое? проговорилъ я словно съ просонья.

— Вы не слышите, кто-то все стучитъ подъ окномъ. Въ избу, что ли, просится.

— Прохожій.... пролепеталъ я.

— Такъ надо его впустить, или узнать, чтò за человѣкъ?

Но я уже не отвѣчалъ и снова притворился спящимъ.

Прошло нѣсколько минутъ.... Я опять за свое....

«Стукъ... стукъ... стукъ...»

Тѣглевъ тотчасъ выпрямился и сталъ слушать.

«Стукъ... стукъ... стукъ! Стукъ... стукъ... стукъ!»

Сквозь полузакрытыя вѣки, при бѣлесоватомъ свѣтѣ ночи, я хорошо могъ видѣть всѣ его движенья. Онъ обращалъ лицо то къ окну, то къ двери. Дѣйствительно: трудно было понять, откуда шелъ звукъ: онъ словно облеталъ комнату, словно скользилъ вдоль стѣнъ. Я случайно попалъ на акустическую жилку.

«Стукъ... стукъ... стукъ...»

— Ридель! закричалъ, наконецъ, Тѣглевъ.—Ридель! Ридель!

— Да чтó такое? промолвилъ я, зѣвая.

— Неужели вы ничего не слышите? Стучитъ кто-тó.

— Ну, Богъ съ нимъ! отвѣтилъ я, и опять показалъ видъ, что заснулъ, захрапѣлъ даже....

Тѣглевъ успокоился.

«Стукъ... стукъ... стукъ!...»

— Кто тамъ? закричалъ Тѣглевъ.—Войди!

Никто, разумѣется, не отвѣчалъ.

«Стукъ... стукъ... стукъ!»

Тѣглевъ вскочилъ съ постели, открылъ окно, и, высунувъ голову наружу, дикимъ голосомъ спросилъ: «Кто тамъ? Кто стучитъ?» Потомъ онъ отворилъ дверь и повторилъ свой вопросъ. Въ отдаленьи проржала лошадь — и только.

Онъ вернулся къ своей постели...

«Стукъ... стукъ... стукъ!»

Тѣглевъ мгновенно перевернулся и сѣлъ.

«Стукъ... стукъ... стукъ!»

Тѣглевъ проворно надѣлъ сапоги, накинулъ шинель на плечи, и, отцѣпивъ со стѣны саблю, вышелъ изъ избы. Я слышалъ, какъ онъ два раза обошелъ ее кругомъ, и все спрашивалъ: «Кто тутъ? Кто тутъ ходитъ? Кто стучитъ»? Потомъ онъ вдругъ умолкъ, постоялъ на одномъ мѣстѣ на улицѣ, недалеко отъ угла, гдѣ я лежалъ и, уже ни слова больше не говоря, вернулся въ избу и легъ не раздѣваясь.

«Стукъ... стукъ... стукъ!» Началъ я снова. «Стукъ... стукъ... стукъ!»

Но Тѣглевъ не шевелился, не спрашивалъ: кто стучитъ? а только подперъ голову рукою.

Видя, что *это* больше не дѣйствуетъ, я, спустя немного вре-

мени, притворился, что просыпаюсь и, вглядѣвшись въ Тѣглева, принялъ удивленный видъ.

— Вы развѣ куда ходили? спросилъ я.

— Да, равнодушно отвѣчалъ онъ.

— Вы все продолжали слышать стукъ.

— Да.

— И никого не встрѣтили?

— Нѣтъ.

— И стукъ прекратился?

— Не знаю. Теперь мнѣ все равно.

— Теперь? Почему же именно теперь?

Тѣглевъ не отвѣчалъ.

Мнѣ стало немножко совѣстно и немножко досадно на него. Сознаться въ своей шалости я однако не рѣшался.

— Знаете ли что? началъ я; — я убѣжденъ, что все это—одно ваше воображеніе.

Тѣглевъ нахмурился. — А! вы полагаете!

— Вы говорите: вы слышали стукъ....

— Я не одинъ стукъ слышалъ, перебилъ онъ меня.

— Что-же еще?

Тѣглевъ качнулся впередъ — и закусилъ губы. Онъ видимо колебался....

— Меня звали? промолвилъ онъ наконецъ въ полголоса и отвернувъ лицо.

— Васъ звали? Кто же васъ звалъ?

— Одна.... Тѣглевъ продолжалъ глазѣть въ сторону. Одно существо, про которое я до-сихъ-поръ только полагалъ, что оно умерло.... а теперь я это навѣрное знаю.

— Клянусь вамъ, Илья Степанычъ, воскликнулъ я, это все одно воображеніе!

— Воображеніе? повторилъ онъ. Хотите сами убѣдиться на дѣлѣ?

— Хочу.

— Ну, такъ выйдемте на улицу.

VIII.

Я наскоро одѣлся и вмѣстѣ съ Тѣглевымъ вышелъ изъ избы. Противъ нея, по ту сторону улицы, не было домовъ—а тянулся низкій, мѣстами сломанный, плетень, за которымъ начинался довольно крутой спускъ въ равнину. Туманъ по прежнему окутывалъ всѣ предметы — и за двадцать шаговъ почти ничего не

было видно. Мы съ Тѣглевымъ дошли до плетня — и остановились.

— Вотъ здѣсь, промолвилъ онъ и понурилъ голову. Стойте, молчите — и слушайте! Я, такъ же какъ онъ, приникъ ухомъ — и кромѣ обычнаго, до крайности слабаго, но повсемѣстнаго ночного гула, этого дыханья ночи — не услышалъ ничего. Изрѣдка переглядываясь другъ съ другомъ, простояли мы неподвижно нѣсколько минутъ — и уже собирались идти дальше....

«Илюша!» почудился мнѣ шопотъ изъ-за плетня.

Я глянулъ на Тѣглева — но онъ, казалось, ничего не слыхалъ — и по прежнему держалъ голову понуро.

«Илюша.... а Илюша...» раздалось явственнѣе прежняго — настолько явственно, что можно было понять: эти слова произнесла женщина.

Мы оба разомъ вздрогнули — и уставились другъ на друга.

— Что? спросилъ меня шопотомъ Тѣглевъ. Теперь не будете сомнѣваться?

— Постойте, отвѣчалъ я ему такъ же тихо — это еще ничего не доказываетъ. Надо посмотрѣть — нѣтъ ли кого? Какой-нибудь шутникъ....

Я перескочилъ черезъ плетень — и пошолъ по тому направленію, откуда, сколько я могъ судить, принесся голосъ.

Подъ ногами я почувствовалъ мягкую, рыхлую землю; длинныя полосы грядъ пропадали въ туманѣ. Я находился въ огородѣ. Но ничего не шевелилось ни вокругъ меня, ни впереди. Все какъ бы замерло въ онѣмѣніи сна. Я сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ.

— Кто тутъ? закричалъ я не хуже Тѣглева.

«Прррръ!» вспугнутый перепелъ выскочилъ изъ-подъ самыхъ ногъ моихъ — и полетѣлъ прочь, прямо какъ пуля. Я невольно пошатнулся.... Что за глупость!

Я глянулъ назадъ. Тѣглевъ виднѣлся на томъ же самомъ мѣстѣ, гдѣ я его оставилъ. Я приблизился къ нему.

— Напрасно вы будете звать, промолвилъ онъ. Этотъ голосъ дошолъ до насъ.... до меня.... издалека.

Онъ провелъ рукой по лицу — и тихими шагами направился черезъ улицу домой. Но я не хотѣлъ такъ скоро сдаться — и вернулся въ огородъ. Что дѣйствительно кто-то три раза кликнулъ «Илюшу» — въ этомъ я никакъ сомнѣваться не могъ; что въ этомъ зовѣ было что-то жалобное и таинственное — въ этомъ я тоже долженъ былъ самому себѣ признаться.... Но кто знаетъ, быть можетъ, все это только казалось непонятнымъ — а на дѣлѣ

объяснялось такъ же просто, какъ и тотъ стукъ, который взволновалъ Тѣглева?

Я отправился вдоль плетня, отъ времени до времени останавливаясь и посматривая кругомъ. Подлѣ самого плетня, въ недальнемъ разстояніи отъ нашей избы, росла старая, кудрявая ветла: большимъ чернымъ пятномъ выдавалась она среди общей бѣлизны тумана, той тусклой бѣлизны, которая хуже темноты слѣпитъ и притупляетъ взоръ. Вдругъ мнѣ почудилось, будто что-то, довольно крупное, живое, ворохнулось на землѣ возлѣ той ветлы. Съ восклицаніемъ: «Стой! Кто это»? бросился я впередъ. Послышались легкіе, словно заячьи шаги; мимо меня быстро шмыгнула скорченная фигура, мужская ли, женская ли—я разобрать не могъ.... Я хотѣлъ схватить ее — но не успѣлъ, споткнулся, упалъ и обжогъ лицо о крапиву. Приподнимаясь и опираясь на землю, я почувствовалъ что-то жосткое подъ рукою: то былъ рѣзной мѣдный гребешокъ на шнуркѣ, въ родѣ тѣхъ, которые наши крестьяне носятъ на поясѣ.

Дальнѣйшія мои розысканія остались тщетными — и я съ гребешкомъ въ рукѣ и съ острёканными щеками вернулся въ избу.

IX.

Я засталъ Тѣглева сидящимъ на лавкѣ. Передъ нимъ на столѣ горѣла свѣчка — и онъ что-то записывалъ въ небольшой альбомчикъ, который постоянно носилъ съ собою. Увидавъ меня, онъ проворно сунулъ альбомчикъ въ карманъ и принялся набивать трубку.

— Вотъ, батюшка, началъ я — какой трофей я изъ моего похода принесъ! Я показалъ ему гребешокъ и разсказалъ, чтò со мной случилось около ветлы. Я, должно быть, вора вспугнулъ, прибавилъ я. Вы слышали — вчера у нашего сосѣда украли лошадь?

Тѣглевъ холодно улыбнулся и закурилъ трубку. Я усѣлся возлѣ него.

— И вы все по прежнему увѣрены, Илья Степанычъ, промолвилъ я—что голосъ, который мы слышали, прилетѣлъ изъ тѣхъ невѣдомыхъ странъ....

Онъ остановилъ меня повелительнымъ движеніемъ руки.

— Ридель, началъ онъ — мнѣ не до шутокъ—и потому прошу васъ такъ же не шутить.

Тѣглеву дѣйствительно было не до шутокъ. Лицо его измѣ-

нилось. Оно казалось блѣднѣе, выразительнѣе — и длиннѣе. Его странные, «разные» глаза тихо блуждали.

— Не думалъ я, заговорилъ онъ снова, что я когда-нибудь сообщу другому.... другому человѣку то, что̀ вы сейчасъ услышите, и что должно̀ было умереть... да, умереть въ груди моей; но видно такъ нужно — да и выбору мнѣ нѣтъ. Судьба! Слушайте.

И онъ сообщилъ мнѣ цѣлую исторію.

Я уже сказалъ вамъ, господа, что повѣствователь онъ былъ плохой, но не однимъ неумѣніемъ передавать случившіяся съ нимъ самимъ событія поразилъ онъ меня въ ту ночь; самый звукъ его голоса, его взгляды, движенія, которыя онъ производилъ пальцами, руками — все въ немъ, однимъ словомъ, казалось неестественнымъ, ненужнымъ, фальшью наконецъ. Я былъ еще очень молодъ и неопытенъ тогда — и не зналъ, что привычка риторически выражаться, ложность интонацій и манеръ до того можетъ въѣсться въ человѣка, что онъ уже никакъ не въ состояніи отдѣлаться отъ нея: это своего рода проклятіе. Въ послѣдствіи времени мнѣ случилось встрѣтиться съ одной дамой, которая такимъ напыщеннымъ языкомъ, съ такими театральными жестами, съ такимъ мелодраматическимъ трясеніемъ головы и закатываніемъ глазъ разсказывала мнѣ о впечатлѣніи, произведенномъ на нее смертью ея сына — объ ея «неизмѣримомъ» горѣ, объ ея страхѣ за собственный разсудокъ, что я подумалъ про себя: «Какъ эта барыня вретъ и ломается! Она своего сына вовсе не любила!» А недѣлю спустя я узналъ, что бѣдная женщина дѣйствительно съ ума шла. Съ тѣхъ поръ я сталъ гораздо осторожнѣе въ своихъ сужденіяхъ и гораздо меньше довѣрялъ собственнымъ впечатлѣніямъ.

X.

Исторія, которую разсказалъ мнѣ Тѣглевъ, была вкратцѣ слѣдующая. У него въ Петербургѣ, кромѣ сановнаго дяди, жила тетка, женщина не сановная — но съ состояніемъ. Будучи бездѣтной, она взяла къ себѣ въ пріемыши дѣвочку, сиротку, изъ мѣщанскаго сословія, дала ей приличное воспитаніе — и обращалась съ ней какъ съ дочерью. Звали ее Машей. Тѣглевъ видѣлся съ нею чуть не каждый день. Кончилось тѣмъ, что они оба другъ въ друга влюбились и Маша отдалась ему. Это вышло наружу. Тетка Тѣглева страшно разсердилась, съ позоромъ прогнала несчастную дѣвушку изъ своего дома — и переѣхала въ Москву, гдѣ взяла барышню изъ благородныхъ къ себѣ въ вос-

питанницы и наслѣдницы. Вернувшись къ прежнимъ родственникамъ, людямъ бѣднымъ и пьянымъ — Маша терпѣла участь горькую. Тѣглевъ обѣщался жениться на ней — и не исполнилъ своего обѣщанія. Въ послѣднее свое свиданіе съ нею — онъ принужденъ былъ высказаться: она хотѣла узнать правду — и добилась ея. «Ну, промолвила она — коли мнѣ не быть твоей женою, такъ я знаю, чтò мнѣ остается сдѣлать». Съ этого послѣдняго свиданья прошло недѣли двѣ слишкомъ.

— Я ни на минуту не обманывался на счетъ значенія ея послѣднихъ словъ, прибавилъ Тѣглевъ; я увѣренъ, что она покончила съ жизнью, и.... и что это былъ *ея* голосъ, что это *она* звала меня туда.... за собою.... Я *узналъ* ея голосъ.... Чтожъ! одинъ конецъ!

— Но отчего же вы не женились на ней, Илья Степанычъ? спросилъ я. Вы ее разлюбили?

— Нѣтъ; я до-сихъ-поръ люблю ее страстно.

Тутъ я, господа, уставился на Тѣглева. Вспомнился мнѣ другой мой знакомый, человѣкъ очень смышленный, который, обладая весьма некрасивой, неумной и небогатой женой—и будучи очень несчастливъ въ супружествѣ—на сдѣланный ему при мнѣ вопросъ: почему же онъ женился? вѣроятно, по любви? — отвѣчалъ: «Вовсе не по любви! А такъ!» А тутъ Тѣглевъ любитъ страстно дѣвушку и не женится. Чтожъ? и это тоже — такъ?!

— Отчего же вы не женитесь? спросилъ я вторично.

Сонливо-странные глаза Тѣглева забѣгали по столу.

— Этого.... въ немногихъ словахъ.... не скажешь, началъ онъ, запинаясь. Были причины.... Да притомъ она.... мѣщанка. Ну и дядя.... я долженъ былъ принять и его въ соображеніе.

— Дядю вашего? вскрикнулъ я. Но на какой чортъ вамъ вашъ дядя, котораго вы только и видите, что въ новый годъ, когда съ поздравленіемъ ѣздите? На его богатство разсчитываете? Да у него самого чуть не дюжина дѣтей!

Я говорилъ съ жаромъ.... Тѣглева покоробило и онъ покраснѣлъ.... покраснѣлъ неровно, пятнами....

— Прошу не читать мнѣ нотаціи — промолвилъ онъ глухо. Впрочемъ, я не оправдываюсь. Загубилъ я ея жизнь — и теперь надо будетъ долгъ выплатить....

Онъ спустилъ голову—и умолкъ. Я тоже ничего сказать не нашелся.

XI.

Такъ мы сидѣли съ четверть часа. Онъ глядѣлъ въ сторону, а я глядѣлъ на него — и замѣтилъ, что волосы у него надо лбомъ какъ-то особенно приподнялись и завились кудрями, что̀, по замѣчанію одного военнаго лекаря, на рукахъ котораго перебывало много раненыхъ, всегда служитъ признакомъ сильнаго и сухого жара въ мозгахъ.... Опять мнѣ пришло въ голову, что надъ этимъ человѣкомъ дѣйствительно тяготѣетъ рука судьбы и что товарищи его не даромъ видѣли въ немъ нѣчто фатальное. И въ то же время я внутренно осуждалъ его. «Мѣщанка! думалось мнѣ; — да какой же ты аристократъ?»

— Можетъ быть, вы меня осуждаете, Ридель, началъ вдругъ Тѣглевъ, какъ бы угадавъ, о чемъ я думалъ. Мнѣ самому.... очень тяжело. Но какъ быть? Какъ быть?

Онъ оперся подбородкомъ на ладонь и принялся покусывать широкіе и плоскіе ногти своихъ короткихъ и красныхъ, какъ желѣзо твердыхъ пальцевъ.

— Я того мнѣнія, Илья Степанычъ, что надо вамъ сперва удостовѣриться, точно ли ваши предположенія справедливы.... Быть можетъ, ваша любезная здравствуетъ. («Сказать ему о настоящей причинѣ стука?» Мелькнуло у меня въ головѣ «нѣтъ—послѣ»).

— Она мнѣ ни разу не писала съ тѣхъ поръ, какъ мы въ лагерѣ, замѣтилъ Тѣглевъ.

— Это еще ничего не доказываетъ, Илья Степанычъ.

Тѣглевъ махнулъ рукою.—Нѣтъ! ея уже навѣрное больше на свѣтѣ нѣтъ. Она меня звала....

Онъ вдругъ повернулся лицомъ къ окну.—Опять кто-то стучитъ!

Я невольно засмѣялся.—Ну, ужъ извините, Илья Степанычъ! На сей разъ это у васъ нервы. Видите: разсвѣтаетъ. Черезъ десять минутъ солнце взойдетъ—теперь уже четвертый часъ — а привидѣнья днемъ не дѣйствуютъ.

Тѣглевъ бросилъ на меня сумрачный взглядъ и, промолвивъ сквозь зубы: «прощайте-съ»—легъ на лавку и повернулся ко мнѣ спиною.

Я тоже легъ—и, помнится, прежде чѣмъ заснулъ, подумалъ, что къ чему это Тѣглевъ все намекаетъ на то, что намѣренъ.... лишить себя жизни! Что̀ за вздоръ! что̀ за фраза! По собственной волѣ не женился.... бросилъ.... а тутъ вдругъ убить себя хочетъ! Смысла нѣтъ человѣческаго! Нельзя не порисоваться!

Съ этими мыслями я заснулъ очень крѣпко—и когда я от-

крылъ глаза, солнце стояло уже высоко на небѣ—и Тѣглева не было въ избѣ....

Онъ, по словамъ его слуги, уѣхалъ въ городъ.

XII.

Я провелъ весьма томительный и скучный день. Тѣглевъ не возвратился ни къ обѣду, ни къ ужину; брата я и не ожидалъ. Къ вечеру опять распространился густой туманъ, еще пуще вчерашняго. Я легъ спать довольно рано. Стукъ подъ окномъ разбудилъ меня.

Пришла *моя* очередь вздрогнуть!

Стукъ повторился—да такъ настойчиво-явственно, что сомнѣваться въ его дѣйствительности было невозможно. Я всталъ, отворилъ окно и увидалъ Тѣглева. Закутанный шинелью, въ надвинутой на глаза фуражкѣ, онъ стоялъ неподвижно.

— Илья Степанычъ! воскликнулъ я — это вы? Мы прождались васъ. Войдите. Али дверь заперта?

Тѣглевъ отрицательно покачалъ головою. — Я не намѣренъ войти, произнесъ онъ глухо; — я хотѣлъ только попросить васъ передать завтра это письмо баттарейному командиру.

Онъ протянулъ мнѣ большой кувертъ, запечатанный пятью печатями. Я изумился—однако машинально взялъ кувертъ. Тѣглевъ тотчасъ отошелъ на середину улицы.

— Постойте, постойте, началъ я.... Куда же вы? Вы только теперь пріѣхали? И что это за письмо?

— Вы обѣщаетесь доставить его по адрессу? промолвилъ Тѣглевъ и отступилъ еще на нѣсколько шаговъ. Туманъ запушилъ очертанія его фигуры. — Обѣщаетесь?

— Обѣщаюсь.... но сперва.

Тѣглевъ отодвинулся еще дальше—и сталъ продолговатымъ, темнымъ пятномъ.—Прощайте! раздался его голосъ. Прощайте, Ридель, не поминайте меня лихомъ.... И Семена не забудьте.... И самое пятно исчезло.

Это было слишкомъ. «О фразеръ проклятый!» подумалъ я. «Нужно же тебѣ все на эффектъ бить!» Однако мнѣ стало жутко; невольный страхъ стѣснялъ мнѣ грудь. Я накинулъ шинель — и выбѣжалъ на улицу.

XIII.

Да; но куда было идти? Туманъ охватилъ меня со всѣхъ сторонъ. На пять, на шесть шаговъ вокругъ онъ еще сквозилъ немного — а дальше такъ и громоздился стѣною, рыхлый и бѣлый, какъ вата. Я взялъ направо по улицѣ деревушки, которая тутъ же прекращалась: наша изба была предпослѣдняя съ краю, а тамъ начиналось пустынное поле, кое-гдѣ поросшее кустами; за полемъ, съ четверть версты отъ деревни, находилась березовая рощица — и черезъ нее протекала та самая рѣчка, которая нѣсколько ниже огибала деревню. Все это я зналъ хорошо, потому что много разъ видѣлъ все это днемъ; теперь же я ничего не видѣлъ—и только по бо̀льшей густотѣ и бѣлизнѣ тумана могъ догадываться, гдѣ опускалась почва и протекала рѣчка. На небѣ блѣднымъ пятномъ стоялъ мѣсяцъ — но свѣтъ его не въ силахъ былъ, какъ въ прошлую ночь, одолѣть дымную плотность тумана и висѣлъ наверху широкимъ, матовымъ пологомъ. Я выбрался на поле—прислушался... Нигдѣ ни звука; только кулички посвистывали.

— Тѣглевъ! крикнулъ я. Илья Степанычъ!! Тѣглевъ!!

Голосъ мой замиралъ вокругъ меня безъ отвѣта; казалось, самый туманъ не пускалъ его дальше. Тѣглевъ! повторилъ я.

Никто не отозвался.

Я пошелъ впередъ на-обумъ. Раза два я наткнулся на плетень, разъ чуть не свалился въ канаву, чуть не споткнулся о лежавшую на землѣ крестьянскую лошаденку...—Тѣглевъ! Тѣглевъ! кричалъ я.

Вдругъ, позади меня, въ самомъ близкомъ разстояніи, послышался негромкій голосъ: — Ну вотъ я... Что вы хотите отъ меня?

Я быстро обернулся...

Передо мной, съ опущенными руками, безъ фуражки на головѣ, стоялъ Тѣглевъ. Лицо его было блѣдно; но глаза казались оживленными и больше обыкновеннаго... Онъ протяжно и сильно дышалъ сквозь раскрытыя губы.

— Слава Богу! воскликнулъ я въ порывѣ радости — и схватилъ его за обѣ руки... Слава Богу! Я уже отчаявался найти васъ. И не стыдно вамъ такъ пугать меня? Илья Степанычъ, помилуйте!

— Что вы хотите отъ меня? повторилъ Тѣглевъ.

— Я хочу... я хочу, во-первыхъ, чтобы вы вмѣстѣ со мною вернулись домой. А во-вторыхъ, я хочу, я требую, требую отъ

васъ, какъ отъ друга, чтобы вы немедленно мнѣ объяснили, что значатъ ваши... ваши поступки — и это письмо къ полковнику? Развѣ съ вами въ Петербургѣ случилось что-нибудь неожиданное?

— Я въ Петербургѣ нашелъ именно то, что ожидалъ, отвѣчалъ Тѣглевъ, все не трогаясь съ мѣста.

— То-есть... Вы хотите сказать... Ваша знакомая... эта Маша...

— Она лишила себя жизни, — торопливо и какъ бы со злостью подхватилъ Тѣглевъ. Третьяго дня ее похоронили. Она не оставила мнѣ даже записки. Она отравилась.

Тѣглевъ поспѣшно произносилъ эти страшныя слова — а самъ все стоялъ неподвижно, какъ каменный.

Я всплеснулъ руками. — Неужели? Какое несчастье! Ваше предчувствіе сбылось... Это ужасно!

Въ смущеніи, я умолкъ. Тѣглевъ тихо и какъ бы съ торжествомъ скрестилъ руки.

— Однако, началъ я, что же мы стоимъ здѣсь? Пойдемте домой.

— Пойдемте, сказалъ Тѣглевъ. Но какъ мы найдемъ дорогу въ этомъ туманѣ?

— Въ нашей избѣ огонь въ окнахъ свѣтитъ—мы и будемъ держаться на него. Пойдемте.

— Ступайте впередъ, отвѣтилъ Тѣглевъ. Я за вами.

Мы отправились. Минутъ съ пять шли мы — и путеводный нашъ свѣтъ не показывался; наконецъ онъ блеснулъ впереди двуми красными точками. Тѣглевъ мѣрно выступалъ за мною. Мнѣ ужасно хотѣлось поскорѣй добраться домой и узнать отъ него всѣ подробности его несчастной поѣздки въ Петербургъ. Пораженный тѣмъ, что̀ онъ сказалъ мнѣ, я, въ припадкѣ раскаянія и нѣкотораго суевѣрнаго страха, не дойдя еще до нашей избы, сознался ему, что вчерашній таинственный стукъ производилъ я... и какой трагическій оборотъ приняла эта шутка!

Тѣглевъ ограничился замѣчаніемъ, что я тутъ ни при чемъ— что рукой моей водило нѣчто другое—и что это только доказываетъ, какъ мало я его знаю. Голосъ его, странно-спокойный и ровный, звучалъ надъ самымъ моимъ ухомъ. Но вы меня узнаете, прибавилъ онъ. Я видѣлъ, какъ вы вчера улыбнулись, когда я упомянулъ о силѣ воли... Вы меня узнаете — и вы вспомните мои слова.

Первая изба деревни, какъ нѣкое темное чудище, выплыла изъ тумана передъ нами... вотъ вынырнула и вторая, наша изба— и моя лягавая собака залаяла, вѣроятно, почуявши меня.

Я постучалъ въ окошко. — Семенъ! крикнулъ я тѣглевскому слугѣ;—эй, Семенъ! отвори намъ посворѣй калитку.

Калитка стукнула и распахнулась; Семенъ шагнулъ черезъ порогъ. — Илья Степановичъ, пожалуйте, промолвилъ я и оглянулся...

Но никакого Ильи Степаныча уже не было за мною. Тѣглевъ исчезъ, словно въ землю провалился.

Я вошолъ въ избу какъ ошалѣлый.

XIV.

Досада на Тѣглева, на самого себя, смѣнила изумленіе, которое сначала овладѣло мною.—Сумасшедшій твой баринъ! накинулся я на Семена; какъ есть сумасшедшій! Поскакалъ въ Петербургъ, потомъ вернулся — да и бѣгаетъ зря! Я-было залучилъ его, до самыхъ воротъ привелъ — и вдругъ-хвать! опять удралъ! Въ этакую ночь не сидѣть дома! Нашелъ время гулять!

«И зачѣмъ это я выпустилъ его руку»! укорялъ я самого себя.

Семенъ молча поглядывалъ на меня, какъ бы собираясь сказать что-то — но, по обычаю тогдашнихъ слугъ, только потоптался немножко на мѣстѣ.

— Въ которомъ часу онъ уѣхалъ въ городъ? спросилъ я строго.

— Въ шесть часовъ утра.

— И что̀ же — онъ казался озабоченнымъ, грустнымъ?

— Семенъ потупился. Нашъ баринъ—мудреный, началъ онъ; кто его понять можетъ?—какъ собрался въ городъ, новый мундиръ подать себѣ велѣлъ — ну и завился.

— Какъ завился?

— Волосы завилъ. Я имъ и щипцы приспособлялъ.

Этого я, признаюсь, не ожидалъ.—Извѣстна тебѣ одна барышня, спросилъ я Семена — Ильи Степаныча пріятельница — зовутъ ее Машей?

— Какъ намъ Марьи Анемподистовны не знать? Барышня хорошая.

— Твой баринъ въ нее влюбленъ, въ эту Марью... ну и такъ далѣе?

Семенъ вздохнулъ.—Отъ этой отъ самой отъ барышни и пропадать Ильѣ Степанычу. Потому: любятъ они ее ужаственно — а въ супружество взять не рѣшаются—и бросить ее тоже жаль. Отъ этого отъ самаго ихняго малодушія. Ужъ очень они ее любятъ.

— Да что, — она — хорошенькая? полюбопытствовалъ я.
Семенъ принялъ серьезный видъ.—Господа такихъ любятъ.
— А на твой вкусъ?
— Для насъ... статья не подходящая — вовсе.
— А что?
— Тѣломъ оченно худы.
— Если-бъ она умерла, началъ я снова — ты полагаешь, Илья Степановичъ ее не пережилъ бы?

Семенъ опять вздохнулъ. — Этого мы сказать не смѣемъ — дѣло господское — а только баринъ нашъ — мудреный!

Я взялъ со стола большое и довольно толстое письмо, отданное мнѣ Тѣглевымъ, повертѣлъ его въ рукахъ... Адрессъ на имя «его высокородія, господина баттарейнаго командира, полковника и кавалера», съ обозначеніемъ имени, отчества и фамиліи — былъ очень чётко и тщательно написанъ. Въ верхнемъ углу куверта стояло слово: «нужное», дважды подчеркнутое.

— Послушай, Семенъ, началъ я. Я боюсь за твоего барина. У него, кажется, недобрыя мысли на умѣ. Надо будетъ отыскать его непремѣнно.

— Слушаю-съ, отвѣчалъ Семенъ.

— Правда, на дворѣ туманъ такой, что на два аршина ничего разсмотрѣть нельзя; но все равно: надо попытаться. Мы возьмемъ по фонарю—а въ каждомъ окнѣ зажжемъ по свѣчкѣ— на всякій случай.

— Слушаю-съ, повторилъ Семенъ, зажегъ фонари и свѣчки— и мы отправились.

XV.

Какъ мы съ нимъ блуждали, какъ путались — это передать невозможно! Фонари нисколько не помогали намъ; они нисколько не разгоняли той бѣлой, почти свѣтлой мглы, которая насъ окружала. Мы съ Семеномъ нѣсколько разъ теряли другъ друга, несмотря на то, что перекликались, аукались — и тб и дѣло взывали — я: «Тѣглевъ! Илья Степанычъ!» — онъ: «Господинъ Тѣглевъ! Ваше благородіе!»—Туманъ до того сбивалъ насъ съ толку, что мы бродили какъ во снѣ; — мы оба скоро охрипли: сырость проникала до самаго дна груди. Коекакъ мы опять, по милости свѣчекъ въ окнахъ, сошлись у избы. Наши совокупные поиски ни къ чему не повели — мы только связывали другъ друга — а потому мы и положили уже не думать о томъ, какъ бы не разбиться — а идти каждому своей дорогой. Онъ взялъ налѣво, я на право и скоро пересталъ слы-

шать его голосъ. Туманъ, казалось, пробрался въ самую мою голову — и я бродилъ какъ отуманенный, да только покрикивалъ: Тѣглевъ! Тѣглевъ!

— Я! раздалось вдругъ мнѣ въ отвѣтъ.

Батюшки! какъ я обрадовался! какъ бросился туда, гдѣ послышался мнѣ голосъ... Человѣческая фигура зачернѣла впереди... я къ ней... Наконецъ-то!

Но, вмѣсто Тѣглева, я увидѣлъ передъ собою другого офицера той же баттареи, котораго звали Телепневымъ.

— Это *вы* мнѣ отозвались? спросилъ я его.

— А это *вы* меня звали? спросилъ онъ въ свою очередь.

— Нѣтъ; я звалъ Тѣглева.

— Тѣглева? Да я сію минуту его встрѣтилъ. Какая дурацкая ночь! Никакъ къ себѣ домой не попадешь.

— Вы видали Тѣглева? Куда онъ шолъ?

— Кажись — туда! Офицеръ провелъ рукой по воздуху. Но теперь ничего понять нельзя. Вотъ, напр., извѣстно ли вамъ, гдѣ деревня? Одно спасеніе—собака залаетъ. Предурацкая ночь! Позвольте закурить сигарку... Все-таки, какъ будто путь себѣ освѣщаешь. Офицеръ былъ, сколько я замѣтилъ, немного навеселѣ.

— Вамъ Тѣглевъ ничего не сказалъ? спросилъ я.

— Какъ же! Я ему говорю: братъ, здорово! а онъ мнѣ: прощай, братъ! Ка́къ прощай? Почему прощай? Да я, говоритъ, хочу с'часъ застрѣлиться изъ пистолета. Чудакъ!

У меня духъ захватило.—Вы говорите, онъ вамъ сказалъ...

— Чудакъ! повторилъ офицеръ и поплелся отъ меня прочь.

Не успѣлъ я еще придти въ себя отъ заявленія офицера— какъ мое собственное имя, нѣсколько разъ съ усиліемъ выкрикнутое, поразило мой слухъ. Я узналъ голосъ Семена.

Я отозвался... Онъ подошолъ ко мнѣ.

XVI.

— Ну что? спросилъ я его. Нашелъ ты Илью Степаныча?

— Нашолъ-съ.

— Гдѣ?

— А тутъ, не далече.

— Какъ же ты... нашелъ его? Онъ живъ?

— Помилуйте—я съ ними разговаривалъ. (У меня отъ сердца отлегло). Сидятъ подъ березкой, въ шинели... и ничего. Я имъ докладываю: пожалуйте-молъ, Илья Степанычъ, на квартиру; Але-

ксандръ Васильичъ оченно объ васъ безпокоются. А они мнѣ говорятъ: охота ему безпокоиться! Я на чистомъ воздухѣ быть желаю. У меня голова болитъ. Ступай-молъ домой. А я приду послѣ.

— И ты ушелъ! воскликнулъ я и всплеснулъ руками.

— А то какъ же-съ? Приказали идти... кáкъ же я останусь?

Всѣ мои страхи ко мнѣ вернулись разомъ.

— Сію минуту веди меня къ нему—слышишь? Сію минуту! Эхъ, Семенъ, Семенъ, не ожидалъ я этого отъ тебя! Ты говоришь, онъ недалеко отсюда?

— Близехонько, вотъ гдѣ роща началась — тутъ и сидятъ. Отъ рѣчки—отъ берегу—сажени съ двѣ не больше. Я по рѣчкѣ ихъ и нашелъ.

— Ну, веди, веди!

Семенъ отправился впередъ. Вотъ извольте, пожалуйте... Только къ рѣчкѣ спуститься — а тамъ сейчасъ...

Но вмѣсто того, чтобы спуститься къ рѣчкѣ — мы зашли въ какую-то ложбину и очутились передъ пустымъ сарайчикомъ...

— Э! стой! воскликнулъ вдругъ Семенъ. Это я, знать, вправо забралъ... Надо будетъ сюда, полѣвѣе...

Мы пошли полѣвѣе — и попали въ такой густой бурьянъ, что едва могли выбраться... сколько я помнилъ, вблизи нашей деревни и не было нигдѣ такого сплошного бурьяна. А тамъ вдругъ болото захлюпало у насъ подъ ногами, показались круглыя, моховыя кочки, которыхъ я тоже никогда не видалъ... Мы пошли назадъ—передъ нами выросъ крутой холмикъ, а на холмикѣ стоитъ шалашъ и въ немъ храпитъ кто-то. Мы съ Семеномъ нѣсколько разъ крикнули въ шалашъ: что-то заворочалось въ его глубинѣ, затрещала солома—и хриплый голосъ произнесъ: кар-раул-лю!

Мы опять назадъ... поле, поле, безконечное поле...

Я готовъ былъ заплакать... Вспомнились мнѣ слова шута въ «Королѣ Лирѣ»:—«эта ночь насъ всѣхъ съ ума сведетъ наконецъ»...

— Куда-жъ идти? обратился я съ отчаяніемъ къ Семену.

— Насъ, баринъ, знать, лѣшій обошелъ, отвѣчалъ растерявшійся слуга. Это не спроста... Дѣло это нечистое!

Я-было хотѣлъ прикрикнуть на него — но въ это мгновенье до слуха моего долетѣлъ отдѣльный, негромкій звукъ, который тотчасъ привлекъ все мое вниманіе. Что-то слабо стукнуло, вотъ какъ если-бъ кто вытащилъ тугую пробку изъ узкаго горлышка бутылки. Раздался этотъ звукъ недалеко отъ того мѣста, гдѣ я стоялъ. Почему этотъ звукъ показался мнѣ особеннымъ и страннымъ — я сказать не умѣю — но я тотчасъ пошелъ по его направленію.

Семенъ послѣдовалъ за мною. Черезъ нѣсколько мгновеній что-то высокое и широкое зачернѣло сквозь туманъ.

— Роща! вотъ она, роща! воскликнулъ радостно Семенъ: да вонъ... вонъ и баринъ сидитъ подъ березой... Гдѣ я его оставилъ, — тамъ и сидитъ. Онъ самый и есть!

Я вглядѣлся. Дѣйствительно: на землѣ, у корня березы, спиною къ намъ, неуклюже сгорбившись, сидѣлъ человѣкъ. Я быстро приблизился къ нему—и узналъ шинель Тѣглева, узналъ его фигуру, его наклоненную на грудь голову. Тѣглевъ! кликнулъ я... но онъ не отозвался.

— Тѣглевъ! повторилъ я — и положилъ ему руку на плечо.

Тогда онъ вдругъ покачнулся впередъ, послушно и скоро, словно онъ ожидалъ моего толчка, и повалился на траву. Мы съ Семеномъ тотчасъ его подняли и повернули лицомъ къ верху. Оно не было блѣдно, но безжизненно, неподвижно; стиснутые зубы бѣлѣли — а глаза, тоже неподвижные и незакрытые, сохраняли обычный, сонливый и «разный» взглядъ...

— Господи! промолвилъ вдругъ Семенъ — и показалъ мнѣ свою обагренную кровью руку... Кровь эта выходила изъ-подъ разстегнутой шинели Тѣглева, съ лѣвой стороны его груди.

Онъ застрѣлился изъ небольшого одноствольнаго пистолета, который лежалъ тутъ-же возлѣ него. Слабый звукъ, слышанный мною — былъ звукъ, произведенный роковымъ выстрѣломъ.

XVII.

Самоубійство Тѣглева не слишкомъ удивило его товарищей. Я уже сказывалъ вамъ, что, по ихъ понятію, онъ, какъ человѣкъ «фатальный», долженъ былъ выкинуть какую-нибудь необыкновенную штуку, хотя именно этой штуки они, быть можетъ, отъ него и не ожидали. Въ письмѣ къ баттарейному командиру онъ просилъ его, вопервыхъ: распорядиться о выключеніи изъ списковъ подпоручика Ильи Тѣглева, яко самовольно умершаго, причемъ онъ заявлялъ, что у него въ шкатулкѣ найдется больше наличныхъ денегъ, чѣмъ сколько на немъ можетъ оказаться долговъ; а во-вторыхъ: доставить важному лицу, командовавшему тогда всѣмъ гвардейскимъ корпусомъ другое, незапечатанное письмо, находившееся въ томъ же кувертѣ. Это второе письмо мы, разумѣется, всѣ прочитали; нѣкоторые изъ насъ взяли съ него копіи. Тѣглевъ видимо трудился надъ сочиненіемъ этого письма. «Вотъ, Ваше В—ство (такъ, помнится, начиналось оно), какъ вы бываете строги и взыскиваете за малѣйшую не-

исправность въ мундирѣ, за ничтожнѣйшее отступленіе отъ формы, когда къ вамъ является блѣдный, трепещущій офицеръ; а вотъ я теперь являюсь передъ нашего общаго, неподкупнаго, неумытнаго Судію, передъ Верховное Существо, передъ Существо, которое неизмѣримо значительнѣе даже Вашего В—ства — и являюсь запросто, въ шинели, даже безъ галстуха на шеѣ»... Ахъ, какое тяжелое и непріятное впечатлѣніе произвела на меня эта фраза, каждое слово, каждая буква которой старательно были выведены дѣтскимъ почеркомъ покойнаго! Неужели, спрашивалъ я самого себя, неужели стоило придумывать такой вздоръ въ такую минуту? А Тѣглеву, очевидно, понравилась эта фраза: онъ для нея пустилъ въ ходъ всѣ бывшія тогда въ модѣ нагроможденія эпитетовъ и амплификацій à la Марлинскій. Дальше онъ упоминалъ о судьбѣ, о гоненіяхъ, о своемъ призваніи, которое такъ и осталось неисполненнымъ, о тайнѣ, которую онъ унесетъ въ могилу, о людяхъ, которые не хотѣли его понять; приводилъ даже стихи какого-то поэта, который говорилъ о толпѣ, что она носитъ жизнь «какъ ошейникъ» — и въ порокъ въѣдается, «какъ репейникъ» — и все это не безъ ороографическихъ ошибокъ. Правду сказать, это предсмертное письмо бѣднаго Тѣглева было довольно пошло — и я воображаю презрительное недоумѣніе высокой особы, на имя которой оно было адресовано — воображаю, какимъ тономъ она произнесла: «дрянной офицеръ! дурную траву изъ поля вонъ»! Передъ самымъ только концомъ письма вырвался изъ сердца Тѣглева искренній крикъ. «Ахъ, Ваше В—ство! такъ заключалъ онъ свое посланіе — я сирота, меня некому было любить съ молоду — и всѣ меня чуждались — а единственное сердце, которое отдалось мнѣ — я самъ загубилъ»!

Въ карманѣ шинели у Тѣглева Семенъ нашелъ альбомчикъ, съ которымъ его господинъ не разставался. Но почти всѣ листы были вырваны; уцѣлѣлъ только одинъ, на которомъ стояло слѣдующее вычисленіе:

Наполеонъ род. 15-го августа 1769 г.		Илья Тѣглевъ род. 7-го января 1811 г.	
	1769		1811
	15		7
	8 (августъ—8-й мѣс. въ году).		1 (январь—1-й мѣс. въ году).
Итого	1792	Итого	1819
	1		1
	7		8
	9		1
	2		9
Итого	19!	Итого	19!

Наполеонъ умеръ 5-го мая 1825 г.	Илья Тѣглевъ умеръ 21-го іюля 1834 г.
1825	1834
5	21
5 (май—5-й мѣс. въ году).	7 (іюль—7-й мѣс. въ году).
Итого 1835	Итого 1862
1	1
8	8
3	6
5	2
Итого 17!	Итого 17!

Бѣднякъ! ужъ не оттого ли онъ и пошолъ въ артиллеристы?

Его похоронили, какъ самоубійцу—внѣ кладбища—и немедленно о немъ позабыли.

XVIII.

На другой день послѣ похоронъ Тѣглева (я находился еще въ деревнѣ, въ ожиданіи брата) Семенъ вошелъ въ избу и доложилъ, что Илья желаетъ меня видѣть.

— Какой Илья? спросилъ я.

— А нашъ разнощикъ.

Я велѣлъ позвать его.

Онъ явился. Пожалѣлъ слегка о господинѣ подпоручикѣ; удивился, чтó молъ это съ нимъ такое попритчилось...

— Онъ остался тебѣ долженъ? спросилъ я.

— Никакъ нѣтъ-съ. Они что забирали,—все сейчасъ выплачивали въ аккуратѣ. А вотъ что-съ... Тутъ разнощикъ осклабился. Досталась вамъ одна моя вещица...

— Какая такая вещица?

— А самая вотъ эта-съ. Онъ показалъ пальцемъ на рѣзной гребешокъ, лежавшій на туалетномъ столикѣ. Вещица малой важности-съ, продолжалъ балагуръ—но какъ я ее получилъ въ подарокъ...

Я вдругъ поднялъ голову. Меня какъ свѣтомъ озарило.

— Твое имя Илья?

— Точно такъ-съ.

— Такъ ужъ это не тебя ли я... намедни... подъ ветлою.

Разнощикъ подмигнулъ глазомъ и еще пуще осклабился.

— Меня-съ.

— И это *тебя* звали...

— Меня-съ, повторилъ разнощикъ съ игривой скромностью. Тутъ есть одна дѣвица, продолжалъ онъ фальцетомъ, которая, по причинѣ очень большой строгости со стороны родителей...

— Хорошо, хорошо, перебилъ я его, вручилъ ему гребешокъ и выпроводилъ его вонъ.

Такъ вотъ кто былъ: «Илюша»—подумалъ я—и погрузился въ философическія разсужденія, которыя я впрочемъ вамъ навязывать не стану, ибо никому не намѣренъ мѣшать вѣрить въ судьбу, предопредѣленіе и прочія фатальности.

Вернувшись въ Петербургъ, я собралъ свѣдѣнія о Машѣ. Я даже отыскалъ доктора, который ее лечилъ. Къ изумленію моему, я услышалъ отъ него, что она умерла не отъ отравы, а отъ холеры! Я сообщилъ ему то, что слышалъ отъ Тѣглева.

— Э! э! воскликнулъ вдругъ докторъ. Этотъ Тѣглевъ — артиллерійскій офицеръ, средняго росту, сутулый, пришепетываетъ?

— Да.

— Ну, такъ и есть. Этотъ господинъ отъявился ко мнѣ — я его тутъ въ первый разъ увидѣлъ—и началъ настаивать на томъ, что та дѣвушка отравилась. «Холера», говорю я; «ядъ», говоритъ онъ. «Да холера же», говорю я; «да ядъ же», говоритъ онъ. Я вижу, человѣкъ какой-то словно помѣшанный, съ широкимъ затылкомъ, значитъ упрямый, пристаетъ ко мнѣ не съ коротким... Все равно, думаю, субъектъ вѣдь померъ... Ну, говорю, отравилась она, коли вамъ этакъ пріятнѣе. Онъ поблагодарилъ меня, даже руку пожалъ—и скрылся.

Я разсказалъ доктору, какимъ образомъ этотъ самый офицеръ въ тотъ же самый день застрѣлился.

Докторъ даже бровью не повелъ — и только замѣтилъ, что на свѣтѣ чудаки бываютъ разные.

— Бываютъ, повторилъ за нимъ и я.

Да, справедливо сказалъ кто-то про самоубійцъ: пока они не исполнятъ своего намѣренія — никто имъ не вѣритъ; а исполнятъ — никто объ нихъ не пожалѣетъ.

Ив. Тургеневъ.

Баденъ-Баденъ.
1870.

НАБЛЮДЕНІЯ

НАДЪ

ИСТОРИЧЕСКОЮ ЖИЗНЬЮ НАРОДОВЪ.

Б) Римъ.

Мы видѣли*) арійцевъ въ Европѣ, на ближайшемъ къ Азіи полуостровѣ; видѣли здѣсь мелкія владѣнія, общины, которыя греческій смыслъ устами Аристотеля противополагалъ народамъ, какъ народы представлялись въ древности; видѣли, что эта противоположность происходила отъ противоположности началъ — родового, господствовавшаго при образованіи государствъ на Востокѣ (потому что образовалось оно изъ управляемыхъ, по Аристотелю), и дружиннаго, господствовавшаго при образованіи греческихъ государствъ или общинъ. Теперь, идя съ Востока на Западъ, переходимъ на второй полуостровъ южной Европы, въ Италію, и здѣсь опять видимъ арійское племя, опять видимъ страну, раздробленную на мелкія владѣнія, видимъ господство города. Сходство итальянской или римской исторіи съ греческою поразительно; различіе состоитъ въ томъ, что въ Греціи помѣхою объединенію страны служило одновременное существованіе двухъ равносильныхъ городовъ, которые не позволяли другъ другу усиливаться на счетъ другихъ, истощили свои силы въ борьбѣ другъ съ другомъ, и такъ какъ притока новыхъ силъ не было болѣе, не было между греческими городами преемниковъ Аѳинамъ и Спартѣ,

*) См. дек. 1868 г., 676 стр.; дек. 1869 г., 493 стр.

то Греція, истощенная матеріально и нравственно, не могла оказывать дальнѣйшаго сопротивленія напору внѣшнихъ силъ и должна была признать господство сосѣдняго эллинизированнаго государя. Въ Италіи, наоборотъ, среди множества независимыхъ владѣній или городовъ усиливается одинъ городъ и, не находя себѣ соперника на всемъ пространствѣ Италіи, подчиняетъ себѣ всю страну; потомъ въ Сициліи начинается столкновеніе Рима, владыки Италіи, съ могущественнымъ Кареагеномъ, колоніею финикійскою, которой на африканской почвѣ, среди слабыхъ по своему варварству народовъ, удалось образовать сильное государство. Когда Кареагенъ былъ низложенъ, Римъ сталъ сильнѣе всѣхъ государствъ извѣстнаго тогда свѣта: на Западѣ онъ не могъ встрѣтить сильнаго сопротивленія отъ народовъ, стоявшихъ на низкой степени развитія, не соединенныхъ въ крѣпкія государства; на Западѣ народы были слабы отъ младенчества своего, на Востокѣ отъ старческой дряхлости: отжившая Греція и мертворожденныя государства, образовавшіяся изъ распаденія Александровой монархіи, были легкою добычею римскихъ легіоновъ, и такимъ образомъ одно изъ арійскихъ племенъ, поселившееся въ Европѣ, въ Италіи заканчиваетъ исторію древняго міра образованіемъ всемірнаго государства.

Относительно внѣшней исторіи Рима можно и ограничиться этимъ краткимъ очеркомъ; но внутренняя его исторія представляетъ любопытныя стороны, на которыхъ должно остановиться. Съ малолѣтства привыкли мы представлять себѣ Римъ двойственнымъ городомъ, въ которомъ жили двѣ, постоянно враждовавшія между собою, части народонаселенія, патриціи и плебеи. Но откуда же эта двойственность и эта борьба? Мы не считаемъ себя въ правѣ усвоивать легкіе пріемы позднѣйшей исторической критики относительно древней римской исторіи: послѣ разрушительной оргіи, начавшейся съ легкой руки Нибура, уставши рубить направо и налѣво, растерявшись въ мелочахъ, превратившии все въ хаосъ разнорѣчивыхъ мнѣній и толкованій, нѣкоторые историки приняли легкій способъ раздѣлаться съ этою путаницею, и зачеркнули древнѣйшую исторію, какъ баснословную. Мы не осмѣлимся отнять смыслъ и историческую основу у представленій великаго народа о своемъ прошедшемъ, несмотря на разнорѣчія и вымыслы, отъ которыхъ впрочемъ не свободны бываютъ и извѣстія о событіяхъ вчерашняго дня; мы дерзнемъ обратиться къ извѣстіямъ о римскихъ царяхъ, даже къ извѣстіямъ о Ромулѣ!

Извѣстія о древнѣйшемъ періодѣ римской исторіи, о царскомъ періодѣ, драгоцѣнны для насъ потому, что нигдѣ нагляднѣе не

представляется борьба между началомъ родовымъ и дружиннымъ. Какъ въ Греціи, въ преддверіи ея исторіи, мы видимъ сильное движеніе народовъ съ сѣвера на югъ, движеніе, всегда благопріятствующее выходу изъ родового общества людей, наиболѣе способныхъ къ движенію, подвигу и образованію изъ нихъ дружинъ: такъ и въ Италіи, въ преддверіи римской исторіи, мы видимъ такое же сильное движеніе съ его послѣдствіемъ, образованіемъ дружинъ. По обычаю такъ-называемой «Священной Весны» (Ver sacrum), часть молодыхъ людей высылалась за границы извѣстнаго владѣнія и должна была сама отыскать новое отечество и овладѣть имъ. Эти изгнанники, долженствовавшіе необходимо образовать изъ себя завоевательную дружину, были посвящены подземнымъ богамъ, преимущественно Марсу. Преданіе указываетъ въ Италіи народъ бруттіевъ, составившійся изъ сбродной дружины, изъ бѣглецовъ всякаго рода, и герой, давшій свое имя этому народу, былъ Брутъ, сынъ Марса; указывается еще другой подобный же народъ, мамертинцы, также ведшій свое происхожденіе и имя отъ Мамерса или Марса. Но понятно, въ какой противоположности и враждебности должны были находиться эти сбродныя дружины къ родовому обществу. Члены рода, кромѣ кровной связи, были соединены общимъ служеніемъ однимъ и тѣмъ же домашнимъ богамъ, т.-е. душамъ предковъ. Гдѣ предки-боги преданы землѣ, тамъ устраивается неподвижный очагъ, огнище, жертвенникъ для этихъ божествъ; около этого жертвенника живетъ семья, развивающаяся въ родъ, всѣ члены котораго находятся подъ покровительствомъ родныхъ своихъ боговъ, душъ умершихъ предковъ, сожительствующихъ съ ними; но за это покровительство домашніе боги требуютъ отъ своихъ потомковъ постояннаго покорма, поминокъ. Человѣкъ, удалившійся изъ рода, тѣмъ самымъ лишался покровительства родовыхъ боговъ, являлся не только сирымъ, безпомощнымъ относительно людей, но и относительно боговъ, человѣкомъ безъ предковъ, оторваннымъ отъ всѣхъ самыхъ священныхъ связей, онъ былъ чужой для всѣхъ. Понятно, что такое безпомощное положеніе заставляло человѣка искать помощи въ самомъ себѣ, развивало его силы, заставляло его искать связи съ людьми себѣ подобными и устраивать общество на другихъ началахъ; но понятно также, съ какимъ презрѣніемъ и отвращеніемъ должны были смотрѣть на такого безроднаго и вмѣстѣ *безбожнаго* человѣка *отцы* (patres) и *отецкіе дѣти* (patricii). Они могли принять еще такого человѣка, пріобщить къ семейству, т.-е. допустить до семейнаго богослуженія, если онъ соглашался принять подчиненное положеніе или раба, или работника, кліента; но

никакъ не могли спокойно допустить, чтобъ такой чужой, безродный и *безбожный* человѣкъ помышлялъ о равенствѣ съ ними, отецкими дѣтьми.

Первоначальная исторія Рима указываетъ намъ живущими вмѣстѣ, въ одномъ только-что основанномъ городѣ, эти два рода людей, столь противоположныхъ другъ другу; съ одной стороны указываетъ общество, основанное на строгихъ родовыхъ началахъ, общество патриціанское; съ другой подлѣ него толпу людей пришлыхъ, безродныхъ, всякій сбродъ, plebs. И эти два рода людей не вступаютъ въ явную борьбу между собою; связью между ними служитъ одна общая власть, царь. Первый царь— Ромулъ, которому приписывается основаніе города; въ какомъ же отношеніи находится онъ къ обоимъ началамъ: родовому — патриціанскому, и дружинному— плебейскому? Преданія выставляютъ его явно враждебнымъ первому, явно доброжелательнымъ второму. Прежде всего кто онъ, этотъ Ромулъ съ братомъ своимъ Ремомъ? Они безродные, не могутъ указать отца, не отецкіе дѣти; они дѣти преступленія, дѣти весталки, нарушившей обѣтъ дѣвства, и хотя преданіе даетъ имъ въ отцы Марса, но мы уже знаемъ, что̀ это значитъ, и въ глазахъ патриціевъ они остаются рожденными отъ блуда (*ἐκ πορνείας γενόμενοι*). Такимъ образомъ, въ Ромулѣ мы имѣемъ дѣло съ представителемъ дружиннаго начала, съ вождемъ дружины. Онъ въ своемъ городѣ открываетъ убѣжище для всѣхъ безродныхъ и бездомныхъ, для всѣхъ добровольныхъ и недобровольныхъ изгнанниковъ, убѣжище, которое въ глазахъ патриціевъ является не иначе какъ поганымъ (infame asylum). Разумѣется, отецкія дѣти не могутъ выдавать своихъ дочерей за такую голытьбу, за такихъ безродныхъ и безбожныхъ людей, и плебеи похищаютъ себѣ женщинъ, отъ чего у нихъ происходитъ борьба, а потомъ сдѣлка съ сабинцами, отличавшимися строгимъ родовымъ бытомъ. Но борьба не прекратилась: «Ромулъ былъ пріятнѣе толпѣ, чѣмъ отцамъ, и болѣе всего былъ пріятенъ воинамъ». Отцы убили непріятнаго имъ покровителя толпы и вождя дружины. Отцы возводятъ въ царя своего—Нуму Помпилія, «мужа благочестивѣйшаго и боголюбивѣйшаго», первымъ дѣломъ котораго было уничтоженіе целеровъ, избранной дружины Ромула. Но борьба между родовымъ и дружиннымъ началомъ только-что начинается, и смѣна царей соотвѣтствуетъ торжеству того или другого: послѣ Нумы видимъ Тулла Гостилія — потомка товарища Ромулова; послѣ Тулла Гостилія видимъ Анка Марція, внука Нумы. Но Анкъ принужденъ принять дружину, вождемъ которой былъ этрусскій изгнанникъ Тарквиній (Прискъ); Тарквиній становится начальникомъ,

трибуномъ целеровъ, и по смерти Анка становится царемъ, тогда какъ сыновья Анка принуждены бѣжать. Тарквиній убитъ; но царемъ является *трибунъ целеровъ*, Сервій Туллій. Происхожденіе этого знаменитаго царя также таинственно, какъ и происхожденіе Ромула; одна сторона приписываетъ ему божественное происхожденіе, другая незаконное: онъ сынъ рабы, плодъ любодѣянія; но сохранилось преданіе, что онъ былъ товарищъ целера Вибенны, трибуна целеровъ при Ромулѣ, принужденнаго удалиться изъ Рима; Сервій Туллій, съ остатками целеровой дружины, пришелъ снова изъ Этруріи въ Римъ. Сервій Туллій гибнетъ отъ внука Тарквинія. Этотъ внукъ, Тарквиній Второй или Гордый, становится царемъ; при немъ дружина, и при дружинѣ необходимъ трибунъ целеровъ, Юній Брутъ, который уже ссорится съ царевичами за наслѣдство престола; но дѣло оканчивается тѣмъ, что Брутъ почему-то отказывается отъ этого наслѣдства и соединяется съ патриціями для изгнанія Тарквинія и для уничтоженія царскаго достоинства.

Каковы бы ни были побужденія, заставившія трибуна целеровъ и родственника Тарквиніевъ, Юнія Брута, войти въ сдѣлку съ патриціями и вмѣсто царскаго достоинства удовольствоваться временнымъ преторствомъ или консульствомъ, сознаніе ли невозможности бороться съ Тарквиніемъ, не соединивши тѣсно своихъ интересовъ съ интересами патриціевъ,—только, благодаря этому соединенію интересовъ, царскій періодъ римской исторіи прекращается, Римъ является республикою, аристократическою, потому что у патриціевъ всѣ права, почести и выгоды, а плебеи лишались въ царѣ человѣка, который, опираясь на нихъ въ борьбѣ съ отцами и отецкими дѣтьми, естественно старался дать имъ значеніе и силу. Такое поведеніе царей относительно плебеевъ необходимо развило въ послѣднихъ сознаніе своего гражданскаго значенія, заставляло тѣмъ болѣе оскорбляться неравенствомъ своего положенія съ патриціями и стремиться къ уравненію. Эти стремленія и борьба за права, съ цѣлью уравненія правъ представляютъ явленіе западное, европейское, которое въ древнемъ мірѣ особенно выпукло высказывается въ римской исторіи, что и даетъ ей важное значеніе. На Востокѣ —или касты, которыя вѣчно остаются въ разрозненности, низшія вѣчно довольствуются своими правами или терпѣливо сносятъ отсутствіе всякихъ правъ: здѣсь религія, имѣвшая преобладающее вліяніе при опредѣленіи общественныхъ отношеній, дала имъ характеръ неподвижности; или тамъ, гдѣ не образовались касты, все народонаселеніе было уравнено общимъ безправіемъ предъ однимъ человѣкомъ, который, по произволу, могъ возвышать и

понижать, рабу, даже иностранцу давать первенствующее значеніе и потомъ, въ минуту гнѣва, казнить, терзать его какъ послѣдняго раба. Только въ поморскихъ государствахъ Азіи и Африки (Финикіи и Карѳагенѣ), и особенно на европейской почвѣ, въ Греціи и Римѣ личное движеніе человѣка, а слѣдовательно и движеніе общественное такъ сильны, что ни жрецъ во имя божества, ни властитель свѣтскій не могутъ остановить ихъ, отъ чего происходятъ столкновенія правъ, борьбы, стремленія къ уравненію и усиленная жизнь общественная. Въ Римѣ мы видимъ людей полноправныхъ и безправныхъ однихъ подлѣ другихъ, при чемъ послѣдніе не рабы, потерявшіе сознаніе о правѣ и человѣческомъ достоинствѣ, а свободные, развившіе свои силы движеніемъ, подвигомъ. Полноправные, для сохраненія своего положенія, хотятъ стать на религіозной почвѣ, какъ члены освященныхъ родовъ: почва дѣйствительно твердая, преимущество громадное; но нѣтъ твердыни, которая бы устояла противъ постояннаго прибоя волнъ европейской жизни. Подлѣ сбродная толпа пришельцевъ, безродныхъ, а потому безбожныхъ; они стучатся въ святилище; не пустятъ волею, не пойдутъ на сдѣлку— войдутъ и силою. Древнѣйшія преданія Рима указываютъ намъ прямо на сдѣлки, обличающія практическій смыслъ народа, и, въ свою очередь, развивающія практическій смыслъ. Самъ царь, по его отношеніямъ къ патриціямъ и плебеямъ, былъ результатомъ сдѣлки. Патриціи естественно охранители существующаго порядка, враги движенія, друзья покоя, мира; но царь хочетъ силы, которая дается военными подвигами, завоеваніями; для этого онъ нуждается въ дружинѣ, войскѣ, плебеяхъ; ему легко относиться къ нимъ: это люди безправные, не самостоятельные, они смотрятъ только изъ рукъ царя, своего покровителя; плебеи для царя свои люди. Царю важно дать большее значеніе плебеямъ, прорвать ими сплоченные ряды патриціевъ, ввести ихъ въ совѣтъ стариковъ, отцовъ, въ сенатъ. Въ древнѣйшихъ преданіяхъ интересы войска прямо противополагаются интересамъ отцовъ, сената. Всегда и вездѣ при общественныхъ движеніяхъ, при борьбѣ полноправныхъ гражданъ съ неполноправными, послѣдніе стремятся къ уравненію съ первыми посредствомъ подвига (причины и слѣдствія развитія личности), посредствомъ собственности (опять часто причины и слѣдствія развитія личности), наконецъ посредствомъ могущественныхъ по своимъ личнымъ средствамъ и по своему общественному положенію людей, которымъ выгодно или измѣнять существующій порядокъ поднятіемъ новыхъ общественныхъ элементовъ или, по крайней мѣрѣ, выгодно этимъ поднятіемъ уравновѣшивать, ослаблять значеніе людей,

издавна пользующихся извѣстными правами. На Востокѣ, при одинакой безправности, при рабствѣ всѣхъ передъ однимъ, этотъ одинъ не имѣетъ побужденій производить общественныя движенія, перемѣны, существующій порядокъ вполнѣ его удовлетворяетъ, и ему нужно одно—упрочить, освятить его религіознымъ освященіемъ, при чемъ необходима сдѣлка съ жрецами, уступка имъ извѣстной доли власти, вліянія, выгодъ. На Западѣ, предъ человѣкомъ, поставленнымъ на верху, нѣсколько различныхъ элементовъ, неровныхъ, находящихся въ столкновеніи другъ съ другомъ и находящихся въ различныхъ отношеніяхъ къ нему: отсюда и невозможность безразличія отношеній его къ нимъ, онъ необходимо принимаетъ участіе въ общественномъ движеніи.

Важнѣйшій вопросъ въ жизни государства, на какой бы степени развитія оно ни находилось, вопросъ, который поднимаетъ такъ много другихъ важныхъ вопросовъ и способствуетъ тому или другому рѣшенію ихъ, есть вопросъ о внѣшней безопасности. Первой обязанностью гражданина есть обязанность защищать свою землю, свое государство отъ непріятельскаго нападенія. Но всѣ ли равно должны нести эту обязанность? Рѣшеніе этого вопроса зависитъ отъ государственнаго устройства и, какъ обыкновенно бываетъ, въ свою очередь могущественно дѣйствуетъ на формы этого устройства, на ихъ измѣненіе. Въ первоначальномъ обществѣ, состоявшемъ изъ свободныхъ и рабовъ, поднимался первый вопросъ — можно ли допустить раба къ защитѣ земли, раба, у котораго нѣтъ правъ, который не имѣетъ никакихъ побужденій охранять тяжкій для него порядокъ вещей, который ничего не потеряетъ отъ перемѣны господъ, которому опасно, наконецъ, дать оружіе въ руки. Отсюда исключеніе раба отъ обязанности военной службы, которая, такимъ образомъ, дѣлается уже правомъ свободнаго; рабъ вооружается только въ крайнемъ случаѣ, и тутъ необходимое условіе этого вооруженія — свобода. Но вопросъ объ обязанности или правѣ военной службы тѣсно соединенъ съ финансовымѣ вопросомъ: война требуетъ издержекъ. Положимъ, что въ случаѣ успѣшной войны ратникъ кормится на счетъ непріятелей и получаетъ добычу; но все же онъ долженъ выходить въ извѣстномъ вооруженіи, имѣть коня. Такимъ образомъ, право военной службы необходимо соединяется съ правомъ имѣть средства для нея, имѣть болѣе или менѣе значительную собственность. Мы уже сказали, что уравненіе неполноправныхъ гражданъ съ полноправными происходитъ посредствомъ собственности, т.-е. человѣкъ богатый, но худородный и потому неполноправный, стремится стать въ ряды родовитыхъ, знатныхъ и полноправныхъ. Это стремленіе дости-

гаетъ своей цѣли именно потому, что человѣкъ худородный, но богатый равняется, а иногда и превосходитъ родовитаго человѣка своими средствами нести военныя тягости, защищать землю. Такъ, во имя этой-то способности, произошло въ Римѣ поднятіе богатыхъ плебеевъ въ высшіе классы, характеризующее такъ-называемое устройство Сервія Туллія. Въ древнѣйшій, слѣдовательно, періодъ римской исторіи, въ періодъ царей, уже произошло это движеніе лучшихъ, т.-е. богатѣйшихъ плебеевъ въ верхніе ряды, произошло уравненіе. Это уравненіе относится къ царствованію предпослѣдняго царя, и потому понятно, почему сверженіе послѣдняго царя, Тарквинія Гордаго, совершилось такъ легко, не встрѣтило сопротивленія въ плебеяхъ, которые были лишены своихъ представителей, лучшихъ, богатѣйшихъ людей, довольныхъ своимъ положеніемъ, не нуждавшихся въ дальнѣйшемъ движеніи, имѣвшемъ совершаться съ помощію царя. Кромѣ того, согласіе плебеевъ на переворотъ было обезпечено тѣмъ, что при изгнаніи Тарквинія, лучшіе, т.-е. богатѣйшіе изъ нихъ были приняты въ число сенаторовъ, хотя бы и съ названіемъ *приписныхъ* (conscripti), но это нисколько не умаляло ихъ значенія. Такимъ образомъ, знатность и богатство сосредоточивались теперь у патриціевъ, которые представили настоящую аристократію, лучшихъ людей; понятно, почему теперь попытки къ возстановленію царской власти не удались, и Брутъ долженъ былъ удовольствоваться консульствомъ и казнить собственныхъ сыновей. Наконецъ, не должно забывать прилива новой силы къ патриціямъ: въ Римъ переселился могущественный сабинскій родоначальникъ съ цѣлымъ родомъ своимъ, Аппій Клавдій; но такъ какъ въ обществахъ, объ одномъ изъ которыхъ идетъ рѣчь, сильный родъ обыкновенно обростаетъ такъ сказать людьми, не связанными кровными узами, но вошедшими извнѣ къ членамъ рода въ болѣе или менѣе подчиненныя отношенія, закладниками, захребетниками или, какъ они назывались въ Италіи, кліентами, то Аппій Клавдій привелъ около 5,000 людей, способныхъ носить оружіе.

Такимъ образомъ, Римъ въ началѣ республики представляетъ намъ на верху патриціевъ, т.-е. знатныхъ и богатыхъ людей, внизу плебеевъ, т.-е. худородныхъ и бѣдныхъ людей, и борьба, знаменитая борьба между патриціями и плебеями, начинается вовсе не стремленіемъ плебеевъ къ уравненію въ правахъ съ патриціями, но столкновеніями богатыхъ съ бѣдными, заимодавцевъ съ должниками: бѣднякамъ не до уравненія правъ, имъ нужно только обезпечить себя отъ рабства. Плебеи были совершенно свободные люди и землевладѣльцы; но относительно

землевладѣнія различіе между ними или, по крайней мѣрѣ, многими изъ нихъ въ началѣ республики, и патриціями, состояло въ томъ, что плебеи, какъ бѣднѣйшіе, не имѣли средствъ ни увеличивать своей земельной собственности, ни обработывать землю посредствомъ рабовъ, что могли дѣлать богатые люди, а богатство въ описываемое время было сосредоточено въ рукахъ патриціевъ, которые могли занимать и часть публичной или государственной земли (ager publicus), ибо имѣли средства ее воздѣлывать: одного права, которое они себѣ присвоили, права занимать государственныя земли, было бы недостаточно безъ средствъ пользоваться этимъ правомъ; плебеи, еслибы даже и имѣли это право, то имъ не для чего было брать государственныя земли, ибо они не имѣли средствъ къ ихъ обработкѣ. А тутъ военная служба: плебей со взрослыми сыновьями самъ обработываетъ свою землю, и долженъ покинуть земледѣльческія занятія при объявленіи войны, долженъ выступить въ походъ со взрослыми сыновьями, вооруженный, и содержать себя во время похода; земля остается необработанною; чѣмъ же кормиться и платить подать? необходимо входить въ долги. Деньги можно занять только у людей богатыхъ, т.-е. у патриціевъ, которые не бѣднѣли отъ войны, ибо земли ихъ обработывались рабами и за пользованіе государственными землями они не платятъ податей. Патрицій дастъ денегъ въ займы плебею, но возьметъ $8^1/_2$ процентовъ; не будетъ должникъ въ состояніи выплатить денегъ, обращается въ рабство. Скоро положеніе плебеевъ, изъ которыхъ многимъ, если не большинству, рано или поздно грозило рабство, сдѣлалось невыносимо; которые оставались на свободѣ, имѣли средства содержать себя и платить долги, у тѣхъ родственники томились въ рабствѣ; отъ заимодавцевъ нечего ждать пощады: это не только богатые люди, это люди знатные, стремящіеся замкнуться въ заколдованный кругъ, куда никто снизу не долженъ прорываться, которые захватили себѣ всѣ права, которые считаютъ всѣхъ не-своихъ другими людьми или даже не людьми, и потому не могутъ имѣть къ нимъ сочувствія, состраданія; люди, которые недавно попали въ патриціи, разумѣется, должны были относиться къ плебеямъ хуже старыхъ патриціевъ, чтобъ заставить забыть о своемъ присхожденіи, тѣмъ болѣе, что они-то, вышедшіе въ знать по богатству, и должны были составлять наибольшее число заимодавцевъ; наконецъ состраданіе, нежеланіе пользоваться своимъ правомъ во всей строгости было опасно для патриція: оно возбуждало подозрѣніе, что патрицій желаетъ снискать расположеніе бѣдныхъ, толпы, для своихъ властолюбивыхъ цѣлей, для возстановленія царскаго достоинства. Итакъ,

бѣднымъ плебеямъ нѣтъ выхода спокойнаго, естественнаго; въ такомъ случаѣ прибѣгаютъ или къ возстанію, или къ бѣгству; плебеи выбираютъ послѣднее, и цѣлою массою, въ 18,000 человѣкъ, выходятъ изъ города. Патриціи должны идти на сдѣлку и согласиться на установленіе плебейскихъ защитниковъ или трибуновъ, которые однимъ словомъ: «запрещаю» (veto), могли останавливать сенатское рѣшеніе или консульскій приговоръ, враждебные плебейскимъ интересамъ, и, еслибы патриціи не обратили вниманія на ихъ запретъ, отказывать, со стороны плебеевъ, въ платежѣ податей и въ военной службѣ.

При этомъ установленіи плебейскихъ трибуновъ мы не видимъ стремленія плебеевъ къ уравненію правъ, не видимъ стремленія установить новый порядокъ вещей, новые законы, которые были бы благопріятны для бѣдныхъ плебеевъ, для должниковъ; мы видимъ только поднятіе изъ среды плебеевъ нѣсколькихъ лицъ—пяти, десяти, которымъ поручается охрана плебейскихъ интересовъ, причемъ они должны дѣйствовать, руководясь своимъ крайнимъ разумѣніемъ, не имѣя никакого правила, никакого закона, никакого наказа. Этотъ личный, такъ-сказать, характеръ трибунства ведетъ необходимо къ мысли, что все дѣло сдѣлалось подъ вліяніемъ извѣстныхъ лицъ. Общія выраженія: борьба патриціевъ съ плебеями, угнетеніе плебеевъ, бѣдныхъ, должниковъ патриціями, богатыми, заимодавцами, эти общія выраженія не должны отвлекать наше вниманіе отъ подробностей, необходимыхъ по естественному закону явленій. Какъ не всѣ патриціи были богаты, такъ не всѣ плебеи были бѣдняки, задолжавшіе патриціямъ. У патриціевъ неравенство личное и имущественное сглаживалось равенствомъ правъ, общими интересами, участіемъ въ правленіи, широкостію горизонта, какъ необходимымъ слѣдствіемъ этого участія: отсюда извѣстное сходство между членами патриціанскаго круга, сходство, присущее обыкновенно аристократіи, сплоченность между ея членами, возможная уже по самой немногочисленности ихъ, равенство и стремленіе поддержать это равенство противъ стремленія отдѣльныхъ лицъ къ первенству, къ господству. Въ многочисленнѣйшихъ низшихъ рядахъ, среди плебеевъ, другое: здѣсь изъ толпы людей бѣдныхъ, притѣсненныхъ, заботящихся только объ удовлетвореніи первыхъ потребностей, о хлѣбѣ насущномъ, выдѣляются люди достаточные, обезпеченные относительно первыхъ потребностей и естественно стремящіеся къ удовлетворенію другихъ, новыхъ потребностей, стремящіеся къ большему значенію, къ болѣе широкой дѣятельности. Это стремленіе усиливается междоумочностью ихъ положенія; равенство между ними и собратіями ихъ исчезло вслѣдствіе неравенства имущественнаго, а плебей-

ское равенство безправія, конечно, не могло успокоить богатыхъ плебеевъ; они естественно должны были стремиться къ уравненію правъ, къ возможности войти въ высшіе ряды, получить бóльшее значеніе; самое простое средство для этого—сдѣлаться оффиціальными представителями плебеевъ, охранителями ихъ интересовъ, ихъ вождями. Такое значеніе имѣли трибуны, въ которые естественно выбирались самые представительные люди, самые богатые и самые способные. Патриціи очень хорошо поняли характеръ явленія, поняли, что Римъ нажилъ себѣ пять, десять демагоговъ, изъ среды которыхъ легко могли явиться тираны, и дѣйствительно трибунатъ заключалъ въ зародышѣ имперію: отсюда вѣчное безпокойство и волненіе патриціевъ, ненависть ихъ къ учрежденію плебейскаго трибуната, стремленіе уничтожить его. Разумѣется, значительное количество плебейскихъ трибуновъ (пять, десять) было выгодно для патриціевъ, давая возможность улаживаться съ одними противъ другихъ; не говоря уже о подкупѣ матеріальными средствами, между трибунами естественны были соперничество, зависть и вражда за вліяніе; притомъ плебею бываетъ всегда такъ пріятно, когда знатные люди за нимъ ухаживаютъ; наконецъ, не имѣемъ никакого права предполагать, чтобъ всѣ тѣ трибуны, которые не поддерживали своихъ собратій въ борьбѣ съ патриціями, были непремѣнно такъ или иначе подкуплены, и вообще дѣйствовали по дурнымъ побужденіямъ: они могли дѣйствовать по личному характеру своему и по убѣжденію, что такой товарищъ, или такіе товарищи ихъ безъ нужды волнуютъ народъ. Если патриція видѣли въ томъ или другомъ безпокойномъ трибунѣ демагога, будущаго тирана, то и нѣкоторые плебеи, трибуны, ревностные прежде всего къ свободѣ, могли смотрѣть точно также. Но что могло быть всего хуже для патриціевъ, такъ это то, что это новое могущество, это соблазнительное указаніе на возможность волновать толпу и достигать извѣстныхъ цѣлей могли подѣйствовать на самихъ патриціевъ и выставить изъ ихъ собственной среды демагоговъ, которые найдутъ такія средства для пріобрѣтенія популярности, какія не могли придти въ голову плебеямъ, воспитаннымъ въ узкости взглядовъ. Человѣкъ, наполненный патриціанскимъ духомъ, отъявленный врагъ трибуновъ и всѣхъ плебейскихъ притязаній, Коріоланъ испыталъ на себѣ силу плебеевъ: какъ бы дѣло ни было, онъ умеръ въ изгнаніи. Этотъ примѣръ Коріолана показывалъ явно патриціямъ, что и для достиженія консульства надобно пріобрѣтать расположеніе плебеевъ, и чѣмъ бóльшее расположеніе плебеевъ пріобрѣтетъ какой-нибудь патрицій, тѣмъ бóльшаго значенія могъ

достигнуть, и вотъ патрицій Спурій Кассій придумываетъ самое сильное средство пріобрѣсти расположеніе плебеевъ и нанести страшный ударъ патриціямъ.

Патриціи понимали очень хорошо, что одною своею родовитостью, хотя и при религіозномъ освященіи, нельзя было долго поддерживать своего значенія, своихъ правъ, что для этого необходимы были матеріальныя средства, богатство: отсюда стремленіе захватить въ свои руки какъ можно болѣе земельной собственности. Патриціи отчасти достигали своей цѣли, отбирая у плебеевъ земли за долги; но этому помѣшало возстаніе плебеевъ и учрежденіе трибуновъ. У патриціевъ оставалось, впрочемъ, средство сосредоточивать въ своихъ рукахъ земли: это — право владѣть государственными землями, которыя постоянно увеличивались посредствомъ завоеваній. Понятно, что теперь, когда съ установленіемъ трибуната такъ уяснились отношенія между двумя частями римскаго народонаселенія, когда патриціи должны были уже вести оборонительную войну противъ плебеевъ, имъ нельзя было нанести болѣе чувствительнаго удара, какъ посягновеніемъ на это право ихъ исключительнаго владѣнія государственнымъ полемъ (ager publicus) съ возможностью избывать платежа податей, ибо контроль былъ въ ихъ же рукахъ. И вотъ этотъ ударъ намѣревался нанести имъ ихъ же собратъ, Спурій Кассій, предложеніемъ закона объ уступкѣ части государственнаго поля плебеямъ. Спурій Кассій былъ обвиненъ въ измѣнѣ, въ стремленіи захватить верховную власть, и казненъ; *но ядомъ полевого закона* (lex agraria) *уже заразились трибуны.*

Трибуны стали требовать принятія кассіева закона; но патриціи выставили сильное, непреодолимое сопротивленіе, и указали на обычное средство для бѣдныхъ и безземельныхъ пріобрѣтать земли—выводъ колоній, что было также и средствомъ для удаленія изъ общества самыхъ безпокойныхъ людей, лучшаго матеріала для трибунскихъ поджоговъ. Но здѣсь, разумѣется, мы не должны упускать изъ вниманія этого любопытнаго явленія, что полевой законъ не прошелъ; положимъ, что патриціи отчаянно противились; но мы знаемъ, что плебеи умѣли побѣждать сопротивленіе патриціевъ не только, когда имъ становилось нестерпимо, какъ въ двухъ случаяхъ удаленія изъ Рима, но и въ проведеніи всѣхъ другихъ законовъ, уравнивавшихъ положеніе обѣихъ частей народонаселенія. Изъ этого имѣемъ полное право заключать, что полевой законъ не былъ очень нуженъ плебеямъ, т.-е. другими словами, ихъ матеріальное положеніе не было дурно. Гораздо сильнѣе, какъ видно, была потребность въ писанномъ законѣ, и эта потребность была удо-

влетворена. Мы знакомы съ обычаемъ древнихъ обществъ, соблюдавшимся въ подобныхъ случаяхъ: въ Спартѣ, въ Аѳинахъ поручалось написаніе законовъ одному; въ Римѣ поручили десяти, давши имъ неограниченную власть, съ упраздненіемъ всѣхъ другихъ властей. Но и это раздѣленіе власти между десятью не спасло отъ преобладанія одного и злоупотребленій съ его стороны, что̀ повело къ сильному волненію, ко второму удаленію плебеевъ изъ Рима и къ возстановленію прежняго государственнаго устройства съ консулами и трибунами; изъ этой смуты впрочемъ Римъ вынесъ законы XII таблицъ. Потомъ мы видимъ проведеніе Канулеева закона, по которому браки между патриціями и плебеями становились законными; рушилась слѣдовательно кастовая преграда между двумя частями народонаселенія, основанная на религіи, плебеи перестали считаться погаными, безродными и потому безбожными. Возможность проведенія этого закона показываетъ намъ образованіе многочисленной и богатой плебейской аристократіи, съ которою выгодно было родниться; кромѣ того, родовое и религіозное основаніе могло имѣть большую силу въ началѣ, когда безродность плебея была въ свѣжей памяти, но должно было ослабѣвать съ теченіемъ времени, когда и плебей забывалъ время поселенія своего предка въ Римѣ: такъ оно было отдалѐнно, и культъ общихъ божествъ необходимо ослаблялъ культъ божествъ родовыхъ; родовое и религіозное основаніе, если и не исчезло, то съ теченіемъ времени должно было уступить въ силѣ основаніямъ политическимъ, а послѣднія доступны для сдѣлокъ. Кто могъ настоять на проведеніи Канулеева закона? Самая богатая и потому знатная часть плебейскаго народонаселенія съ трибунами, избранными, разумѣется, изъ нея же; но она не настояла бы, еслибъ сопротивленіе патриціевъ было дружно, еслибъ въ ихъ рядахъ не было людей, благопріятствующихъ закону; испугать же патриціевъ третьимъ удаленіемъ плебеевъ изъ города было нельзя; масса плебеевъ не удалилась бы изъ-за Канулеева закона, который до нея не касался, ибо не для нея было право равнаго брака съ патриціями, а только для людей, находящихся на верху, подлѣ патриціевъ. Получивъ право брака, этому верхнему слою плебеевъ послѣдовательно было требовать консульства, и непослѣдовательно было со стороны патриціевъ выставлять препятствія этому требованію; но тутъ дѣло шло не о родовомъ и религіозномъ основаніи, а о привилегіи, которою пользовалось ограниченное число фамилій, и которую нужно было раздѣлить съ другими фамиліями. Дѣлать было однако нечего; надобно было идти на уступки, на сдѣлки; въ высшихъ рядахъ плебеевъ были такіе богачи, которые могли

кормить цѣлый городъ во время голода; лучше было допустить такихъ людей къ правленію, чѣмъ дожидаться, когда они станутъ кормить народъ, и имѣть съ ними тогда дѣло на площади. Замаскировали лишеніе привилегій отмѣною консуловъ и установленіемъ военныхъ трибуновъ съ консульскою властью, потомъ установили цензоровъ, которые могли избираться только изъ патриціевъ. Впрочемъ, сначала напрасно много безпокоились; плебеи выбирали въ военные трибуны патриціевъ, а не плебеевъ. Выставляютъ скромность плебеевъ въ этомъ случаѣ; но взглянемъ проще на дѣло: нѣтъ никакого основанія предполагать между массою плебеевъ и людьми, выскочившими изъ нихъ на верхъ той сословной сплоченности, того единства интересовъ, какое обыкновенно существуетъ въ высшемъ сословіи, въ аристократіи; здѣсь это возможно благодаря малочисленности членовъ и относительному равенству между ними, тамъ невозможно по самой многочисленности членовъ; люди, выдѣлившіеся изъ массы плебеевъ по богатству и стремившіеся войти въ правительственные ряды, были также чужды остальнымъ плебеямъ, какъ и патриціи; въ послѣднихъ уважали наслѣдственную правительственную опытность и выбирали ихъ, плебея обходили свои же, по нерасположенію къ выскочкѣ, по неуваженію къ человѣку, отличавшемуся преимущественно только своимъ богатствомъ. Положеніе большинства плебеевъ объясняется также слѣдующимъ происшествіемъ: въ 439 году, во время страшнаго голода, богатый плебей Спурій Мэлій скупалъ хлѣбъ, продавалъ по дешевой цѣнѣ, а бѣднымъ раздавалъ и даромъ. Явилось обвиненіе, что Мэлій стремится къ захвату верховной власти, что въ его домѣ происходятъ тайныя сборища, что приготовлено оружіе, наняты воины и подкупленные трибуны будутъ дѣйствовать противъ свободы; сенатъ поспѣшно назначаетъ диктатора (знаменитаго Цинцинната), и главный исполнитель диктаторскихъ распоряженій, начальникъ конницы, нападаетъ на Мэлія на площади и убиваетъ его. Плебеямъ раздается безденежно хлѣбъ изъ житницъ убитаго, и они остаются спокойными. Теперь изъ извѣстныхъ намъ главныхъ событій такъ-называемой борьбы плебеевъ съ патриціями мы имѣемъ возможность вывести заключеніе, когда именно затрогивались существенные интересы цѣлаго плебейства; это было только два раза: предъ установленіемъ трибуновъ и предъ уничтоженіемъ децемвирата, когда всѣ плебеи вставали какъ одинъ человѣкъ и рѣшались оставить Римъ; въ остальномъ же мы должны разумѣть борьбу верхняго слоя плебеевъ, богатѣйшихъ и виднѣйшихъ изъ нихъ, которые хотѣли получить одинакія права съ патриціями. Дважды правительство,

т.-е. патриціи, раздѣлывается энергически съ людьми, обвиненными въ исканіи популярности, съ Спуріемъ Кассіемъ и Мэліемъ, и плебеи остаются спокойными, даже во второмъ случаѣ, когда умертвили ихъ кормильца. Эта странность должна вести также къ заключенію, что на обвиненіе, выставленное сенатомъ противъ обоихъ названныхъ лицъ, едвали мы имѣемъ право смотрѣть какъ на клевету, изобрѣтенную патриціями для ихъ потубленія.

Послѣ галльскаго разоренья, опять жалобы должниковъ на жестокость заимодавцевъ; но третьяго ухода плебеевъ изъ Рима не видимъ, изъ чего заключаемъ, что бѣда не была такъ велика какъ прежде. И при этомъ случаѣ встрѣчаемся съ знакомымъ явленіемъ: одинъ изъ патриціевъ, знаменитый своими заслугами Манлій становится чрезвычайно популярнымъ, выкупая собственными средствами должниковъ, клянясь, что пока у него есть пядь земли, до тѣхъ поръ не позволитъ, чтобъ римлянина взяли въ кабалу за долги. Манлій погибъ, подобно Кассію и Мэлію, обвиненный въ государственной измѣнѣ. И опять не было ухода плебеевъ изъ Рима: или масса была равнодушна, или вожаки не считали Манліева дѣла своимъ. Другое дѣло, когда два трибуна, Лициній Столонъ и Люцій Секстій потребовали, чтобы возстановлено было консульство, и одинъ изъ консуловъ долженъ быть изъ плебеевъ; къ этому требованію, важному для немногихъ, было присоединено другое: ограничивалось количество земли, какое можно было занимать изъ общественнаго поля, остальная часть котораго долженствовала быть раздѣленною на небольшіе участки и розданною плебеямъ въ собственность; наконецъ трибуны требовали смягченія долговыхъ обязательствъ. Два послѣднія требованія были такъ важны для большинства, что трибуны могли смѣло надѣяться на его поддержку, и дѣйствительно были поддержаны; но при этомъ они съумѣли настоять, чтобы всѣ требованія были нераздѣльны, и такимъ образомъ одержали полную побѣду. Естественно было вождямъ побѣдителей первымъ воспользоваться плодами побѣды, и Люцій Секстій выбранъ былъ въ консулы; что же касается товарища его, Лицинія Столона, то онъ былъ осужденъ за нарушеніе собственнаго закона, т.-е. за занятіе лишней казенной земли.

Послѣ допущенія плебеевъ къ консульству допущеніе ихъ ко всѣмъ другимъ должностямъ послѣдовало скоро; послѣдовало уравненіе въ правахъ, исчезли патриціи и плебеи въ Римѣ. Дѣло произошло такимъ образомъ: существовали одна подлѣ другой двѣ части народонаселенія: привилегированная, имѣвшая исключительное право на занятіе правительственныхъ должностей, и не-привилегированная. Въ старыя времена пополненію, под-

держанію силъ первой содѣйствовали, противъ ея воли, цари, вводившіе въ сенатъ новыхъ членовъ изъ плебеевъ; тотчасъ послѣ изгнанія царей нужда заставила сдѣлать это и самихъ патриціевъ; плебей, разъ сдѣлавшись однимъ изъ *отцевъ*, т.-е. сенаторомъ (pater), тѣмъ самымъ необходимо становился родоначальникомъ *отецкихъ дѣтей*, патриціевъ. Но потомъ патриціи, по естественной неохотѣ, укрѣпляемой религіозно-родовыми представленіями, перестали употреблять это средство, снимать сливки плебейскаго общества къ себѣ въ сенатъ, и этимъ заставили верхній слой плебейскаго общества стремиться туда силою. Это стремленіе увеличивалось постепенно вмѣстѣ съ увеличеніемъ средствъ плебеевъ, т.-е. вмѣстѣ съ умноженіемъ среди ихъ числа богатыхъ и наиболѣе готовыхъ къ правительственной дѣятельности людей, которые не могли оставаться покойны, видя себя осужденными на бездѣйствіе, на роль избирателей и никогда избираемыхъ. Побѣда этого верхняго слоя плебеевъ показываетъ намъ, что на ихъ сторонѣ были большія средства, средства, постоянно увеличивавшіяся, а на сторонѣ патриціевъ средствъ было меньше, и если даже они увеличивались, то не въ одинаковой пропорціи съ средствами противниковъ. Мы уже показали, что подъ этими средствами не должно разумѣть одного численнаго большинства плебеевъ.

Съ уравненіемъ правъ обѣихъ частей римскаго народонаселенія правительство римское получило возможность черпать силы изъ двухъ источниковъ; потому неудивительно, что мы видимъ такое блестящее проявленіе этихъ силъ. Но подъ этимъ блескомъ, при этомъ распространеніи римскаго владычества на весь извѣстный тогда свѣтъ мы уже замѣчаемъ признаки ослабленія, упадка нравственныхъ силъ и вмѣстѣ древнихъ формъ жизни. Какія же были причины этого явленія?

Мы видѣли, что борьба между патриціями и плебеями была искони борьба между началами родовымъ и дружиннымъ или личнымъ. Родовое начало съ своимъ религіознымъ цементомъ держалось крѣпко и долго; самая борьба съ плебеями, это постоянное пребываніе подлѣ враждебнаго лагеря, условливала крѣпость патриціанской общины, сомкнутость, единодушіе ея членовъ, вѣрность своему началу: отсюда строгость этого начала, строгость отцовской власти, проявлявшаяся такъ рѣзко въ извѣстныхъ случаяхъ, отсюда та строгая дисциплина, которою была проникнута жизнь римлянъ и которая дала имъ господство надъ народами. Эта дисциплина необходимо условливала нравственную силу, нравственное вліяніе: въ частыхъ столкновеніяхъ, волненіяхъ, борьбѣ самое сильное возстаніе плебеевъ противъ патриціевъ ограничивалось рѣшеніемъ уйти изъ города;

патриціи казнятъ людей, дѣйствовавшихъ въ пользу плебеевъ, и послѣдніе остаются покойны. Но съ теченіемъ времени плебеи все болѣе и болѣе берутъ верхъ въ борьбѣ, получаютъ право брака съ патриціанскими семействами, получаютъ уравненіе правъ относительно занятія правительственныхъ должностей и поэтому самому мѣсто въ сенатѣ. Не забудемъ, что торжество плебеевъ было торжествомъ личнаго начала надъ родовымъ и вело необходимо къ сильнѣйшему развитію личности. Мы видѣли, что плебеи, стоявшіе на верху и толкавшіеся первыми въ двери завѣтнаго святилища, не могли имѣть такого отношенія въ своей общинѣ, какое патриціи имѣли къ своей, по многочисленности и неравенству плебеевъ, слѣдовательно въ стремленіяхъ этихъ передовыхъ плебеевъ необходимо преслѣдовались преимущественно личныя цѣли. Съ привычкою къ этимъ личнымъ стремленіямъ, къ плебейской широтѣ и безсвязности явились знатные плебеи на верху, на правительственныхъ мѣстахъ и въ сенатѣ; при этомъ не забудемъ также одного чрезвычайно важнаго обстоятельства: вмѣстѣ съ ударомъ родовому началу подкапывалось и начало религіозное, служившее ему основаніемъ; особенное значеніе здѣсь имѣло право брака между патриціями и плебеями. Отсюда уже будетъ понятно если не появленіе, то усиленіе демагогическихъ стремленій, кончившихся явленіемъ цезарей. Но должно обратить вниманіе и на другія обстоятельства. Послѣ торжества надъ карѳагенянами Римъ сталъ всемогущъ; народы извѣстной тогда Европы, Азіи и Африки одинъ за другимъ подчинялись ему; сфера римлянина чрезвычайно расширилась, и онъ долженъ былъ выдержать натискъ множества чуждыхъ явленій и понятій; борьба съ ними была не такъ легка, какъ матеріальная борьба съ Аннибалами, Митридатами и Антіохами, особенно когда пришлось вести дѣло съ народомъ, представителемъ тогдашней европейской цивилизаціи, съ греками. Несмотря на отчаянную борьбу охранителей съ греческимъ вліяніемъ, послѣднее восторжествовало, и завоеванная Греція подчинила себѣ завоевательный Римъ. Знакомство съ разными толками греческой философіи подорвало вѣру во все то, чему прежде вѣрилось, чтó считалось священнымъ и потому неприкосновеннымъ. Сомнѣніе начало свою разрушительную работу, а для созданія новаго, лучшаго порядка вещей не было матеріала. Прежде равенство между членами правительственныхъ, патриціанскихъ фамилій поддерживалось узкостью сферы, малочисленностью отношеній, отсутствіемъ образованія; теперь, съ расширеніемъ сферы дѣятельности въ трехъ частяхъ свѣта, съ усложненіемъ отношеній открылось гораздо болѣе простора для развитія личныхъ способностей, особенно когда это самое расширеніе сферы и усложненіе отношеній потребовали

научнаго приготовленія, развивавшаго мысль, дававшаго ей силу, смѣлость и дерзость. Человѣкъ, приготовленный такимъ образомъ, легко выдѣлялся изъ среды своихъ собратій, не сдерживался уваженіемъ къ существующему, которое въ его глазахъ было результатомъ варварскаго прошедшаго, не сдерживался никакимъ уваженіемъ къ людямъ, которые въ его глазахъ проповѣдовали безсмысленное поддержаніе старины. Такъ могъ относиться къ существующему порядку и человѣкъ, который не руководился своекорыстными цѣлями; тѣмъ болѣе относился такъ человѣкъ, который имѣлъ въ виду получить господство или, по крайней мѣрѣ, видное и выгодное участіе въ правительствѣ. Наконецъ, должно всегда обращать вниманіе на взаимодѣйствіе внутренней и внѣшней жизни народа, государства. Когда римляне жили въ постоянной борьбѣ съ чужими народами, въ постоянномъ опасеніи отъ нихъ, то это возбуждало ихъ энергію, развивало ихъ силы и обнаруживало вліяніе и на внутреннюю борьбу, умѣряя ея крайности, принуждая къ сдѣлкамъ. Но потомъ, съ прекращеніемъ внутренняго движенія, борьбы между патриціями и плебеями, прекращается и трудная, по крайней мѣрѣ близкая борьба внѣшняя; Римъ не имѣетъ болѣе соперниковъ, силы его вслѣдствіе того не натягиваются болѣе какъ прежде; нѣтъ болѣе тѣхъ важныхъ вопросовъ, тѣхъ трудныхъ положеній, которые необходимо у народовъ выставляютъ общее дѣло на первый планъ и такимъ образомъ сдерживаютъ частные интересы. Римъ сталъ празденъ, ему нечего было больше дѣлать; ставши владыкою тогдашней вселенной, онъ очутился въ одиночествѣ и праздности, а праздность есть мать всѣхъ пороковъ, т.-е., относительно цѣлыхъ народовъ, съ исчезновеніемъ важныхъ общихъ вопросовъ, частные интересы начинаютъ господствовать, нарушается необходимое для народной жизни равновѣсіе между частными и общими интересами: отсюда застой, развратъ, паденіе. Крѣпость и долгоденствіе новыхъ европейскихъ народовъ зависятъ отъ ихъ жизни въ обществѣ равносильныхъ народовъ, при чемъ вопросы о силѣ, значеніи и безопасности государственной постоянно возбуждаются и сдерживаютъ стремленіе частныхъ интересовъ къ господству; отсюда страхъ предъ всемірною монархіею, прекращающею жизнь народовъ въ обществѣ и потому прекращающею и внутреннее развитіе народной жизни; отсюда стремленіе къ поддержанію такъ-называемаго политическаго равновѣсія, которое было неизвѣстно древнему міру. Римъ, ставши всемірнымъ государствомъ, естественно подвергался застою, гніенію: отсюда недовольство и требованіе съ одной стороны строгаго охраненія славной и здоровой старины, съ другой требованіе преобразованія для возстановленія больного организма, и

наконецъ, съ третьей стороны—стремленіе къ захвату верховной власти.

Борьба между патриціями и плебеями кончилась, послѣдовало уравненіе правъ, каждый гражданинъ получилъ возможность достигать высшихъ правительственныхъ мѣстъ и сенаторства. Могли быть жалобы на злоупотребленія тѣхъ или другихъ правительственныхъ лицъ, на составъ сената; но противъ злоупотребленія правительственныхъ лицъ и сената были средства въ самой конституціи—цензура нравовъ, а главное, правительственныя лица избирались народомъ, слѣдовательно вся отвѣтственность падала на эти выборы: недостоинство избираемыхъ могло обличать только недостоинство избирателей. Указываютъ на это недостоинство, указываютъ, что количество гражданъ, владѣвшихъ небольшими участками земли, чрезвычайно уменьшилось; которые оставались, тѣ не присутствовали на выборахъ по отдаленности и будучи заняты сельскими работами; выборы зависѣли, слѣдовательно, отъ римскаго городского народонаселенія, состоявшаго теперь изъ обѣднѣвшихъ безземельныхъ гражданъ, лишенныхъ бѣдностію независимаго положенія, изъ кліентовъ, вольноотпущенныхъ и пришельцевъ, людей зависимыхъ и доступныхъ подкупу. Такъ какъ теперь правительственныя мѣста, кромѣ чести и обязанности, стали еще очень выгодны, то для достиженія ихъ люди со средствами не щадили издержекъ, въ надеждѣ вознаградить ихъ съ барышомъ, и такимъ образомъ, вслѣдствіе подкупа, выборъ могъ пасть на людей недостойныхъ. Итакъ, весь вопросъ заключался въ исправленіи системы выборовъ, и здѣсь прежде всего представлялась необходимость увеличить число независимыхъ избирателей. Таковыми могли быть владѣльцы мелкихъ земельныхъ участковъ, которые исчезали. Жалуются на богатыхъ землевладѣльцевъ, что они захватывали мелкіе участки бѣдныхъ землевладѣльцевъ; но любопытно, что ни одинъ примѣръ подобнаго захвата не вызвалъ народнаго волненія, никто не заступался за несчастнаго, лишеннаго своей земли, ни человѣкъ, руководящійся чувствомъ справедливости, ни агитаторъ, который искалъ удобнаго случая волновать народъ. Дѣло объясняется легче: во-первыхъ, Аннибалова война сильно опустошила Италію; потомъ мы видимъ, что число гражданъ увеличивается, но при этомъ мы не знаемъ отношенія римскаго городского народонаселенія къ сельскому, и имѣемъ право предполагать, что увеличеніе произошло въ городскомъ населеніи, ибо въ Римъ, вслѣдствіе его положенія, какъ столицы міра, стекались удобства и украшенія жизни, удобство всякаго рода промысла. Послѣдующее же уменьшеніе числа гражданъ, съ 600-го года должно приписать вліянію жизни въ большомъ городѣ, ослабленію сель-

ской жизни. Вслѣдствіе распространенія римскихъ владѣній, вслѣдствіе присоединенія Сициліи, громадный привозъ хлѣба такъ удешевилъ этотъ товаръ, что заниматься хлѣбопашествомъ въ Италіи въ малыхъ размѣрахъ и вольнымъ трудомъ стало невыгодно, и мелкіе землевладѣльцы продавали свои участки богатымъ, вѣроятно даже за дешевую цѣну, и переселялись въ Римъ, чтобъ сдѣлать изъ своихъ денегъ болѣе выгодное употребленіе. Вслѣдствіе того, что Римъ дѣлался столицею міра, денежные обороты въ немъ чрезвычайно усилились, и образовался классъ богачей, занимавшихся этими оборотами, такъ-называемые всадники, денежная аристократія, которая стояла подлѣ землевладѣльческой аристократіи и часто вступала съ нею въ состязаніе относительно извѣстныхъ государственныхъ отправленій. *Воздѣлываніе* денегъ стало на первомъ планѣ, отстраняя воздѣлываніе земли. Римляне съ страстію предались этому новому воздѣлыванію; знаменитый республиканецъ Брутъ былъ страшный ростовщикъ.

Но такъ какъ настоящее представляло печальныя явленія, то естественно являлся страхъ за будущее и сожалѣніе о прошедшемъ. Кидалась въ глаза эта революція, вслѣдствіе которой движимое, деньги взяли верхъ, и древній земледѣльческій характеръ Рима измѣнился. Естественно было родиться убѣжденію, что такъ какъ прежде республика была крѣпче, нравы чище, то это было тѣсно связано съ господствомъ земледѣлія, а настоящая порча нравовъ и неправильность государственныхъ отправленій находятся въ тѣсной связи съ упадкомъ земледѣлія, съ уменьшеніемъ числа свободныхъ земледѣльцевъ, съ увеличеніемъ городского народонаселенія, съ господствомъ денегъ; слѣдовательно, чтобъ укрѣпить республику, очистить нравы, необходимо возвратиться къ старинѣ, поднять земледѣліе, увеличить число свободныхъ земледѣльцевъ, мелкихъ землевладѣльцевъ. Было узаконено, что землевладѣлецъ обязанъ употреблять извѣстное число свободныхъ работниковъ, пропорціонально числу рабовъ. По порученію правительства переведено было на латинскій языкъ карѳагенское сочиненіе о земледѣліи. Наконецъ, для увеличенія числа мелкихъ землевладѣльцевъ вспомнили объ аграрномъ законѣ. Но при такомъ порядкѣ вещей, когда мелкое землевладѣніе было невыгодно, къ какимъ результатамъ могла повести попытка искуственнымъ образомъ создать классъ мелкихъ землевладѣльцевъ посредствомъ стараго «трибунскаго яда» — аграрнаго закона? Въ старину аграрный законъ имѣлъ смыслъ уже и потому, что вполнѣ соотвѣтствовалъ общему стремленію къ уравненію правъ патриціевъ и плебеевъ: зачѣмъ одни патриціи имѣли право пользоваться государственною землею, а плебеи не имѣли? Но теперь, когда уравненіе правъ послѣдовало и когда

являлось только различіе между богатыми и бѣдными, когда давность пользованія изгладила границы между частною и государственною собственностью, то аграрный законъ являлся грабежомъ для однихъ, но удовлетворялъ ли другихъ, если, по извѣстнымъ условіямъ, мелкое землевладѣніе было невыгодно? Зло было велико: Римъ наполнился людьми, которые были заражены пороками, господствующими между народонаселеніемъ большихъ городовъ, людьми зависимыми, а между тѣмъ эти люди были избирателями; понятно, что людямъ благонамѣреннымъ хотѣлось возвратиться къ старинѣ, усилить число избирателей независимыхъ, отличавшихся бо́льшею простотою и чистотою нравовъ; но противъ болѣзни было ли выбрано лѣкарство дѣйствительное? это другой вопросъ. Аграрный законъ былъ потребованъ знаменитымъ трибуномъ Тиберіемъ Гракхомъ, котораго мы не будемъ обвинять въ демагогическихъ стремленіяхъ; онъ могъ желать уничтоженія пролетаріата между римскими гражданами, хотѣлъ дать земельную собственность людямъ, ея лишеннымъ, и вмѣстѣ средство завестись хозяйствомъ, ибо вмѣстѣ съ надѣломъ землею требовалъ раздѣленія между бѣдными наслѣдства пергамскаго царя Аттала; какъ видно, онъ предвидѣлъ, что у мелкаго землевладѣльца будетъ сильное побужденіе продать свой участокъ крупному, и потому требовалъ раздѣленія государственныхъ земель не въ собственность, а только въ пользованіе безъ права отчужденія, хотя при этомъ является опять неотвязчивый вопросъ: гдѣ же было обезпеченіе въ выгодѣ владѣнія мелкимъ участкомъ? Что же касается выборовъ и вообще рѣшенія дѣлъ болѣе чистыми и независимыми людьми, то въ дѣлѣ Тиберія Гракха есть любопытное указаніе; говорятъ, что сельское народонаселеніе было за него, а городское не было очень расположено ни къ его лицу, ни къ его планамъ, что́ и было причиною его гибели, ибо въ рѣшительную минуту сельское народонаселеніе не явилось въ Римъ, будучи задержано земледѣльческими работами: слѣдовательно, не было выгоды увеличивать количество мелкихъ землевладѣльцевъ въ видахъ болѣе правильнаго рѣшенія дѣлъ и болѣе правильныхъ, независимыхъ выборовъ; во время земледѣльческихъ работъ они бы не явились въ Римъ, какъ бы ни важно было рѣшаемое тамъ дѣло. Каковы бы ни были цѣли Тиберія Гракха, но онъ, чтобъ сломить противодѣйствіе, повелъ дѣло такъ насильственно, съ такимъ презрѣніемъ закона, что могъ возбудить сильное подозрѣніе въ намѣреніи измѣнить существующій порядокъ, захватить верховную власть и дать противникамъ благовидный предлогъ дѣйствовать противъ него, какъ противъ врага республики. Тиберій Гракхъ имѣлъ участь перваго изобрѣтателя полевого закона Спурія Кассія. Народъ и те-

перь не защитилъ своего трибуна, какъ прежде не защитилъ ни одного изъ тѣхъ людей, которые хотѣли дѣйствовать въ его пользу. Любопытно, что смерть Тиберія Гракха не остановила дѣла о раздѣлѣ государственныхъ земель, за которое стояли другіе сильные люди, не могшіе быть заподозрѣнными въ стремленіи къ верховной власти. Мы уже говорили, что многіе, смотрѣвшіе съ безпокойствомъ на настоящее и будущее Рима и имѣвшіе свои идеалы назади, въ прошедшемъ, считали аграрный законъ якоремъ спасенія, ибо онъ, по ихъ мнѣнію, долженъ былъ возстановить прежнія отношенія, возвратить прежнюю простоту и чистоту нравовъ, возсоздать прежній земледѣльческій Римъ. Въ описываемое время аграрный законъ былъ знаменемъ для людей, недовольныхъ настоящимъ и тосковавшихъ по старинѣ: пастухи-рабы, которыми богачи населяли свои обширныя имѣнія, были имъ ненавистны; прогнать этихъ пастуховъ и поселить вмѣсто нихъ земледѣльцевъ — значило возвратить золотое старое время. Тиберій Гракхъ принадлежалъ именно къ этому кружку, къ этой школѣ, для которой аграрный законъ былъ знаменемъ; аграрный законъ не исчезъ вмѣстѣ съ Тиберіемъ Гракхомъ, ибо не былъ его личнымъ дѣломъ; онъ исчезъ вслѣдствіе препятствій, встрѣченныхъ имъ въ условіяхъ своего настоящаго. При этомъ мы должны съ большою осторожностью употреблять выраженія: аристократическая и демократическая партія, интересы народа—въ противоположность интересамъ правительства, интересамъ богатыхъ собственниковъ: мы видимъ, что въ дѣлѣ аграрнаго закона движеніе идетъ изъ сферы правительственной, аристократической, если уже хотимъ употреблять это слово; съ другой стороны, мы видимъ равнодушіе къ вопросу въ низшихъ слояхъ народонаселенія, въ такъ-называемомъ народѣ; наконецъ, сильный протестъ противъ приведенія въ исполненіе закона встрѣчаемъ не со стороны богатыхъ собственниковъ въ Римѣ, а со стороны латинскихъ общинъ, которымъ были уступлены государственныя земли особенными договорами.

Въ исторіи республиканскаго Рима мы видимъ такимъ образомъ двѣ половины: въ первой половинѣ происходитъ борьба между патриціями и плебеями за уравненіе правъ; послѣ прекращенія этой борьбы, послѣ уравненія правъ обѣихъ частей народонаселенія, патриціи и плебеи исчезаютъ, передъ нами правительство, въ ряды котораго имѣютъ доступъ всѣ граждане, правительство, въ постоянной своей части представляемое преимущественно сенатомъ, правительство, которое охраняетъ существующій порядокъ, т.-е. республику, и противъ него людей, которые хотятъ нарушить этотъ порядокъ, вызывая себѣ на помощь ту или

другую силу, поднимая то или другое знамя. Мы присутствуемъ при ожесточенной борьбѣ правительства съ этими людьми, которые, найдя самое дѣйствительное средство побѣды, наконецъ торжествуютъ, вслѣдствіе чего республика превращается въ имперію. Таковъ смыслъ явленій второй половины исторіи республиканскаго Рима отъ Тиберія Гракха до Октавія Августа.

Правительство боролось и низложило Тиберія Гракха не за поднятіе аграрнаго закона, ибо другихъ приверженцевъ этого закона оно не тронуло, а за насильственныя дѣйствія противъ существующаго порядка. Также погибъ въ борьбѣ и братъ Тиберія, Кай Гракхъ, который, будучи наученъ братнимъ опытомъ, что городское населеніе нейдетъ на приманку аграрнаго закона, придумалъ другое средство подѣйствительнѣе, чтобъ приманить его на свою сторону, именно предложилъ законъ, чтобъ каждому горожанину ежемѣсячно выдавалось извѣстное количество хлѣба изъ общественныхъ магазиновъ за самую ничтожную цѣну. Цѣль была достигнута; толпа пролетаріевъ постоянно окружала своего трибуна - кормильца, составляя его гвардію. Но онъ зналъ по опыту всѣхъ предшествовавшихъ агитаторовъ, что эта гвардія не выдержитъ дружнаго натиска высшихъ слоевъ, и потому онъ порознилъ всадниковъ и сенаторовъ, проведя законъ, по которому судъ отнимался отъ сенаторовъ, и присяжные должны были избираться народомъ изъ сословія всадниковъ. Этимъ закономъ, какъ выражался самъ Гракхъ, онъ бросилъ въ среду лучшихъ гражданъ мечи и кинжалы, пусть рѣжутся! Но этой рѣзни и поддержки всадниковъ и низшихъ слоевъ римскаго народонаселенія было мало для Гракха: онъ сталъ домогаться, чтобъ латины получили полное римское гражданство, а прочіе италійскіе союзники получили бы тѣ права, которыми до сихъ поръ пользовались латины. Это домогательство возбудило негодованіе во всѣхъ слояхъ римскаго народонаселенія: дать латинамъ полное римское гражданство значило допустить ихъ быть избирателями и избираемыми въ правительственныя должности, значило римлянамъ надобно было отказаться отъ значенія господствующаго народа, исчезнуть въ массѣ покореннаго народонаселенія, ибо за латинами не преминули бы послѣдовать и другіе италіанцы, а за италіанцами и жители провинцій, какъ и случилось во времена имперіи при общемъ равенствѣ безправія предъ однимъ, имѣвшимъ всѣ права; подчиниться требованію Гракха значило добровольно допустить покореніе Рима покоренными сосѣдями, допустить распоряжаться въ Римѣ тѣхъ, судьбою которыхъ распоряжались до сихъ поръ римляне; наконецъ, ближе всего, это значило дать войско честолюбцу, который явно стремился къ первенствующей роли, не

скрывая своей ненависти противъ правительства, выставляя себя мстителемъ за смерть брата. Законъ не прошелъ; другой трибунъ, Ливій Друзъ, произнесъ противъ него свое veto. Для окончательнаго низложенія Гракха правительство сочло необходимымъ сражаться съ нимъ его собственнымъ оружіемъ, заискивая расположеніе низшихъ слоевъ народонасенія, наддавая имъ выгодъ противъ Гракха: аграрный законъ былъ предложенъ на новомъ, не-гракховскомъ основаніи: бѣдняки должны были получить земельные участки въ полную неотъемлемую собственность, безъ платежа подати; вмѣсто вывода заморскихъ колоній, предложеннаго Гракхомъ, обѣщаны были болѣе удобныя поселенія въ Италіи. Вмѣсто того, чтобъ латинамъ давать право римскаго гражданства, положено было взять у нихъ общественныя земли, и раздѣлить ихъ на 36,000 участковъ для раздачи бѣднымъ римскимъ семействамъ. Первая мѣра была привлекательна въ томъ отношеніи, что давала возможность хотѣвшему заниматься земледѣліемъ—получить болѣе выгодъ чрезъ освобожденіе отъ всякой подати; человѣку же, который не находилъ выгоднымъ и пріятнымъ для себя заниматься земледѣліемъ, давала возможность продать свой земельный участокъ, а богатому землевладѣльцу давала возможность пріобрѣсти его; наконецъ, этою мѣрою прокладывался путь къ тому, чтобъ покончить съ вопросомъ о раздѣлѣ государственныхъ земель, именно прокладывался путь къ объявленію, что всѣ, владѣвшіе государственными землями, должны владѣть ими впередъ на правѣ полной частной собственности, что́ и было, наконецъ, постановлено; послѣдняя же мѣра относительно латинскихъ земель кидала ножъ между римскимъ и латинскимъ народонаселеніемъ, и еще болѣе отвращала римлянъ отъ мѣръ Гракха, а слѣдовательно отъ него самого. Онъ не былъ избранъ въ другой разъ въ трибуны и погибъ, при чемъ число людей, защищавшихъ его съ оружіемъ въ рукахъ, простиралось только до 250 человѣкъ.

Судьба Гракховъ показывала, что не было возможности сломить республику съ помощію низшихъ слоевъ римскаго народонаселія. Погибъ Сатурнинъ, погибъ Катилина — республика выдерживала всѣ удары; но люди, стремившіеся къ власти, нашли, наконецъ, средство достигнуть своей цѣли, сломить республику: это средство было войско. Римъ былъ покоренъ собственнымъ войскомъ, собственными полководцами.

С. Соловьевъ.

I.

НОЧЬЮ И ДНЕМЪ

Изъ «Chatiments», Виктора Гюго [1]).

Ну, принцъ, пора! Насталъ срокъ, выбранный тобой.
Ждать больше нечего. Смотри: во тьмѣ ночной,
Почуявъ издали грабителей народа,
Сердито мечется и лаетъ песъ—свобода.
Онъ, правда, на цѣпи,—но все-таки пора.
Насталъ удобный часъ: далеко до утра,
И, будто за одно работая съ тобою,
Декабрь одѣлъ Парижъ могильной темнотою
Въ сегодняшнюю ночь. Минута дорога—
Теперь напасть въ расплохъ ты можешь на врага.
Онъ спитъ. Иди, какъ воръ выходитъ изъ трущобы.
Въ казармахъ, одичавъ отъ водки и отъ злобы,
Солдаты ждутъ тебя, чтобъ службу сослужить
И на обманщика корону возложить.
Съ ножемъ, на цыпочкахъ, фонарь въ рукѣ скрывая,
Иди! Республика, тебя не ожидая,
Спитъ безмятежнымъ сномъ довѣрчивыхъ дѣтей:
Твоя присяга, принцъ, подушкой служитъ ей.

Ребята, маршъ впередъ! Дружнѣй въ штыки, солдаты!
Кто это здѣсь идетъ? Народа депутаты?
Коли ихъ! Это кто закопошился? А!

---

[1]) Сборникъ стихотвореній Гюго, озаглавленный «Chatiments», весь посвященъ сатирѣ на различныя событія, сопровождавшія воцареніе Наполеона III. Мы выбрали на первый разъ стихотвореніе, предметъ котораго—второе декабря 1851 г.

Верховный судъ! Въ тюрьму! Любуйся, буржуа,
Ты, сволочь мерзкая, любуйся! Посмотри ты,
Какъ быстро перешли въ грабители — бандиты,
Сыны отечества, защитники его!
Смотри, какъ въ мастерской у принца твоего,
Въ крови и пламени куется диво-штука
Великій coup d'Etat!.. Ты недоволенъ?... Ну-ка,
Солдаты бравые, ударьте на народъ,
Сметите пулями весь этотъ жалкій сбродъ, —
А избирательный свой голосъ, какъ владыка,
Ужъ послѣ онъ подастъ!.. Вся доблестная клика
Продажной челяди, безъ страха и стыда
На сцену выходи! Рубите, господа,
Рубите совѣсть, честь, и право, и законы!
Пусть льется кровь рѣкой, пусть раздаются стоны,
Пускай на груды тѣлъ валятся вновь тѣла!..
Кто хочетъ водочки? Когда такая мгла
И сырость,—надо пить... Солдаты, пристрѣлите
Намъ старца этого, да разомъ ужъ хватите
И глупое дитя. Кто это плачетъ? мать?
Стрѣляйте и въ нее!.. Заставьте замолчать
Крикливость дерзкую всѣхъ, недовольныхъ нами,
И пусть почувствуютъ подъ вашими штыками
Всѣ эти наглецы, какъ презираемъ мы,
Мы—сила мощная, ихъ—жалкіе умы!

Все кончено! Нигдѣ ни выстрѣла, ни крика...
Ура! да здравствуетъ Наполеонъ—владыка!
Лѣсъ баррикадъ идетъ на яркіе огни
Иллюминаціи. Въ воротахъ Сенъ-Дени
Ликуетъ армія; всѣ веселы и пьяны;
Набиты деньгами солдатскіе карманы,
А тѣ, которые поболѣе другихъ
И съ большей стойкостью соотчичей своихъ
Сегодня рѣзали,—получатъ въ награжденье
Еще почетный крестъ за доблестное рвенье!
Среди развалинъ, тѣлъ и крови, словно звѣрь,
Побѣда и реветъ, и прыгаетъ... Теперь—
Теперь скорѣе въ Лувръ—съ признательной любовью
Поздравимъ Цезаря! Парижъ весь залитъ кровью,
Что шагъ, то кровь! Легко забрызгаться, друзья...
Но это пустяки! Вотъ праведный судья

Чрезъ лужи шествуетъ, вверхъ подобравши тогу;
Вотъ, рясу приподнявъ, бѣжитъ черезъ дорогу
Служитель алтаря; вотъ шибко поскакалъ
Въ расшитомъ золотомъ мундирѣ генералъ;
Вотъ и чиновный людъ, самодоволенъ, веселъ...
Да, вы тѣ самые, кого съ курульскихъ креселъ
Еще вчера согналъ дубинкою сержантъ!
Теперь, увѣрившись, что ловкій комедьянтъ
Побѣду одержалъ, что вамъ не нужно будетъ
Впередъ быть честными, что *онъ* васъ не забудетъ
Своею милостью, что станетъ щедро онъ
За преданность платить, что право и законъ
Убиты *имъ*, что ихъ безжизненное тѣло
Найдете въ Луврѣ вы,—теперь бѣгите смѣло,
И поздравленьями и кликами *ура!*
Привѣтствуйте того, кто далъ еще вчера
Вамъ всѣмъ пощечину, и такъ какъ по колѣни
Запачканъ кровью онъ,—на тронныя ступени
Склонитесь и, шепча про вѣрность и любовь,
Лизаньемъ съ ногъ его сотрите эту кровь!..

И этотъ человѣкъ чрезъ мѣсяцъ былъ въ Соборѣ.
Онъ въ Notre-Dame вошелъ съ спокойствіемъ во взорѣ,
Походкой твердою... Курился ѳиміамъ,
Органа стройные аккорды къ небесамъ
Торжественно неслись. Въ богатомъ облаченьи
Архіепископъ самъ свершалъ богослуженье
И грустно со креста распятый Іисусъ
Смотрѣлъ на это все... А Цезарь, гладя усъ,—
Какъ лижетъ волкъ себя, когда богатъ и сладокъ
Былъ у него обѣдъ,—сказалъ: «Я спасъ порядокъ,
Я спасъ религію, законность и семью,—
Примите, ангелы, меня въ среду свою!»
Сказалъ,—и взоръ его, свирѣпый и лукавый,
Сверкнулъ слезой... О, храмъ священно-величавый,
О, небо, зрѣвшее Нерона подъ собой,
Валы, по коимъ плылъ въ галерѣ золотой
Тиверій въ Капрею, свѣтъ, видѣвшій Сеяна,
О, бездна, въ Патмосѣ предъ взоромъ Іоанна
Разверзнувшая пасть,—скажите, чей талантъ
Сильнѣй? кто выше здѣсь: бандитъ иль комедьянтъ?

II.

ПОДМАСТЕРЬЕ МЕЛЬНИКА

Изъ Шамиссо.

Служилъ на этой мельницѣ еще ребенкомъ я,
Прошли на ней младенчество и молодость моя.
Ахъ, какъ была дочь мельника мила и хороша,
Какъ ярко отражалася въ глазахъ ея душа!

Не разъ въ часы вечерніе мы сиживали съ ней,
Я повѣрялъ и радости, и скорбь души моей.
Она съ участьемъ слушала... Моя любовь одна
Отъ милой оставалася всегда утаена.

Ни разу не промолвился... Будь въ ней самой любовь,
Сама-бы догадалася,—заговорила-бъ кровь.
Тогда я сердцу бѣдному: «молчи, терпи»,—сказалъ—
«Тамъ не дождешься радости, гдѣ счастья Богъ не далъ!»

Моя печаль безмолвная ей сдѣлалась видна,
И дружески, привѣтливо коритъ меня она:
«Да что съ тобой? какъ блѣденъ ты! какъ сумраченъ и тихъ!
Извольте быть веселенькимъ,—я не люблю такихъ!»

Но вотъ однажды радостно бѣжитъ она ко мнѣ,
Меня хватаетъ за руку... лицо ея въ огнѣ...
«Поздравь меня, мой добрый другъ: невѣста предъ тобой;
Къ тебѣ спѣшила первому я съ радостью такой!»

Пожалъ я руку бѣлую, пошелъ къ рѣкѣ—и тамъ
Такія слезы горькія катились по щекамъ,
Такъ страшно было нá сердцѣ, какъ будто я зарылъ
Въ могилу глубочайшую все, чѣмъ дышалъ и жилъ.

Ихъ обручили вечеромъ,—и я, въ числѣ гостей,
Передъ четой счастливою сидѣлъ съ тоской моей.
Я слышалъ пѣсни звонкія, и чоканье, и смѣхъ,—
И самъ игралъ веселаго: вѣдь на виду у всѣхъ!

А утромъ, какъ у пьянаго кружилась голова,
Молчалъ я, точно умерли на языкѣ слова.
О чемъ грустить бы, кажется? *Она*, женихъ, родня—
Всѣ были такъ привѣтливы, ласкали такъ меня!

При мнѣ, какъ другѣ искреннемъ, не видя мукъ моихъ,
Шептались, обнимались невѣста и женихъ...
Не могъ я дольше выдержать: котомку, посохъ взялъ
И голосомъ трепещущимъ хозяевамъ сказалъ:

«Давно ужъ очень хочется людей увидѣть мнѣ:
Пойду смотрѣть, какъ тамъ живутъ на чуждой сторонѣ...»
Она на это: «Боже мой! зачѣмъ отъ насъ идти?
Гдѣ можешь ты привѣтъ такой, друзей такихъ найти?»

Тутъ громко разрыдался я... Теперь я плакать могъ:
Никто вѣдь не прощается безъ горя и тревогъ.
И я оставилъ мельницу съ растерзанной душой,
И скоро—возвратился я едва-едва живой.

Заботливо на мельницѣ всѣ ходятъ за больнымъ,
Лелѣетъ дочь хозяйская съ возлюбленнымъ своимъ.
Ихъ свадьба въ маѣ мѣсяцѣ; невѣста и женихъ
Хотятъ, чтобъ послѣ свадьбы я остался жить у нихъ.

Я слушаю на мельницѣ колесъ унылый стукъ
И думаю: отрадное забвенье горькихъ мукъ
На нашемъ сельскомъ кладбищѣ найдетъ душа моя...
Они вѣдь оба требуютъ, чтобъ выздоровѣлъ я!

П. Вейнбергъ.

ВОСПИТАНІЕ

съ

АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ ТОЧКИ ЗРѢНІЯ.

I.

Въ дѣлѣ воспитанія дѣтей, разладъ между теоріей и практикой проявляется очень рѣзко. Въ то время, какъ теоретики проповѣдуютъ свою теорію «естественнаго воспитанія» и порицаютъ практиковъ за употребленіе слишкомъ искусственныхъ рутинныхъ способовъ, практики относятся съ презрѣніемъ ко всякимъ широкимъ обобщеніямъ и никакъ не хотятъ промѣнять на нихъ добытые опытомъ педагогическіе результаты.

Теорія естественнаго воспитанія Ж. Ж. Руссо нашла горячихъ послѣдователей и между современными теоретиками-философами. Такъ, Гербертъ Спенсеръ, исходя, очевидно, изъ того же принципа, «que les premiers mouvements de la nature sont toujours droits» [1]), совѣтуетъ родителямъ и воспитателямъ превратиться въ родъ посредника между природой и ребенкомъ и, никогда не придумывая «искусственныхъ» способовъ исправленія, всегда обращаться къ «естественному методу» [2]). Сущность этого метода заключается въ томъ, чтобы ребенокъ видѣлъ въ наказаніи необходимое послѣдствіе его по-

---

[1]) *J. J. Rousseau.* Emile, ou de l'éducation. Paris 1836. T. I, стр. 129.

[2]) *Гербертъ Спенсеръ.* Научные, политическіе и философскіе опыты. Т. III. Умственное, нравственное и физическое воспитаніе. 1866. Стр. 126.

ступка, чтобы онъ собственнымъ опытомъ дошелъ до сознанія, что наказаніе и проступокъ относятся, какъ слѣдствіе къ причинѣ во всѣхъ естественныхъ явленіяхъ. Гербертъ Спенсеръ посвящаетъ цѣлую главу «о нравственномъ воспитаніи» разъясненію этого метода, который былъ выраженъ уже Руссо въ слѣдующемъ правилѣ: «il ne faut jamais infliger aux enfants le châtiment comme châtiment, mais il doit toujours leur arriver *comme une suite naturelle* de leur mauvaise action»[1]. Руссо полагаетъ, впрочемъ, что и въ такомъ наказаніи должна рѣдко встрѣчаться надобность при правильномъ «естественномъ» воспитаніи. Онъ убѣжденъ, что наклонности и желанія дѣтей являются единственно ради ихъ собственной пользы и что всѣ поползновенія дѣтей къ вреднымъ дѣйствіямъ составляютъ результатъ дурного воспитанія. Поэтому нужно давать возможно большій просторъ дѣтской волѣ. Будучи въ значительной степени предоставленъ своимъ собственнымъ средствамъ, ребенокъ научится опытомъ отличать вредное отъ полезнаго и съумѣетъ избѣгать первое. Гербертъ Спенсеръ комментируетъ это положеніе различными примѣрами. «Если ребенокъ упадетъ или ударится головою объ столъ, то уже одно воспоминаніе о боли заставитъ его быть болѣе осторожнымъ. Если онъ дотронется до рѣшетки камина, сунетъ руку въ пламя свѣчи, обварится кипяткомъ—обжогъ будетъ для него урокомъ, который онъ нескоро забудетъ. Впечатлѣніе, произведенное *однимъ или двумя происшествіями такого рода*, такъ глубоко, что никто не уговоритъ потомъ ребенка пренебрегать законами своего организма»[2].

Такъ какъ приведенный и другіе подобные ему примѣры самымъ нагляднымъ образомъ уясняютъ принципъ «естественнаго наказанія», то и разборъ такихъ примѣровъ можетъ, до нѣкоторой степени, служить критикой самой теоріи. Спенсеръ не указываетъ намъ на то, о ребенкѣ какого возраста онъ говоритъ; но, по самой сущности дѣла, нужно думать, что онъ имѣетъ въ виду очень молодого, приблизительно пяти-лѣтняго ребенка—болѣе взрослый не станетъ уже дѣлать опытовъ со всовываніемъ пальца въ пламя свѣчи. Если мы, основываясь на наблюденіяхъ изъ обыденной жизни, станемъ разбирать вопросъ о томъ, какія послѣдствія будетъ имѣть ударъ, обварка и обжогъ на маленькаго ребенка, то найдемъ, какъ непосредственное послѣдствіе, испугъ и чувство боли. Такъ какъ послѣдняя (напр. боль отъ

---

1) *Руссо*, Emile, I. 142.

2) Опыты, Т. III. 126.

горячей воды и раскаленнаго желѣза) можетъ продолжаться довольно долго, то ребенокъ будетъ находиться, сверхъ того, долгое время въ возбужденномъ, нервномъ состояніи. Возможно, что онъ дѣйствительно съ перваго же или со второго раза найдетъ причинную связь между каминомъ, водою, столомъ и болью, но въ такомъ случаѣ онъ не будетъ въ состояніи узнать настоящей причины, вызвавшей въ немъ болѣзненное ощущеніе, такъ какъ онъ непремѣнно соединитъ воспоминаніе о боли съ воспоминаніемъ о столѣ, каминѣ и водѣ. Всѣ эти предметы дѣйствуютъ, главнымъ образомъ, на зрѣніе, и у ребенка навсегда останется воспоминаніе о формѣ и цвѣтѣ камина, соединенное съ воспоминаніемъ о боли; поэтому онъ будетъ всегда бояться подойти къ камину и дотронуться до него. Умѣнье соединить причинною связью болѣзненное ощущеніе съ невидимымъ свойствомъ (раскаленностью) камина никакъ не можетъ быть приписано маленькому ребенку, сдѣлавшему одинъ или два опыта. То же самое должно быть сказано и относительно другихъ случаевъ, когда ребенокъ поспѣшно заключаетъ о причинной связи различныхъ явленій. Извѣстная пословица: «у страха глаза велики», показываетъ очень ясно, что умъ склоненъ слишкомъ широко обобщать связь болѣзненныхъ ощущеній съ вызвавшими ихъ предметами. Вслѣдствіе такого черезчуръ широкаго обобщенія, собака, битая нѣсколько разъ палкой, начинаетъ бояться всякой палки и всякаго другого предмета, похожаго на палку. То же самое мы видимъ и на дѣтяхъ.

Имѣя, такимъ образомъ, въ виду, что слишкомъ скоро выведенное заключеніе ведетъ къ черезчуръ широкому обобщенію, мы должны придти къ заключенію, что поступающій на основаніи такого «опыта» ребенокъ станетъ въ невѣрное, неестественное отношеніе къ предметамъ. Ударившись объ столъ, обварившись водой, обжогшись о каминъ, онъ будетъ бояться стола, воды и камина и не рѣшится имѣть дѣло съ этими предметами даже въ томъ случаѣ, когда они будутъ ему положительно полезны. Безъ посторонней помощи, онъ не скоро научится правильно связывать причины съ слѣдствіями. Но нужно замѣтить, что въ жизни маленькаго ребенка встрѣчается огромное множество такихъ случаевъ, когда отношенія его къ окружающей природѣ гораздо болѣе сложны и потому еще гораздо менѣе понятны ему, чѣмъ разобранный примѣръ съ кипяткомъ, раскаленнымъ желѣзомъ и проч. Напримѣръ, ребенокъ нездоровъ и ему нужно принять невкусное лекарство. (Я надѣюсь, что и самые отчаянные философы-теоретики не откажутся признать факта, что не всѣ дѣтскія болѣзни происходятъ отъ дурного

воспитанія: наилучше воспитанныя, по мнѣнію этихъ философовъ, дѣти дикихъ народовъ также не освобождены отъ болѣзней). Ребенокъ, попробовавши горькую микстуру, отказывается пить ее; онъ не въ состояніи понять, что отъ невкуснаго лекарства можетъ послѣдовать выздоровленіе. Положимъ даже, что онъ уже не въ первый разъ боленъ и не въ первый разъ принимаетъ лекарство, но, такъ какъ между пріемомъ микстуры и выздоровленіемъ проходитъ всегда болѣе или менѣе длинный промежутокъ времени, въ который совершается много разныхъ событій, то не только ребенокъ, но даже часто и взрослый человѣкъ не можетъ уловить здѣсь естественной связи явленій и открыть дѣйствительную причину выздоровленія. Если ребенокъ (что̀ и бываетъ въ большинствѣ случаевъ) отказывается отъ добровольнаго принятія микстуры и если за этимъ слѣдуетъ ухудшеніе болѣзни, то и здѣсь, и опять по той же причинѣ, т.-е. вслѣдствіе болѣе или менѣе значительной разновременности причины и слѣдствія, онъ не въ состояніи уловить причинной связи явленій.

Совершенно сходныя столкновенія ребенка съ природою являются постоянно въ дѣлѣ выбора пищи. Ребенокъ ѣстъ все, что̀ ему ни попадется и въ такомъ количествѣ, какое только можетъ въ него войти. Какимъ образомъ можетъ онъ понять, что въ томъ кускѣ, который онъ ѣстъ, поднявши его прямо съ пола, находятся яйца паразитовъ, могущія произвести очень серьезную болѣзнь? Или, что тѣ плоды, которые онъ гдѣ-нибудь сорвалъ, могутъ быть ему вредны или даже опасны? Сколько событій произойдетъ въ тотъ промежутокъ времени, который необходимъ, чтобы какое-нибудь вредное (не опасное) вещество произвело свое необходимое послѣдствіе, или «естественное наказаніе» Спенсера. Если философы-теоретики станутъ возражать, что нормальный, неиспорченный воспитаніемъ ребенокъ руководится при выборѣ пищи особымъ пищеизбирательнымъ инстинктомъ, который отталкиваетъ отъ него всѣ вредныя явства, то какъ же послѣ этого объяснить, что животныя, какъ домашнія (т.-е. «испорченныя» человѣкомъ, по мнѣнію философовъ-теоретиковъ), такъ и дикія, наѣдаются паразитовъ, которые производятъ нерѣдко смертельныя болѣзни? Или какъ объяснить, что обезьяны въ Индіи до того опиваются наркотическими напитками, что человѣкъ съ помощью этого ловитъ ихъ и порабощаетъ?

Я привелъ такого рода примѣры изъ обыденной жизни ребенка, когда онъ не бываетъ въ состояніи найти связь между двумя отдаленными другъ отъ друга по времени явленіями. Но какое

множество подобныхъ фактовъ встрѣчается на каждомъ шагу въ дѣтской жизни! Польза чистоты, одного изъ главнѣйшихъ гигіеническихъ моментовъ, принадлежитъ къ числу такихъ фактовъ, которые не могутъ быть поняты дѣтскимъ умомъ. Дѣти, начиная съ очень ранняго возраста, «капризничаютъ» при одѣваніи и умываніи и напротивъ съ большимъ удовольствіемъ пачкаются. Какое же тутъ можетъ быть «естественное» наказаніе, вслѣдъ за проступкомъ, вредность котораго никакъ не можетъ быть познана ребенкомъ?

Совершенно неестественно будетъ и наказаніе, которое предлагаетъ Спенсеръ для маленькой Констанціи, всегда опаздывающей съ приготовленіями къ прогулкѣ. «Живого нрава и способная углубиться въ занятія минуты, Констанція никогда не думала одѣваться, пока остальныя дѣти не были уже готовы. Гувернанткѣ и сестрамъ почти постоянно приходилось ждать ее; а мать почти неизмѣнно награждала вѣтренницу однимъ и тѣмъ же выговоромъ. Какъ неудачна ни оказывалась эта система, матери никогда не приходило на мысль попробовать на Констанціи *«естественное наказаніе»*. «Если Констанція не готова во время, *естественный результатъ* тотъ, чтобъ ее оставили дома и лишили прогулки» [1]). Я не знаю, скоро ли подобное наказаніе сдѣлало бы Констанцію, дѣвочку «живого нрава» и очевидно увлекающуюся, аккуратной и внимательною по отношенію къ приготовленіямъ къ прогулкѣ; я полагаю, что, оставшись дома, она осталась бы недовольна обращеніемъ съ ней и не приняла бы на себя никакой вины (и въ этомъ я съ ней совершенно согласенъ). Она разсуждала бы, по всей вѣроятности, слѣдующимъ образомъ: «я не приготовилась къ прогулкѣ единственно потому, что была увѣрена, что назначенный часъ еще не пришелъ; занявшись дѣломъ, я не замѣтила, какъ прошло время; это—ошибка, но совершенно невольная: у меня не было ни малѣйшаго желанія задерживать сестеръ и тѣмъ дѣлать имъ непріятность, а между тѣмъ я теперь страдаю. Если у меня живой и увлекающійся характеръ, то въ этомъ всего менѣе виновата я; если характеръ зависитъ отъ воспитанія, то виноваты тѣ, кто меня воспитываетъ, если же характеръ есть прирожденное свойство, то и тутъ я ни въ чемъ непричастна». Однимъ словомъ, Констанція, не имѣя даже надобности въ послѣдовательномъ разсужденіи, ясно чувствовала бы, что она сдѣлала ошибку не по своей винѣ, а вслѣдствіе совершенно независящаго отъ ея воли обстоятельства (т.-е. отъ живого харак-

1) Опыты. III. Стр. 134.

тера); и въ то же время она чувствовала бы, что терпитъ наказаніе. Подобная исправительная система можетъ только запугивать дѣтей, что, какъ извѣстно, очень дурно вліяетъ на развитіе характера.

Спенсеръ находитъ, что проповѣдуемый имъ способъ наказанія есть самый справедливый, и видитъ большое преимущество его въ томъ, «что каждый ребенокъ признаетъ справедливость естественнаго наказанія» [1]). Онъ думаетъ [2]), что, «когда ребенокъ ощущаетъ точную мѣру непріятныхъ послѣдствій своихъ дурныхъ дѣйствій, онъ долженъ болѣе или менѣе ясно сознать *справедливость наказанія*». Съ этимъ невозможно согласиться ни подъ какимъ видомъ. Чтобы признать справедливость наказанія, для этого нужно или сознавать въ себѣ волю, или же, не разсуждая ни о чемъ, принимать на вѣру все, сообщаемое «старшими». Поэтому, сознавать справедливость наказанія можетъ только развитой человѣкъ, который вообще считаетъ себя существомъ, долженствующимъ не подчиняться постороннему вліянію, а бороться съ нимъ и дѣйствовать по собственной (по крайней мѣрѣ, какъ таковую сознаваемой) волѣ, или же—забитый ребенокъ, который никакой воли не имѣетъ и не сознаетъ, а думаетъ, что онъ «виноватъ», если ему это прикажутъ думать. За исключеніемъ этихъ крайнихъ случаевъ, наказуемый чувствуетъ или сознаетъ, что онъ совершилъ проступокъ подъ вліяніемъ какой-нибудь посторонней силы, и что, слѣдовательно, онъ выноситъ наказаніе, несправедливо ему вмѣненное. Относительно ребенка нужно еще имѣть въ виду то обстоятельство (о чемъ будетъ подробно сказано ниже), что, при слабой волѣ, чувствительность у него вообще очень сильно развита. Побужденіе къ совершенію проступка, или такъ-наз. соблазнъ будетъ на него дѣйствовать всегда сильно, подавляя неразвитую волю, и сильно же будетъ дѣйствовать на него наказаніе. Послѣднее должно слѣдовательно еще усилить чувствительную сторону ребенка. Терпя наказаніе и не признавая за собой вины, ребенокъ долженъ сильно чувствовать или горе, или злобу, или то и другое вмѣстѣ. Спенсеръ, очевидно, не различаетъ чувства справедливости отъ чувства естественной законности. Лиссабонское землетрясеніе было явленіемъ совершенно законнымъ съ точки зрѣнія естественной связи событій, но кто же въ душѣ не возмущался несправедливостью подобной катастрофы, поглотившей столько невинныхъ людей. Собственно эпитеты справедливости

---

[1]) Опыты III. Стр. 138.

[2]) Опыты III. Стр. 139.

или несправедливости даже не могутъ быть и прилагаемы къ естественнымъ природнымъ явленіямъ. А ребенокъ, сознающій или чувствующій, что проступокъ его былъ простымъ результатомъ посторонних его волѣ вліяній, долженъ такъ же смотрѣть на наказывающаго его воспитателя, какъ мы смотримъ на наказывающую природу, т.-е. какъ на нѣчто такое, что̀ дѣйствуетъ, не обращая вниманія на справедливость или несправедливость.

Изъ разобранныхъ примѣровъ можно уже видѣть, что ребенокъ не въ состояніи вступить въ правильныя отношенія къ природѣ, основываясь только на дѣйствіи своего ума, т.-е. на томъ опытѣ, который ему доступенъ. Слѣдовательно, роль воспитателя уже поэтому не можетъ ограничиваться только однимъ посредничествомъ между ребенкомъ и внѣшней природой. Ребенокъ на каждомъ шагу встрѣчаетъ въ жизни такія положенія, которыя могутъ быть правильно поняты только съ помощью долгой опытности и большого знанія. Онъ не можетъ ни понять, ни почувствовать связи между явленіями, отдѣленными другъ отъ друга продолжительнымъ промежуткомъ времени; поэтому, ему вообще недоступна идея полезности, тогда какъ сфера чувственнаго удовольствія или неудовольствія для него открыта.

Теорія «естественнаго воспитанія», открыто или тайно, но должна признать, какъ принципъ, что естественныя наклонности ребенка, если не сознательно, то инстинктивно, ведутъ къ пользѣ. Но это справедливо только въ самыхъ общихъ чертахъ. Дѣйствительно, голодъ, жажда и другія естественныя побужденія имѣютъ цѣлью пользу организма, т.-е. сохраненіе его жизни. Но, говоря о воспитаніи человѣка, мало того, чтобы онъ могъ жить, въ чисто-физіологическомъ смыслѣ слова; нужно, чтобы ребенокъ воспитывался и развивался во всѣхъ отношеніяхъ, а тутъ-то и оказывается, что не всѣ наклонности ребенка настолько полезны, какъ голодъ и жажда, для сохраненія даже матеріальной жизни.

Ж. Ж. Руссо и другіе защитники «естественнаго воспитанія» стоятъ на томъ, что природа создала человѣка «совершеннымъ» т.-е. принаровленнымъ къ наилучшей жизни, но что человѣкъ съумѣлъ испортить свою природу до того, что хорошее «естественное» воспитаніе теперь уже является намъ дѣломъ почти что невозможнымъ. «O hommes! est-ce ma faute; si vous avez rendu difficile tout ce qui est bien», говоритъ *Руссо* (Emile I, 128). Откуда же, спрашивается, человѣкъ получилъ возможность такъ легко испортить свое существованіе, если онъ родился вполнѣ способнымъ къ наилучшей жизни? Защитники «естествен-

наго воспитанія» не отвѣчаютъ на этотъ вопросъ, но, разъ предположивши, что человѣкъ первоначально испортился, они указываютъ на употребительное воспитаніе, какъ на источникъ распространенія зла. Съ цѣлью искоренить послѣднее, они и предлагаютъ родителямъ быть «толкователями и служителями природы».

А между тѣмъ именно *Руссо* могъ лучше, чѣмъ кто-либо другой, найти дѣйствительный источникъ зла и усмотрѣть, что воспитаніе, несмотря на все его большое значеніе, не есть по крайней мѣрѣ единственная причина «порчи» человѣка. Не онъ ли говоритъ про самого себя: Il faut que *malgré l'éducation la plus honnête, j'eusse un grand penchant à dégénérer:* car cela se fit très rapidement, sans la moindre peine; et jamais César si précoce ne devint si promptement Laridon» [1]); и далѣе: «*si jamais enfant reçut une éducation raisonnable et saine, ç'a été moi* [2])». И несмотря на такое, по мнѣнію самого Руссо, хорошее воспитаніе, онъ самъ описываетъ себя не особенно доблестнымъ человѣкомъ. Значитъ, существуетъ нѣчто такое, что́, независимо отъ воспитанія и гораздо глубже его, дѣйствуетъ на человѣка.

Я предлагаю обратить особенное вниманіе именно на эту непослѣдовательность Руссо. Разсуждая о «естественномъ воспитаніи», онъ увѣряетъ, что дурное воспитаніе испортило людей и что одно хорошее воспитаніе непремѣнно сдѣлаетъ человѣка хорошимъ. Оставивши же въ сторонѣ всякіе теоретическіе вопросы и планы, превратившись въ человѣка, анализирующаго фактически прожитое прошедшее, Руссо уже сознаетъ, что однимъ воспитаніемъ ничего не сдѣлаешь, что, несмотря на всѣ добродѣтели, которыми онъ былъ окруженъ, въ немъ развились сквернѣйшіе недостатки.

До сихъ поръ мы говорили о теоріи такъ-наз. естественнаго воспитанія, съ цѣлью показать, что она не рѣшаетъ главнаго вопроса, и затѣмъ указали на признаніе Ж. Ж. Руссо, что, независимо отъ воспитанія (каково бы оно ни было), существуетъ еще нѣчто другое («grand penchant à dégénérer»), вліяющее громаднымъ образомъ на всю судьбу человѣка. Рѣшеніе этого вопроса очевидно необходимо для того, чтобы опредѣлить границы и дѣйствительное значеніе воспитанія.

---

[1]) *Rousseau.* Confessions. Oeuvres complètes. T. VIII. 1865. Стр. 20.

[2]) Ibid. Стр. 42.

Для рѣшенія подобнаго вопроса недостаточно одного размышленія, основаннаго на обыденныхъ, кое-какъ собранныхъ данныхъ. Это лучше всего видно именно потому, что такіе умные и глубокіе мыслители, какъ Ж. Руссо и Гербертъ Спенсеръ, съ помощью однихъ апріорическихъ выводовъ, пришли къ такой теоріи, которая положительно не выдерживаетъ критики. Для возможно удовлетворительнаго рѣшенія вопроса, мы необходимо должны прибѣгнуть къ помощи положительной науки, которая уже и теперь даетъ намъ много важныхъ фактовъ. Цѣль нашей статьи и заключается именно въ томъ, чтобы показать, что основной вопросъ воспитанія настолько же подчиняется точной научной разработкѣ, какъ и многіе другіе вопросы изъ человѣческой жизни. Правда, въ настоящее время мы еще не можемъ представить достаточно полнаго и всесторонняго отвѣта на нашъ вопросъ, но можемъ, по крайней мѣрѣ, указать на пути, по которымъ нужно слѣдовать.

При разсмотрѣніи теоріи «естественнаго воспитанія» было сказано, что защитники ея обвиняютъ человѣка въ томъ, что онъ слишкомъ отдалился отъ природы. Они находятъ, что природа сдѣлала свое дѣло и что человѣку нужно только не отступать отъ указываемаго ею пути. Извѣстно, какъ подобное воззрѣніе выдвинуло въ прошломъ столѣтіи изученіе «естественныхъ», первобытныхъ народовъ, въ которыхъ цивилизованные люди искали для себя примѣровъ. Простота всей жизни такъ-наз. «дикихъ» дѣйствительно должна была поражать рѣзкимъ контрастомъ при сравненіи ея съ черезчуръ усложненной и въ самомъ дѣлѣ дикой жизненной обстановкой наиболѣе цивилизованныхъ людей. Въ то время указывали и на животныхъ, какъ на существа, живущія «естественной» жизнью природы и тѣмъ представляющія для цивилизованнаго (или, что́ тоже, «испорченнаго») человѣка много поучительнаго.

Если мы сравнимъ воспитаніе современнаго цивилизованнаго человѣка съ простымъ воспитаніемъ «дикаря», или съ еще болѣе простымъ воспитаніемъ высшихъ животныхъ, то намъ представится громадное различіе. Уже a priori можно заключить, что наиболѣе сложное и продолжительное воспитаніе мы встрѣтимъ у наиболѣе цивилизованныхъ народовъ. Очевидно, что для того, чтобы изучить какое-нибудь ремесло или науку и вообще для того, чтобы сдѣлаться членомъ современнаго общества, нужно пройти длинную школу какъ умственнаго, такъ и нравственнаго обученія. — Для цивилизованныхъ обществъ все болѣе и болѣе оправдывается пословица: вѣкъ живи, вѣкъ учись. Совершенно иное мы видимъ относительно народовъ не-цивилизованныхъ,

или такъ-наз. «дикарей». Тутъ воспитательный періодъ жизни продолжается несравненно короче. Ребенокъ можетъ скоро изучить всѣ незатѣйливыя ремесла родителей и съ ранняго возраста начать вести болѣе или менѣе самостоятельную жизнь. «Дѣти американскихъ индѣйцевъ подражаютъ своимъ родителямъ и, играя, изучаютъ ремесла, нужныя для ихъ дальнѣйшей жизни. М. Кенне разсказываетъ, что уже маленькія дѣти хиказавовъ употребляютъ ружья для стрѣльбы птицъ, бѣлокъ, кроликовъ и проч. на разстояніи отъ 20 до 30 футовъ» [1]). Увѣряютъ, что дѣти нѣкоторыхъ индѣйцевъ уже на третьемъ году начинаютъ ѣздить верхомъ [2]). На западномъ берегу Африки дѣти очень рано выучиваютъ языкъ, всѣ пріемы и дѣйствія взрослыхъ [3]). Совершенно согласныя съ этимъ показанія мы находимъ и относительно нѣсколько болѣе цивилизованныхъ народовъ Средней Азіи. Вотъ чтò говоритъ, напр., Вамбери: «Время ребячьихъ игръ въ Средней Азіи тянется не долго. Дѣвочку рано начинаютъ учить прясть, ткать, шить, дѣлать сыръ и т. п., а мальчика уже на пятомъ году сажаютъ на лошадь; на десятомъ же, а иногда и раньше, онъ участвуетъ уже въ маневрахъ — примѣрныхъ сраженіяхъ, и жокеемъ на скачкахъ» [4]). Въ показаніяхъ путешественниковъ, къ сожалѣнію, довольно рѣдко попадаются факты о воспитаніи дѣтей у первобытныхъ народовъ, но все, чтò мы знаемъ объ этомъ предметѣ, согласно показываетъ, что воспитательный періодъ у нихъ сравнительно съ цивилизованными народами очень коротокъ. Это подтверждается и тѣмъ всѣмъ извѣстнымъ фактомъ, что у насъ крестьянское юношество, при нахожденіи его въ обычныхъ условіяхъ, скорѣе становится взрослымъ, чѣмъ юношество болѣе развитыхъ классовъ. У крестьянъ браки совершаются вообще значительно раньше, чѣмъ въ образованномъ обществѣ, чтò совершенно ясно a priori.

Но какъ ни значительна разница въ воспитательномъ періодѣ у не-цивилизованныхъ и цивилизованныхъ людей, все же она далеко не въ такой степени поразительна, какъ различіе въ продолжительности того же періода у людей и другихъ млекопитающихъ [5]). Возьмемъ нѣсколько примѣровъ. Собака, несмотря на то, что она рождается слѣпою, уже на третьемъ или

---

[1]) *Waitz*. Die Indianer Nordamerikas. Leipzig. 1865. Стр. 101.

[2]) Waitz. Anthropologie der Naturvölker. Leipzig. 1862. Т. III, стр. 117.

[3]) Ibid. Т. II. Стр. 123.

[4]) Очерки Средней Азіи. 1868. Стр. 94.

[5]) Факты, относящіеся къ этому предмету, можно найти въ «Жизни животныхъ» *Брэма*.

четвертомъ мѣсяцѣ мѣняетъ зубы, а черезъ девять или десять мѣсяцевъ становится вполнѣ способною къ размноженію. Медвѣдь развивается нѣсколько дольше: онъ растетъ до шести лѣтъ, но половой зрѣлости достигаетъ раньше этого срока. Волкъ становится способнымъ къ размноженію на третій годъ своей жизни; въ тоже время созрѣваютъ органы размноженія у оленя и лося. Приблизительно въ этомъ же возрастѣ созрѣваетъ и оселъ. Мелкія животныя развиваются вообще гораздо скорѣе. Крыса оканчиваетъ свое развитіе черезъ два, три мѣсяца; хомякъ приблизительно въ такой же срокъ становится способнымъ къ размноженію; окончательно же выростаетъ онъ черезъ годъ. Сказанное здѣсь относительно кратковременности физическаго развитія различныхъ животныхъ въ неменьшей мѣрѣ справедливо и относительно психическаго ихъ развитія. Чуди, описывая жизнь молодыхъ лисицъ, поражается сходствомъ всѣхъ ихъ маневровъ съ пріемами взрослыхъ. Тоже самое разсказываютъ многіе наблюдатели и относительно другихъ животныхъ. Брэмъ говоритъ [1]) слѣдующее о развитіи изслѣдованнаго имъ тюленя: «новорожденный росъ съ замѣчательной быстротой; онъ видимо увеличивался въ величинѣ и во всемъ объемѣ; движенія его съ каждымъ днемъ становились свободнѣе и умнѣе, пониманіе окружающаго вообще увеличивалось. Около восьми дней по рожденіи онъ уже на сушѣ принималъ всѣ тюленьи положенія: лѣниво ложился на бока и на спину, выгибался, приподымая заднія ласты кверху и играя ими и проч. На третьей недѣлѣ своей жизни онъ уже превратился въ настоящаго тюленя».

Такъ какъ сравнительная продолжительность воспитательнаго періода для насъ имѣетъ величайшую важность, то мы прежде всего намѣрены разсмотрѣть отношеніе ея къ продолжительности періода развитія въ маткѣ и къ продолжительности жизни вообще. Сравнивая продолжительность эмбріональнаго развитія (т.-е. развитія внутри тѣла матери) съ продолжительностью воспитательнаго развитія до достиженія половой зрѣлости, мы получаемъ слѣдующія цифры (выводя это отношеніе для человѣка, мы брали 15 лѣтъ за срокъ наступленія половой зрѣлости и имѣли въ виду населяющіе Европу цивилизованные народы):

Продолжительность внутриматочнаго развитія относится къ продолжительности внѣматочнаго развитія до достиженія половой зрѣлости [2]), какъ:

---

[1]) *Брэмъ.* Illustrirtes Thierleben. T. II. Стр. 796.

[2]) Данныя для прилагаемыхъ цифръ заимствованы мною, главнымъ образомъ, изъ только-что цитированнаго сочиненія Брэма.

1 :	20	у	человѣка.
1 :	16	»	медвѣдя.
1 :	11,6	»	выдры.
1 :	9.3	»	слона.
1 :	8,6	»	ежа.
1 :	4,7	»	собаки.
1 :	4,2	»	дикой свиньи.
1 :	2,7	»	лоси.
1 :	2,5	»	козла.
1 :	2	»	крысы.
1 :	1,2	»	козы.

Изъ приведенныхъ фактовъ слѣдуетъ, прежде всего, что внутриматочное развитіе сравнительно всего короче у человѣка, а всего продолжительнѣе у травоядныхъ и у крысы. Это обстоятельство прямо указываетъ на то, что ребенокъ, появляясь на свѣтъ, представляется мало развитымъ сравнительно съ новорожденными и молодыми животными, и что поэтому-то для его доразвитія и полагается столь длинный срокъ внѣматочнаго, или воспитательнаго развитія. Этотъ выводъ вполнѣ подтверждается непосредственными изслѣдованіями о развитіи частей тѣла у человѣка и другихъ млекопитающихъ, какъ это будетъ показано ниже. Теперь же мы посмотримъ, въ какомъ отношеніи находится продолжительность воспитательнаго періода къ наибольшей продолжительности жизни вообще. Говоря о человѣкѣ, мы возьмемъ за срокъ воспитательнаго періода 20 лѣтъ (хотя мы имѣли бы полное право взять нѣсколькими годами больше); maximum же жизни человѣческой мы полагаемъ приблизительно въ 130 лѣтъ. При этомъ, отношеніе воспитательнаго періода къ продолжительности жизни будетъ равняться отношенію

1 :	5,4	для	человѣка,
1 :	6,2	»	слона.
1 :	8	»	медвѣдя.
1 :	8,7	»	льва.
1 :	9	»	ежа.
1 :	15	»	собаки, и
1 :	19	»	дикой свиньи.

Мы видимъ отсюда, что даже на тѣлесное развитіе (не говоря уже о психическомъ) у человѣка употребляется гораздо больше времени (въ послѣматочномъ періодѣ развитія), чѣмъ у другихъ млекопитающихъ.

Сравнительная медленность человѣческаго развитія въ по-

стэмбріональномъ (внѣматочномъ) періодѣ зависитъ не только отъ болѣе медленныхъ процессовъ роста, но также оттого, что, рождаясь на свѣтъ, человѣкъ представляется сравнительно менѣе развитымъ, чѣмъ другія новорожденныя млекопитающія. Это составляетъ, очевидно, результатъ сравнительно болѣе кратковременнаго развитія человѣка въ теченіи внутриматочнаго періода. Рѣзче всего отличіе между взрослымъ и новорожденнымъ млекопитающимъ обнаруживается въ дѣлѣ устройства головы. Кости черепа въ это время бываютъ соединены не постоянными швами, а временными связками, дающими костямъ бо́льшую возможность раздвигаться; это обстоятельство составляетъ существенное условіе при развитіи мозга. Временныя связки (такъ-наз. роднички) бываютъ болѣе всего развиты у человѣка и у ближайшихъ къ нему обезьянъ. Особенно сильно развиты у зрѣлаго человѣческаго зародыша два родничка, изъ которыхъ одинъ (бо́льшій) помѣщается между лобными и темянными костями и другой (ме́ньшій) между темянными и чешуею затылочной кости. Эти оба родничка являются у хищныхъ млекопитающихъ и у грызуновъ только въ рудиментарномъ видѣ, вслѣдствіе этого общая форма черепа у новорожденныхъ этихъ животныхъ ближе подходитъ къ формѣ взрослаго черепа, не́жели у обезьянъ, а въ особенности — у человѣка [1]). У новорожденныхъ жвачныхъ животныхъ кости черепа ограничиваются уже зубцами, образующими швы.

Хотя и существуетъ нѣсколько фактовъ, свидѣтельствующихъ о ме́ньшемъ развитіи нѣкоторыхъ новорожденныхъ млекопитающихъ сравнительно съ новорожденнымъ ребенкомъ, по эти факты, по своей одиночности и скоропреходимости, не могутъ измѣнять главнаго результата. Извѣстно, что нѣкоторыя хищныя, напр., со́бака, кошка рождаются слѣпыми, но, во-первыхъ, у нихъ вѣки скоро прорѣзываются и глаза начинаютъ раньше функціонировать нежели у человѣка, рождающагося уже съ прорѣзанными вѣками. Кромѣ того, эта первоначальная слѣпота не соединяется съ недоразвитіемъ какого-нибудь изъ важнѣйшихъ органовъ, и потому у многихъ хищныхъ (напр. у льва) вѣки прорѣзываются еще до рожденія.

Нетрудно убѣдиться въ томъ, что указанные факты относительно сравнительной исторіи развитія человѣка и другихъ высшихъ животныхъ должны играть очень важную роль для всей жизни, втеченіе воспитательнаго періода. Изъ этихъ фактовъ

[1]) См. Kehrer: Beiträge zur vergleichenden und experimentellen Geburtskunde. Zweites Heft. Giessen. 1868. стр. 92.

слѣдуетъ прежде всего, что ребенокъ разнится отъ взрослаго человѣка гораздо больше, чѣмъ всякое другое молодое животное отъ взрослаго. Между ребенкомъ и взрослымъ человѣкомъ лежитъ длинный воспитательный періодъ съ цѣлымъ міромъ особенныхъ условій. У другихъ же животныхъ, воспитательное развитіе которыхъ намъ болѣе или менѣе извѣстно, разница между молодымъ и взрослымъ животнымъ такъ невелика и кратковременна, что первое очень скоро догоняетъ второе. Этотъ выводъ намъ необходимъ для того, чтобы взвѣсить роль подражанія при воспитаніи. Всѣмъ извѣстно, что всѣ молодыя животныя имѣютъ величайшую наклонность къ подражанію дѣйствіямъ взрослыхъ. Дѣтей на этомъ основаніи часто называютъ «обезьянами». Очевидно, что чѣмъ меньше различіе между молодымъ и взрослымъ животнымъ какого-нибудь вида, тѣмъ полезнѣе будетъ роль подражанія при воспитаніи молодого животнаго. Молодое травоядное животное, которое рождается наиболѣе развитымъ и тотчасъ по появленіи на свѣтъ оказывается уже способнымъ слѣдовать за матерью, можетъ во всѣхъ отношеніяхъ подражать ей. Въ подобномъ случаѣ подражаніе является главнѣйшимъ и почти единственнымъ орудіемъ воспитанія. Въ нѣсколько меньшей мѣрѣ тоже приложимо и ко многимъ другимъ животнымъ. Хищныя, хотя и не такъ рано какъ жвачныя, но все же еще очень скоро начинаютъ свое воспитаніе, т.-е. слѣдуютъ за матерью, подражаютъ ей въ дѣлѣ добыванія пищи, устраиваютъ себѣ такія же жилища, какія дѣлаетъ ихъ мать, словомъ, употребляютъ всѣ свои подражательныя наклонности съ воспитательной цѣлью и, такимъ образомъ, безъ помощи всякой педагогической системы, блистательно оканчиваютъ свое образованіе. Мы уже выше видѣли примѣры такого успѣшнаго дѣйствія подражанія въ дѣлѣ воспитанія лисицы и тюленя, и всякому извѣстны подобные же примѣры относительно молодыхъ собакъ и кошекъ. Щенокъ, видя, что большія собаки побѣжали въ какую-нибудь сторону и залаяли, самъ бѣжитъ туда же и лаетъ, совершенно не понимая, зачѣмъ все это дѣлается.

Мы видѣли также, что подражаніе играетъ очень важную и полезную роль въ дѣлѣ воспитанія не-цивилизованныхъ или полу-цивилизованныхъ народовъ, гдѣ дѣти, играя, научаются всѣмъ дѣйствіямъ родителей. Понятно, что здѣсь подражаніе уже иногда можетъ вести и не къ добру, такъ какъ и въ обстановкѣ «дикихъ» людей встрѣчается много условій, вредныхъ для ребенка. Но, взявши общій итогъ, мы можемъ все-таки принять, что подражаніе у такихъ народовъ составляетъ благопріятное условіе для воспитанія. Поэтому-то, по всей вѣроятности, въ

семействахъ «дикихъ» народовъ наказанія дѣтей употребляются далеко не такъ часто, какъ въ «цивилизованномъ» обществѣ. Многіе путешественники утверждаютъ, что американскіе индѣйцы считаютъ тѣлесное наказаніе за преступленіе и что вообще они только въ крайнихъ случаяхъ прибѣгаютъ къ строгости. То же разсказываютъ и объ африканскихъ дикаряхъ.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что подражаніе молодыхъ индивидуумовъ своимъ родителямъ всего менѣе можетъ быть полезно въ тѣхъ случаяхъ, когда между молодыми и взрослыми индивидуумами существуетъ наибольшее физическое и психическое различіе. Подобнымъ условіямъ всего болѣе соотвѣтствуютъ именно дѣти цивилизованныхъ людей. Само собою разумѣется, что между маленькимъ мальчикомъ и его отцомъ, членомъ современнаго общества, будетъ гораздо большее отличіе, чѣмъ между мальчикомъ-дикаремъ и его неразвитымъ, заботящимся только о добываніи пищи и прочихъ жизненныхъ средствъ отцомъ. Въ послѣднемъ случаѣ мальчикъ рано можетъ начать пріучаться къ взрослому образу жизни и слѣдовать за своимъ отцомъ, во всемъ ему подражая. Онъ легко выучится тѣмъ пріемамъ, которые необходимы при добываніи дикихъ животныхъ и растеній; онъ можетъ смѣло подражать отцу во многихъ привычкахъ обыденной жизни: онъ, конечно, скорѣе научится ѣсть руками, чѣмъ ребенокъ цивилизованнаго общества научится употреблять ножикъ, вилку и ложку, не дѣлая себѣ этими предметами никакого вреда. «Дикаго» ребенка не нужно учить сидѣть на стулѣ и за столомъ, бѣгать по гладкому полу и проч. Простая обстановка «дикаго» человѣка, разумѣется, болѣе подходитъ къ особенностямъ ребенка, чѣмъ гораздо болѣе сложная обстановка цивилизованныхъ людей. Въ этомъ дѣлѣ существуетъ такое же отношеніе, какъ и въ дѣлѣ относительнаго различія между ребенкомъ и взрослымъ у цивилизованныхъ и не-цивилизованныхъ людей.

И независимо отъ предыдущихъ соображеній легко убѣдиться въ томъ, что, если данная обстановка соотвѣтствуетъ условіямъ жизни взрослаго человѣка, то она необходимо должна быть слишкомъ сложна для ребенка. Поэтому-то и оказывается то сознанное многими обстоятельство, что дѣтей лучше воспитывать (по крайней мѣрѣ до извѣстнаго возраста) въ деревнѣ, чѣмъ въ городѣ. Вся деревенская обстановка, съ садами, полями и проч. гораздо болѣе можетъ соотвѣтствовать условіямъ, необходимымъ для развитія ребенка, чѣмъ городъ съ его театрами, дворцами, лавками, рысаками и проч. Въ этомъ отношеніи мы совершенно сходимся съ Ж. Ж. Руссо, который начинаетъ воспитаніе сво-

го Эмиля въ деревнѣ и только со временемъ (впрочемъ, все-таки слишкомъ рано) перевозитъ его въ городъ. Только мы, считая обыкновенную деревенскую обстановку болѣе подходящею для ребенка, чѣмъ городскую, далеки отъ мысли считать ее вполнѣ соотвѣтствующею всѣмъ условіямъ развитія дѣтскаго организма. Къ сожалѣнію, послѣдній представляетъ много такихъ сторонъ, которыя дѣлаютъ и любую деревенскую обстановку слишкомъ сложной для него.

Намъ необходимо имѣть въ виду (что̀ именно всегда упускается изъ виду защитниками теоріи «естественнаго» воспитанія), что ребенокъ не есть человѣкъ въ миніатюрѣ, родъ временного карлика, который обладаетъ всѣми тѣми же свойствами, которыя характеризуютъ взрослаго человѣка. Уже простое эмбріолого-анатомическое изслѣдованіе показываетъ намъ, что организмъ ребенка качественно отличается отъ организма взрослаго человѣка. Мы выше говорили о соединяющихъ черепныя кости ребенка временныхъ связкахъ, которыя играютъ очень важную роль въ дѣлѣ развитія мозга, а слѣдовательно, и цѣлаго организма. У ребенка существуютъ и особенные органы (thymus) и анатомическія особенности кровеносной системы. Почки его представляются лопастными и проч. И въ интеллектуальномъ отношеніи ребенокъ не есть человѣкъ въ миніатюрѣ. Хотя онъ очень рано начинаетъ связывать отдѣльныя представленія и дѣлать изъ нихъ выводы, но онъ дѣлаетъ это иначе, чѣмъ взрослый цивилизованный человѣкъ, и оттого-то ребенокъ воображаетъ все живымъ и вообще антропоморфируетъ внѣшніе предметы.

Являясь во многихъ важныхъ отношеніяхъ отличнымъ отъ взрослаго человѣка, ребенокъ, очевидно, не можетъ ужиться въ той обстановкѣ, которая пригодна (да и то въ извѣстной только мѣрѣ) для взрослыхъ людей. И для того-то, чтобы согласить ребенка съ окружающей обстановкой, обыкновенно и употребляются разнаго рода насильственныя мѣры. Пояснимъ это примѣромъ. Ребенокъ, находясь въ саду, замѣчаетъ красивыя, но вредныя ягоды. Видъ этихъ привлекательныхъ плодовъ возбуждаетъ въ ребенкѣ желаніе непремѣнно съѣсть ихъ. Онъ поступаетъ совершенно естественно, намѣреваясь сорвать ягоду и положить ее въ ротъ: во всемъ его организмѣ не существуетъ никакого регулятора, который бы отвратилъ намѣреніе ребенка; видъ ягодъ ему не противенъ, а привлекателенъ, и вкусъ—также. Очевидно, что тутъ мы видимъ примѣръ несоотвѣтствія ребенка (руководствующагося своими чувствами) съ окружающей обстановкой; для того, чтобы согласить ихъ, нужно вмѣшательство посредствующаго взрослаго человѣка. Воспитатель старается вну-

шить ребенку, что эти ягоды вредны и что ихъ поэтому ѣсть не слѣдуетъ. Ребенокъ, въ огромномъ большинствѣ случаевъ, не соглашается съ этими доводами, такъ какъ, по его мнѣнію, все что вкусно и красиво въ тоже время и съѣдобно. Воспитатель долженъ прибѣгнуть къ насилію, т.-е. отнять ягоды или отвести ребенка. Ребенокъ, разсуждающій на основаніи собственныхъ соображеній, т.-е. судя о достоинствѣ предметовъ по вкусу, считаетъ воспитателя кругомъ виноватымъ и, подчиняясь силѣ, огорчается и озлобляется. Таковъ обыкновенный ходъ дѣла. Несоотвѣтствіе желаній ребенка съ окружающей обстановкой ведетъ къ порчѣ характера, т.-е. въ большей части случаевъ оно производитъ или сильнѣйшую раздражительность, или же подчиняемость, т.-е. апатію.

Стóитъ умножить въ умѣ случаи несоотвѣтствія внѣшней обстановки съ естественными наклонностями ребенка, и тогда будетъ понятно, что они должны производить дурное вліяніе на развитіе характера. Отъ этого вывода легко перейти къ слѣдующему правилу: для возможно лучшаго воспитанія нужно стараться ставить ребенка подъ вліяніе обстановки, наиболѣе для него соотвѣтствующей.

II.

Мы указали на одну, и притомъ очень важную причину неуспѣха воспитанія, т.-е. на одинъ изъ источниковъ такъ-называемый «порчи» характера. Ребенокъ цивилизованныхъ народовъ слишкомъ рѣзко разнится отъ взрослаго индивидуума и потому не можетъ стать въ соотвѣтствіе съ обстановкой, пригодной для послѣдняго. Вслѣдствіе этого, подражаніе, играющее столь важную и благопріятную роль въ дѣлѣ воспитанія животныхъ, менѣе разнящихся по возрастамъ, оказывается часто очень вреднымъ при воспитаніи ребенка цивилизованныхъ людей. Сравнительно очень значительная продолжительность внѣ-маточнаго, или воспитательнаго развитія дѣтей является дальнѣйшимъ, очень неблагопріятнымъ условіемъ для воспитанія.

Но, кромѣ указанной, есть еще и другія причины, мѣшающія правильному воспитанію дѣтей. Онѣ лежатъ столь же глубоко, какъ и та, о которой мы до-сихъ-поръ говорили. Онѣ лежатъ именно въ самыхъ условіяхъ физическаго развитія дѣтскаго организма. Научно доказанные факты свидѣтельствуютъ, что та гармонія, которая (и то въ извѣстной только степени) устанавливается во взросломъ организмѣ между различными частями тѣла, составляетъ одно изъ позднѣйшихъ явленій раз-

витія, и что въ ребенкѣ существуютъ такіе органы, которые окончательно развиваются раньше, нежели они должны функціонировать. Въ развитіи человѣческаго организма мы встрѣчаемъ вообще несоразмѣрность въ относительномъ развитіи органовъ, которая и служитъ источникомъ многихъ вредныхъ организму дѣйствій, и составляетъ существенное препятствіе правильному воспитанію. Это положеніе уяснится слѣдующимъ рядомъ фактовъ.

I. Изслѣдованія Гартинга [1]) показали, что новорожденный ребенокъ имѣетъ уже полное число нервныхъ волоконъ и что утолщеніе нервовъ, обнаруживающееся во время дальнѣйшаго развитія, совершается насчетъ утолщенія одной оболочки (неврилеммы) уже готовыхъ нервныхъ волоконъ. Вотъ цифры:

	Срединный нервъ руки.	Бедренный нервъ.
У новорожденнаго ребенка	20,906	37,297
У взрослаго человѣка.	22,560	35,416

Тѣ небольшія различія, которыя замѣчаются въ этихъ цифрахъ, очевидно, указываютъ на существованіе индивидуальныхъ (хотя и очень небольшихъ) особенностей въ числѣ нервныхъ волоконъ. Приписывать же эти отличія росту мы не можемъ, такъ какъ одинъ нервъ у новорожденнаго оказался содержащимъ меньше, а другой, наоборотъ, больше волоконъ, чѣмъ у взрослаго.

Въ дѣлѣ развитія нервовъ мы, слѣдовательно, видимъ совершенно обратное тому, что̀ было вообще сказано о развитіи человѣка. Въ то время, какъ нервы, по числу составляющихъ ихъ волоконъ, представляются почти совершенно одинаковыми у новорожденнаго и у взрослаго,—другіе анатомическіе признаки, напр., устройство черепа, представляютъ намъ сравнительно огромныя отличія у новорожденнаго и у взрослаго человѣка.

Имѣя, съ одной стороны, въ виду указанный фактъ относительно развитія нервовъ, съ другой же стороны, принимая въ разсчетъ, что у ребенка эти нервы распространены на (абсолютно, а не относительно) меньшей поверхности, чѣмъ у взрослаго, мы можемъ уже видѣть, что у ребенка чувствительность должна быть болѣе значительна, чѣмъ у взрослаго, если только въ дѣтскомъ организмѣ не существуетъ какихъ-либо причинъ, препятствующихъ развитію чувствительности. Эксперитентальнымъ рѣшеніемъ этого вопроса занялся извѣстный физіологъ Чермакъ [2]).

---

[1]) Recherches micrométriques. Utrecht. 1854.

[2]) Physiologische Studien. III. Beiträge zur Physiologie des Tastsinnes, въ Sitzungsberichte der K. Akademie der Wissenschaften in Wien. 1855. T. XV. Стр. 466.

Онъ дѣлалъ, съ помощью веберовскаго метода, измѣренія осязательной способности дѣтей, а потомъ сравнивалъ полученныя цифры съ тѣми, которыя добылъ Веберъ при измѣреніи осязанія у взрослыхъ. Самый методъ подобнаго изслѣдованія состоитъ въ томъ, что наблюдатель дотрогивается, слегка надавливая, до кожи наблюдаемаго человѣка обѣими ножками циркуля, болѣе или менѣе раздвинутыми, разомъ. Наблюдаемый субъектъ, не видя разумѣется циркуля, долженъ опредѣлить: ощущаетъ ли онъ уколъ въ одномъ только мѣстѣ, или же ясно различаетъ два укола отъ обѣихъ ножекъ. Роль наблюдателя заключается въ томъ, чтобы замѣтить и вымѣрить разстояніе между ножками циркуля, необходимое для того, чтобы вызвать начало ощущенія двойного укола. Это разстояніе бываетъ различно, смотря потому, къ какой части тѣла прикладывается циркуль. Такъ, напр., чтобы получить явственное двойное ощущеніе отъ ножекъ циркуля на кончикѣ языка, нужно раздвинуть ихъ на $^1/_2$ парижской линіи; для того же, чтобы получить подобное же двойное ощущеніе на спинѣ, нужно раздвинуть ножки циркуля на 30 париж. линій. Это разстояніе даетъ непосредственно мѣру тонкости того чувства, которое у физіологовъ называется *пространственнымъ чувствомъ кожи* (Raumsinn der Haut). Вотъ именно это-то чувство и опредѣлилъ Чермакъ для дѣтей. Онъ дѣлалъ опыты надъ четырьмя мальчиками отъ одиннадцати до двѣнадцатилѣтняго возраста, которымъ измѣрялъ тонкость пространственнаго чувства на 37 различныхъ мѣстахъ кожи. *Всѣ полученныя имъ цифры (за исключеніемъ двухъ) меньше, чѣмъ соотвѣтствующія цифры у взрослыхъ, что прямо указываетъ на большую тонкость пространственнаго чувства у мальчиковъ.* Возьмемъ для примѣра нѣсколько подобныхъ цифръ.

ЧАСТЬ КОЖИ.	Разстояніе концовъ циркуля въ линіяхъ.				
	Взросл.	Мальч. 11 лѣтъ 9 мѣс.	Мальч. 12 лѣтъ.	Мальч. 11 лѣтъ.	Мальч. 12 лѣтъ.
Красная поверхность губы	2	1	$^3/_4$	1	1
Некрасная часть губы	4	3	3	2	3
Спинная поверхн. перв. сустава пальцевъ.	7	5	4	5	5
Внутренняя поверхн. губъ близъ десенъ. .	9	5	6	6	6
Покрытая волосами ниж. часть затылка. .	12	8	10	8	9
Верхняя поверхность руки	14	9	10	9	12
Шея подъ нижней челюстью.	15	9	10	8	10
Кожа надъ грудной костью	20	16	15	15	14

Изслѣдованія Чермака показываютъ, что съ увеличеніемъ роста, чувствительность постепенно притупляется, что очевидно въ значительнѣйшей мѣрѣ зависитъ отъ увеличенія (абсолютнаго) наружной поверхности тѣла. Это положеніе Чермакъ доказываетъ и другимъ рядомъ опытовъ, именно изслѣдованіемъ тонкости пространственнаго чувства въ растянутой и нормальной кожѣ, при чемъ первая оказывается менѣе чувствительною, чѣмъ послѣдняя. Сравнивая результаты всѣхъ опытовъ, Чермакъ пришелъ также къ выводу [1]), что притупленіе кожной чувствительности при возрастаніи человѣка совершается не только вслѣдствіе абсолютнаго увеличенія поверхности кожи, но еще вслѣдствіе различныхъ, хотя и неизвѣстныхъ измѣненій въ органахъ центральной нервной системы (т.-е. въ мозгу). Къ сожалѣнію, этотъ выводъ не такъ научно доказанъ, какъ выводъ о большей чувствительности кожи у дѣтей, а поэтому мы не можемъ брать его за основаніе для дальнѣйшихъ соображеній [2]). Во всякомъ случаѣ, однако, мы должны здѣсь обратить вниманіе на то, что центральные нервные органы должны имѣть очень большое вліяніе на развитіе чувствительности. Новорожденный ребенокъ (какъ мы выше видѣли) имѣетъ приблизительно такое же число нервныхъ волоконъ, какъ и взрослый, а между тѣмъ мы не имѣемъ никакой возможности утверждать, чтобы онъ чувствовалъ интенсивнѣе взрослаго человѣка, а тѣмъ болѣе интенсивнѣе болѣе развитаго ребенка. Чувствительность не есть простое отправленіе нервныхъ волоконъ; оно зависитъ отъ центральной нервной системы: привычка чувствовать и вниманіе необходимы для тонкости ощущенія, а ихъ недостаетъ новорожденному или вообще очень маленькому ребенку.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что, за исключеніемъ ранняго дѣтскаго возраста, чувствительность кожи у дѣтей вообще сильнѣе, чѣмъ у взрослыхъ. Этотъ фактъ считается общепринятымъ въ наукѣ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ столь же положительныхъ данныхъ относительно сравнительной тонкости другихъ чувствъ у ребенка и у взрослаго человѣка. Но многіе факты допускаютъ предположеніе, что и они чрезвычайно развиты у ребенка. Такъ напр., такъ-называемое, мускульное чувство должно быть въ высшей степени развито даже у такихъ маленькихъ дѣтей, у которыхъ пространственное чувство кожи, по всей вѣроятности, стоитъ на далеко меньшей степени развитія. Всякій, наблюдавшій очень маленькихъ дѣтей, вѣроятно замѣтилъ, что они во время бодрство-

---

[1]) l. c. Стр. 499.

[2]) См. *Wundt.* Beiträge zur Theorie der Sinneswahrnehmung, въ Zeitschrift für rationelle Medicin, 1858. Стр. 248.

ванія постоянно двигаютъ то однимъ, то другимъ изъ своихъ членовъ; они, какъ говорятъ, «ужасно кривляются». Они до чрезвычайности любятъ, чтобы ихъ качали, носили, подымали и пр.; плачутъ, когда ихъ кладутъ на мѣсто, и успокоиваются, когда ихъ опять берутъ на руки. Это прямо указываетъ именно на такъ-называемую мускульную чувствительность. Если мы примемъ въ соображеніе указанную Гартингомъ особенность числового развитія нервныхъ волоконъ, то и тутъ увидимъ подтвержденіе предположенія объ усиленной мускульной чувствительности дѣтей. Если число нервныхъ волоконъ, идущихъ отъ мускуловъ къ нервнымъ центрамъ, приблизительно одинаково у ребенка и у взрослаго, то очевидно, что при абсолютно меньшей величинѣ дѣтскихъ мускуловъ, нервы ихъ будутъ расположены гуще, а слѣдовательно и мускульная чувствительность (при томъ, что нервные центры будутъ способствовать этому) должна быть сильнѣе. То обстоятельство, что нервные центры ребенка дѣйствительно способны къ сильнымъ мускульнымъ ощущеніямъ, показывается уже вышеприведенными примѣрами.

Относительно развитія четырехъ болѣе концентрированныхъ чувствъ (зрѣнія, слуха, обонянія и вкуса) мы знаемъ очень немногое. Существуетъ однако фактъ, доказанный Кусмаулемъ[1]), что очень скоро послѣ появленія на свѣтъ дѣти уже способны различать вкусъ различныхъ предметовъ и получать явственно выраженное неудовольствіе и удовольствіе отъ вкусовыхъ ощущеній.

Значительная степень развитія чувствительности, соединенная съ сравнительно очень быстрымъ теченіемъ всѣхъ жизненныхъ процессовъ въ организмѣ, составляетъ очень важную причину страстности, характеризующей вообще дѣтскій нравъ. Подобный характеръ получаетъ полную возможность развиваться вслѣдствіе того, что удерживающіе страстность моменты, т.-е. умъ и воля у ребенка представляются сначала вовсе не развитыми, а потомъ—развитыми, но сравнительно очень слабо. Хотя наука не можетъ непосредственно показать степень развитія волевого аппарата, но тѣмъ не менѣе существуютъ данныя, для того, чтобы составить себѣ понятіе о сравнительно позднемъ развитіи этого регулятора человѣческой жизни. Ребенокъ очень долго не проявляетъ воли при выведеніи экскрементовъ, въ то время, какъ непроизвольное выведеніе ихъ наружу обыкновенно служитъ для него однимъ изъ поводовъ, возбуждающихъ страстность. Ребенокъ обыкновенно кричитъ, когда онъ чувствуетъ себя мокрымъ, но тѣмъ не менѣе онъ не въ состояніи подчинить своей волѣ мочеиспускательныхъ движеній.

---

[1]) Ueber das Seelenleben der Neugebornen. Leipzig. 1859.

Неравномѣрное развитіе чувствительныхъ и волевыхъ аппаратовъ въ организмѣ ребенка оказываетъ, очевидно, очень большое вліяніе на дальнѣйшее развитіе характера и на всю моральную жизнь взрослаго человѣка. Руссо уже зналъ, что причина слабости человѣческаго характера кроется въ неравномъ отношеніи между желаніями человѣка и его силами, но онъ думалъ, что подобное неравенство составляетъ одинъ изъ продуктовъ дурного воспитанія. «D'où vient la faiblesse de l'homme?» спрашиваетъ Руссо [1]). «De l'inégalité qui se trouve entre sa force et ses desirs. Ce sont nos passions qui nous rendent faibles, parce qu'il faudrait pour les contenter plus de forces que nous en donna la nature». Нужно прибавить, что природа дала намъ не только менѣе силъ, чѣмъ сколько необходимо для удовлетворенія нашихъ желаній, но что она же и дала намъ эти чрезмѣрныя желанія, такъ какъ она снабдила человѣческій организмъ усиленной чувствительностью, чтò, какъ мы видѣли, непосредственно доказывается научнымъ опытомъ.

Сопоставляя только-что выведенный результатъ съ тѣмъ, чтò было сказано выше о существенномъ отличіи въ развитіи человѣка и другихъ млекопитающихъ, легко убѣдиться въ томъ, что чѣмъ дальше продолжается воспитательное (внѣматочное) развитіе и чѣмъ медленнѣе устанавливается равновѣсіе (въ той мѣрѣ, въ какой оно только можетъ установиться) между страстностью и волею, тѣмъ крупнѣе должны быть послѣдствія неравновѣсія между этими двумя двигателями жизни. Послѣдствія эти должны особенно усиливаться тамъ, гдѣ существуетъ наибольшее различіе между взрослымъ и молодымъ организмомъ. Имѣя въ виду эти выводы, и, принимая въ соображеніе выше показанные факты, что воспитательное развитіе человѣка продолжается дольше соотвѣтствующаго періода у другихъ животныхъ и что новорожденный ребенокъ сравнительно больше разнится отъ взрослаго человѣка, чѣмъ крайніе возрасты у другихъ высшихъ животныхъ, мы, очевидно, должны придти къ заключенію, что неравномѣрность въ развитіи чувствительности и воли всего значительнѣе и всего вліятельнѣе будетъ у человѣка. Этотъ выводъ вполнѣ подтверждается непосредственнымъ наблюденіемъ. «Ни одно животное — говоритъ Бурдахъ [2])—послѣ своего рожденія не представляется столь нетерпѣливымъ и столь страстно желающимъ, какъ человѣкъ; онъ одинъ только считаетъ предѣлы своей жизни нестерпимыми».

---

[1]) Emile. Paris. 1836. T. II, Стр. 5.

[2]) Traité de Physiologie, trad. par *Jourdan*. Paris. 1839. T. IV, стр. 420.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что, по мѣрѣ развитія, несоразмѣрность между двумя основными качествами человѣческаго характера, т.-е. чувствительностью и страстностью съ одной стороны и умомъ и волею съ другой,—приходитъ въ большее или меньшее равновѣсіе. Но несомнѣнно также и то, что первоначальная несоразмѣрность оставляетъ глубокіе дальнѣйшіе слѣды, которые во множествѣ случаевъ выражаются и у взрослыхъ людей въ преобладаніи страстности надъ волею. Это важное обстоятельство должно обращать на себя все вниманіе воспитателей при выработкѣ характера силою воспитанія.

II. Такъ какъ для научнаго рѣшенія вопроса о воспитаніи установленіе по возможности полнаго понятія о природной, естественной несоразмѣрности въ развитіи отдѣльныхъ частей организма играетъ весьма важную роль, то мы обратимся теперь къ разсмотрѣнію наиболѣе осязательныхъ примѣровъ подобной несоразмѣрности. Очень убѣдительные факты въ этомъ отношеніи представятъ намъ нѣкоторые моменты изъ исторіи развитія половыхъ органовъ.

По всей вѣроятности, въ тѣсной связи съ описаннымъ выше значительнымъ развитіемъ каждой чувствительности у дѣтей находится и очень раннее развитіе той особенной формы осязанія, которая составляетъ половое ощущеніе. Всѣмъ извѣстно изъ обыденной жизни, въ особенности же хорошо извѣстно это кормилицамъ и нянюшкамъ, что еще грудныя дѣти получаютъ очевидное удовольствіе отъ болѣе или менѣе продолжительнаго прикосновенія къ ихъ наружнымъ половымъ органамъ. Въ раннемъ возрастѣ дѣти получаютъ такое удовольствіе обыкновенно отъ случайнаго тренія, потомъ уже сами начинаютъ доставлять себѣ наслажденіе, и въ огромномъ множествѣ случаевъ развиваютъ въ себѣ всѣмъ извѣстный и до чрезвычайности распространенный порокъ—онанизмъ. Я не имѣю ни возможности, ни надобности подробно распространяться здѣсь объ этомъ порокѣ, такъ какъ теперь онъ важенъ для насъ единственно, какъ примѣръ несоразмѣрности въ развитіи различныхъ аппаратовъ половой системы. Существенно то, что чувствительный половой аппаратъ начинаетъ дѣйствовать гораздо раньше, чѣмъ всѣ остальные аппараты половой системы,—фактъ, представляющій намъ новый примѣръ преждевременнаго развитія страстныхъ элементовъ. Это обстоятельство совершенно уясняется основнымъ фактомъ развитія нервовъ, указаннымъ впервые Гартингомъ. Въ самомъ дѣлѣ, если число волоконецъ чувствительнаго нерва половыхъ органовъ не увеличивается по мѣрѣ выростанія организма, и

если (въ чемъ не можетъ быть сомнѣнія) нервные центры способны у дѣтей къ половому ощущенію, то ясно, что и въ наружныхъ гениталіяхъ ребенка нервныя волоконца будутъ размѣщены гуще, чѣмъ у взрослаго человѣка. Несоотвѣтствіе подобнаго эмбріологическаго явленія очевидно каждому: въ то время, какъ половые органы, т.-е. ихъ внутреннія главнѣйшія части, находятся еще въ такомъ состояніи, когда они рѣшительно не могутъ совершать своего отправленія, въ то самое время половое чувство уже настолько обособлено, что ребенокъ получаетъ возможность злоупотреблять имъ и доставлять себѣ тѣмъ большой вредъ. Въ доказательство того, что это чувство очень сильно требуетъ удовлетворенія (разумѣется, «ненормальнаго»), мы можемъ привести повсемѣстное распространеніе онанизма. Бартъ говоритъ [1]), что, несмотря на отсутствіе всякихъ неестественныхъ пороковъ между обитателями Золотого Берега Африки, онанизмъ у нихъ сильно распространенъ.

О вредномъ вліяніи на весь организмъ этого порока, происходящаго именно вслѣдствіе преждевременнаго развитія половой чувствительности, всякій имѣетъ большее или меньшее понятіе; и хотя онъ, положимъ, только въ рѣдкихъ случаяхъ бываетъ прямо опасенъ, но за то всегда производитъ сильное вліяніе на развитіе столь распространенной «нервности» организма. Много нервныхъ болѣзней обязаны своимъ происхожденіемъ онанизму. И весьма вѣроятно, что этотъ же порокъ составилъ сильную долю того «penchant à dégénérer», котораго существованіе предположилъ въ себѣ Ж. Ж. Руссо, т.-е., что онъ въ значительной мѣрѣ повліялъ на развитіе безгранично страстнаго характера великаго мыслителя.

Чѣмъ дольше продолжается періодъ отъ проявленія половой чувствительности до начала «нормальной» дѣятельности половыхъ органовъ, тѣмъ дольше будетъ организмъ подверженъ пороку, который будетъ производить тѣмъ худшее вліяніе на всю дальнѣйшую жизнь животнаго. Такъ какъ именно этотъ періодъ всего дольше продолжается у человѣка, то понятно, что на него всего сильнѣе и должна повліять природная несоразмѣрность въ развитіи половыхъ органовъ, т.-е. слишкомъ преждевременное появленіе полового чувства.

III. Какъ ни длиненъ, сравнительно, періодъ развитія человѣка отъ начала появленія полового чувства до общаго созрѣванія половыхъ органовъ, но все же послѣдній моментъ оказы-

---

[1]) Цитировано у *Вайтца*, въ Anthropologie der Naturvölker. II, стр. 206.

вается, въ свою очередь, также слишкомъ преждевременнымъ. Время появленія половой зрѣлости различно у различныхъ половъ и у различныхъ народовъ. «Мы должны признать», говоритъ Бурдахъ [1]), «что существуетъ общее правило, по которому чѣмъ совершеннѣе развивается общечеловѣческій характеръ, тѣмъ позже появляется половая зрѣлость». Это положеніе дѣйствительно подтверждается многими фактами. У народовъ, населяющихъ берега Амазонской рѣки, половая зрѣлость дѣвочки появляется приблизительно въ 12 лѣтъ [2]); въ тотъ же срокъ появляется она и у нецивилизованныхъ сѣверныхъ народовъ Сибири [3]). Очень рано появляется она также у жителей марокканской пустыни [4]) и у обитателей Индіи [5]). У негритянскихъ и монгольскихъ народовъ половая зрѣлость появляется вообще раньше, чѣмъ у европейцевъ, каковое отношеніе не измѣняется и при переселеніи этихъ народовъ въ другіе климаты. Для европейскихъ дѣвочекъ нужно принять пятнадцатилѣтній возрастъ за средній срокъ появленія половой зрѣлости. У европейскихъ мальчиковъ этотъ періодъ наступаетъ обыкновенно отъ 15-ти до 18-ти лѣтняго возраста.

Какимъ бы колебаніямъ ни подвергались среднія цифры наступленія періода половой зрѣлости, во всякомъ случаѣ, въ общемъ результатѣ выходитъ, что этотъ періодъ появляется слишкомъ преждевременно по отношенію къ общему, цѣлостному развитію организма, и, напротивъ, черезчуръ поздно сравнительно съ появленіемъ полового чувства. Несоразмѣрность въ появленіи полового чувства и половой зрѣлости служитъ причиною продленія того «ненормальнаго» періода, когда ребенокъ долженъ прибѣгать къ «неестественнымъ» средствамъ самоудовлетворенія. Несоразмѣрность же въ относительномъ наступленіи періода половой и общей зрѣлости организма производитъ очень много разнообразныхъ дурныхъ послѣдствій въ другой формѣ. Всякому болѣе или менѣе извѣстно, какое вліяніе производитъ половое воздержаніе на весь организмъ, и въ какой мѣрѣ оно обусловливаетъ нервныя болѣзни (особенно у дѣвушекъ). Съ другой стороны, извѣстно также, что вступленіе въ бракъ дѣвицъ въ молодомъ возрастѣ служитъ очень важной причиной болѣзненности и даже смертности молодыхъ женщинъ.

---

[1]) Traité de Physiologie. T. V, стр. 40.

[2]) Ethnographische Schilderungen aus dem Gebiete des Amasonenstromes. Globus. T. VIII, 1865, стр. 14.

[3]) *Waitz*. Anthropologie der Naturvölker. I, стр. 125.

[4]) *Rohlfs*. Reise durch Marokko etc. Bremen 1868. стр. 88.

[5]) Jahresbericht über Leistungen in der gesammten Medicin. 1868, стр. 608.

Если мы примемъ (согласуясь, разумѣется, съ научными данными), что періодъ общей зрѣлости организма появляется въ Европѣ приблизительно въ 20 лѣтъ для дѣвочекъ и въ 24 года для мальчиковъ, то у насъ получится продолжительность несоразмѣрности въ половой и общей зрѣлости равная пяти годамъ для дѣвочекъ и—отъ восьми до шести лѣтъ для мальчиковъ.

До какой степени вредно, даже просто въ физическомъ отношеніи, вступленіе молодыхъ дѣвушекъ и юношей въ бракъ, можно уже видѣть изъ прилагаемыхъ статистическихъ данныхъ [1]:

Въ періодъ отъ 1855 до 1857 года, во Франціи умерло особъ женскаго пола въ возрастѣ:

	Изъ 1000 замужнихъ женщинъ.	Изъ 1000 незамужнихъ дѣвушекъ.
15—20 лѣтъ	14.0	8.0
20—25 »	9.8	8.5
30—40 »	9.1	10.3
40—50 »	10.0	13.8

Относительно сравнительной смертности женатыхъ и неженатыхъ юношей въ періодѣ отъ 15-ти до 20-ти лѣтняго возраста мы имѣемъ слѣдующія цифры:

Изъ 1000 женатыхъ: 29,3 ежегодно; изъ 1000 неженатыхъ—только 6,7.

Очевидно, что приведенный примѣръ несоразмѣрнаго развитія половой зрѣлости съ общей зрѣлостью организма всего болѣе оказываетъ вліяніе на народы, стоящіе во главѣ цивилизаціи. Тамъ, гдѣ вступленіе въ бракъ составляетъ нѣчто большее, чѣмъ простое сожительство, гдѣ при выборѣ супруговъ въ значительной мѣрѣ участвуютъ многіе нравственные моменты, самое время заключенія брака должно болѣе или менѣе отодвигаться, удлинняя тѣмъ и безъ того продолжительный періодъ, начинающійся съ половой зрѣлости. Поэтому-то мы видимъ, что обыкновенно въ низшихъ слояхъ браки заключаются вообще раньше, чѣмъ въ развитыхъ сословіяхъ, и у нецивилизованныхъ народовъ раньше, чѣмъ у болѣе цивилизованныхъ.

Приведенные примѣры ясно показываютъ, что въ развитіи организма дѣйствительно существуютъ несоразмѣрности въ развитіи отдѣльныхъ аппаратовъ, несоразмѣрности, которыя вообще тѣмъ значительнѣе, чѣмъ продолжительнѣе тянется весь періодъ воспитательнаго развитія. Но, кромѣ указанныхъ, существуетъ еще много другихъ подобныхъ же примѣровъ, которые въ настоящую минуту менѣе осязательны и потому менѣе убѣдительны. Вообще только дальнѣйшая научная разработка исторіи вос-

---

[1]) См. *Oesterlen.* Handbuch der medicinischen Statistik. Tübingen. 1865. стр. 193.

питательнаго развитія человѣка и другихъ животныхъ дастъ намъ полный отвѣтъ на главнѣйшіе вопросы науки о воспитаніи. Въ настоящее время главная цѣль наша состояла въ указаніи путей, по которымъ должно идти изслѣдованіе, и въ раскрытіи главнѣйшихъ факторовъ, дѣйствующихъ при развитіи человѣка.

Мы и теперь могли бы указать на нѣкоторые жизненные вопросы, которые до сихъ поръ не перестаютъ быть спорными, и нерѣшенность которыхъ зависитъ именно отъ несоотвѣтствія въ относительномъ развитіи различныхъ человѣческихъ способностей, несоотвѣтствія, въ основаніи котораго лежитъ, по всей вѣроятности, простое органическое несоотвѣтствіе во времени развитія нѣкоторыхъ частей нашего тѣла. Всѣмъ извѣстенъ главный философскій вопросъ, который съ самыхъ первыхъ временъ умственной жизни человѣчества раздѣлилъ его на двѣ большія партіи. Вопросъ этотъ заключается въ томъ: откуда человѣкъ получаетъ источники своего познанія? Получаются ли всѣ наши знанія изъ матеріала, добытаго нашими чувствами (nihil est in intellectu quod non fuerit in sensu), или же существуютъ еще какія-нибудь основныя прирожденныя понятія, независимыя отъ ощущеній (nihil est in intellectu quod non fuerit in sensu, nisi intellectus ipse)? Если этотъ вопросъ можетъ кѣмъ-нибудь считаться порѣшеннымъ, то уже, во всякомъ случаѣ, никакъ не научно рѣшеннымъ, а практически. Зная, что положенія, основанныя на данныхъ, добытыхъ посредствомъ чувствъ, даютъ возможность съ положительной точностью предсказывать событія (какъ это дѣлаетъ, напр., астрономія), мы, конечно, должны относиться съ довѣріемъ къ показанію чувствъ, взаимно контролируемыхъ. Но все же этимъ не можетъ окончательно разрѣшиться научный вопросъ: откуда и какимъ образомъ происходятъ и развиваются наши познанія? Если бы человѣкъ могъ запомнить первыя свои ощущенія и вообще, еслибы элементы, изъ которыхъ составляется человѣческое знаніе, не только входили бы въ различныя комбинаціи, но и оставляли бы по себѣ слѣдъ въ памяти, то конечно человѣкъ не отступалъ бы такъ часто отъ прямого пути логическаго мышленія, и спорный до сихъ поръ вопросъ, очевидно, вовсе не былъ бы вопросомъ. Въ томъ-то и дѣло, что первыя наши ощущенія, играя громаднѣйшую роль въ исторіи развитія познанія, совершенно недоступны памяти, которая, очевидно, развивается позже, чѣмъ слѣдовало бы....

Изъ всего сказаннаго нами выше слѣдуетъ, что въ развитіи самаго организма находятся условія, имѣющія дурное вліяніе

на все дальнѣйшее развитіе. Эти условія заключаются, главнымъ образомъ, въ неравномѣрномъ развитіи такихъ частей, «нормальное» отправленіе которыхъ должно составлять нѣчто гармонически цѣлое. Изъ сказаннаго легко видѣть также, что чѣмъ долѣе продолжается воспитательное развитіе, тѣмъ сильнѣе выражается и дѣйствіе неравномѣрнаго развитія органовъ.

Этотъ выводъ даетъ намъ, между прочимъ, возможность объяснить себѣ причину разлада между педагогами-теоретиками и педагогами-практиками, о которомъ мы сказали въ началѣ нашей статьи. Теоретики, какъ Руссо, обращая вниманіе только на одну сторону дѣла, именно на черезчуръ значительное усложненіе условій воспитанія у цивилизованныхъ народовъ сравнительно съ болѣе простыми условіями воспитанія такъ-наз. дикарей, и на происходящія отъ этого невыгоды, возстаютъ противъ отдаленія человѣка отъ природы и ищутъ спасенія въ безпрекословномъ слѣдованіи «указаніямъ природы». Они при этомъ упускаютъ изъ виду, что именно уклоненіе человѣка отъ «указаній природы» и та быстрая порча, на которую сѣтуетъ Руссо, составляютъ прямой и необходимый результатъ особенностей самаго организма. Понятно, почему практики не могли и не должны были останавливаться на теоріи «естественнаго воспитанія». Они должны были хорошо видѣть, что эта теорія хороша только на бумагѣ, а что въ дѣйствительности она непримѣнима, такъ какъ самое строгое слѣдованіе ея правиламъ не могло устранить препятствій, составляющихъ результатъ естественной неравномѣрности въ развитіи организма.

Поставивши такимъ образомъ вопросъ о воспитаніи на почву индуктивной науки, можно указать приблизительно и на задачи педагогіи. Прежде всего необходимо изучить исторію развитія человѣка и другихъ животныхъ настолько подробно, чтобы возможно было опредѣлить степень несоразмѣрности въ развитіи различныхъ аппаратовъ, дѣйствующихъ для общей цѣли. Только тогда можно будетъ подробно ознакомиться съ тѣми условіями, которыя необходимы для устраненія вреднаго вліянія эмбріологической дисгармоніи. Роль практической педагогіи должна будетъ именно состоять въ отысканіи условій, подходящихъ для различныхъ стадій развитія ребенка, и въ приложеніи этихъ условій къ установленію полной гармоніи между развивающимся существомъ и окружающею его природою.

Ил. Мечниковъ.

НЕ ОНИ ВИНОВАТЫ

Повѣсть.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Отецъ мой принадлежалъ къ тому многочисленному и жалкому классу *«мелкихъ»* чиновниковъ, которыхъ стали *«сокращать»*, какъ трутней въ ульѣ трудолюбивыхъ пчелъ. Въ добрый часъ! Но и самая благодѣтельная реформа не обходится безъ тяжелыхъ и, нужно ли прибавлять, большею частью невинныхъ жертвъ.

Отцу, Богъ-знаетъ почему, не везло на службѣ. Повышался онъ преимущественно въ чинахъ (что случалось каждые три года); но когда достигъ статскаго совѣтника, то ему объявили, что такъ какъ чинъ его не соотвѣтствуетъ классу его должности, то онъ и не можетъ заниматься долѣе, а потому, «въ уваженіе къ его долговременной и усердной службѣ и къ его преклоннымъ лѣтамъ», причисляется къ министерству съ жалованьемъ въ восемьсотъ рублей. И это была большая милость; ему могли дать отставку или оставить за штатомъ. Пенсія же, которую онъ успѣлъ выслужить, была на половину меньше назначеннаго ему содержанія, а окладъ, выдаваемый заштатнымъ чиновникамъ, какъ извѣстно, прекращается по истеченіи года. Конечно, восемсотъ рублей для семейнаго человѣка весьма небольшія деньги; но и на нихъ въ крайнемъ случаѣ можно жить. Мы не умерли съ голоду, мы были кое-какъ сыты, одѣты, пригрѣты, и съ грѣхомъ по-поламъ поддерживали «дворянское» достоинство, чтб было главное для отца, который гордился тѣмъ, что его имя запи-

сано въ шестой отдѣлъ родословной книги. Человѣкъ онъ былъ честный и въ сущности добрый, но угрюмый и раздражительный въ высшей степени, отчасти по темпераменту, отчасти вслѣдствіе неудачъ, которыя безотвязно его преслѣдовали. Мать была добрѣйшая женщина, тихая, кроткая, считавшая послушаніе мужу первой добродѣтелью. Сестеръ у меня не было, но былъ братъ, рѣзвый и бойкій мальчикъ, который скучалъ, бѣдняжка, одинъ безъ товарищей и игрушекъ, а когда подросъ, то его стали готовить въ гимназію, и учительницей его была я. Собственно говоря — элементарное мое образованіе началось именно съ тѣхъ учебниковъ, по которымъ я готовила брата. До тѣхъ поръ я училась въ какомъ-то жалкомъ пансіонѣ, но пріобрѣтенный въ немъ запасъ научныхъ фразъ, къ счастью, скоро испарился у меня изъ головы.

Единственное мое счастіе въ лучшіе годы молодости были — книги. Чтобы достать ихъ, я просиживала украдкою отъ отца не одну ночь за шитьемъ бѣлья, и на заработанные гроши покупала съ лотковъ старые русскіе журналы или французскіе романы. Какое счастіе было, забившись въ уголъ, забывъ все на свѣтѣ, погрузиться въ этотъ міръ пёстрыхъ вымысловъ и чувствовать у себя въ груди отголосокъ всѣхъ человѣческихъ струнъ, чувствовать, какъ другая, широкая жизнь охватываетъ все существо, какъ раздвигаются рамки узкаго, бѣднаго существованія, и взоръ уходитъ свободно въ далекое пространство. Не имѣя въ дѣйствительности почти ничего, я находила въ книгахъ богатства неистощимыя; не двигаясь съ мѣста, я съ быстротою мысли летѣла куда-то впередъ, все впередъ, безъ конца и безъ цѣли, опережая дѣйствительность и переживая не разъ всю свою будущность, только не ту, которая ожидала меня впереди, а ту, какую рисовало воображеніе,—переживая ее въ мечтахъ, въ надеждахъ, въ порывахъ — въ безотчетномъ волненіи молодого сердца.

Мы всѣ жили такъ уединенно, внѣ общества, въ такой почти монастырской тиши, что — какъ теперь думаю — еслибъ не книги и эта затаенная дѣятельность фантазіи, однообразіе и скука заѣли бы меня совсѣмъ, или толкнули бы меня на какой-нибудь бурный исходъ, можетъ быть гибельный, а можетъ быть и спасительный. Но, съ другой стороны, лихорадка чтенія поглотила на долгое время всѣ мои силы и оставила у меня въ душѣ какой-то угаръ, какую-то мучительную, неудовлетворенную жажду счастія и любви,—да, любви! Это былъ постоянный припѣвъ той пѣсни, которая меня восхищала и убаюкивала. Вездѣ и на тысячи разныхъ ладовъ любовь прославлялась и проповѣ-

дывалась, и возводилась въ принципъ. Это былъ высшій законъ, въ сферѣ котораго витали герои и героини той жизни, какую я поглощала изъ книгъ. Но эта жизнь была не моя. Я была изгнана изъ нея; я одна только была какъ будто внѣ закона, и эта мысль поддерживала во мнѣ постоянную горечь — дѣлала меня подчасъ эгоистичною и злою. Какъ ни жалѣла я мать и отца, но, по правдѣ сказать, въ десять разъ болѣе жалѣла себя. «Они — думала я — жили по крайней мѣрѣ, имѣли какія-нибудь радости, вѣдь они сошлись по любви, — а я не испытала совсѣмъ никакихъ; у меня не было ничего. Кругомъ меня было пусто, былъ какой-то нуль безобразный, безвыходный, въ которомъ я, какъ въ петлѣ, задыхалась. Отовсюду вѣяло холодомъ, и съ каждымъ годомъ я чувствовала, какъ отъ этого холода застывало сердце и какъ всѣ чувства сжимались въ болѣзненной, горькой тоскѣ. Я какъ будто присутствовала на собственныхъ своихъ похоронахъ. Какъ у мертваго, у меня не было ничего въ запасѣ: жизнь одинокая, безцѣльная, безрадостная, я это знала, — ожидала меня впереди. Отецъ смотрѣлъ на меня угрюмо, за глаза называя старой дѣвкой. Мать плакала, видя, какъ я дурнѣю и какъ мало у меня шансовъ выдти замужъ; въ домѣ болѣзни начали приходить чаще и чаще, расходы росли... Со всѣхъ сторонъ было гадко и скверно, и жить такъ, казалось, уже дальше нельзя, и уйти было нѣкуда.

Вотъ среди какихъ обстоятельствъ я очнулась, однажды, точно послѣ долгаго сна. Холодная правда жизни вдругъ предстала передо мною такъ осязательно, что всѣ мои грезы, мечты, весь этотъ наплывъ волненія, заимствованнаго изъ книгъ, осѣлъ, какъ пѣна, и я первый разъ оглянулась вокругъ себя трезвымъ взоромъ.

Я давно начала понимать, что при моей обстановкѣ все это чтеніе только дурманитъ меня, помогая обманывать голодъ, который оно не можетъ удовлетворить, — голодъ жизни дѣйствительной, личной. Можетъ быть, уже и поздно искать ее; но — думала я, — поздно или не поздно, а покуда я буду питаться этой отравой, я ничего не найду, я буду жить и состарѣюсь окончательно на страницахъ романа, вертясь, какъ бѣлка, въ этомъ игрушечномъ колесѣ пустой, безплодной фантазіи.

Я давно уже говорила себѣ, что нужно сойти съ высоты, — на которой я жила до сихъ поръ воображеніемъ, на ту низменность, гдѣ такимъ ровнымъ, невозмутимо однообразнымъ теченіемъ протекала моя жизнь...

Я рѣшилась, во что бы то ни стало, искать спасенія и выхода изъ окружавшей меня дѣйствительности, и взять у нея съ

бою или безъ боя, какъ придется, все, чтó она еще могла мнѣ дать.

Этотъ переходъ изъ міра призрачнаго и мечтательнаго въ реальный міръ составилъ кризисъ въ моей жизни.

II.

«Когда *счастіе* не дается женщинѣ, — она должна пріискать себѣ какое-нибудь *дѣло*», — такъ рѣшала я, не разъ, вопросъ о пути, который долженъ былъ поставить меня на почву трезвой дѣйствительности.

Какъ я обрадовалась сначала этому найденному слову! Но скоро пришлось на опытѣ убѣдиться, что и оно для меня опять не болѣе, какъ пустой звукъ.

Какое тутъ *дѣло* возможно, когда я совершенно одна и около меня никого, кто бы могъ указать мнѣ на какую-нибудь другую работу, кромѣ штопанья бѣлья или разжевыванья для брата казенныхъ учебниковъ? Кромѣ этого, я ни къ чему не была приготовлена, ничего не знала, а жизнь меньше всего...

Правда, я знала, что поднятъ вопросъ о женскомъ трудѣ. Но, признаюсь, часто мнѣ приходило на мысль, что это, можетъ быть, опять такой же романъ, какъ и тѣ, которые тревожили мое сердце, но не научили меня, какъ жить. Вдобавокъ, все это имѣло для меня отвлеченный, далекій смыслъ: дѣло шло о какихъ-то принципахъ, о будущемъ, а мнѣ ждать было нéкогда, и на будущее разсчитывать поздно...

Я чувствовала уже какую-то усталость, какой-то разладъ между волею и умомъ, которые мѣшали мнѣ выбиться изъ колеи. Мое пустое прошлое, какъ рѣшетка тюрьмы, — отдѣляло меня отъ новаго будущаго... Заглохнувшихъ силъ не воротишь. О, зачѣмъ я не была десятью годами моложе? Тогда все было бы еще возможно.

«Да—думала я—моя бѣда состоитъ въ томъ, что я очутилась между двумя поколѣніями, которыя раздѣлили историческую судьбу женщины рѣзкой чертою. Я не могу уже жить, какъ жили наши бабушки, и въ то же время не могу устроить себѣ свою жизнь, какъ, вѣроятно, устроятъ ее для себя слѣдующія поколѣнія. Съ другой стороны, домашняя обстановка моя такова, что и думать о какомъ-нибудь рѣшительномъ шагѣ было нечего. Могла ли я бросить отца и мать, чтобы пойти, напримѣръ, въ швеи или няньки? А въ гувернантки я даже и не годилась, не владѣя хорошо практически иностранными языками.

Оставалось замужество; не придется выйти замужъ по любви, можно выйти еще по разсудку... Но я *хочу* любить, я *хочу* быть любимой, и не умру, не испытавъ этого счастія.

Мнѣ стало даже какъ будто легче на душѣ, когда я услышала голосъ своей *воли:* точно она сама собой могла измѣнить внѣшнія обстоятельства. Впрочемъ, каждый изъ насъ, вѣроятно, испыталъ такія минуты, когда ему кажется, что стоитъ только пожелать, и явятся къ вашимъ услугамъ новыя силы, которыя одолѣютъ всѣ препятствія. Да, кто не мечталъ объ этихъ чудесахъ, вызванныхъ могуществомъ *воли?* Кто, по крайней мѣрѣ въ молодости, не вѣрилъ въ нихъ?

«Въ самомъ дѣлѣ—думала я—кому до сихъ поръ могло бы даже въ голову придти влюбиться въ меня, когда я держала себя въ сторонѣ отъ всѣхъ, равнодушная и холодная, какъ будто это были не живые люди, а какія-нибудь ходячія куклы? Была бы я любезна, привѣтлива, внимательна, можетъ быть, и полюбилъ бы меня кто-нибудь. Можетъ быть? Но развѣ любятъ за это? Любятъ по большей части безъ причины, а если до сихъ поръ не любили, стало быть, никакой причины къ тому и нѣтъ! Ну... однакожъ? Попробовать? Посчитаемъ сперва наши наличныя средства».

Мнѣ двадцать восемь лѣтъ... Чтожъ, это еще не старость (при этомъ я невольно вспомнила Бальзаковскую: «La femme de trente ans»). Я, безъ сомнѣнія, далеко не красавица, но такъ себѣ, не дурна. Особенно хороши у меня глаза; волосы длинны и густы, рука маленькая. Что касается до такъ-называемой внутренней стороны, то въ этомъ отношеніи я знаю себѣ цѣну, да и на этотъ счетъ отъ женщины немного требуется.

Я не глупа, говорю не дурно, характеръ у меня сдержанный, а потому довольно ровный, сердце.., но объ немъ я знаю только одно, что въ немъ таится что-то непочатое, хотя, правда, на днѣ его накопилось уже много и горечи.

Пусть же я получу столько, сколько могу дать сама; пусть *онъ* любитъ меня столько же, сколько я способна любить, и двѣ наши жизни, соединенныя въ одну,—два сердца, слившіяся въ одномъ чувствѣ нѣжной привязанности—какого еще счастія надо? И чѣмъ романъ этотъ былъ бы хуже тѣхъ, которые печатаются каждый день? Но это опять мечты, сладкія мечты, а ихъ-то я именно и должна позабыть.

Теперь, посмотримъ, кого я встрѣчаю дома или у знакомыхъ, и кто изъ нихъ можетъ отвѣчать самымъ скромнымъ и благоразумнымъ матримоніальнымъ требованіямъ?

Но знакомые наши жили въ такомъ же глухомъ затишьѣ,

какъ мы, и у нихъ мнѣ никогда не случалось сказать болѣе двухъ словъ заразъ съ постороннимъ мужчиною; у насъ же бывало ихъ всего трое. Стоило мнѣ, однако, только назвать ихъ, представить себѣ ихъ наружность, ихъ манеры и разговоры, чтобы понять, какъ мало они годились даже и для предназначенной роли. Одинъ былъ уже старый вдовецъ съ пятью дѣтьми, другой непозволительно дуренъ и еще болѣе ограниченъ, третій, хоть не глупъ и не старъ, но недавно помолвленъ на купеческой дочкѣ. Не отбивать же мнѣ его у невѣсты съ тридцатью тысячами приданаго? Да и Богъ съ нимъ! Ну, вотъ и всѣ...

Но судьба неожиданно втолкнула въ нашъ тѣсный кружокъ человѣка,—знакомство съ которымъ вывело меня на ту новую дорогу, къ которой я стремилась, какъ къ единственному исходу.

III.

Эпохою въ моей жизни было 26-е января, день имянинъ моей матери. Въ этотъ день, какъ и во всѣ оффиціальные или домашніе праздники, мнѣ было еще грустнѣе, чѣмъ въ обыкновенные дни. Въ будни, по крайней мѣрѣ, все шло своимъ обычнымъ порядкомъ, и я такъ втянулась въ него, что чувствовала себя какъ бы колесомъ въ механизмѣ домашней жизни. Машина дѣйствуетъ, и я дѣйствую: поворачиваюсь, хожу, говорю, работаю, и т. д. Но въ праздникъ, весь этотъ порядокъ перевертывался у насъ вверхъ дномъ. Съ утра поднимается какая-то непонятная суета. Мамаша хлопочетъ, сама не давая себѣ отчета о чемъ, надѣваетъ чепецъ съ лиловыми лентами, папенька натягиваетъ на плеча свой старенькій вицъ-мундиръ, я тоже слѣдую ихъ примѣру и наряжаюсь въ одно изъ своихъ лучшихъ платьевъ (ихъ, впрочемъ, было у меня очень немного). И вотъ мы сидимъ бóльшую часть дня въ нашей маленькой гостиной съ малиновой старенькой шерстяной мебелью, съ которой снимаются чехлы,—точно въ ожиданіи какихъ-то необыкновенныхъ гостей или чего-то, что вдругъ случится, чего-то праздничнаго, радостнаго, и для этого какъ будто мы и принарядились и позволяли себѣ этотъ неурочный отдыхъ. Между тѣмъ, обыкновенно ничего не случалось, развѣ какая-нибудь старушка-чиновница на чашку кофе зайдетъ къ матери, или, вечеромъ, у отца составится партія въ преферансъ. Такъ было и въ этотъ памятный для меня день. По случаю имянинъ собралось у насъ нѣсколько человѣкъ гостей. Послѣ чаю, трое изъ нихъ ушли въ кабинетъ,

гдѣ ждалъ ихъ карточный столъ, а одинъ остался со мною. У мамаши сидѣли двѣ старушки.

Волей-неволей я должна была занять гостя. На сердцѣ у меня было такое вялое, тупое чувство тоски, что я забыла даже о своихъ недавнихъ планахъ: мнѣ было все равно, что ни дѣлать; конечно, всего лучше было бы уйти къ себѣ и не показываться на глаза добрымъ людямъ. Притомъ, тотъ, для кого я осталась въ гостиной, казался мнѣ вовсе недобрымъ человѣкомъ. Вообще, лицо его мнѣ не нравилось. Оно было не красиво и какъ-то безцвѣтно. Онъ былъ уже не молодъ: густые брови, волосы съ просѣдью, улыбка сдержанная, взглядъ умный, но тусклый, черты лица самыя обыкновенныя, словомъ, ничего особеннаго. Къ тому же, я видѣла его въ послѣдній разъ полтора года тому назадъ и говорила съ нимъ такъ мало, что въ лицѣ его не отражался для меня даже отблескъ чего-нибудь личнаго или какого-нибудь воспоминанія.

Дмитрій Алексѣевичъ Рославлевъ — такъ назывался мой новый собесѣдникъ — служилъ нѣсколько времени въ одномъ департаментѣ съ моимъ отцемъ, потомъ получилъ наслѣдство, вышелъ въ отставку и ѣздилъ за границу, гдѣ пробылъ, кажется, съ годъ. Вотъ все, что я знала о немъ. У насъ онъ бывалъ и прежде до крайности рѣдко, и наше знакомство, вѣроятно, прекратилось бы совсѣмъ, еслибъ отецъ не встрѣтилъ его наканунѣ гдѣ-то и не зазвалъ къ себѣ.

Почти около часу сидѣли мы другъ противъ друга, разговаривая о самыхъ обыкновенныхъ вещахъ. Казалось, мы истощили весь запасъ ходячихъ, стереотипныхъ фразъ о погодѣ, о петербургскомъ климатѣ, о театрахъ и проч., потому что къ концу этого времени мы оба едва шевелили языкомъ и замолчали разомъ, будто по безмолвному соглашенію.

Я находилась въ пренепріятномъ положеніи: нужно было непремѣнно сказать что-нибудь, а мнѣ рѣшительно не приходило ничего въ голову. Это длилось довольно долго, и намъ обоимъ стало очень неловко. Наконецъ, я подняла глаза съ твердой рѣшимостью сказать что-нибудь, хоть самый пустѣйшій вздоръ, и въ самую эту минуту встрѣтила его взглядъ, такой неожиданно добрый, полный такого участія взглядъ, что я вдругъ покраснѣла, сама не зная съ чего, и въ замѣшательствѣ отвернула голову.

— Вы устали — сказалъ онъ тихо и взялся за шляпу; — не церемоньтесь со мною, идите къ себѣ и отдохните.

— Я не могу, да я никогда и не ложусь такъ рано, и я

совсѣмъ не устала — отвѣчала я быстро, сама едва понимая, что я такое ему говорю.

Онъ какъ-то странно улыбнулся.

— Я говорю про нравственный отдыхъ — сказалъ онъ тѣмъ же ровнымъ и тихимъ голосомъ — и какъ вы ни отпирайтесь, а въ эту минуту, я вижу, вы сильно нуждаетесь въ немъ.

— Почему вы такъ думаете?

— Очень просто. Я воображаю себѣ то, что испыталъ бы самъ, еслибъ, какъ вы сегодня, съ утра принималъ гостей и занималъ ихъ нѣсколько часовъ сряду. Какая скучная обязанность повторять всѣмъ одни и тѣ же вопросы и получать въ отвѣтъ тѣже, однообразныя, знакомыя наизусть фразы!

— Зачѣмъ же вы всѣ говорите ихъ, эти фразы, если понимаете скуку и тягость ихъ для женщины? — спросила я, вдругъ, раздражаясь отъ той тоски, которую онѣ столько разъ наводили на меня. Неужели вы не находите съ нами ничего сказать? Или вы подозрѣваете въ насъ такъ мало здраваго смысла? Но, въ такомъ случаѣ, зачѣмъ давать себѣ даже и этотъ трудъ? Можно бы, просто, ограничиваться общимъ поклономъ хозяйкѣ и ея дочерямъ, да короткимъ привѣтствіемъ, а затѣмъ уйти въ кабинетъ курить или играть.

— Намекъ мнѣ на то, чтó я долженъ былъ сдѣлать и чего я не сдѣлалъ? — произнесъ онъ съ такимъ добрымъ смѣхомъ, что въ одну минуту первое невыгодное мое впечатлѣніе сгладилось, раздраженіе улеглось, и мнѣ захотѣлось, чтобы онъ остался.

— Какъ? воскликнула я, видя, что онъ все-таки собирается уйти — вы хотите прервать разговоръ въ самую ту минуту, когда онъ только-что успѣлъ выбиться изъ колеи скучныхъ фразъ и обѣщаетъ сдѣлаться хотя нѣсколько интереснымъ? Не знаю, какъ вамъ, а мнѣ это было бы очень досадно.

Онъ посмотрѣлъ на меня добродушно, и сейчасъ же усѣлся опять на мѣсто.

— Знаете, Наталья Борисовна, я никогда не умѣлъ говорить съ женщинами. Мнѣ всегда казалось, что для этого нужно имѣть особый талантъ, котораго у меня нѣтъ.

— Зачѣмъ талантъ, нужна только искренность, отвѣчала я.

— Но качество это — извините за откровенность — не есть добродѣтель вашего пола. Женщины сами такъ рѣдко бываютъ искренни, что это одна изъ причинъ, какъ мнѣ кажется, почему наша бесѣда съ ними вертится такъ часто въ сферѣ избитыхъ мѣстъ. И это нисколько не тяготитъ ихъ, если судить по тому,

какъ рѣдко онѣ себѣ даютъ трудъ выйти изъ этой сферы. Напротивъ, все заставляетъ думать, что она имъ нравится, что онѣ въ ней какъ дома.

— Неправда! неправда! — воскликнула я почти сердито, мы задыхаемся въ этой сферѣ, намъ тѣсно въ ней и противно до тошноты? Но, какъ вы хотите, чтобы мы были искренни, когда мы видимъ одну только маску обязательной вѣжливости, или сладкой любезности, за которой скрывается отсутствіе всякаго уваженія къ женщинѣ.

— Я бы сказалъ, что вопросъ нашъ вертится въ ложномъ кругу, еслибъ мы оба, въ дѣйствительности, уже не вышли изъ него: лучшее доказательство, что общее правило не всегда безошибочно, т.-е., что есть и мужчины чистосердечно уважающіе вашъ полъ, есть и женщины искренния. ....Вы рѣдкая женщина! заключилъ онъ вдругъ и совсѣмъ неожиданно для меня. Признайтесь, у васъ должно быть много друзей?

— Никого, отвѣчала я — кромѣ родной семьи!

Онъ посмотрѣлъ на меня, какъ бы не вѣря еще моимъ словамъ. Но, должно быть, мое лицо убѣдило его, что я говорю одну горькую правду.

— Вы, можетъ быть, очень горды и не охотно дарите вашу дружбу?

— Мы живемъ въ такомъ одиночествѣ — отвѣчала я, — что тѣ лица, которыхъ вы сегодня видите у насъ, составляютъ все наше общество, а изъ нихъ, вы поймете, конечно, никто не искалъ и не могъ искать моей дружбы.

Онъ хотѣлъ что-то сказать, но раздумалъ и замолчалъ.

Черезъ минуту Рославлевъ всталъ.

— Васъ не удивитъ, спросилъ онъ, если я стану искать того, чего, какъ вы говорите, никто еще не искалъ?

— Начните искать, посмотримъ, отвѣчала я, засмѣявшись.

Мы протянули другъ другу руку, и онъ ушелъ.

Долго я думала о послѣднихъ словахъ Рославлева. Я была искренно ими обрадована, какъ надеждой на что-то новое.

«Другъ! повторяла я. Неужели у меня будетъ другъ? Какое счастіе чувствовать въ другомъ сердцѣ опору для своего!»

Но вслѣдъ за этимъ что-то кольнуло меня, и радость моя омрачилась. Смѣшно сказать, слегка брошенныя имъ слова представлялись мнѣ какъ бы подтвержденіемъ того, чтó смущало меня въ тайнѣ души и чего я боялась.

Другъ! Дружба! Дружба мужчины ко мнѣ — вотъ все, что я могу внушить! Я уже такъ стара и такъ дурна, что не могу возбудить другого чувства. «Съ тобою дружба, съ другими любовь»,

шепнулъ мнѣ какой-то насмѣшливый голосъ, отъ котораго сердце мое болѣзненно сжалось.

«Я увѣрена, — разсуждала я сама съ собою, — что даже этотъ немолодой, некрасивый человѣкъ мечтаетъ до-сихъ-поръ о женитьбѣ на какой-нибудь восемьнадцатилѣтней дѣвушкѣ, а ко мнѣ будетъ питать одно тепленькое, спокойное чувство дружбы!...»

Я не могла ошибаться на счетъ того, что я въ ту минуту чувствовала.

Мнѣ было досадно, какъ будто послѣ обманутаго ожиданія. А между-тѣмъ, говоря по правдѣ, я сидѣла съ Рославлевымъ болѣе часу, и все это время была совершенно спокойна. Его личность почти съ перваго разу внушила мнѣ уваженіе, но это и все: ничто не влекло меня къ нему. Все оставалось внутри меня глухо и нѣмо. «Эхъ!—думала я,—зачѣмъ онъ сказалъ это слово: «*дружба?*» Однимъ этимъ словомъ онъ обозначилъ границу, черезъ которую мы какъ будто бы не должны и не можемъ переступить!»

«Но что́, если я ошибаюсь? А кто знаетъ, можетъ быть, онъ именно тотъ и есть, котораго я бы могла полюбить, за котораго я бы могла выйдти замужъ?

Неожиданная возможность счастія предстала передо мною, и я сказала себѣ: «я попробую».

IV.

Ровно черезъ недѣлю явился Рославлевъ, и намъ опять удалось поговорить довольно долго наединѣ. Разговоръ нашъ, на этотъ разъ, касался самыхъ разнообразныхъ предметовъ, точно мы торопились проэкзаменовать другъ друга. Я высказывала свой образъ мыслей чистосердечно; но желая произвести хорошее впечатлѣніе, настраивала его на болѣе мягкій тонъ, чѣмъ тотъ, который звучалъ у меня въ душѣ. Я хотѣла казаться ему добродушной, и хотя порицала иное, но дѣлала видъ, какъ будто бы критика у меня вытекаетъ безъ всякой горечи, изъ яснаго и спокойнаго міровоззрѣнія, отъ котораго я, въ дѣйствительности, была на тысячу верстъ. Странно! я скоро почувствовала, что Рославлевъ добрѣе меня, и доброта эта, мало-по-малу, сообщилась и мнѣ, точно какъ будто она согрѣла и размягчила окружающую меня нравственную атмосферу.

Впослѣдствіи, когда я узнала короче этого человѣка, я нашла въ немъ много своеобразнаго и даже рѣзко особеннаго. Но

въ первые дни моего знакомства съ нимъ, его характеръ и темпераментъ казались мнѣ загадкой неразрѣшимою. Они скрывались отъ моего любопытнаго взора подъ маской его спокойнаго самообладанія, и это давало ему въ моихъ глазахъ что-то безстрастное, какъ будто даже безличное. Вообще, онъ имѣлъ на меня охлаждающее, или вѣрнѣе сказать, успокоивающее вліяніе. Часто, слушая его умныя рѣчи, я чувствовала, какъ все мятежное и бунтующее мало-по-малу стихало въ моей груди, и во всемъ внутреннемъ мірѣ моемъ наступало какое-то затишье, которое иногда даже пугало меня, потому что мнѣ трудно было въ такія минуты узнать себя. Я являлась самой себѣ обезличенною и испытывала нѣчто похожее на страхъ человѣка, который, случайно заглянувъ въ зеркало, не увидалъ бы въ немъ своего хорошо знакомаго образа.... Это былъ диссонансъ, и тѣмъ болѣе рѣзкій, что онъ являлся какъ-разъ въ такія минуты, когда мнѣ хотѣлось жить, и я инстинктивно ждала, искала, требовала какого-нибудь толчка, который мнѣ нуженъ былъ, чтобы возбудить мою слабѣющую энергію и дать мнѣ смѣлость для исполненія моихъ плановъ. Дѣло дошло до того, что мнѣ уже становилось стыдно самой себя, своихъ тайныхъ замысловъ и женскихъ разсчетовъ.

А между тѣмъ, съ каждымъ новымъ свиданіемъ, я чувствовала, какъ усиливались во мнѣ невольное уваженіе и довѣріе, которыя Рославлевъ мнѣ внушилъ съ перваго взгляда, и какъ это слово: *«дружба»*, возбудившее на первыхъ порахъ съ моей стороны такой горячій протестъ, мало-по-малу закрадывалось въ сердце и поселялось въ немъ полновластнымъ хозяиномъ.

Каюсь чистосердечно, я была при этомъ немного разочарована. Я похожа была на новобранца, мечтавшаго встрѣтить огонь непріятеля и неуспѣвшаго даже понюхать пороху. Я сочиняла романъ, съ романической, интересной завязкою, я ожидала великой битвы и готовила къ дѣлу оружіе, которое должно было вывести чье-то сердце изъ безопасной его позиціи, и предвкушала уже сладость побѣды, какъ вдругъ, всѣ эти приготовленія оказались напрасны. Непріятель не принялъ сраженія и даже не тронулся съ мѣста. Дѣло окончилось миромъ, руки протянуты, и вѣчная дружба заключена....

Да, мы были друзьями, — въ этомъ не было никакого сомнѣнія!

И какъ же, послѣ того, мнѣ было досадно, когда черезъ нѣсколько времени родители начали переглядываться и перешептываться между собой! Оба даже повеселѣли и стали внимательнѣе ко мнѣ, а когда рѣчь заходила о Дмитріѣ Алексѣе-

вичѣ, проговаривались, что желали бы для меня такого мужа, что онъ — человѣкъ солидный, серьезный, которому нужна дѣвушка уже не первой молодости, благоразумная и съ характеромъ. Словомъ, они уже мысленно обвѣнчали насъ и, очевидно, надѣялись, что наше сближеніе окончится бракомъ.

Не могу сказать, какой болью отзывались во мнѣ ихъ намеки и нетерпѣніе. Я была совершенно увѣрена, что ихъ надежды на Рославлева не сбудутся и знала, что это будетъ для нихъ тяжелый ударъ. Но у меня не хватило духу разочаровывать ихъ. Да и какъ это сдѣлать? Сказать имъ, что все это такъ, ничего, одна только дружба? Но развѣ это отвѣтъ на цѣлый рядъ вопросовъ, которые я предвидѣла? Зачѣмъ онъ приходитъ такъ часто? О чемъ у васъ разговоры? Какія его намѣренія? И что скажутъ люди? Зачѣмъ онъ компрометтируетъ бѣдную дѣвушку? «*По дружбѣ...?*» О, какая горькая, злая шутка это была бы для нихъ?... А между тѣмъ, для меня это было совсѣмъ не шутка. Дружба Рославлева составляла все мое богатство, единственный грѣющій лучъ моей жизни, и я не могла отъ нея отказаться. Какъ бы тамъ ни пришлось послѣ расплачиваться, а покуда я рада была, что никто не мѣшаетъ намъ оставаться вдвоемъ и разговаривать съ глазу на глазъ, чего мнѣ никогда не позволили бы, еслибъ не видѣли въ этомъ единственнаго пути къ желанной цѣли, единственнаго исхода и средства, наконецъ, сбыть меня съ рукъ.

Матушка уже молилась и гадала; отецъ удвоилъ вниманіе къ мнимому жениху и былъ въ лихорадочномъ ожиданіи; а я... коварно молчала, предоставляя имъ ошибаться, елико возможно дольше. Что было дѣлать? Я знала, конечно, что мнѣ не пройдетъ это даромъ и переживала уже заранѣе весь стыдъ и все горе, которые должны были, какъ я думала, неминуемо обрушиться на мою виноватую голову, когда истина выяснится. И я не имѣла въ виду оправдываться. Какія тутъ оправданія?

Передъ родителями у меня не было никакихъ. Я знала ихъ взглядъ, знала, что въ ихъ глазахъ замужество — единственная карьера для дѣвушки, и не могла опираться на чувство собственнаго достоинства, не могла требовать для себя свободы, принадлежащей по праву только тому, кто самъ заработываетъ себѣ хлѣбъ. Я ничего не заработывала и ничего не имѣла. Я была трутнемъ въ ульѣ, непроизводительный членъ семьи, который даромъ ѣлъ хлѣбъ. Какое же право имѣла я располагать своей судьбою по-своему? Развѣ я была самостоятельная единица, а не безличный членъ цѣлаго, обязанный по первому востребованію покорно, охотно принести себя въ жертву интересамъ

этого цѣлаго? Раба по своему положенію, я должна была воспитать въ себѣ и чувство, приличное рабѣ. А я позволяла себѣ уклоняться отъ жертвы и легкомысленно забавлялась... *дружбою!*...

V.

Мѣсяца черезъ три послѣ этого, случилось то, что сбило съ толку всѣ мои предсказанія. Вышло, что не родители мои ошибались, а я...

Но я не хочу забѣгать впередъ и разскажу все по порядку.

Былъ одинъ изъ послѣднихъ теплыхъ сентябрьскихъ дней. Голубое, почти лѣтнее небо съ длинными легкими и прозрачными облачками манило на воздухъ; но, разстроенная своими грустными мыслями, я нѣсколько дней не выходила изъ дому: ничего мнѣ не хотѣлось, ничто не развлекало.

Приходъ Рославлева вывелъ меня изъ этого унылаго состоянія. Послѣ обычныхъ привѣтствій и взаимныхъ распросовъ, когда мы оба усѣлись, Дмитрій Алексѣевичъ спросилъ, отчего у меня сегодня такой грустный видъ. На его вопросъ, я отвѣчала ему другимъ, который самъ собою сорвался у меня съ языка.

— Скажите — произнесла я нѣсколько раздраженнымъ голосомъ — вѣдь надо быть безличностью, чтобы быть счастливымъ или счастливою? Безличность — вѣдь это единственное спасеніе?

Онъ былъ удивленъ.

— Что это вамъ пришло въ голову? спросилъ онъ.

Но я не сказала ему всего. Мнѣ было нужно противорѣчіе, чтобы хоть споромъ себя убѣдить, что не все еще замерло внутри и снаружи, что я живу и другіе живутъ.

Еслибъ онъ началъ систематизировать, какъ онъ имѣлъ привычку въ подобныхъ случаяхъ, я стала бы браниться, но онъ не принялъ вызова. Онъ былъ молчаливъ болѣе обыкновеннаго и, какъ мнѣ казалось, слушалъ разсѣянно. По выраженію его лица видно было, что его занимаетъ совсѣмъ не тотъ предметъ. Онъ возражалъ мнѣ слегка и скоро вернулся къ первому своему вопросу.

— Но вы мнѣ не сказали еще, — перебилъ онъ съ участіемъ, — отчего вы сегодня такъ печальны? Вы даже какъ будто бы поблѣднѣли. Пойдемте гулять; прогулка въ такую погоду васъ освѣжитъ и разгонитъ черныя мысли.

Прогулка со мною, вдвоемъ, была одною изъ самыхъ недавнихъ его привилегій и могла бы одна доказать, что на него смотрѣли уже почти, какъ на члена семьи. Не знаю, ясно ли онъ понималъ это послѣднее обстоятельство, но онъ не упускалъ случая пользоваться всѣми правами, ему предоставленными.

Черезъ четверть часа мы были на Англійской набережной. Разговоръ какъ-то не клеился и, послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, былъ брошенъ. Мы шли рука объ руку, молча, и это длилось уже довольно долго. Онъ мнѣ казался какъ-то необыкновенно тихъ, и это сердило меня. Теряя терпѣніе, я насмѣшливо заглянула ему въ лицо... Лицо это было болѣе чѣмъ обыкновенно серьёзно.

— Что съ вами? спросила я: — вы взялись разгонять мой сплинъ, а теперь предоставляете, кажется, мнѣ эту роль въ отношеніи къ вамъ?

Онъ былъ смущенъ и хотѣлъ что-то сказать; но ему видимо трудно было выговорить, точно языкъ былъ у него подъ тремя замками, и секретъ, отворяющій ихъ, позабытъ. Видя его замѣшательство, я поняла, что съ нимъ происходитъ что́-то необыкновенное, но глаза его были опущены, и я не могла составить себѣ даже догадки, что это такое значитъ. Любопытство мое было раздражено.

— Послушайте,—продолжала я—у васъ есть что́-то на сердцѣ, что васъ тяготитъ?

— Есть—произнесъ онъ чуть слышно.

— Почему же вы молчите?

— Боюсь....

— Чего?

— Боюсь, что вамъ не нужна та откровенность, которой вы требуете.

— Полноте! это даже обидно! Почему вы такъ думаете?

— Потому — отвѣчалъ онъ, вздохнувъ, что я въ васъ не вижу сердечнаго, искренняго участія и дѣйствительнаго желанія узнать, что̀ лежитъ у меня на сердцѣ. Вы допрашиваете шутя и ждете спокойно отвѣта. Васъ не тревожитъ то, что́ отъ васъ закрыто... Вы вызываете меня на полную искренность, а сами стоите далеко и не дѣлаете ни шагу на встрѣчу...

— Еслибъ я знала, въ какую сторону я должна сдѣлать шагъ...

— И вы не догадываетесь?...

— Руку на сердце—нѣтъ.

Мы замолчали, но я чувствовала, что его рука дрожитъ.

Онъ видимо началъ терять свою обыкновенную власть надъ собою.

— Я, можетъ быть, дѣлаю непростительное дурачество— продолжалъ онъ глухимъ, сдавленнымъ голосомъ, съ замѣтнымъ усиліемъ произнося слова,—и что-то во мнѣ говоритъ, что это дѣйствительно такъ;... но у меня не хватаетъ силы дольше молчать.

Я слушала, опустивъ глаза и, вдругъ поднявъ ихъ, встрѣтила его взглядъ. Въ одно мгновеніе все стало мнѣ ясно. Усмѣшка разомъ сбѣжала съ лица, и я была смущена, такъ смущена, что не берусь даже и разсказать, чтó я въ эту минуту почувствовала. Должно быть, я измѣнилась сильно въ лицѣ, потому что онъ дольше не колебался. Онъ понялъ, что въ сущности все уже сказано, и что онъ больше не можетъ выдать себя; но онъ былъ взволнованъ, и ему стоило очень большого труда облечь въ слова то, чтó выражено было въ его взглядѣ. Смыслъ этихъ словъ былъ слѣдующій: — «Нужно, или ненужно вамъ это, но я васъ люблю... Вотъ то сокровище, которое я отъ васъ пряталъ, потому что не зналъ и до сихъ поръ не знаю, годится ли оно вамъ на что-нибудь. Но, если оно не нужно вамъ, то и я имъ не дорожу. Берите его и дѣлайте съ нимъ что хотите».

Признаніе это вырвалось у него изъ сердца съ болью, и я получила его, конечно, не такъ, какъ оно теперь мною передано, а все въ клочкахъ, измятое и разорванное...

Не отъ того ли оно такъ мало обрадовало меня? А какъ, кажется, было не вспыхнуть отъ радости? Вѣдь вотъ же и на моей улицѣ праздникъ! Эта минута, о которой я столько лѣтъ мечтала, которой ждала, изнывая въ тоскѣ и теряя надежду, о которой я думала, наконецъ, что она никогда не придетъ, что мнѣ, обиженной счастьемъ, не суждено испытать ея сладость... эта минута пришла... Но гдѣ же ея восторгъ? И неужели это чувство холоднаго, гордаго торжества, промелькнувшее во мнѣ, когда я сказала себѣ, наконецъ, сознательно: «да, это любовь!.. человѣкъ этотъ любитъ меня!..» неужели это все? И я ждала, чтó будетъ дальше, но дальше, что-то тяжелое легло у меня камнемъ на сердцѣ, и это бѣдное сердце заныло отъ боли. Я понять не могла, что такое со мною дѣлается, и отчего въ эту минуту во мнѣ все замерло. Я смотрѣла на Рославлева, широко открывъ глаза, въ какомъ-то испугѣ, почти въ отчаяніи и чувствовала, что я не въ силахъ ни слова ему отвѣчать. Къ счастію, онъ былъ не менѣе моего смущенъ и еще менѣе пони-

малъ, что со мною дѣлается. Онъ замѣтилъ, однакоже, мой испугъ.

— Я васъ встревожилъ, мой другъ? сказалъ онъ тихо и нѣжно, положивъ руку свою на мою. Неужели вы до сихъ поръ ни о чемъ не догадывались?

Я попробовала улыбнуться, но улыбка не вышла; я силилась сказать что-то, но не могла извлечь ни звука изъ стѣсненной груди. Все тотъ же камень лежалъ и спиралъ, казалось, дыханіе. Возмущенная и огорченная до послѣдней степени, я дѣлала неимовѣрныя усилія, чтобы сбросить съ себя этотъ гнетъ, и все напрасно... Злость, наконецъ, взяла меня. Мнѣ стали невыносимы близость его лица и руки, и его умоляющій, но тѣмъ не менѣе пристально на меня устремленный взоръ. Я быстро высвободилась и опустила вуаль. Какая-то мысль, еще темная и далекая, промелькнула у меня въ головѣ и какъ будто уже теперь внушила мнѣ осторожность. Мнѣ, вдругъ, не захотѣлось, чтобы онъ читалъ у меня на лицѣ, въ эту минуту, когда я не въ силахъ еще была совладать съ собою.

—Скажите хоть одно слово — прервалъ онъ, наконецъ, тягостное для насъ обоихъ молчаніе—скажите мнѣ что-нибудь.

— Не теперь и не здѣсь... на улицѣ... я не могу... послѣ... не торопите меня, мой другъ! почти умоляла я, рѣшивъ какимъ-то инстинктомъ, что я ни зачто не должна ему отвѣчать теперь, сгоряча; что объ этомъ надо подумать и очень серьезно подумать, потому что отъ моего отвѣта много зависитъ, и что, стало быть, прежде всего мнѣ нужна отсрочка, — какая-нибудь, только отсрочка, отсрочка во что̀ бы то ни стало и непремѣнно!

Смущенная и растерянная, я ухватилась за эту мысль, какъ за якорь спасенія.

— Наталья Борисовна—произнесъ онъ, грустно потупивъ голову — если у васъ есть сердце, то вы поймете, что значитъ для меня отсрочка въ эту минуту и каково мнѣ будетъ сегодня разстаться съ вами, не услыхавъ ни слова въ отвѣтъ.

— О, ради Бога, не торопите! заговорила я вдругъ. Что я могу вамъ сказать теперь? Это было такъ неожиданно, что у меня всѣ мысли спутались... Я сама не могу еще хорошенько понять... Не вините меня! не сердитесь, мой другъ! Имѣйте терпѣніе! Вспомните, вѣдь вы сами отчасти тому виной. Вы до сихъ поръ и намека не подали. Вы были такъ ровны и спокойны, говорили только о дружбѣ... и я гордилась этой дружбою... Но могла ли я угадать?

— Отвѣчайте мнѣ хоть одно... Вы вѣрите мнѣ?

Я посмотрѣла ему въ глаза, нѣсколько озадаченная такимъ вопросомъ; но какое могла я имѣть сомнѣніе?

— Вѣрю, отвѣчала я твердо—отъ всего сердца вѣрю.

— Ну, если такъ, то и я вѣрю. Вы меня не обманете, потому что вы, если бы и хотѣли, не можете обмануть. У васъ на лицѣ и въ глазахъ свѣтится ваша душа, и такое лицо, такіе глаза не могутъ лгать...

Мы были въ пяти шагахъ отъ нашей квартиры.

— До завтра! сказалъ онъ, протягивая руку.

— Но развѣ вы не войдете къ намъ?

— Нѣтъ, я не въ силахъ; да и вы тоже измучены.

Я медлила. Срокъ, мнѣ назначенный, казался мнѣ страшно близокъ. Неужели же я должна буду завтра отказаться отъ этой любви? промелькнуло у меня въ мысляхъ. Но я не могу рѣшиться на это такъ скоро! Вѣдь это тоже почти, что вовсе отречься отъ жизни!...

Мы стояли съ минуту, ни слова не говоря. Моя рука дрожала въ его рукѣ. Я не смѣла поднять глаза, чувствуя, что онъ вглядывается въ мое лицо. Это было невыносимо.

— До завтра—шепнула я, и мы разстались.

Поднимаясь по лѣстницѣ, я чувствовала, что голова у меня кружится и ноги подкашиваются; но на сердцѣ вдругъ отлегло. Я похожа была на человѣка, только что-избѣжавшаго крайней опасности.

VI.

Первое впечатлѣніе мое, когда я пришла въ себя, было чувство свободы: тяжесть, давившая меня, отошла отъ сердца. Въ эту минуту я была рада, очень рада тому, что̀ случилось сейчасъ, и ни за что не отдала бы ни слова изъ сдѣланнаго мнѣ признанія. Но радость моя была скорѣе похожа на счастіе замореннаго бѣдняка, который вдругъ выигралъ порядочный кушъ въ лотереѣ, нежели на восторгъ влюбленнаго сердца, упоеннаго первымъ раздѣломъ взаимности. У героини романа, въ такую минуту,—по хорошо извѣстной метафорѣ, выростаютъ крылья, поднимающія ее на такую высоту, что голова кружится и духъ замираетъ отъ сладостнаго восторга; а я... была счастлива тѣмъ, что первый разъ въ жизни почувствовала себя стоящею обѣими ногами на землѣ и нашла себѣ мѣсто на ней, нашла свою точку опоры... Бездомный бродяга, вдругъ отыскавшій себѣ надежный пріютъ, долженъ испытывать нѣчто подобное. Чувство

осѣдлости, инстинктъ домовитости, собственности проснулись во мнѣ и заговорили громко.

Очутившись опять одна въ своей комнаткѣ и въ тѣсной своей обстановкѣ, я вспомнила все безотрадное свое прошлое, и чувство вражды къ нему опять шевельнулось во мнѣ съ такою силою, какую я даже въ себѣ не подозрѣвала. Но я успокоилась, сказавъ себѣ, что всему этому конецъ, что узкая рамка моя раздвинется, и я увижу другой горизонтъ, новый, просторный. И я вздохнула полною грудью, и что-то свѣтлое, ясное коснулось меня теплымъ лучемъ надежды... Какъ радостно меня волновала мысль, что жизнь, съ ея многоразличными интересами, не пройдетъ мимо меня, что ея волна захватитъ край и моего существованія. Но, по мѣрѣ того, какъ въ перспективѣ передо мною развертывалась картина другого, свѣтлаго будущаго съ разнообразными ея перемѣнами, — *онъ*, будущій мужъ мой, — первый и главный виновникъ всего, уходилъ куда-то, на задній планъ.

Вдругъ что-то темное появилось между мною и этой рисующеюся вдали картиною, точно кто-то, подкравшись, захлопнулъ передо мною двери. «Вѣдь ты не любишь его» — шепнулъ мнѣ какой-то внутренній голосъ — и только обманомъ можешь перешагнуть порогъ этого будущаго... Неужели же тебѣ не совѣстно будетъ солгать этому честному человѣку, который съ такой безграничной довѣрчивостью отдалъ свою судьбу въ твои руки? Брось же воздушные зàмки, и прежде всего исполни свой долгъ...»

Я содрогнулась... Боже, какимъ могильнымъ холодомъ повѣяло на меня отъ этого долга!... «Да полно, долгъ ли это еще?» — спрашивала я себя, отодвигаясь отъ этого призрака съ невольнымъ страхомъ и отвращеніемъ — «Не мертвая ли это фраза съ кладбища отвлеченныхъ, непримѣнимыхъ, бездушныхъ, безчеловѣческихъ законовъ? Кого *я хочу* обманывать? Кого *не желаю* любить? И если есть человѣкъ, которому я не могу открыть всей правды,—то развѣ это моя вина? И много онъ выиграетъ отъ этой правды, ради которой я должна задушить и мои и его надежды, измѣнить самымъ естественнымъ, самымъ законнымъ требованіямъ своей природы, не давъ ничего взамѣнъ ни ему, ни себѣ. Хорошъ героизмъ! И хорошъ принципъ, требующій такой адской жертвы!... Отречься отъ жизни? Это легко сказать, но больше чѣмъ трудно,—немыслимо, невозможно исполнить! Я готова нести вѣчный укоръ и какое угодно тяжелое наказаніе; но я не готова и не могу рѣшиться на самоубійство! Я не могу умереть, не извѣдавъ жизни....»

Вопросъ, поставленный такимъ образомъ, долженъ былъ скоро рѣшиться въ ту сторону, на которую я инстинктивно склонялась... Чтобы успокоить встревоженную совѣсть, я твердила себѣ, что нѣтъ никакой дѣйствительной и серьезной причины, мѣшающей мнѣ выйти замужъ за Рославлева. Развѣ я даромъ беру его жизнь и ничего отъ себя не даю взамѣнъ? Не приношу съ своей стороны никакой жертвы? Развѣ я не готова всю жизнь свою посвятить его счастью? Не все ли равно, какимъ путемъ войти въ жизнь, лишь бы не быть заживо замурованной, и лишь бы прожить ее честно. А чѣмъ любовь честнѣе простой привязанности? Наконецъ, что такое любовь?

Задавъ себѣ этотъ вопросъ, я скоро рѣшила, что всѣ сомнѣнія, волновавшія меня въ эту минуту, имѣютъ одинъ главный источникъ,—«это жоржзандовскій романтизмъ: онъ пріучилъ меня видѣть въ любви какую-то прометееву искру, какой-то небесный огонь, прожигающій душу насквозь; а между тѣмъ, похоже ли это хоть сколько-нибудь на искреннюю, дѣйствительную привязанность сердца къ сердцу? И развѣ сердечная, спокойная преданность не лучше бѣшеной страсти?.... Разсуждая такъ, я почти убѣдила себя, что простое, ясное чувство, которое я испытывала къ Дмитрію Алексѣевичу, пожалуй, будетъ поглубже и попрочнѣй всякой *passion divine*. Наконецъ, я спросила себя: на чемъ основана у меня увѣренность, что расположеніе мое къ Рославлеву не есть начало любви, или не заключаетъ по крайней мѣрѣ въ себѣ ея возможности? Однакожъ, какъ будто на зло всѣмъ этимъ доводамъ, у меня что-то щемило въ груди, а сердце глухо молчало. О! какъ дорого я бы дала, и какая радость охватила бы все мое существо, еслибъ въ эту минуту я почувствовала въ себѣ хоть искру того огня, надъ которымъ я такъ издѣвалась!...

Кругомъ меня стало уже совсѣмъ темно, а я еще все сидѣла,—погруженная въ свои думы, какъ вдругъ дверь скрипнула и комната освѣтилась... Вошла матушка, держа въ рукѣ свѣчу, которую она поставила на столъ. Она подошла ко мнѣ своей тихой походкою и сѣла около меня. «Дмитрій Алексѣевичъ сдѣлалъ тебѣ предложеніе?» спросила она, посмотрѣвъ на меня пристально.

Я вздрогнула, сильно смутилась и не нашлась что сказать.

— Я вижу ужъ по лицу, что у васъ что-то случилось — продолжала она. Отъ материнскихъ глазъ вѣдь не скроешь... Да и повѣрь мнѣ, Наташа, тебѣ же самой будетъ легче, если ты мнѣ разскажешь всю правду.

Слезы подступили мнѣ къ горлу. Видъ ея сѣдыхъ волосъ,

ея худого, морщинистаго, почтеннаго лица тронулъ меня какой-то особенной нѣжностью. Мнѣ стало такъ больно за нее и себя, какъ будто я готовилась нанести ей тяжелый ударъ, и въ то же время, какъ страстно хотѣлось мнѣ утѣшить, обрадовать ее! «Отдамъ все на ея судъ» — подумала я — «она не посовѣтуетъ мнѣ поступить *нечестно*». И я разсказала ей о признаніи Дмитрія Алексѣевича и о той борьбѣ, которая происходила во мнѣ.

— Другъ мой, Наташа! — проговорила она дрожащимъ голосомъ. Не пренебрегай ты своимъ счастіемъ. Оно не приходитъ дважды. Вспомни твою прошлую жизнь и пожалѣй, если не нашу старость, то твою собственную молодость, которую нечѣмъ помянуть. А что ждетъ тебя впереди? Одиночество, бѣдность, тысяча мелкихъ униженій. Мы вѣдь съ отцемъ твоимъ не вѣчны. Какъ спокойно могли бы мы умереть, еслибъ знали тебя *пристроенною* за такого хорошаго человѣка, какъ Дмитрій Алексѣевичъ. Много было горя у меня; за то были и радости. Ты же не будешь знать радостей никакихъ, если не выйдешь замужъ. Дмитрій Алексѣевичъ тебя любитъ, почему же и тебѣ не любить его? Честная женщина всегда любитъ своего мужа, если онъ хорошій и добрый человѣкъ. Повѣрь мнѣ, другой любви и не нужно въ бракѣ, потому что страсть сама собою приходитъ, и сама собою уходитъ, а привязанность остается. Если Дмитрій Алексѣевичъ тебѣ нравится и ты уважаешь его, то я благословляю тебя дать ему свое согласіе, и я увѣрена, что мое материнское благословеніе принесетъ тебѣ счастіе!

Долго говорила она въ такомъ родѣ, а я слушала ее почти съ радостнымъ волненіемъ. Слова ея совпадали съ моими тайными желаніями, и въ моихъ глазахъ она была права. Мы были бѣдны, и черная полоса неудачъ, какъ тѣнь, шла по пятамъ за нами. И вдругъ, въ первый разъ послѣ долгихъ лѣтъ печали и горя, судьба улыбнулась намъ. Она сулила не журавля въ небѣ... И бросить этотъ подарокъ, потому что слѣпой божокъ не зажегъ въ моемъ сердцѣ капризнаго огонька... какое дурачество и безуміе! «Но я хочу и буду любить» — говорила я про себя рѣшительно. «Онъ хорошій, умный, благородный человѣкъ! Какого героя мнѣ еще нужно! Развѣ воля и разсудокъ безсильны? Но въ такомъ случаѣ, и если дѣйствительно любовь есть чудо, — дожидаться ее обидно и возмутительно... Я не хочу, мнѣ не нужно чуда! Я слишкомъ горда, чтобы отдать во власть слѣпой и таинственной силы случая свою судьбу, я хочу сама управлять ею. Да, я не желала себя подчинить тому, чего я не знаю, и не обязана вѣрить всѣмъ этимъ, такъ-называемымъ непосредственнымъ проявленіямъ сердца. Кто мнѣ

поручится, что онѣ не лгутъ? И могу ли я быть увѣрена, что пламя, благоволившее вспыхнуть, — сегодня, случайно и безотчетно, завтра, также случайно и безотчетно, не вздумаетъ, вдругъ, потухнуть? Нѣтъ! любовь должна быть результатомъ взаимной симпатіи, уваженія, дружбы, преданности, совокупности интересовъ, общности жизни! Да будетъ такъ! Жаль только, что Дмитрій Алексѣевичъ такой идеалистъ! (Я знала, какъ нельзя лучше, и на этотъ счетъ у меня не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что онъ никогда на мнѣ не женится, не будучи убѣжденъ, что чувство его взаимно). Впрочемъ, ему хорошо быть идеалистомъ. Онъ, какъ и всѣ мужчины, свободенъ любить по выбору, а я нѣтъ. Бракъ для нихъ не есть дверь, черезъ которую входятъ въ жизнь. Имъ не твердятъ почти съ колыбели, какъ намъ: «бракъ — ваше естественное и единственное призваніе, внѣ котораго вы осуждены бродить, какъ живые мертвецы,— не находя себѣ ни мѣста, ни цѣли?» Это было общее наше прошедшее, наша исторія, а чья жизнь не солидарна съ исторіею? Кромѣ того, и личное мое прошлое не могло не тяготѣть надо мною. Въ эти десять лѣтъ моей печальной, тѣсной и одинокой до одичалости жизни, я мало-по-малу какъ будто бы отупѣла сердцемъ. Говорятъ, любовь есть высшее проявленіе чувства, высшая степень его энергіи. А у меня энергія вся потрачена на пустыя мечты, изсякла въ борьбѣ съ тоскою и горемъ, и я, быть можетъ, уже не способна любить...

Но онъ любитъ меня и хочетъ на мнѣ жениться, а я хочу жить, и потому выйду за него—вотъ начало и конецъ. Начало, да, но конецъ? Кто можетъ сказать заранѣе, каковъ будетъ конецъ?

VII.

На другое утро, я встала послѣ безсонной ночи съ тупой головной болью, но съ яснымъ сознаніемъ того событія, которое должно было сегодня совершить переворотъ въ моей жизни. Мать, вѣроятно, передала отцу вчерашній нашъ разговоръ, потому что, когда я пришла поздороваться съ нимъ, онъ ласково улыбнулся мнѣ (что̀ случалось съ нимъ очень рѣдко), какъ будто заранѣе одобряя меня. Но увидѣвъ мое блѣдное и унылое лицо, онъ видимо испугался и сказалъ глухимъ голосомъ: «тебѣ двадцать-восемь лѣтъ! Посидѣла ты таки дома! Довольно было нашихъ попеченій и заботъ: пора и самой о себѣ подумать, и насъ пожалѣть!»

«Пожалѣть!»—онъ повторялъ слова матери. Стало быть, я у нихъ какъ бремя на шеѣ. Пожалѣть — значило освободить, снять съ нихъ эту тяжелую заботу и свалить на другого...

Бѣдныя дочери! Я пожалѣла ихъ, и себя, и въ эту минуту послѣднее колебаніе мое исчезло.

День клонился къ вечеру. Въ комнатѣ еще не было темно, но на всемъ лежала та прозрачная полутѣнь, въ которой краски и рѣзкія очертанія стушевываются. И чѣмъ быстрѣе темнѣло, тѣмъ больше я радовалась: въ полумракѣ я буду смѣлѣе, и это лицо, на которомъ, какъ онъ сказалъ, свѣтится моя душа, не выдастъ меня.

Наконецъ, раздался звонокъ, возвѣщавшій рѣшительную минуту. Сердце мое подпрыгнуло, когда онъ вошелъ. Несмотря на темноту, я увидѣла или скорѣе догадалась, что лицо его было блѣдно и что онъ былъ очень смущенъ. Это смущеніе тотчасъ же сообщилось и мнѣ, и къ великой моей досадѣ, было такъ сильно, что въ первую минуту я также, какъ вчера, положительно не могла произнесть ни полслова.

Не помню, что онъ сказалъ мнѣ, — но помню взглядъ, который онъ устремилъ на меня. Подъ этимъ взглядомъ всѣ приготовленныя мною слова исчезли изъ памяти, и что-то другое чуть не сорвалось съ языка. Послѣ большого усилія надъ собою, я однако оправилась и, улыбаясь, но все еще молча, подала ему руку.... Эта рука была холодна, какъ ледъ.

— Моя? шепнулъ онъ, схвативъ ее и покрывая горячими поцѣлуями.

— Ваша, пробормотала я, едва внятно.

Онъ, вдругъ какъ будто бы опьянѣлъ отъ радости и началъ упрашивать, чтобы я это слово повторила еще и еще.

— Дайте мнѣ убѣдиться, что я не ослышался — говорилъ онъ — и не дивитесь, что я какъ будто не вѣрю своимъ ушамъ. Счастье такъ велико, и я столько разъ увѣрялъ себя, что оно невозможно; я такъ боялся!... О! еслибъ вы знали, милая, дорогая Наталья Борисовна, какъ я боялся! Вѣдь мнѣ нѣтъ дороги назадъ.... Я не умѣлъ полюбить осторожно и въ половину.... Я отдалъ себя всего и навсегда, невозвратно.

Мы сѣли; онъ робко придвинулся. Въ комнатѣ стало такъ темно, что я едва могла видѣть его лицо, но я чувствовала его дыханіе у себя на щекѣ и его рука тихо коснулась моего пояса. Холодная дрожь пробѣжала по нервамъ моимъ. Я откинулась вся назадъ, отвернула лицо и, закрывъ глаза, тяжело дышала.

Темнота, въ которой сначала я видѣла для себя защиту,

потеряла теперь весь смыслъ, и съ каждой минутою становилась страшнѣе.

— Вы любите? Выговорите хоть разъ это слово! упрашивалъ онъ, дайте мнѣ разомъ обнять всю мѣру моего счастія!

— О, маловѣрный! произнесла я, вскочивъ и почти въ отчаяніи. Ему мало видѣть и знать; ему нужно еще коснуться пальцемъ.... «до моихъ ранъ» — чуть, было, не прибавила я, но, спохватившись, шепнула ему: «Я васъ люблю» — и почти выбѣжала изъ комнаты.

Черезъ минуту, оправившись, я зажгла двѣ свѣчи и вернулась съ ними обратно въ гостиную.

Дмитрій Алексѣевичъ сидѣлъ точно въ какомъ-то забытьи. Въ глазахъ его горѣлъ лихорадочный огонь; на губахъ бродила улыбка блаженства. Я не знаю почему, но въ эту минуту онъ произвелъ на меня непріятное впечатлѣніе. Роль любовника рѣшительно была ему не къ лицу. Я отворачивалась насколько было возможно и старалась не глядѣть. Я чувствовала свою вину передъ нимъ, и въ то же время досадовала на него, зачѣмъ онъ поставилъ меня въ это тягостное положеніе, зачѣмъ требовалъ любви и не съумѣлъ внушить ее, зачѣмъ держалъ себя на первыхъ порахъ такъ спокойно и ровно и пріучилъ смотрѣть на себя, какъ на друга? Я искренно вѣрила въ эту минуту, что веди онъ себя иначе сначала, другія струны зазвучали бы у меня въ душѣ, и теперь, въ это торжественное мгновеніе, — я не сидѣла бы передъ нимъ неподвижно, а испытывала бы сама то счастіе, отраженіе котораго я видѣла съ завистью и досадою на его лицѣ. Пустыя иллюзіи и позднія сожалѣнія! Не та ли же самая досада мнѣ васъ подсказывала?

Надо, однако, было окончить какъ-нибудь. То, что я выдержала, было едвали не выше моихъ слабыхъ силъ, и я до-сихъ-поръ удивляюсь, какъ мнѣ удалось пройти, не споткнувшись, все это тяжелое испытаніе.... Темнота не могла служить мнѣ теперь.... въ комнатѣ были свѣчи.... Я попробовала шутить; но это мнѣ вовсе не удалось. Шутки, вмѣсто того, чтобъ успокоить его, какъ я надѣялась, производили совершенно обратное дѣйствіе. Недоумѣніе и тревога вспыхивали на его лицѣ. То онъ тупѣлъ и не могъ ничего понять, то, вдругъ, у него являлась какая-то странная зоркость, и онъ заглядывалъ въ мои мысли глубже, чѣмъ мнѣ это нужно было. Я путалась и нѣсколько разъ совсѣмъ не знала, что ему отвѣчать, не знала, куда дѣваться отъ его взгляда. Допросамъ, казалось, конца не будетъ. Давно ли? И что было прежде? И когда я успѣла узнать, и вѣрно ли я

узнала себя? Не слишкомъ ли мало я имѣла времени? И что, если я теперь, можетъ быть, сожалѣю, что я увлеклась?

Досада меня взяла. Измученная до-нельзя всей этой пыткой, я забыла о томъ, какъ мало я въ сущности ему высказала, и какъ естественна была его жадность узнать что-нибудь дальше этихъ трехъ словъ, которыя онъ у меня вымолилъ.

— Знаете — я сказала — я почти сожалѣю теперь, что призналась вамъ сразу. Мнѣ бы слѣдовало отсрочить недѣли на двѣ, да хорошенько проучить васъ этимъ временемъ.

Онъ усмѣхнулся, но какъ-то болѣзненно.—Вотъ женщины!— произнесъ онъ. А еще говорятъ, что у нихъ нѣжное сердце. Жесточе этого вашего сожалѣнія трудно себѣ вообразить что-нибудь. Ребенокъ, прокалывающій булавкою муху, чтобъ видѣть, какъ она будетъ корчиться, — кошка, играющая съ своей добычею....

— Постойте — перебила я весело, радуясь, что мнѣ удалось, наконецъ, повернуть разговоръ на другую тему.... Если ужъ рѣчь пошла о томъ, кто кого больше мучитъ, то нашъ полъ долженъ, по всей справедливости, уступить вамъ часть несомнѣннаго первенства. Мы, слабыя, жалкія ученицы въ сравненіи съ вами, изучившими *это дѣло* во всемъ его совершенствѣ.

— Увертываетесь, мой другъ!

Къ несчастью, это была сущая правда, и я покраснѣла.

— Но, Богъ съ ними, съ женщинами! продолжалъ онъ нетерпѣливо. Какое мнѣ дѣло до нихъ? Для меня существуетъ теперь въ цѣломъ свѣтѣ одна только женщина.... Это вы:—Наташа, прибавилъ онъ тише, и страсть вспыхнула снова въ его глазахъ, — Наташа! мой другъ! Моя жена!... Не правда ли, — вѣдь вы согласны?

— Вы, кажется, еще сомнѣваетесь?

— Опять увертки и шутки. Не мучьте меня, не сводите съума! Мнѣ не до шутокъ! Скажите мнѣ прямо и ясно, желаете ли вы этого Наташа?... Вѣрите ли, что вы со мною будете счастливы?

Какъ я обрадовалась, что онъ предложилъ мнѣ вопросъ въ такой формѣ. На этотъ разъ я могла смѣло посмотрѣть ему въ глаза и *по совѣсти* отвѣчала ему утвердительно.... Боже мой, сколько извилинъ и изворотовъ въ человѣческомъ сердцѣ! И къ какой казуистикѣ способна эта ханжа — наша совѣсть!

На другой день, послѣ полудня, Дмитрій Алексѣевичъ явился къ моимъ родителямъ съ формальнымъ предложеніемъ, которое, разумѣется, было принято съ радостью. За обѣдомъ, мы пили даже шампанское. Всѣ были веселы, а я веселѣе всѣхъ. Я много

говорила, смѣялась и была любезна, внимательна къ Дмитрію, какъ настоящая невѣста. Онъ же былъ весь какъ будто бы поглощенъ своимъ счастіемъ, и только восторженный взоръ, который онъ не спускалъ съ меня, позволялъ мнѣ догадываться о томъ, что происходило въ его душѣ.

По просьбѣ его, свадьба назначена была черезъ шесть недѣль, и онъ взялъ слово съ моихъ родителей не дѣлать мнѣ никакого приданаго (впрочемъ, и не на что было бы....) О матеріальной сторонѣ нашего будущаго обзаведенія онъ хотѣлъ, чтобы ему предоставлено было право исключительно позаботиться.

И никто лучше его не могъ позаботиться. Но всѣ эти хлопоты, по его желанію, я раздѣлила съ нимъ. Вмѣстѣ мы все покупали, вмѣстѣ и выбирали мебель, и нанимали квартиру. На покупку же мнѣ бѣлья и разныхъ другихъ принадлежностей моего туалета, онъ упросилъ мою мать, которая крѣпко его полюбила, — взять у него тысячи двѣ.

Времени оставалось такъ мало, что мы должны были торопиться, и потому дни и недѣли шли у насъ быстро въ какой-то пріятной суетнѣ.

Заботы и хлопоты значительно отрезвили Дмитрія; порывы его стали рѣже и сдержаннѣе; онъ какъ будто совсѣмъ забылъ о себѣ и думалъ только о моей радости, о моемъ счастьѣ. Вообще, я была очень довольна имъ. Это было, пожалуй, самое лучшее время моей жизни.

Свадьба наша была отпразднована совершенно домашнимъ порядкомъ, — передъ самымъ рождественскимъ постомъ.

VIII.

«Я ли это?» спрашивала я себя, осмотрѣвшись черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ вѣнца. «Я какъ-то себя не узнаю.... Я точно упала съ большой высоты или проснулась послѣ какого-то долгаго, долгаго сновидѣнія, и связь недавняго прошлаго съ настоящей дѣйствительностью какъ-то странно оборвана.... Да, я упала и страшно упала! Вся гордость моя разбита въ прахъ!... Птица, у которой отрублены крылья, должна испытывать нѣчто подобное, печально толкаясь внизу, на землѣ, и чувствуя, что ей никогда уже болѣе не придется летать!... Вотъ тебѣ и осѣдлость!...»

Въ какіе-нибудь полгода замужней жизни я страшно состарѣлась сердцемъ, — состарѣлась такъ, что многое — не только изъ прежней дѣвичьей жизни, но изъ пережитаго въ этотъ короткій

срокъ, — не можетъ ужъ болѣе никогда повториться въ моей душѣ и остается понятно только по воспоминанію.... Теперь мнѣ уже все равно, и я только изрѣдка плачу, такъ, съ дуру, — сама не зная о чемъ; все же еще какъ-то больно припомнить свой прошлый стыдъ и то униженіе, которое я испытала.

Но это чувство обиды — глупое чувство, потому что оно безпредметно. «Кто виноватъ? — спрашивала я себя тысячу разъ и не могла найти никакого отвѣта.... Родители? Но развѣ они не видѣли, что я тоскую и сохну, и развѣ они не желали мнѣ всей душою добра? Или, можетъ быть, меня обманули эти наивные простаки, рутинёры, которые слѣпо вѣрятъ, что общія правила придуманы именно для нашего счастья и служатъ вѣрнѣйшимъ путемъ къ его достиженію? Но, развѣ я сама не была одною изъ нихъ и не увѣрила себя въ простотѣ души, что, слѣдуя общему правилу, я должна получить искомое?... И что̀ же, если уже на то пошло, то развѣ я не получила его? Я искала земли, и вотъ она у меня подъ ногами; что-жъ дѣлать, если немножко грязна, нельзя же быть слишкомъ разборчивой!... Далѣе, мнѣ нужна была теплота и солнце. Безумная! Да развѣ ты ихъ не получила? Вѣдь у тебя есть мужъ, горячо тебя любящій, человѣкъ, который на тебя не насмотрится, который готовъ свою душу отдать за твои усмѣшки и ласки? Какой же еще теплоты, какого другого солнца нужно тебѣ?...

Что возражать противъ этого? Ничего я не могу возразить; все это правда. О! если бы только правда эта хватила хоть на волосъ далѣе! Еслибы солнце это согрѣло меня! Еслибы я только могла, послѣ всѣхъ напряженныхъ усилій, которыя я надъ собою дѣлала, полюбить Дмитрія чувствомъ хоть сколько-нибудь похожимъ на его собственное; — все могло бы еще загладиться, и я, мало-по-малу, со временемъ, помирилась бы совершенно съ прошедшимъ.... Но этого нѣтъ, и минутная ложь должна быть увѣковѣчена, должна стать удѣломъ всей жизни, должна повторяться на каждомъ шагу, ежеминутно, — словомъ и дѣломъ, — въ ласкахъ, улыбкахъ и взглядахъ, въ каждомъ поступкѣ, который отъ брачнаго алтаря и до гроба я совершаю и буду когда-нибудь совершать!... Вотъ гдѣ проклятіе! Вотъ отрава, которую я должна пить, не поморщившись, ежедневно, и которая, мало-по-малу, должна войти въ мою плоть и кровь, должна измѣнить и преобразить меня такъ, что я, наконецъ, сама перестану быть собою, сама стану живою ходячею ложью! Не тяжесть долга смущаетъ меня, а то, что, даже и свыкшись съ нею, я все-таки не могу уважать этотъ долгъ. Еслибъ бремя его раздавило меня, еслибъ я знала, что я не вынесу и зачахну,

это было бы еще не такъ оскорбительно. Но этотъ долгъ сдѣлалъ меня рабою, и мнѣ остается только желать, чтобы всякая память о прошлой свободѣ, всякое сожалѣніе исчезли въ сердцѣ моемъ безслѣдно....

Сказавъ это, я сказала худшее, но все же по совѣсти не могу утверждать, чтобы это худшее было одно и наполняло всю мою новую жизнь въ ту раннюю пору, когда я говорила это себѣ. Еслибъ въ моей новой жизни не было ничего, кромѣ этого, я бы ее не вынесла. Еслибы нищій былъ совершенно нищій, и ему положительно нечего было ѣсть,—онъ умеръ бы съ голоду, а я осталась жива.... Мало того, еслибы у меня спросили, въ ту пору, хочу ли я воротить прошедшее, я думаю, что я бы сказала: *«нѣтъ»*....

Жизнь моя, въ общемъ итогѣ, была обыкновенная жизнь и имѣла свои хорошія, сносныя стороны. Въ новой клѣткѣ было просторнѣе и теплѣе, чѣмъ въ старой, и я, наконецъ, отдѣлалась отъ этого дѣвичьяго недуга: чувства неосязаемой пустоты и томительнаго, безцѣльнаго ожиданія. Я не мечтала уже о будущемъ; я вся погружена была въ настоящее и дрожала, чтобы оно какъ-нибудь не ускользнуло изъ рукъ, не потому, чтобы оно было отрадно, а потому что было дорого куплено. Мой кругозоръ съузился; я сама осѣла и съёжилась, и перестала въ своихъ глазахъ быть первымъ лицомъ. Всѣ помыслы и заботы мои сосредоточились на другомъ человѣкѣ. Онъ былъ удѣлъ мой въ жизни, мое достояніе, призъ, который я выиграла, и онъ мнѣ сталъ дорогъ, какъ бѣдняку дорогъ его послѣдній рубль. У меня ничего болѣе не было, и я ничего болѣе не могла пріобрѣсть. Худо ли, хорошо ли, а это было одно, и это одно стало для меня все....

Вотъ одна изъ причинъ моей преданности Дмитрію. Другая—это было упорство, заложенное глубоко въ моемъ характерѣ, и остатокъ моей разбитой, униженной, но все еще не покинувшей меня гордости. Сдѣлала—думала я—такъ сдѣлала, а каковы бы ни были послѣдствія моего дѣла, я отъ него не отрекусь. Я останусь при немъ и буду стоять на немъ. Къ тому же, я не могла помириться съ мыслію, что я обманомъ украла его любовь, и я сказала себѣ: такъ или иначе, а я ему заплачу за это одно, украденное, всѣмъ, чѣмъ я могу заплатить. Я буду вѣрной женою и преданнымъ другомъ. И то, и другое казалось легко, потому что я уважала его и любила,—какъ человѣка, а къ мужу привыкла настолько, что ласка его не обдавала уже меня, по прежнему, холодомъ, и самая ложь моихъ отношеній къ нему не могла унизить меня больше того, какъ я ужъ была унижена. Время и дѣти должны были довершить остальное.

Такъ я разсчитывала, и насколько успѣхъ моего разсчета зависѣлъ собственно отъ меня, я могла быть спокойна, потому что я знала себя. Но я знала уже немного и Дмитрія, или, вѣрнѣе сказать, узнала за это послѣднее время, потому что о прежнемъ дѣвичьемъ знаніи не стоитъ и говорить. Дитя, прочитавшее по складамъ одну страницу изъ книги, гораздо вѣрнѣе можетъ судить о ея содержаніи, чѣмъ мы о настоящемъ характерѣ человѣка, съ которымъ мы не жили подъ одной кровлею и не вели никакого серьезнаго дѣла, а такъ,—что называется, играли въ пріятные разговоры.

Повторяю, я знала уже отчасти мужа, и съ этой-то стороны я не могла считать себя въ безопасности. Слѣпая вѣра, одна, до-сихъ-поръ, скрывала отъ глазъ всю истину; но эта вѣра была обаяніе, навѣянное его безграничной страстью, и далеко не составляла природной черты характера. Отъ природы онъ былъ недовѣрчивъ и подозрителенъ, а горькій опытъ, вынесенный изъ жизни, сдѣлалъ его мизантропомъ. Достатокъ пришелъ къ нему поздно. Всего какіе-нибудь два года тому назадъ онъ получилъ наслѣдство отъ тетки, которая умерла въ Женевѣ, и которую онъ никогда въ глаза не видалъ; но въ ту пору ему было почти сорокъ лѣтъ, и вся его молодость лежала ужъ позади. Вся она была одинъ длинный рядъ страданій и неудачъ... Первый шагъ его въ жизни былъ страшно несчастливъ. Онъ кончилъ университетскій курсъ съ большимъ успѣхомъ и готовилъ себя къ ученой карьерѣ. Это было въ началѣ сороковыхъ годовъ. Дмитрій разсчитывалъ ѣхать въ Берлинъ, чтобы тамъ окончить свою диссертацію на магистра, но письмо изъ Моршанска, гдѣ отецъ его велъ большія дѣла по подрядамъ съ казною, заставило его отложить этотъ планъ, — какъ онъ полагалъ, на короткое время.

Надо было похлопотать объ уплатѣ значительной суммы, въ которой казна отказывала — какъ увѣрялъ отецъ — изъ-за пустого недоразумѣнія. Это недоразумѣніе, оказалось, однако, гораздо значительнѣе, чѣмъ онъ ожидалъ, и разрослось въ процессъ, отъ развязки котораго, какъ оказалось скоро, зависѣло доброе имя старика Рославлева и все его состояніе. Отецъ не могъ бросить свои дѣла и умолялъ его Христомъ-Богомъ взять на себя ходатайство въ Петербургѣ, клятвенно увѣряя, что дѣло не можетъ продлиться долѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Но онъ жестоко ошибся: тяжба тянулась пять лѣтъ, была проиграна, и оба они остались нищими. Всѣ молодыя мечты и надежды сына были разбиты въ прахъ. Онъ долженъ былъ окончательно бросить науку и поступить на службу.... Съ этого времени, горе, нужда, забота, вѣчная осень петербургскаго климата и унылый,

бездушный трудъ за канцелярскимъ столомъ стали его удѣломъ. Къ службѣ онъ былъ мало способенъ и ненавидѣлъ тѣ отношенія, въ которыя она ставила его съ окружающими людьми, а потому, разумѣется, не далеко ушелъ. Затертый, обманутый, обойденный со всѣхъ сторонъ, въ пренебреженіи и загонѣ у людей, которые его мизинца не стоили, — больной, раздраженный, убитый духомъ, — онъ одичалъ, и характеръ его получилъ ту глубокую складку, — которую уже ничто потомъ не въ силахъ было изгладить. Въ основѣ его легло чувство враждебнаго, гордаго отчужденія отъ людей и презрѣнія къ людямъ, снаружи выражавшееся какою-то дикою, неприступной замкнутостью... Одинъ за однимъ, всѣ старые его друзья и пріятели отъ него отшатнулись. Онъ самъ, мало-по-малу, отсталъ отъ общества и ушолъ въ себя. Но всѣ эти явленія были болѣзненныя. Подъ суровой корой, натертой снаружи, въ груди его билось сердце, не созданное для одиночества. Инстинктивно оно искало выхода изъ своей тюрьмы,—и тутъ-то его опять ожидала невзгода...

Тридцати лѣтъ, — онъ привязался со всей силою первой любви къ молодой, очень хорошенькой дѣвушкѣ, которая долго ласкала его улыбками, нѣжными взглядами и намеками,—издали походившими на застѣнчивое признаніе. Не сомнѣваясь, что онъ любимъ, онъ высказалъ ей, однажды, все и сдѣлалъ прямой, серьезный вопросъ. Но она посмотрѣла ему въ глаза спокойно и пристально. «А что будетъ, если я вамъ скажу—*да*»? спросила она съ загадочной усмѣшкою. Онъ отвѣчалъ, что онъ будетъ невыразимо счастливъ, и проч. «О! это само собой разумѣется»,—перебила она;—«ну, а послѣ что?» Онъ ей объяснилъ свои средства и прибавилъ, что если она находитъ ихъ недостаточными, то имъ придется нѣсколько подождать. «Въ такомъ случаѣ, — отвѣчала она, — и я ужъ васъ прошу подождать отвѣта».

Послѣ этого, она совершенно перемѣнилась къ нему и черезъ годъ вышла замужъ за управляющаго какимъ-то богатымъ имѣніемъ, пожилого, обрюзглаго, толстаго отставного майора.

Попытка эта убила надолго въ его душѣ всякую вѣру въ женщину, и ему нужно было лѣтъ десять горькаго одиночества, нужна была та совершенная перемѣна его обстоятельствъ, которая возвратила ему свободу, нужна была, наконецъ, случайная встрѣча съ такимъ же нравственно-нищимъ и бездомнымъ существомъ, какъ онъ самъ, чтобы опять повѣрить и... быть еще разъ обманутымъ....

На наше несчастіе, мы пришли къ этой встрѣчѣ съ двухъ, совершенно противуположныхъ концовъ и, встрѣтясь, загородили

другъ другу дорогу... Откуда я шла и чего я искала, — объ этомъ довольно ужъ было говорено. Мнѣ нужна была жизнь и реальное дѣло жизни, а онъ шелъ прочь отъ жизни, уходилъ изъ этого дѣла, побѣжденный, разбитый, изнемогающій отъ усталости, и ему нужно было убѣжище въ сердцѣ, которое бы его пріютило и отогрѣло. Онъ бѣжалъ отъ людского общества въ свой внутренній, неприступный зàмокъ, въ свое замкнутое, гордое *я*,—и ему нужно было другое *я*, одержимое такимъ же чувствомъ враждебнаго отчужденія отъ людей, другое *я*, которое слилось бы съ его собственнымъ и замѣнило ему весь міръ. Потому-то его и не могла удовлетворить простая связь, въ которой двѣ стороны только склеены между собой и сохраняютъ еще свой смыслъ, какъ нѣчто отдѣльное другъ отъ друга. Ему нужна была Наташа, такая, какъ есть, ни на волосъ лучше или иначе. Это онъ самъ говорилъ мнѣ сто разъ и это сущая истина. Но тутъ-то я и попала въ самое сердце противорѣчія... Это истина, сущая, несомнѣнная истина, и вмѣстѣ съ тѣмъ это *ложь*, проклятая, горькая, невозвратная ложь!...

IX.

Въ Петербургѣ, когда-то давно открыта была растрата громадной казенной суммы, и я помню разсказы, которые доходили до насъ стороной о главныхъ подробностяхъ этого дѣла. Человѣкъ, растратившій деньги, зналъ, что его преступленіе не можетъ долго оставаться тайной и за годъ уже предвидѣлъ бѣду, висѣвшую надъ его головой. Никакихъ средствъ ее отвратить у него не было, а между тѣмъ онъ жилъ, судя по всему, спокойно, весело, и никогда въ его домѣ не было такихъ пріемовъ, праздниковъ и пировъ, какъ въ этотъ послѣдній годъ... Прежде, я не могла понять этой безпечности, а теперь понимаю. Я тоже обманула довѣріе, на меня возложенное, растратила собственность, принадлежащую другому лицу и впуталась вмѣстѣ съ нимъ въ колею, которая, ранѣе или позже, должна была неминуемо привести насъ обоихъ къ печальной развязкѣ. Надъ головою моею тоже висѣлъ Дамокловъ мечъ, и волосокъ, его удерживающій, казался такъ тонокъ, что страшно даже и вспомнить. А между тѣмъ, я въ общемъ итогѣ,—была спокойна и весела.

Мы жили согласно и дружно. Въ домѣ у насъ былъ достатокъ. Мать и отецъ, которые часто насъ посѣщали, не могли нарадоваться на нашу новую, свѣтлую обстановку, отъ которой, казалось, вѣяло счастіемъ. Да признаюсь, и я сама глядѣла

съ довольной улыбкою на всѣ эти маленькія удобства, которыя насъ окружали... Ковры, паркетъ,—вездѣ такъ свѣтло и чисто... а въ кабинетѣ у Дмитрія, — что за прелесть! каминъ, а возлѣ камина большой турецкій диванъ, а кругомъ, во всю стѣну, отъ полу до самаго потолка,—маленькая библіотека его и моихъ любимыхъ книгъ. Въ этой комнатѣ мы сидѣли большую часть дня,—и я была въ ней полной хозяйкою. Даже, когда онъ былъ занятъ, я могла оставаться тамъ, приходить, уходить, не мѣшая ему, такъ онъ любилъ, чтобы я была возлѣ него... «Это солнце мое»—говорилъ онъ—«приходитъ ко мнѣ и уходитъ, и я люблю солнце, — оно мнѣ не можетъ мѣшать». Впрочемъ, занятія его, послѣ того, какъ онъ бросилъ службу, были не спѣшныя и даже едвали серьезныя. Такъ, больше по старой привычкѣ, копался онъ въ книгахъ и что-то записывалъ. А я садилась на этотъ славный широкій диванъ и, выбравъ какую-нибудь хорошую, дѣльную книгу, читала ее, то-же по старой привычкѣ, — поджавъ подъ себя ноги. И въ эти минуты мнѣ иногда было такъ хорошо, такъ хорошо! Такое отрадное чувство удовлетворенія разливалось во всемъ моемъ существѣ при мысли, что я, наконецъ, добилась до своего! — «Да, это уже не мечта»—думала я. «Я не ношусь въ безвоздушномъ пространствѣ и не витаю, какъ тѣнь, въ кругу безтѣлесныхъ вымысловъ!... И я не боюсь больше книгъ; я помирилась съ ними, потому что онѣ не умчатъ меня болѣе никуда. Нѣтъ! Шутки! Я крѣпко стою на землѣ и на своей землѣ, у себя дома, въ своемъ углу, и никто меня не торопитъ далѣе, никто не ждетъ съ тоскою и воздыханіями, чтобы я поскорѣе убралась прочь... Я въ пристани! Я на мѣстѣ!... О! Какое бы это было счастіе, если бы это мѣсто не было краденое!...»

Жизнь наша текла ровно и гладко. Мы были почти все время вмѣстѣ, вдвоемъ, читали, гуляли и выѣзжали вмѣстѣ. Я очень любила театръ, особенно оперу, и Дмитрій не пропускалъ ни одного удобнаго случая доставить мнѣ это, до сихъ поръ почти незнакомое мнѣ удовольствіе. Вообще, онъ ухаживалъ за мною, какъ отецъ за балованной дѣвочкою — единственной дочерью. Я едва успѣвала чего-нибудь пожелать, какъ мое желаніе было уже исполнено, нерѣдко даже угадано, прежде, чѣмъ я успѣвала сама себѣ дать въ немъ отчетъ. Въ первое время мнѣ это нравилось, потому что меня никогда не баловали; но, мало-по-малу, стало надоѣдать, какъ слишкомъ изысканная и слишкомъ мелко истертая пища подъ конецъ становится приторною... Но объ этомъ послѣ...

У насъ были знакомые: очень немного. Это былъ неболь-

шой кружокъ старыхъ пріятелей Дмитрія, которые его бросили, когда ему не везло и онъ обѣднѣлъ, или вѣрнѣе сказать,—онъ ихъ бросилъ, замѣтивъ, какъ ему показалось, холодность и пренебреженіе, а они не нашли нужнымъ его удерживать и, можетъ быть, были рады этому, или имъ было все равно. Но потомъ, во время поѣздки его за-границу, когда онъ оставилъ службу и его обстоятельства совершенно перемѣнились, онъ встрѣтилъ кого-то изъ этихъ людей, и былъ такъ обласканъ, осыпанъ такими упреками за его непростительную — какъ они называли—забывчивость, приглашенъ такъ усердно въ ихъ домъ по возвращеніи, что не было никакой возможности долѣе дуться и мало-по-малу,—старыя связи были возобновлены.

Для меня этотъ рядъ новыхъ лицъ, съ немногими изъ которыхъ я скоро сблизилась, была едва ли не самая интересная сторона моей новой жизни. Я жаждала общества, какъ человѣкъ, долгое время тяготившійся въ заперти и бездѣйствіи, жаждетъ открытаго, свѣжаго воздуха и движенія. Когда у насъ собирались, или мы выѣзжали куда-нибудь и проводили вечеръ съ людьми, меня узнать нельзя было, такъ быстро, неожиданно я измѣнялась. Я становилась жива, весела, разговорчива, рѣзвилась, какъ птица, выпущенная изъ клѣтки, и хохотала, какъ школьница. Все, что таилось въ груди моей молодого и прыткаго, что было сжато и сдавлено тамъ, какъ газъ въ бутылкѣ, плотно закупоренной и неподвижно стоящей на погребѣ, въ холоду, вдругъ начинало бродить, бунтовать и вырывалось наружу съ неудержимымъ порывомъ. Въ такія минуты Дмитрій,—я со стыдомъ признаюсь, — былъ совершенно забытъ и исчезалъ съ моего горизонта, какъ будто бы его вовсе не существовало; а вмѣстѣ съ нимъ — забыты были и всѣ разсчеты, всѣ планы, входившіе въ кругъ твердо принятой мною рѣшимости—пожертвовать всѣмъ для его счастія. Все это испарялось и улетало куда-то, какъ испаряются въ человѣкѣ подъ-часъ лучшія изъ его намѣреній, если они идутъ наперекоръ его темпераменту и природѣ,—и я приходила въ себя не ранѣе, какъ оставшись опять съ нимъ вдвоемъ. Но тогда уже было поздно, и я могла замѣтить только, что онъ какъ-то притихъ и съежился, что я совершенно естественно приписывала его лѣтамъ, отвычкѣ отъ общества и усталости.

Я изучила его не вдругъ, и долго, долго еще не знала, до какой страшной степени человѣкъ этотъ былъ гордъ; а потому не могла постичь его глубокой сдержанности и этой привычки таить свои страданія отъ людей, нажитой имъ въ эпоху его загона и пренебреженія между людьми. Онъ былъ настоя-

щій дикарь въ этомъ смыслѣ, и могъ бы напомнить собою тѣхъ плѣнныхъ мучениковъ, о которыхъ разсказываетъ Шатобріанъ, мучениковъ, считавшихъ стыдомъ для себя малѣйшій стонъ, и съ презрительной усмѣшкою на лицѣ выносившихъ лютую пытку.

Это была самая несчастная черта въ его характерѣ, и какъ я, на бѣду свою, слишкомъ поздно успѣла понять, — она долго играла роль западни, неумышленно имъ поставленной у меня подъ ногами. Если бы я имѣла какія-нибудь ясныя данныя, чтобы вб-время угадать, когда онъ огорченъ, я знала бы, какъ мнѣ себя вести и избѣжала бы множества мелкихъ и крупныхъ ошибокъ, о которыхъ я узнавала въ дѣйствительности только тогда, когда онѣ успѣвали уже произвести свое полное дѣйствіе. Но онъ терпѣлъ, безмолвно и гордо, терпѣлъ до тѣхъ поръ, пока какая-нибудь струна у него въ груди не обрывалась вдругъ, съ болѣзненнымъ стономъ, свидѣтельствующимъ о томъ, какъ долго и какъ жестоко она была натянута....

Все это можетъ казаться загадочно, потому что въ разсказѣ моемъ, я сама это чувствую, не хватаетъ строгой послѣдовательности. Минутныя намѣренія и случайныя ихъ причины переплетаются въ немъ не въ очередь съ горькими выводами позднѣйшаго опыта; но я не въ силахъ исправить этого недостатка, потому что я здѣсь даю не систематическій результатъ спокойныхъ изслѣдованій, а исповѣдь наболѣвшаго и разбитаго сердца. Поэтому-то я часто должна возвращаться назадъ и пополнять недосказанное. Контрастъ между тихою, задумчивою, сдержанною, очень нерѣдко грустною Наташей въ минуты, проводимыя ею наединѣ съ ея мужемъ и тою веселою, радостно-оживленною, счастливою женщиной, какою она являлась въ обществѣ—былъ слишкомъ разителенъ, чтобы ускользнуть отъ вниманія человѣка, который, какъ я уже призналась, исчезалъ для меня совершенно въ присутствіи новыхъ людей. Не то, чтобы эти новые люди были мнѣ лично дороги. Если уже на то пошло,—я любила его въ десять разъ больше, чѣмъ ихъ всѣхъ, взятыхъ вмѣстѣ; но я любила его, какъ люди любятъ свой «домъ».... Онъ вѣчно одинъ и тотъ же съ тѣхъ поръ, какъ онъ сталъ для насъ домомъ, и потому онъ хоть и милъ, но онъ успѣлъ уже намъ немного наскучить.... Онъ скученъ, но мы его любимъ, потому что мы свыклись съ нимъ и знаемъ, какъ въ немъ тепло и уютно.... Мы любимъ его, а между тѣмъ мы бѣжимъ изъ него, когда мы хотимъ подышать свѣжимъ воздухомъ, посмотрѣть на людей и на жизнь, погулять, развернуться, повеселиться.... Мы уѣзжаемъ съ восторгомъ куда-нибудь въ Неаполь или въ Швейцарію, и эти

мѣста кажутся намъ въ десять разъ лучше, красивѣе, интереснѣе, но мы тамъ чужіе и намъ не живется въ отеляхъ, и вотъ, наглядѣвшись до пресыщенія на всю эту чуждую намъ красоту, мы съ радостью ѣдемъ опять назадъ, въ тотъ же «домъ».

Все это такъ, съ одной стороны, но съ другой дѣло выходитъ нѣсколько иначе. Нашъ «домъ» не влюбленъ въ насъ и не ходитъ за нами слѣдомъ, какъ тѣнь, и не знаетъ, что мы о немъ забываемъ въ чужомъ краю, да еслибъ и зналъ, то вѣроятно бы не обидѣлся. А Дмитрій былъ страстно, ревниво влюбленъ, и ему было больно, — нѣтъ, этого мало сказать, — для него была пытка видѣть меня всю сіяющую отъ радости въ кругу постороннихъ людей и именно сравнивать этотъ яркій огонь молодого одушевленія съ тѣмъ блѣднымъ лучемъ домашняго счастія, который едва замѣтно мерцалъ у меня на лицѣ, когда мы оставались вдвоемъ. И что̀ онъ долженъ былъ думать, видя себя забытымъ, лишнимъ въ такія минуты?.... Онъ думалъ, конечно: «Вотъ, я отдалъ сердце свое этой женщинѣ, и она улыбнулась грустно, принимая изъ рукъ моихъ этотъ высшій даръ; она уныла, блѣдна со мною наединѣ; слова неохотно и вяло идутъ съ ея языка; а этимъ людямъ, — врагамъ моимъ, — которыхъ я презираю и ненавижу,—врагамъ, которые держали меня въ кабалѣ двадцать лѣтъ и отъ которыхъ я ничего не имѣлъ, кромѣ пренебреженія, — этимъ людямъ сто̀итъ только явиться, сто̀итъ два слова сказать въ ея присутствіи, и она счастлива.... Ей ничего больше не нужно; она разсѣянно выпускаетъ изъ рукъ сердце, ей преданное, и даже не замѣчаетъ, что это больное сердце исходитъ кровью!...»

Однимъ словомъ, я скоро начала̀ къ своему ужасу понимать, что Дмитрій совсѣмъ не такъ счастливъ, какъ я то наивно воображала себѣ; но это печальное открытіе сдѣлано было мною слишкомъ поздно и захватило меня въ расплохъ.

Е. С.

ВОПРОСЪ
НАРОДОНАСЕЛЕНІЯ

I.

Ни одинъ вопросъ, составлявшій область политической экономіи, не подавалъ повода къ столь долгимъ и постояннымъ спорамъ, какъ вопросъ народонаселенія, и можно было бы думать, что среди этихъ споровъ наука успѣла сказать все по этому вопросу, чтó только возможно при настоящемъ положеніи знанія.

Дѣйствительно, новыя разсужденія по этому предмету рѣдко приносятъ что-либо новое въ эту смутную область, хотя вопросъ и не перестаетъ подниматься время отъ времени. Намъ даже кажется, что не только политическая экономія не разработала его вполнѣ въ доступныхъ ей предѣлахъ, но что самая постановка этого вопроса, какая дана ему трудами какъ экономистовъ, такъ и соціалистовъ, не удовлетворяетъ болѣе ни существу вопроса, ни современному положенію знанія вообще.

Вопросъ этотъ принадлежитъ къ числу самыхъ общихъ вопросовъ соціальной динамики; онъ сталъ достояніемъ политической экономіи въ числѣ прочихъ философскихъ вопросовъ общества съ тѣхъ поръ, какъ политическая экономія, послѣ упадка умозрительныхъ теорій общежитія, по справедливости приняла на себя разсмотрѣніе этихъ вопросовъ. Но, хотя политическая экономія и можетъ считаться вполнѣ компетентною въ разрѣшеніи общихъ вопросовъ соціальной философіи или, по крайней мѣрѣ, такою наукою, которая можетъ дать къ тому надлежащія основанія; тѣмъ не менѣе такая компетентность зависитъ отъ той

болѣе широкой или тѣсной постановки, которая въ ней самой придается экономическому вопросу.

Мы можемъ по справедливости называть экономіей природы сумму всѣхъ превращеній въ ней совершающихся; точно также подъ экономіей общества мы можемъ разумѣть сумму всѣхъ процессовъ, изъ которыхъ слагается эта жизнь, и сумму всѣхъ силъ, изъ взаимодѣйствія которыхъ слагаются эти процессы.

Мало того, мы можемъ разсматривать самую общественную экономію, какъ часть общей экономіи природы, подчиненную тѣмъ же основнымъ законамъ; и мы можемъ, изъ общаго ряда процессовъ, выдѣлить нѣкоторые и разсматривать подъ именемъ общественной экономіи только ограниченный рядъ всѣхъ процессовъ. Далѣе, мы можемъ разсматривать этотъ ограниченный рядъ процессовъ въ болѣе тѣсной внѣшней сферѣ—общества вообще, отдѣльнаго народа, поселенія или, наконецъ, семьи.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ мы будемъ имѣть дѣло съ экономіей, но съ экономіей въ болѣе широкомъ или тѣсномъ смыслѣ.

Политическая экономія разсматривала свои вопросы, и въ томъ числѣ вопросъ народонаселенія въ тѣсныхъ предѣлахъ жизни одного народа или данной страны. Мало того, поставивъ его въ справедливую зависимость отъ чисто-экономическихъ основаній, отъ производительности труда, она придавала понятію труда такое ограниченное значеніе, которое могло соотвѣтствовать только буквальному смыслу этого слова, но далеко не вмѣщало въ себѣ всѣхъ сторонъ, которыя принадлежатъ этому понятію въ смыслѣ соціологическомъ или общественно-философскомъ.

Но если общежитіе не ограничивается тѣсными предѣлами замкнутаго на опредѣленной территоріи населенія, то тоже можно сказать и о его философіи. Соціологія или философія общества не есть философія жизни отдѣльнаго замкнутаго народа, а философія совокупной жизни человѣческихъ лицъ, нестѣсняемой никакими внѣшними предѣлами.

Общежитіе не ограничивается рамкой отдѣльныхъ народовъ и обществъ, и такое его распространеніе остается не безъ воздѣйствія на жизнь отдѣльныхъ народовъ, а потому понятно, что и разсмотрѣніе вопросовъ общежитія въ предѣлахъ замкнутой территоріи можетъ вести къ ложнымъ выводамъ и преждевременнымъ рѣшеніямъ.

Точно также и трудъ, въ буквальномъ смыслѣ слова, производительность котораго имѣла въ виду экономическая наука, не исчерпываетъ, какъ мы убѣдимся ниже, собою всѣхъ тратъ, на счетъ которыхъ совершается поддержаніе и развитіе общественной экономіи. Вообще постановка экономическаго вопроса, ка-

кою она являлась въ трактатахъ экономистовъ, была слишкомъ тѣсна для того, чтобы соотвѣтствовать рѣшенію столь широкихъ вопросовъ общежитія, какъ вопросы соціальной динамики, и отсюда-то вытекали тѣ ложные выводы, которые сдѣланы были и относительно вопроса народонаселенія.

Въ этомъ заключаются, главнымъ образомъ, тѣ критическія основанія, отъ которыхъ мы отправляемся и которыя заставляютъ насъ придать нѣсколько иную постановку всему экономическому вопросу вообще и вопросу народонаселенія въ особенности.

Рѣшить вопросъ народонаселенія съ точки зрѣнія точнаго знанія значитъ опредѣлить ту *кривую*, по которой долженъ совершаться этотъ ростъ въ силу естественныхъ неминуемыхъ условій, лежащихъ въ основаніи самаго явленія.

Мы не станемъ утверждать, чтобы эта кривая, выражающая законъ народонаселенія, могла быть опредѣлена при настоящемъ положеніи знанія вполнѣ и во всѣхъ подробностяхъ. Это пока невозможно. Но мы можемъ выяснить, какъ кажется, всё по крайней мѣрѣ главныя естественно-историческія условія, которыми долженъ опредѣляться видъ этой кривой и затѣмъ составить себѣ вѣроятное представленіе о ея характерѣ въ общихъ чертахъ, болѣе полное и болѣе согласное съ дѣйствительностью, чѣмъ это сдѣлано господствующими теоріями. А потому прежде всего посмотримъ, какъ эта кривая представляется существующими теоріями.

Двѣ теоріи даны экономистами относительно вопроса народонаселенія.

Одна теорія принадлежитъ Мальтусу. «Народонаселеніе, — говоритъ онъ, — разсматриваемое независимо отъ средствъ существованія, можетъ возрастать по закону сложныхъ процентовъ; но средства страны никогда не могутъ возрастать такъ быстро. Населеніе можетъ удвоиваться черезъ опредѣленный срокъ до безконечности, и, слѣдовательно, ростъ его выразится рядомъ чиселъ 1 . 2 . 4 . 8 . 16 . 32 . 64 . 128 и т. д. Срокъ такого удвоенія зависитъ отъ плодовитости расы, и эта плодовитость можетъ быть достаточно значительна, чтобы удвоеніе населенія совершалось въ теченіи 25 и даже 12 лѣтъ. На этомъ основаніи къ концу столѣтія населеніе увеличится отъ 8 до 128 разъ противъ своей первоначальной величины. Никогда средства пропитанія не въ состояніи возрастать въ той же прогрессіи. Производительность труда, слѣдовательно, понижается съ каждымъ новымъ работникомъ и, въ силу такого условія, количество производства возрастаетъ непропорціонально числу работниковъ. Отсюда населеніе скоро пре-

высить средства существованія и будетъ приведено къ уровню со средствами насильственнымъ образомъ путемъ войнъ, голода и болѣзней. Война, голодъ и болѣзни должны быть, слѣдовательно, хроническими очистителями почвы, исправителями несообразности между средствами пропитанія и инстинктами плодовитости, и единственное средство уменьшить эти насильственныя вліянія заключается для человѣка въ томъ, чтобы подавлять въ себѣ инстинктъ плодовитости — воздержаніе. Историческимъ результатомъ такихъ условій должно быть то, что населеніе страны растетъ первоначально со свойственной ему быстротой; потомъ этотъ ростъ все болѣе затрудняется, и коэфиціентъ приращенія населенія становится все меньше и меньше».

Другая теорія утверждаетъ, что постоянство инстинкта плодовитости есть вещь вовсе недоказанная, а слѣдовательно недоказано и постоянное удвоеніе населенія черезъ тѣ же сроки; что инстинктъ этотъ можетъ ослабѣвать самъ собою, и что слѣдовательно ростъ потребностей въ геометрической прогрессіи остается совершенно произвольнымъ предположеніемъ; что независимо отъ того мы точно также не можемъ судить о томъ возрастаніи средствъ, которое возможно для общества, съ помощью цивилизаціи, судя по настоящимъ примѣрамъ, потому что нигдѣ трудъ не существовалъ до сихъ поръ при наивыгоднѣйшихъ общественныхъ условіяхъ для своей производительности, а напротивъ, при условіяхъ анормальныхъ; въ случаѣ же измѣненія этихъ условій, производство можетъ удовлетворить геометрическому возрастанію населенія, и, слѣдовательно, производительность труда можетъ оставаться постоянной.

Обѣ теоріи упрекаютъ такимъ образомъ другъ друга въ произвольности, и читатель воленъ избирать ту произвольность, какая ему кажется предпочтительной. Дѣйствительно, если предположенія первой теоріи о постоянствѣ плодовитости и могутъ быть названы произвольными, то столь же произвольными остаются предположенія другой о постоянствѣ производительности труда, какъ и о естественномъ пониженіи плодовитости. Разсматривая же вопросъ съ своей точки зрѣнія, мы придемъ къ тому заключенію, что постоянство производительности труда, допускающее безконечное возрастаніе средствъ, совершенно несогласно съ уровнемъ нашего современнаго знанія природы, и тѣмъ не менѣе въ нашъ періодъ исторической жизни человѣчества производительность труда должна быть признана величиной не только не понижающейся, но возрастающей, а самый коэфиціентъ приращенія народонаселенія не только не понижающимся, вслѣдствіе насильственныхъ условій, какъ думаетъ Мальтусъ, но даже возрастающимъ параллельно

съ производительностью труда, и, слѣдовательно, вліяніе насильственныхъ условій, о которыхъ говоритъ Мальтусъ, является не возрастающимъ, а понижающимся. При такихъ условіяхъ, самый взглядъ нашъ на инстинктъ плодовитости долженъ оказаться не тотъ, къ которому пришелъ Мальтусъ; вмѣсто того, чтобъ видѣть въ немъ зло, мы найдемъ въ немъ залогъ развитія человѣчества въ прошедшемъ и настоящемъ—условіе совершенно согласное съ интересомъ человѣка; а самый принципъ воздержанія Мальтуса, должно будетъ отнести къ числу тѣхъ выводовъ, которые могли быть получены изъ наблюденія частныхъ случаевъ жизни отдѣльныхъ народовъ, безъ достаточнаго вниманія къ тому, насколько они могли быть обобщены.

Такимъ образомъ, мы разойдемся въ нашихъ выводахъ какъ съ Мальтусомъ, такъ и съ соціалистами, и вслѣдствіе болѣе широкой постановки, какую мы дадимъ вопросу народонаселенія, придемъ къ болѣе широкимъ результатамъ.

Съ той точки зрѣнія, на которую мы хотимъ поставить съ самаго начала читателя, экономія отдѣльнаго народа, взятаго въ его замкнутости, совершенно недостаточна для разрѣшенія вопросовъ, общихъ человѣческому обществу.

Для насъ экономія такого частнаго народа составляетъ только часть общей экономіи человѣческаго общества, какъ исторической системы народовъ, и потому подчиняется началамъ послѣдней. Этого мало; сама экономія человѣческаго общества съ точки зрѣнія современнаго знанія должна разсматриваться только какъ часть міровой экономіи, и потому должна быть подчинена общимъ началамъ, господствующимъ въ послѣдней.

Мы увидимъ, дѣйствительно, что экономическій процессъ въ жизни человѣка составляетъ буквальное повтореніе и продолженіе процессовъ, совершающихся въ общей жизни природы, и что главныя основанія человѣческой экономіи суть тѣ же, по которымъ совершается жизнь внѣ человѣка—а именно, начала естественно-историческія.

Мы должны будемъ, поэтому, прежде всего познакомить читателя съ тѣми общими естественно-историческими началами, которыя должны будутъ руководить нашими дальнѣйшими разсужденіями.

Всѣ превращенія, совершающіяся кругомъ насъ въ природѣ физической, совершаются подъ началомъ одного основнаго закона, разъясненіе котораго принадлежитъ знанію послѣдняго времени — я разумѣю законъ *сохраненія силы*. Согласно этому закону, запасъ силы, подъ вліяніемъ которой совершаются всѣ из-

мѣненія въ природѣ — есть запасъ постоянный, и эта сила никогда не теряется.

Когда я ударяю молотомъ о кусокъ желѣза, то сила моихъ мускуловъ переходитъ въ кусокъ желѣза и выражается въ немъ развитіемъ теплоты; когда охладится желѣзо, эта сила, на время переданная желѣзу, переходитъ въ окружающее пространство также въ видѣ теплоты. Теплота солнечныхъ лучей испаряетъ на землѣ воду; эта вода, въ видѣ паровъ, поднимается и сгущается въ облакахъ, падаетъ обратно на землю и даетъ горный потокъ, который вращаетъ силой колесо мельницы. Сила солнечныхъ лучей, истраченная на испареніе воды, не исчезла, а возвратилась въ механической работѣ горнаго потока. Когда я нагрѣваю воду, то теплота, образуемая химическими измѣненіями топлива, сообщается водѣ. Но вотъ температура воды достигаетъ точки кипѣнія; я продолжаю подогрѣваніе, но температура воды не повышается болѣе. Куда же дѣвается теперь новая теплота, приливающая къ водѣ отъ топлива? — она совершаетъ механическую работу разрыва частицъ воды и обращенія ихъ въ паръ, и мы не получимъ возвышенія температуры воды, пока не испаримъ ее всю, сколько бы ни прибавляли топлива.

На далекихъ морскихъ берегахъ поколѣнія морскихъ птицъ отлагаютъ свои выдѣленія; эти выдѣленія переносятся на европейскія поля и служатъ источникомъ ихъ плодородія. Человѣкъ употребляетъ пищу, эта пища развиваетъ въ его организмѣ извѣстное количество теплоты; опять теплота служитъ источникомъ механической работы его мускуловъ, источникомъ нервной работы его мозга и источникомъ температуры его тѣла. Я занятъ сильно механической работой; но вдругъ внезапная мысль заняла мою голову, и руки сами собой опустились: сила, тратившаяся на мускульную работу, перешла на работу мозга, и я вижу, какъ человѣкъ, занятый глубокой думой, сидитъ совершенно неподвижно.

Такимъ образомъ, та же сила можетъ переходить изъ одного состоянія въ другое, принимать различныя формы, порождать весьма разнообразныя явленія и этимъ путемъ сохраняться въ явленіяхъ. Она можетъ выражаться то въ механической работѣ массъ, то въ работѣ молекулярной, и здѣсь являться то въ видѣ теплоты, то въ видѣ свѣта, электричества, нервнаго тока и пр.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ она будетъ видима, будетъ проявляться какимъ-либо внѣшнимъ ощутительнымъ актомъ, будетъ производить какія-либо измѣненія въ состояніи вещества. Но это дѣятельное, живое, свободное состояніе силы есть еще только одно

изъ всѣхъ возможныхъ для этой силы состояній: кромѣ этого дѣятельнаго состоянія, сила можетъ принимать и другое. Когда я поднимаю молотъ на высоту и оставляю его въ этомъ положеніи, то сила моихъ мускуловъ точно также не пропадаетъ; но она не выражается никакимъ послѣдующимъ дѣйствіемъ, пока я не опущу снова молота; тогда только молотъ вернетъ ту работу, которую я истратилъ на его поднятіе. Но онъ можетъ оставаться на высотѣ безъ срока, не совершая никакой работы, и сила мною въ немъ собранная можетъ, слѣдовательно, оставаться безъ срока въ этомъ состояніи возможной, потенціальной работы. Слѣдовательно, кромѣ дѣятельнаго состоянія, сила можетъ находиться въ состояніи потенціальномъ. Не вся сила, находящаяся въ природѣ, находится постоянно въ дѣятельномъ состояніи; часть ея остается въ состояніи скрытомъ или потенціальномъ. Всякое вещество въ спокойномъ состояніи представляетъ извѣстный запасъ такой потенціальной силы; но различныя вещества обладаютъ этимъ запасомъ въ различной степени. Вотъ кусокъ дерева; въ немъ собранъ запасъ потенціальной силы; сжигая, окисляя его, я обращу эту силу въ свободную, и она выразится въ теплотѣ. Но различное дерево даетъ при сжиганіи различныя величины теплоты; и если я вмѣсто дерева буду окислять цинкъ, желѣзо или мѣдь, то количества теплоты будутъ въ каждомъ случаѣ различны. Итакъ, запасъ потенціальной силы, собранный въ веществѣ, будетъ различенъ, смотря по природѣ этого вещества; и чѣмъ болѣе вещество потеряло этой силы, тѣмъ менѣе оно въ состояніи освободить ее вновь, тѣмъ бѣднѣе оно потенціальной силой. Куда же дѣвалась эта свободная сила? вѣчно ли она остается въ свободномъ состояніи, принимая различныя формы? Нѣтъ, она снова точно также можетъ переходить въ потенціальное состояніе. Эта сила была свободная въ моемъ мускулѣ; подымая молотъ, я обратилъ ее снова въ потенціальное состояніе. Она была свободной въ солнечныхъ лучахъ, которые согрѣвали землю; но она возростила въ этомъ видѣ зерно, обратилась въ немъ въ потенціальную силу, изъ которой развилась потомъ свободная сила моего мускула, поднявшая молотъ и т. д. Сила, слѣдовательно, въ природѣ переходитъ постоянно изъ потенціальнаго состоянія въ дѣятельное и обратно, и всѣ химическіе процессы въ природѣ дѣлятся на прямые и обратные. Сжигая дерево, я могу освободить силу, но ту же освобожденную силу я могу употребить на разкисленіе и возстановленіе цинка, а слѣдовательно, на возвращеніе ему потенціальной силы, которую онъ имѣлъ до своего окисленія.

Такимъ образомъ, сила переходитъ въ природѣ постоянно

изъ одного состоянія въ другое, изъ потенціальнаго въ дѣятельное, и жизнь сохраняется рядомъ круговыхъ процессовъ, состоящихъ изъ постояннаго освобожденія и возстановленія силы. Такъ какъ запасъ послѣдней остается постояннымъ, и она совершаетъ только переходы, то сумма возможной жизни въ природѣ должна была бы быть, повидимому, также постоянна и самая жизнь безконечна. Тѣмъ не менѣе это не такъ: наблюдайте качаніе маятника, работу какой угодно машины, работу паровоза, работу животнаго организма; наконецъ, наблюдайте химическіе процессы, и вы увидите, что при всякомъ освобожденіи силы только часть ея можетъ быть возстановлена, а остальная уходитъ въ пространство и теряется для васъ, оставаясь въ свободномъ состояніи. Въ работѣ каждой машины часть работы обращается въ теплоту, которая переходитъ въ окружающую среду, и еслибы мы имѣли возможность избѣжать этого, то нашъ маятникъ, разъ пущенный въ ходъ, качался бы вѣчно. Животный организмъ, представляющій самую экономическую машину, обращаетъ въ настоящую работу только часть теплоты, образуемой на счетъ пищи, а остальная точно также теряется для животной экономіи. Словомъ, окружающее насъ пространство жадно учитаетъ силу, освобождающуюся на счетъ земныхъ запасовъ; вслѣдствіе чего, при всякомъ новомъ круговомъ процессѣ возстановляется ея менѣе, чѣмъ освобождается, и запасы силы въ потенціальномъ состояніи убываютъ все болѣе и болѣе. Слѣдовательно, чѣмъ больше совершается въ жизни такихъ процессовъ, чѣмъ больше длится самая жизнь, тѣмъ болѣе теряется силы для земной экономіи, тѣмъ бѣднѣе становится запасъ потенціальной силы, на счетъ котораго только и можетъ совершаться жизнь,—и вся потенціальная сила стремится принять свободное состояніе, размѣняться на работу, не оставляя никакого источника для дальнѣйшей работы. Какъ маятникъ, какъ колесо машины приходятъ въ покой вслѣдствіе такой утраты потенціальной силы, такъ должна придти къ подобному же покою и земная экономія. Такія потери потенціальной силы совершаются уже давно въ земной экономіи; земля теряетъ значительные запасы теплоты, и среди такихъ потерь совершается на ней органическая жизнь.

Путемъ такихъ круговыхъ процессовъ, путемъ жизни слѣдовательно, вся потенціальная сила земли должна будетъ перейти въ свободное состояніе, и дальнѣйшее повтореніе кругового процесса, а слѣдовательно и самой жизни станетъ невозможно. Сумма превращеній въ жизни матеріи такимъ образомъ небезконечна и стремится къ предѣлу; а въ этомъ-то заключается другой

основной и естественно-историческій законъ, установленный Клаузіусомъ, и который можетъ быть названъ закономъ *энтропіи*, ограниченности или предѣльности.

Органическая жизнь на землѣ представляетъ собою только рядъ такихъ круговыхъ процессовъ, которые ранѣе совершались въ такъ-называемой неорганической жизни матеріи, совершаются и теперь по тому же совершенно типу и подчинены тѣмъ же законамъ сохраненія и относительной утраты силы. Законъ сохраненія силы обусловливаетъ то, что никакой новый процессъ, а вслѣдствіе того и никакое новое образованіе, новая форма жизни не могутъ начаться сами собою, и совершаются только на счетъ силъ существующихъ. Всякое новообразованіе требуетъ предварительнаго освобожденія посторонней силы, а вслѣдствіе этого бытіе организмовъ, ихъ размноженіе и поддержаніе ихъ жизни обусловливаются постояннымъ освобожденіемъ силъ окружающихъ, то-есть, жизнью однихъ формъ не иначе, какъ на счетъ другихъ, откуда происходитъ постоянное соревнованіе ихъ между отдѣльными существами или борьба за существованіе. Законъ постоянной утраты потенціальной силы обусловливаетъ то, что по мѣрѣ продолжающагося освобожденія силъ дальнѣйшее ихъ освобожденіе становится все болѣе и болѣе затруднительнымъ, производительность труда по ихъ освобожденіи все болѣе и болѣе понижается, и бытіе органической жизни представляется ограниченнымъ во времени, долженствующимъ имѣть свой конецъ. Это постоянное возрастаніе затруднительности освобожденія силы, постоянное пониженіе производительности труда по такому освобожденію, проходитъ весьма явственнымъ образомъ черезъ исторію организмовъ.

Работа по освобожденію силъ неуловимая для растеній и животно-растеній, не требующая отъ нихъ почти никакихъ механическихъ движеній, разростается до размѣра постоянной и значительной механической работы въ царствѣ животномъ и достигаетъ наибольшаго выраженія въ жизни человѣка. Растеніе, прикрѣпленное къ одной точкѣ, находитъ вокругъ этой точки всѣ средства для своего существованія, роста и размноженія. Животное должно искать своей пищи на большемъ пространствѣ; для того, чтобы находить ее, оно должно двигаться.

Человѣческая жизнь, разсматриваемая съ естественно-исторической точки, представляетъ собой такую же сумму круговыхъ процессовъ, подчиненныхъ тѣмъ же законамъ сохраненія силы и оскудѣнія ея потенціальнаго состоянія, и мы должны разсмотрѣть теперь, въ чемъ состоитъ это подчиненіе.

Существованіе человѣческаго организма дѣлится точно также

на два акта,—освобожденія посторонней потенціальной силы и капитализаціи ея или обращенія въ силу потенціальную внутри человѣческаго организма. Человѣкъ ростетъ не иначе, какъ на счетъ обращенія въ человѣческое вещество освобожденныхъ силъ постороннихъ, и точно также ростетъ и все человѣчество. Для постояннаго освобожденія новыхъ внѣшнихъ силъ человѣкъ принужденъ тратить часть силъ уже пріобрѣтенныхъ, капитализированныхъ, и пока пріобрѣтеніе превышаетъ трату, пока человѣкъ встрѣчаетъ кругомъ себя достаточный запасъ потенціальныхъ силъ, до тѣхъ поръ человѣчество можетъ разростаться.

Эта-то постоянная трата части пріобрѣтенныхъ силъ на освобожденіе новыхъ и обусловливаетъ постоянное присутствіе въ человѣческой экономіи труда или работы, а отношеніе между величиной силъ освобождаемыхъ и истрачиваемыхъ опредѣляетъ величину производительности человѣческаго труда.

Въ силу изложенной сущности круговыхъ процессовъ, это отношеніе есть величина понижающаяся, и потому жизнь человѣчества, въ силу закона оскудѣнія потенціальнаго состоянія, въ силу закона энтропіи, должна естественно стремиться къ предѣлу, при которомъ отношеніе это становится равно *единицѣ* и далѣе котораго невозможно продолженіе его жизни.

Вопросъ производительности труда есть, поэтому, тотъ же вопросъ о развитіи или пониженіи жизни человѣчества, вопросъ его жизни или смерти, его наростанія.

Разсматривая ближе самый процессъ освобожденія силъ, отъ котораго такъ много зависитъ существованіе человѣка, мы поймемъ еще яснѣе, въ чемъ заключается причина этого постояннаго возрастанія необходимаго труда, найдемъ ближайшее выраженіе закона энтропіи въ человѣческой жизни. Человѣкъ не создаетъ своей работой ни силъ, ни вещества. Онъ только освобождаетъ потенціальныя силы, уже существующія. Современное знаніе учитъ, что всѣ силы суть функціи разстоянія, что взаимодѣйствіе двухъ частицъ вещества измѣняется съ разстояніемъ между ними, и потому двѣ частицы, вовсе не реагирующія другъ на друга на извѣстномъ разстояніи, начинаютъ реагировать на другомъ. Иными словами, силы, остающіяся въ покоѣ и потенціальномъ состояніи, начинаютъ освобождаться при извѣстномъ пространственномъ отношеніи между веществами. Такимъ образомъ, освобожденіе силы обусловливается измѣненіемъ разстояній между отдѣльными родами и частями вещества, и весь актъ человѣка и жизни вообще по освобожденію силъ сводится на измѣненіе разстояній между частями вещества. Итакъ, чѣмъ ближе будутъ находиться между собой тѣ вещества, которыя

должна сблизить человѣческая работа, къ тому отношенію, которое необходимо для ихъ реакціи, чѣмъ больше будетъ собрано такихъ сближеній на меньшемъ пространствѣ вокругъ человѣка, тѣмъ легче будетъ и работа человѣка по такому сближенію или разъединенію вещества.

Но чѣмъ больше будетъ становиться пространство, на которомъ человѣкъ долженъ будетъ искать веществъ, подлежащихъ сближенію для освобожденія силы, тѣмъ бóльшую механическую работу онъ долженъ будетъ истратить на освобожденіе силъ ему необходимыхъ. Растенію достаточно для этого силы всасыванія. Человѣкъ долженъ искать своей пищи даже тогда, когда онъ находитъ ее, какъ говорятъ, готовою, и съ значительными усиліями, притомъ на несравненно большихъ пространствахъ.

Сказаннаго уже достаточно, чтобы видѣть, какія общія слѣдствія должны вытекать для общественной философіи и закона народонаселенія изъ закона оскудѣнія потенціальной силы, или закона ограниченности, энтропіи.

Если этотъ законъ справедливъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ уже очевидно, что, несмотря ни на какія услуги цивилизаціи, средства человѣчества не могутъ возрастать до безконечности; при этомъ опредѣлится и общій видъ *кривой*, по которой должно совершаться развитіе населенія; простой разсчетъ можетъ показать, что не только геометрическій, но и ариѳметическій ростъ не только не могъ быть общимъ закономъ возрастанія населенія, но не можетъ имъ стать ни при какихъ общественныхъ условіяхъ, ни для какого угодно отдаленнаго времени человѣческой исторіи.

Дѣйствительно, если мы представимъ себѣ, какъ это дѣлалъ Мальтусъ, страну въ видѣ оазиса, окруженную разъ навсегда совершенной пустыней съ даннымъ запасомъ природныхъ средствъ, а населеніе имѣющимъ способность возрастать геометрически, то населеніе такой страны должно болѣе или менѣе скоро покрыть ее всю и составить сумму потребностей, превышающую средства страны.

Какъ же однако скоро? Если среднее плодородіе страны одинаково, то часъ заселенія, очевидно, наступаетъ тѣмъ ранѣе, чѣмъ меньшую площадь представляетъ взятый оазисъ; итакъ, скорость заселенія будетъ зависѣть отъ величины оазиса. Слѣдовательно, отрицаніе Мальтусомъ возможности геометрическаго роста населенія окажется справедливымъ, если мы будемъ себѣ представлять страны какъ отдѣльные оазисы на земной поверхности, и тѣмъ онъ будетъ справедливѣе, чѣмъ меньшую величину будутъ имѣть эти оазисы. Но и въ томъ случаѣ, если мы не

будемъ ограничивать вопроса тѣми предѣлами, въ которыхъ его ставилъ Мальтусъ, результатъ будетъ тотъ же. Возьмемъ первоначальный оазисъ какой угодно малой величины и поставимъ на немъ человѣческую пару. Пусть это населеніе имѣетъ способность возрастать въ геометрической прогрессіи; но пусть теперь самый оазисъ не будетъ окруженъ разъ навсегда одними и тѣми же границами, а будетъ постепенно увеличиваться, и границы окружающей его пустыни пусть будутъ расширяться. Простыя начала геометріи говорятъ, что поземельное пространство нашего оазиса будетъ возрастать кругомъ населенія пропорціонально квадратамъ радіуса, то-есть, если на нашемъ начальномъ оазисѣ, радіусъ котораго взятъ за 1, могла быть поселена 1 человѣческая пара, то удвоивъ радіусъ нашего оазиса, мы получимъ въ суммѣ пространство земли равное не двумъ прежнимъ оазисамъ, а $2^2 = 4$; утроивъ, получимъ $2^3 = 8$; учетверивъ $2^4 = 16$. И слѣдовательно наше поземельное пространство будетъ возрастать вокругъ нашей пары въ слѣдующей прогрессіи: 1. 2. 4. 8. 16 и т. д.

Въ той же прогрессіи должно возрастать по закону Мальтуса народонаселеніе. Слѣдовательно, кажется, какъ будто, если допустить справедливость геометрическаго возрастанія населенія, то средства природы, принявъ ихъ даже за постоянныя, то-есть, не увеличивающіяся съ успѣхами цивилизаціи, были бы достаточны для удовлетворенія геометрическому возрастанію населенія. И для этого только нужно, чтобы нашъ поземельный участокъ имѣлъ свойство постепенно расширяться. Но нашъ поземельный участокъ не можетъ все-таки расширяться безпредѣльно. Онъ ограниченъ земнымъ пространствомъ, а это пространство не безпредѣльно. Пусть наше первоначальное населеніе равно *a*, ежегодный процентъ его увеличенія *x*. Тогда, при геометрическомъ возрастаніи населенія, получимъ черезъ *t* лѣтъ всего населенія, которое означимъ черезъ *P*:

$$P = a\ (1 + x)^t.$$

Мальтусъ утверждалъ, что при достаткѣ средствъ населеніе можетъ удвоиваться черезъ 12 лѣтъ. При этихъ условіяхъ коэфиціентъ приращенія народонаселенія равенъ 0,059.

Поверхность земного шара равняется 5,098,623,67 кв. миріаметровъ. Если $^1/_3$ этого пространства занята сушей и только $^2/_3$ суши могутъ быть обработаны, то получимъ для обработки и заселенія:

$$\frac{5{,}098{,}623{,}67.2}{3.3} = 1{,}027{,}360{,}04 \text{ кв. миріаметровъ.}$$

Для того, чтобы заселить это пространство подобно тому, какъ заселена теперь, напримѣръ, Франція, нужно умножить это число на 8,608 душъ, которыя теперь приходятся среднимъ счетомъ во Франціи на квадратный миріаметръ. И тогда составится 14,391,269,440 душъ, которыя нужны для заселенія всей ея поверхности до густоты Франціи; а Франція не представляетъ еще далеко крайней густоты заселенія.

Одна человѣческая пара, при коэфиціентѣ выведенномъ выше, дала бы такое населеніе и, слѣдовательно, заселила бы землю до густоты Франціи менѣе, чѣмъ въ теченіи пятисотъ лѣтъ.

Допустимъ наконецъ, что нашъ участокъ, кромѣ внѣшней эластичности, представляетъ другого рода эластичность, заключающуюся въ возрастающей власти человѣка надъ силою природы вмѣстѣ съ цивилизаціей. То же пространство земли, которое при рыболовномъ промыслѣ можетъ содержать данное число населенія, при охотничьемъ и скотоводномъ въ состояніи содержать несравненно большее число людей, а при земледѣльческомъ еще большее. То же пространство, которое при залежневой системѣ въ состояніи будетъ содержать одно число людей, будетъ содержать другое большее при трехпольной, а еще большее при плодоперемѣнной. Нашъ участокъ вслѣдствіе цивилизаціи будетъ слѣдовательно рости не только количественно, но и качественно насчетъ бóльшей суммы труда, которая будетъ прилагаться къ его обработкѣ, и онъ будетъ имѣть, кромѣ внѣшнихъ, матеріальныхъ предѣловъ, другіе предѣлы. Ростъ его въ этихъ предѣлахъ мы можемъ представлять себѣ точно также, пожалуй, тѣми же внѣшними единицами измѣренія, то-есть квадратными милями или миріаметрами, предполагая, что производительность участка остается постоянной, но при этомъ какъ бы расширяются его внѣшніе предѣлы далѣе матеріальнаго пространства участка. Посмотримъ же, какое вліяніе долженъ имѣть такой ростъ, приложенный къ возможности участка расшириться чисто внѣшнимъ образомъ. Крайняя величина нашего участка или территоріи земного шара, подлежащей заселенію, опредѣлена; мы принимаемъ его круглымъ счетомъ въ 1.000,000 кв. миріаметровъ. Если для простоты вычисленія мы представимъ себѣ все существующее въ настоящую минуту населеніе распредѣленнымъ равномѣрно по всему участку, то все приращеніе населенія, которое будетъ происходить, точно также будетъ распредѣляться равномѣрно на все число поземельныхъ единицъ, существующее въ нашемъ участкѣ. Раздѣляя слѣдовательно все населеніе, которое должно получиться по истеченіи извѣстнаго числа лѣтъ изъ даннаго населенія по закону геометрическаго возрастанія, на число поземельныхъ еди-

ницъ участка, получимъ густоту населенія черезъ данное время, и эта густота заселенія и будетъ служить для насъ основаніемъ измѣренія, насколько должна подняться средняя производительность отдѣльныхъ поземельныхъ единицъ для того, чтобы населеніе могло слѣдовать геометрическому возрастанію. Населеніе черезъ время t по геометрическому возрастанію равно $a(1+x)^t$; число участковъ 1.000,000, слѣдовательно густота заселенія черезъ t лѣтъ будетъ

$$\frac{a(1+x)^t}{1.000,000}$$

Здѣсь a выражаетъ населеніе земного шара въ тотъ моментъ, съ котораго допускается геометрическое возрастаніе; формула

$$\frac{a}{1.000,000}$$

выразитъ густоту заселенія въ тотъ же моментъ; и слѣдовательно $(1+x)^t$ составитъ тотъ коэфиціентъ, то число разъ, на которое должна увеличиваться текущая густота заселенія, чтобы удовлетворить геометрическому возрастанію населенія. Съ какого бы момента мы ни допустили возрастаніе населенія въ геометрической прогрессіи по истеченіи времени t, отъ этого момента успѣхи производства должны быть достаточны, чтобы средняя густота населенія могла увеличиться въ $(1+x)^t$ разъ.

Принявъ удвоеніе населенія въ 12 л., получимъ слѣдующую таблицу:

Черезъ	10	лѣтъ	1,791
»	100	—	$1,791.10^2$
»	1000	—	$1,791.10^{25}$

Итакъ, черезъ 100 лѣтъ текущая густота заселенія должна будетъ увеличиться почти въ 200 разъ.

Мы можемъ видѣть, что цивилизація должна увеличивать средства пропитанія съ неимовѣрной быстротой, чтобы удовлетворить геометрическому возрастанію населенія, съ какого бы конечно момента мы ни допустили такое возрастаніе.

Если мы примемъ, что возрастаніе населенія первоначально не слѣдуетъ вовсе геометрическому закону, а съ ходомъ цивилизаціи только приближается къ нему постепенно и должно слиться съ нимъ не въ конечное время, а только въ предѣлѣ, то-есть, на безконечномъ времени, тогда мы не вправѣ будемъ выразить вообще возрастаніе населенія функціей $a(1+x)^t$, а должны будемъ выразить это возрастаніе населенія такой функціей, которая сольется съ преждепринятой только на безконеч-

номъ времени или при $t = \infty$. Замѣняя въ первоначальной функціи t на lt, получаемъ для возрастанія населенія

$$a(1+x)^{lt}$$

функцію, которая дѣйствительно совпадаетъ съ предъидущей при $t = \infty$, ибо $l\infty = \infty$.

Мы получимъ теперь первоначально такое медленное возрастаніе населенія, которое совершенно расходится съ дѣйствительностью; но зато въ предѣлѣ получимъ точно также безконечное возрастаніе населенія и безконечное увеличеніе производительности, что̀ точно также должно быть противно дѣйствительности, ибо сумма средствъ для человѣческаго существованія, собранныхъ въ предѣлахъ земной его территоріи, точно также имѣетъ свои предѣлы, и не только производительность не можетъ простираться безъ конца, но самая жизнь земли должна имѣть свои предѣлы.

Послѣ этого само собою слѣдуетъ уже, что не только геометрическій ростъ населенія, о которомъ говорятъ соціалисты, представляетъ вещь немыслимую съ естественно-исторической точки зрѣнія, но столь же немыслимую вещь представляетъ и то ариѳметическое возрастаніе населенія, о которомъ говоритъ Мальтусъ, ибо въ предѣлѣ оно предполагаетъ ростъ населенія точно также безконечнымъ, какъ и геометрическое возрастаніе населенія.

Мы должны признать поэтому, что дѣйствительный коэфиціентъ прирощенія населенія не только не можетъ быть постояннымъ, какъ думаютъ соціалисты, не только понизится, какъ думаетъ Мальтусъ, но что онъ долженъ пройти черезъ нуль и стать величиной отрицательной, такъ какъ самое населеніе должно будетъ въ концѣ концовъ перестать рости вовсе и наконецъ начать сокращаться.

Сказанное позволяетъ намъ составлять себѣ уже опредѣленное представленіе относительно общаго вида *кривой* народонаселенія. Мы знаемъ, что кривая народонаселенія, въ силу закона энтропіи можетъ возрастать лишь до извѣстной степени, должна имѣть свой максимумъ, за которымъ она должна начать падать и окончательно стремиться къ нулю. Мы не станемъ утверждать, чтобы срокъ такого уменьшенія народонаселенія могъ быть отнесенъ къ безконечно отдаленному времени. Напротивъ, есть свои основанія допустить, что такое вліяніе закона энтропіи должно выразиться въ предѣлахъ историческаго времени. Понятно, что если мы не можемъ предположить времени существованія человѣчества безконечнымъ, то-есть положить вообще

равнымъ безконечности, то еще ранѣе долженъ совершиться перегибъ кривой, или еще ранѣе должна пройти черезъ нуль производная ея функція, или стать равнымъ нулю приращеніе народонаселенія. Мы должны слѣдовательно разсматривать вліянія закона энтропіи какъ такія, которыя должны сказаться въ предѣлахъ историческихъ, и слѣдовательно должны отбросить всѣ мысли о безконечномъ прогрессѣ человѣчества. Наши выводы выходятъ съ этой стороны строже не только выводовъ соціалистовъ, но и самого Мальтуса, и тѣмъ не менѣе мы увидимъ ниже, что они вовсе не такъ неутѣшительны. Этимъ оканчиваются наши первые счеты съ господствующими теоріями и читатель можетъ видѣть, въ чемъ заключается наше первое разногласіе съ ними. Для нихъ ростъ населенія выражается возрастающими *прямыми*, для насъ этотъ ростъ, въ силу закона энтропіи, не можетъ выразиться иначе, какъ *кривой*, имѣющей перегибъ къ абциссѣ.

II.

Дальнѣйшій вопросъ, представляющійся естественно нашему разсмотрѣнію, заключается въ опредѣленіи ближайшаго порядка возрастанія и паденія этой кривой народонаселенія. Ближайшій видъ такого возрастанія опредѣляется быстротой, съ которой ростетъ человѣчество въ каждый моментъ, и еслибы мы знали быстроту этого роста для каждаго момента, то знали бы и самый законъ кривой; но въ томъ то и дѣло, что наши представленія въ этомъ отношеніи могутъ быть только гадательныя. Быстрота роста населенія выражается коэфиціентомъ приращенія населенія, и потому все, что будетъ сказано по поводу этого коэфиціента, относится, само собою, къ скорости роста населенія. Мы знаемъ, что эта скорость и этотъ коэфиціентъ должны быть неизбѣжно измѣняющимися; намъ нужно знать теперь самый порядокъ измѣненія этой быстроты.

Относительно этого измѣненія можно составить себѣ три общія предположенія: или эта быстрота есть постоянно возрастающая, или она есть понижающаяся, или эта быстрота сперва повышается, затѣмъ понижается и сама выражается кривой.

Первое предположеніе, вслѣдствіе сказаннаго выше, вовсе не идетъ къ дѣлу. Второе есть именно то, которое принялъ Мальтусъ. Для него скорость роста населенія есть наибольшая у самаго *начала* жизни народа, такъ какъ тутъ существуетъ, по его мнѣнію, наибольшее обиліе средствъ существованія; затѣмъ эта скорость должна быть постоянно понижающейся. Мы, въ

свою очередь, должны будемъ придти къ тому заключенію, что предположеніе Мальтуса ложно, и остановиться на томъ предположеніи, что самая скорость роста населенія должна быть сперва возрастающей, а потомъ понижающейся. Къ такому заключенію насъ неизбѣжно должно привести дальнѣйшее разсмотрѣніе естественно - историческихъ условій существованія человѣка. Въ этомъ выразится, главнымъ образомъ, все наше существенное разнорѣчіе съ теоріей Мальтуса, и это разнорѣчіе весьма важно, потому что оно приведетъ насъ къ выводамъ далеко не столь неутѣшительнымъ, какъ выводъ Мальтуса.

Возвратимся къ естественно-историческимъ даннымъ. Законъ энтропіи, который позволяетъ намъ установить общій видъ измѣненія народонаселенія, составляетъ, какъ могъ видѣть читатель, только частный выводъ изъ болѣе общаго закона сохраненія силы. Но этотъ законъ энтропіи, самъ по себѣ, не въ состояніи дать яснаго представленія относительно ближайшаго роста народонаселенія. Намъ остается разсмотрѣть, поэтому, дальнѣйшую зависимость существованія человѣка отъ закона сохраненія силы.

Еслибы всѣ силы природы, которыми можетъ только воспользоваться человѣкъ въ своемъ развитіи, были сразу даны въ руки человѣка, то можно бы еще говорить о справедливости предположеній Мальтуса и относить быстрѣйшій ростъ народонаселенія къ началу историческаго существованія. Но сумма средствъ, которую получило человѣчество для своего существованія, хотя и была величина данная, тѣмъ не менѣе одна часть этихъ силъ находилась и находится въ состояніи свободномъ, другая — въ потенціальномъ. Солнце освѣщало человѣка и грѣло, но уже плодъ, который висѣлъ на деревѣ, представлялъ для него силу, находившуюся въ потенціальномъ состояніи: онъ долженъ былъ влѣзть на дерево, чтобы достать его и съѣсть. Для того, чтобы ввести воздухъ въ легкія, онъ долженъ былъ тратить извѣстную механическую дѣятельность, тратить часть пріобрѣтенной силы, а для того чтобы ѣсть тотъ хлѣбъ, которымъ сталъ питаться земледѣлецъ, нужно было предварительно истратить много труда и опыта! Сумма средствъ была данная; но ни потенціальная, ни живая и свободная ихъ часть не была собрана въ одной точкѣ, а разбросана по всему пространству земли. Для того, чтобы пользоваться ими человѣчество должно было искать и потенціальныхъ и свободныхъ силъ, на этомъ пространствѣ разселяться, и въ этомъ смыслѣ всѣ эти силы были для него только потенціальныя. Далѣе, какъ бы широко ни была надѣлена этими силами каждая точка земли, но нужно узнать и оцѣнить эти силы и выучиться ими пользоваться.

Непосредственно человѣкъ могъ ощущать и узнать только почти исключительно пользу силъ свободныхъ, и первыя пользованія потенціальной силой были уже для него плодомъ извѣстнаго опыта и развитія. Слѣдовательно, и съ этой стороны—силы, данныя ему отъ природы, были для него одинаково силами потенціальными.

Мы даже можемъ сказать, что вся сумма, всѣ дары природы въ смыслѣ человѣческой экономіи были одинаково дарами потенціальными, не были положены ему, выражаясь грубо, прямо въ ротъ, и онъ долженъ былъ всѣми овладѣвать и для этого ему предоставлено было два средства: опытъ и разселеніе.

Обстоятельство это, заставляющее раздѣлять силы, данныя въ окружающей природѣ, еще разъ въ разсужденіи самого человѣка на потенціальныя и свободныя, весьма важно, потому что оно-то и дало возможность возникнуть въ его жизни весьма рано недостатку въ средствахъ существованія и заставило его вынести много горя, котораго онъ могъ избѣжать, еслибы сразу владѣлъ тѣмъ знаніемъ, которымъ будетъ владѣть когда-нибудь. Но это-то обстоятельство въ тоже время указываетъ на глубокую послѣдовательность природы, потому что въ этомъ обстоятельствѣ мы встрѣчаемся съ тѣмъ же закономъ сохраненія силы, по которому всѣ силы и самое знаніе, если оно представляетъ какую-либо силу для человѣка, могли быть пріобрѣтены только на счетъ извѣстной траты силъ со стороны человѣка, и опытъ не могъ быть данъ человѣку даромъ.

Общественная экономія должна была постоянно помнить это и никогда не смѣшивать общественнаго богатства страны съ богатствомъ ея природныхъ свойствъ. И если справедливо, что, напримѣръ, плодородіе земли играетъ важную роль въ вопросѣ богатства населенія, которое ее занимаетъ, то столь же справедливо, что само по себѣ оно еще не составляетъ дѣйствительнаго богатства для человѣка, а только потенціальное. Для того, чтобы оно обратилось въ дѣйствительное, нужно, чтобы человѣкъ умѣлъ имъ пользоваться, нужно, чтобы онъ умѣлъ освободить сумму силъ, сокрытую въ этомъ естественномъ богатствѣ. Но чѣмъ диче и менѣе развито населеніе, тѣмъ менѣе оно умѣетъ пользоваться естественными дарами, а потому тѣмъ болѣе мы встрѣтимъ въ такой странѣ богатства, пропадающаго безъ пользы для населенія. Вслѣдствіе этого-то условія, кромѣ общаго пониженія производительности труда, вытекающаго для человѣческой исторіи изъ общихъ естественныхъ условій, человѣчество должно было испытывать постоянно такое же пониженіе въ частности на томъ или другомъ пространствѣ земли, доходившее

до безсилія содержать себя. Изъ двухъ средствъ — выселенія и опыта, данныхъ ему первоначально для борьбы за существованіе, человѣкъ долженъ былъ избрать, за недостаткомъ послѣдняго, первое, то-есть выселеніе, или вымирать и гибнуть; онъ долженъ былъ тратить въ дѣйствительности бо́льшій трудъ на освобожденіе силы, вслѣдствіе своего незнанія, чѣмъ могъ бы, еслибы зналъ и въ частности испыталъ и пережилъ тѣ экономическія состоянія, которыя, при полнотѣ знанія имъ, могли быть пережиты имъ только въ концѣ его исторіи. Чѣмъ беднѣе было его знаніе, тѣмъ быстрѣе приходилъ онъ къ этому крайнему состоянію, тѣмъ ранѣе приходилъ къ необходимости разселенія.

Далѣе, въ силу того же закона сохраненія силы человѣкъ не одинъ стремился жить и развиваться на счетъ природы, а эта природа, во всѣхъ разнообразныхъ своихъ формахъ, вела такую же борьбу съ человѣкомъ и между собой. Лично человѣкъ встрѣчалъ кругомъ не одни полезныя силы, но и силы враждебныя, и дѣйствіемъ этихъ силъ—траты человѣкомъ пріобрѣтеннаго повышались еще разъ и еще понижалась производительность его труда. Геологическіе перевороты и борьба съ прочими организмами не только затрудняла для человѣка возможность отстаивать добычу, но она уничтожала его массами и имѣла весьма важное вліяніе на скорость роста населенія. Такимъ образомъ, изъ закона сохраненія силы вытекали два условія опредѣлявшія ближайшимъ образомъ быстроту роста населенія. Борьба съ собственнымъ невѣжествомъ и борьба съ враждебными силами. Оба упомянутыя условія—борьба съ собственнымъ невѣжествомъ и съ враждебными силами, вліяли весьма существеннымъ образомъ на производительность человѣческаго труда, и оба эти условія заставляютъ насъ придать понятію труда болѣе обширное значеніе, чѣмъ то, на которомъ останавливался Мальтусъ и экономисты. Мы уже видѣли выше, чѣмъ должно было обусловливаться начало труда въ человѣческомъ обществѣ: трудъ долженъ являться неизбѣжной тратой силы, предназначенной на освобожденіе другихъ силъ, на счетъ которыхъ совершалось развитіе и существованіе человѣческихъ организмовъ. Останавливаясь на этомъ опредѣленіи и разсматривая теперь вопросъ еще ближе, найдемъ, что такія траты, сопряженныя для человѣка съ освобожденіемъ силъ, не ограничиваются однимъ измѣненіемъ пространства или трудомъ въ буквальномъ смыслѣ слова.

III.

Человѣческій организмъ не ограничивается тѣмъ, что тратитъ мускульный и мозговой трудъ на возстановленіе силы. Еслибы этимъ ограничивались всѣ траты, то очевидно, что круговой процессъ могъ продолжаться въ его организмѣ безъ конца, и смерть организма могла происходить только въ одномъ случаѣ—отъ недостатка питательнаго матеріала. Не такъ въ дѣйствительности: круговой процессъ, ежедневно повторяющійся внутри организма, по истеченіи извѣстнаго срока оказывается неспособнымъ повторяться вновь, и организмъ умираетъ; сила въ немъ, поддерживаемая на счетъ питанія, не остается постоянной, а возрастаетъ къ зрѣлому возрасту и падаетъ къ старости, и слѣдовательно организмъ, добывая себѣ пищу трудомъ, тратитъ на свое содержаніе не только этотъ внѣшній трудъ, а нѣчто большее—тратитъ при каждомъ круговомъ процессѣ, выражаясь наглядно, часть своей жизни, а выражаясь точно, часть потенціальной силы въ немъ наросшей съ дѣтства путемъ питанія, и эта трата, составляющая столь же неизбѣжный элементъ его существованія, выражается въ его жизни смертностью.

Такимъ образомъ, производительность человѣческаго труда поставлена въ зависимость не только отъ истощенія потенціальныхъ силъ окружающей природы, но и потенціальныхъ силъ организма, и тѣ траты, которыми сопровождается содержаніе даннаго населенія, не ограничиваются однимъ трудомъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова, а слагаются изъ труда и смертности, и обѣ траты играютъ одинаково важную роль въ экономіи человѣчества.

Еслибы при этомъ смертность была величиной постоянной, то она не оказывала бы того вліянія на вопросъ, какое должна была бы имѣть въ противномъ случаѣ. Но смертность являлась въ человѣческомъ обществѣ въ двухъ видахъ. Съ одной стороны—какъ потеря, слѣдующая изъ неминуемаго естественнаго истощенія силъ организма, съ другой—какъ явленіе случайное и насильственное, соціальное; и если мы допустимъ, что въ одномъ случаѣ она представляла величину неизмѣнную, то должны будемъ допустить, что въ другомъ случаѣ она представляла величину измѣняющуюся. Оставляя безъ вниманія первую, мы, ни въ какомъ случаѣ, не можемъ оставить также и другой, потому что, какъ мы сейчасъ увидимъ, измѣненіе смертности, сокращеніе ея въ этомъ отношеніи совершалось не иначе, какъ на счетъ возрастающей суммы труда въ буквальномъ смыслѣ слова. Оба

вида потерь, различные по формѣ, тѣмъ не менѣе дѣйствовали совершенно въ одномъ смыслѣ и направленіи на развитіе человѣческой жизни, составляли въ ней элементъ однородный, и потому, по нашему мнѣнію, должны быть разсматриваемы въ смыслѣ общественной экономіи совокупно какъ одно цѣлое. Оба представляютъ собой потерю человѣческаго вещества; оба они сокращали, учитали его развитіе, и оба вытекали неизбѣжно изъ одного и того же закона сохраненія силы, составляя повсюду неизбѣжную интегральную часть человѣческаго существованія. Обращая вниманіе на это-то обстоятельство, мы приведены къ необходимости брать въ разсчетъ, разсуждая о производительности человѣческаго труда, оба условія, обѣ потери, и разумѣть подъ такой производительностью величину, зависящую не только отъ одной мускульной работы, потерянной на производство единицы продукта, но сумму всѣхъ потерь, сопряженныхъ съ такимъ производствомъ, въ какой бы онѣ ни являлись формѣ.

Обратимся къ живымъ фактамъ и мы увидимъ, что такое пониманіе вопроса есть неизбѣжное и вполнѣ согласное съ фактами. Когда мы разсуждаемъ о производительности труда земледѣльца, добывающаго единицу хлѣба, что должны мы разумѣть подъ величиной его труда, истрачиваемаго на производство этой единицы хлѣба? только ли тотъ трудъ, который онъ истрачиваетъ на нашихъ глазахъ своей мускульной работой или нѣчто большее? Мы знаемъ, что рядомъ съ этимъ земледѣльцемъ существуетъ цѣлая группа лицъ, которая ничего не производитъ въ матеріальномъ смыслѣ слова: существуетъ солдатъ, чиновникъ, докторъ, цѣлый рядъ лицъ, вся функція которыхъ заключается въ томъ, чтобы сдѣлать возможнымъ, спокойнымъ и наиболѣе успѣшнымъ трудъ земледѣльца. Лица эти также представляютъ извѣстную трату труда. Итакъ, содержаніе войска, администраціи, науки и пр. не входитъ ли точно также въ разсчетъ производительности труда нашего земледѣльца и не увеличиваетъ ли оно само собою величину труда, которая должна быть истрачена на производство единицы земледѣльческаго продукта, не должны ли эти траты быть взяты точно также въ разсчетъ при оцѣнкѣ стоимости народу единицы земледѣльческаго продукта? Никто не станетъ отрицать, что это такъ, а между тѣмъ, что же представляютъ собой эти траты на содержаніе порядка, безопасности и лучшихъ условій производства? Содержаніе войска, администраціи, суда и науки — это все только тѣ средства, которыя человѣкъ противупоставлялъ тѣмъ естественнымъ жертвамъ, которыя онъ несъ въ борьбѣ съ природой, той дани, которую онъ платилъ враждебнымъ силамъ природы въ видѣ усиленной смертности отъ постоянныхъ столк-

новеній и войнъ какъ съ другими организмами, такъ и между собою. Это тѣ траты, которыя для него выражались прежде усиленной смертностью и которыя онъ замѣнялъ лишнимъ трудомъ, потому вѣроятно, что такая замѣна была для него выгодна. А если мы включаемъ въ нашъ экономическій разсчетъ эти траты, потому что они приняли форму труда въ прямомъ смыслѣ слова, то мы должны включать ихъ и въ разсчетъ жизни первобытнаго человѣка, въ какой бы они намъ ни являлись формѣ. Мы должны это сдѣлать тѣмъ болѣе, что эта форма тратъ не устранилась и въ нашемъ обществѣ: войны и преступленія продолжаются, и человѣкъ продолжаетъ платить за тотъ кусокъ хлѣба, который онъ вырываетъ изъ рукъ природы не только своимъ трудомъ, но и своей кровью. Разница состоитъ только въ томъ, что кровавыя жертвы стали меньше. Трудъ съ этой точки зрѣнія представляетъ только болѣе цивилизованную и экономическую форму тѣхъ же жертвъ, вытекающихъ изъ закона сохраненія силы. Первоначальный же трудъ человѣка, когда самый способъ добыванія пищи состоялъ въ войнѣ или охотѣ, былъ скорѣе трудомъ крови, чѣмъ пота. Но оба вида труда представляютъ собой въ сущности одно и тоже разрушеніе человѣческаго вещества; только одно разрушеніе болѣе полное, грубое и убыточное, а другое болѣе ограниченное.

Такая постановка вопроса кажется намъ тѣмъ болѣе вѣрной, что только при ней становится вполнѣ яснымъ экономическое знаніе политическаго и общественнаго устройства въ человѣческой исторіи, какъ фактора сокращавшаго сумму тѣхъ жертвъ, которыя платило первобытное человѣчество за свое существованіе. Всякій теперь пойметъ, почему экономическое развитіе могло достигать извѣстной степени только между политически устроенными народами. Какъ бы ни были тяжелы формы этого устройства, съ какими бы они ни были сопряжены пожертвованіями въ видѣ налоговъ и личныхъ военныхъ тратъ,—по существу своему эти траты на политическое устройство представляютъ замѣну тратъ болѣе крупныхъ, съ которыми сопряжено было существованіе человѣка внѣ такого устройства. Итакъ, политическое устройство было первымъ факторомъ, который далъ возможность появиться труду, а самое появленіе труда является уже извѣстнымъ успѣхомъ цивилизаціи, и пониженіе смертности—первой выгодой, которую извлекло человѣчество изъ этого устройства.

Смертность была первымъ зломъ, съ которымъ пришлось бороться человѣку, а трудъ—первымъ средствомъ ея пониженія. Масса могла быть закрѣплена, подчинена тяжелой работѣ на

своихъ правителей, но такое подчиненіе должно было быть все-таки для нея дешевле подчиненія до-историческимъ случайностямъ. Производительность труда этой массы въ такомъ состояніи являлась для нея самой равною въ сущности средствамъ существованія, минусъ все-таки военныхъ жертвъ на защиту государства. Но если думать, что такое устройство все-таки было прогрессомъ въ положеніи человѣчества, то слѣдуетъ предполагать, что въ неустроенномъ состояніи производительность ея труда была еще ниже, то-есть ниже насущныхъ средствъ существованія. Но политическое устройство развивалось только постепенно среди кровопролитій и порядокъ этого развитія слишкомъ извѣстенъ.

При ограниченности средствъ, населеніе распространяется на извѣстномъ пространствѣ; рано или поздно оно встрѣчаетъ другія населенія и племена, которыя оно или должно выгнать на другія мѣста, или истребить для того, чтобы дать себѣ мѣсто. При такомъ очищеніи территоріи оружіемъ должна погибнуть, естественно, извѣстная доля людей съ той и съ другой стороны; слѣдовательно, разселеніе совершается не иначе, какъ на счетъ потери извѣстной доли населенія; какая часть населенія погибаетъ при томъ—это совершенно не опредѣлено, но извѣстная часть погибаетъ неизбѣжно. Итакъ, война какъ средство расширенія территоріи является условіемъ, сокращающимъ ростъ населенія. Чѣмъ больше такихъ встрѣчъ, чѣмъ равномѣрнѣе борющіяся силы, тѣмъ такія встрѣчи гибельнѣе.

Представимъ себѣ населеніе, разростающееся отъ одной пары; разростаясь оно занимаетъ извѣстное пространство и дѣлится на семьи, роды и наконецъ племена; чѣмъ далѣе идетъ такое разростаніе, тѣмъ болѣе слабѣетъ связь между отдѣльными частями такого населенія. Пусть же такое разростаніе встрѣтитъ какое-либо естественное препятствіе своему дальнѣйшему распространенію. Оно должно будетъ стѣсниться на томъ же пространствѣ. Когда эта тѣснота достигнетъ извѣстной степени, то голодъ заставитъ отдѣльныя части его искать расширенія своей территоріи путемъ войны. Такимъ образомъ возникаетъ мелкая племенная война. Она очиститъ, до извѣстной степени, территорію и можетъ кого-нибудь оставить побѣдителемъ.

Собственная выгода побѣдителя заставляетъ его дать у себя свободное, но все же подчиненное мѣсто побѣжденнымъ племенамъ для того, чтобы пользоваться совокупными силами въ случаѣ новой войны; такимъ образомъ, завяжутся болѣе крупные политическіе центры. Пусть два такіе центра образуются первоначально на далекомъ разстояніи другъ отъ друга; продолжая

разселяться, — они наконецъ встрѣтятся, и мы получимъ новую войну между болѣе крупными политическими единицами и т. д. Такая война должна точно также очищать, до извѣстной степени, территорію, то-есть ослаблять ростъ населенія и наконецъ образовывать еще болѣе крупные политическіе центры.

Такимъ образомъ, населеніе будетъ очищать себѣ постоянно территорію на счетъ гибели какъ прочихъ, такъ и своего собственнаго населенія. Но политическая единица, образованная на значительномъ пространствѣ, уже уничтожаетъ въ предѣлахъ этого пространства внутреннюю, родовую или племенную войну. И если она поглощаетъ на свое существованіе меньшее число жертвъ, чѣмъ ихъ поглощаетъ мелкая племенная война, то образованіе такихъ единицъ всегда должно быть выгодно въ смыслѣ развитія населенія.

Пониженіе смертности было такимъ образомъ первымъ факторомъ, послѣ котораго могла усиливаться производительность труда. Если же это пониженіе приносило съ собою политическое устройство, а послѣднее развивалось только постепенно, то очевидно, что съ одной стороны производительность труда должна была возростать съ тою же постепенностью. Но столь же постепенно должно было быть и вліяніе другихъ факторовъ, отъ которыхъ зависитъ вообще производительность труда. Кромѣ пониженія смертности, эта производительность зависитъ отъ двухъ факторовъ: раздѣленія труда и знанія.

Въ политическомъ устройствѣ, которое человѣкъ противупоставилъ первобытному кровопролитію, производительность труда должна была возрастать не только на счетъ одного пониженія смертности. Вмѣстѣ съ тѣмъ, самый трудъ долженъ былъ пріобрѣсти новую самостоятельную силу, которая заключается въ раздѣленіи труда. Политическое устройство было очевидно однимъ изъ первыхъ подтвержденій закона раздѣла труда, въ исторіи человѣчества. Соединяясь въ политическіе организмы, человѣчество узнало ту выгоду, которую оно можетъ извлечь изъ совокупной работы, а вмѣстѣ съ тѣмъ изъ самаго наростанія числа работниковъ или своего собственнаго разростанія. Оно узнало, что два приложенныя къ двумъ, въ дѣлѣ производительности труда, равно не четыремъ, а болѣе чѣмъ четыремъ; и такимъ образомъ открыло для себя источникъ нарожденія силы въ самомъ своемъ свойствѣ размноженія. Вліяніе этого закона было вполнѣ оцѣнено экономистами относительно техническаго успѣха отдѣльныхъ производствъ, но сфера дѣйствія его была гораздо шире, и самое это дѣйствіе выразилось гораздо ранѣе, чѣмъ оно было узнано экономистами. Его указала, какъ мы ви-

димъ, сама исторія, и она строилась, опираясь на его благотворныя основанія. Оно служитъ первымъ основаніемъ человѣческому союзу, а слѣдовательно и общежитію, и этотъ-то законъ раздѣленія труда заставлялъ постоянно человѣчество съ одной стороны стремиться къ централизаціи, съ другой—видѣть выгоду въ своемъ размноженіи. Экономическая теорія, съ одной стороны постоянно превозносившая значеніе закона раздѣленія труда и въ тоже время предписывавшая человѣчеству воздержаніе отъ размноженія, находилась въ постоянномъ очевидномъ противорѣчіи сама съ собою, и это противорѣчіе было возможно только потому, что теорія эта замыкала дѣйствіе самого закона въ весьма тѣсныхъ предѣлахъ техники отдѣльныхъ производствъ, между тѣмъ какъ этотъ законъ лежалъ въ основаніи всего историческаго развитія человѣческаго общества.

Мы видимъ, такимъ образомъ, что существеннѣйшія условія, отъ которыхъ могла возрастать производительность человѣческаго труда, какъ-то пониженіе смертности, раздѣленіе труда и знанія, могли развиваться въ человѣчествѣ только постепенно, а слѣдовательно съ такою же постепенностью могла только развиваться и быстрота роста населенія.

Изъ этихъ трехъ факторовъ политическая экономія вовсе упускала изъ виду первый, только отчасти брала въ соображеніе второй и вполнѣ принимала въ разсчетъ только одинъ—это знаніе. Между тѣмъ, какъ первые успѣхи производительности труда въ человѣческой исторіи совершались, очевидно, насчетъ сокращенія числа человѣческихъ жертвъ и уменьшенія кровопролитія, — наши историческія разсужденія о трудѣ обыкновенно не заходятъ такъ далеко, въ такую историческую глубину.

Подъ исторіей труда мы разумѣемъ обыкновенно только исторію мускульной и нервной работы. Но количество мускульной работы, истрачиваемой въ цивилизованномъ обществѣ, можетъ значительно превышать и конечно значительно превышаетъ то количество работы, которое тратитъ на свое существованіе первобытный народъ, и тѣмъ не менѣе потери и траты человѣчества, въ состояніи кочевого дикаря, на содержаніе единицы населенія превышаютъ несомнѣнно траты въ образованныхъ государствахъ Европы на ту же единицу. Увеличеніе количества мускульнаго и нервнаго труда на единицу продукта можетъ служить, такимъ образомъ, скорѣе признакомъ возрастанія производительности этого труда, чѣмъ его пониженія, и по крайней мѣрѣ первые успѣхи цивилизаціи, первые успѣхи производительности труда совершались на счетъ такого увеличенія суммы труда въ буквальномъ смыслѣ слова. Ограничиваясь разсмотрѣніемъ труда

въ ограниченной формѣ, мы считаемъ обыкновенно успѣхомъ то, что понижаетъ количество труда въ этой буквальной его формѣ, и черезъ это замыкаемъ весь вопросъ успѣховъ человѣчества въ исторіи техническихъ усовершенствованій.

Ошибка, которую дѣлала политическая экономія въ такомъ пониманіи дѣла, теперь слишкомъ очевидна, а вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что эта ошибка могла только привести къ признанію наибольшей производительности за трудомъ у самого начала исторіи. Только такимъ путемъ могли возникнуть идеи о блаженствѣ первобытнаго человѣка. Экономія видѣла вокругъ этого человѣка готовые плоды и восклицала, какъ дешево стоила ему пища: ему стоило протянуть руку или, самое большее, взлѣзть на дерево. А между тѣмъ человѣчество гибло массами среди этихъ даровыхъ плодовъ, и нравственная философія не разсуждала о томъ, сколько на одного съѣдающаго такое даровое яблоко приходилось погибающихъ, и не могла судить о томъ, сколько стоило, слѣдовательно, такое даровое яблоко человѣчеству среди первобытной экономіи. Если же мы не будемъ дѣлать различія между смертностью и работой, разсматривая то и другое какъ потерю человѣческой силы, связанную съ борьбой за существованіе (и то, если мы будемъ помнить, что трудъ крови, трудъ самый убыточный, былъ именно преобладающей формой труда на порогѣ исторіи), то мы поймемъ, что хотя потенціальная производительность человѣческаго труда и была облегчена первоначально большими запасами природы, но въ тоже время, въ силу невѣжества, въ силу возможности питаться только плодами или сравнительно слабыми животными, при гибели отъ болѣе крупныхъ животныхъ, міазмовъ и геологическихъ переворотовъ и войнъ, словомъ, въ силу закона сохраненія силы,—первоначальная производительность человѣческаго труда была понижена до крайняго предѣла. Дальнѣйшій прогрессъ въ развитіи человѣчества долженъ былъ состоять въ постоянномъ ея повышеніи, и первые шаги такого повышенія состояли именно въ замѣнѣ кровавыхъ жертвъ жертвами трудовыми. Если все сказанное справедливо, если всѣ три фактора, отъ которыхъ зависитъ степень производительность человѣческаго труда, должны были возростать только съ успѣхомъ цивилизаціи, то несомнѣнно, что возрастаніе населенія въ эпоху начала цивилизаціи было наименьшее, и населеніе никогда не могло возрастать въ первобытныя времена съ той быстротою, какая можетъ быть ему доступна на зенитѣ цивилизаціи. Коэфиціентъ размноженія населенія долженъ быть, въ силу закона сохраненія силы, величиною возрастающей въ исторіи

человѣчества, а безполезныя потери и траты тѣмъ больше, чѣмъ ближе къ началу человѣчества.

Положеніе это могло бы только измѣниться подъ вліяніемъ истощенія запасовъ природы. Но уменьшеніе переворотовъ, борьбы съ животными, эпидеміей и возвышеніе знанія было достаточно значительно, чтобы стать вполнѣ замѣченнымъ для нашего наблюденія въ теченіи исторіи и составить для насъ очевидный фактъ. Совершенно иное дѣло относительно потенціальныхъ средствъ природы. Сколько бы ни считали несомнѣннымъ ихъ истощеніе съ теченіемъ времени, никакія наблюденія не могли открыть пониженія, напримѣръ, теплоты, высылаемой на землю ежегодно солнцемъ, равно какъ и пониженія средней производительности земного пространства, даннаго на эксплуатацію человѣку. Всѣ наши наблюденія такого истощенія ограничились наблюденіемъ истощенія почвы на ограниченныхъ частяхъ земного пространства. Производительность падала въ предѣлахъ данныхъ странъ, на отдѣльныхъ, такъ-сказать, точкахъ земной территоріи и здѣсь давала себя чувствовать; но это еще не даетъ намъ никакого права заключать отсюда о какомъ-либо замѣтномъ пониженіи, въ тоже время, средней производительности земной территоріи.

Обратите вниманіе на то, что̀ производится, напримѣръ, въ самой первобытной изъ всѣхъ системъ земледѣлія, такъ-называемой, залежневой системѣ. Я обращаюсь къ этой системѣ потому именно, что она болѣе всего подходитъ къ настоящему случаю. Земледѣлецъ пашетъ извѣстный клочекъ земли; годъ за годъ онъ снимаетъ съ него жатву за жатвой, и наконецъ начинаетъ чувствовать, что урожаи его понижаются съ каждымъ годомъ; тогда онъ переходитъ къ другому участку и надъ этимъ повторяетъ тоже, потомъ къ третьему и т. д.; а прежніе участки бросаетъ въ залежъ.

Еслибы даже оставленіе выпаханныхъ участковъ втунѣ, или залежѣ, простой покой ихъ не приносилъ имъ какого-либо возврата плодородія черезъ извѣстное число лѣтъ, то и въ этомъ случаѣ, смотря по пространству свободной земли, должно было бы пройти весьма значительное время прежде, чѣмъ земледѣлецъ почувствова̀лъ бы пониженіе производительности не для даннаго участка, а пониженіе производительности для себя, своей территоріи или пониженіе производительности своего труда. Но залежъ возстановляетъ поле, и чѣмъ больше свободныхъ участковъ, чѣмъ больше территорій, тѣмъ долѣе могутъ быть оставлены въ отдыхѣ разъ выпаханные участки и тѣмъ совершеннѣе будетъ ихъ возстановленіе.

Если бы такой территоріей для залежневой системы должно было служить все земное пространство, то срокъ продолжительности ея сталъ бы крайне великимъ, ибо возстановленіе полей залежью было бы наиболѣе полное, и вслѣдствіе этого пониженіе средней производительности земли сдѣлалось бы совершенно незамѣтнымъ на долгое время. Но обыкновенно территорія населенія народа составляетъ только ничтожную часть земного пространства, и потому залежневая система оканчивается въ предѣлахъ замѣтныхъ для насъ сроковъ, и пониженіе плодородія становится явленіемъ замѣтнымъ только на отдѣльныхъ мѣстахъ заселенія.

Если я заговорилъ о залежневой системѣ, то это потому, что она господствовала не въ одномъ частномъ случаѣ въ экономіи отдѣльныхъ народовъ, а что той же системѣ слѣдовала до-сихъ-поръ экономія системы народовъ, населявшихъ землю. Цивилизація возникала въ одномъ пунктѣ земного пространства и, просуществовавъ извѣстный срокъ, падала на этомъ пунктѣ и переносилась на новыя мѣста, а прежнія мѣста часто предавались запустѣнію, такъ что истощающая дѣятельность человѣческаго общества, какъ истощающая дѣятельность первобытнаго земледѣльца, сосредоточивалась на отдѣльныхъ пунктахъ земной территоріи, оставляя большую часть земли въ совершенной залежи и только слабо населяя другія ея части.

Нѣтъ сомнѣнія, что эта кочевая система цивилизаціи есть только первобытная система, такая же первобытная, какъ и кочевая система земледѣлія въ жизни отдѣльнаго народа; она и здѣсь можетъ продолжаться лишь до тѣхъ поръ, пока пространство земли допускаетъ постоянное нахожденіе новыхъ мѣстъ для кочеванія цивилизаціи. Но пока истощеніе человѣчествомъ земныхъ запасовъ ограничивалось лишь частью ихъ, сосредоточенной на занимаемой имъ территоріи, то легко понять, что оно должно было оказывать весьма мало вліянія на среднюю производительность всей земной территоріи, особливо если принять во вниманіе постоянное возстановленіе при этомъ разъ истощенной почвы залежью.

Вспомнимъ только, что земли, выпаханныя, оставленныя подъ залежи, возстановляются черезъ десятки лѣтъ, а цивилизація бросаетъ истощенную почву на столѣтія и тысячелѣтія—время слишкомъ достаточное, чтобы покрыть ее обильною растительностью. Вслѣдствіе этого, средняя сумма природныхъ средствъ, не та, какую человѣкъ могъ находить у себя дома для эксплуатаціи, а та, какую онъ могъ находить въ предѣлахъ всей земной территоріи, сумма средствъ не какъ сумма средствъ даннаго народа или населенія, а какъ сумма средствъ человѣчества,

должна была понизиться крайне мало въ сравненіи съ своей первоначальной величиной. Вмѣстѣ съ тѣмъ, слѣдовательно, производительность труда, если мы будемъ разсматривать ее не въ отношеніи даннаго народа, а въ отношеніи человѣчества, должна была точно также понизиться въ силу закона энтропіи крайне мало и могла остаться до-сихъ-поръ почти постоянной.

Но намъ не нужно даже вовсе этого постоянства; съ насъ достаточно, если мы можемъ признать, что это истощеніе природы совершалось медленнѣе, чѣмъ возрастаніе другого фактора, то-есть, чѣмъ уменьшалась гибель человѣчества отъ геологическихъ переворотовъ, увеличивалось истребленіе звѣрей, возникало общественное устройство и вообще безопасность, наконецъ, возрастало знаніе. И тогда мы должны будемъ признать, что производительность человѣческаго труда, разсматриваемая независимо отъ тѣхъ колебаній, которыя она могла испытывать въ жизни отдѣльныхъ народовъ и обществъ, должна была быть величиной, возрастающей въ исторіи человѣчества.

Производительность эта, ничтожная первоначально вслѣдствіе усиленной смертности, обусловливаемой неустройствомъ и невѣжествомъ, поднималась, опираясь на знаніе и политическое устройство; а вмѣстѣ съ тѣмъ, должны были становиться тѣмъ менѣе возможны и тѣмъ рѣже случаи частнаго усиленнаго размноженія, на которыхъ сосредоточиваетъ все свое вниманіе Мальтусъ. Законъ народонаселенія, который онъ думалъ открыть, былъ послѣ этого очевидно только частнымъ случаемъ, повтореніе котораго должно было становиться тѣмъ рѣже, чѣмъ болѣе росло человѣчество числомъ и цивилизаціей. Таковъ неминуемый выводъ, къ которому слѣдуетъ придти, если разсматривать подъ средствами населенія не его потенціальныя средства, а средства дѣйствительно доступныя, и если, сводя экономическіе счеты, взять въ разсчетъ всѣ статьи, а не одну изъ нихъ только—трудъ въ буквальномъ смыслѣ, какъ это дѣлаетъ Мальтусъ.

IV.

Какъ же мы должны смотрѣть, послѣ этого, на остальные выводы Мальтуса, на его теорію воздержанія. Можемъ ли мы, вмѣстѣ съ нимъ, продолжать разсматривать инстинктъ плодовитости, данный человѣку, какъ зло, несоображенное природой съ его настоящими потребностями, или, отбросивъ представленіе Мальтуса о наибольшой производительности труда въ началѣ

исторіи, должны будемъ отбросить и всѣ его дальнѣйшіе отсюда выводы.

Мальтусъ и экономисты утверждали, что физіологическій коэфиціентъ размноженія превышалъ и превышаетъ экономическій коэфиціентъ. Мальтусъ и всѣ экономисты, принимавшіе его положеніе, смотрѣли на такое противорѣчіе, какъ на естественное и необходимое зло, и совѣтовали человѣчеству или воздержаніе и подавленіе этого инстинкта, или грозили насильственнымъ вымираніемъ. Милль послѣдній повторялъ взглядъ Мальтуса во всей его безотрадности.

Но, допуская, что возрастаніе населенія не можетъ идти безгранично, можно вовсе не считать еще доказаннымъ, чтобы стремленіе къ такому возрастанію не было справедливымъ и цѣлесообразнымъ для даннаго времени и было для него положительнымъ зломъ, противъ котораго нѣтъ другого средства, кромѣ воздержанія. Все зависитъ отъ условій даннаго времени, и я долженъ разсмотрѣть подробно отношеніе этого инстинкта плодовитости къ условіямъ прошедшаго и настоящаго положенія человѣчества для того, чтобы судить, насколько послѣдніе выводы экономистовъ изъ перваго положенія Мальтуса были несправедливы и преждевременны.

Можно находить, что такого соотвѣтствія, какого мы ищемъ и желаемъ съ экономической точки зрѣнія, не могло установиться, не могло выработаться среди обстоятельствъ, окружавшихъ первобытную жизнь человѣка и что эти обстоятельства должны были, напротивъ того, воспитать въ немъ именно инстинктъ усиленной плодовитости въ видахъ прямой борьбы съ ними. Тогда нашъ взглядъ на вопросъ долженъ будетъ нѣсколько измѣниться, и мы должны будемъ придти къ тому выводу, что развитіе полового инстинкта, которое намъ кажется несоразмѣрнымъ въ виду частныхъ обстоятельствъ, принимаемыхъ въ разсчетъ Мальтусомъ, представляло полное соотвѣтствіе обстоятельствамъ своего времени и выработалось не даромъ. Въ самомъ дѣлѣ, разсуждая о настоящемъ вопросѣ, обыкновенно имѣютъ въ виду главную мозоль и кошемаръ нашего времени—вопросъ пищи. Перенесемся мысленно за милліоны лѣтъ и спросимъ, развѣ пища представляла ту исключительную потребность, съ которой долженъ былъ бороться первобытный человѣкъ. Напротивъ, въ тѣхъ позднихъ слѣдахъ первобытнаго положенія, которыя доходятъ до насъ, мы застаемъ человѣка не среди недостатка пищи. Какъ болѣе поздній изъ организмовъ, человѣкъ засталъ массу готовыхъ организмовъ въ растительномъ и животномъ царствѣ, которые могли служить ему пищей; онъ засталъ готовую пищу въ избыткѣ, и

недостатокъ въ пищѣ могъ явиться только по мѣрѣ истребленія, опустошенія человѣкомъ первобытнаго дарового продукта. Совершенно иное дѣло борьба съ этой массой готовыхъ, развившихся породъ отъ гигантскихъ до микроскопическихъ, массой, которая подавляла его своей громадностью и разнообразіемъ, и борьба какъ изъ-за пищи, такъ и изъ-за личной безопасности. Одни пожирали его явнымъ для него образомъ, потому что превосходили своей силой и ловкостью, другія пожирали массами, входя въ его кровь и порождая болѣзни. Иное также дѣло—борьба съ геологическими и климатическими переворотами, отъ которыхъ человѣчество могло гибнуть массами. Эти-то вотъ условія были гораздо страшнѣе для него первоначально и болѣе грозили истребленіемъ его роду, чѣмъ условія пропитанія. Для борьбы съ ними-то онъ уже не имѣлъ другого, болѣе прямого и дѣйствительнаго средства, кромѣ размноженія своей породы. Чѣмъ болѣе рождающихся, тѣмъ болѣе вѣроятности для рода сохраниться среди погибели массами отъ совершенно случайныхъ условій, передъ которыми совершенно безсиленъ человѣкъ, и чѣмъ больше рождающихся, тѣмъ шире выборъ между самыми удачнѣйшими индивидуумами и болѣе гарантій для улучшенія породы. Точно также, чѣмъ больше одноплеменная дружина, стадо или населеніе, тѣмъ легче борьба ея съ окружающими другими народами. Словомъ, средства борьбы для человѣка росли пропорціонально его собственной массѣ. Человѣкъ имѣлъ всѣ причины искать наибольшаго размноженія и развивать въ себѣ половой инстинктъ какъ въ видахъ сохраненія рода, такъ и въ видахъ личной безопасности. Онъ долженъ былъ усиленно искать размноженія рода въ видахъ личной безопасности, и это размноженіе обезпечивало сохраненіе рода. Причина эта, столь явная въ началѣ исторіи, сохранялась на долгое время, а не только пока человѣкъ долженъ былъ бороться съ животными; она точно также сохранялась позже съ развитіемъ отдѣльныхъ человѣческихъ поселеній, и есть основаніе думать, что она не измѣнилась и до настоящаго времени и не можетъ измѣниться вообще до тѣхъ поръ, пока человѣчество будетъ находиться въ возрастающемъ фазисѣ.

Нападая на инстинктъ плодовитости, думаютъ, что разсуждаютъ въ интересахъ массы. Но для того, чтобы этотъ инстинктъ воспитывался иначе въ массѣ, нужно, по крайней мѣрѣ, чтобы такая его сообразность была дѣйствительно въ интересахъ массы, а такое предположеніе принадлежитъ къ числу совершеннѣйшихъ заблужденій. Допустимъ, что данная страна воспитала бы въ себѣ этотъ инстинктъ такимъ образомъ, что

населеніе ея не увеличивалось бы далѣе того размѣра, какой она можетъ содержать. Тогда мы получимъ въ ней постоянный statu quo на границѣ нужды. Допустимъ, что дальнѣйшимъ самовоспитаніемъ она понизила бы этотъ инстинктъ до того, что въ странѣ образовался бы извѣстный избытокъ средствъ и рабочая плата должна была бы повыситься. Если бы при этомъ потенціальныя средства участка оставались постоянными, то можно было бы еще разсуждать о выгодѣ населенія отъ такого положенія вещей. Но, съ теченіемъ времени, средства даннаго участка должны все-таки придти къ истощенію, точно также, какъ и средства всего земного пространства, и тѣмъ раньше, чѣмъ меньше участки. Слѣдовательно, страна должна будетъ все болѣе и болѣе сокращать свое населеніе для того, чтобы сообразоваться съ этими средствами и населеніе стремиться къ вымиранію.

Мы видимъ, что совѣтовать обществу соображеніе инстинкта плодовитости съ средствами своего участка, то же, что проповѣдывать ему или его вѣчное statu quo, или возвышеніе рабочей платы насчетъ постепеннаго вымиранія общества, проповѣдывать самоубійство.

Совершенно другое возвышеніе рабочей платы общество находитъ въ расширеніи участка; тутъ рабочая плата растетъ прямо на счетъ расширенія средствъ и требованія рукъ на эксплуатацію этихъ средствъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ населеніе не сокращается, а растетъ.

Слѣдовательно, если предположить даже, что средства растутъ только пропорціонально величинѣ участка и что увеличеніе массы населенія само по себѣ не приноситъ никакого приращенія производительности трудовой единицѣ; то и въ этомъ случаѣ масса будетъ прямо заинтересована въ распространеніи культуры на большее пространство, и слѣдовательно заинтересована не въ подавленіи, а развитіи инстинкта плодовитости. Но нужно думать, что потенціальныя средства участка растутъ не просто въ ариѳметической прогрессіи съ его величиной, а болѣе быстрой, то-есть, что данный участокъ можетъ пропитать болѣе, чѣмъ двойное населеніе; точно также, какъ и производительность труда и цивилизація возрастаетъ не просто пропорціонально массѣ населенія, а быстрѣе. Слѣдовательно, собственные интересы массы заставляютъ ее стремиться къ наибольшему населенію, а слѣдовательно не къ подавленію инстинкта плодовитости. Побѣдивъ этимъ инстинктомъ природу въ первобытное время, человѣчество по справедливости можетъ въ немъ видѣть и ту силу, на счетъ которой должно улучшаться

его будущее. Замѣчательный экономистъ новѣйшаго времени Тюненъ искалъ путемъ анализа выраженія естественной заработной платы. Онъ ставилъ вопросъ такимъ образомъ: какъ велика должна быть заработная плата, которой долженъ желать самъ работникъ въ тѣхъ видахъ, что, сдѣлавъ изъ нее необходимыя сбереженія, онъ станетъ самъ капиталистомъ и долженъ будетъ самъ нанимать работниковъ? Онъ предполагалъ справедливо, что работникъ долженъ желать такого избытка рабочей платы, чтобы, ставъ капиталистомъ, могъ получить наибольшій доходъ съ этого избытка. Онъ нашелъ, что въ этомъ случаѣ рабочая плата должна быть среднею пропорціональной между валовой выработкой и частью ея, потребляемой работникомъ на существованіе во время работы. Текущая рабочая плата во всѣхъ государствахъ Европы оказалась значительно ниже этой величины, но такова дѣйствительно оказалась величина рабочей платы въ Сѣверной Америкѣ. Будучи сельскимъ хозяиномъ, онъ пытался осуществить эту рабочую плату на практикѣ; но двѣ причины не допустили этого: обязанности его передъ собственнымъ семействомъ и конкурренція прочихъ хозяевъ. Въ посмертныхъ трудахъ своихъ онъ пишетъ, что всю жизнь думалъ о такомъ противорѣчіи дѣйствительности съ выводомъ, основаннымъ на безспорныхъ началахъ. Между тѣмъ, въ постановкѣ вопроса было допущено одно условіе, которое не отвѣчало дѣйствительности.

Весь выводъ сдѣланъ въ томъ предположеніи, что каждый работникъ, получая извѣстный избытокъ, можетъ на этотъ избытокъ, собранный въ капиталъ, основать новое предпріятіе и начать нанимать новыхъ работниковъ. Весь выводъ основанъ на постоянной возможности основывать новыя предпріятія и занимать неограниченное число рабочихъ; а это только возможно, предположивъ территорію страны постоянно растущею экстенсивно или интенсивно, только предположивъ возможность прибывающему населенію находить работу на своей или новой почвѣ. Этой-то послѣдней возможности не представляла европейская жизнь въ томъ размѣрѣ, въ какомъ его требуетъ вопросъ, и вотъ вся причина, почему практита не подтвердила аналитическаго вывода замѣчательнаго экономиста и честнѣйшаго человѣка.

Во всякомъ случаѣ, значитъ, допустивъ такую возможность, мы осуществимъ и возвышеніе рабочей платы до ея естественнаго предѣла тѣмъ ближе, чѣмъ шире становится эта возможность. Въ этихъ видахъ усиленное населеніе служило тѣмъ горькимъ опытомъ, который заставилъ человѣчество расширять пре-

дѣлы своего заселенія. Итакъ, соображеніе инстинкта плодовитости съ случайнымъ положеніемъ отдѣльныхъ странъ было бы вовсе не въ интересахъ самаго населенія этихъ странъ. Умноженіе населенія обезпечиваетъ дальнѣйшую и лучшую судьбу человѣку, чѣмъ его ограниченіе.

Развѣ въ большемъ заселеніи земли мы не видимъ въ будущемъ для человѣчества и бóльшаго богатства и бóльшаго благоустройства и бóльшей цивилизаціи? Развѣ умственныя силы человѣчества не растутъ точно также съ его массой, какъ и сила физическая?

Есть ли же какой бы то ни было поводъ желать такого ограниченія, пока земля не заселилась достаточно и пока тотъ недостатокъ пищи, который можетъ чувствоваться для отдѣльныхъ странъ, не станетъ справедливъ для земли вообще, пока только населеніе отдѣльныхъ странъ можетъ превышать ихъ средства и тѣмъ чаще и скорѣе, чѣмъ онѣ болѣе отрѣзаны, болѣе замкнуты и ограничены? Въ этомъ случаѣ инстинктъ размноженія обращается въ дѣйствительное зло, но кто же виноватъ въ этомъ? Эти ли страны, лишающія себя средствъ разселенія, избѣгающія торговли и сношенія съ другими, или инстинктъ размноженія, который мститъ за уклоненіе отъ естественнаго выхода изъ затруднительнаго положенія открытаго природой? Населеніе Китая, напримѣръ, дѣйствительно превышаетъ его средства. Но кто же виноватъ, если мы, поступая несообразно, получаемъ злые результаты? Не чрезмѣрное развитіе инстинкта размноженія виновато въ чрезмѣрномъ заселеніи Китая, а его замкнутость, безсиліе раскинуть свою цивилизацію и населеніе на большее пространство готовой плодоносной земли, его неразвитость и тупая политика. Но если человѣчество должно проявить наибольшую степень цивилизаціи, богатства, счастія, если все это зависитъ отъ наибольшаго заселенія и обработанности земли, то мы должны съ уваженіемъ смотрѣть на это развитіе стремленія къ размноженію, несообразенное съ средствами минуты и мѣста, но именно гарантирующее дальнѣйшее развитіе человѣчества и спасающее его отъ судьбы Китая.

Итакъ, мы находимъ стремленіе къ усиленному размноженію вполнѣ цѣлесообразнымъ какъ съ прошедшими, такъ и съ настоящими условіями въ положеніи человѣчества. И вмѣсто того, чтобы совѣтовать воздержаніе, мы должны совѣтовать размноженіе, какъ явный источникъ развитія цивилизаціи; земля должна заселяться, и въ этомъ заселеніи человѣчество должно черпать увеличивающуюся силу для борьбы съ природой. Такое заселеніе необходится безъ жертвы и борьбы, и въ послѣднемъ

счетѣ всѣ совѣты воздержанія сводятся къ тому, что выселеніе необходится безъ жертвъ. Съ своей стороны, мы можемъ видѣть теперь, что и воздержаніе не обошлось бы безъ весьма серьезныхъ жертвъ населенію, и сколько бы ни были велики первыя,—послѣднія должны быть несравненно дороже. Выселеніе оканчивается все-таки разростаніемъ человѣчества, возникновеніемъ новыхъ культуръ. Воздержаніе должно окончиться вымираніемъ культуръ существующихъ. Нѣтъ ничего удивительнаго, если, выбирая между двумя родами жертвъ, человѣчество остается при своемъ инстинктѣ размноженія. Далѣе, жертвы, которыя влечетъ за собой воздержаніе, безусловны. О жертвахъ, которыми сопровождается разселеніе, можно еще разсуждать. Разсматривая ихъ подробнѣе, можно видѣть, что однѣ изъ нихъ обусловливаются природой, другія зависятъ прямо отъ человѣка.

Выселяющееся населеніе можетъ встрѣтить болѣе или менѣе трудную дорогу въ новомъ мѣстѣ поселенія, болѣе или менѣе дикія мѣста, заселенныя страшными животными или дикими племенами, и наконецъ, болѣе или менѣе выносливый климатъ. Но, при одинаковости этихъ условій, жертвы, которыми будетъ сопровождаться выселеніе, будутъ различны, смотря по тому, съ какими средствами человѣкъ будетъ выселяться. Если выселеніе будетъ въ одиночку изъ крайней нужды на какой-нибудь лодкѣ, которую можетъ выдолбить человѣкъ, работая одинъ, то будетъ гибнуть одинъ процентъ выселяющихся; но если выселяющіеся будутъ перевозиться обществами на пароходѣ, если они будутъ снабжены оружіемъ, запасами, орудіями для устройства себя на новой почвѣ, то будетъ гибнуть меньшій процентъ выселяющихся. Слѣдовательно, цивилизація, снабжая выселяющихся большими средствами для борьбы съ условіями новой мѣстности, тѣмъ самымъ уменьшаетъ число жертвъ, сопряженныхъ съ выселеніемъ, облегчаетъ самое выселеніе; а чѣмъ болѣе облегчается выселеніе, тѣмъ болѣе средства существованія получаютъ возможность рости пропорціонально размноженію, тѣмъ болѣе возвышается рабочая плата. Но этого мало. Въ новое мѣсто новое населеніе переноситъ за собой и другого рода средства; оно переноситъ тотъ гражданскій опытъ, который пріобрѣло у себя дома, и жизнь начинается на дѣвственной почвѣ при выработанныхъ уже средствахъ не только матеріальной, но и общественной культуры. Человѣчество давно чувствовало все значеніе для себя выселенія. Древнія государства Европы были колоніями, основанными выходцами, и эти колоніи вскорѣ превосходили развитіемъ культуры и гражданскаго быта мѣста своего выхода.

Въ древней Германіи, какъ можно предполагать, выселеніе было дѣломъ правильно организованнымъ. Какъ только ощущался недостатокъ въ пищѣ, младшіе роды обращались въ дружину, которая должна была искать себѣ существованія на сторонѣ. Эти дружины образовывали цѣлыя государства между чуждыми имъ племенами; но между этими государствами и государствами, основанными болѣе поздними выходцами изъ Европы на американскомъ материкѣ, было существенное различіе, выразившееся съ самаго начала болѣе раціональнымъ и экономическимъ направленіемъ народныхъ силъ, большей свободой самого быта.

Это еще только выгоды, которыя достаются на долю выселяющихся.

Выселеніе же, кромѣ пользы для колоніи, приноситъ еще свою существенную пользу также и метрополіи. Метрополія въ плодородіи колоніальной почвы, въ большемъ разнообразіи продукта, который является на мировомъ рынкѣ вслѣдствіе заселенія болѣе разнообразныхъ странъ по ихъ производительности, находитъ средства торговли. Торговля, обмѣнивая произведенія однихъ странъ на другія, уравниваетъ средства отдѣльныхъ странъ. Матеріалъ, которымъ въ избыткѣ богата одна страна, при ея замкнутости не представляетъ для нея никакой цѣнности; заселеніе другихъ странъ, разъ появившись, придаетъ цѣнность этому матеріалу. Нужно ли разъяснять это примѣрами. Страна ваша богата желѣзомъ, у васъ есть руки для его обработки; но вамъ не нужно болѣе орудій, чѣмъ ихъ производится въ данную минуту, а между тѣмъ ваши руки остаются незанятыми, потому что у васъ недостаетъ почвы для производства хлѣба. Но вотъ заселяется другая страна съ избыткомъ почвы, но съ недостаткомъ орудій. Ваши праздныя голодающія руки получаютъ сейчасъ цѣну; онѣ будутъ строить орудія, за которыя вы получите хлѣбъ, котораго недостаетъ у васъ дома, вы пропитаете теперь большее населеніе; другая страна, посредствомъ вашихъ орудій, получаетъ возможность производить тоже количество хлѣба, тратя меньше труда.

Этотъ простой примѣръ, какъ часто онъ ни повторялся въ доказательство выгодъ торговли, заключаетъ въ себѣ весьма существенную общую истину или законъ, на который слѣдуетъ обратить вниманіе. Мы видимъ, что въ результатѣ обмѣна двухъ странъ получается чистая прибыль, чистый плюсъ выгоды или богатства, а не просто обмѣнъ цѣнности съ выгодой для одной стороны, на счетъ невыгоды другой. Откуда получается этотъ плюсъ? Онъ получается, конечно, не на счетъ созданія новыхъ

цѣнностей въ матеріальномъ смыслѣ слова: запасъ даровъ природы или потенціальныхъ средствъ двухъ странъ остался тотъ же, но до начала сношеній цѣнности эти были только потенціальными, какъ бы несуществующими въ экономическомъ и общественномъ смыслѣ; теперь же они стали свободными, живыми, совершающими работу. Такимъ образомъ, торговля имѣетъ свойство освобождать потенціальныя силы природы той или другой страны, увеличивать живую силу человѣчества не на счетъ созданія новыхъ силъ, а на счетъ освобожденія существующихъ. Обратите же болѣе пристальное вниманіе на то, что получается при этомъ. Мы имѣемъ двѣ страны: одна производила и кормила *a* населенія, другая производила и кормила *b* населенія. Обѣ вмѣстѣ кормили слѣдовательно $a+b$ населенія. Но теперь, вслѣдствіе установившихся сношеній между ними, они прокормятъ уже не $a+b$ населенія, а больше. Мы получаемъ слѣдовательно тотъ выводъ, что производительность двухъ странъ, взятыхъ вмѣстѣ, равна не суммѣ ихъ отдѣльныхъ производительностей, а больше этой суммы. Два участка, сложенные вмѣстѣ, даютъ не двойной доходъ, а большій; и производительность земли въ зависимости отъ ея приращенія является функціей, возрастающей по крайней мѣрѣ въ извѣстныхъ предѣлахъ, но количество производства, а по этому самому и количество населенія, возрастающимъ съ расширеніемъ участка не въ простой ариѳметической прогрессіи, какъ это предполагали до сихъ поръ всѣ экономисты, начиная съ Мальтуса, а въ прогрессіи болѣе быстрой. Торговля и заселеніе, словомъ, приносятъ производительности приращеніе, подобное тому, какое приноситъ труду его сочетаніе или раздѣленіе, какъ то называлъ Смитъ, обратившій одинъ изъ первыхъ на него вниманіе. Здѣсь мы встрѣчаемъ, пожалуй, тотъ же передѣлъ труда между отдѣльными странами, по которому, чѣмъ больше и разнообразнѣе заселенное пространство, тѣмъ болѣе отдѣльные виды продукта могутъ производиться и дѣйствительно производятся тѣми именно странами, которыми они могутъ быть произведены всего дешевле, и тѣмъ болѣе стоимость каждаго продукта на міровомъ рынкѣ стремится къ минимуму, а сумма средствъ человѣчества и сумма населенія къ максимуму.

Наглядное объясненіе этого факта можетъ быть дано весьма просто. Взявъ какой-либо отдѣльный участокъ, мы не можемъ разсчитывать, чтобы онъ соединилъ въ себѣ всѣ дары природы въ наивыгоднѣйшей пропорціи; но чѣмъ больше число такихъ участковъ мы будемъ комбинировать, тѣмъ болѣе должна возрастать вѣроятность, что нашъ сложный участокъ представитъ

такую наивыгоднѣйшую комбинацію. Для безконечнаго числа участковъ эта вѣроятность приблизится какъ угодно близко къ достовѣрности, и если разсматривать все земное пространство, подлежащее заселенію, какъ одинъ такой комбинированный участокъ, то онъ долженъ будетъ представить и наибольшее разнообразіе выгодъ.

Послѣ этого очевидно, что сама цивилизація становится функціей численности населенія, и всѣ стремленія стѣснить развитіе народонаселенія равносильны стѣсненію развитія цивилизаціи точно также, какъ и всѣ стѣсненія торговли и сношеній между странами.

Теорія Мальтуса на равнѣ съ теоріей меркантилизма представляется одинаковымъ порожденіемъ узко-территоріальной политики. Одну уничтожилъ Адамъ Смитъ своимъ трактатомъ о народномъ богатствѣ, другая составляетъ еще пока живой анахронизмъ.

Никто не станетъ отрицать, что выводы Мальтуса были основаны на эмпирически вѣрныхъ фактахъ, никто не станетъ отрицать, что переполненіе населенія принадлежало къ ряду случаевъ, вполнѣ возможныхъ въ дѣйствительности. Но постановка и толкованіе этихъ фактовъ, сдѣланные Мальтусомъ, были вполнѣ ложные. Мальтусъ возвелъ эти частные случаи въ общій законъ; между тѣмъ какъ общій законъ, очевидно, тотъ, что самые частные случаи переполненія населенія, съ развитіемъ населенія и сношеній между людьми, должны становиться все менѣе и менѣе возможными. Мальтусовы опасенія могутъ быть, потому, только вѣрны для насильственно-разрозненныхъ, замкнутыхъ заселеній. Но такъ какъ эта разрозненность съ увеличеніемъ самого населенія уступаетъ мѣсто объединенію, то Мальтусовъ законъ оказывается тѣмъ менѣе вѣренъ, чѣмъ болѣе живетъ человѣчество.

Передъ нами есть живые примѣры населеній, гдѣ населеніе мретъ и терпитъ отъ голода среди богатой природы и ростетъ съ поражающей медленностью, и рядомъ другой примѣръ европейскихъ странъ, переполненныхъ, какъ говорится, населеніемъ, гдѣ голодъ составляетъ исключеніе и смертность значительно понижена. Если мы сравнимъ степень быстроты заселенія Америки индѣйцами, съ заселеніемъ ея европейцами, то увидимъ совершенно ясно, какую басню составляетъ предположеніе Мальтуса о наиболѣе быстромъ ростѣ населенія въ началѣ его цивилизаціи. Англія даетъ намъ другой примѣръ успѣха возрастанія населенія съ развитіемъ либеральной политики и торговыхъ сношеній. Населеніе ея, почти остановившееся къ концу прошлаго столѣтія, въ теченіи нынѣшняго получило такое быст-

рое увеличеніе, которому можно по справедливости удивляться. Англія и Америка были первыми, которыя поняли все значеніе для человѣчества средствъ сообщенія. Между тѣмъ сношеніе человѣческихъ населеній далеко не достигло еще своего настоящаго развитія и, можно сказать, находится еще только въ зачатіи. По мѣрѣ ихъ развитія, затрудненія, замѣченныя Мальтусомъ, должны становиться все менѣе и менѣе возможными, и такимъ образомъ одно изъ существеннѣйшихъ экономическихъ затрудненій, которое существуетъ для человѣчества, живущаго врозь, для замкнутаго поселенія разрѣшается само собой по мѣрѣ развитія сношеній. Что можетъ быть здѣсь удивительнаго, — ограничьте еще болѣе предѣлы отдѣльнаго поселенія, замкните его въ кругъ отдѣльнаго рода или семьи, и въ его жизни породится еще болѣе экономическихъ затрудненій и онъ еще ранѣе придетъ къ невозможности замкнутаго существованія. Разъясненіе это бросаетъ нѣкоторый свѣтъ не только на одно экономическое затрудненіе, указанное Мальтусомъ, а на значеніе экономическихъ затрудненій вообще. Во всякомъ случаѣ, мы полагаемъ, что теперь ясно, какое значеніе имѣетъ для человѣческаго развитія *путь*. Онъ составляетъ средство, которое даетъ возможность осуществиться двумъ основнымъ опорамъ производства, сочетанію труда и сочетанію силъ природы и капиталовъ. Человѣчество не можетъ процвѣтать безконечно; но въ настоящее время оно стремится съ возрастающей быстротой къ своей апогеѣ. Вотъ почему изъ всѣхъ, задачъ которыя подлежали разрѣшенію человѣческаго генія, задача сообщеній была всегда самая настоятельная, и съ этой стороны прогрессъ человѣчества въ настоящее время болѣе чѣмъ обезпеченъ. При такой тѣсной связи вопроса о сообщеніяхъ съ вопросомъ населенія мы ограничиваемся нынѣшній разъ однимъ только указаніемъ на важность перваго; обстоятельному же и всестороннему изслѣдованію его мы посвятимъ особую статью.

Ю. Жуковскій.

ПОЗДНЕЕ СЧАСТЬЕ.

Въ рощѣ, весенней листвой неодѣтой,
Въ сумракѣ тучъ, безъ тепла и привѣта,
Пѣсни поетъ день и ночь соловей —
Пѣсни подъ музыку бурь и дождей.

Бѣдный пѣвецъ! что поешь ты въ ненастье?
Или въ душѣ твоей солнце и счастье —
Солнце и счастье свое у пѣвца,
Свѣтлыя пѣсни свои безъ конца?

Скоро пройдетъ этотъ мракъ безразсвѣтный.
Вотъ ужъ и лѣто зарею привѣтной
Яснаго неба румянитъ края....
Что-же умолкла вдругъ пѣсня твоя?

Или на позднее счастье отвѣта
Нѣтъ уже въ сердцѣ остывшемъ поэта?
Или изныла душа до конца?
Или и пѣсень ужъ нѣтъ у пѣвца?

КОСЬБА.

Ночь задумалась надъ нивами,
Надъ густыми сѣнокосами;
Тихо-тихо шепчетъ ивами,
Пахнетъ рожью и березами.

День привелъ съ собою солнышко:
Вечеръ ясный, раззолоченный,
Посулилъ на утро ведрышко
И погасъ, росою смоченный.

Спитъ деревня утомленная —
Спитъ, а завтра съ первой зорькою
Загудитъ неугомонная,
Блеща косами подъ горкою.

И пойдетъ валиться травушка,
Ночью пахнуть сѣномъ скошеннымъ...
Ты не трудъ, косьба — забавушка, —
Лѣтнимъ ведромъ, гостемъ прошеннымъ.

П. Ковалевскій.

ОТРЫВКИ

изъ

ВОСПОМИНАНІЙ

Крымская война: 1853—54 г.

Полжизни пришлось мнѣ провести въ странахъ, обозначаемыхъ общимъ названіемъ европейскаго Востока, а именно: въ Турціи, Греціи, Сербіи и Румынскихъ княжествахъ. Прослуживъ болѣе двадцати лѣтъ тамъ, гдѣ сосредоточиваются существенные интересы внѣшней политики Россіи, мнѣ случалось сталкиваться со многими замѣчательными личностями, быть свидѣтелемъ событій, занимающихъ уже мѣсто въ исторіи, и даже принимать въ нѣкоторыхъ изъ нихъ хотя мало замѣтное, но дѣятельное участіе. Въ это время, накопилось въ памяти не мало воспоминаній; но, по обычаю дипломатовъ, я хранилъ ихъ до сихъ поръ *in scriniis pectoris*. Къ сожалѣнію, не имѣлъ я привычки записывать происходившія вокругъ меня событія. Впрочемъ, пока я служилъ на Востокѣ, въ томъ почти не было и надобности: частыя сношенія съ лицами, принимавшими участіе въ этихъ событіяхъ, постоянное занятіе дѣлами, которыя, въ отечествѣ *кейфа*, двигаются медленно, измѣняются незамѣтно,— словомъ, вся ежедневная обстановка безпрерывно оживляла воспоминанія молодости.

Недавно судьба перекинула меня съ береговъ Босфора на берега Невы. Тутъ не много людей исключительно интересую-

щихся восточными дѣлами, еще менѣе близко знакомыхъ съ ними. Тутъ, какъ и во всѣхъ большихъ центрахъ, вопросы внутренней и внѣшней политики представляются въ размѣрахъ болѣе обширныхъ, въ формахъ болѣе общихъ. Тутъ скоро замѣчаешь, что годы и треволненія жизни быстро уносятъ спеціальныя подробности прошедшаго, безслѣдно изглаживаютъ мелкія воспоминанія.

То, что́ мнѣ случалось видѣть и слышать, принадлежитъ, повторяю чистосердечно, къ разряду такой мелочи. Но изъ этой-то именно мелочи личныхъ наблюденій и составляется мало-помалу капиталъ опыта, который, чтобы принести пользу, долженъ быть достояніемъ не одного, а многихъ. Пытаясь въ первый разъ передать бумагѣ отрывочно и безъискусственно излагаемыя воспоминанія, не имѣю ни малѣйшаго притязанія выдавать ихъ за серьёзные матеріалы для исторіи политическихъ событій. Прошу заранѣе снисхожденія читателей къ этимъ бѣглымъ очеркамъ, которыхъ единственный интересъ состоитъ въ томъ, что они относятся въ особенности къ личности, пользовавшейся въ Россіи большою извѣстностью. Приступая къ разсказу двухъ встрѣчъ моихъ съ княземъ А. С. Меншиковымъ, желаю, чтобы тѣ изъ бывшихъ моихъ сослуживцевъ, которымъ придется послѣ меня подвизаться на поприщѣ восточной дипломатіи, дѣлали то, чего я не могъ сдѣлать, т.-е. записывали бы все, что имъ случится узнать или замѣтить въ этой своеобразной и любопытной средѣ. Пусть соотечественники наши подражаютъ въ этомъ отношеніи англійскимъ дипломатамъ. Дневники нѣкоторыхъ изъ послѣднихъ, какъ напримѣръ Эдейра и Мальмсбери (Джона Гарриса) пользуются заслуженною извѣстностью. Въ особенности записки Мальмсбери, становящіяся въ наше время почти библіографическою рѣдкостью, считаются и до сихъ поръ образцомъ дипломатическаго слога и наблюдательности.

Пишущему же эти строки, много лѣтъ спустя послѣ припоминаемыхъ событій, пусть будетъ дозволено взять вмѣсто эпиграфа слова Овидія:

Si fuit errandum, causas habet error honestas.

I.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ возникли, проявлявшіяся и прежде не разъ, недоразумѣнія и распри между православными и католиками за обладаніе и пользованіе Святыми мѣстами Палестины. Между прочимъ, поводомъ къ взаимнымъ препираніямъ

служили вопросы о нѣкоторыхъ святилищахъ вблизи св. Гроба, въ Іерусалимѣ, о допущеніи католиковъ въ Геѳсиманскую пещеру и объ обладаніи ключами храма Рождества Христова, въ Виѳлеемѣ. Послѣ долгихъ и трудныхъ переговоровъ съ Портою, посланникъ нашъ въ Константинополѣ, В. П. Титовъ, успѣлъ достигнуть подтвержденія правъ православныхъ. Въ ихъ пользу былъ изданъ ферманъ, который обнародовать въ Іерусалимѣ поручено было канцлеру Дивана Афифъ-бею. Весною 1852 г., г. Титовъ уѣхалъ въ отпускъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, тоже сдѣлалъ и французскій посолъ, маркизъ Лавалетъ. Между тѣмъ, Афифъ-бей подъ разными предлогами медлилъ чтеніемъ фермана; какъ вдругъ, вскорѣ послѣ проѣзда Лавалета черезъ Марсель, въ одной изъ тамошнихъ газетъ появилось извѣстіе, что въ пользу католиковъ выданъ новый, вполнѣ благопріятный имъ ферманъ, и что даже коммиссару Порты предписано передать ключи главной (западной) двери Виѳлеемскаго храма латинскому патріарху. Вскорѣ русская миссія, и прежде подозрѣвавшая обманъ, и Іерусалимскій патріархъ убѣдились въ основательности этого неожиданнаго извѣстія. Блаженнѣйшій Кириллъ немедленно написалъ письмо къ всероссійскому синоду съ просьбою о защитѣ, о поддержаніи попираемыхъ правъ матери Церквей. Повѣренный въ дѣлахъ А. П. Озеровъ, сдѣлавъ энергическія замѣчанія Портѣ, отправилъ въ Петербургъ посланіе патріарха, подкрѣпивъ его съ своей стороны. Хотя миссія наша и объявила турецкому министру иностранныхъ дѣлъ, что по важности происшествій, случившихся въ Іерусалимѣ, она должна была представить ихъ на усмотрѣніе своего правительства и будетъ ожидать дальнѣйшихъ указаній, тѣмъ не менѣе она дѣятельно повторяла свои настоянія. Обнадеживаемая французами, Порта надѣялась однако, что и въ этотъ разъ дѣло обойдется, въ крайнемъ случаѣ, также мирно какъ въ 1849 г., когда, по поводу вопроса о польскихъ и венгерскихъ выходцахъ, мы, прервавъ дипломатическія сношенія, чрезъ нѣсколько недѣль возстановили ихъ, удовольствовавшись маловажнымъ удовлетвореніемъ. Всѣ знакомые съ Востокомъ знаютъ, что тамъ лучше не дѣлать ни шагу, нежели, двинувшись впередъ, отступать. Поэтому-то люди, слѣдившіе вблизи за ходомъ нашей политики въ Турціи, видѣли въ происшествіи 1849 г. предзнаменованіе тѣхъ испытаній, которыя готовилъ намъ 1853-й годъ.

Но возвратимся къ нашему предмету, прося еще разъ читателей не искать въ нашемъ разсказѣ полной и подробной исторіи важныхъ событій, разыгравшихся кровопролитною восточною войною: такой трудъ не по силамъ пишущему эти строки,

да можетъ быть и вообще для исполненія его еще не настало время.

Январь 1853-го года прошелъ спокойно въ Стамбулѣ. Почтовыя сообщенія съ Россіею были тогда очень медленны, телеграфовъ не существовало; для полученія отвѣта изъ Петербурга нужно было, такимъ образомъ, не менѣе мѣсяца. Въ началѣ февраля, миссія получила приказаніе воздерживаться отъ политическихъ сношеній съ Портою, впредь до дальнѣйшихъ распоряженій, и ограничиваться по возможности веденіемъ, такъ-называемыхъ, текущихъ дѣлъ. При этомъ случаѣ, въ первый разъ было примѣнено къ тогдашнему министру иностранныхъ дѣлъ Фуаду-эфенди, нерѣдко повторенное впослѣдствіи и не одними нами, названіе лукаваго министра (ministre fallacieux). Затѣмъ, въ Перѣ вновь наступило спокойствіе, правда относительное, ибо предчувствія грозы уже начинали проявляться.

Эти предчувствія сдѣлались замѣтнѣе, когда, около половины февраля, прибылъ въ Константинополь адъютантъ князя Меншикова, полковникъ Сколковъ, съ извѣстіемъ, что вслѣдъ за нимъ пріѣдетъ его начальникъ, въ званіи чрезвычайнаго посла. Какъ ни заботились члены миссіи о сохраненіи этой вѣсти въ тайнѣ, она однако быстро разнеслась по обоимъ берегамъ Босфора. На другой же день, передъ русскимъ посольскимъ дворцомъ начали собираться и останавливаться группы любопытныхъ. Вскорѣ къ жителямъ ближайшихъ предмѣстій стали присоединяться пришельцы изъ отдаленныхъ кварталовъ: греки изъ Фанаря, Псамматіи и Эксе-Мармара, большею частью народъ рабочій, робкіе армяне изъ Кумкапу, даже промышленные евреи изъ Хаскёя и Балаты,—весь этотъ разнообразный и разноязычный людъ покидалъ свои занятія и стекался къ *Quattro-strade*, перекрестку близъ зданій русской миссіи. Толпа не уменьшалась замѣтно даже ночью; среди ея появились продавцы бубликовъ и жирныхъ пироговъ, жаренаго гороха, рисоваго киселя и другихъ восточныхъ лакомствъ. Всякій громко выхвалялъ свой товаръ, но крики продавцевъ не заглушали толковъ покупателей о предстоявшемъ зрѣлищѣ. Къ утру 16-го февраля, дня, въ который ожидали посла, главная Перская и прилегающія къ ней улицы сдѣлались рѣшительно непроходимыми. Среди этого добровольно собравшагося народа, одни только *забтіе*, неуклюжіе полицейскіе солдаты въ протертыхъ до-бѣла, нѣкогда темнозеленыхъ кафтанахъ, съ огромными тесаками за спиною, явились не по своей охотѣ, а для порядка. Они, то вяло влачили по мостовой свои громадные подкованные башмаки; то, утомленные

исполненіемъ перипатетическаго долга, усаживались на корточкахъ вдоль стѣнъ курить *чубуки отдохновенія.*

Между тѣмъ, повѣренный въ дѣлахъ вышелъ на пароходѣ въ Черное море, на встрѣчу приближавшемуся послу; а послѣ полудня, члены нашей миссіи и русскіе подданные начали собираться у пристани Топханэ. Но и тамъ они были не одни: по берегу моря и въ Золотомъ Рогѣ, не только по улицамъ, на площади и въ каикахъ (лодкахъ), но даже на крышахъ прибрежныхъ домовъ напряженно ждали многочисленныя толпы народа. Случилось, что въ то время, при входѣ въ живописную гавань Константинополя, стояли, кромѣ брандвахты, нѣсколько другихъ судовъ турецкаго флота, австрійскій военный корветъ и пароходы, состоявшіе въ распоряженіи иностранныхъ посольствъ. Громъ пушекъ всѣхъ этихъ судовъ и береговыхъ батарей смѣшался съ криками народа,—въ Стамбулѣ обыкновенно равнодушнаго и сдержаннаго, когда передъ султанскимъ дворцомъ Долмабагче показался нѣкогда величественный, а нынѣ давно не существующій «Громоносецъ», подъ посольскимъ флагомъ; за нимъ слѣдовалъ другой военный пароходъ «Бессарабія».

Лишь только якорь былъ брошенъ, князь Меншиковъ съѣхалъ на берегъ и въ открытой коляскѣ поднялся въ Перу, сопровождаемый русскою колоніею верхомъ на лошадяхъ и толпою любопытныхъ, бѣжавшею за поѣздомъ. По мѣрѣ того, какъ онъ подвигался, его встрѣчали восторженными криками; большинство ожидавшихъ снимало шапки, нѣкоторые осѣняли даже себя крестнымъ знаменіемъ.

Когда князь въѣхалъ во дворъ миссіи, стоявшіе въ первыхъ рядахъ, насмотрѣвшись вдоволь, отступили; ихъ мѣсто занимали постепенно другіе изъ заднихъ рядовъ, до того мало видѣвшіе. Когда публика передъ воротами перемѣнилась, нѣкоторые изъ приблизившихся увидѣли прохаживавшагося по двору швейцара Боско, далматинца, съ огромными усами, въ треугольной шляпѣ, въ ливреѣ обшитой галунами, съ серебряною булавою въ рукѣ.

— Не посолъ ли это? пронеслось шопотомъ въ толпѣ.

— Какой посолъ? возразили другіе по-опытнѣе. Эхъ вы *аджеми*, неучи! Это не посолъ, а *капуджи*, привратникъ.

— Ну, коли у привратника такая булава, замѣтили остряки, то какова же должна быть та, которою русскій посолъ погрозитъ нашимъ пашамъ?

Въ самомъ дѣлѣ, любопытно посмотрѣть, что происходитъ въ это время въ Портѣ. Изъ всѣхъ православныхъ жителей Стамбула, можетъ быть, только у одного въ головѣ промелькнула эта

мысль. Это былъ Николаки А..., занимавшій важное мѣсто въ патріархіи и имѣвшій также свободный доступъ и въ Порту и въ кое-какія посольства. Это былъ въ полномъ смыслѣ типъ, нынѣ постепенно исчезающій,—типъ ловкаго фанаріота, ставившаго задачею жизни искусное угожденіе «и нашимъ, и вашимъ».

«Понавѣдаюсь-ка я къ пріятелямъ», подумалъ съутра Николаки-эфенди, и надѣвъ, по обыкновенію, двѣ три шубы сверхъ оффиціальнаго долгополаго кафтана, прикрывавшаго нѣсколько разноцвѣтныхъ душегрѣекъ, поплелся въ высокую Порту съ намѣреніемъ *потереть лицо въ пыли порога благополучія.*

Освѣдомившись, какъ слѣдовало, у *мюхюрдаровъ* (хранителей печатей) о состояніи священнаго *кейфа* разныхъ сильныхъ міра сего, нашъ византійскій дипломатъ дождался времени появленія русскихъ пароходовъ. Увидавъ изъ оконъ, что они прошли за̀мки на срединѣ Босфора, онъ отправился въ залу совѣта министровъ, которые прикидывались, что занимались дѣлами. Въ сущности же, поджавъ ноги на софахъ и перебирая руками чётки, они сидѣли въ глубокомъ раздумьи и, безсознательно куря длинныя трубки, не обращали вниманія на докладъ *кятиба* (секретаря).

Подъ шумокъ монотоннаго чтенія, Николаки-эфенди проскользнулъ подъ приподнятый край дверной завѣсы и, какъ человѣкъ знающій приличія, вмѣсто того, чтобы идти прямо къ софѣ, стоявшей у оконъ, сталъ пробираться обходомъ вдоль стѣны, тщательно прикрывая полами, также по обычаю, если не ступни ногъ, что̀, увы, уже невозможно при новомодной турецкой одеждѣ, то по крайней мѣрѣ колѣни. Онъ окончилъ свое фланговое движеніе и незамѣтно очутился передъ предсѣдателемъ совѣта, старымъ Реуфъ-пашею, въ ту самую минуту, когда первый выстрѣлъ салюта русскому флагу раздался въ Золотомъ Рогѣ.

При этомъ потрясающемъ звукѣ, полусонные министры встрепенулись.

Шейхъ-уль-исламъ, погладивъ сѣдую бороду, произнесъ: *ля хавля ве ля кувввта илла биллахи-эль-али элазимъ*! нѣтъ власти, ни силы, кромѣ какъ у Бога, всевышняго, великаго!

Реуфъ-паша, быстро окинувъ взоромъ собраніе, наткнулся на византійца, смиренно отвѣшивавшаго *теменна* [1]) на всѣ стороны. Забывъ высокомѣрную холодность, съ которою правовѣрные обы-

---

[1]) *Теменна*, привѣтствіе по турецкому обычаю, состоящее въ наклоненіи тѣла и направленіи правой руки къ землѣ, къ сердцу и ко лбу.

кновенно обращаются съ христіанами, предсѣдатель вскочилъ съ софы и простеръ объятія къ улыбающемуся *раѣ*.

— Николаки, другъ нашъ, воскликнулъ паша въ смущеніи. Что́ съ нами будетъ? и, не дожидаясь отвѣта, прибавилъ скороговоркою: садись, ягненокъ мой, и скажи, имѣешь ли ты какія-нибудь свѣдѣнія объ этомъ московскомъ послѣ; *аллахъ беласыны версынъ*! пошли ему Богъ хлопоты! Что онъ за человѣкъ?

— Человѣкъ онъ не опасный; нѣчто въ родѣ русскаго *топалъ-паши*[1]), скромно отвѣтилъ Николаки.

— Такъ ли? запросили наперерывъ нѣсколько успокоенные турки.

— Поистинѣ такъ.... если Богу угодно.

Министры хотѣли подробнѣе разспросить опытнаго собесѣдника, но онъ ловко уклонился.

— *Бенделеринэ дестуръ*, слугѣ вашему позволеніе (удалиться), произнесъ онъ и поторопился воспользоваться имъ, сопровождаемый прощальными привѣтствіями.

Послѣ этой сцены, которой было достаточно для хитраго византійца, чтобъ понять настроеніе турецкихъ сановниковъ, онъ, подъ прикрытіемъ наступавшей темноты, поспѣшно поѣхалъ въ русскую миссію и тамъ шепнулъ кому слѣдовало: «турки-де въ смятеніи».

Эта личность играла вообще малоизвѣстную, но значительную роль при дальнѣйшемъ развитіи тогдашнихъ событій. Предоставляя болѣе искусному перу описаніе ея разнообразныхъ подвиговъ, перехожу опять къ своимъ анекдотическимъ воспоминаніямъ.

Во время посольства князя Меншикова, я учился въ Константинополѣ восточнымъ языкамъ, а свободное отъ уроковъ время, съ дозволенія повѣреннаго въ дѣлахъ, посвящалъ практическимъ занятіямъ въ драгоманатѣ миссіи. Такимъ образомъ, еще до пріѣзда посла, я могъ ознакомиться съ сущностью вопросовъ, которые скоро должны были вызвать со стороны нашего правительства рѣшительный дипломатическій шагъ. Первый драгоманъ миссіи, почтенный г. Аргиропуло, оказывавшій мнѣ живое участіе и особое довѣріе, продиктовалъ мнѣ переводъ съ упомянутаго выше, писаннаго на греческомъ языкѣ, посланія

---

[1]) Хромой-паша. Это—прозваніе, подъ которымъ былъ извѣстенъ нѣкогда могущественный любимецъ султана Махмуда, Хосревъ. Въ описываемую эпоху дряхлый впавшій въ дѣтство Хосревъ, не былъ уже никому страшенъ. Приводимымъ сравненіемъ Николаки хотѣлъ намекнуть, что Меншиковъ, также прихрамывавшій вслѣдствіе раны, не страшнѣе своего турецкаго современника и пріятеля.

іерусалимскаго патріарха къ нашему синоду. По этому случаю, хотя въ то время я еще не имѣлъ никакого оффиціальнаго положенія въ миссіи, мнѣ ближе, можетъ быть, нежели многимъ другимъ, выше поставленнымъ, были извѣстны причины и цѣль посольства князя Меншикова. Въ продолженіе веденныхъ имъ переговоровъ, которыми я, разумѣется, интересовался съ любопытствомъ, свойственнымъ молодости, мнѣ удавалось знакомиться не только съ общимъ ихъ ходомъ и съ относившимися къ нимъ документами, нынѣ принадлежащими исторіи, но и съ такими бумагами, которыя, по обстоятельствамъ, остались безъ послѣдствій.

Однако, прежде чѣмъ перейти къ разсказу одного изъ такихъ случаевъ, для сохраненія нѣкоторой послѣдовательности въ изложеніи, приведу воспоминанія свои о первой встрѣчѣ съ княземъ Меншиковымъ, послѣ оффиціальнаго ему представленія.

Нѣсколько дней спустя послѣ пріѣзда, посолъ далъ знать верховному визирю, что желаетъ имѣть съ нимъ *частное*, дружеское свиданіе и проситъ назначить для того день. Визирь не понялъ хорошо этого оттѣнка и отвѣтилъ любезно, что всякое свиданіе съ посломъ сочтетъ за особенную честь и удовольствіе.

Въ назначенный для свиданія день, около полдня, я говорилъ съ знакомымъ во дворѣ посольскаго дома, у подъѣзда котораго стояла открытая коляска. Тутъ я увидѣлъ князя Меншикова, когда онъ садился въ нее, въ сопровожденіи повѣреннаго въ дѣлахъ, А. П. Озерова, совѣтника посольства, графа Д. К. Нессельроде, и перваго драгомана миссіи, Е. Я. Аргиропуло. Всѣ они были во фракахъ и въ пальто. На князѣ, сверхъ фрака съ андреевскою звѣздою, былъ надѣтъ родъ темносиняго короткаго плаща или каррика, съ нѣсколькими отложными воротниками; это—то̀ знаменитое пальто, о которомъ такъ много писали европейскія газеты.

О томъ, что̀ произошло въ этотъ день въ Портѣ, дополняю по разсказамъ очевидцевъ. Когда князь въѣхалъ во дворъ зданія, занимаемаго главными турецкими управленіями, его привѣтствовала музыка выстроенныхъ тамъ войскъ. При выходѣ изъ коляски посла приняли два маленькіе и толстенькіе сановника въ мундирахъ; это были: Камиль-бей, оберъ-церемоніймейстеръ, и Нуреддинъ-бей, первый драгоманъ Дивана; они повели его по длинному корридору верхняго этажа, въ концѣ котораго находилась пріемная зала верховнаго везиря. Князь шелъ все время въ плащѣ, предполагая, конечно, что передъ залою будетъ, по крайней мѣрѣ, передняя, гдѣ можно снять верхнюю одежду, ко-

торая въ то время года, въ нетопленныхъ корридорахъ, была необходима. Когда онъ дошелъ до конца коридора, приподнялась вышитая завѣса изъ чернаго сукна[1]) и подъ нею, на порогѣ, показался верховный везирь, красивый Мехмедъ-Али-паша, въ мундирѣ съ орденами. Прежде, нежели подойти къ нему, посолъ снялъ плащъ и перекинулъ его черезъ лѣвую руку, а потомъ, сѣвъ въ углу софы, положилъ подлѣ себя.

Разговоръ съ верховнымъ везиремъ, незнавшимъ никакого европейскаго языка, продолжался не болѣе четверти часа. Увѣряли послѣ, что при этомъ былъ сдѣланъ намекъ на невозможность приступить къ переговорамъ съ Фуадомъ-эфенди, потерявшимъ довѣріе Россіи съ тѣхъ поръ, какъ онъ склонилъ султана измѣнить своему обѣщанію по вопросу о святыхъ мѣстахъ. Когда князь вышелъ, рядомъ съ нимъ шелъ, съ одной стороны везирь, а съ другой первый драгоманъ миссіи. Подходя къ пріемной министра иностранныхъ дѣлъ, находившейся лишь въ нѣсколькихъ шагахъ направо по корридору, Мехмедъ-Али-паша черезъ драгомана напомнилъ, что тутъ комната министра иностранныхъ дѣлъ, указывая при этомъ на Фуада-эфенди, стоявшаго въ мундирѣ у порога. Пока драгоманъ передавалъ слова везиря, посолъ прошелъ мимо министра, какъ бы не замѣчая его. Завѣса опустилась. Первое министерство Фуада-эфенди кончилось: въ тотъ же день онъ подалъ въ отставку.

Вскорѣ по возвращеніи посла въ Перу, услужливый Николаки привезъ извѣстіе объ этомъ въ посольство. Въ теченіе слѣдующихъ дней не разъ появлялся онъ съ разными свѣдѣніями и предложеніями. Наконецъ, султанъ назначилъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Рифаата-пашу, считавшагося благопріятно расположеннымъ къ Россіи.

Князь Меншиковъ рѣшился приступить къ переговорамъ съ новымъ министромъ и въ началѣ ихъ хотѣлъ возстановить, по причинѣ мнѣ неизвѣстной, давно оставленный обычай вести дипломатическую переписку съ Портою не на французскомъ, а на турецкомъ языкѣ. Учась этому языку въ Константинополѣ, гдѣ особенное вниманіе обращается не только на красоту слога, но и почерка, я считался въ то время однимъ изъ лучшихъ каллиграфовъ между нашею молодежью. Вслѣдствіе этого обстоятельства, старшій драгоманъ, подъ величайшимъ секретомъ, поручилъ мнѣ переписать первую записку посла. Она была такъ пространна, что я употребилъ на эту работу почти весь день 3-го

[1]) Въ турецкихъ домахъ такія завѣсы замѣняютъ обыкновенно двери.

марта и исписалъ цѣлый листъ лощеной турецкой бумаги, величиною въ наши рисовальные, квадратныхъ фута четыре.

Въ этомъ документѣ заключалось, во-первыхъ, подробное изложеніе жалобъ русскаго правительства, между которыми главное мѣсто занимало нарушеніе даннаго султаномъ обѣщанія; а во-вторыхъ, самыя разнообразныя требованія не только о возстановленіи условленнаго въ 1852 году соглашенія касательно святыхъ мѣстъ Палестины, но и вообще объ обезпеченіи религіозныхъ и политическихъ правъ православныхъ подданныхъ султана. Такъ, между прочимъ, требовалось, чтобъ по первому заявленію русской миссіи, Порта выдавала немедлѐнно ферманы на починку и постройку православныхъ церквей вездѣ въ Турціи, гдѣ бы ни пожелали наши единовѣрцы.

Проведя нѣсколько дней въ размышленіи надъ врученнымъ ему документомъ, Рифаатъ-паша, запинаясь, объявилъ, наконецъ, первому драгоману миссіи, что, искренно желая успѣха начатыхъ переговоровъ, онъ не рѣшается представить султану требованія, касавшіяся не только дѣлъ, подавшихъ поводъ къ недоразумѣнію, но и главнѣйшихъ верховныхъ правъ его величества. Въ то же время, министръ признался одному изъ своихъ пріятелей, что еслибъ султанъ принялъ хоть третью часть русскихъ требованій, то ему не осталось бы ничего болѣе, какъ отречься отъ престола, удалиться въ Мекку и посвятить остатокъ жизни на отмаливаніе своихъ грѣховъ.

Въ виду такого сопротивленія, посолъ рѣшился раздѣлить переговоры на двѣ части и начать съ обсужденія вопроса собственно о святыхъ мѣстахъ, предоставляя себѣ лишь въ случаѣ успѣха заявить вновь требованіе объ общемъ обезпеченіи на будущее время правъ христіанъ. Продолжая, однако, не довѣрять добросовѣстности переводчиковъ Порты, которыхъ онъ считалъ за людей преданныхъ прежнему министру Фуаду, князь Меншиковъ писалъ послѣдующія свои ноты на французскомъ языкѣ, но прилагая къ каждой изъ нихъ турецкій переводъ.

Дѣйствуя сообразно своему новому плану, онъ надѣялся, повидимому, найти поддержку со стороны англійскаго посла, лорда Стратфорда Редклифа, котораго возвращенія въ Константинополь скоро ожидали. Такая надежда не была лишена нѣкотораго основанія, ибо Англія не была прямо заинтересована въ вопросѣ о Святыхъ мѣстахъ. Касательно этого вопроса собственно надежда князя сбылась: лордъ Редклифъ дѣйствительно совѣтовалъ туркамъ сдѣлать всевозможныя уступки православнымъ въ Палестинѣ. Вскорѣ ферманы, подтвердившіе соглашеніе 1852 года, были изготовлены и должны были быть оффиціально сообщены

русской миссіи. Тогда Редклифъ, ссылаясь на необходимость успокоить общественное мнѣніе въ Англіи, уговорилъ даже князя Меншикова написать ему благодарственное письмо за содѣйствіе къ удовлетворительному окончанію вопроса о Святыхъ мѣстахъ.

Князь, однако, не считалъ его еще оконченнымъ. Помня, что султанскій ферманъ былъ уже однажды нарушенъ, онъ придумывалъ, какъ бы обезпечить исполненіе обѣщаній турецкаго правительства. Эта мысль не покидала его съ самаго начала переговоровъ. Замѣтивъ, что турки не хотятъ утвердить обѣщанія султана своимъ подданнымъ, посредствомъ формальнаго договора съ иностранною державою, и опасаясь, что въ этомъ отношеніи и Англія присоединится къ турецкому воззрѣнію, посолъ пріискивалъ самую легкую форму международнаго обязательства.

Онъ совѣтовался по этому предмету съ драгоманами миссіи. Наконецъ, кажется послѣ половины марта, призвалъ однажды и меня, хотя я былъ тогда только ученикомъ восточной премудрости. Наединѣ онъ сдѣлалъ мнѣ родъ экзамена, приказавъ перевести на турецкій языкъ названія разнообразныхъ международныхъ актовъ, употребляемыхъ Портою, и разспросивъ подробно объ отличительныхъ оттѣнкахъ каждой изъ перечисленныхъ формъ. Разговоръ продолжался около получаса. Несмотря на разность положеній и лѣтъ, князь слушалъ меня внимательно. Я замѣтилъ, что онъ остановился особенно на *сенедахъ* (родъ объяснительныхъ конвенцій) и велѣлъ мнѣ привести примѣры такихъ актовъ. Я упомянулъ о *сенедѣ*, подписанномъ между Австріею и Турціею въ 1784 году, и о двухъ заключенныхъ между Россіею и Турціею въ Айнали-Кавакѣ, въ 1779 году, и въ Балта-Лиманѣ, въ 1849 году.

Изъ разспросовъ князя я убѣдился, что онъ былъ знакомъ съ техническими подробностями возложеннаго на него порученія чуть ли не болѣе многихъ настоящихъ дипломатовъ.

Послѣ того, мнѣ пришлось еще разъ видѣться съ княземъ Меншиковымъ, — вотъ по какому случаю.

Въ Перѣ мало развлеченій, особенно для дѣлового человѣка: почти единственное средство для иностранныхъ дипломатовъ разсѣяться, забыть на время оффиціальныя заботы, состоитъ въ прогулкахъ по окрестностямъ. Князь Меншиковъ тоже ѣздилъ иногда верхомъ. Однажды онъ встрѣтилъ въ открытомъ полѣ султана, ѣхавшаго въ кабріолетѣ, сопровождаемомъ отрядомъ кавалеріи. Абдуль-Меджидъ былъ вообще менѣе доступенъ, нежели его братъ, нынѣ царствующій Абдуль-Азизъ, старающійся во многомъ подражать христіанскимъ государямъ, съ тѣхъ поръ,

какъ побывалъ въ Европѣ. Въ описываемое время, напримѣръ, султанъ никому не кланялся; особенною милостью считалось, если онъ на минуту останавливалъ на комъ-либо взоръ. Зная строгость тогдашняго турецкаго этикета, посолъ былъ неожиданно пораженъ, когда, поравнявшись съ нимъ, султанъ остановилъ экипажъ и, привѣтливо улыбаясь, указалъ на мѣсто возлѣ себя. Князь тоже остановился и снялъ шляпу. Султанъ сказалъ что-то по-турецки, но тутъ не было никого, кто могъ бы перевести слова падишаха. Тѣмъ дѣло и кончилось.

Съ тѣхъ поръ, князь не выѣзжалъ иначе, какъ въ сопровожденіи одного изъ драгомановъ миссіи; а такъ какъ имъ было и безъ того довольно работы, то однажды выпало на мою долю сопровождать его.

Мы выѣхали на высоты за Большимъ Фламуромъ. Оттуда открывается величественный видъ обоихъ береговъ Золотого Рога, несравненная панорама всего Константинополя, освѣщаемаго заходящимъ солнцемъ. Князь стоялъ въ раздумьи.

— Какое великолѣпное зрѣлище, замѣтилъ я.

— Да, отвѣтилъ онъ и, вздохнувъ, прибавилъ: долго-ли мнѣ придется имъ наслаждаться? кто знаетъ, въ какихъ обстоятельствахъ я съ нимъ разстанусь?

Это было, если не ошибаюсь, въ концѣ марта, когда переговоры уже начинали запутываться.

Послѣ того, я видѣлъ князя Меншикова только мелькомъ, когда, въ началѣ апрѣля, отправляя меня въ Дарданеллы, для занятія должности драгомана консульства, онъ поручалъ мнѣ ѣздить иногда въ бухту Бешикъ, куда собирался англо-французскій флотъ, и наблюдать за движеніями иностранныхъ судовъ.

II.

Еще разъ и уже въ послѣдній разъ случилось мнѣ видѣть князя Меншикова, но въ совершенно иной обстановкѣ. Въ Константинополѣ, я оставилъ его въ великолѣпномъ посольскомъ дворцѣ, одушевляемаго надеждою на успѣхъ,—надеждою тогда еще не вполнѣ потерянною. Черезъ полтора года, въ Крыму, съ трудомъ отыскалъ я на бивуакѣ близъ Бельбека главнокомандующаго арміи, потерпѣвшей пораженіе. Въ эти полтора года, мнѣ случилось быть въ другой средѣ свидѣтелемъ иныхъ событій, которыхъ не стану примѣшивать къ настоящему разсказу.

Послѣ кампаніи на Дунаѣ, войска наши стояли, осенью 1854 года, на квартирахъ въ Бессарабіи. Главная квартира главнокомандующаго, князя М. Д. Горчакова, при дипломатической канцеляріи котораго я служилъ тогда, находилась въ Кишеневѣ.

Въ первыхъ числахъ сентября получено было извѣстіе о высадкѣ непріятелей близъ Евпаторіи; а вскорѣ разнесся смутный слухъ объ одержанной ими побѣдѣ и о движеніи на Севастополь. О томъ, что̀ сдѣлалось съ нашею крымскою арміею, не было никакихъ положительныхъ извѣстій.

Князь Горчаковъ, забывая объ опасностяхъ, которыя могли угрожать ему самому со стороны турокъ и австрійцевъ, немедленно сдѣлалъ распоряженіе объ отправленіи въ Крымъ 12-й (если не ошибаюсь) пѣхотной дивизіи. Чтобъ ускорить прибытіе ея туда, главнокомандующій воспользовался подводами, предложенными нѣмецкими колонистами Новой Россіи. Такимъ образомъ, войска, очередуясь, частью шли пѣшкомъ, частью ѣхали на повозкахъ, или же клали на нихъ свои ранцы и тяжести.

Съ извѣстіями объ этихъ распоряженіяхъ я былъ отправленъ, въ десятыхъ числахъ сентября, курьеромъ къ князю Меншикову. Вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ было поручено собрать подробныя, по возможности, свѣдѣнія о положеніи арміи и Севастополя, послѣ сраженія.

Выѣхавъ изъ Бахчисарая, я началъ обгонять по дорогѣ самыя разнообразныя группы пѣшеходовъ: тутъ были солдаты разныхъ полковъ, казаки, матросы, женщины, дѣти. Все это шествіе направлялось къ Севастополю. Всякій несъ въ рукахъ или за плечами, кто мѣшокъ, кто какіе-то узелки, кто домашнюю посуду и утварь, кто болѣе и менѣе поврежденную мебель. У многихъ изъ прохожихъ спрашивалъ я: гдѣ главная квартира арміи? Всѣ отвѣчали неохотно или уклончиво: «не могимъ знать, кто ее знаетъ, почемъ намъ знать».

На станціи Дуванкѣй (послѣдней передъ Севастополемъ), куда я пріѣхалъ послѣ полудня, господствовало такое же почти невѣдѣніе касательно мѣстъ расположенія арміи. При видѣ курьерской подорожной, станціонный смотритель вспомнилъ однако, что одинъ изъ его ямщиковъ возилъ наканунѣ курьера къ главнокомандующему. Этого ямщика-татарина отъискали. Пока онъ запрягалъ лошадей въ телѣгу, я распросилъ смотрителя о встрѣченномъ мною шествіи.

— Что это за хламъ несутъ они, спросилъ я.

— Кто ихъ знаетъ? должно быть что̀ кто успѣлъ подобрать въ домахъ, покинутыхъ помѣщиками на Качѣ и на Бельбекѣ, послѣ сраженія.

— Куда же они несутъ эти вещи?

— Вѣрно въ Севастополь на сохраненіе, заключилъ смотритель.

Между тѣмъ перекладная подъѣхала. Я сѣлъ, пообѣщавъ «на чай» возницѣ, если довезетъ меня исправно.

Мы ѣхали часа полтора по Бельбекской долинѣ между садами и огородами. Впереди видны были горы, покрытыя кустарникомъ; надъ ними высился въ далекой синевѣ величественный Чатырдагъ, котораго оригинальною формою, въ родѣ продолговатаго шатра, не разъ любовался я въ былые годы, со стороны Чернаго моря.

«Когда-то мы доѣдемъ до шатра главнокомандующаго», думалъ я.

— Искбра, отрывисто отвѣчалъ татаринъ на мои разспросы.

Въ самомъ дѣлѣ, скоро свернули мы вправо съ дороги и начали подниматься въ гору, цѣпляясь колесами за кусты. Черезъ нѣсколько времени, телѣга остановилась на полу-горѣ, въ лѣсу.

— Пріѣхалъ, гаспадинъ, промолвилъ ямщикъ.

— Куда же пріѣхали? тутъ ни души не видно.

— Иглавна шитабъ (главный штабъ). Ступай далше, према,— тамъ палатка, прибавилъ равнодушно ямщикъ, набивая коротенькую трубку съ вишневымъ чубукомъ.

Я прошелъ шаговъ тридцать по указанному направленію. Послышался шорохъ. Идучи на него, я увидѣлъ верхушку маленькой полосатой палатки. Потомъ за деревьями показалась и вся палатка, передъ которою, на свѣже-расчищенной площадкѣ длиною шаговъ въ десять, медленно ходилъ взадъ и впередъ старикъ-офицеръ, опираясь на палку.

Съ перваго взгляда меня поразила его странная одежда. На немъ была надвинутая на глаза черная папаха; на плечи накинута флотская шинель; но подъ нею виднѣлся голубой воротникъ сюртука, кажется, финляндскихъ стрѣлковыхъ баталь-оновъ.

Подойдя къ офицеру, я спросилъ: «Позвольте узнать, какъ пройти къ главнокомандующему?»

Старикъ остановился, взглянулъ на меня пристально, нѣсколько вкось и промолвилъ: «Главнокомандующій-то я, а вы кто и откуда?»

Передо мной стоялъ князь Меншиковъ; я извинился и сказалъ свою фамилію, объяснивъ цѣль пріѣзда.

— А я тебя не узналъ. Съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣлись въ

Константинополѣ, ты возмужалъ, а я постарѣлъ. Садись, любезный, и разсказывай что привезъ.

Въ недоумѣніи я посмотрѣлъ вокругъ.

— Садись просто на землю, прибавилъ князь; у насъ мебели тутъ мало, — всего одинъ стулъ, да и тотъ я берегу для К.... Названный былъ, какъ я узналъ послѣ, чиновникъ морского министерства, исполнявшій при главнокомандующемъ обязанность военнаго секретаря.

Утомленный послѣ 600 верстъ, сдѣланныхъ на курьерскихъ, я радъ былъ присѣсть. Князь, продолжая ходить, приказалъ мнѣ прочитать вслухъ письмо князя Горчакова и, когда я окончилъ, сказалъ: «Вотъ помощь, на которую я не разсчитывалъ. Знаю, что князю Михаилу Дмитріевичу самому нужны войска; но онъ всегда болѣе думалъ о другихъ, нежели о себѣ. Это услуга, которой я никогда не забуду. — Но ты, я думаю, усталъ. Знаешь-ли ты кого изъ моего штаба?»

— Знаю, отвѣтилъ я, дипломатическаго секретаря вашей свѣтлости Г. и доктора Т.

— Ну, пойди къ нимъ, отдохни; потомъ пообѣдаешь, а завтра съѣзди въ Севастополь: у тебя тамъ, кажется, есть братъ; а къ возвращенію твоему я приготовлю отвѣтъ.

За палаткою главнокомандующаго стояли двѣ-три офицерскія палатки, изъ которыхъ повидимому и состояла вся главная квартира. Войскà же, собравшіяся вокругъ нея, послѣ извѣстнаго фланговаго движенія, стояли тутъ бивуакомъ. Особенно замѣтилъ я отсутствіе повозокъ и лошадей. Это мнѣ показалось страннымъ, когда я вспомнилъ, что при отступленіи изъ-подъ Силистріи въ нашей главной квартирѣ было болѣе сотни экипажей и нѣсколько сотъ лошадей. Вообще, чѣмъ болѣе я осматривался, тѣмъ болѣе убѣждался, что тутъ все упрощено въ формахъ, уменьшено въ размѣрахъ до крайнихъ предѣловъ.

Знакомыхъ своихъ я нашелъ вмѣстѣ въ одной палаткѣ. У нихъ не было ни складныхъ кроватей, ни табуретовъ, — словомъ, ни одного изъ тѣхъ удобствъ, которыя въ Дунайской арміи считались почти необходимостью. Пріятели, оказавшіе мнѣ радушное гостепріимство, спали, какъ могли, на тоненькихъ тюфякахъ или коврахъ, разостланныхъ просто на землѣ, гдѣ и я провелъ слѣдующую ночь между ними. Дипломатъ Г., разсказывая про альминское сраженіе, показалъ мнѣ, между прочимъ, шинель свою изъ сѣраго солдатскаго сукна съ окровавленными рукавами. Онъ долго послѣ того хранилъ это воспоминаніе о раненыхъ, подобранныхъ на полѣ битвы. Несмотря на его мирное оффиціальное призваніе, ему же пришлось, за недостаткомъ адъютантовъ, изъ

которыхъ одни были ранены, а другіе разосланы въ разныя мѣста, привезти въ Севастополь первую вѣсть о проигранномъ сраженіи и о послѣдовавшемъ за нимъ отступленіи.

Мнѣ нужно было доставить письмо командиру 6-го корпуса, князю П. Д. Горчакову, который долженъ былъ находиться тутъ же гдѣ-нибудь. Увидѣвъ часового, ходившаго передъ нѣсколькими кустами, связанными вмѣстѣ за верхнія вѣтви, я спросилъ: гдѣ корпусный командиръ?

— А вотъ тутъ, подъ кустами. Сапоги видите? это ихъ сіятельство почиваютъ.

Скоро пошли мы обѣдать. Столовою штабу служилъ шалашъ, состоявшій собственно изъ одной треугольной крыши, сплетенной изъ вѣтвей. Внутри, тоже полное отсутствіе мебели. Ее замѣняла четыреугольная траншея, вырытая въ землѣ. Окруженная ею площадь служила столомъ, а края траншеи—сѣдалищемъ для гостей. Обѣдъ былъ также самаго спартанскаго свойства: похлебка изъ картофеля и жареная баранина, вотъ и все.

На другой день я поѣхалъ въ Севастополь.

Сердце забилось, когда съ инкерманскихъ высотъ открылась бухта, гдѣ за нѣсколько дней передъ тѣмъ стоялъ славный черноморскій флотъ. Нѣкоторые изъ кораблей, съ которыми были связаны первыя воспоминанія моего дѣтства прежде, нежели судьба толкнула меня на новое поприще, были уже потоплены. Едва замѣтные концы ихъ рангоута грустно торчали изъ воды, у входа, близъ константиновской батареи. Другія суда были разбросаны по рейду. Тамъ и сямъ пароходы буксировали шаланды.

Замѣтно было, впрочемъ, что дѣятельность не прекратилась въ Севастополѣ: она только перенеслась съ моря на сушу.

Севастополь пересталъ быть портомъ. Чувство долга, любовь къ родинѣ обращали его въ крѣпость. Это громадное превращеніе совершалось въ виду многочисленнаго непріятеля.

Отставной матросъ на яликѣ перевезъ меня черезъ бухту къ Графской пристани.

Кто бывалъ въ Севастополѣ прежде осады, у того, конечно, осталось неизгладимое воспоминаніе о Графской пристани. Это былъ пританей, гдѣ хранился неугасаемый священный огонь преданій, ареопагъ, гдѣ осуждали немногихъ, но свободно судили всѣхъ и вся. Тутъ жила въ лицахъ исторія черноморскаго флота. Тутъ старый морякъ временъ екатерининскихъ встрѣчался съ молодымъ мичманомъ, только-что покинувшимъ школьную скамью. Тутъ всякій цѣнился не столько по оффиціальному сво-

ему положенію, сколько по дѣйствительнымъ заслугамъ, безспорно признаннымъ безпристрастнымъ мнѣніемъ сослуживцевъ. Тутъ, бывало, какому-нибудь престарѣлому ветерану, смиренно доживавшему свой вѣкъ, состоя «по флоту», оказывалось болѣе уваженія, нежели иному возвышавшемуся любимцу счастья. По этому-то черноморскій флотъ былъ силенъ не величественными кораблями, не грозными пушками: корабли гніютъ, пушки ржавѣютъ, матерія разлагается. Силенъ былъ нашъ флотъ нравственною силою, тѣмъ, что̀ называлось «черноморскимъ духомъ»: этотъ духъ не боялся вліянія времени; онъ проявился во всемъ своемъ блескѣ и тогда, когда кораблей уже не было. Будемъ надѣяться, что и впредь

Ни громъ его, ни вихрь не сломитъ быстротечный
И времени полетъ его не сокрушитъ.

А пока живетъ на Руси духъ, постоянно парившій надъ Севастополемъ, — когда понадобится, флотъ можетъ опять воскреснуть!

Когда я вышелъ на пристань, на ней многое измѣнилось. Тамъ не было ни прежняго порядка, ни обычнаго оживленія; не было ни щегольскихъ катеровъ, ни легкихъ гичекъ. Не было почтенныхъ адмираловъ и капитановъ, бойкихъ флотскихъ офицеровъ, еще недавно отличившихся въ Синопѣ. Они всецѣло предавались новымъ трудамъ, изъ ничего воздвигали оборонительную линію, которой геройская защита должна была упрочить за немногими изъ нихъ, оставшимися въ живыхъ, неувядаемую славу.

Съ пристани я заѣхалъ къ адмиралу П. С. Нахимову, отдать пакеты, привезенные изъ Николаева, а потомъ поѣхалъ ночевать въ извѣстную морякамъ гостинницу Ветцеля. Тутъ встрѣтилъ я многихъ прежнихъ товарищей и пріятелей. Всѣ они были одушевлены тою спокойною и разумною готовностью ко всѣмъ случайностямъ, къ которой пріучаетъ человѣка борьба съ моремъ. Тутъ было видно, что всякій постоитъ за себя, исполнитъ свой долгъ, какихъ бы жертвъ онъ ни потребовалъ.

Утромъ я поѣхалъ на 4-й бастіонъ. Ѣдучи туда на извощикѣ, я видѣлъ, около бульвара, какъ матросы везли по Екатерининской улицѣ нѣсколько огромныхъ корабельныхъ пушекъ на станкахъ. Одни тащили ихъ за веревки, прикрикивая: «навались, навались, пошла въ ходъ»! Другіе подпирали заднія колеса аншпугами.

На бастіонѣ, гдѣ не было еще ни траверсовъ, ни блинда-

-жей, а только одинъ брустверъ, стояло всего два - три орудія. Для другихъ готовились платформы. Посрединѣ стояла палатка, а около нея былъ водруженъ флагштокъ, давшій впослѣдствіи бастіону названіе: *bastion du mât*. Бастіономъ командовалъ, если не ошибаюсь, Ѳ. М. Новосильскій, прежде бывшій командиромъ корабля «Три-Святителя» и вторымъ флагманомъ въ Синопѣ. Пока я разспрашивалъ знакомыхъ офицеровъ, гдѣ мнѣ найти брата, на бастіонъ пріѣхалъ верхомъ на вороной, помнится, лошади, Э. И. Тотлебенъ. Онъ оставался не долго. Въ то время, онъ былъ единственнымъ инженеромъ на всей оборонительной линіи, простиравшейся болѣе чѣмъ на 8 верстъ. Вслѣдъ за нимъ пріѣхалъ на дрожкахъ адмиралъ В. А. Корниловъ, съ которымъ я когда-то плавалъ на кораблѣ «Двѣнадцать-Апостоловъ», а въ 1853-мъ году видѣлся въ Константинополѣ, куда онъ пріѣзжалъ съ княземъ Меншиковымъ.

Приближался полдень. Матросы, работавшіе на бастіонѣ, собирались «пошабашить», какъ вдругъ сигнальщикъ, стоявшій съ зрительною трубою у бруствера, крикнулъ: непріятель идетъ на приступъ!

Всѣ бросились къ сигнальщику; всякій, смотря въ трубу, дѣлалъ свои замѣчанія.

— Въ самомъ дѣлѣ, говорилъ одинъ, видны французскія войска.

— У нихъ, прибавлялъ другой, что-то въ рукахъ блеститъ на солнцѣ. Должно быть—штуцера.

Посмотрѣлъ и я. На горизонтѣ, дѣйствительно видна была колонна, человѣкъ въ тысячу. Пройдя нѣкоторое разстояніе, она остановилась; солдаты какъ-будто копали землю.

— Не закладываютъ-ли они траншею, спросилъ я у сосѣда.

Посмотрѣли пристальнѣе. Оказалось на дѣлѣ, что только у немногихъ солдатъ были ружья, остальные же несли лопаты, кирки и разный шанцовый инструментъ.

Послѣ этого эпизода, Корниловъ со свитою взошелъ на брустверъ и что-то объяснялъ офицерамъ. Замѣтивъ группу, непріятель пустилъ въ нее на удачу двѣ пули. Онѣ пролетѣли надъ головами, не задѣвъ никого. Это были, вѣроятно, первыя пули, прожужжавшія надъ четвертымъ бастіономъ, которому послѣ, въ теченіе одиннадцати мѣсяцевъ, суждено было служить цѣлью для стольких тысячъ снарядовъ всѣхъ возможныхъ видовъ и размѣровъ.

Съ четвертаго бастіона я проѣхалъ на третій и, проведя

остатокъ дня и часть ночи съ братомъ, на слѣдующее утро отправился обратно въ главную квартиру.

Тамъ мало-по-малу водворялся порядокъ. Маіоръ В., по какому-то странному стеченію обстоятельствъ, сосредоточившій въ своей особѣ самыя разнообразныя обязанности: начальника штаба, интенданта, квартирмейстера и проч., выбивался изъ силъ.

Когда князь Меншиковъ узналъ о моемъ возвращеніи, онъ призвалъ К. Тутъ я по-ближе ознакомился съ назначеніемъ единственнаго складного стула, о которомъ князь упомянулъ прежде. На этотъ шаткій треножникъ усѣлся худощавый К., положилъ на колѣни портфель, а на него листъ бумаги и принялся писать, какъ могъ, подъ диктовку князя, которая впрочемъ продолжалась лишь нѣсколько минутъ. Все это происходило передъ палаткою главнокомандующаго, на открытомъ воздухѣ.

— Видишь, сказалъ, князь обращаясь ко мнѣ, у насъ канцелярія незатѣйливая, въ родѣ багажа философа Віанта, который все имущество носилъ на себѣ. Много писать намъ негдѣ. Впрочемъ, сегодня вечеромъ я зайду къ Г. и разскажу тебѣ кое-что для передачи князю Михаилу Дмитріевичу, а завтра возьмешь письмо и поѣдешь.

Дѣйствительно, вечеромъ князь пришелъ въ палатку къ Г., прилегъ на тюфякъ и съ своимъ обыкновеннымъ остроуміемъ сдѣлалъ живой очеркъ альминскаго сраженія.

— Съ двадцатью восемью [1]) тысячами человѣкъ, заключилъ онъ, въ числѣ которыхъ было тысячъ десять матросовъ, ластовыхъ и рабочихъ командъ, никогда не видавшихъ сраженія въ полѣ, мы продержались около трехъ часовъ противъ шестидесяти тысячъ лучшихъ европейскихъ войскъ. Словомъ, сдѣлали что̀ могли. Да и то не обошлось даромъ: у насъ осталось немного народа, а раненыхъ пришлось подбирать даже изящному Г. Кто знаетъ, есть-ли тутъ на Бельбекѣ тысячъ шесть-семь?

Пользуясь благосклоннымъ расположеніемъ главнокомандующаго, я разсказалъ, что когда дунайская армія отступала изъ княжествъ, черезъ мои руки прошло письмо изъ главной квартиры Омера-паши. Въ немъ заключалось извѣстіе о военномъ совѣтѣ между союзными генералами, на которомъ было рѣшено сдѣлать въ большихъ размѣрахъ высадку въ Крымъ.—Одна ко-

---

[1]) Приводя эти цифры, какъ онѣ остались въ моей памяти, тѣмъ менѣе выдаю ихъ за точныя, что онѣ не вполнѣ согласны съ данными, заключающимися въ сочиненіяхъ Тотлебена и Кинглека.

пія съ этого любопытнаго письма, прибавилъ я, была отправлена къ военному министру, а другая къ вашей свѣтлости. Это было, если не ошибаюсь, еще около половины іюля.

Князь понялъ нескромный намекъ, извиняемый до нѣкоторой степени моею молодостью.

— Да, помню это письмо, сказалъ онъ. Съ тѣхъ поръ и я писалъ не разъ въ Петербургъ, а все-таки войскъ не прислали. Должно-быть считали высадку невозможною.

Князь удалился поздно. Не передаю здѣсь всего разсказаннаго имъ какъ потому, что не вполнѣ полагаюсь на аккуратность своей памяти, такъ и потому, что альминское сраженіе теперь уже достаточно извѣстно на основаніи и оффиціальныхъ и частныхъ данныхъ.

На другой день, я снарядился въ обратный путь и зашелъ проститься съ княземъ Меншиковымъ. Онъ опять прогуливался передъ палаткою. Когда я уже садился въ перекладную, послѣднія слова его были: «передай-же мою искреннѣйшую благодарность князю Горчакову и скажи, что я никогда не забуду оказанной имъ услуги».

Послѣ, мнѣ еще разъ пришлось видѣть Севастополь, въ самый разгаръ осады, и провести вблизи его нѣсколько мѣсяцевъ. Но объ этомъ когда-нибудь, въ другое время.

А. К.

ДѢТСТВО И МОЛОДОСТЬ
ШЛЕЙЕРМАХЕРА

Leben Schleiermacher's, von *Wilh. Dilthey*. Erster Band. 1870.

Насъ отдѣляетъ отъ эпохи Шлейермахера періодъ цѣлыхъ тридцати-пяти лѣтъ; то поколѣніе, которое стояло подъ непосредственнымъ его вліяніемъ, въ огромномъ большинствѣ уже уступило свое мѣсто новому поколѣнію; стремленія и характеръ эпохи Шлейермахера измѣнились совершенно; мы движемся въ иныхъ условіяхъ, созданныхъ дальнѣйшими успѣхами соціальной и умственной жизни и незнакомыхъ первой четверти нашего столѣтія; но все это нисколько не уменьшило интереса къ судьбѣ такой личности, какою былъ Шлейермахеръ. Шлейермахеромъ, можно сказать, закончилась та колоссальная внутренняя работа, которая кипѣла въ общественной жизни Германіи въ теченіи слишкомъ ста лѣтъ, и благодаря которой скрѣпилось ея національное единство такъ прочно, что затѣмъ политическому единству оставалось сдѣлать не болѣе, какъ одинъ шагъ. Мы переживаемъ теперь именно этотъ шагъ; мы удивляемся быстротѣ и легкости его, но только потому, что намъ всегда бросается въ глаза болѣе внѣшняя исторія общества, нежели внутреннее его развитіе. Современные намъ политическіе вожди Германіи не сдѣлали ничего другого, какъ воспользовались тремя поколѣніями геніевъ, вѣковой трудъ которыхъ объединилъ Германію несравненно солиднѣе, нежели то могутъ сдѣлать побѣды и трактаты.

Едва ли вообще въ исторіи какой-либо страны мы встрѣтимъ,

чтобы въ теченіи цѣлыхъ ста лѣтъ сохранилась такая преемственность въ геніяхъ, какъ то представляетъ намъ исторія нѣмецкаго общества, начиная съ половины прошедшаго столѣтія. При всемъ своемъ политическомъ раздробленіи, Германія, уже въ половинѣ XVIII-го вѣка, начинаетъ группироваться умственно и нравственно около своихъ вождей, царство которыхъ не стѣсняется никакими политическими предѣлами и власть не оспаривается никѣмъ. Сначала Германіею, можно сказать, правятъ Кантъ и Лессингъ; ихъ смѣняетъ царство Шиллера и Гёте; при первыхъ начинаетъ уже формироваться умъ Шлейермахера, а въ эпоху господства послѣднихъ онъ приготовляется окончательно, съ тѣмъ, чтобы выступить самому главою общественнаго движенія и открыть собою третье поколѣніе и третье царствованіе.

Каждое изъ этихъ трехъ поколѣній, подъ руководствомъ своихъ вождей, внесло въ нѣмецкую жизнь новыя данныя для внутренняго развитія страны, — а Германія, благодаря своей политической немощи, была вынуждена долго сосредоточиваться въ самой себѣ и выработывать всесторонне одни свои внутреннія силы. Философія Канта наложила на нѣмецкую цивилизацію глубокую печать того идеализма, которымъ не мало отличается нѣмецкое общество и до сихъ поръ; Лессингъ, въ противоположность Канту, связалъ свои стремленія съ житейскою обстановкою, толковалъ насущныя потребности дня и направлялъ свою дѣятельность всюду, гдѣ только можно было предполагать какое-нибудь внутреннее движеніе въ національной жизни. Поэтическое творчество Лессинга начало вводить такимъ образомъ въ дѣйствительную жизнь высокое и малодоступное большинству философское созерцаніе Канта.

Вторая эпоха и новое поколѣніе, съ своими вождями Шиллеромъ и Гёте, дополнили идеальное преобразованіе нѣмецкаго общества, начатое философіею Канта. Этой эпохѣ предстояло начертать въ осязательныхъ формахъ новый порядокъ жизни, потребность котораго, хотя и глухо, но уже сознавалась, олицетворить въ литературныхъ типахъ стремленіе къ свободѣ и поставить эти типы въ полную независимость отъ давящихъ преданій прошедшаго. Въ самое короткое время Германія заселилась Гётцами, Вертерами, Фаустами, Мейстерами, шиллеровскими «Разбойниками». Но слѣдуя за философіею, нѣмецкая поэзія, въ своемъ преобразовательномъ характерѣ, понесла на себѣ отпечатокъ болѣе силы мысли, нежели чувства; ей нужно было выразить въ опредѣленныхъ понятіяхъ смутно сознаваемые обществомъ новые идеалы жизни, возбужденные Кантомъ и Лессингомъ, и въ тоже время защищать эти понятія отъ нападеній со стороны пре-

обладавшей въ то время церковной нравственности. Потому справедливо замѣтилъ Мирабо, переживавшій тѣ начатки нѣмецкой поэзіи, что она, въ отличіе отъ поэзіи другихъ странъ, носитъ на себѣ всѣ слѣды высокаго научнаго развитія своего общества, что въ ней вездѣ видишь полное торжество разума надъ фантазіею, и потому «нѣмецкая поэзія, говорилъ онъ, приноситъ прямо плоды, помимо цвѣтовъ». Дѣйствительно, за поколѣніемъ Шиллера и Гёте въ Германіи слѣдуетъ поколѣніе, относительно весьма слабое въ поэтическомъ творчествѣ, но одаренное за то творчествомъ научнымъ; люди, воспитанные на поэзіи Шиллера и Гёте, явились не поэтами, но замѣчательными изслѣдователями и критиками, творцами новаго нравственнаго порядка вещей и новаго міросозерцанія.

Таковъ былъ именно характеръ третьяго поколѣнія, во главѣ котораго такъ долго стоялъ Шлейермахеръ, почти съ самыхъ первыхъ годовъ настоящаго вѣка, когда онъ навсегда и неразрывно связалъ свое имя съ Берлиномъ. Германія была тогда переполнена идеями, насажденными философіею Канта, и населена идеалами поэтическаго творчества. Нужно было теперь устремить нѣмецкую жизнь къ будничнымъ вопросамъ, къ практической дѣятельности, и не ограничиваясь однимъ голымъ существованіемъ идей, дать этимъ идеямъ реальное господство въ мірѣ. Достигнуть всего этого составляло именно жизненную задачу Шлейермахера; то, что было сдѣлано Кантомъ путемъ философіи, Шиллеромъ и Гёте — путемъ поэтическаго творчества, Шлейермахеръ хотѣлъ достигнуть установленіемъ «практической морали», которая въ то время, когда онъ выступилъ на свое поприще, шла совершенно въ разрѣзъ съ тѣми высокими идеями и величественными идеалами, которые носились въ воздухѣ, не оказывая ни малѣйшаго вліянія на практическую мораль; между идеалами и приложеніемъ ихъ къ жизни лежала цѣлая пропасть, которую Шлейермахеръ и стремился наполнить. Онъ видѣлъ, что въ тогдашнемъ нѣмецкомъ обществѣ, какъ то не рѣдко случается, прогрессъ въ идеяхъ шелъ самъ по себѣ, а практика жизни, ни мало не соотвѣтствующая этому прогрессу, была сама по себѣ.

Обстоятельства собственной жизни Шлейермахера, опредѣлившіяся всею исторіею его семьи, посвященной въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ духовному званію, указали Шлейермахеру на религію, какъ на средство къ разрѣшенію его жизненной задачи, и Шлейермахеръ занялъ въ современной исторіи протестантства мѣсто, можно сказать, наравнѣ съ Лютеромъ. Въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ начала нынѣшняго столѣтія Шлейермахеръ стоялъ во главѣ протестантскаго міра, а школа его, его рели-

гіозныя воззрѣнія на церковь, ея отношенія къ обществу, на христіанство, его историческое развитіе, имѣетъ и до сихъ поръ какъ ревностныхъ приверженцевъ, такъ и не менѣе ревностныхъ противниковъ. Однимъ словомъ, имя Шлейермахера въ исторіи новѣйшаго умственнаго движенія въ западной Европѣ должно занять весьма видное мѣсто, а исторія его дѣятельности можетъ начаться теперь, благодаря новѣйшей публикаціи переписки Шлейермахера съ членами своего семейства и съ друзьями.

Эта переписка дала средства одному изъ современныхъ нѣмецкихъ ученыхъ въ Килѣ, Вильгельму Дильтею, издать біографію Шлейермахера, которой первый томъ вышелъ уже въ свѣтъ. Этотъ трудъ основанъ исключительно на дневникахъ того времени и тѣхъ письмахъ, которыя были сообщены автору родственниками Шлейермахера; только отношенія Шлейермахера къ Варнгагену описаны на основаніи изустнаго преданія лицъ, по замѣчанію автора, «заслуживающихъ полнаго довѣрія». Дильтей остался вѣренъ своему обѣщанію сохранять постоянно объективный характеръ, и дѣйствительно сохранилъ, такъ какъ его изложеніе, по большей части, является въ формѣ переписки самого Шлейермахера и потому можетъ быть принято отчасти за автобіографію, впрочемъ съ тѣмъ отличіемъ, что авторъ этой автобіографіи не рисовался, какъ то случается въ автобіографіяхъ или мемуарахъ, а писалъ собственно письма, которыя могли интересовать только тѣ лица, къ которымъ они были адресованы, и не имѣлъ умысла подготовлять матеріалъ для будущаго своего историка.

I.

Въ рѣдкой семьѣ, какъ въ семьѣ Шлейермахера, нѣсколько поколѣній сряду идутъ по одному и тому же направленію и какъ бы постепенно готовятся выработать, наконецъ, изъ себя блестящаго представителя своихъ стремленій. Въ то же время, не менѣе рѣдко встрѣчается, чтобы исторія какой-нибудь семьи такъ вѣрно отражала въ судьбѣ смѣняющихъ другъ друга ея членовъ судьбу смѣняющихся вмѣстѣ съ ними поколѣній. Дѣдъ, отецъ и нашъ Шлейермахеръ носятъ на себѣ ясно всѣ слѣды переживаемаго ими времени, такъ что, можно сказать, ихъ біографическія черты вѣрно отражаютъ на себѣ черты общественнаго движенія, которое совершалось въ Германіи въ теченіи прошедшаго столѣтія, когда еще не вполнѣ улеглось волненіе, поднятое реформаціею XVI-го вѣка.

Предки Шлейермахера жили въ окрестностяхъ Зальцбурга, гдѣ еще и теперь ультрамонтанизмъ имѣетъ самыхъ ярыхъ и многочисленныхъ приверженцевъ, какъ то доказали выборы прошедшаго года въ австрійскій рейхсратъ. Привязанность фамиліи Шлейермахеровъ къ протестантизму вынудила ихъ переселиться въ прирейнскія страны, и дѣдъ нашего Шлейермахера, Даніилъ, родился въ Нижнемъ Гессенѣ, въ самомъ концѣ XVII-го столѣтія. Исторія этого Даніила Шлейермахера въ высшей степени любопытна, и даетъ полное понятіе о томъ внутреннемъ религіозномъ бореніи, которое велось съ упорствомъ въ теченіи первыхъ трехъ десятилѣтій XVIII-го вѣка среди протестантскаго міра. Реформація Лютера, достаточная, какъ протестъ противъ католичества, оказалась далеко не полною, какъ основа новой жизни: свергнувъ цѣпи католичества, протестантство скоро само обнаружило нетерпимость къ дальнѣйшему развитію свободы мысли и критическаго изслѣдованія, и вслѣдствіе того, уже въ началѣ прошедшаго столѣтія Германія была обуреваема различными сектами, которыхъ религіозный фанатизмъ доходилъ нерѣдко до изувѣрства и шарлатанства, такъ какъ религіозное чувство не было тогда обуздываемо ни научнымъ образованіемъ, ни общественнымъ порядкомъ, а полицейскія преслѣдованія только содѣйствовали его преуспѣянію въ безобразіи. Между такими сектами въ началѣ XVIII-го вѣка была особенно замѣчательна по своему распространенію секта эллеріанъ, основатель которой Эллеръ, ленточный фабрикантъ въ Эльберфельдѣ, устроилъ въ сосѣдней деревнѣ Ронсдорфѣ свою общину, Новый Іерусалимъ, гдѣ его приверженцы намѣревались ожидать пришествія царства христова. Въ это же самое время, въ Эльберфельдѣ получилъ мѣсто пастора Даніилъ Шлейермахеръ, послѣ того, какъ его нѣсколько разъ удаляли въ другихъ мѣстахъ за недостатокъ протестантскаго православія. Эллеръ, зная его проповѣдническій талантъ и фанатическое настроеніе ума, успѣлъ завлечь его въ Ронсдорфъ; но Даніилъ Шлейермахеръ скоро убѣдился въ шарлатанствѣ Эллера, начавшаго выдавать себя за пророка, и не только самъ возвратился въ Эльберфельдъ, но и увлекъ за собою многихъ изъ приверженцевъ Эллера. Эллеръ обратился тогда къ обычному въ то время роду мести, и не дальше какъ въ 1749 году было еще возможно обвинить дѣда Шлейермахера въ чародѣйствѣ. Въ томъ году въ Вюрцбургѣ сожгли, правда, послѣднюю «вѣдьму», и Даніилъ Шлейермахеръ имѣлъ бы туже участь, если бы не бѣжалъ изъ Эльберфельда, прежде нежели посланная арестовать его команда успѣла явиться въ городъ.

Сынъ Даніила, Готлибъ Шлейермахеръ, свидѣтель и эллері-

зисвихъ увлеченій, и урока, испытаннаго его отцемъ, утратилъ рано всю энергію и всю вѣру въ людей. Это былъ съ юныхъ лѣтъ надломленный человѣкъ и уставшій, какимъ было все поколѣніе второй половины XVIII-го вѣка. Онъ никогда не любилъ говорить сыну о своей молодости, когда онъ вмѣстѣ съ отцемъ принадлежалъ къ сектѣ эллеріанъ, и только однажды вырвалось у него сознаніе, которое рисуетъ вполнѣ характеръ и его, и всей его эпохи, смѣнившей собою восторженность и религіозное воодушевленіе начала XVIII-го вѣка, когда жилъ и дѣйствовалъ Даніилъ Шлейермахеръ. «Я—сознавался онъ сыну—проповѣдывалъ двѣнадцать лѣтъ, какъ человѣкъ вполнѣ невѣрующій; тогда я былъ совершенно убѣжденъ, что Іисусъ въ своихъ рѣчахъ старался поддѣлываться подъ понятія и предразсудки евреевъ; но такое мнѣніе привело меня теперь къ убѣжденію, что и намъ слѣдуетъ щадить народные предразсудки».

Такой духъ религіознаго индифферентизма, сдѣлки, сдѣлался тогда духомъ всего нѣмецкаго общества, утомленнаго продолжительнымъ напряженіемъ и религіозною борьбою.

По поводу такого общественнаго настроенія той эпохи, которая непосредственно предшествовала развитію поколѣнія нашего Шлейермахера, В. Дильтей замѣчаетъ: «Въ то время стихла въ Германіи борьба реформатовъ съ лютеранами, церкви съ сектами. Началась всеобщая борьба образованности, науки восемнадцатаго вѣка съ теологіею, также и въ Германіи. Но замѣчательно то, что защита церковнаго вѣроученія была у насъ переводима на нѣмецкій языкъ прежде, нежели нападенія на него. Отсюда странное состояніе умовъ: каждый чувствуетъ, что столпы нравственнаго и историческаго убѣжденія, на которыхъ покоятся протестантскіе догматы, колеблются, а нѣмецкіе теологи, чтó бы они ни говорили, ссылаются на приговоры англійскихъ и французскихъ богослововъ.... Отсюда возникла рѣдкая картина внутренняго быта, которая изображена съ печальною, но поучительною откровенностью въ литературѣ того времени: внутреннему разладу жизни соотвѣтствовали теоріи сдѣлокъ въ теологіи и извращенный характеръ общества. То время было таково, что даже Кантъ, этотъ прямой и великій умъ оправдывалъ проповѣдника, который рѣшился бы извѣстный моральный законъ поддерживать на основаніи вѣрованій чуждой ему церкви».

Отецъ Шлейермахера былъ полный представитель такого утомленнаго и впавшаго въ индифферентизмъ поколѣнія. Онъ, правда, отказался отъ эллеріанства, но и къ протестантской ортодоксіи онъ относился совершенно особеннымъ образомъ: «Не забывай никогда — училъ онъ сына, приготовлявшагося къ ду-

ховному званію—что ты говоришь людямъ, которые признаютъ откровеніе, и что твоя обязанность снизойти до нихъ; а для того необходимо, чтобы ты вполнѣ проникся тѣмъ, что̀ они считаютъ истиной, и тогда ты будешь говорить, какъ вѣруешь». Очевидно, въ глазахъ отца Шлейермахера религіозная истина являлась, какъ могущественное воспитательное орудіе, и потому онъ цѣнитъ ее настолько, насколько она удовлетворяетъ потребностямъ людей, и всегда готовъ съ измѣненіемъ такихъ потребностей видоизмѣнить и самую истину.

Шлейермахеръ однако не пошелъ дорогою, на которую ему такъ усердно указывалъ отецъ; его біографъ объясняетъ это ссылкою на примѣту, существующую у нѣмцевъ, а именно, что дѣти родятся чаще въ дѣда, нежели въ отца. Если нѣмецкая примѣта оправдалась на Шлейермахерѣ, напоминавшемъ возвышенностью своего характера и стремленіемъ къ лучшему его дѣда Даніила, если она нерѣдко оправдывается и многими другими примѣрами, то такія явленія имѣютъ свою причину въ послѣдовательномъ развитіи характера нѣсколькихъ поколѣній, переживающихъ эпоху общественнаго броженія. За религіознымъ фанатизмомъ, доходившимъ до изувѣрства, какъ то было при Даніилѣ Шлейермахерѣ, весьма естественно должно было послѣдовать утомленіе съ одной стороны, и реакція—съ другой; характеръ сына Даніила вполнѣ соотвѣтствовалъ общему характеру современнаго ему поколѣнія; но реакція есть тоже своего рода увлеченіе, иногда еще самое слѣпое изъ всѣхъ увлеченій, и потому она кончается новымъ утомленіемъ и возвращеніемъ къ прежнему реформаціонному духу, но уже болѣе спокойному, болѣе твердому и сознательному. Вотъ почему и сынъ Шлейермахера какъ будто воскресилъ въ себѣ дѣда; но и все современное ему поколѣніе отличалось тѣмъ же характеромъ и тѣми же стремленіями вернуться на покинутый путь реформъ и отложить въ сторону систему сдѣлокъ и средняго пути; отъ даровитости натуры Шлейермахера зависѣло придать такому стремленію только болѣе рельефности и сдѣлаться для него главнымъ руководителемъ и бойцомъ.

II.

Фридрихъ-Даніилъ Шлейермахеръ родился 21 ноября 1768 года въ Бреславлѣ, гдѣ стоялъ тогда полкъ, при которомъ отецъ его Готлибъ служилъ полковымъ пасторомъ. Мать его происходила также изъ семьи, члены которой были посвящены большею

частью духовному званію. Тамъ, гдѣ бракъ для духовныхъ не обязателенъ, какъ въ протестантскомъ обществѣ, и гдѣ доступъ къ званію пастора открытъ одинаково для всѣхъ, тамъ духовное сословіе не можетъ вырождаться въ касту, и если въ немъ является иногда какая-нибудь наслѣдственность и черты общія большинству членовъ сословія, то такая наслѣдственность ограничивается преемственною передачею образованности, сохраненіемъ семейныхъ добродѣтелей, однимъ словомъ, всѣмъ, что можетъ нарождаться свободою человѣческихъ отношеній. Отецъ госпожи Шлейермахеръ, Штубенраухъ, былъ придворнымъ проповѣдникомъ; ея братъ занималъ каѳедру богословія въ Галле; лучшіе проповѣдники реформаторской церкви того времени состояли въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ къ Шлейермахерамъ. Кромѣ Фридриха-Даніила, все семейство Готлиба состояло изъ дочери Шарлотты и младшаго сына Карла. Обязанности отца требовали частыхъ разъѣздовъ, и все воспитаніе дѣтей исключительно лежало на заботахъ госпожи Шлейермахеръ, одаренной всѣми качествами лучшей матери. «Я не могу понять, какъ могутъ многіе родители имѣть такъ мало истинной любви къ своимъ дѣтямъ; вѣдь у насъ въ этой жизни нѣтъ ничего за гробомъ, на что мы могли бы разсчитывать съ увѣренностью, кромѣ добрыхъ дѣлъ и нашихъ дѣтей».

Подъ вліяніемъ теплой, материнской любви, необыкновенныя дарованія и вмѣстѣ какой-то исключительный характеръ начали развиваться въ ребенкѣ Шлейермахерѣ рано, даже слишкомъ рано. Четырехъ лѣтъ онъ уже хорошо читалъ; въ школѣ онъ опереживалъ старшихъ возрастомъ и заслужилъ репутацію «славной головы.» «Онъ самый маленькій—писала его мать—во всей школѣ, а при переходахъ въ классы всегда стоитъ первымъ». Но это не важно въ дѣтяхъ и не всегда служитъ ручательствомъ за такіе же ихъ дальнѣйшіе успѣхи. Въ ребенкѣ Шлейермахерѣ была другая, болѣе замѣчательная особенность: всеобщія похвалы не только не возбуждали въ немъ самодовольствія, но служили величайшимъ огорченіемъ десятилѣтнему мальчику. Онъ постоянно жаловался матери, что чувствуетъ самъ, какъ ему мало понятно то, чему его учатъ, а между тѣмъ всѣ его хвалятъ; еще болѣе удивляло его то, что въ товарищахъ онъ не замѣчаетъ подобнаго безпокойства, и онъ сознавался матери съ наивностью ребенка въ своемъ страхѣ, что рано или поздно его секретъ будетъ открытъ, и тогда настанетъ конецъ репутаціи его «славной головы». Все это побуждало родителей взять сына изъ школы, и отъ 10 до 12 лѣтъ воспитывать дома. «Мы удерживаемъ потому его дома—писала мать—что онъ для своего воз-

раста уже слишкомъ ученъ; мы хотѣли бы, чтобы и его сердце окрѣпло также, какъ окрѣпъ его разсудокъ; его сердце отъ великихъ похвалъ уму начало портиться. Еслибъ мы оставили его въ школѣ, то онъ кончилъ бы тѣмъ, что въ 14 лѣтъ былъ бы готовъ къ университету». Слабое здоровье ребенка и частые судорги въ желудкѣ, составившіе главное страданіе его въ позднѣйшее время, еще болѣе оправдывали намѣреніе родителей пріостановить умственное развитіе ребенка.

Когда Шлейермахеру исполнилось 12 лѣтъ, родители его переѣхали въ силезскій городокъ Плессъ, гдѣ онъ былъ отданъ въ пансіонъ къ одному изъ учениковъ знаменитаго филолога Эрнести, проникнутаго глубокимъ уваженіемъ къ классической древности. Молодой Шлейермахеръ съ обычнымъ ему жаромъ взялся за изученіе древнихъ языковъ; «но—замѣчаетъ его біографъ—онъ уже въ то время началъ по прежнему испытывать мученія, плодъ его необыкновенно ранняго умственнаго развитія: онъ напалъ на мысль, что всѣ древніе писатели, равно какъ и вся древняя исторія, поддѣльны: все, что онъ узнавалъ въ древностяхъ, казалось ему черезъ-чуръ романическимъ и несвязнымъ. Но это оригинальное открытіе онъ затаилъ въ себѣ, такъ какъ подобное сомнѣніе могло бы тогда же погубить его репутацію «славной головы». Къ этимъ филологическимъ тревогамъ въ ребенкѣ начали обнаруживаться рано тревоги и сомнѣнія религіозныя подъ вліяніемъ тѣхъ богословскихъ споровъ, которые отрывочно долетали до его слуха.

Такое настроеніе мальчика вскорѣ получило новую пищу для умственнаго броженія: осенью 1782 года школа въ Плессѣ была закрыта, и родители, озабоченные воспитаніемъ дѣтей, переѣхали въ гернгутерскую колонію Нески, въ Силезіи, гдѣ было воспитательное заведеніе, по наружности какъ нельзя болѣе соотвѣтствовавшее ожиданіямъ родителей, но которое въ сущности имѣло совершенно особенное вліяніе на пылкую и фантастическую природу Шлейермахера. Его задушевный другъ и школьный товарищъ Окели велъ тогда дневникъ и оставилъ намъ превосходную картину гернгутерской жизни въ Нески.

«Въ двухъ миляхъ къ сѣверу отъ Гёрлица лежитъ братство Нески, посреди мало плодоносной равнины. Если подходить къ нему со стороны Гёрлица, то увидишь маленькую, мирную деревню, растянутую по долинѣ; узенькія колокольныя башни общественнаго дома высоко поднимаются надъ сельскими домиками; слѣва двухъ-этажный домъ Братства; справа школа для дѣтей и педагогическій институтъ; въ нѣсколькихъ минутахъ вправо отъ деревни шли различныя дороги, обсаженныя мѣстами тополевыми

деревьями, которыя ведутъ въ Монплезиръ и въ окрестности, гдѣ играютъ дѣти изъ школы; рядомъ съ этимъ мѣстомъ сосновыя и еловыя рощи. Мѣстность была мало привлекательна; но уединенная сельская жизнь, близость природы, интимное обращеніе учениковъ съ инспекторомъ и проповѣдниками распространяли повсюду счастливое довольство. Инспекторомъ института и вмѣстѣ его наставникомъ былъ старикъ Цембшъ, который всегда защищалъ предъ братствомъ ученый характеръ заведенія, какъ латинской школы. Его филологія не обходилась однако безъ нѣкоторыхъ странностей; такъ — замѣчаетъ Окели съ великимъ неудовольствіемъ—Цембшъ, при толкованіи извѣстной оды видѣлъ у Виргилія серьезное доказательство того, что мореплаваніе есть дѣло безбожное; подобныя дѣла, какъ плаваніе людей отъ одной страны къ другой, летаніе по воздуху, сообщеніе чрезъ электричество — все это противно волѣ Творца, потому что не дано природою. Особенно сердилъ онъ своихъ учениковъ, что будто всѣмъ новѣйшимъ поэтамъ далеко до Горація».

Въ 1785 году, Шлейермахера вмѣстѣ съ его школьными друзьями, Окели и Альбертини, перевели въ гернгутерскую семинарію, которая замѣняла университетъ и предназначалась для образованія проповѣдниковъ и учителей. Семинарія находилась въ Барби, недалеко отъ Галле и носила на себѣ всѣ слѣды прежняго піетизма, начавшаго ослабѣвать въ свѣтскихъ университетахъ. Молодые друзья, успѣвшіе уже въ Нески развить себя помимо школы чтеніемъ и бесѣдою, попали вдругъ подъ строгія начала благочестія, опредѣлявшаго впередъ, какія книги дозволено читать и какія запрещено; каждый часъ дня былъ распредѣленъ такъ, что у нихъ не оставалось ни минуты для своей бесѣды. Доведенные до отчаянія, Окели и Альбертини задумали скоро бѣжать изъ Барби въ Галле. Шлейермахеръ боялся оскорбить отца и потому рѣшился предварительно вступить съ нимъ въ переписку.

III.

Мать Шлейермахера умерла три года передъ тѣмъ, когда онъ былъ въ Нески. Отецъ скоро женился вторично; сынъ зналъ, что у отца теперь другія заботы, и потому медлилъ объясниться съ нимъ откровенно. Онъ хотѣлъ постепенно приготовить его къ извѣстію, что намѣренъ отказаться отъ церковнаго вѣроученія и выйти изъ общины. Лѣтомъ 1786 года, онъ писалъ

отцу: «Я охотно бы учился богословію, и хотѣлъ бы сдѣлать это основательно. Но о всѣхъ современныхъ преніяхъ и изслѣдованіяхъ въ области экзегетики и догматики намъ не даютъ ничего читать, кромѣ того, что печатаютъ въ ученыхъ журналахъ; да и на лекціяхъ говорятъ обо всемъ этомъ недостаточно. Все это у *многихъ* (Шлейермахеръ промолчалъ пока о себѣ) вызываетъ подозрѣніе, что вѣроятно возраженія новыхъ людей трудно опровергнуть, если намъ не даютъ ихъ читать».

Отецъ отвѣчалъ ему на это строгою моралью и повторялъ одно, что для приведенія души къ спасенію достаточно одной библіи, которая можетъ утолить всякую жажду знанія. Отвѣтъ отца подѣйствовалъ болѣзненно на молодого человѣка, стремившагося къ научному образованію, и онъ молчалъ цѣлые шесть мѣсяцевъ. Между тѣмъ, ипокризія гернгутерства раздражала его съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе; и уже тогда поразила молодого Шлейермахера мысль, которая не оставляла его потомъ цѣлую жизнь. Христіанство въ своемъ началѣ, думалъ Шлейермахеръ, является основою прогресса, протестомъ противъ остановившейся морали древняго міра; неужели оно сдѣлалось безсильно? неужели въ наше время быть благочестивымъ и религіознымъ значитъ возстать противъ всего живого, изгонять изъ общества науку и жизнь? Нѣтъ ли возможности въ наше время возвратить религіи ея древній прогрессивный характеръ, очистить отъ всякой ипокризіи и сдѣлать ее стимуломъ къ свободному изслѣдованію истины, не связанному какою-нибудь предвзятою церковною моралью. Тутъ уже былъ виденъ въ Шлейермахерѣ будущій противникъ религіозной догматики.

Послѣ новыхъ мучительныхъ колебаній, Шлейермахеръ рѣшился наконецъ открыть отцу всю свою душу. Въ январѣ 1787 года онъ берется снова за письмо, которое въ началѣ ограничивается намеками и кончается рѣшительнымъ объявленіемъ о томъ, что онъ совершенно и навсегда разошелся съ церковнымъ вѣроученіемъ.

«Я не могу вѣрить — писалъ онъ отцу — чтобы тотъ, кто назвалъ себя Сыномъ человѣческимъ, былъ вѣчный и истинный Богъ; я не могу вѣрить, чтобы его смерть была примиреніемъ, какъ потому, что онъ самъ никогда не выразилъ того опредѣленно, такъ и потому, что нельзя вѣрить, чтобы то было необходимо; не могъ же Богъ, сотворившій людей не совершенными, а только способными къ усовершенствованію, подвергнуть ихъ вѣчному наказанію за то, что они не совершенны. Ахъ, милый отецъ, мнѣ препятствуетъ въ настоящую минуту, когда я пишу это письмо, глубокая, давящая боль—изложить предъ вами всю

исторію моей души и ея мыслей и указать обстоятельно всю ихъ твердую основу; но умоляю васъ, не сочтите все высказанное мною за мимоходную, не глубоко укоренившуюся фантазію. Въ теченіи года эти мысли осѣлись прочно во мнѣ, и послѣ долгаго, напряженнаго обдумыванія, я усвоилъ ихъ окончательно. Прошу васъ высказать мнѣ всѣ ваши сильнѣйшіе доводы противъ меня, но, признаюсь, я не вѣрю, чтобъ вы могли меня разубѣдить, такъ какъ я очень твердъ въ своихъ мысляхъ.... Итакъ, вотъ то извѣстіе, которое должно васъ такъ сильно испугать.... Эти строки пишу дрожащею рукою и въ слезахъ».

Между тѣмъ, само братство объявило Шлейермахеру о необходимости удалиться изъ Барби, и чтобы глубже поразить его, ему объявили причиною того не его образъ мыслей и испорченность нравовъ, а то, что отецъ отказался отъ него и предоставилъ его на волю судьбы. «У меня кипѣла кровь — пишетъ онъ — когда я увидѣлъ, какъ меня не признали, какъ осудили безъ любви, но я рѣшился испить чашу. О, сколько печальныхъ сценъ предстоитъ мнѣ въ будущемъ»!

Но та откровенная исповѣдь предъ отцомъ какъ будто успокоила взволнованнаго Шлейермахера; онъ рѣшился перенести твердо всѣ лишенія и переселиться въ Галле подъ самыми крайними условіями. «Мой другъ прислалъ мнѣ изъ Галле слѣдующій годовой счетъ расходовъ на ежедневныя потребности — пишетъ онъ отцу, не дождавшись отвѣта на первое письмо — дровъ въ годъ на 12 гульденовъ; комната съ прислугою 24 г.; но и тутъ, конечно, можно будетъ сдѣлать нѣкоторыя сокращенія. Обѣдъ — 40 г.; эту статью можно значительно сократить. Завтракъ и ужинъ — 48 г.; мнѣ думается, такъ какъ я кофе не пью, и вечеромъ ѣмъ немного, то тутъ можно съэкономить на половину».

Вскорѣ потомъ Шлейермахеръ получилъ отвѣтъ отъ отца на первое письмо.

«О безразсудный сынъ! кто тебя опуталъ, такъ что ты не слышишь болѣе голоса истины? Ты распинаешь Христа! Ахъ, сынъ мой, сынъ мой! какъ глубоко ты принизилъ меня! Какія воздыханія ты вынудилъ изъ моей груди! и если умершимъ извѣстна наша судьба, какую тревогу ты устроилъ своей покойной матери, когда чужая тебѣ твоя мачиха оплакивала тебя вмѣстѣ со мною. Иди же въ свѣтъ, котораго почестей ты ищешь. Ты воображаешь въ свѣтѣ найти дорогу, которая тебя приведетъ къ той общинѣ, которой ты принадлежалъ; и точно также противорѣчивы всѣ твои измышленія, которыя ты называешь твердыми; да, тверды и сильны въ тебѣ твое же умопомраченіе

и гордость сердца, а не доводы, которые можетъ опровергнуть даже ребенокъ. Ты утверждаешь, что Іисусъ никогда не называлъ себя Сыномъ Божіимъ, или что тоже, истиннымъ, вѣчнымъ Богомъ; а между тѣмъ первосвященникъ осудилъ его на смерть именно за такое признаваніе себя Сыномъ Божіимъ, что онъ и всѣ іудеи считали богохульствомъ. Ты говоришь, что человѣкъ сотворенъ Богомъ не для совершенства, а для самоусовершенствованія; такимъ образомъ, Богъ сотворилъ человѣка въ гнѣвѣ и къ его вѣчному несчастію, такъ какъ онъ вселилъ въ него стремленіе къ тому, чего человѣкъ не достигнетъ никогда. Но первая и послѣдняя цѣль всякаго откровенія и творенія составляетъ не то, что ты называешь совершенствомъ, а прославленіе Бога. Итакъ, мой сынъ, котораго я со слезами прижимаю къ моему возмущенному сердцу, я оставляю тебя съ сердечнымъ сокрушеніемъ, и я долженъ тебя оставить, ибо ты больше не поклоняешься Богу твоего отца и не стоишь на колѣняхъ предъ алтаремъ вмѣстѣ съ отцомъ твоимъ. Но если возможно (а почему же нѣтъ? у Бога возможно все), склони слухъ твой къ просьбамъ плачущаго отца: вернись! вернись, мой сынъ!—Я не пишу тебѣ еще въ Галле, потому что надѣюсь, Господь услышитъ мои слова и молитва моя благословитъ тебя. Если же ты будешь писать твоему дядѣ (профессору въ Галлѣ), на что я даю тебѣ позволеніе, въ случаѣ твоего упорства, то тогда считай себя отдѣленнымъ и отъ меня, и отъ Братства»....

«Я былъ болѣе, чѣмъ несчастенъ—отвѣчалъ Шлейермахеръ на это письмо отцу—но ваше письмо удвоило мое горе. Почему мы не можемъ больше становиться на колѣни предъ однимъ алтаремъ и молиться одному общему Отцу? О, какъ я несчастенъ! за что вы отталкиваете вашего бѣднаго сына? Я выразилъ сомнѣніе по поводу примиренія и божественности Христа, а вы хотите видѣть во мнѣ богоотступника»...

Далѣе Шлейермахеръ касается снова поднятыхъ имъ вопросовъ, но на этотъ разъ съ большею осторожностью и сдержанностью. Онъ ограничивается однимъ замѣчаніемъ, что доводы отца не убѣдили его; что въ ту эпоху слова: Сынъ Божій — не были тожественны съ понятіемъ божества, и апостолы часто употребляли это выраженіе, говоря вообще о христіанахъ. Этимъ и ограничились религіозныя пренія отца съ сыномъ. Дядя Шлейермахера, профессоръ въ Галле, еще до отвѣта отца, предложилъ ему съ готовностью свои скудныя средства и гостепріимство. Это былъ человѣкъ, напоминавшій терпимостью своего характера и благодушіемъ свою сестру, мать Шлейермахера:

какъ мы увидимъ, Шлейермахеръ былъ обязанъ главнымъ образомъ ему дальнѣйшимъ развитіемъ своего характера.

Въ маѣ 1787 года, юноша оставилъ гернгутеровъ Барби и переселился въ Галле. «При этомъ обстоятельствѣ — замѣчаетъ біографъ Шлейермахера — невольно бросается въ глаза сравненіе. Шлейермахеръ приближался къ двадцатому году своей жизни, когда онъ покинулъ монастырскую замкнутость Барби, съ цѣлью въ мірѣ найти истину и душевное спокойствіе; и онъ не обманулся. Немного старше былъ великій основатель нашей протестантской церкви, когда онъ, подобно Шлейермахеру, противъ воли отца оставилъ міръ и бѣжалъ въ стѣны августинскаго монастыря въ Эрфуртѣ, гдѣ надѣялся разрѣшить свои недоумѣнія и успокоить совѣсть; тогда въ монастырѣ искали истины и покоя, которыхъ нельзя было найти въ мірѣ. Такъ различны времена!»

IV.

Все пройденное и испытанное Шлейермахеромъ въ первые годы его юности, мучительныя сомнѣнія, глухой протестъ, стремленіе къ независимому развитію и самостоятельности мысли — все это достается не рѣдко на долю даже самыхъ посредственныхъ натуръ. Но посредственныя натуры истощаютъ весь запасъ своихъ силъ на предварительную борьбу, и потомъ, сдѣлавъ какой-нибудь рѣшительный шагъ, подобный тому, который былъ сдѣланъ Шлейермахеромъ, немедленно успокоиваются именно въ ту пору силъ, когда слѣдовало бы ихъ напрячь къ тяжелому и серьезному труду. Переѣхавъ въ Галле на свой рискъ и страхъ, разсчитывая болѣе на свой слабый аппетитъ по вечерамъ, нежели на кошелекъ, Шлейермахеръ сдѣлалъ первый самостоятельный шагъ; но онъ хорошо понималъ, что такая самостоятельность не цѣль его жизни, а только средство къ достиженію другой, болѣе отдаленной цѣли, и онъ стоитъ не больше какъ при началѣ конца. Такъ понялъ Шлейермахеръ свое новое положеніе, когда поселился окончательно на мансардѣ, подъ кровлею того дома, гдѣ жилъ его добрый дядя, профессоръ Штубенраухъ, и записался въ университетъ студентомъ реформаторской теологіи.

Но его мягкая, впечатлительная душа не могла вдругъ освободиться отъ прошедшаго, тѣмъ болѣе, что въ этомъ прошедшемъ, помимо гернгутерской ипокризіи и узкой формальной нравственности, было много привлекательнаго для характера Шлейермахера; онъ искренно сожалѣлъ тишину и безмятежность сельской жизни, близость природы; наконецъ, въ Барби у него ос-

тались друзья дѣтства, и ко многимъ изъ своихъ наставниковъ онъ чувствовалъ душевную привязанность. Особенно его безпокоило знать, чтó думаетъ о немъ старый Цембшъ. Шлейермахеръ проситъ Альбертини дать ему на это отвѣтъ, и этотъ курьезный отвѣтъ, рисующій вполнѣ гернгутерскаго школьнаго учителя той эпохи, сохранился въ перепискѣ самыхъ друзей.

«Я сидѣлъ совсѣмъ одинъ въ моемъ нумерѣ XXI—пишетъ Альбертини,—какъ вдругъ входитъ ко мнѣ Цембшъ. «Здравствуй, любезный Альбертини, ты славно выросъ... А Шлейермахеръ, дѣйствительно ушелъ?» Это были его первыя слова. Я отвѣчалъ—да. *Онъ:* зачѣмъ же ты его пустилъ? *Я:* я немогъ его удержать. *Онъ:* высказалъ онъ тебѣ что-нибудь изъ своихъ мыслей и разсужденій? *Я:* нѣтъ, немного. *Онъ:* какое это у него было сомнѣніе? *Я:* не умѣю сказать. (Меня удивляли такіе странные вопросы, такъ какъ я ему объявилъ, что ты мнѣ не сообщалъ ничего). *Онъ:* былъ онъ здѣсь прилеженъ? *Я:* да. *Онъ:* кто же были его друзья? *Я:* я и многіе другіе. *Онъ:* итакъ, въ его глазахъ нашъ возлюбленный Спаситель не имѣетъ больше цѣны? (Я на это промычалъ свое обычное *гмъ!* которое мнѣ оказывало большія услуги, особенно въ столкновеніяхъ съ нашимъ воспитателемъ, и мы скоро перешли къ другимъ предметамъ.) Этотъ разговоръ доказываетъ однако, что Цембшъ не питаетъ къ тебѣ какой-нибудь нехристіанской ненависти».

Къ успокоительнымъ извѣстіямъ изъ Барби присоединилось скоро и начало примиренія съ отцомъ. Отецъ его съ первыхъ же мѣсяцевъ началъ убѣждаться, что поступокъ сына не былъ капризомъ или стремленіемъ вырваться на свободу: со всѣхъ сторонъ до него доходили слухи, что сынъ осудилъ себя на строгую работу безъ устали, и между ними завязалась переписка, возстановившая окончательно добрыя отношенія: Шлейермахеръ вздохнулъ свободнѣе и тѣмъ съ бóльшимъ усердіемъ предался изученію. Впрочемъ, миръ его съ отцомъ не былъ съ его стороны сдѣлкою, усиліемъ помирить свои убѣжденія съ убѣжденіями отца. Попрежнему онъ выражалъ твердо и опредѣленно свои мнѣнія, и на упреки отца, къ которымъ послѣдній возвращался по временамъ, Шлейермахеръ нѣсколько разъ отвѣчалъ, что ему часто встрѣчались люди неправославно-вѣрующіе и въ тоже время непоколебимо честные и благородные, и наоборотъ, ему еще чаще попадались люди совершенно ортодоксальные, но страдавшіе грѣхами больше тѣхъ, даже еще легче подвергавшіеся искушенію. Но все это высказывалось имъ спокойно, безъ малѣйшихъ признаковъ увлеченія, такъ что отецъ не соглашался съ сыномъ, но чувствовалъ невольное уваженіе

къ его словамъ, которыя подкрѣплялись постоянно примѣромъ его собственной жизни, посвященной безпрерывному труду. Вспоминая послѣ о своей жизни въ Галле, самъ Шлейермахеръ говорилъ: «Собственно я не былъ тогда мертвымъ, но нельзя сказать, чтобы я и жилъ, по крайней мѣрѣ внѣшнимъ образомъ».

Говоря такъ, Шлейермахеръ клеветалъ на себя, или лучше сказать, его слова могутъ ввести въ заблужденіе многихъ. По одной геніальности своей природы и широкому всеобъемлющему уму, наконецъ, по характеру, постоянно стремившемуся къ дѣйствительной жизни и выгнавшему его изъ Барби, Шлейермахеръ не чуждался жизни, и не думалъ, что зарыться въ книгахъ, это значитъ сдѣлать все. Но Шлейермахеръ не жертвовалъ ни собою, ни своимъ временемъ для горькаго иногда знакомства съ жизнью: тѣмъ не менѣе знаніе міра онъ почерпалъ изъ самыхъ живыхъ источниковъ. При замкнутости своей личной жизни и исключительномъ посвященіи себя серьезному труду, Шлейермахеръ былъ друженъ съ юношами, которыхъ свѣтскій характеръ и любовь къ приключеніямъ дополняли такъ сказать то, чего недоставало Шлейермахеру. Между такими молодыми людьми ближе всѣхъ стоялъ къ Шлейермахеру Густавъ Бринкманъ, присланный изъ Швеціи для приготовленія къ духовному званію. Это былъ такъ-называемый «славный малый», умѣвшій терпѣливо выслушивать богословскія лекціи по утрамъ, а вечеромъ еще съ бо́льшимъ вниманіемъ ухаживать за дочерями профессоровъ богословія и подносить имъ написанные въ ихъ честь сонеты и мадригалы. Онъ горѣлъ постояннымъ пламенемъ платонической любви, выражавшейся въ довольно гладкихъ стихахъ, гдѣ, напримѣръ, знаменитый тогда профессоръ богословія Эбергардъ являлся подъ именемъ Теофрона (Богомудра), а его дочери, подъ именемъ Юліи и Памены, вмѣстѣ съ нимъ составляли забавно-трогательную пастушескую идиллію. Нерѣдко приходилось Шлейермахеру прерывать свои серьезныя занятія, чтобы сѣсть за поправку и подчистку посланій Бринкмана къ различнымъ Юліямъ и Паменамъ, или идти съ нимъ въ сосѣднюю деревню Пассендорфъ, и тамъ въ Kaffee-Wirthschaft выслушивать невинныя продѣлки своего друга, а иногда и спорить съ нимъ о болѣе важныхъ матеріяхъ.

Судьба Шлейермахера постоянно осуждала его на автодидактическія работы, на необходимость добиваться образованія собственнымъ трудомъ. Въ гернгутерскихъ школахъ, ихъ односторонность, исключительность вынудила Шлейермахера втайнѣ работать надъ тѣмъ, что̀ скрывали отъ него, и прокладывать своему уму собственныя дороги; въ Галле, какъ разъ во времени

поступленія его въ университетъ, дѣла измѣнились очень быстро, и хотя въ другой формѣ, но и тамъ начиналось тогда своего рода гернгутерство. Около того времени скончался Фридрихъ II и съ нимъ вмѣстѣ окончилась прежняя система свободы религіозной мысли, которая поставила галльскій университетъ на одно изъ первыхъ мѣстъ между всѣми университетами Германіи. Въ 1788 году, наканунѣ поступленія въ студенты Шлейермахера, университетъ въ Галле достигъ своей апогеи: 1,156 студентовъ (для того времени весьма крупная цифра) и изъ нихъ 800 богослововъ (съ ними вмѣстѣ считались тогда философы и филологи). Благодаря свободомыслію тогдашняго прусскаго министра Зейдлитца, въ Галле на каѳедрахъ господствовала не только школа знаменитаго Вольфа и критическое богословіе Землера, но даже были приняты преслѣдуемыя тогда начáла воспитанія Базедова. Все это пало съ новымъ правленіемъ и его піэтическими стремленіями, и вмѣстѣ пало значеніе университета съ такою быстротою, что въ Галле скоро оставалось не болѣе 750 студентовъ. Самъ Шлейермахеръ сознается, что онъ не выслушалъ въ цѣлости почти ни одного курса экзегетики, и вообще его богословское образованіе осталось бы, безъ собственныхъ домашнихъ трудовъ, весьма не полнымъ; Шлейермахеръ былъ даже доволенъ тѣмъ, что по крайней мѣрѣ въ Галле его не тревожила болѣе протестантская ортодоксія, и онъ могъ спокойно предаться изученію «Критики чистаго разума», которою Кантъ произвелъ тогда цѣлую революцію въ философскомъ мірѣ.

Отецъ Шлейермахера между тѣмъ, заботясь о будущей карьерѣ сына, не переставалъ совѣтовать ему обратить особенное вниманіе на изученіе новѣйшихъ языковъ, съ цѣлью получить доступъ въ знатные дома и найти себѣ мѣсто домашняго учителя. Въ то время, это было обыкновенною карьерою начинающихъ, такъ какъ получить духовное мѣсто, при массѣ конкуррентовъ, было весьма трудно. Отецъ былъ правъ: о духовномъ мѣстѣ нельзя было и думать; въ мѣстѣ школьнаго учителя Шлейермахеру отказали, потому что онъ былъ слишкомъ малъ ростомъ, чтобъ внушить авторитетъ. Шлейермахера выручилъ опять тотъ же добрый дядя, который еще осенью 1788 года получилъ мѣсто проповѣдника въ Дроссенѣ, верстахъ въ тридцати отъ Франкфурта-на-Одерѣ: онъ опять пригласилъ племянника къ себѣ пожить въ ожиданіи мѣста и для приготовленія къ дальнѣйшему экзамену, чтó было удобно по случаю близости большого города, откуда можно было доставать книги и пособія. Отецъ прислалъ Шлейермахару бездѣлицу для путешествія: съ грѣхомъ пополамъ онъ доѣхалъ въ дилижансѣ до Берлина, и отъ Берлина до Франк-

фурта, а послѣдніе 30 верстъ сдѣлалъ пѣшкомъ, и въ маѣ 1789 года былъ принятъ дядею самымъ дружескимъ образомъ.

V.

Старикъ Штубенраухъ, приглашая къ себѣ юношу, описывалъ ему въ самыхъ привлекательныхъ краскахъ свой городокъ Дроссенъ, его веселыя окрестности, двѣ близълежащія рощи, сосновую и дубовую съ уединеннымъ павильономъ для гуляющихъ, удовольствіе получать изъ Франкфурта газеты и журналы. Въ то время люди не были избалованы какъ мы, и въ Дроссенѣ, въ 30 верстахъ отъ Франкфурта, февральскія книги политическихъ журналовъ получались въ іюнѣ, что впрочемъ не мѣшало читать и нѣсколько разъ перечитывать ихъ фундаментальныя статьи. Изъ Галле старикъ выписалъ, для племянника, Эбергарда «Магазинъ», журналъ философскій. Но драгоцѣннѣе всего для Шлейермахера былъ самъ старикъ-дядя. Рѣдко кому посчастливится въ своей юной жизни встрѣтить такого человѣка, который, не налагая цѣпей авторитета, замѣнилъ бы для него цѣлую школу и такъ благодѣтельно подѣйствовалъ на развитіе воли, какъ то нашелъ себѣ Шлейермахеръ въ дядѣ. Изъ позднѣйшей и тогдашней переписки Шлейермахера, Дильтей умѣлъ составить полный нравственный образъ дроссенскаго проповѣдника и человѣка, какого рѣдко, къ сожалѣнію, удается молодымъ поколѣніямъ встрѣтить въ поколѣніяхъ старшихъ.

«До того времени, предъ юною, открытою душою Шлейермахера возникало одно гернгутерство, система примиренія, ортодоксія. Онъ боролся съ ними и наконецъ раздѣлался совсѣмъ. Но теперь предъ нимъ, въ лицѣ дяди Штубенрауха, возникъ въ первый разъ чистый образъ христіанства, такъ какъ въ немъ соединялось дѣятельное благочестіе его матери съ мужественною зрѣлостью мысли. Этотъ образъ наполнилъ его и успокоилъ на многіе годы. Съ того времени въ его душѣ сложился въ первый разъ идеалъ проповѣдника, нетронутый духомъ теоретическаго сомнѣнія, и онъ не согласился бы промѣнять это званіе ни на какое другое въ свѣтѣ: итакъ, въ этомъ простомъ образѣ сельскаго проповѣдника выросло его убѣжденіе въ безконечной важности званія проповѣдника вообще. Штубенраухъ былъ одинъ изъ тѣхъ обдуманныхъ раціоналистовъ, литературнымъ представителемъ которыхъ, и притомъ блестящимъ, можетъ быть названъ Тширнеръ [1]). Это были все люди, у которыхъ мысль и

[1]) Tzschirner, изъ Бреславля, особенно извѣстенъ своимъ сочиненіемъ «Fall des

чувство стояли гораздо выше многихъ нынѣшнихъ богослововъ, напрасно трудящихся надъ тѣмъ, чтобы умалить ихъ значеніе. Какъ видна въ дядѣ, изъ мельчайшихъ подробностей его жизни, постоянная честность его жизни! Дѣйствительность не можетъ выиграть у него ни одного эгоистическаго шага; никакая нужда, хотя бы она доходила до послѣдней крайности, не возбуждаетъ въ его душѣ никакихъ мелкихъ интересовъ и заботъ; онъ слѣдитъ съ теплымъ участіемъ за великимъ шествіемъ эпохи «просвѣщенія». Такъ олицетворялъ въ себѣ этотъ превосходнѣйшій человѣкъ настоящій духъ сѣверо-германскаго протестантскаго просвѣщенія, которое не ослѣпитъ историка своимъ блескомъ, но за то оно образовало могущественную историческую силу. При чтеніи переписки дяди и племянника, всегда видно, что кругъ ихъ интересовъ обнимаетъ собою все, что волновало тогдашнюю литературу. Такъ понимаешь, почему Кантъ могъ въ своей замкнутости знать все и обо всемъ. Того, что нынѣ зовутъ образованіемъ, у Штубенрауха не было. Это былъ полный реалистъ; но въ тоже время онъ былъ проникнутъ живѣйшимъ интересомъ къ ходу цивилизаціи и политическимъ вопросамъ дня. Преемникъ Фридриха Великаго началъ тогда уже принимать мѣры противъ дальнѣйшаго развитія «просвѣщенія». Шлейермахеръ еще студентомъ былъ свидѣтелемъ реакціонерныхъ мѣръ. Въ тоже время начали ходить безконечные слухи о придворныхъ скандалахъ, о Лихтенау, о Бишофсвердерѣ, и все это тревожило старика. Въ тоже время на горизонтѣ показывалась французская революція и начиналось прусское вмѣшательство: дядя и племянникъ принимали самое страстное участіе въ политическихъ дѣлахъ. Однимъ словомъ, интересы этихъ людей очень мало отличались отъ нынѣшнихъ; конечно, теологія и «просвѣщеніе» тогда стояли все же на первомъ планѣ, и всѣ политическіе разговоры кончались монотоннымъ: «Sed quid hoc ad nos? пусть верховные боги позаботятся о томъ!»—И рядомъ съ этими высокими интересами въ Дроссенѣ протекала хотя узкая, но благодушная жизнь маленькаго городка. Племянникъ совершенно сжился съ нею; по крайней мѣрѣ и послѣ своего отъѣзда онъ не переставалъ получать точнѣйшія извѣстія о всѣхъ мелочахъ маленькой провинціальной жизни. Одни столкновенія съ лютеранскимъ инспекторомъ и капелланомъ раздражали по временамъ стараго дядю. Случался ли смѣшанный бракъ въ общинѣ между

Heidenthums», классическое значеніе котораго не утратилось и до настоящаго времени; къ сожалѣнію, преждевременная смерть автора не дозволила ему довести этотъ прекрасный трудъ до конца.

реформаторами и лютеранами — тотчасъ поднимали крикъ. Потому дядя никогда не хотѣлъ слышать объ уніи, ибо она имѣла бы результатомъ окончательное подавленіе реформаторовъ. Такъ жили, думали и бесѣдовали въ тѣ годы дядя и племянникъ».

Но племянникъ жилъ еще и другою жизнью, которой дядя и не подозрѣвалъ, и только книги его библіотеки, гдѣ запирался часами Шлейермахеръ, были единственными свидѣтелями той внутренней борьбы, которую онъ продолжалъ носить съ собою повсюду. Слѣды этой борьбы обнаруживаются въ перепискѣ Шлейермахера съ Бринкманомъ, который успѣлъ въ это время переселиться изъ Галле въ Берлинъ и измѣнить свое духовное призваніе на дипломатическую карьеру. Изъ этихъ писемъ видно, что Шлейермахеръ сдѣлался въ эту эпоху болѣе, нежели когда-нибудь прежде, рѣшительнымъ противникомъ догматическаго богословія; имъ руководитъ также прежній духъ критическаго изслѣдованія, который повелъ его гораздо дальше общаго теологическаго движенія въ эпоху «просвѣщенія», онъ не хочетъ и слышать о «благочестивомъ разумѣ» или «философскомъ христіанствѣ». По его мнѣнію, именно изъ такого пагубнаго смѣшенія разума съ религіею породились всѣ догматическія системы. «Безъ такого изобрѣтенія — говоритъ онъ — которое называютъ догматикою, христіанство, по моему мнѣнію, никогда не сдѣлалось бы тѣмъ, что оно есть; оно осталось бы собраніемъ нравственныхъ правилъ, каждому пригоднымъ». Шлейермахеръ полагалъ, что именно изъ того обстоятельства, что греки отнесли христіанство къ числу философскихъ сектъ, возникла полная догматика, которая сама стала съ того времени въ зависимость отъ измѣненія философскихъ системъ.

Наконецъ, въ апрѣлѣ 1790 года, Шлейермахеръ рѣшился подвергнуться экзамену и съ этою цѣлью отправился въ Берлинъ, снабженный дядею массою рекомендательныхъ писемъ къ его берлинскимъ друзьямъ. Экзаменъ не представлялъ трудностей и если смущалъ Шлейермахера, то по совершенно особой причинѣ: «Я боюсь,—писалъ онъ Бринкману еще передъ отъѣздомъ изъ Дроссена—что мой добрый геній встряхнетъ своими крыльями надъ моею головой и оставитъ меня въ ту минуту, когда мнѣ придется на экзаменѣ толковать и давать отвѣты на утонченности теологіи, надъ которыми въ душѣ я—смѣюсь». Безъ особаго труда впрочемъ Шлейермахеръ сдѣлался кандидатомъ теологіи; его испытательная проповѣдь была найдена богословами даже слишкомъ ученою и недостаточно популярною; но все это не подвинуло частныхъ дѣлъ Шлейермахера впередъ: не было вакантнаго мѣста! Друзья его дяди нашли, наконецъ, возможность

устроить бѣднаго Шлейермахера домашнимъ учителемъ въ аристократической фамиліи графовъ Дона, главное помѣстье которой, Шлобиттенъ, находилось въ западной Пруссіи, по дорогѣ въ Кёнигсбергъ.

VI.

Такимъ образомъ, Шлейермахеръ внезапно очутился въ свѣтскомъ обществѣ, но онъ не растерялся въ немъ: люди, подобные ему, приготовляются къ свѣту уединеніемъ болѣе, чѣмъ другіе, живя постоянно въ свѣтѣ. Впрочемъ, онъ нашелъ въ семействѣ графовъ Дона такую любовь къ наукѣ, къ искусствамъ, что ему не трудно было очень скоро обжиться и сойтись съ людьми, которыхъ свела съ нимъ чистая случайность. Вотъ какимъ образомъ онъ характеризировалъ въ письмѣ къ одному берлинскому пріятелю членовъ семейства Дона.

«Графиня — писалъ Шлейермахеръ — вѣнецъ всего дома; ей лѣтъ подъ сорокъ; она прекраснаго роста, и никто не подумаетъ, что у нее было двѣнадцать человѣкъ дѣтей; air величественный, полный grace, слѣды прежней красоты не совсѣмъ утратились. Хотя она съ дѣтства была при дворѣ и жила въ высшемъ обществѣ, но она любитъ больше всего семейныя радости и предпочитаетъ быть матерью, женою и хозяйкою, нежели графинею и первою дамою въ странѣ; но насколько то нужно, она знаетъ, кто она, и при всей своей любезности и снисхожденіи умѣетъ поддержать достоинство своего званія. Ея умъ отлично образованъ, а характеръ внушаетъ почтеніе и любовь. Графъ еще совершенно молодымъ человѣкомъ участвовалъ въ послѣднихъ походахъ Семилѣтней войны, но скоро потомъ оставилъ военную службу; при большомъ bon sens, онъ умомъ ниже графини; слишкомъ любитъ военщину и иногда обнаруживаетъ странности, съ которыми впрочемъ можно справиться; но вообще онъ добраго характера, всегда веселъ и любитъ шутить. По своей природѣ онъ горячъ и вспыльчивъ, но умъ его жены смягчаетъ эти недостатки; вообще можно легко замѣтить, что́ въ немъ составляетъ его натуру, и что́ видоизмѣнено вліяніемъ жены. Изъ двѣнадцати дѣтей десятеро въ живыхъ, и восемь изъ нихъ дома. Старшій сынъ путешествовалъ и теперь служитъ при генеральномъ управленіи; второй въ Кёнигсбергѣ (студентъ), его я знаю по слухамъ. Остальные восемь около меня ежедневно. Старшая, графиня Каролина, лѣтъ двадцати (она primus omnium), и хотя ея внѣшность вовсе не блестящая, но она весьма интересна, благодаря тонкому чутью своего сердца, меткости сужде-

нія и легкой наклонности къ мечтательности. Вторая, графиня Фредерика, шестнадцати-семнадцати лѣтъ, соединяетъ въ себѣ все, что только я могъ когда-нибудь представить восхитительнаго и граціознаго въ области ума и красоты. Рожденная и предназначенная для свѣта, она обладаетъ спокойною фантазіею, проницательнымъ умомъ, и ко всему этому преисполнена attachement и безъ всякихъ претензій: какое счастье можетъ она доставить мужу, который будетъ достоинъ подобнаго сокровища! Еще прекраснѣе ея, но далеко не такъ образована и способна третья ея сестра, Августа, которая моложе ея однимъ годомъ. Младшая дочь, Христна, десяти лѣтъ, соединяетъ съ большими талантами и пріятными качествами большое самолюбіе, и мнѣ не мало труда, чтобы справиться съ нею и сломить ея порокъ. Теперь перейду къ моимъ графамъ, которыхъ здѣсь четыре, но самый младшій изъ нихъ, Гельвецій, не состоитъ въ моемъ департаментѣ. Старшій изъ нихъ, графъ Лудвигъ, съ перваго дня такъ понравился мнѣ, что я готовъ здѣсь оставаться ради его одного; мы отлично сошлись. Графъ Фабіанъ, второй, девяти лѣтъ, а графъ Фритцъ, третій, шести лѣтъ, чудный мальчикъ, но къ сожалѣнію любимецъ отца; ихъ дѣтскими характерами я не хочу тебя занимать».

Трудно догадаться по этому письму, что оно принадлежитъ перу юноши, который до тѣхъ поръ не видѣлъ ничего, кромѣ своей геригутерской кельи въ Барби, студентской мансарды въ Галле и домика дяди въ Дроссенѣ. А между тѣмъ это только записка, служившая вѣроятно сокращеніемъ большого письма того же содержанія, писаннаго Шлейермахеромъ отцу. Это письмо не сохранилось, и извѣстно только то, что отецъ Шлейермахера всегда называлъ это письмо — ein Meisterstück.

Въ домѣ графовъ Дона молодой Шлейермахеръ провелъ три съ половиною года, и всегда выражалъ въ письмахъ скромное желаніе «быть въ Шлобиттенѣ полезнымъ настолько, насколько Шлобиттенъ дѣлаетъ его счастливымъ». Дѣйствительно, весь его день распредѣлялся такъ, какъ будто онъ былъ членомъ семейства; и только раннее время утра и поздніе вечерніе часы принадлежали ему исключительно. Кромѣ обычныхъ занятій съ главнымъ своимъ воспитанникомъ, графомъ Лудвигомъ, будущимъ основателемъ прусскаго ландвера, Шлейермахеръ устроилъ лекціи для молодыхъ графинь, и впослѣдствіи, сблизившись съ ними, сообщалъ имъ мало-по-малу свои философскія работы.

Но и здѣсь Шлейермахеръ оставался попрежнему жертвою внутреннихъ тревогъ, всякій разъ, когда ему приходилось запираться въ своей комнатѣ для собственныхъ занятій. Дядя напоминалъ ему постоянно о необходимости готовиться къ экза-

мену pro ministerio; а между тѣмъ его отвращеніе къ догматической теологіи расло съ каждымъ днемъ, и онъ постоянно увлекался философскими работами, мало пригодными для экзамена на полученіе права служить. Обратиться къ отцу съ своими новыми сомнѣніями — Шлейермахеръ не могъ, помня первый свой опытъ и щадя старика; сохранять нравственныя муки въ себѣ было свыше его силъ, и онъ рѣшился открыться во всемъ дядѣ.

По отвѣтамъ старика Штубенрауха можно составить себѣ приблизительное понятіе о силѣ и характерѣ сомнѣній, волновавшихъ его племянника. «Меня радуетъ—такъ пишетъ дядя—что вы по старому питаете ко мнѣ полное довѣріе и открываете предо мною всѣ сокровеннѣйшіе помыслы, — но меня озабочиваетъ одно въ вашемъ письмѣ, и именно потому, что я охотно желалъ бы подать вамъ совѣтъ, но не знаю, какимъ образомъ вы могли бы ограничить избытокъ своей фантазіи (вы сами такъ называете это); съ другой же стороны, нѣкоторыя изъ вашихъ откровеній меня успокоиваютъ, въ особенности же то, что вы мнѣ говорите по поводу новыхъ разговоровъ боговъ Виланда, и такъ какъ вашъ разсудокъ не одобряетъ подобнаго сомнѣнія, то очевидно, такое сомнѣніе не одолѣетъ васъ, и я, слава Богу, совершенно спокоенъ относительно вашего образа мыслей», и т. д. Вскорѣ затѣмъ дядя снова пишетъ: «24 августа. То, что вы пишете мнѣ о Виландѣ и его оригинальной мысли сравнить Юпитера и Іисуса, возбудило во мнѣ сердечную радость; я вижу изъ того, что, при всей игривости вашей фантазіи, вы нисколько не отступили отъ того серьезнаго характера, съ которымъ вы говорили и разсуждали со мною часто объ ортодоксіи и гетеродоксіи». «3 февраля 1793 г. Я вижу изъ вашего письма, что вы желаете выслушать мое мнѣніе о вашемъ невѣріи, какъ вы то называете — если только я хорошо васъ понялъ; ваше невѣріе есть простая игра фантазіи, и вы сами замѣчаете, что у васъ достаточно силы для обузданія ея. Въ такомъ случаѣ это не опасно. Если я не ошибаюсь, то ваше невѣріе происходитъ изъ того, что вы, вслѣдствіе прилежнаго изученія математики, привыкли къ системѣ строгихъ доказательствъ. По моему разумѣнію, математическій методъ не можетъ быть прилагаемъ къ умственнымъ предметамъ. Теперь весь вопросъ въ томъ, можемъ ли мы достигнуть нравственнаго познанія относительно предметовъ, которые насъ особенно интересуютъ, какъ Богъ, Провидѣніе, безсмертіе души?»

Отвѣты дяди мало могли удовлетворять и успокоивать племянника, такъ какъ онъ начиналъ сознавать, что для него уже наступилъ тотъ возрастъ, когда человѣку пора окрѣпнуть въ

убѣжденіяхъ и не считать свои шаги одними школьными опытами. 21 ноября 1792 г., Шлейермахеру исполнилось 24 года, и ему пришло на мысль дать самому себѣ отчетъ въ судьбѣ своего духовнаго развитія. Ему казалось, что онъ достигнулъ высшей точки жизни, съ которой можно удобно обозрѣть все его юношеское существованіе. «Юность — писалъ онъ — лежитъ позади меня; непозволительно дольше оправдывать ограниченность моего ума правами несовершеннолѣтія, и въ надеждѣ на дальнѣйшее просвѣтленіе разума откладывать рѣшеніе важнѣйшихъ и настоятельныхъ задачъ. Господство фантазіи имѣетъ свой конецъ; ея бурныя радости должны уступить мѣсто веселому спокойствію, которое раждается вслѣдствіе изученія вещей въ ихъ взаимной связи между собою. Желаніе быть чѣмъ-нибудь для другихъ перевѣшиваетъ эгоизмъ собственнаго самодовольствія. Мое стремленіе къ истинѣ нашло себѣ основаніе и узнало свои границы. Какое-то чувство здравости души дѣлаетъ меня безпристрастнымъ, и ты, драгоцѣнная свобода, служишь вѣнцомъ всего!...»

Тѣ вышеприведенныя, позднѣйшія письма дяди доказываютъ, что Шлейермахеръ еще напрасно мечталъ о томъ, что имъ достигнута гармонія жизни; ее трудно достигнуть уже и потому, что нельзя достигнуть ея одному, безъ гармоніи со всею окружающею насъ жизнью. Справедливость этого доказалъ Шлейермахеру примѣръ собственной его жизни: въ то время, какъ онъ мечталъ о счастьи своей жизни въ Шлобиттенѣ, судьба готовила ему горькое разочарованіе и, снова лишивъ его убѣжища, погнала дальше на новыя приключенія.

Между старикомъ-графомъ и Шлейермахеромъ давно уже обнаруживались мелкія несогласія, особенно въ вопросахъ тогдашней политики. Шлейермахеръ былъ въ восторгѣ предъ французскою революціею, и даже дядя, при случаѣ, просилъ его въ письмѣ пощадить его прусскій патріотизмъ: «онъ—такъ говорилъ дядя о себѣ — слишкомъ старъ для того, чтобы одинаково съ племянникомъ думать о революціи, которая хотя и была самимъ имъ привѣтствуема, какъ освобожденіе отъ деспотизма, но затѣмъ перешла всякіе предѣлы». Самъ Шлейермахеръ отзывался съ негодованіемъ о казни короля Лудовика XVI; но тѣмъ не менѣе у него возникъ споръ именно по этому поводу съ графомъ Дона: Шлейермахеръ настаивалъ на томъ, что преступленіе революціи состоитъ только въ томъ, что она казнила невиннаго человѣка. Къ политическимъ несогласіямъ начали присоединяться гораздо болѣе непріятные для Шлейермахера споры о началахъ воспитанія дѣтей. Шлейермахеръ безпрестанно жаловался въ своихъ письмахъ, что въ богатомъ домѣ всѣ его

усилія дать серьезное развитіе дѣтямъ ничтожны въ сравненіи съ вреднымъ вліяніемъ всей обстановки. Дѣло окончилось серьезною сценою съ графомъ, и хотя старикъ извинился, но Шлейермахеръ самъ не считалъ болѣе возможнымъ оставаться преподавателемъ тамъ, гдѣ отъ него, повидимому, требовали больше исполнять приказанія, нежели повиноваться своему долгу, какъ самъ его сознаешь.

17 іюня 1793 года, Шлейермахеръ, разставшись впрочемъ съ семействомъ графа самымъ дружелюбнымъ образомъ, явился опять къ своему любимому дядѣ въ Дроссенъ. Предъ отъѣздомъ изъ Шлобиттена, Шлейермахеръ писалъ: «Каждый періодъ въ моей жизни до сихъ поръ служилъ мнѣ школою, и въ этомъ отношеніи мнѣ совершенно пора окончить шлобиттенскую жизнь: чему я тамъ могъ научиться, я научился тамъ вполнѣ. Пойду теперь въ новую школу, можетъ быть уже не столь пріятную; но если она только окажется поучительною, то я буду всегда думать, что мною руководитъ вѣчный Отецъ, какъ своимъ любимымъ дѣтищемъ».

VII.

Шлейермахеръ не ошибся и не могъ ошибиться: будущность была въ его рукахъ настолько, насколько хватила бы небольшая сумма сбереженій, сдѣланныхъ имъ въ послѣднее время, а затѣмъ приходилось какъ можно скорѣе спѣшить къ центру, т.-е. къ Берлину, чтобы найти себѣ новый пріютъ. Другъ его дяди, придворный проводникъ Заккъ успѣлъ на этотъ разъ достать Шлейермахеру мѣсто учителя въ учительской семинаріи со 120-ю талерами годового содержанія. При всѣхъ своихъ личныхъ педагогическихъ способностяхъ, Шлейермахеръ чрезвычайно тяготился своимъ новымъ положеніемъ, помимо скудости содержанія: обученіе дѣтей въ массѣ, надзоръ за цѣлою толпою, дурно притомъ дисциплинированною, все это не соотвѣтствовало его вкусамъ и наклонностямъ. Полгода провелъ такимъ образомъ Шлейермахеръ; но эти полгода не прошли для него совсѣмъ даромъ: въ Берлинѣ онъ успѣлъ ближе познакомиться съ интересами дня и подготовить себѣ знакомства, которыя ему скоро пригодились, когда онъ окончательно переселился въ Берлинъ въ 1796 году.

Изъ переписки его съ дядею въ ту эпоху видно, что Шлейермахера особенно интересовалъ ходъ французской революціи и реакціонное движеніе въ Пруссіи. Онъ сообщалъ дядѣ самымъ подробнымъ образомъ всѣ анекдоты, которые тогда ходили въ городѣ о «гернгутерствующемъ масонствѣ» Вѣллнера и Бишофс-

вердера, этихъ вождей прусскаго мистицизма и реакціи, и съ радостью указывалъ, какъ французская революція осуществляетъ на дѣлѣ его идеалъ объ отдѣленія церкви и государства; «суевѣрія и предразсудки — писалъ онъ — въ душѣ народа вовсе не такъ глубоко вкоренились, какъ то думаютъ обыкновенно». Самымъ счастливымъ событіемъ для Шлейермахера была въ это время встрѣча его съ графомъ Александромъ Дона, который тогда же ввелъ его въ домъ извѣстной Генріетты Герцъ, гдѣ въ то время собиралось все, что было въ оппозиціи съ господствовавшимъ направленіемъ въ правительствѣ и обществѣ; это знакомство имѣло впослѣдствіи самое рѣшительное вліяніе на всю будущность Шлейермахера. Въ домѣ Генріетты Герцъ, Шлейермахеръ, можно сказать, нашелъ всѣ данныя для окончательнаго приготовленія себя къ дѣятельности религіознаго реформатора.

Но матеріальная обстановка Шлейермахера въ Берлинѣ была такъ незавидна, и занятія въ школѣ до того противорѣчили его наклонностямъ, что онъ съ радостью принялъ первое предложенное ему мѣсто адъюнкта у проповѣдника Шумана, родственника его дяди въ провинціальномъ городѣ Ландсбергѣ. «Какъ для меня важно—писалъ Шлейермахеръ отцу — попасть наконецъ въ число тѣхъ, которымъ ввѣряется подобная обязанность, а что я не смотрю на нее, какъ на ремесло къ добыванію хлѣба, и еще менѣе думаю дѣйствовать такъ—обо всемъ этомъ мнѣ нѣтъ надобности и говорить вамъ». Эти слова были написаны тотчасъ послѣ первой проповѣди, которою онъ открылъ новую карьеру. При этомъ онъ сознается, что, при его образѣ мыслей, ему будетъ трудно «дѣйствовать всегда такъ, чтобы съ одной стороны не щадить предразсудковъ, но въ тоже время не огорчить слабыхъ»; съ горечью прибавляетъ онъ, что «по общему мнѣнію, христіанство находится въ пренебреженіи и даже въ презрѣніи».

По показаніямъ современниковъ, слушавшихъ Шлейермахера, Дильтей говоритъ, что «Шлейермахеръ былъ прирожденный ораторъ. Нигдѣ его геній не обнаруживался съ такою силою, какъ съ каѳедры. По всеобщимъ показаніямъ, Германія со временъ Лютера не испытывала такого вліянія проповѣди. Старожилы Берлина и теперь вспоминаютъ о проповѣдяхъ Шлейермахера.... Онъ не писалъ проповѣдей, но приготовлялся къ нимъ мысленно и мысленно обработывалъ рѣчь до мельчайшихъ подробностей и выраженій. Болѣзнь глазъ особенно располагала его къ такому приготовленію». Впечатлѣніе жителей Ландсберга было таково, что по смерти Шумана они просили утвердить Шлейер-

махера на его мѣсто; но въ Берлинѣ нашли его слишкомъ молодымъ и назначили его дядю, который долго отказывался, но наконецъ вынужденъ былъ принять новое мѣсто, когда ему объявили, что и въ случаѣ его отказа племянникъ не будетъ утвержденъ въ Ландсбергѣ. Шлейермахеръ былъ назначенъ вторымъ проповѣдникомъ въ Бранденбургъ, но узнавъ, что при этомъ былъ обойденъ давно ожидавшій этого мѣста кандидатъ, онъ самъ отказался отъ мѣста и снова остался бы ни при чемъ, еслибы Закkъ не устроилъ его проповѣдникомъ въ Charité, — такъ и теперь называется главный госпиталь въ Берлинѣ.

Въ сентябрѣ 1796 года оканчивается такимъ образомъ странническая жизнь Шлейермахера; на этотъ разъ онъ вступилъ въ Берлинъ уже съ тѣмъ, чтобы больше никогда не оставлять его. Но прошло еще шесть лѣтъ, прежде нежели Шлейермахеръ выступилъ на настоящее поприще своей дѣятельности и сталъ во главѣ новой, созданной имъ школы. Берлинъ того времени былъ совершенно новымъ міромъ для Шлейермахера и знакомство съ нимъ дало ему новую работу, тѣмъ болѣе трудную, что именно въ концѣ прошедшаго столѣтія Берлинъ переживалъ самую бурную эпоху борьбы между новыми идеалами жизни и старыми преданіями. Нѣтъ надобности прибавлять, что Шлейермахеръ тѣсно соединился съ представителями первыхъ, и именно съ этого времени домъ Генріетты Герцъ сдѣлался для него почти собственнымъ его домомъ.

Участіе Шлейермахера въ общественной борьбѣ не прошло для него даромъ. На сторону его враговъ перешелъ самъ Заккъ, находя въ Шлейермахерѣ предосудительною его «наклонность къ тѣсному сближенію съ людьми, которыхъ нравы и убѣжденія подозрительны, и вмѣстѣ неудобно соединимою съ тѣмъ, что проповѣднику вмѣняется въ обязанность при его отношеніяхъ къ другимъ». Къ этому присоединилось второе и болѣе существенное обвиненіе. Заккъ находилъ, что тѣ «Рѣчи о религіи», которыя произносилъ Шлейермахеръ въ Charité, куда собирался весь городъ слушать его, есть не что иное, какъ «ораторское изложеніе пантеистической системы», которая отвергаетъ всякую связь съ высшимъ существомъ, а такая связь служитъ для религіи главнымъ мотивомъ добродѣтели, чувства благодарности и повиновенія,—и все это находится въ полномъ противорѣчіи съ задачею христіанскаго проповѣдника».

На оправдательный отвѣтъ Шлейермахера Заккъ отвѣчалъ настоятельнымъ требованіемъ оставить немедленно Берлинъ и принять мѣсто проповѣдника въ Стольпе, на отдаленномъ берегу Балтійскаго моря. Это было настоящее изгнаніе.

Мы должны пока ограничиться одною краткою характеристикою этихъ первыхъ шести лѣтъ второго періода жизни Шлейермахера: эти годы уже тѣсно связаны со всею будущею его общественною дѣятельностью, и намъ можетъ еще представиться случай когда-нибудь возвратиться къ этому времени, если исполнятся ожиданія Дильтея, и онъ успѣетъ собрать въ такомъ же количествѣ письма и матеріалы для второго періода жизни Шлейермахера, въ какомъ дошли до него матеріалы для перваго тома.

Въ заключеніе, приведемъ портретъ Шлейермахера, какъ его записалъ Стеффенсъ, его современникъ, именно въ самомъ концѣ перваго періода жизни. «Шлейермахеръ былъ, какъ извѣстно, маленькаго роста, нѣсколько искривленъ, но такъ, что это нисколько его не безобразило. Въ своихъ движеніяхъ онъ былъ чрезвычайно оживленъ, и черты лица были въ высшей степени выразительны. Острота взгляда его могла даже дѣйствовать отталкивающимъ образомъ: онъ, казалось, пронизывалъ человѣка глазами. Лицо его было продолговатое и рѣзко очерченное; губы крѣпко сжатыя, подбородокъ выступалъ впередъ, глаза оживленные съ блескомъ, взглядъ упорный, серьезный, задумчивый. Я его видалъ въ самыхъ разнообразныхъ обстоятельствахъ жизни, въ задумчивости или за игрой, шутливымъ или раздраженнымъ, среди радости или печали: и всегда на его лицѣ, рядомъ съ преходящимъ движеніемъ, господствовало какое-то невозмутимое ничѣмъ спокойствіе. Но это спокойствіе не было сурово. Тонкая иронія всегда играла въ его чертахъ, и въ тоже время проглядывало дѣтское добродушіе. Среди самаго живого разговора, отъ его вниманія не ускользало ничто: онъ все видѣлъ, хотя бы кто въ сторонѣ прошелъ мимо, и до его слуха долеталъ самый тихій разговоръ другихъ. Искусство навсегда увѣковѣчило его физическія черты: бюстъ Шлейермахера, работы Рауха, принадлежитъ къ числу лучшихъ памятниковъ искусства, и для того, кто, какъ я, жилъ съ нимъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ, Шлейермахеръ въ бюстѣ является какъ живой. Мнѣ еще и теперь часто кажется, когда я стою предъ мраморомъ, что вотъ-вотъ раскроются его плотно-сжатыя губы и онъ заговоритъ».

М. М.

ШОТЛАНДСКІЙ БРАКЪ

И

АНГЛІЙСКАЯ МОЛОДЕЖЬ.

Man and Wife, by Wilkie Collins. 1870.

Послѣдній романъ Уильки-Коллинса «Мужъ и Жена», какъ и всѣ романы этого автора, возбудилъ въ своей, въ англійской публикѣ, самыя противорѣчивыя мнѣнія. Много выпадаетъ на его долю похвалъ, точно также, какъ и много порицаній. Произведенія Уильки-Коллинса массѣ англійской публики явно не нравятся. Какъ въ обществѣ, такъ и въ прессѣ, за романами Уильки-Коллинса утвердилось не совсѣмъ лестное названіе «sensation novels»; эти романы разсчитаны на «сенсацію». Но въ тоже время видимъ, что авторъ ихъ принадлежитъ къ числу тѣхъ романистовъ, которыхъ всегда бранятъ и тѣмъ съ бо́льшимъ еще усердіемъ читаютъ; дѣйствительно, послѣдній успѣхъ Уильки-Коллинса можно считать однимъ изъ самыхъ блестящихъ, выпадающихъ на долю только любимымъ романистамъ.

Новый его романъ раскупается съ такой быстротой, что въ нѣсколько мѣсяцевъ выдержалъ три изданія въ Англіи, явился въ изданіи Таухница въ Лейпцигѣ и дошелъ даже до Америки. Романъ «Мужъ и Жена» былъ первою книгой, которая появилась въ Канадѣ послѣ новой конвенціи о литературной собственности. Гдѣ же искать причины такого громаднаго успѣха, который, можно сказать, растетъ по мѣрѣ порицаній?

Романы читаются преимущественно въ извѣстномъ кругу и пишутся для извѣстнаго круга. Высшіе и средніе классы являются исключительными ихъ потребителями. У низшихъ классовъ совершенно другая литература, съ другимъ характеромъ и другими требованіями. *Романъ* — рѣдко можно встрѣтить въ ихъ рукахъ, это слишкомъ длинное чтеніе, это: «*пріятное времяубійство*», а у бѣднаго человѣка остается слишкомъ мало свободнаго времени, чтобы ему нужно было еще «убивать» его. Онъ счастливъ, когда можетъ найти минуту, чтобы отдохнуть отъ усиленной работы, и если возьметъ книгу, то онъ ищетъ найти въ ней сжатое, незамысловатое представленіе того, что творится на бѣломъ свѣтѣ, надъ чѣмъ онъ можетъ посмѣяться или изъ чего можетъ извлечь пользу. При такомъ требованіи на литературу, обусловленнымъ крайне-ограниченнымъ досугомъ, ему совершенно невозможно читать англійскій романъ, который притомъ обыкновенно растянутъ книжки на двѣ, на три!

Романистъ очень хорошо и знаетъ, что долженъ писать исключительно для высшаго и средняго сословій и, разумѣется, прилагаетъ всѣ свои старанія, чтобы пріятно наполнить досугъ своихъ читателей. Въ Англіи, гдѣ и работа и досугъ развиты, какъ нигдѣ, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе размножается романистовъ; романы и повѣсти сыплются какъ съ неба, по нѣскольку десятковъ въ мѣсяцъ. Скучающая часть человѣчества не успѣваетъ раскупать ихъ. Но въ тоже время англійскіе романы не довольно часто соотвѣтствуютъ требованію: «развлечь и занять». Они очень часто грѣшатъ однообразіемъ, читателю кажется, что это все тѣже лица, только съ другими именами, та же завязка и развязка. А читателямъ давно надоѣло постоянно видѣть предъ глазами ихъ собственные фотографическіе снимки, въ видѣ глубокомысленныхъ джентльменовъ и любезныхъ лэди, въ видѣ мастерски очерченныхъ молодыхъ миссъ и ихъ будничныхъ поклонниковъ. Автору, въ настоящее время, уже трудно заинтересовать читателя описаніемъ чувствъ, мыслей, разговоровъ и дѣйствій подобныхъ героевъ и обстановкой ихъ, взятой изъ будничной жизни. Эта слишкомъ знакомая обстановка не удовлетворяетъ читателя и въ особенности читательницу. Ей интересно прочесть о чемъ-нибудь такомъ, чего замкнутая жизнь ея не показала ей. Однообразныхъ лицъ она уже видитъ слишкомъ много въ дѣйствительной жизни, чтобы особенно заинтересоваться ими въ романѣ. Она ищетъ чего-либо, выходящаго изъ ряда обыденныхъ событій и открывающаго передъ ней другія сферы, недоступныя ей условіями свѣта. Ей нуженъ романъ съ «сенсаціею», она нервно читаетъ страницу такого романа за

страницей; она не спрашиваетъ себя: возможно-ли въ дѣйствительной жизни то, что написано? Она вѣритъ автору нà слово, а если и не совсѣмъ вѣритъ, то не знаетъ жизни настолько, чтобы критиковать положенія, въ которыя авторъ ставитъ своихъ героевъ. Она читаетъ нѣсколько дней сряду «потрясательный романъ» и в пускаетъ его изъ рукъ только тогда, когда того требуютъ условія ея домашней обстановки. Она возвращается къ нему при первой возможности и часто даже забываетъ для него часы необходимаго отдыха. Нервная тревога ея кончается только тогда, когда она съ послѣдней страницей закроетъ книгу.

Романы Уильки-Коллинса вообще, и послѣдній его романъ въ особенности, представляютъ именно такого рода интересъ; они не грѣшатъ однообразіемъ, и романистъ, видно, рѣшается понести упреки со стороны критики за неестественность, стремленіе къ эффектамъ, сенсаціи, лишь бы читатель не бросилъ книги на первыхъ страницахъ. Но талантъ Уильки-Коллинса спасаетъ его на такомъ скользкомъ пути—заинтересовать читателя во что бы то ни стало. Въ каждомъ его романѣ оказывается непремѣнно какая-нибудь серьезная мысль, какой-нибудь житейскій крупный вопросъ, и читатель, заинтересованный сначала талантомъ разсказщика, даже, быть можетъ, злоупотребленіемъ этого таланта, кончитъ непремѣнно тѣмъ, что мало-помалу и незамѣтно для себя перенесетъ свой интересъ съ фабулы романа на вопросы окружающей его жизни, и тогда предъ читателемъ явятся, въ популярной формѣ, тѣ многочисленные процессы житейской борьбы, которые проходитъ каждый изъ насъ съ большею или меньшею полнотою и законченностью. Вотъ почему въ романахъ Уильки-Коллинса такъ много матеріала для осуждающей критики: авторъ употребляетъ слишкомъ много усилій, чтобы заинтересовать читателя, и грѣшитъ нерѣдко противъ жизненной правды, прибѣгаетъ къ натяжкамъ; автора обвиняютъ даже въ небрежности, въ недостаткѣ художественнаго чутья; — и въ тоже время эти романы читаются съ жадностью: вѣрный знакъ того, что авторъ не ограничивается возбужденіемъ одного досужаго любопытства. Но вотъ какимъ образомъ самъ авторъ объясняетъ мотивы своего послѣдняго романа «Мужъ и Жена».

«Разсказъ, предлагаемый здѣсь читателю,—говоритъ Уильки-Коллинсъ въ своемъ предисловіи, — въ одномъ отношеніи отличается отъ разсказовъ, написанныхъ тѣмъ же авторомъ. Фикція опирается здѣсь на дѣйствительные факты и стремится къ тому, чтобы способствовать въ ускоренію реформы нѣкоторыхъ злоу-

потребленій, уже слишкомъ долго терпимыхъ и требующихъ измѣненія.

«Всѣ должны согласиться съ тѣмъ, что законы о бракѣ въ Соединенномъ Королевствѣ—самые возмутительные. Рапортъ королевской коммиссіи, которая была назначена для провѣрки этихъ законовъ, далъ мнѣ достаточно твердую почву, на которую я могъ опереть мое произведеніе. Я предоставилъ читателю возможность провѣрить меня и убѣдиться, что не ввожу его въ заблужденіе, приложивъ въ концѣ книги нѣсколько примѣчаній и ссылокъ на оффиціальный рапортъ королевской коммиссіи.

«Въ то время, какъ я пишу эти строки, парламентъ прилагаетъ всѣ свои старанія, чтобы пресѣчь ужасныя злоупотребленія, подобныя тѣмъ, которыя изображены въ этой книгѣ, въ разсказѣ Эсѳири Десриджъ, — и есть надежда, что въ Англіи законъ признаетъ за замужней женщиной право распоряжаться своей собственностью и зарабатываемыми деньгами. Мнѣ неизвѣстно, сдѣлана ли еще какая-нибудь попытка кромѣ этой, чтобы устранить злоупотребленія, существующія въ законахъ о бракѣ въ Великобританіи и Ирландіи....

...«Относительно же другого вопроса, затронутаго въ этомъ романѣ—вопроса о вліяніи возникшей страсти къ тѣлеснымъ упражненіямъ на здоровье и нравственную сторону слагающагося поколѣнія Англіи — я знаю заранѣе, что многіе за это крайне на меня возстанутъ».

Уильки-Коллинсъ дальше старается доказать, что сверхъестественное упражненіе въ спортахъ всѣхъ видовъ приноситъ явный ущербъ здоровью англійской молодежи, не говоря уже о томъ, что заставляетъ ее совершенно позабывать объ умственномъ и нравственномъ развитіи.

«Я могу ошибаться, находя нѣкоторое соотношеніе между необузданной страстью англичанъ къ физическимъ упражненіямъ и съ недавняго времени все болѣе и болѣе распространяющеюся грубостью и звѣрствомъ въ высшихъ слояхъ англійскаго общества; но никто не можетъ опровергать, что эта грубость и это звѣрство существуютъ и что за эти послѣдніе годы они достигли большихъ размѣровъ. Мы уже такъ сжились съ постыдной привычкой выносить оскорбленія и насилія, что считаемъ ихъ неизбѣжнымъ аттрибутомъ нашего общественнаго строя, и причисляемъ нашихъ современныхъ *дикарей* къ однимъ изъ представителей нашего народа, называя ихъ новоизобрѣтеннымъ именемъ —*суровые* (roughs)».

Конечно, эта послѣдняя сторона романа Уильки-Коллинса

представляетъ болѣе мѣстный интересъ, интересъ англійскаго общества, гдѣ культъ физической силы и мускульнаго развитія дошелъ до злоупотребленія. У насъ, въ этомъ отношеніи, мы не встрѣтимъ никакого *злоупотребленія*, по той простой причинѣ, что у насъ—о чемъ нельзя не пожалѣть—мы еще не встрѣчаемъ и *употребленія*. Въ нашемъ обществѣ мы видимъ скорѣе небрежное отношеніе къ развитію физики молодыхъ поколѣній; между тѣмъ, введеніе принципа военной повинности, безъ сомнѣнія, вызоветъ и у насъ другіе взгляды на физическое воспитаніе, а потому и для насъ любопытно и назидательно увидѣть въ романѣ Уильки-Коллинса впередъ, къ какимъ злоупотребленіямъ можетъ приходить общество въ преслѣдованіи даже такого здраваго начала, какъ: «въ здоровомъ тѣлѣ—здоровая душа».

Авторъ предпосылаетъ разсказу прологъ. Двѣ молодыя дѣвушки во время оно были разлучены судьбой, одна уѣхала въ Индію, другая—осталась въ Англіи. Обѣ бѣдныя, и должны сами зарабатывать свой хлѣбъ. Послѣ ихъ трогательнаго прощанья, послѣднимъ словомъ котораго была клятва вѣчно любить другъ друга — проходитъ двадцать лѣтъ, а черезъ 20 лѣтъ дѣвушка, остававшаяся въ Англіи, Анна, оказывается замужемъ за мистеромъ Ванборуфомъ и имѣетъ дочку двѣнадцати лѣтъ, тоже Анну. Она вступила въ супружескій союзъ прямо со сцены (она была пѣвицей) и спокойно прожила со своимъ мужемъ тридцать лѣтъ. Въ ея домѣ мы находимъ еще ребенка пяти лѣтъ; ребенокъ этотъ — дочь ея подруги Бланшъ, приславшей ей изъ Индіи свою дочку для поправленія здоровья. Дѣвочка зовется тоже Бланшъ, какъ и мать ея.

Тутъ-то и начинается страшная драма: мужъ Анны, мистеръ Ванборуфъ, не довольствуется любовью—онъ хочетъ почета и славы, онъ хочетъ сдѣлаться членомъ палаты лордовъ. Его пѣвица-жена загораживаетъ ему дорогу; для того, чтобы быть въ палатѣ и достигнуть своей цѣли, нужна протекція, нужны связи. Годами онъ моложе своей жены, а тутъ какъ разъ встрѣчается ему молодая лэди, которая явно показывала желаніе соединить свою судьбу съ нимъ. Стыдъ за пѣвицу-жену не позволилъ благородному джентельмену признаться, что онъ уже женатъ; кромѣ того, перспектива блестящаго положенія, достигаемаго бракомъ съ лэди, отуманила ему голову. Онъ рѣшилъ, во что бы то ни стало, найти достаточный предлогъ, чтобы объявить свою первую женитьбу незаконной.

Адвокатъ, мистеръ Деламэнъ, помогаетъ ему въ этомъ; онъ находитъ пунктъ, по которому бракъ оказывается недѣйствительнымъ. Англійскіе законы объявляютъ католическій бракъ незаконнымъ, а патера совершившаго его — преступникомъ, если одинъ изъ бракосочетающихся принялъ католическую вѣру раньше 12-ти мѣсяцевъ до брака. Анна была католичка, влюбленный въ нее молодой человѣкъ—протестантъ. Чтобы угодить ей, онъ перемѣнилъ вѣру и женился на ней шесть недѣль спустя. Обрядъ происходилъ заграницей, священнику и въ голову не пришло спросить, принадлежалъ ли одинъ изъ нихъ когда-нибудь къ другой вѣрѣ. Самъ m-r Ванборуфъ и не подозрѣвалъ, что вступаетъ въ незаконный бракъ.

Будущему члену палаты лордовъ пѣвица-жена надоѣла да и мѣшала, законъ позволялъ выбросить ее на улицу вмѣстѣ съ дочерью—и такъ она очутилась въ одинъ прекрасный день по прежнему дѣвицей Анной Сильвестръ, а дочь ея — незаконно прижитый ею ребенокъ....

М-ръ Деламэнъ остался съ глазу на глазъ съ опозоренной и брошенной женщиной и молча положилъ передъ ней на столъ статью закона. Она посмотрѣла сперва на него, потомъ на бумагу—она не вскрикнула, не сдѣлала попытки убѣжать, а безъ чувствъ упала къ его ногамъ. Онъ поднялъ ее, положилъ на кушетку и подождалъ немного, не вернется ли м-ръ Ванборуфъ. Всматриваясь въ ея красивое лицо — красивое даже въ обморокѣ—онъ сознавалъ, что ей должно быть черезъчуръ тяжело. Да, идущій въ гору адвокатъ, хотя и по-своему, но сознавалъ, что ей было тяжело!

Но *законъ* подтверждалъ его рѣшеніе. Въ ея дѣлѣ сомнѣнія или спорнаго пункта возникнуть не могло—*законъ его подтверждалъ*!

М-ръ Деламэнъ не хотѣлъ дѣлать въ домѣ скандала; онъ не хотѣлъ взять на себя коммиссію сообщить слугамъ о томъ, что случилось въ домѣ—а она все лежала неподвижно. Свѣжій, вечерній вѣтерокъ проникалъ чрезъ открытое окно и игралъ лентами ея кружевного чепчика, развѣвая небольшой локонъ спускающійся на ея шею — а она все лежала неподвижно. Женщина столько лѣтъ любившая его, мать его ребенка — лежала брошенная на полу.

Въ это самое время пріѣзжаетъ изъ Индіи ея подруга; у нея Анна и пристраивается до своей смерти. Анна безъ стыда покорилась своему несчастію; она приняла сначала помощь своей подруги, но вскорѣ устроила себѣ независимое положеніе, давая уроки пѣнія. Она мужественно боролась противъ горя и

болѣзни ради своей дочери—но надломленный организмъ взялъ свое.

Несчастную умирающую женщину преслѣдовало зловѣщее предчувствіе.

— Бланшъ — сказала она — возьмешь ли ты на свое попеченіе моего ребенка?

— Она будетъ *моимъ* ребенкомъ, милая Анна, если тебя не станетъ.

Умирающая замолкла на минуту и задумалась. Вдругъ она страшно задрожала.

— Сохрани это въ тайнѣ — произнесла она — я боюсь за мою дочь!

— Боишься? даже послѣ моего обѣщанія?

Она снова повторила: «Да, я боюсь за нее!»

— Почему же?

— Моя Анна—мое второе *я*; неправда-ли?

— Да.

— Анна любитъ твою дочь точно также горячо, какъ нѣкогда и я тебя любила.

— Да.

— Замѣть, она не называется именемъ своего отца: — она тоже Анна Сильвестръ, какъ и я. Неужели и она кончитъ, какъ я кончаю?...

Послѣдними словами умирающей были просьбы сдѣлать изъ ея Анны гувернантку и не давать ей музыкальнаго образованія, не позволять вступать на сцену. Больная скончалась; дочь ея осталась у Бланшъ.

Десять лѣтъ спустя, идущій въ гору адвокатъ, виновникъ несчастія умершей Анны, достигъ до самой вершины своихъ надеждъ. М-ръ Деламэнъ, пользуясь полнымъ успѣхомъ въ адвокатурѣ, сдѣлался еще популярнѣе въ парламентѣ. Онъ сталъ однимъ изъ самыхъ выдающихся членовъ палаты. Онъ говорилъ ясно, скромно, съ чувствомъ, и никогда не произносилъ длинныхъ рѣчей... Однимъ словомъ, м-ръ Деламэнъ такъ возвысился, что всѣ его друзья начали совѣтовать его двумъ сынкамъ вести порядочную жизнь и приличныя знакомства, такъ какъ они могли въ одно прекрасное утро проснуться сыновьями лорда. Предсказаніе друзей сбылось: м-ръ Деламэнъ сталъ лордомъ Гольчестеромъ.

Дочь Анны оставалась у Бланшъ, у жены сэра Томаса Люнди. Желаніе матери было свято исполнено—Анна сдѣлалась воспитательницей маленькой Бланшъ. Такая же сильная привязанность была между дѣтьми, какъ она когда-то была между

ихъ матерьми. Но и Бланшъ скоро лишилась своей матери — она умерла при переѣздѣ въ Индію къ мужу. Отецъ Бланшъ женился во второй разъ — прожилъ однако недолго; возвратясь изъ Индіи, онъ скончался.

Вотъ и весь прологъ. Онъ вводитъ читателя въ романъ и вмѣстѣ знакомитъ его съ однимъ изъ главныхъ недостатковъ Уильки-Коллинса, съ его привычкою помѣщать въ свои разсказы предчувствія и какое-то мистическое предвидѣніе. Прологъ имѣетъ, потому, одно отношеніе къ будущему разсказу — онъ оправдываетъ предчувствіе умирающей; а авторъ какъ будто хочетъ доказать, что, несмотря на разницу обстановки и воспитанія, на людяхъ часто лежитъ роковая печать, которую нельзя ничѣмъ уничтожить. Дѣйствительно, дочь бѣдной Анны съ первыхъ же страницъ оказывается несчастной, и по винѣ кого-же?—младшаго сына человѣка, который когда-то причинилъ несчастіе и ея матери — младшаго сына лорда Гольчестера, бывшаго адвоката Деламэна.

Но стоило ли писать прологъ почти на семидесяти страницахъ для того, чтобы еще болѣе укоренить подобныя идеи въ людяхъ и безъ того склонныхъ къ вѣрѣ во всевозможныя примѣты и предчувствія?

Романъ начинается рядомъ мастерскихъ портретовъ и характеристикъ, которые, можно сказать, составляютъ главную спеціальность таланта Уильки-Коллинса.

У лэди Люнди, мачихи Бланшъ, собрались какъ-то на ея дачѣ гости и размѣстились въ бесѣдкѣ и около.

Они смѣялись и болтали въ ту минуту, когда на холмикѣ у бесѣдки появилась молоденькая дѣвушка и стала осматривать всѣхъ гостей, какъ генералъ осматриваетъ свой отрядъ.

Она была молода, хороша, цвѣтуща, очаровательна. Одѣта по послѣдней модѣ. Шляпка въ видѣ опрокинутой тарелочки была надвинута на самый лобъ. Шаръ свѣтло-русыхъ волосъ, хорошо надутый, былъ прикрѣпленъ на темени. Водопадъ бусъ катился по ея груди. Эмалевые, майскіе жучки (поразительно похожіе на живыхъ) качались на кончикахъ ея ушей. Обшивка платья была чуднаго, небеснаго цвѣта. Ножки чуть-чуть просвѣчивали сквозь полосатые чулки. Башмаки на ней были такъ-называемаго фасона «Ватто», съ такими высокими каблуками, отъ которыхъ мужчины приходятъ въ ужасъ и спрашиваютъ себя: «Какимъ образомъ удается этой прелестной особѣ держаться на ногахъ?» Представшая въ такомъ видѣ молодая дѣвушка была миссъ

Бланшъ Люнди. Лѣта—восемнадцать. Положеніе въ обществѣ—превосходное. Состояніе — вѣрное. Характеръ — живой. Расположеніе духа — перемѣнчивое. Однимъ словомъ, дитя своего времени, съ недостатками его же и съ его же хорошими качествами, а сверхъ того съ подкладкой откровенности, прямоты и добраго сердца.

— Господа!—воскликнула Бланшъ—замолчите на минутку! Мы сейчасъ будемъ выбирать партнёровъ для крокета! за дѣло! за дѣло! за дѣло!

Въ эту минуту къ Бланшъ подошла дама и посмотрѣвъ на молодую дѣвушку съ упрекомъ, начала благосклонно выговаривать ей.

Эта дама была высока ростомъ и полна. Ей могло быть лѣтъ тридцать пять. У нея былъ орлиный жесткій носъ, прямой подбородокъ, роскошные черные волосы и черные глаза. На ней была великолѣпная одежда цвѣта молодой лани. Во всѣхъ движеніяхъ замѣчалась небрежная грація, которая нравилась съ перваго взгляда, но при ближайшемъ знакомствѣ становилась невыразимо монотонна и скучна. Это была лэди Люнди вторая, вдова сэра Томаса Люнди. Другими словами, это была мачиха Бланшъ и достойная зависти обладательница дома и земель Виндигэта.

— Душа моя — сказала лэди Люнди — слова имѣютъ свое значеніе даже на языкѣ молодой дѣвушки. Неужели вы называете крокетъ «дѣломъ»?

— Однако вы не назовете эту игру «удовольствіемъ» — отозвался изъ глубины бесѣдки серьёзно-ироническій голосъ.

Гости разступились, и изъ среды представителей новѣйшаго общества выступилъ джентльменъ прошедшихъ временъ. Манеры его были изысканны и отличались той граціей и любезностью, которыя совершенно позабыты теперешнимъ поколѣніемъ. Одежда его состояла изъ вычурнаго бѣлаго галстуха, синяго сюртука застегнутаго до верху, нанковыхъ брюкъ и нанковыхъ же стиблетъ. Такое облаченіе возбуждаетъ смѣхъ въ теперешнемъ поколѣніи. Рѣчь его лилась какъ ручей, въ ней можно было замѣтить оригинальность мысли и утонченно-любезный даръ колкаго отвѣта—качества, которыхъ не любитъ и опасается нынѣшняя молодежь. Роста онъ былъ небольшого, тѣлосложенія тонкаго и стройнаго, съ красивой головой покрытой сѣдинами, съ блестящими черными глазами, съ морщинками юмора въ обоихъ углахъ рта. Одна изъ ногъ его представляла то легкое безобразіе, вслѣдствіе котораго человѣка называютъ «колченогимъ». Но онъ такъ же весело мирился съ своею хромотой, какъ и съ

своими годами. Въ обществѣ онъ славился за свою палку изъ слоновой кости, съ табакеркой искусно вдѣланной въ набалдашникѣ. Современное общество боялось его за его ненависть ко всему новому, которая проявлялась кстати и некстати и всегда вызывала въ немъ несчастную способность попадать въ больное мѣсто. Таковъ былъ сэръ Патрикъ Люнди, братъ почившаго баронета сэра Томаса и наслѣдникъ его земель и титула.

Миссъ Бланшъ не обратила ни малѣйшаго вниманія ни на замѣчаніе мачихи, ни на комментарій дяди, указала на столъ, на которомъ лежали молоточки и шары, и, какъ ни въ чемъ не бывало, повторила вопросъ.

— Я предводительствую одной партіей—сказала она—а лэди Люнди другой. Мы поочереди выбираемъ партнёровъ, за мама остается первенство лѣтъ. Итакъ, мама, выбирайте первая.

Лэди Люнди выбрала миссъ Сильвестръ. Гости снова разступились и пропустили ее. Это была дѣвушка въ самой порѣ жизни, одѣтая въ простое бѣлое платье. Когда она показалась и подошла къ хозяйкѣ, всѣ мужчины съ интересомъ посмотрѣли на нее. «Какая прелестная женщина»—шёпотомъ спросилъ одинъ изъ гостей у друга дома — «кто она такая?» — «Гувернантка миссъ Люнди, ничего больше». Въ то время какъ гость дѣлалъ этотъ вопросъ, лэди Люнди и миссъ Сильвестръ стояли лицомъ къ лицу предъ всей компаніей. Гость посмотрѣлъ снова на обѣихъ женщинъ и шепнулъ: «Должно быть что-нибудь неладно между хозяйкой и наставницей?» Другой тоже взглянулъ на нихъ и односложно отвѣтилъ: «Да».

Есть женщины, которыхъ вліяніе на мужчинъ остается необъяснимой тайной для субъектовъ ихъ пола. Гувернантка была одной изъ такихъ. Она наслѣдовала всю очаровательность своей матери, хотя не была одарена ея красотой. Если бы о ней нужно было судить по головкамъ кипсэковъ или по снимкамъ выставленнымъ въ окнахъ магазиновъ эстамповъ—то приговоръ надъ ней былъ бы произнесенъ очень скоро; всякій сказалъ бы: «въ ея лицѣ нѣтъ ни одной правильной черты». Когда миссъ Сильвестръ была спокойна, въ ней не было ничего своеобразно-привлекательнаго. Роста она была средняго, такъ же хорошо сложена, какъ большая часть женщинъ. Волосы и цвѣтъ лица ея — ни темный, ни свѣтлый, а досадно средній. Въ лицѣ ея были даже положительные недостатки, которыхъ невозможно было отрицать. Нервное сокращеніе одного изъ угловъ рта нарушало прямую линію ея губъ, кода она говорила. Нервное блужданіе глаза на той же сторонѣ едва-едва не дѣлало ихъ косыми.

И все же, съ этими положительными недостатками она была одна изъ тѣхъ женщинъ, — замѣчательно-рѣдко встрѣчающихся,—которыя держатъ въ своихъ рукахъ сердца мужчинъ и спокойствіе цѣлыхъ семей. Она шла—и въ ея походкѣ была какая-то утонченная грація, которая заставляла васъ оборачиваться, забывать о чемъ шла рѣчь съ пріятелемъ и безмолвно слѣдить за ней. Она садилась около васъ и заговаривала съ вами — и вотъ, что-то невыразимо нѣжное отражалось въ гримаскѣ рта и въ нервно-содрагающемся глубокомъ сѣромъ глазѣ—и это *что-то* преображало недостатки въ красоту, которою вы восхищались, которая заставляла ваши нервы вздрагивать, когда она случайно прикасалась къ вамъ; ваше сердце удвоенно бьется, когда вы наклоняетесь вмѣстѣ съ ней надъ одной книгой и чувствуете близъ себя ея дыханіе. Понятно, что вы ощущаете все это если вы мужчина. Если же вы женщина, — вы обратились бы къ первой сидящей возлѣ васъ подругѣ съ вопросомъ: «Что̀ могутъ находить въ ней мужчины привлекательнаго?»...

Глаза хозяйки и гувернантки встрѣтились, въ нихъ отразилось явное недовѣріе съ обѣихъ сторонъ. Немногіе не замѣтили, что подъ спокойной поверхностью что-то тлѣло. Миссъ Сильвестръ заговорила первая.

— Благодарю васъ, лэди Люнди, я бы предпочла не играть.

— Неужели? колко спросила лэди Люнди, но такъ какъ мы собрались здѣсь для игры, то это можетъ показаться нѣсколько страннымъ. Развѣ случилось что-нибудь недоброе, миссъ Сильвестръ?

Краска выступила на нѣжныхъ, блѣдныхъ щекахъ миссъ Сильвестръ. Но она исполнила свою обязанность гувернантки— она подчинилась.

— У меня нѣтъ никакой причины, отвѣтила она, мнѣ сегодня немножко нездоровится. Но я буду играть, если вамъ это угодно.

— Я этого непремѣнно желаю, отвѣтила лэди Люнди.

Дошла очередь до Бланшъ. Она нерѣшительно осмотрѣла всѣхъ гостей, глаза ея встрѣтились съ глазами молодого человѣка, стоявшаго на виду. Онъ стоялъ рядомъ съ сэромъ Патрикомъ и былъ столько же яркимъ представителемъ возникшей въ Англіи новой школы «суровыхъ», сколько сэръ Патрикъ былъ поразительнымъ представителемъ школы уже отжившей.

«Современный» юноша былъ очень молодъ и здоровъ, высокъ и мощенъ. Проборъ его курчавыхъ волосъ начинался отъ средины лба, доходилъ прямѣйшей линіей до темени и оканчивался такой же линіей на его красноватомъ затылкѣ. Черты его

лица были настолько правильны, насколько могутъ быть правильны черты человѣческаго лица, но за то и настолько же неосмысленны. Его выраженіе всегда сохраняло изумительно-неподвижное спокойствіе. Мускулы его сильныхъ рукъ обрисовывались на рукавахъ его легкой, лѣтней одежды. Онъ былъ широкъ въ груди, тонокъ въ таліи, твердъ на ногахъ, однимъ словомъ — великолѣпное «животное-человѣкъ» съ головы до ногъ, доведенное до высшей степени физическаго развитія. И имя ему m-r Жоффруа Деламэнъ, обыкновенно называемый «благороднымъ» (honorable) и заслуживающій это названіе по многимъ причинамъ. Во-первыхъ, онъ былъ «благородный»—потому что былъ второй сынъ лорда Гольчестера; во-вторыхъ, онъ достигъ высшей популярности, до которой только могутъ достигать молодые англичане современнаго образованія—онъ былъ чуть ли не первымъ гребцомъ во время университетской перегонки на лодкахъ! Прибавьте къ этому, что никто никогда не видѣлъ его читающимъ что бы то ни было, кромѣ газеты и, никто не запомнитъ, чтобы онъ когда-либо отступился отъ разъ заключеннаго пари—и этого вамъ пока будетъ совершенно достаточно, чтобы составить себѣ полное понятіе объ этомъ благороднѣйшемъ молодомъ англичанинѣ.

М-ръ Деламэнъ играть отказался, Бланшъ должна была искать другого партнёра. Смуглый молодой человѣкъ, съ загорѣлымъ лицомъ, заставляющій предполагать, что онъ долгое время провелъ на морѣ, застѣнчиво подошелъ къ Бланшъ и прошепталъ:

— Выберите меня.

Лицо Бланшъ озарилось пріятной улыбкой. Очевидно было, что этотъ смуглый молодой человѣкъ занималъ особое мѣсто въ ея уваженіи, мѣсто, принадлежавшее ему исключительно.

— Васъ? возразила она кокетливо, вѣдь вы скоро уѣзжаете?

— Но я возвращусь послѣзавтра.

— Вы очень дурно играете!

— Я могу усовершенствоваться, еслибы вы захотѣли поучить меня.

— Неужели? такъ я *хочу* поучить васъ! Она обратилась сіяющая и закраснѣвшаяся къ своей мачихѣ: — Я выбрала м-ра Арнольда.

Вотъ главныя лица романа Уильки-Коллинса. Изъ нѣсколькихъ словъ, переброшенныхъ Арнольдомъ и Бланшъ видно, что между ними существуетъ нѣчто бóльшее, чѣмъ простое знаком-

ство. Дѣйствительно, при началѣ разсказа Арнольдъ дѣлаетъ Бланшъ предложеніе, которое принято. Денежныя дѣла Арнольда требуютъ его немедленнаго отсутствія на нѣсколько дней, такъ что онъ долженъ проститься съ Бланшъ въ самую счастливую минуту. Арнольдъ близкій пріятель Жоффруа Деламэна больше по чувству благодарности, чѣмъ по симпатіи. Жоффруа когда-то спасъ ему жизнь, вытащивъ его изъ воды. Арнольду еще не представлялось случая отплатить своему спасителю какой-нибудь болѣе или менѣе важной услугой, и онъ охотно приметъ на себя одно порученіе Жоффруа. Въ чемъ оно заключалось — увидимъ ниже.

Читатель не ожидаетъ многаго отъ Жоффруа; авторъ обрушиваетъ на него всю свою антипатію и даетъ полное понятіе о своемъ героѣ, назвавъ его «животное-человѣкъ». Человѣческаго въ немъ былъ только *обликъ*, все остальное можно было отнести къ животнымъ инстинктамъ. Въ жизни Жоффруа были три занятія: спортъ, пари и куреніе; все прочее служило ему только аксессуаромъ. Глупость, грубость какъ въ чувствахъ, такъ въ манерахъ и въ языкѣ, полнѣйшее отсутствіе какой бы то ни было привязанности, страшное невѣжество и умственное неразвитіе, доходящее до идіотизма—вотъ какимъ является герой романа Уильки-Коллинса и какимъ остается онъ до послѣдней страницы.

И это-то существо полюбила «утонченно-чувствительная» Анна Сильвестръ и нетолько полюбила его, но пренебрегла для него всѣми условіями свѣта и отдалась ему. Она поставила себя изъ-за него въ самое ужасное положеніе, въ которое только можетъ поставить себя дѣвушка. Какъ случилось, что эти два существа могли почувствовать другъ къ другу симпатію, которая перешла въ любовь—авторъ не говоритъ. Когда читатель встрѣчаетъ ихъ, то романъ ихъ уже оконченъ, читатель долженъ принять его, какъ совершившійся фактъ. Но съ такимъ фактомъ помириться не легко; какимъ образомъ дѣвушка двадцати-пяти лѣтъ, значитъ уже не первой юности, дѣвушка, хорошо знавшая всю страшную исторію своей матери, дѣвушка, которую авторъ хочетъ выставить идеаломъ женскаго развитія, ума, твердости и силы самоотрѣшенія—могла найти въ субъектѣ, подобномъ Жоффруа, такую неотразимую привлекательность, чтобы очертя голову броситься въ его объятія? Авторъ и самъ чувствуетъ, что поставилъ свою героиню въ искусственное положеніе, и что читатель не проститъ ему этой грубой ошибки. И вотъ онъ старается оправдать себя въ цѣлой сценѣ.

«Анна тихо прошла въ самую глубину бесѣдки. На одной

изъ стѣнъ висѣло зеркало; она остановилась, и, посмотрѣвъ въ него, невольно содрогнулась. «Подходитъ время,—подумала она,—когда даже Бланшъ узнаетъ по моему лицу, что̀ со мной!»

«Анна отвернулась отъ зеркала. Со стономъ отчаянія она подняла свои руки, тяжело опустила ихъ на стѣну и склонила на нихъ голову, оборотясь спиной ко входу. Въ дверяхъ показался мужчина — это былъ Жоффруа Деламэнъ.

«Онъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и остановился. Поглощенная своимъ горемъ, Анна ничего не слыхала, она не пошевелилась».

— Я пришелъ, потому что вы этого непремѣнно требовали, сказалъ онъ, но помните, мы здѣсь не въ безопасности.

При звукѣ его голоса Анна обернулась. Когда она подходила къ нему, выраженіе ея лица измѣнялось и придавало ей поразительное сходство съ матерью. Точно также, какъ мать когда-то взглянула на человѣка, который обезславилъ ее, такъ и дочь взглянула на Жоффруа Деламэна,—съ тѣмъ же самообладаніемъ, съ той же сдержанностью.

— Ну-съ, сказалъ онъ, что же вы хотите сообщить мнѣ?

— М-ръ Деламэнъ, отвѣтила она, вы одинъ изъ немногихъ избранниковъ судьбы; вы сынъ лорда; вы красавецъ, вы пользуетесь славой между вашими товарищами, вамъ открытъ доступъ въ лучшіе дома Англіи. Но, можетъ быть, кромѣ всего этого вы имѣете еще и другія качества? Можетъ быть, вы трусъ и подлецъ!

Онъ вздрогнулъ, хотѣлъ что-то сказать, переломилъ себя и сдѣлалъ усиліе, чтобы разсмѣяться.

— Постарайтесь говорить спокойно, сказалъ онъ.

— Говорить спокойно, повторила она,—и это *вы* мнѣ совѣтуете *обуздать* себя? Какая у васъ удивительная память! Вы вѣрно уже забыли о тѣхъ дняхъ, когда я была настолько глупа, что повѣрила въ вашу любовь, и настолько безумна, что вообразила, будто вы можете сдержать данное слово!

Онъ продолжалъ принужденно смѣяться.

— *Безумно* нѣсколько сильное выраженіе, миссъ Сильвестръ.

— *Безумно*—выраженіе именно настоящее. Я вспоминаю о моемъ ослѣпленіи—и оно для меня необъяснимо; я сама не могу понять себя. Что̀ было въ васъ такого,—обратилась она къ нему съ презрительнымъ удивленіемъ, — что̀ могло въ васъ привлечь такую женщину, какъ *я*.

Его несокрушимое спокойствіе устояло даже противъ этого удара. Онъ положилъ руки въ карманы и флегматически произнесъ:

— Ей-Богу не знаю.

Она отвернулась отъ него. Откровенная жестокость его отвѣта не оскорбила ее, и только безпощадно напоминала ей, что она никого больше не имѣетъ права обвинить, кромѣ себя, за то ужасное положеніе, въ которомъ она находилась.

Печальная, грустная ея исторія, но ее нужно разсказать. При жизни матери, Анна была самая нѣжная, любящая дѣвочка. Впослѣдствіи, подъ попеченіемъ подруги матери, юность ея прошла такъ счастливо и такъ спокойно, что, казалось, дремлющія страсти такъ никогда и не проснутся. Она дошла до своей возмужалости и тутъ, въ самую блестящую пору своей жизни, отдалась человѣку, съ которымъ стояла теперь лицомъ къ лицу. Неужели ей нѣтъ извиненья? Нѣтъ, извиненіе все-таки есть.

«Она встрѣтилась съ нимъ — говоритъ авторъ — при другой обстановкѣ, чѣмъ та, въ которой они находились теперь. Она встрѣтилась съ нимъ, когда онъ былъ герой гонки на лодкахъ, первѣйшій человѣкъ по силѣ и ловкости, возбудившій восторгъ и энтузіазмъ цѣлой націи. На *немъ* сосредоточилось все вниманіе, *онъ* сдѣлался идоломъ народнаго поклоненія и восторга; *ему* принадлежали тѣ сильныя руки, которыя восхвалялись во всѣхъ газетахъ, *онъ* былъ первый между героями, провозглашенными гордостью и цвѣтомъ англійской націи, десятками тысячъ кричащихъ голосовъ. Женщина, въ самый разгаръ такого энтузіазма, дѣлается свидѣтельницей апоѳеозы «физической силы». Возможно ли, справедливо ли требовать, чтобы она хладнокровно спросила себя: «Чего (съ точки зрѣнія умственной и нравственной) все это заслуживаетъ?» — и задала бы себѣ этотъ вопросъ въ то время, когда человѣкъ, заслужившій такую славу, обращаетъ на нее вниманіе, представленъ ей, отличаетъ ее отъ всѣхъ прочихъ? Нѣтъ, она тогда не можетъ спокойно анализировать! Пока человѣчество останется такимъ человѣчествомъ, какимъ оно есть — за увлекшейся женщиной всегда останется извиненіе. Развѣ она безъ страданій отдѣлалась отъ этого увлеченія?

«Посмотрите на нее — продолжаетъ авторъ — она стоитъ теперь передъ вашими глазами, мучась своей разгаданной тайной — ужасной тайной, которую она должна скрывать отъ невинной дѣвушки, горячо ею любимой. Посмотрите на нее уничтоженную послѣднимъ униженіемъ, для котораго нѣтъ словъ. Она разгадала любимаго человѣка только теперь, — а теперь уже слишкомъ поздно! Она оцѣнила его по достоинству только теперь, когда въ его рукахъ ея доброе имя. Спросите ее: «что̀ же вы могли полюбить въ человѣкѣ, который говоритъ съ вами, какъ этотъ человѣкъ сейчасъ говорилъ? который обращается съ вами,

какъ онъ сейчасъ обращался? Съ вами, съ такой умной, образованной, деликатной женщиной! Скажите, ради Бога, чтó *вы* могли найти въ немъ?» Спросите ее объ этомъ — и она не будетъ знать, чтó отвѣтить вамъ; она даже не найдется настолько, чтобы напомнить вамъ, что этотъ человѣкъ былъ однажды и *вашимъ* идеаломъ мужской красоты; что *вы* тоже махали ему платкомъ до усталости, когда онъ садился въ лодку рядомъ со своими товарищами, что *ваше* сердце тоже готово было вырваться изъ груди вашей, когда на послѣднихъ бѣгахъ онъ сдѣлалъ прыжокъ и сразу взялъ призъ! Среди горечи своего поздняго раскаянія, она даже не прибѣгаетъ къ этимъ извиненіямъ. Неужели вы не видите въ ея страданіяхъ ничего искупляющаго? Неужели вы можете отвернуться и погнушаться высказать ей сочувствіе?»

Удовлетворенъ ли читатель доводами романиста? Мы думаемъ, скорѣе нѣтъ, чѣмъ да. Это правда, что общество склонно карать отдѣльное лицо за проступокъ, въ которомъ само общество несетъ значительную долю отвѣтственности, увлекаясь безсодержательными явленіями, хотя и въ другой формѣ, нежели какъ увлекалась ими Анна. Но романистъ такъ высоко поставилъ Анну, что ея увлеченіе нуждалось для своего оправданія въ болѣе сильныхъ аргументахъ, тѣмъ болѣе, что авторъ тутъ же рисуетъ намъ сцену, изъ которой видно, что даже безхитростная Бланшъ понимала всю пустоту и грубость Жоффруа.

— Неужели васъ, m-r Деламэнъ, ничего не интересуетъ, кромѣ грубыхъ тѣлесныхъ упражненій? спросила Бланшъ колко, когда онъ отказался играть въ крокетъ — неужели вамъ только и нравится, что грести или высоко прыгать чрезъ барьеръ? Если бы у васъ былъ умъ, вы бы должны были давать и ему отдыхъ. У васъ вмѣсто ума мускулы — почему же вы имъ не дадите отдохнуть?

Колкое замѣчаніе миссъ Люнди скатилось съ Жоффруа Деламэна, какъ съ гуся вода.

— Думайте обо мнѣ что вамъ будетъ угодно — отвѣтилъ онъ съ несокрушимымъ равнодушіемъ. Я здѣсь въ обществѣ женщинъ, и онѣ не хотятъ, чтобъ я курилъ, — я долженъ жертвовать этимъ удовольствіемъ. Я надѣялся, что могу теперь на минуту ускользнуть и доставить себѣ это удовольствіе. Вы этого не желаете — все равно, я буду играть.

— О нѣтъ! разумѣется, идите курить! — отвѣчала Бланшъ.

Возвратимся, впрочемъ, къ прерванной сценѣ.

Послѣ длиннаго разговора съ Анной, въ продолженіи котораго

Жоффруа нѣсколько разъ доводитъ Анну до отчаянія, онъ наконецъ соглашается жениться на ней гражданскимъ бракомъ.

— Говорите, что вы хотите, только не требуйте отъ меня невозможнаго — я не могу жениться на васъ сегодня.

— Вы можете.

— Что за глупости! Домъ и окрестности наполнены гостями! — Это невозможно!

— Это возможно. Я думала объ этомъ. Хотите вы слушать, что̀ я придумала, или нѣтъ!

— Говорите тише.

— Хотите слушать или нѣтъ?

— Чортъ побери ваше упорство! Да.

Планъ Анны заключался въ томъ, что она уѣдетъ въ ближайшую гостинницу, и что Жоффруа пріѣдетъ туда за ней черезъ часъ и они уже отправятся дальше вмѣстѣ. Во избѣжаніе подозрѣнія со стороны хозяйки, она назоветъ себя мистриссъ Сильвестръ, если хозяйка спроситъ ея фамилію. Жоффруа соглашается и обѣщаетъ непремѣнно пріѣхать за ней въ скоромъ времени. Аннѣ удается извиниться предъ леди Люнди головной болью, она наскоро беретъ нѣсколько необходимыхъ вещей и благополучно добирается до желанной цѣли. Въ домѣ узнаютъ скоро, что Анны нѣтъ изъ записки, которую она оставила въ своей комнатѣ. Никто не видѣлъ, какъ она ушла. Леди Люнди спрашиваетъ слугъ поочереди — никто не можетъ дать ей положительнаго отвѣта.

Она позвонила и велѣла послать кухарку. Въ комнату вошла очень замѣчательная особа. Немолодая и спокойная, крайне опрятная и порядочная. Сѣдые волосы ея были гладко причесаны подъ простой бѣлый чепчикъ, ея глаза были впалы и смотрѣли прямо и проницательно въ лицо собесѣднику. По первому взгляду на нее можно было бы сказать, что это добросовѣстная и честная женщина. Немного болѣе всматриваясь въ нее, было ясно, что на этой женщинѣ осталась неизгладимая печать страшныхъ пережитыхъ страданій. Это чувствовалось въ ея мертвомъ спокойствіи. Кухарку, или Эсѳирь Десриджъ, держали въ домѣ за отличное умѣнье готовить кушанья, и за крайнюю честность. За эти качества ей прощали даже ея странности и терпѣли находившіе на нее по временамъ причуды. Эсѳирь была нѣма. Она онѣмѣла еще въ молодости отъ нанесеннаго ей удара, потому у ней всегда была привязана грифельная доска, на которой она писала отвѣты.

Эсѳирь очень утвердительно показала, куда уѣхала Анна. Между тѣмъ явился посланный изъ Лондона, отъ брата Жоф-

фруа съ извѣщеніемъ, что отецъ его боленъ при смерти и что онъ можетъ быть примириться съ нимъ вслѣдствіе ходатайства матери. Братъ настоятельно зоветъ Жоффруа пріѣхать сейчасъ же, чтобы оказаться подъ рукой, если отецъ согласится простить его.

Жоффруа видитъ во всемъ этомъ залогъ своего благосостоянія и прекрасный случай отвязаться отъ Анны, отложивъ бракъ. Но какъ дать ей знать объ этомъ, чрезъ кого? Всѣ уже знаютъ, что она оставила домъ навсегда и поѣхала къ своему «мужу»: она написала это въ запискѣ. Жоффруа вспоминаетъ объ Арнольдѣ, онъ спасъ ему жизнь, онъ имѣетъ полное право требовать отъ него услуги. Жоффруа повѣряетъ Арнольду свою тайну. Арнольдъ *предчувствуетъ* (у Уильки-Коллинса эти предчувствія встрѣчаются очень часто) что-то недоброе, но взявъ во вниманіе, что другъ его спасъ ему жизнь, соглашается оказать Жоффруа услугу. Послѣ долгихъ переговоровъ друзья рѣшаютъ, что Арнольдъ спроситъ въ отелѣ «свою жену» и когда увидитъ Анну, передастъ ей наединѣ записку отъ Жоффруа. Арнольдъ обѣщаетъ все исполнить въ точности, прощается со своей невѣстой, обѣщая вернуться черезъ два дня, и уѣзжаетъ вмѣстѣ съ Жоффруа; тотъ высаживаетъ его недалеко отъ отеля, въ которомъ несчастная Анна ожидаетъ своего невѣрнаго обольстителя. Арнольдъ спрашиваетъ свою «жену», его приводятъ къ Аннѣ.

Анна уничтожена обманомъ своего возлюбленнаго, она долго не можетъ придти въ себя, наконецъ, ею овладѣваетъ *смутный страхъ* за жениха любимой ею дѣвушки. Анна уговариваетъ его уѣхать, но Арнольдъ, ничего не подозрѣвая относительно ея слишкомъ близкихъ связей съ Жоффруа, смѣется и говоритъ, что онъ не можетъ компрометтировать ее и потому не хочетъ сейчасъ же уѣхать. Арнольдъ не знаетъ, какое ему грозитъ несчастіе, Анна чувствуетъ, что онъ можетъ поплатиться за свое великодушіе и не говоритъ ему этого. Арнольдъ распоряжается какъ «мужъ», велитъ принести ужинъ, называетъ ее «женой» при свидѣтеляхъ — Анна все ужасается, трепещетъ, умоляетъ — но молчитъ. Авторъ, какъ бы сознавая, что во всей этой сценѣ, написанной впрочемъ мастерски, есть натяжка, что его героиня, неизвѣстно почему, дѣлаетъ ошибку упорнымъ молчаніемъ, — авторъ призываетъ на подмогу себѣ страшную грозу — Анна мучится вдвойнѣ — она не можетъ рѣшиться сказать страшныхъ словъ, она не можетъ убѣдить Арнольда ѣхать въ такую страшную пору. Скоро положеніе ихъ еще болѣе усложняется. Лэди Люнди и Бланшъ написали Аннѣ письмо, и сэръ Патрикъ пріѣхалъ къ ней передать его. Арнольдъ долженъ былъ въ это время спрятаться въ другую комнату. Только-что сэръ Патрикъ

успѣлъ повернуть спину, какъ среди самаго ужаснаго дождя является промокнувшая до костей Бланшъ. Сердце Арнольда обрывается. Анна тушитъ свѣчи и говоритъ на-скоро Арнольду, чтобы онъ бѣжалъ внизъ въ залу. Арнольдъ, растерянный, сталкивается въ дверяхъ со своей невѣстой, но къ счастію было темно и она не узнаетъ его.

Бланшъ уѣхала, буря прошла; Анна опять начинаетъ умолять Арнольда уѣхать, все-таки не говоря ему ни слова объ опасности. Арнольдъ, наконецъ, соглашается и смотритъ на часы — уже почти ночь; онъ смотритъ на росписаніе желѣзныхъ дорогъ — болѣе часа, какъ уѣхалъ послѣдній поѣздъ. Арнольдъ вынужденъ остаться до утра. Анна въ отчаяніи, но все же не говоритъ ему ни слова, и уходитъ въ свою комнату.

Отецъ Жоффруа между тѣмъ не умеръ; онъ даже поставилъ условіе для примиренія съ сыномъ. Онъ обѣщалъ простить его и не лишить наслѣдства, если Жоффруа женится на порядочной женщинѣ. Мать съ радостью ухватилась за это условіе, невѣста была на примѣтѣ: очаровательная вдовушка съ десятью тысячами фунтовъ годового дохода. Жоффруа это было съ руки, но какъ отдѣлаться отъ Анны?

Впрочемъ что можетъ быть проще этого!? Арнольдъ пошелъ къ ней вмѣсто него, Арнольдъ назвался при свидѣтеляхъ ея мужемъ, Арнольдъ ночевалъ съ ней подъ одной кровлей—кто же послѣ этого ея мужъ, какъ не Арнольдъ? — Но онъ долженъ въ этомъ убѣдиться и поговорить съ компетентнымъ человѣкомъ. Сэръ Патрикъ былъ когда-то знаменитымъ адвокатомъ. Онъ обращается къ сэру Патрику подъ предлогомъ, что одинъ изъ его друзей не знаетъ точно, женатъ ли онъ или нѣтъ, и разсказываетъ ему положеніе Арнольда. Послѣ совѣщанія, Жоффруа встаетъ совершенно осчастливленный. Сэръ Патрикъ, одинъ изъ самыхъ лучшихъ юристовъ Шотландіи, признаетъ его друга законнымъ мужемъ Анны.

Анна все еще оставалась въ гостинницѣ. Въ запискѣ, принесенной Арнольдомъ, Жоффруа обѣщаетъ ей скоро дать о себѣ извѣстіе. Черезъ два дня онъ пишетъ ей изъ Лондона, чтобы она оставалась тамъ гдѣ находится, что онъ опять скоро дастъ о себѣ вѣсть. Анна ждетъ, дни идутъ — ничего не приходитъ. Анна рѣшается оставить гостинницу, но прежде чѣмъ уѣхать совсѣмъ изъ этихъ мѣстъ, она хочетъ видѣть еще разъ Бланшъ. Она обѣщала Бланшъ придти къ ней когда-нибудь въ библіотеку во время завтрака, когда всѣ въ столовой. Бланшъ ждала ее напрасно каждый день; наконецъ, о радость! Анна пришла.

— Кто же у васъ теперь въ домѣ? спросила Анна.

Бланшъ назвала по имени всѣхъ гостей.

— Еще двое пріѣхали сегодня — прибавила она — Арнольдъ и его отвратительный другъ, m-r Деламэнъ.

Это извѣстіе такъ взволновало Анну, что она въ изнеможеніи опустила голову. Волненіе ея было такъ явно, и такъ сильно подѣйствовало на нея, что она едва держалась на ногахъ. Бланшъ видѣла, что ей нужно помочь.

— Ты упадешь безъ чувствъ, я сейчасъ принесу вина!

Бланшъ ушла въ одну дверь, въ другую вошелъ Жоффруа. Занятый своей мыслью, онъ не тотчасъ замѣтилъ Анну. Ея упадающія силы мгновенно воскресли отъ радости снова увидѣть его. Она встала и подошла къ нему. Жоффруа обрѣзалъ разговоръ съ первыхъ словъ:

— И вы еще смѣете требовать,—воскликнулъ онъ, — чтобы я женился на васъ, послѣ того, что произошло въ гостинницѣ?

Анна прислонилась къ столу и оперлась на него одной рукой, а другой схватила свою голову. Она чувствовала, что умъ ея мѣшается. Мыслить послѣдовательно становилось ей невозможно. Она машинально повторяла:—«Въ гостинницѣ? что такое было въ гостинницѣ?»

— Прошу помнить, что я совѣтовался съ юристомъ и говорю съ полной увѣренностью.

Она, казалось, не поняла его и все еще машинально спрашивала: «Что же такое въ гостинницѣ?» Она не могла ничего припомнить и, держась одной рукой за столъ, совершенно подошла къ Жоффруа.

— Отказываетесь ли вы жениться на мнѣ?

— Вы уже замужемъ за Арнольдомъ, отвѣчалъ онъ ей въ упоръ.

Она не вскрикнула, не сдѣлала попытки убѣжать, а безъ чувствъ упала къ ногамъ его, какъ когда-то мать ея упала къ ногамъ его отца. Онъ освободилъ свои ноги изъ складокъ ея платья. «Кончено»!—прошепталъ онъ глядя на нее, когда она лежала безъ чувствъ на полу. Онъ услышалъ шумъ шаговъ, повернулся и вышелъ.

Опомнясь, Анна подъ первымъ предлогомъ оставила свою подругу и бросилась въ ближайшій городъ. Она отправилась къ одному адвокату, разсказала, не называя ни чьихъ именъ, въ чемъ дѣло — тотъ отвѣтилъ ей также утвердительно, что она жена Арнольда. Она бросилась къ другому, тотъ выслушалъ ее и вывелъ такое заключеніе:

— Бракъ вашъ нельзя собственно считать дѣйствительнымъ —сказалъ онъ—конечно, можетъ быть, можно было бы узаконить бракъ, если бы вы подали на этого господина искъ. Но насколько я вижу, вы именно этого-то и не желаете.

Результатомъ разговора съ адвокатомъ была—настоятельная необходимость немедленно увѣдомить Арнольда о томъ положеніи, въ которое онъ поставленъ. Измученная Анна едва доѣхала до дому, она чувствовала страшныя страданія во всемъ тѣлѣ. «Письмо къ Арнольду!—повторяла она—лишь бы только успѣть написать это письмо»!

Но она не успѣла. Письмо осталось едва начатое на столѣ, когда хозяйка гостинницы увидала ее безъ чувствъ лежащую на диванѣ. Скрученный платокъ былъ между ея стиснутыми зубами. Страшно было смотрѣть на ея измученное лицо....

Анна чуть не лишилась жизни и долгое время пролежала въ безпамятствѣ. Никто въ отелѣ не зналъ, кто она такая, откуда она и гдѣ ея друзья. Сдѣлали вызовъ въ газетахъ, но никто не откликнулся.

Въ то время, какъ несчастная Анна почти умирала въ чужомъ городѣ, друзья ея дѣлали все, чтобы напасть на ея слѣдъ. Всѣ ихъ усилія оставались тщетными.

Бланшъ страшно тосковала. Сэръ Патрикъ не зналъ, чѣмъ бы разсѣять ея горе и видѣлъ исходъ только въ одномъ: поторопить свадьбу ея и отправить молодыхъ за-зраницу. Сказано-сдѣлано. Арнольдъ, разумѣется, въ восторгѣ; свадьба состоялась, молодые уѣхали за-границу, взявъ съ сэра Патрика слово, что онъ будетъ постоянно хлопотать объ отысканіи мѣстожительства Анны. До брака, Арнольду нѣсколько разъ случалось быть въ такомъ неловкомъ положеніи, которое собственно требовало бы, чтобы онъ сообщилъ сэру Патрику о вмѣшательствѣ своемъ въ исторію Анны съ Жоффруа; но Арнольдъ далъ ему слово никому никогда не выдавать его секрета, и потому онъ упорно молчалъ.

Что же дѣлаетъ въ это время Жоффруа? Гдѣ главный виновникъ несчастія Анны? Какъ онъ проводитъ время.

Въ лицѣ Жоффруа, авторъ поднимаетъ вопросъ о страшно притупляющемъ вліяніи исключительно физическаго развитія. Въ продолженіи романа авторъ не разъ подходитъ къ этому вопросу, который составляетъ одну изъ задачъ его, и энергически громитъ англійскую молодежь. Приведемъ одну изъ самыхъ выдающихся сценъ.

Изъ гостей леди Люнди, двое были мужчины среднихъ лѣтъ, принадлежащіе къ тому многочисленному разряду людей, которые окрашены природой сѣренькой краской. Они приняли взглядъ своего времени настолько, насколько способности ихъ это позволяли, и занимали въ обществѣ положеніе похожее на то, которое занимаетъ *хоръ* на сценѣ. Они составляли эхо мнѣнія большинства.

Остальные три гостя приближались къ тридцатилѣтнему возрасту. Всѣ трое были знатоки въ скачкахъ и въ тѣлесныхъ упражненіяхъ; превосходно знали достоинство трубокъ и вина, отлично играли на бильярдѣ и держали большія пари. Всѣ трое были въ полномъ невѣдѣніи обо всемъ остальномъ, что происходило подъ луной. Всѣ они были молодые люди знатнаго рода и всѣ имѣли университетскій дипломъ. Личность каждаго изъ нихъ, еслибъ описать ее, представила-бы блѣдный очеркъ съ Жоффруа, потому читатель вполнѣ можетъ удовлетвориться, если мы—говоритъ авторъ—назовемъ ихъ №№ 1, 2, 3 (за полнымъ отсутствіемъ въ нихъ болѣе рѣзкихъ отличій).

Пока сэръ Патрикъ просматривалъ списокъ гостей, приглашенныхъ леди Люнди на ближайшій большой обѣдъ, №№ 1, 2, 3 и тотъ хоръ подошли къ Жоффруа и воззвали къ его авторитету.

— Слушайте, Деламэнъ! вы намъ нужны. Сэръ Патрикъ ведетъ противъ насъ регулярную аттаку, называетъ насъ первобытными британцами, говоритъ, что мы люди необразованные. Онъ сомнѣвается, чтобы мы могли прочитать, написать или сосчитать что бы то ни было безъ ошибокъ. Клянется, что ему опротивѣли господа, которые только и знаютъ, что хвастаться своими мускулами, спорятъ кто изъ нихъ сильнѣе и т. п. Говоритъ самыя ужасныя вещи о человѣкѣ, который ведетъ здоровую жизнь и упражняется физически, потому что онъ не сидитъ уткнувши носъ въ книгу. Онъ говоритъ, что такой человѣкъ способенъ на всѣ преступленія, не исключая даже убійства. Онъ увидѣлъ ваше имя въ газетахъ по случаю объявленія о вашемъ скоромъ бѣгѣ въ перегонку, и когда мы спросили его, заложилъ ли онъ на васъ какое-нибудь пари, онъ отвѣтилъ намъ, что при вашемъ ближайшемъ конкурсѣ въ университетѣ онъ будетъ держать пари на что намъ угодно, намекая, дружище, на вашъ дипломъ.

— Грубо — по мнѣнію № 1-го — намекать на дипломъ.

— Показываетъ дурное воспитаніе, возбуждать вопросы, которыми не интересуются — по мнѣнію № 2.

— Недостойно англичанина насмѣхаться за спиной — по мнѣнію № 3.

Два господина, составляющіе хоръ, согласились съ общимъ мнѣніемъ. «Мнѣнія сэра Патрика чрезвычайно крайнія, неправда-ли Смитъ?»—«Мнѣ кажется, Джонсъ, интересно было бы услышать и мнѣніе господина Деламэна»?

Жоффруа пристально посмотрѣлъ на каждаго изъ своихъ поклонниковъ. Въ его взглядѣ было что-то незнакомое имъ, въ его манерахъ что-то непріятное, что ихъ смутило. (Читатель долженъ знать, что этотъ разговоръ происходилъ передъ тѣмъ, что Жоффруа собирался посовѣтоваться съ сэромъ Патрикомъ о своемъ положеніи относительно Анны, потому Жоффруа не хотѣлъ сдѣлать ему непріятности).

— Вы не можете сами сговориться съ сэромъ Патрикомъ— спросилъ онъ — и вы хотите, чтобы я это сдѣлалъ?

№№ 1, 2, 3 и хоръ отозвались въ одинъ голосъ: «Да».

— Я этого не сдѣлаю!

№№ 1, 2, 3 и хоръ въ одинъ голосъ спросили: «Почему»?

— Потому, что — отвѣтилъ Жофруа — вы всѣ неправы, а сэръ Патрикъ правъ!

Не только удивленіе, но совершенное оцѣпенѣніе повергло депутатовъ въ безмолвіе.

Не сказавъ имъ больше ни слова, Жоффруа подошелъ къ сэру Патрику и заговорилъ съ нимъ. Сателлиты послѣдовали за нимъ и слушали съ изумленіемъ.

— Вы, я слышалъ, готовы биться объ закладъ — сказалъ Жоффруа—что я не получу моего диплома? вы совершенно правы. Вы сомнѣваетесь, чтобы я, или кто бы то ни былъ изъ стоящихъ за мной, могъ читать, писать и считать безошибочно? вы опять совершенно правы. Вы говорите, что люди моего и ихъ сорта, начинающіе свою жизнь перегонками и бѣгами, могутъ кончить ее любымъ преступленіемъ, не исключая даже убійства — какъ знать, можетъ быть вы правы и въ этомъ! Кто же можетъ знать, что съ такимъ человѣкомъ случится! Кто можетъ сказать, совершу ли *я* такое-то преступленіе или кто *другой*. Могу ли я или можете ли вы знать это?

Онъ рѣзко обратился къ ошеломленной аудіенціи: «Вы хотите знать мое мнѣніе — вы его слышали коротко и ясно».

Нетолько въ безстыдствѣ этой выходки, но и въ злорадостномъ удовольствіи, которое видимо испытывалъ говорящій, было что-то необыкновенное, что обдало холодомъ всѣхъ слушателей, не исключая даже сэра Патрика.

Во время общаго молчанія, въ комнату вошолъ еще новый

гость. Это былъ докторъ, пользовавшійся въ Лондонѣ репутаціей одного изъ самыхъ знающихъ врачей.

— Тутъ, кажется, идетъ оживленный споръ? сказалъ онъ— можетъ быть, я тутъ не кстати?

— Споръ конченъ, мы всѣ согласны! буйно воскликнулъ Жоффруа, отвѣчая за всѣхъ — чѣмъ больше согласныхъ, тѣмъ лучше!

Докторъ взглянулъ на Жоффруа и остался у окна.

— Извините—сказалъ сэръ Патрикъ, обратясь къ Жоффруа— мы не *всѣ* согласны. Я не могу позволить вамъ, м-ръ Деламэнъ, присоединять мое мнѣніе къ тѣмъ взглядамъ, которые вы сейчасъ высказали. Послѣ того, что вы сейчасъ сказали, мнѣ остается только возстановить смыслъ словъ, какъ я ихъ сказалъ, а не какъ вы передали ихъ. Не моя вина, если разговоръ нашъ въ саду повторился передъ другими свидѣтелями — вина ваша...

Пока сэръ Патрикъ говорилъ, Жоффруа сѣлъ къ окну, упрямо-безчувственнъ къ тому выговору, который относился къ нему. Его нетерпѣніе узнать мнѣніе компетентнаго человѣка, разрѣшающее ему вопросъ о положеніи Арнольда относительно Анны, заставило его сдѣлать сэру Патрику уступку. Этимъ онъ хотѣлъ отдѣлаться отъ тягостнаго присутствія своихъ товарищей... Докторъ наблюдалъ за нимъ.

— Нашъ маленькій споръ въ саду, сказалъ сэръ Патрикъ, начался по поводу того объявленія, въ которомъ говорится что господинъ Деламэнъ скоро появится однимъ изъ бѣгуновъ въ перегонкахъ около Лондона. Я высказалъ по этому случаю мое *отсталое* мнѣніе, касательно физическихъ упражненій. Очень можетъ быть, что въ пылу спора я былъ немного рѣзокъ, такъ какъ мое мнѣніе совершенно противорѣчило мнѣнію этихъ господъ—мнѣнію, я не сомнѣваюсь въ томъ, добросовѣстно противуположному.

№№ 1, 2 и 3 отвѣтили: «Вы однако должны помнить, что начавъ съ бѣговъ и перегонокъ, вы дошли до висѣлицы! Вы это сказали, это вѣрно»!

Оба господина, составляющіе хоръ, переглянулись: «Мнѣ кажется, Смитъ, что это было сказано?»—«Да, Джонсъ, это навѣрное было сказано».

Единственные два человѣка, которые не обращали видимаго вниманія на этотъ разговоръ, были Жоффруа и докторъ. Первый сидѣлъ равнодушно, одинаково индифферентный къ нападенію и къ защитѣ, второй слѣдилъ за нимъ съ интересомъ человѣка, разсчитывающаго дойти до истины.

— Выслушайте мою защиту, господа! — продолжалъ сэръ

Патрикъ—прошу васъ вспомнить, чтó я сказалъ въ саду. Я сдѣлалъ оговорку. Я допустилъ, что человѣкъ будетъ лучше работать умственно, если онъ съумѣетъ умно распредѣлить свое время и удѣлить долю и физическому упражненію. Весь вопросъ заключается въ томъ, чтобы рѣшить, какая должна быть *пропорція* между умственнымъ трудомъ и физическими упражненіями? Мои сѣтованія на нашу эпоху въ томъ и состоятъ, что англичане не умѣютъ найти этой пропорціи. Общественное мнѣніе въ Англіи, кажется, придаетъ развитію мускуловъ и ума не только равное значеніе, но даже ставитъ физическое развитіе неизмѣримо выше умственнаго. Поясню слова мои примѣромъ. Рѣдко можно видѣть болѣе единодушный и всеобщій энтузіазмъ, какъ энтузіазмъ, вызванный вашими университетскими перегонками на лодкахъ. Я вижу, что развитіе вашихъ мускуловъ вызываетъ восторгъ и торжество во всѣхъ школахъ и коллегіяхъ, и я прошу безпристрастнаго человѣка сказать мнѣ, чтó занимаетъ первое мѣсто какъ въ общественномъ мнѣніи, такъ и въ журналахъ: выставка ли въ самомъ зданіи (во время раздачи наградъ) того, чтó юноши произвели умственнаго, или выставка внѣ зданія (во время спортовъ) того, чтó юноши могутъ совершать тѣломъ? Вы всѣ очень хорошо знаете, чтó изъ двухъ вызываетъ всего болѣе поощреній и чтó увѣнчиваетъ высшими почестями героя дня.

№№ 1, 2 и 3 прошептали: «Мы не имѣемъ ничего возразить на это, мы съ вами до сихъ поръ согласны!»

— Прекрасно—продолжалъ сэръ Патрикъ—мы всѣ согласны. Покажите мнѣ теперь, въ чемъ высказалось благотворное вліяніе этого взрыва современнаго восторга предъ физическимъ развитіемъ и чѣмъ оно отразилось на массѣ народа? Развѣ явилось теперь бóльшее число людей, готовыхъ жертвовать личными интересами для общаго блага? Развѣ мы относимся болѣе серьезно къ соціальнымъ вопросамъ, возникшимъ въ нашу эпоху? Развѣ мы становимся честнѣе относительно улучшенія нашихъ законовъ и въ коммерческихъ оборотахъ? Развѣ въ нашихъ удовольствіяхъ замѣтно болѣе здраваго смысла и вкуса?—а въ выборѣ удовольствій всегда отражается уровень развитія. Отвѣтьте мнѣ на эти вопросы доказательно, и я откажусь видѣть въ маніи къ спорту возвращеніе, подъ новой формой, къ нашимъ первобытнымъ, варварскимъ временамъ... Я сказалъ, что человѣкъ съ большей охотой возвращается къ своимъ книгамъ послѣ здороваго, физическаго моціона, я повторяю это еще разъ, предполагая, что моціонъ не будетъ превышать извѣстныхъ границъ. Но когда симпатіи общества обращены исключительно на физи-

ческое развитіе — то я говорю, что такое общество на скользкомъ пути. Оно заставитъ юношу думать только о тѣлесныхъ упражненіяхъ и сосредоточивать на этомъ всѣ свои интересы. Посвящая на это бо̀льшую часть своего времени, онъ придетъ наконецъ къ тому, что въ немъ мало-по-малу заглохнутъ всѣ умственныя и нравственныя потребности и онъ окажется совершенно неразвитымъ и даже опаснымъ человѣкомъ.

Изъ противнаго лагеря послышались возгласы: «Наконецъ-то онъ до этого добрался! Человѣкъ, который развиваетъ силу данную ему Богомъ—называется человѣкомъ вреднымъ и опаснымъ! Слыхано-ли что-нибудь подобное»?!

Два эхо повторили: «Нѣтъ! ничего подобнаго не слыхано»!

— Возьмемте въ примѣръ—продолжалъ сэръ Патрикъ—молодого человѣка нашего времени, надѣленнаго всѣми качествами хорошаго физическаго развитія. Пусть этого человѣка случайно застигнетъ такое обстоятельство, которое пробудитъ въ немъ всѣ дикіе инстинкты, лежащіе въ глубинѣ человѣческой натуры—инстинкты алчности и жестокости, скрывающіеся подъ каждымъ преступленіемъ. Пусть такой человѣкъ будетъ поставленъ обстоятельствами по отношенію къ другому лицу въ такое положеніе, которое потребуетъ одного изъ двухъ: или пожертвовать всей жизнью этого лица, или отказаться отъ личныхъ интересовъ и желаній. Предположимъ, что счастіе ближняго или жизнь его встанетъ ему препятствіемъ для достиженія какого-нибудь желанія, и онъ безнаказанно можетъ разбить счастіе или уничтожить жизнь другого безъ малѣйшаго ущерба для себя. Что же можетъ остановить его? Развѣ ловкое управленіе весломъ или быстрый бѣгъ, или изумительная выносливость мускуловъ помогутъ одержать нравственную побѣду надъ эгоизмомъ и жестокостью? Основные принципы такихъ упражненій всегда учили его пользоваться въ борьбѣ съ противникомъ превосходствомъ силы и ловкости. Въ его воспитаніи не было ничего смягчающаго суровость его сердца, ничего образующаго его умъ. Искушеніе застигаетъ такого человѣка въ расплохъ, онъ не можетъ сдѣлать никакого отпора. Все равно, какое мѣсто онъ ни занималъ бы въ обществѣ, и на какую-бы высокую ступень судьба ни поставила его, я говорю, что, относительно нравственныхъ побужденій и потребностей, онъ — *животное* и ничего больше. ....Вотъ какъ я поставилъ вопросъ при началѣ этого спора. Я взялъ крайній случай, но вполнѣ возможный — и я не отказываюсь отъ своихъ словъ.

Прежде чѣмъ защитники противнаго мнѣнія успѣли открыть

ротъ, чтобы отвѣтить, Жоффруа вышелъ изъ своего равнодушнаго спокойствія и вскочилъ съ мѣста.

— Стойте!—воскликнулъ онъ угрожающимъ голосомъ, увлеченный желаніемъ отвѣтить самъ. Водворилось общее молчаніе. Жоффруа обернулся къ сэру Патрику и такъ посмотрѣлъ на него, какъ будто тотъ нанесъ ему личное оскорбленіе.

— Кто у васъ этотъ анонимный господинъ, который преслѣдуетъ однѣ свои собственныя цѣли, который никого не жалѣетъ и ни передъ чѣмъ не останавливается? Назовите его?

— Я только беру примѣръ—отвѣтилъ сэръ Патрикъ—я не нападаю на личность.

— Какое вы имѣете право—воскликнулъ Жоффруа, совершенно позабывая въ пылу своего озлобленія, что разсчетъ заставлялъ бы его сдержать себя предъ сэромъ Патрикомъ—какое вы имѣете право брать въ примѣръ гребца, который у васъ непремѣнно отъявленный мерзавецъ, когда гребецъ можетъ быть честнѣйшимъ человѣкомъ! и если уже на то пошло—честнѣе человѣка въ вашей кожѣ!

— Если одинъ случай такъ же возможенъ, какъ другой — что я вполнѣ признаю—отвѣтилъ сэръ Патрикъ—то я не вижу, почему я не имѣю права выбрать тотъ, который больше подходитъ къ моему примѣру. Позвольте, м-ръ Деламэнъ, я кончаю! Я не взялъ вполнѣ извращеннаго человѣка, какъ вы ошибочно предполагаете, но посредственнаго человѣка, съ его долей жестокости и дурныхъ качествъ. Я дѣлаю предположеніе, что такой человѣкъ наталкивается на искушеніе, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, и я стараюсь доказать, что совершенное умственное неразвитіе заставитъ его подпасть подъ вліяніе самыхъ дурныхъ инстинктовъ. Онъ неизбѣжно, шагъ за шагомъ, можетъ дойти до преступленія, начавъ съ невѣжества, будь онъ баринъ, будь онъ уличный бродяга—все равно. Если вы не признаете за мной права брать подобные примѣры, вы или должны отвергнуть, что искушеніе можетъ коснуться человѣка съ кличкой: *баринъ*, или вы должны поставить a priori, что только такіе бары посвящаютъ себя физическому развитію, которые стоятъ выше всякихъ искушеній. Кончая, не могу не высказать моего глубокаго уваженія къ тѣмъ молодымъ людямъ, которые борются противъ заразы возвращающагося первобытнаго варварства. Въ ихъ будущности я вижу будущую надежду Англіи.

Справедливы ли надежды сэра Патрика или нѣтъ, но вѣрно во всякомъ случаѣ одно, что злоупотребленія спорта въ Англіи доходятъ дѣйствительно до величайшихъ безобразій. На скачкахъ и гонкахъ держатся огромныя пари, на которыя уходятъ цѣлыя со-

стоянія, жертвуется счастіемъ семьи, дѣтей, иногда въ отчаяніи люди лишаютъ себя жизни. Изъ-за чего?—изъ-за того, что человѣкъ въ желтомъ нарядѣ гребетъ скорѣе или бѣгаетъ быстрѣе, нежели человѣкъ въ красномъ! Со стороны можно право принять общество, для котораго это составляетъ жизненный вопросъ, за огромный домъ умалишенныхъ. А между тѣмъ, страсть къ спорту, какъ въ прежнее время страсть къ охотѣ—распространяется на Западѣ необыкновенно быстро. Спортъ перешелъ уже во Францію и составляетъ одно изъ любимѣйшихъ удовольствій парижанъ. Кто изъ русскихъ, посѣтившихъ Парижъ, не попадалъ на безсмысленныя гулянья, называемыя «Courses»? Кто не наблюдалъ, съ какимъ жаднымъ интересомъ стремятся цѣлые десятки тысячъ народа посмотрѣть, «какой цвѣтъ» возьметъ призъ! Тысячи разряженныхъ женщинъ занимаютъ мѣста на эстрадахъ или слѣдятъ за перегоняющимися, стоя въ своихъ великолѣпныхъ экипажахъ. На эти «Courses» стекается все, что есть самаго наряднаго, знатнаго, «образованнаго» и богатаго, занимающаго высшее положеніе въ свѣтѣ. Мелкій людъ спѣшитъ туда-же, лавируетъ между экипажами, подвергается невольнымъ ушибамъ лошадей и давкѣ, намѣреннымъ ударамъ распорядительной власти—но все же идетъ, куда притягиваетъ его интересъ взглянуть на зрѣлище, доставляющее такъ много неподдѣльныхъ восторговъ его идеалу—богатому и «образованному» люду. Страсть къ скачкамъ до того распространилась, что даже молодыя дѣвушки «хорошихъ фамилій» не стѣсняясь признаются въ этомъ. Недавно намъ случилось встрѣтить молоденькую дѣвушку съ нѣжнымъ личикомъ и женственной граціей, которая говорила, что больше всего на свѣтѣ она любитъ скачки, что скачки разорятъ ее, когда она будетъ независима. Все окружающее общество одобрительно смѣялось и находило, что она «очаровательна». И все это происходило въ наполеоновскомъ Парижѣ, гдѣ злоупотребленія спорта не могли парализироваться хоть сколько-нибудь тѣми свободными политическими учрежденіями, которыя такъ часто и во многомъ спасаютъ англійское общество.

Жоффруа Деламэнъ, въ ожиданіи наступающей для него новой славы и богатаго супружества съ вдовушкой, мистриссъ Глинармъ, въ 10 тысячъ фунтовъ дохода, увлеченной его достоинствами атлета, продолжалъ вести обычную жизнь и совершенно позабылъ о женщинѣ, судьба которой была испорчена имъ навсегда. Аннѣ въ ея положеніи ничего не оставалось,

какъ написать откровенно Арнольду обо всемъ. Письмо это пришло къ нему чрезъ сэра Патрика въ Баденъ-Баденъ, спустя не болѣе недѣли послѣ его свадьбы. Можно себѣ представить отчаяніе бѣднаго Арнольда. Онъ не могъ сказать страшной правды своей молодой женѣ, онъ не зналъ, что ему дѣлать и немедленно написалъ сэру Патрику, приложивъ письмо Анны въ подлинникѣ. Сэръ Патрикъ былъ возмущенъ и огорченъ до глубины души; но дѣла нельзя было исправить никакимъ образомъ. Арнольдъ скоро возвратился въ Англію, гдѣ его ожидалъ скандальный процессъ.

Лэди Люнди оказала при этомъ Бланшъ «истинно материнскую услугу». Отъ нея, точно также какъ отъ Бланшъ, до поры до времени хотѣли скрыть, въ какомъ положеніи находится Арнольдъ. Но она разузнала все и поспѣшила «исполнить свою обязанность» — разсказавъ Бланшъ въ чемъ дѣло и предложивъ ей свое покровительство. Испуганная Бланшъ вполнѣ довѣрилась мачихѣ и уѣхала съ ней въ Лондонъ. Лэди Люнди сообщила сэру Патрику, что Бланшъ вернется къ Арнольду только въ такомъ случаѣ, если законъ признаетъ его ея мужемъ.

Въ субботу, 3-го октября, люди свѣдущіе въ законахъ должны были рѣшать, дѣйствителенъ ли бракъ между Анной и Арнольдомъ. Для этого всѣ причастныя къ дѣлу лица должны были собраться у лэди Люнди въ ея лондонской квартирѣ. Присутствовали: лэди Люнди, Бланшъ, сэръ Патрикъ, Арнольдъ, Анна, Жоффруа, адвокатъ Жоффруа, адвокатъ лэди Люнди и дядя мистрисъ Глинармъ. Сэръ Патрикъ велъ дѣло Анны.

Во время дебатовъ (собраніе это было частное, и было созвано для того, чтобы адвокаты рѣшили, можетъ ли дѣло быть подано въ судъ и кто изъ двухъ, Жоффруа или Арнольдъ, долженъ выиграть). Жоффруа сидѣлъ молча, какъ будто дѣло его не касалось. Онъ сидѣлъ въ полудремотѣ, опираясь локтями о колѣно и подбородкомъ о палку.

Сэръ Патрикъ вывелъ его изъ оцѣпенѣнія.

— Вы серьезно замѣшаны въ это дѣло — сказалъ онъ—но, кажется, не хотѣли до сихъ поръ принимать въ немъ никакого участія. Вамъ пора одуматься. Взгляните на эту даму.

Жоффруа не пошевельнулся.

— Я ужъ и безъ того на нее достаточно наглядѣлся—грубо отвѣтилъ онъ.

— Вамъ, конечно, должно быть неловко передъ ней, но вы могли бы выразить это нѣсколько учтивѣе. Припомните 14-е августа, отвергаете ли вы, что вы обѣщали миссъ Сильвестръ жениться на ней?

— Я не могу допустить, чтобы вы имѣли право задавать моему кліенту подобные вопросы — сказалъ мистеръ Мой (адвокатъ Жоффруа); онъ не обязанъ отвѣчать на нихъ.

Жоффруа начиналъ приходить въ волненіе, все раздражало его; замѣчаніе адвоката вывело его изъ терпѣнія.

— Я буду отвѣчать на что хочу!—дерзко отвѣтилъ онъ, посмотрѣлъ на сэра Патрика, и потомъ опустилъ глаза: — Я это положительно отрицаю, сказалъ онъ.

— Вы отрицаете, что обѣщали жениться на миссъ Сильвестръ?

— Да.

— Я требую, чтобъ вы посмотрѣли ей въ глаза.

— Я ужъ сказалъ вамъ, что достаточно на нее насмотрѣлся.

— Въ такомъ случаѣ смотрите на меня. Въ моемъ присутствіи, въ присутствіи всѣхъ этихъ лицъ, отрицаете-ли вы, что дали слово миссъ Сильвестръ и обязаны жениться на ней?»

Жоффруа вдругъ поднялъ голову. Его глаза устремились на Патрика и, мало-по-малу широко открываясь, съ ненавистью остановились на Аннѣ.

— Я знаю, чѣмъ я ей обязанъ—сказалъ онъ. Въ его взглядѣ была ненависть, въ его голосѣ злоба. Страшно было смотрѣть на него, страшно слушать. Мистеръ Мой сказалъ ему на ухо: «Сдерживайтесь, или я буду вынужденъ бросить ваше дѣло».— Онъ все продолжалъ смотрѣть на Анну съ тѣмъ же выраженіемъ и, наконецъ, обратился прямо къ ней:

— Еслибъ не вы — я былъ бы женатъ на мистрисъ Глинармъ; еслибъ не вы — я примирился бы съ отцомъ; если-бы не вы—я выигралъ бы бѣгъ. Я знаю, чѣмъ я вамъ обязанъ!— Руки его сжались, голова снова наклонилась, онъ не сказалъ больше ни слова.

Никто не пошевельнулся, никто не произнесъ ни слова. Ужасъ охватилъ каждаго изъ присутствующихъ. Анна взглянула на Бланшъ, но даже и въ эту минуту рѣшимость не оставила ее. Сэръ Патрикъ всталъ, страшное волненіе выразилось на его лицѣ.

— Пойдемте въ другую комнату — сказалъ онъ Аннѣ — я долженъ сейчасъ же переговорить съ вами.

Мистеръ Мой растерялся; ему стало ясно, что у сэра Патрика былъ важный документъ, который онъ могъ представить. Онъ обратился къ Жоффруа.

— Какъ же вы можете оставлять меня въ совершенномъ невѣдѣніи касательно вашего-же дѣла?—сказалъ онъ.

— Я ничего не знаю больше того, что сообщилъ вамъ,—отвѣтилъ тотъ угрюмо.

Когда сэръ Патрикъ и Анна вошли въ пустую комнату, онъ вынулъ изъ бокового кармана записку Жоффруа, написанную на оборотѣ письма Анны (ту самую, которую носилъ ей въ гостиницу Арнольдъ), руки его дрожали, голосъ срывался.

— Я сдѣлалъ все что было возможно—сказалъ онъ—и испробовалъ всѣ средства, чтобы этотъ документъ не былъ представленъ.

— Я вполнѣ цѣню вашу доброту, сэръ Патрикъ. Но вы должны представить его теперь.

Спокойствіе Анны представляло странный и трогательный контрастъ съ волненіемъ сэра Патрика. Онъ взялъ ее за руку, дважды начиналъ говорить и дважды голосъ не повиновался ему. Онъ, наконецъ, подалъ ей письмо молча, она молча положила его на столъ.

— Возьмите это письмо! сказалъ онъ — я не могу показать его, я не смѣю этого сдѣлать! Послѣ того что я видѣлъ и слышалъ, клянусь Богомъ, я не смѣю просить васъ объявить себя женой Жоффруа Деламэна.

Она отвѣтила однимъ словомъ: «Бланшъ»! Онъ нетерпѣливо покачалъ головой.

— Даже ради ея счастія не могу этого сдѣлать! Я убѣжденъ, что я выигралъ бы это дѣло предъ судомъ, не подвергая васъ страшной жертвѣ.

— Вы въ этомъ вполнѣ убѣждены, сэръ Патрикъ?

Вмѣсто отвѣта онъ опять схватилъ письмо.

— Уничтожьте это письмо и положитесь на меня, я никому не скажу, что видѣлъ его.

Она взяла отъ него письмо.

— Уничтожьте его скорѣй—повторилъ онъ—они могутъ отворить дверь, они могутъ войти и увидѣть его въ вашихъ рукахъ.

— Прежде чѣмъ уничтожить его, я хочу сдѣлать вопросъ: Бланшъ отказывается вернуться къ Арнольду прежде, чѣмъ не будетъ имѣть положительнаго удостовѣренія, что онъ ей мужъ. Если я покажу это письмо, можетъ-ли она вернуться къ нему сегодня-же? Если я докажу, что я жена Жоффруа Деламэна, могу ли я разъ навсегда уничтожить подозрѣніе, что Арнольдъ женатъ на мнѣ? Можете ли вы также полно оправдать Арнольда другимъ способомъ? Отвѣтьте мнѣ на это, какъ честный человѣкъ отвѣчаетъ женщинѣ, безусловно довѣряющей ему?

Она посмотрѣла на него, онъ опустилъ глаза и ничего не отвѣтилъ.

— Понимаю — сказала она.

Съ этими словами она подошла къ двери; онъ схватилъ ее за руку, на его глазахъ были слёзы.

— Чего же намъ дожидаться?—спросила она.

— Подождите—отвѣтилъ онъ—сдѣлайте мнѣ эту милость.

Прошло еще нѣсколько мгновеній и они вошли. Мистеръ Мой увидѣлъ письмо въ рукахъ Анны.

— Должна ли я непремѣнно говорить сама или вы окажете мнѣ еще величайшее и послѣднее одолженіе, и будете говорить за меня?—обратилась она къ сэру Патрику.

Онъ взялъ письмо.

— Есть-ли въ этомъ письмѣ обѣщаніе жениться?—спросилъ мистеръ Мой.

Сэръ Патрикъ отвѣтилъ тоже вопросомъ:

— Помните-ли вы дѣло капитана Далримпля и миссъ Гордонъ?

— Я понимаю васъ, сэръ Патрикъ, — отвѣтилъ мистеръ Мой.

Сэръ Патрикъ обратился къ Аннѣ:

— Нѣсколько минутъ тому назадъ, я говорилъ вамъ о страшной неточности законовъ о бракѣ въ Шотландіи. Еслибъ не эта неточность, Арнольдъ не могъ бы очутиться въ томъ положеніи, въ которомъ онъ находится, и настоящія обстоятельства не случились бы. Постарайтесь запомнить это. Эта неточность служитъ причиной не только тѣмъ непріятностямъ, которыя уже кончились, но и тому злу, которое еще совершится. Несмотря на несовершенство шотландскихъ законовъ, одинъ случай они опредѣляютъ вполнѣ ясно: обмѣнъ обѣщаній вступить въ бракъ между мужчиной и женщиной вполнѣ достаточенъ, чтобы считать ихъ мужемъ и женой. Парламентъ одобрилъ этотъ законъ, онъ былъ принятъ и утвержденъ палатой лордовъ. Въ силу этого постановленія, если два лица, живущія въ Шотландіи, обязались другъ другу письменно вступить въ бракъ — бракъ ихъ не подлежитъ спору. Они мужъ и жена въ силу буквы закона.—Онъ обратился къ мистеру Мòю: «Правъ ли я?»

— Совершенно правы, сэръ Патрикъ; меня только немного удивляетъ ваше замѣчаніе. Я самаго высокаго мнѣнія о шотландскихъ законахъ о бракѣ. Они обязываютъ человѣка, обольстившаго и обманувшаго женщину обѣщаніемъ, жениться на ней, признать ее своей женой. Это совершенно согласно съ интересами общественной нравственности.

— Лица здѣсь присутствующія, мистеръ Мой, сейчасъ будутъ имѣть случай оцѣнить нравственное достоинство шотландскаго закона, одобреннаго Англіей. Они сами разсудятъ о той нравственности, которая принуждаетъ брошенную женщину возвратиться къ негодяю, обманувшему ее, и предоставляетъ ей раздѣлываться съ нимъ, какъ она съумѣетъ.

Сказавъ это, сэръ Патрикъ обратился въ послѣдній разъ къ Аннѣ:

— Вы все-таки настаиваете, чтобы я представилъ этотъ документъ.

Она мрачно наклонила голову.

— Моя неумолимая обязанность — сказалъ сэръ Патрикъ — заставляетъ меня объявить отъ имени этой дамы, что вслѣдствіе письменнаго обѣщанія, съ 14-го августа она была и есть въ настоящую минуту *законная жена мистера Жоффруа Деламэна.*

Крикъ ужаса вырвался изъ груди Бланшъ; послѣ пробѣжавшаго неяснаго ропота со стороны другихъ свидѣтелей, водворилась мертвая тишина.

Жоффруа поднялся и уставилъ свой взглядъ на женщину, которая, оказывалось, имѣла право требовать, чтобъ онъ призналъ ее женой. Жоффруа не произнесъ ни слова. Торжество «закона» и «нравственности» было полное. Съ твердой рѣшимостью отмстить, новый «мужъ» грозно смотрѣлъ на обезчещенную имъ женщину, которая была на вѣкъ прикована къ нему, какъ «жена».

Это были два смертельные врага, а общество назвало ихъ «мужемъ» и «женой».

Мистеръ Мой обратился къ Аннѣ.

— Въ силу письменнаго обѣщанія, обмѣненнаго вами въ Шотландіи, требуете ли вы, чтобъ законъ призналъ мистера Жоффруа Деламэна вашимъ мужемъ?

Она утвердительно повторила его слова.

Мистеръ Мой обратился къ Жоффруа, который, наконецъ, вышелъ изъ своего онѣмѣнія.

— Это не подлежитъ больше сомнѣнію? — спросилъ Жоффруа.

— Ни малѣйшему.

— Шотландскій законъ призналъ *ее* моей женой?

— Да, шотландскій законъ призналъ ее вашей женой.

— Предписываетъ ли ей тотъ же законъ всюду слѣдоватъ за мужемъ?

— Да.

Онъ злобно улыбнулся и сдѣлалъ ей знакъ, чтобы она подошла къ нему. Она повиновалась. Сэръ Патрикъ только могъ шепнуть ей: «Положитесь на меня».—Бланшъ бросилась ей на шею и сквозь слёзы воскликнула: «О Анна! Анна!» Анна нѣсколько разъ поцѣловала ее и передала Арнольду. Арнольдъ вспомнилъ ея послѣднія слова въ гостинницѣ: «Вы не оказали дружбу неблагодарной женщинѣ; придетъ день, когда я, можетъ быть, вамъ это докажу». — Онъ посмотрѣлъ на нее съ нѣмымъ восторгомъ; она кивнула ему и подошла къ Жоффруа.

— Я здѣсь, сказала она, что должна я дѣлать?

Съ злой улыбкой онъ подалъ ей руку.

— Мистрисъ Жоффруа Деламэнъ—сказалъ онъ,—поѣдемте домой.

При этихъ словахъ, сэръ Патрикъ вспомнилъ о томъ уединенномъ домѣ, окруженномъ высокимъ заборомъ и стоящемъ въ сторонѣ, который занималъ Жоффруа, о зловѣщемъ лицѣ нѣмой женщины съ неподвижнымъ взглядомъ и рѣзкими манерами; онъ вспомнилъ обо всей этой обстановкѣ, такъ живо переданной ему Анной послѣ ея недавняго посѣщенія Жоффруа съ цѣлью объясниться съ нимъ, и страшная дѣйствительность встала передъ его глазами.

— Нѣтъ! — воскликнулъ онъ, увлеченный великодушнымъ порывомъ — этого не будетъ!

Жоффруа стоялъ молча, ожидая, чтобы она взяла предложенную руку. Анна минуту колебалась, потомъ рѣшительно подняла голову и приняла его руку. Когда они проходили мимо сэра Патрика, онъ загородилъ Жоффруа дорогу. Жоффруа остановился и посмотрѣлъ на сэра Патрика.

— *Законъ* обязываетъ ее повиноваться мужу—сказалъ онъ—*законъ* запрещаетъ вамъ разъединять *мужа* и *жену*.

Правда, абсолютная, неопровержимая правда! *Законъ* точно также утвердилъ принесеніе въ жертву Анны, какъ когда-то утвердилъ принесеніе въ жертву ея матери. Во имя *нравственности* пусть онъ возьметъ ее! Во имя *добродѣтели* пусть она выпутывается какъ съумѣетъ!

Ея мужъ отворилъ ей дверь. Анна обернулась еще разъ и вмѣстѣ со своимъ мужемъ сошла съ лѣстницы. Выходная дверь отворилась и заперлась—они вышли.

«Свершилось — во имя нравственности! Свершилось — во имя добродѣтели! Свершилось—въ эпоху прогресса и въ странѣ славящейся своими законами»—заключаетъ Уильки-Коллинсъ.

Жоффруа позвалъ карету и велѣлъ Аннѣ войти въ нее. Анна повиновалась. Она была такъ измучена, что прислонилась въ уголъ и заснула отъ слабости нервовъ. Жоффруа посмотрѣлъ на нее: «Неужели она дѣйствительно больна? Неужели я скоро отвяжусь отъ нея?»—спрашивалъ онъ себя, всматриваясь въ ея лицо.

Но надежда эта скоро исчезла, и гнусная подозрительность закопошилась въ его умѣ: «А что, если она только прикидывается и убѣжитъ отъ него при первой возможности?» Жоффруа велѣлъ кучеру поворотить и заѣхать къ Пéрри, своему наставнику по части дрессировки для перегонокъ. Онъ вызвалъ юношу и, взявъ его съ собой на ко́злы, велѣлъ кучеру ѣхать къ мистеру Мою. Но адвокатъ принялъ его такъ дурно, что онъ долженъ былъ удалиться. Жоффруа поѣхалъ къ другому адвокату и пробылъ у него болѣе получаса. Анна все сидѣла, не двигаясь. У окна кареты стоялъ юноша и наблюдалъ за всѣми ея движеніями. Наконецъ, карета остановилась въ Фульгамѣ (мѣстечко около Лондона). Вѣроятно сонъ освѣжилъ Анну или можетъ быть видъ этого ненавистнаго дома, наконецъ, пробудилъ въ ней чувство самосохраненія. Хозяйка этого дома была та самая нѣмая кухарка лэди Люнди, которая указала гдѣ Анна. Всѣ манеры этой женщины наводили на Анну непобѣдимый страхъ; морозъ пробѣгалъ по ея тѣлу, когда эта мра́морная женщина выдвигала передъ ней свою доску. Нѣмая Эсѳирь угадала секретъ Анны; она видѣла, что Анна страдаетъ отъ жестокости мужчины, и она выказывала какъ будто удовольствіе видѣть страданія Анны, и вотъ теперь, Анна должна жить между человѣкомъ, который ненавидѣлъ ее, и между женщиной, которая наводила на нее ужасъ.

— Войдите! — сказалъ Жоффруа.

— На какихъ условіяхъ? — спросила она, не двигаясь съ мѣста.

Жоффруа отпустилъ карету и отвѣтилъ ей громко и дерзко:

— На какихъ я пожелаю.

— Ничто въ мірѣ не заставитъ меня быть вашей женой— сказала она твердо — вы можете убить меня, но я не стану жить съ вами.

Онъ сдѣлалъ шагъ къ ней, хотѣлъ что-то сказать и переломилъ себя. Онъ подождалъ и сдержанно отвѣтилъ:

— Я долженъ сообщить вамъ кое-что при свидѣтеляхъ; пойдемте въ домъ.

Она вздрогнула отъ этой внезапной перемѣны. Его мягкость и вѣжливость страшили ее несравненно больше его грубости и

суровости. Они вошли въ домъ. Жоффруа позвалъ хозяйку, дѣвушку и Пе́рри.

— Эта женщина—моя жена, сказалъ онъ,—въ присутствіи васъ троихъ, какъ свидѣтелей, я объявляю, что я не прощаю ей. Я привезъ ее сюда, потому что мнѣ некуда дѣвать ее, пока я хлопочу о возстановленіи моего добраго имени, но я буду жить съ ней розно. Если я пожелаю говорить съ ней, это будетъ при третьемъ лицѣ. Вы поняли меня?

Эсѳирь наклонила голову, другіе двое отвѣтили утвердительно.

— Я ничего не знаю въ своемъ поведеніи, за что бы можно было прощать меня—сказала Анна; я тоже не знаю, что вы хотите сказать, говоря о вашемъ добромъ имени. Я понимаю только, что мы будемъ жить розно въ этомъ домѣ, и я вамъ за это благодарна. Велите одной изъ женщинъ показать мнѣ мою комнату.

Эсѳирь пошла впередъ, Анна послѣдовала за ней. Эсѳирь остановилась въ корридорѣ и написала: «Я знала, что вы вернетесь, между вами и имъ еще не все кончено!» Анна молчала. Эсѳирь опять стала писать, и что-то похожее на улыбку пробѣжало по ея тонкимъ, безцвѣтнымъ губамъ: «Я кое-что знаю о злыхъ мужьяхъ. Вашъ мужъ—одинъ изъ самыхъ злыхъ, онъ будетъ подвергать васъ искушенію».

— Развѣ вы не видите, какъ я измучена? покажите мнѣ мою комнату.

Нѣмая безучастно посмотрѣла на Анну и отворила двери. Анна была дѣйствительно измучена. Она заперла комнату, скоро легла и крѣпко уснула.

Жоффруа не спалъ. Онъ поджидалъ отвѣта отъ адвоката. Онъ безпокойно ходилъ по саду до поздняго вечера, въ подробности разспросилъ, что дѣлала Анна, и хотѣлъ уже войти въ комнаты, когда ему подали письмо. Онъ узналъ почеркъ; письмо было отъ мистрисъ Глинармъ и выражало ея отчаяніе при извѣстіи о «женитьбѣ» Жоффруа.

Жоффруа еще болѣе живо почувствовалъ горечь утраты дохода въ 10,000 фунтовъ; а тутъ является еще адвокатъ и объявляетъ, что на разводъ нѣтъ никакой надежды.

Арнольдъ явился въ гостинницу его посланнымъ и довѣреннымъ и послѣ того ни разу не видѣлся съ ней наединѣ. Все было кончено, законъ не могъ разсѣчь этого гордіева узла— онъ былъ дѣйствительно связанъ съ ненавистной женщиной на вѣки!

Онъ опять вынулъ письмо мистрисъ Глинармъ; все, что

онъ потерялъ, теряя ее, не выходило у него изъ головы. Голова его разгорѣлась, онъ вышелъ въ садъ; долго ходилъ онъ вокругъ дома, ходилъ все быстрѣе и быстрѣе подъ вліяніемъ сильнаго волненія, наконецъ остановился рѣзко и взглянулъ на ея окно. «А какъ?»—сказалъ онъ себѣ—«Вотъ въ этомъ-то и вопросъ, *какъ?*»

Онъ вернулся въ домъ и позвонилъ; дѣвушка вошла и отступила назадъ. Смертная блѣдность разливалась по его лицу, глаза его глядѣли какъ-то потерянно, блуждая вокругъ, потъ крупными каплями выступилъ на его лбу.

— Вы нездоровы, сударь!—воскликнула дѣвушка.

— Молчите! Дайте мнѣ водки.

Онъ отвернулся къ окну и что-то ворчалъ про-себя. Его преслѣдовалъ вопросъ — «какъ?» Онъ обратился за совѣтомъ къ водкѣ.

Анна рано проснулась на другой день. Утро было чудное, свѣтлое. Она отдохнула и опять могла думать и чувствовать, и предъ нею неизбѣжный вопросъ: «Чѣмъ все это кончится?»

Могла ли она на что-нибудь надѣяться? надѣяться на то, напримѣръ, что въ состояніи будетъ сдѣлать что-нибудь сама для себя? Но что же можетъ для себя сдѣлать замужняя женщина? Она можетъ разгласить о своемъ несчастіи, и потомъ раздѣлываться съ общественнымъ мнѣніемъ. Вотъ и все. Она могла надѣяться на сэра Патрика—но могъ ли онъ помочь ей? Бракъ давалъ законное право ея мужу наносить ей такія оскорбленія, при мысли о которыхъ стыла кровь въ ея жилахъ; развѣ сэръ Патрикъ могъ защитить ее отъ нихъ? Безумie! законъ и общество вооружали ея мужа всѣми супружескими правами; законъ и общество закричали бы ей въ одинъ голосъ, еслибы она обратилась къ нимъ: «ты жена его!»

Нечего надѣяться на себя! нечего надѣяться на друзей! ничего нельзя сдѣлать и нужно только ждать — чѣмъ все это кончится!

За дверью послышался голосъ дѣвушки.

— Баринъ проситъ васъ внизъ—сказала она.

Анна послѣдовала за дѣвушкой, припоминая вчерашнія слова Жоффруа, и собираясь съ силами выдержать еще новое испытаніе. Жоффруа стоялъ у окна, Эсөирь у двери. Онъ обернулся, подошелъ къ ней съ искуственной улыбкой и протянулъ ей руку. Она была готова на все, только не на это. Она остановилась,

съ удивленіемъ смотря на него. Онъ заговорилъ не своимъ голосомъ и со сдержанностью ей незнакомой:

— Неужели вы не хотите дать вашему мужу руки, когда мужъ вашъ протягиваетъ вамъ свою?

Анна машинально дала ему руку, но онъ сейчасъ же выпустилъ ее: «Боже! какая ледяная рука!»—воскликнулъ онъ. Его рука горѣла и дрожала. Онъ указалъ на стулъ.—Хотите сдѣлать мнѣ чай?

Анна машинально сдѣлала шагъ къ столу и остановилась.

— Можетъ быть, вы предпочитаете завтракать однѣ?—спросилъ онъ.

— Да, если вы будете такъ добры и позволите! — отвѣтила она.

— Извольте. Но мнѣ нужно сказать вамъ два слова прежде чѣмъ вы уйдете.

Она остановилась.

— Цѣлую ночь я имѣлъ время думать обо всемъ случившемся— сказалъ онъ — и ночь эта переродила меня. Я прошу у васъ прощенья за мои вчерашнія слова. Вчера я былъ самъ не свой, вчера я болталъ глупости. Прошу васъ забудьте это и простите мнѣ. Я хочу начать новую жизнь и раскаяться. Я раскаяваюсь въ моемъ прошломъ поведеніи. Я сдѣлаю все, чтобы быть хорошимъ мужемъ. Прошу васъ дать мнѣ надежду, что вы не отвергнете моего раскаянія въ присутствіи посторонняго лица. Но я не хочу принуждать васъ. Бракъ нашъ совершенъ—что пользы жалѣть объ этомъ? Оставайтесь здѣсь на какихъ вамъ угодно условіяхъ, я на все согласенъ. Я объявляю это при свидѣтеляхъ. Подумайте о моихъ словахъ. До свиданья!

Онъ говорилъ, будто отвѣчалъ трудный урокъ; глаза его смотрѣли въ полъ, пальцы нервно играли пуговицей. Анна вышла и остановилась на минуту; она никогда еще не ощущала въ его присутствіи такого непобѣдимаго ужаса. Эсѳирь внимательно посмотрѣла на нее; зловѣщая доска появилась передъ глазами ея. «Вы ему вѣрите?»—стояло на ней. Анна отбросила доску и съ бьющимся сердцемъ вбѣжала къ себѣ.

«Онъ что-нибудь противъ меня замышляетъ!... Но что»!?

Болѣзненный, чисто физическій страхъ, совершенно ей незнакомый, охватилъ ее. Неотвязная мысль, что готовится что-то противъ нея, не оставляла ее; сердце ея стучало; голова кружилась...

Кто-то позвонилъ у калитки. Черезъ нѣсколько минутъ Эсѳирь подала ей записку отъ Жоффруа: «Мой отецъ умеръ вчера. На-

пишите что вамъ нужно для траура; не безпокойтесь ѣхать въ Лондонъ, вамъ все принесутъ на домъ».

Анна разсѣянно опустила записку на колѣни. Ужасная доска опять появилась со словами: «Онъ пилъ всю ночь, онъ опять пьетъ, я знаю, что̀ это означаетъ. Будьте на сторожѣ!»

Опять позвонили; въ этотъ разъ пришло письмо отъ Бланшъ. Его принесъ самъ Жоффруа.

— Могу я, по праву мужа, прочесть что̀ вамъ пишутъ?

Онъ прочелъ письмо и отдалъ его.

— Просятъ свиданья, но мой отецъ умеръ только вчера. Жена моя не можетъ принимать гостей, пока онъ еще не похороненъ. Я не желаю огорчать васъ, я только нахожу, что неприлично принимать въ такое время гостей. Напишите отвѣтъ въ этомъ смыслѣ, его отнесутъ по адресу.

Онъ вышелъ, она осталась неподвижна. Черезъ нѣсколько времени вошла Эсѳирь за отвѣтомъ: «Онъ замкнулъ обѣ калитки и взялъ ключи. Когда звонятъ, мы должны спрашивать ключъ у него. Онъ написалъ письмо женщинѣ; на конвертѣ стоитъ: мистрисъ Глинармъ. Онъ пилъ еще водки. Совершенно какъ мой мужъ. Остерегайтесь!»

Калитки высокихъ стѣнъ замкнуты! Друзья отдалены! Одиночное заключеніе и мужъ тюремщикъ! Не прошло еще и сутокъ, а дѣло дошло уже до этого. Что-жъ будетъ дальше?

Посланный, взявшій записку Анны, выходилъ изъ калитки.

— Смотрите, не забудьте книги!—крикнулъ Жоффруа.

«Книги? какія книги? кому нужны книги?» — преслѣдовалъ Анну вопросъ.

Жоффруа окликнулъ Анну. Она подошла къ окну.

— Если вы захотите подышать воздухомъ и погулять, располагайте садомъ. Онъ къ вашимъ услугамъ.

Послѣ нѣкотораго колебанія, Анна рѣшилась идти въ садъ. Въ ея томительномъ настроеніи она не могла дольше оставаться въ четырехъ стѣнахъ, и если ловушка Жоффруа находилась въ саду, то она готова была подвергнуться ей, лишь бы не быть наединѣ съ собой. Она надѣла шляпу и вышла.

Она гуляла долго, но никакой ловушки не оказывалось. У калитки опять позвонили; теперь пріѣхала мать Жоффруа и пожелала ее видѣть. Она обласкала Анну, понявъ ея обстановку; она даже простила ее за то, что она разрушила ея надежды имѣть невѣсткой мистрисъ Глинармъ. Это дало Аннѣ лучъ надежды...

«Его мать пожалѣла меня — думала она, — вѣрно будетъ какая-нибудь перемѣна».

Перемѣна была въ тотъ же вечеръ. Его мать пріѣхала снова, въ этотъ разъ уже въ сопровожденіи брата, съ цѣлью уговорить Жоффруа разъѣхаться съ женой. Развода онъ требовать не могъ, у него для этого не было достаточныхъ причинъ, но онъ могъ разъѣхаться съ женой полюбовно. Это однако отнимало бы у него право заключить другой бракъ. Жоффруа не было въ комнатѣ, за нимъ послали. На столѣ лежали книги. Это были книги, о которыхъ напоминалъ Жоффруа посланному. Они состояли изъ отчетовъ уголовныхъ случаевъ въ Англіи и составляли такъ-называемый «Ньюгэтскій Календарь» (Ньюгетъ — главная тюрьма въ Лондонѣ). Юліусъ посмотрѣлъ на нихъ.

— Литературный вкусъ моего братца! — сказалъ онъ съ горькой усмѣшкой.

Жоффруа пришелъ, выслушалъ предложеніе и отказалъ наотрѣзъ вести какіе бы то ни было переговоры по этому предложенію.

— Если ты согласишься разъѣхаться съ Анной, такъ какъ вы оба несчастны, я сейчасъ же узаконю неподписанное завѣщаніе отца. Что ты на это скажешь? спрашивалъ Юліусъ.

— Я говорю — *нѣтъ!*

Лэди Гольчестеръ вмѣшалась въ разговоръ.

— Доброе предложеніе твоего брата заслуживало бы лучшаго отвѣта.

— Мой единственный отвѣтъ—повторилъ Жоффруа—*нѣтъ.*

— При вашихъ отношеніяхъ—сказалъ Юліусъ—такой отвѣтъ чистѣйшее безуміе!—я его не принимаю.

— Дѣлай какъ знаешь. Мое рѣшеніе непоколебимо. Я не позволю, чтобъ у меня отнимали жену. Она будетъ жить со мной!

Рѣзкій тонъ его возмутилъ лэди Гольчестеръ.

— Берегись!—воскликнула она—ты не только гнуснѣйшимъ образомъ ведешь себя съ братомъ, ты заставляешь мать свою подозрѣвать тебя. У тебя есть какая-нибудь тайная причина, которую ты скрываешь отъ насъ!

Онъ посмотрѣлъ на мать свою съ такой злобой, что Юліусъ вскочилъ съ мѣста. Жоффруа сдержалъ себя.

— Тайную причину—сказалъ онъ—я могу сказать причину цѣлому Лондону—я люблю мою жену.

Лэди Гольчестеръ отвернулась отъ своего родного сына. Въ эту минуту она не только не сердилась на Анну за мистрисъ Глинармъ, она отъ глубины души жалѣла Анну. «Бѣдная» — прошептала она.

— Я не хочу, чтобъ мою жену жалѣли!—сказалъ Жоффруа и крикнулъ—«Анна, сойдите!»

Легкіе шаги послышались на лѣстницѣ. Анна показалась.

— Посмотрите на нее!—воскликнулъ Жоффруа — развѣ она заморена голодомъ? Развѣ она одѣта въ лохмотья? Развѣ она покрыта шрамами? — Онъ обратился къ ней: — Они пріѣхали предложить мнѣ, чтобъ мы разъѣхались. Они оба думаютъ, что я ненавижу васъ. Я васъ совсѣмъ не ненавижу, я добрый христіанинъ. Я обязанъ вамъ, что отецъ выдѣлилъ меня изъ завѣщанія — я вамъ это прощаю. Я обязанъ вамъ, что потерялъ возможность жениться на женщинѣ, у которой десять тысячъ годового дохода — я вамъ прощаю *и это*. Я не люблю дѣлать вещи на половину. Я обѣщалъ вамъ, что постараюсь быть хорошимъ мужемъ — что же, развѣ я не держу моего слова? Какая же мнѣ за это награда? Меня за это оскорбляютъ. Пріѣзжаетъ моя мать, пріѣзжаетъ мой братъ—и предлагаютъ мнѣ деньги, если я оставлю васъ. Чортъ съ ними, съ деньгами, мнѣ ихъ не нужно! Позоръ тѣмъ людямъ, которые вмѣшиваются въ дѣла мужа и жены! Позоръ—говорю я и повторяю—*Позоръ!*

Анна смотрѣла то на свекровь, то на мужа.

— Вы предложили ему, чтобы мы разъѣхались?

— Да, вы ничего не имѣете противъ этого?

— О лэди Гольчестеръ! нужно-ли меня спрашивать! Что онъ говоритъ?

— Онъ отказалъ.

— Отказалъ!!

— Да,—сказалъ Жоффруа — я не отступаюсь отъ своихъ словъ. Что́ я обѣщалъ вамъ сегодня утромъ? Я обѣщалъ, что постараюсь быть хорошимъ мужемъ. Я очень этого желаю. Онъ остановился и прибавилъ: «я очень люблю васъ!»

Анна вздрогнула, ея холодные пальцы нервно уцѣпились за руку Юліуса; онъ прочелъ мольбу въ ея кроткомъ лицѣ.

— Если бы вы остались здѣсь даже до страшнаго суда, такъ и въ такомъ случаѣ не добились бы отъ меня другого отвѣта—сказалъ Жоффруа.

Видя каково было положеніе Анны, Юліусъ не имѣлъ духа оставить ее одну. Мать уѣхала; Юліусъ сказалъ, что хочетъ переночевать у брата, и дать ему ночь на размышленіе, можетъ быть, онъ придетъ къ другому рѣшенію. Анна поблагодарила Юліуса и ушла къ себѣ. Братья остались въ залѣ. Жоффруа принялся за привезенныя книги. Юліусъ читалъ газеты и посматривалъ на брата. Жоффруа перелистывалъ книгу и время отъ времени останавливался на интересныхъ ему мѣстахъ. Еслибъ

Юліусъ могъ видѣть, на какихъ именно мѣстахъ останавливался Жоффруа, онъ бы убѣдился, что это были только случаи убійства.

Ночь не прошла спокойно для Жоффруа. Взволнованный неотступной мыслью, — найти такую комбинацію, которая бы никогда не выдала его преступленія,—и выпитой въ продолженіи дня водкой, Жоффруа не могъ заснуть; онъ вскочилъ и выбѣжалъ въ садъ. Какъ помѣшанный, онъ началъ ходить все вокругъ и вокругъ. Юліусъ испугался и послалъ за Анной, потомъ за докторомъ. Анна разбудила Эсѳирь.

— Вы не сердитесь, что васъ разбудили?

— Я рада, что меня разбудили — написала она — я видѣла страшные сны. Что съ вами? вы испуганы?

— Да.

— Вы боитесь его?

— Я все это испытала — снова написала она — онъ изуродуетъ васъ, вы преждевременно посѣдѣете. Придетъ время, когда вы пожелаете лежать мертвою въ сырой землѣ, но вы все это перетерпите и останетесь живы. Посмотрите на меня!

Шаги послышались внизу: Жоффруа поднимался въ свою комнату. Анна заперла дверь, и Эсѳирь осталась на площадкѣ со свѣчой въ рукѣ. Жоффруа взглянулъ на нее, свѣча бросала яркій свѣтъ на ея безжизненное лицо, она глядѣла ему прямо въ глаза.

— Чортъ! Привидѣніе! что ты такъ впилась въ меня глазами! — закричалъ Жоффруа, сжалъ кулаки и убѣжалъ обратно въ залу.

Пріѣхалъ докторъ, прописалъ усыпительнаго и уложилъ Жоффруа въ постель. Измученный Юліусъ тоже легъ. Эсѳирь вызвалась не спать; Анна просила придти сказать ей, если что-нибудь нужно, и прилегла одѣтая на диванѣ.

Эсѳирь отворила дверь комнаты больного и остановилась на порогѣ. Она хотѣла сейчасъ же уйти, но неподвижно уставилась глазами въ одинъ изъ угловъ. Сомкнутыя губы ея раскрылись, глаза расширились и слѣдили за кѣмъ-то отъ угла стѣны до самаго того мѣста, гдѣ лежала голова Жоффруа. Она вздрогнула, будто увидѣла что-то ужасное. Жоффруа вздохнулъ во снѣ. Это вывело Эсѳирь изъ оцѣпенѣнія. Она убѣжала въ свою комнату и упала на колѣни у своего изголовья.

Въ глубокой ночной тишинѣ случилась странная вещь. Нѣмая Эсѳирь заговорила. Она читала молитву. Она просила у Бога, на своемъ языкѣ, избавленья отъ самой себя, она просила, чтобы Онъ позволилъ ей ослѣпнуть, умереть; чтобы Онъ отвратилъ отъ нея странное *видѣніе*. Рыданія потрясали все существо

этой каменной женщины, которую ничего не могло взволновать. Слёзы бѣжали по ея щекамъ. Она вскочила и задрожала всѣмъ тѣломъ. «Свѣта! свѣта!» Она отыскала спички и зажгла всѣ свѣчи. Она замкнула двери, вынула изъ тайнаго карманчика сдѣланнаго въ корсетѣ нѣсколько листиковъ исписанной бумаги, взяла перо и чернила и сѣла писать. «Моя исповѣдь»—стояло на заглавномъ листѣ. Эсѳирь открыла бѣлую страницу и вписала:

«Я увидѣла *это* опять сегодня. Два раза надъ однимъ и тѣмъ же человѣкомъ! *Это* показалось сегодня въ его спальнѣ. Голова наклонилась надъ его головой, рука указывала на его горло. Если увижу тоже самое еще въ третій разъ — Господи, прости меня и помилуй!—я не знаю, что тогда будетъ. Завтра же онъ долженъ выѣхать отъ меня. Послѣ сегодняшняго предостереженія, я твердо рѣшила—завтра онъ выѣдетъ. Пусть возьметъ деньги назадъ—но пусть выѣдетъ.

Она опять спрятала «Исповѣдь» и сошла въ кухню. На другой день Жоффруа получилъ отказъ отъ квартиры. Юліусъ уладилъ дѣло еще на сутки. Эсѳирь съ утра одѣлась и вышла изъ дому.

Жоффруа испугался такому странному поступку хозяйки: «Ужъ не сказалъ ли я чего-нибудь въ бреду»? мучило его подозрѣніе цѣлый день. Юліусъ уѣхалъ. Жоффруа и Анна оставались весь день съ дѣвушкой. Эсѳирь возвратилась только къ ночи. Всѣ испугались, на ней лица не было.

Жоффруа боялся и подозрѣвалъ. Онъ непремѣнно хотѣлъ знать, что у его хозяйки на умѣ. Эсѳирь прямо прошла въ свою комнату и въ изнеможеніи опустилась на стулъ. Такъ просидѣла она нѣсколько минутъ, потомъ встала, вынула «Исповѣдь» и приписала къ ней еще слѣдующія строки: «Сегодня утромъ я сказала ему, чтобы онъ выѣзжалъ, и предлагала отдать деньги—онъ отказалъ. Онъ *долженъ* выѣхать завтра. Сегодня все благополучно. Я провела весь день внѣ дома. Умъ мой не находитъ покоя, глаза мои не находятъ сна. Буду нести крестъ свой, пока хватитъ силы».

Эсѳирь боролась противъ страшной усталости, но усталость одолѣвала ее. Она не могла противустоять сну, но боялась видѣній. Она рѣшила взять Библію и положить ее вмѣстѣ съ «Исповѣдью» подъ подушку. Этимъ злыя видѣнія ея разсѣятся. Но Библія внизу, нужно сходить за ней. Эсѳирь взяла въ руку свою завѣтную «Исповѣдь», которую она никогда не оставляла нигдѣ безъ себя, и пошла внизъ.

Жоффруа услышалъ ея шаги и поспѣшно спрятался въ тем-

ную столовую. Изъ нея можно было видѣть и гостинную и библіотеку. Эсѳирь вошла въ библіотеку и взяла съ полки книгу. Она хотѣла идти назадъ — но силы измѣнили ей. Она сперва оперлась на стѣну, потомъ сдѣлала послѣднее усиліе и дошла до кресла. Голова ея упала на грудь, изъ повисшей руки выпалъ свертокъ.

Жоффруа все это видѣлъ, сбросилъ сапоги, неслышно подкрался къ ней и схватилъ свертокъ. Онъ ушелъ въ залу, замкнулъ всѣ двери и сталъ читать.

«Моя исповѣдь! Положите ее въ гробъ мой и похороните вмѣстѣ со мной. Здѣсь я разсказываю все то, что со мной было во время моей супружеской жизни, и все то, что я сдѣлала.... О праведнѣйшій и всемилостивѣйшій Судія, Ты знаешь всѣ мои страданія, на тебя я только уповаю....

«Я старшая дочь большой семьи. Мы принадлежали къ старымъ методистамъ. Всѣ мои сестры вышли замужъ до меня; я оставалась въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ одна въ домѣ. Моя мать послѣдніе годы тяжело хворала и я вела хозяйство. Нашъ пасторъ, добрый г. Бапчайльдъ, часто приходилъ по воскресеньямъ къ намъ обѣдать. Отецъ мой много отлучался изъ дому по дѣламъ; характеръ моей матери много испортился отъ болѣзни, она начала часто раздражаться, и я одна должна была все это выносить. Я стала думать, что и мнѣ хорошо было бы пристроиться.

«Я была въ такомъ настроеніи, когда познакомилась съ однимъ молодымъ человѣкомъ, который прислуживалъ въ нашей церкви во время богослуженія. Звали его Іоилемъ Десриджемъ. По профессіи онъ былъ обойщикъ; годами онъ былъ моложе меня, по крайней мѣрѣ на десять лѣтъ. Всѣ мои родные были совершенно противъ нашего брака, и хотѣли, чтобы я порвала съ Іоилемъ всякія отношенія. Можетъ быть, я бы и уступила имъ, еслибы они не сдѣлали одной вещи: они собрали справки о моемъ возлюбленномъ у его враговъ и насказали мнѣ о немъ кучу грязныхъ исторій, за его спиной. Я не могла этому повѣрить послѣ того, что мы пѣли гимны изъ одного молитвенника и вполнѣ сходились въ религіозныхъ воззрѣніяхъ. Я могла отвѣчать сама за себя и вышла замужъ за Іоиля.

«Всѣ мои родственники отвернулись отъ меня, никто изъ нихъ не хотѣлъ присутствовать на моей свадьбѣ. Я вѣнчалась въ Лондонѣ и мы тамъ же должны были основаться. У меня было небольшое состояніе, въ 300 фунтовъ, доставшееся мнѣ отъ моей тетки. Я употребила около ста фунтовъ на обзаведеніе, а остальное дала мужу, чтобы онъ отнесъ въ банкъ.

«Мѣсяца три мы были счастливы, только одно меня огорчало — мужъ мой никогда не заботился о томъ, чтобы самому начать какую-нибудь работу. Разъ или два онъ сердился на меня, когда я говорила ему, что деньги наши уходятъ безъ толку. Добрый г. Бапчайльдъ посѣтилъ насъ, когда былъ въ Лондонѣ, и сказалъ, что онъ все сдѣлалъ, чтобъ помирить меня съ родными, но къ несчастію безуспѣшно. По моей просьбѣ, онъ сказалъ тоже моему мужу, что надо работать. Моему мужу это не понравилось. Въ первый разъ я увидѣла, что онъ очень разсерженъ. Г. Бапчайльдъ замолчалъ и скоро ушелъ.

«Немного погодя ушелъ и мужъ мой. Я приготовила для него чай къ обычному часу — онъ не возвращался. Я приготовила для него ужинъ — онъ не возвращался. Было много за полночь, когда я его увидѣла; видъ его испугалъ меня. Онъ не былъ похожъ на себя и, не узнавъ меня, повалился на кровать.

«Я побѣжала за докторомъ, не зная, что съ нимъ. Докторъ пришелъ и посмотрѣлъ на него. — «И вы хотите сказать — что не знаете что съ нимъ?» — спросилъ онъ. «Нѣтъ, сударь не знаю». — «Что же вы за женщина такая! какъ же вы не умѣете отличить по виду пьянаго человѣка!»

«Въ этотъ день я въ первый разъ узнала, что я жена пьяницы. Я не долго ожидала повторенія, черезъ нѣсколько дней онъ опять напился. Я потомъ узнала, что это у нихъ въ семьѣ. Они могли не пить ничего, кромѣ чаю, въ продолженіи нѣсколькихъ недѣль, а потомъ наступалъ припадокъ, и они пили запоемъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней.

«Вотъ такой-то человѣкъ былъ моимъ мужемъ. Я обидѣла всѣхъ моихъ родныхъ, и оттолкнула ихъ ради него! Онъ пропилъ всѣ мои деньги и былъ безъ работы. Я просила его позволить мнѣ искать мѣсто кухарки и продать нашу мебель. Онъ согласился, и я начала хлопотать объ этомъ. Недѣли черезъ двѣ я нашла возможность хорошо пристроиться и возвращалась домой въ веселомъ расположеніи духа. Подойдя къ крыльцу, я увидѣла маклеровъ, таскающихъ мою хорошенькую мебель, я спросила ихъ, какъ они смѣютъ дѣлать это безъ моего полномочія, они учтиво отвѣтили, что поступаютъ по приказанію моего мужа. Я взбѣжала на лѣстницу и застала мужа на площадкѣ. Онъ былъ опять пьянъ. Лишнее говорить, что̀ произошло между нами — скажу только, что онъ въ первый разъ ударилъ меня.

«Гордость моя возмутилась, я рѣшилась не выносить побоевъ и побѣжала въ полицію. Я не только заплатила за мебель собственныя деньги, но и содержала весь домъ на свои деньги.

Я аккуратно платила налоги, установленные королевой и парламентомъ. Теперь же я хотѣла знать, что королева и парламентъ давали мнѣ въ замѣнъ?...

— «Любезная моя—сказалъ чиновникъ—вѣдь вы замужняя женщина. Знайте же, что законъ не позволяетъ замужней женщинѣ называть что бы то ни было *своимъ*, если она предварительно не сдѣлала формальную запись. Вы не дѣлали подобной записи, значитъ, вашъ мужъ имѣетъ полное право продавать вашу мебель. Мнѣ жаль васъ — но помочь я не могу».

«Я однако не могла удовлетвориться его отвѣтомъ. — «Сдѣлайте одолженіе, отвѣтьте мнѣ на слѣдующее: мнѣ говорили умные люди, что мы должны платить налоги, чтобы содержать королеву и парламентъ, и что взамѣнъ королева и парламентъ издаютъ такіе законы, которые насъ ограждаютъ. Я платила аккуратно всѣ налоги, почему же нѣтъ такого закона, который бы оградилъ меня»?

— «Я немогу разсуждать, я долженъ принимать законъ какъ онъ есть — отвѣтилъ онъ — и вы должны принимать его также. На вашей щекѣ пятно, вѣрно вашъ мужъ билъ васъ? Я могу за это наказать его, пошлите его сюда.

— «Какъ же вы можете наказать его?

— «Я могу взять съ него штрафъ и запереть его въ тюрьму.

— «Штрафъ онъ можетъ заплатить изъ денегъ, которыя получилъ отъ продажи моей мебели. Если же вы посадите его въ тюрьму, что же станется со мной? всѣ мои деньги онъ прокутилъ, всѣ мои вещи онъ спустилъ. А когда онъ выйдетъ, что ожидаетъ меня? что ожидаетъ жену, которая была причиной, что мужа ея наказали? Мое положеніе и безъ того печальное! Прощайте, сударь».

«Я вернулась домой, квартира моя была пуста и мужъ мой исчезъ. Я осталась одинокая и брошеная. Я рѣшила немедленно начать работу и поступила въ клубъ кухаркой, надѣясь такъ и скрыться отъ моего мужа. Работа моя пошла хорошо, мною были довольны, и я получила жалованье за первую треть. Нѣсколько дней спустя, явился мой мужъ. Онъ все потратилъ и отыскалъ меня. Онъ началъ шумѣть въ клубѣ, и я могла его усмирить, только отдавъ ему всѣ наличныя мои деньги. Крикъ, который онъ поднялъ, дошелъ до свѣдѣнія правленія; мнѣ объявили, что если что-нибудь подобное повторится еще разъ, я должна буду оставить мѣсто. Подобное повторилось, мнѣ отказали. Я пошла съ мужемъ на квартиру: я застала его на слѣдующее утро надъ моимъ чемоданомъ. Онъ взломалъ его, и вы-

нималъ нѣсколько послѣднихъ шиллинговъ. Мы поссорились; онъ опять ударилъ меня и такъ сильно, что я свалилась».

Вся исповѣдь Эсеири—цѣлый рядъ перемѣщеній. Всюду ею довольны, какъ хорошей кухаркой и честной женщиной, но проходитъ день, и опять является ея пьяный мужъ, и опять она обязана слѣдовать за нимъ. Она предлагала ему все, что могла, предлагала три четверти заработываемаго жалованья, лишь бы онъ оставилъ ее жить спокойно и трудолюбиво — но онъ на это не соглашался. «Какая ему была бы выгода брать три четверти, когда законъ позволялъ ему брать отъ меня *все*».—«Мое несчастіе вызывало симпатію во всѣхъ людяхъ, съ которыми я сталкивалась. Вообще я сдѣлала то наблюденіе, что большинство людей относятся скорѣе сочувственно, чѣмъ холодно къ несчастію ближняго; и что люди ясно видятъ, что̀ дурно и жестоко въ общественномъ строѣ. А заикнитесь имъ только, чтобы они не сидѣли сложа руки и философствуя, а чтобы взялись за дѣло, да исправили недостатки — мгновенно превратятся они въ безпомощное стадо барановъ».

«Такая невыносимая жизнь мало-по-малу привела меня къ безропотному отчаянію. Страшныя мысли начали преслѣдовать меня, особенно по ночамъ. Что-то постоянно говорило мнѣ: «Избавленіе будетъ тебѣ только въ смерти—въ его смерти или твоей».

«Разъ или два я подходила къ мосту, чтобы броситься въ рѣку. Нѣтъ, я не могла совершить надъ собой убійство. Чтобы убить себя, какъ я потомъ соображала, кровь должна горѣть, голова кружиться — я же всегда становилась еще спокойнѣе, кровь моя остывала.

«Мужъ мой сдѣлалъ себѣ изъ меня источникъ дохода. Когда ему нужны были деньги, онъ приходилъ ко мнѣ, буянилъ, и я неизмѣнно теряла мѣсто. Это бы свело съ ума любую женщину, и я была на волосъ отъ помѣшательства.

«Я посмотрѣла на него, забывшагося въ тяжеломъ пьяномъ снѣ, и подумала о «Книгѣ Судей», глава 4, стихъ 17—21. Тамъ сказано: «Она выдернула гвоздь изъ палатки и взяла молотъ въ руку, и неслышно подошла къ нему. Она вколотила ему гвоздь въ голову и крѣпко вбила его въ землю: онъ былъ въ глубокомъ и тяжеломъ снѣ. Итакъ, онъ умеръ». Она сдѣлала это, чтобы освободить свой народъ, почему же я не могу сдѣлать тоже самое для своего собственнаго освобожденія? Но эти грёзы прошли съ дневнымъ свѣтомъ. Я встала и пошла къ адвокату. Вотъ приблизительно, что̀ я сказала ему: «Я пришла посовѣтоваться съ вами насчетъ одного сумасшедшаго. Сумасшедшими,

какъ я слышала, называются люди, потерявшіе всякую возможность владѣть своимъ разсудкомъ. Мой мужъ потерялъ всякую власть надъ своимъ разсудкомъ, вслѣдствіе постояннаго пьянства. Его бы нужно было лечить отъ пьянства также бдительно, какъ другихъ лечатъ отъ покушеній на самоубійство и убійство. На него находитъ бѣшеное желаніе пить вино, какъ на другихъ находитъ бѣшеное желаніе совершать убійства. Въ нашей странѣ множество больницъ для умалишенныхъ, въ которыя принимаютъ всѣхъ на извѣстныхъ условіяхъ. Если я обязуюсь строго исполнять условія, освободитъ ли меня законъ отъ несчастія быть женой умалишеннаго человѣка, который помѣшался на пьянствѣ»?!

— «Нѣтъ — отвѣтилъ адвокатъ — англійскіе законы уклоняются признать въ пьяницѣ человѣка, достойнаго быть посаженнымъ въ больницу; англійскіе законы оставляютъ женъ этихъ лицъ въ совершенно беззащитномъ положеніи, и предоставляютъ имъ самимъ выйти изъ него, какъ съумѣютъ».

«Страшная мысль, которая уже являлась мнѣ, снова начала тревожить меня и никогда меня уже не покидала. Я могла освободиться только смертью — его смертью или моей. Эта мысль преслѣдовала меня дни и ночи, даже и въ церкви не покидала меня. Законы моей страны, которые должны были бы защитить меня, какъ всякую честную женщину, бросали меня на произволъ судьбы. У меня не было друга, съ которымъ я могла бы подѣлиться моимъ горемъ. Я была замкнута въ самой себѣ и замужемъ за этимъ человѣкомъ.

«Я написала г-ну Бапчайльду, не вдаваясь въ подробности, что меня осаждаетъ искушеніе. Онъ былъ боленъ и только могъ отвѣтить мнѣ добрыми внушеніями. Можно пользоваться добрыми внушеніями, когда впереди есть хоть лучъ надежды на счастіе. Даже религія должна прибѣгать къ обѣщаніямъ награды, и говорить намъ грѣшнымъ: будьте добры и вы пойдете на небо. У меня же не было надежды даже на проблескъ счастія впереди. Я страшилась самое себя, я боялась, что если Іоиль еще разъ будетъ бить меня, я освобожусь отъ него своими собственными руками.

«Я такъ боялась себя, что даже унизилась передъ своей родней. Я написала имъ и просила прощенія. Въ отвѣтъ я получила отъ сестры записку съ извѣщеніемъ о смерти моей матери. Ея смерть ставили мнѣ въ укоръ.

«Я обращалась къ судьямъ и къ адвокатамъ, къ роднымъ и къ друзьямъ; я выносила оскорбленія, я терпѣла, я старалась

жить честнымъ трудомъ — я все сдѣлала чтò могла — и все напрасно. Чтò я ни дѣлала, будущаго для меня не было....

....«Онъ еще разъ разорилъ меня; еще разъ послѣ дневной работы я вернулась въ опустѣлую комнату. Не помня себя, я побѣжала отыскивать его. Я его нашла. Чтò я говорила ему — разумѣется само собой; какъ это кончилось — тоже: онъ сшибъ меня съ ногъ ударомъ.

«Я попала въ больницу, трехъ зубовъ у меня не доставало; но это еще ничего, мнѣ сказали, что я что-то надорвала себѣ и могу остаться на всю жизнь нѣмою. Были шансы, что я могу опять придти въ нормальное состояніе, но для этого доктора предписывали два условія: питательную діэту и умственное спокойствіе. Относительно діэты я не могла ничего рѣшить, она зависѣла отъ моей выручки; относительно же умственнаго спокойствія — мой умъ былъ такъ настроенъ, что я рѣшилась непремѣнно убить моего мужа, если онъ вернется ко мнѣ»....

И вотъ мысль убить мужа неотступно преслѣдуетъ Эсѳирь. Она выискиваетъ въ своемъ умѣ всѣ средства сдѣлать это безнаказанно. Случай, какъ нарочно, наталкиваетъ ее на возможность сдѣлать это. Эсѳирь убиваетъ его, она устроила все такъ ловко, что подозрѣніе на нее не падаетъ.

Въ «Исповѣди» Эсѳири, Уильки-Колинсъ описываетъ весь процессъ убійства; это довольно запутанная процедура, которая заключается въ томъ, что Эсѳирь сдѣлала отверстіе въ стѣнѣ надъ его головой, въ которое можно было просунуть руку, и такъ искусно, что ни съ той ни съ другой стороны комнатъ не было ничего замѣтно. Когда онъ пришелъ пьяный и заснулъ, она набросила ему на лицо мокрое полотенце. Когда онъ задохся, она сняла полотенце и тщательно задѣлала отверстіе. Утромъ она сама позвала полицію, подъ предлогомъ, что онъ долго не выходитъ изъ своей комнаты; полиція пришла и взломала дверь—его нашли мертвымъ. Съ этой минуты Эсѳирь рѣшилась никогда больше не говорить ни съ кѣмъ, опасаясь, что можетъ выдать нечаянно свой секретъ.

Со дня совершенія убійства авторъ дѣлаетъ изъ Эсѳири существо слишкомъ необыкновенное. Всѣ люди содрогаются отъ ея взгляда; по тѣлу пробѣгаетъ морозъ отъ ея прикосновенія. Авторъ нѣсколько утрируетъ ея постоянное появленіе съ грифельной доской и съ мертвеннымъ выраженіемъ лица. Это преступленіе такъ глубоко потрясло Эсѳирь, что на нее находятъ періодически припадки помѣшательства, во время которыхъ она чувствуетъ непреодолимое искушеніе совершить новое убійство. Эти припадки находятъ на нее въ образѣ видѣнія, которое она

имѣла дня три послѣ убійства мужа. Измученная, она пошла въ Реджентъ-Паркъ и сѣла на лавку. Вдругъ ею охватило такое чувство, будто что-то страшное было отъ нея близко и сейчасъ покажется. Въ испугѣ устремила она глаза свои на большое дерево и не могла оторвать ихъ отъ него. Черезъ нѣсколько времени изъ-за дерева показался человѣческій образъ, — онъ дѣлался все яснѣе и яснѣе и—о ужасъ! она увидѣла своего двойника. Неподалеку игралъ прелестный ребенокъ—двойникъ указалъ на него пальцемъ: «убей его!» —сказалъ онъ ея же собственнымъ голосомъ и посмотрѣлъ на нее ея же собственнымъ взглядомъ. Неотразимая сила влекла Эсѳирь убить ребенка, ей казалось, что она умретъ сама, если не убьетъ его. Это видѣніе повторялось съ тѣхъ поръ много разъ надъ разными лицами, Эсѳирь ничѣмъ не могла предупредить его. Она находила спасеніе только въ нечеловѣческомъ усиліи надъ собой и въ долгой молитвѣ.

Когда она увидѣла Жоффруа въ первый разъ у лэди Люнди, это видѣніе явилось надъ его головой, и ея собственный голосъ сказалъ: «Убей его!» Въ страшную, предшествовавшую ночь оно повторилось.

Жоффруа еще не дочиталъ исповѣди до конца, когда услышалъ поспѣшные шаги и крикъ отчаянія. Онъ прочелъ все, что ему было нужно—и не сталъ читать до конца, а спряталъ бумагу въ боковой карманъ сюртука. «Если она хочетъ получить это обратно—подумалъ онъ—она должна принять мои условія».

Условія заключались въ томъ, что Эсѳирь должна была помочь Жоффруа убить Анну точно также, какъ она убила мужа. Эсѳирь приняла.

Анна видитъ, что въ домѣ творится что-то недоброе, Жоффруа долго говорилъ ночью съ Эсѳирью, и они ходили со свѣчей по комнатѣ. Съ утра Жоффруа вышелъ съ запечатаннымъ пакетомъ — когда онъ вернулся, ушла Эсѳирь. Черезъ нѣсколько времени пришелъ работникъ подъ предлогомъ дѣлать въ домѣ поправки. Дѣвушку отпустили на нѣсколько дней къ роднымъ.

Жоффруа цѣлый день пилъ и былъ въ страшномъ волненіи. Пріѣхалъ докторъ и предупредилъ, что если онъ будетъ продолжать такъ много пить, съ нимъ сдѣлается ударъ.

Въ продолженіи дня Анну навѣстили сэръ-Патрикъ и Бланшъ. Жоффруа не хотѣлъ пустить ихъ, но сэръ Патрикъ настоялъ. Несмотря на бдительный надзоръ Жоффруа за Бланшъ, она все-таки могла шепнуть Аннѣ: «Онъ не согласится разъѣхаться съ тобой, пока мы здѣсь. Ты должна бѣжать. Сэръ Патрикъ

позаботился, чтобъ тебѣ отворили заднюю калитку. Если можешь бѣжать сегодня или на дняхъ, поставь въ ту минуту, какъ будешь бѣжать, свѣчку на окно. Сэръ Патрикъ и Арнольдъ будутъ всегда на-готовѣ». Еще лучъ надежды мелькнулъ Аннѣ, она рѣшилась бѣжать въ ту же ночь.

Послѣ отъѣзда сэра Патрика и Бланшъ, случились вещи еще болѣе странныя. Поздно вечеромъ Жоффруа послалъ за Анной того же самаго юношу, который пріѣхалъ съ ними въ первый день; когда они сошли, онъ спросилъ ее: «Какъ желаете вы поѣхать завтра къ моей матери, въ каретѣ или по желѣзной дорогѣ?» — Аннѣ было странно, что ее зовутъ за такими пустяками, она отвѣтила и хотѣла уйти. «Посидите со мной»— сказалъ Жоффруа и сдѣлалъ ей еще нѣсколько незначащихъ вопросовъ. Въ это время сверху послышался голосъ мальчика: «Пожаръ!»—Жоффруа побѣжалъ на верхъ, Анна послѣдовала за нимъ. Анна знала, что оставила свѣчку на столѣ, а между тѣмъ загорѣлись занавѣси ея кровати: Эсѳирь стояла и равнодушно смотрѣла на огонь, Жоффруа сорвалъ занавѣси и бросилъ ихъ на кровать и на диванъ. То и другое вспыхнуло, но вода была тутъ же и чрезъ минуту пожаръ уже кончился. Но вся постель и диванъ были залиты. «Вы не очень пострадаете отъ этого, вамъ только нужно перемѣнить комнату»—сказалъ Жоффруа.

Анна должна была перейти въ комнату, которая была отдѣлена отъ комнаты Жоффруа только тонкой стѣной. Можно себѣ представить, какъ она провела ночь. Она осмотрѣла всю комнату, въ ней ничего не оказалось; она хотѣла посмотрѣть за кроватью, но сдвинуть тяжелую кровать съ мѣста было ей не подъ силу. Между тѣмъ, все казалось ей подозрительнымъ, къ малѣйшему шуму прислушивалась она со страхомъ. Но что же могла бы она сдѣлать для своей защиты? Позвать полисмэна когда онъ дѣлаетъ обходъ?—какую же основательную причину можетъ она дать ему, почему она боится оставаться со своимъ мужемъ подъ одной кровлей? Не было ни малѣйшей основательной причины, которая бы побудила законъ взять ее подъ свое покровительство. Анна могла только одно сдѣлать для своей защиты: запереть дверь на замокъ, заставить ее мебелью и сидѣть всю ночь на сторожѣ. Въ случаѣ необходимости она могла закричать о помощи, такъ какъ Бланшъ обѣщала ей позаботиться о ней. Анна поставила столикъ на средину комнаты, достала свою работу и книги и сѣла къ нему. Все въ домѣ скоро затихло. Темная ночь тянулась медленно, наконецъ началъ заниматься день. Все было благополучно.

Но Жоффруа рѣшился убить Анну, и подъ страхомъ угрозы выдать Эсѳирь въ руки правосудія, принудилъ ее устроить все нужное для этого убійства. Чтобы дать ей время все приготовить, онъ увезъ Анну на нѣсколько часовъ къ своей матери. Когда они вернулись вечеромъ, все было уже готово. Въ тонкой стѣнѣ, раздѣляющей комнату Жоффруа отъ комнаты Анны, было сдѣлано отверстіе надъ самымъ ея изголовьемъ, и такъ искусно, что оставалось совершенно незамѣтнымъ. Стѣна комнаты Анны прикрывалась обоями. Жоффруа долженъ былъ приподнять ихъ, когда Анна уснетъ, протянуть руку и наложить ей на лицо мокрое полотенце.

Анна, измученная безсонной ночью и волненіемъ, чувствовала себя чрезвычайно истомленной. Она хотѣла напиться чаю и лечь спать. Она позвонила, пришла Эсѳирь, и даже не взглянувъ на нее, написала: «Я такъ устала сегодня! еслибы вы сошли внизъ пить чай, вы бы избавили меня отъ лишней ходьбы».

Анна посмотрѣла на Эсѳирь.

— Вы больны? что съ вами? — спросила она.

Эсѳирь, не глядя на нее, отрицательно покачала головой.

— Случилось что-нибудь, что огорчаетъ васъ?

Опять отрицательное движеніе головы.

— Можетъ быть, я чѣмъ-нибудь обидѣла васъ?

— Эсѳирь внезапно подошла къ Аннѣ и пристально посмотрѣла на нее. Изъ груди ея вырвался стонъ, она выбѣжала изъ комнаты.

Анна сошла внизъ, въ открытую дверь столовой она увидѣла Жоффруа; онъ писалъ письмо, передъ нимъ стояла бутылка водки.

— Извините, что я прерываю васъ, но вы вѣрно забыли, что̀ докторъ говорилъ вамъ на счетъ этого? Анна указала на бутылку. Онъ нетерпѣливо кивнулъ головой. Она хотѣла сказать еще что-то, онъ быстро произнесъ: «хорошо, хорошо», и продолжалъ писать. Напрасно было бы настаивать, Анна прошла въ залу.

Пока она пила чай, Жоффруа и Эсѳирь вышли на верхъ; Эсѳирь все показала Жоффруа, и они опять сошли внизъ; она— въ кухню,—онъ хотѣлъ пройти въ садъ. Въ столовой на столѣ стояла бутылка и вода, онъ налилъ себѣ стаканъ водки съ водой и выпилъ его залпомъ. «Какая сегодня дьявольская жара!» подумалъ онъ и хотѣлъ выйти въ садъ, но никакъ не могъ попасть въ дверь. Онъ выпилъ недовольно, чтобы напиться до пьяна, память его была въ полномъ сознаніи, и только тѣло не повиновалось ему.

На городскихъ часахъ пробило десять. Анна не могла дольше бороться съ усталостью и пошла въ свою комнату. Ни Жоффруа, ни Эсѳирь никогда не ложились рано, значитъ, она могла располагать по крайней мѣрѣ двумя часами передъ тѣмъ, чтобы сдѣлать попытку бѣжать. Въ эти два часа она могла отдохнуть и возстановить свои силы. Она легла и скоро заснула.

На городскихъ часахъ пробило четверть. Эсѳирь показалась на порогѣ дома. Жоффруа подошелъ. Эсѳирь вздрогнула.

— «Опять!» написала она, указывая на бутылку.

— Дура! я такъ же трезвъ какъ и ты! Это не отъ того.

— *Она* у себя?

Эсѳирь кивнула. Они пошли въ комнату Жоффруа.

— *Она* спитъ?

Эсѳирь приложила ухо къ стѣнѣ и опять кивнула. Онъ сѣлъ.

— Голова моя кружится. Дайте мнѣ воды! Эсѳирь подала стаканъ воды. Онъ отпилъ нѣсколько глотковъ и вылилъ остальное на голову. Эсѳирь пошла къ двери, чтобы уйти. Онъ остановилъ ее.

— Я не могу открыть отверстія, сдѣлайте это!... Не хотите?... такъ я не отдамъ бумагъ!

Она вернулась и открыла. Онъ увидѣлъ свою спящую жену. Анна разгорѣлась отъ сна, ея лицо казалось юнымъ и болѣе привлекательнымъ чѣмъ когда-либо; выраженіе его было непорочно и нѣжно. Голова ея откинулась и была прямо повернута къ тому человѣку, отъ котораго теперь зависѣла ея жизнь. Человѣкъ этотъ смотрѣлъ на нее, съ твердымъ рѣшеніемъ взять эту жизнь. Онъ посмотрѣлъ и отошелъ: «Она сегодня точно ребенокъ», прошепталъ, онъ и посмотрѣлъ на Эсѳирь — «затушите свѣчку».

Эсѳирь не двинулась. Онъ повторилъ приказаніе, она будто оглохла. Что же съ ней дѣлалось?...

Она упорно смотрѣла въ одинъ изъ угловъ. Жоффруа снова взглянулъ на Анну, и тутъ ему припомнилось все, что онъ потерялъ чрезъ нее. Онъ схватилъ въ руки полотенце и опять бросилъ его на полъ. Его вдругъ поразила мысль: «Она — не пьяница, который не можетъ защищаться» — сказалъ онъ Эсѳири — «нужно задушить ее подушкой — это вѣрнѣе!» Онъ схватилъ подушку. Эсѳирь не отвѣчала ему и не глядѣла на него, она стояла среди комнаты и упорно на кого-то смотрѣла. Губы ея полураскрылись, глаза медленно за кѣмъ-то слѣдили, пока не дошли до Жоффруа. Онъ въ это время старался осторожно просунуть чрезъ отверстіе подушку.

Бѣшенство охватило Эсѳирью, и слабая старуха, какъ дикій

звѣрь, бросилась на атлета и вцѣпилась ему въ горло. Жоффруа хотѣлъ защититься и не могъ, кровь прихлынула ему къ головѣ, силы измѣнили, онъ безъ чувствъ упалъ на полъ. Эсѳирь кинулась къ нему, оперлась колѣномъ въ его грудь и нервно стиснула его горло руками.

Анна проснулась и тотчасъ увидѣла дыру около самой своей головы. Паническій страхъ овладѣлъ ею. Она бросилась въ противуположную сторону комнаты и нѣсколько времени не могла сообразить: въ здравомъ ли она умѣ? Она прислушивалась и смотрѣла. Она видѣла мерцающій свѣтъ, она слышала будто кто-то задыхается. Звукъ утихъ и все замерло. Вдругъ она увидѣла тихо подымающуюся голову Эсѳири, которая приблизилась къ отверстію и блуждающими глазами смотрѣла на Анну.

Анна подбѣжала къ окну: «Спасите!» въ ужасѣ закричала она и бросилась вонъ изъ комнаты. Она подбѣжала къ калиткѣ. «Будьте спокойны, съ нами полиція» — сказалъ ей голосъ сэра Патрика снаружи. Калитка отворилась. Анна могла только произнести: «На верху!» — и лишилась чувствъ. Сэръ Патрикъ положилъ ее на скамейку. Арнольдъ и полицейскій вошли въ домъ.

— Куда прежде? спросилъ Арнольдъ.

— Въ комнату, откуда дама закричала.

Они вошли въ комнату Анны и увидѣли отверстіе. Они заглянули туда.

Жоффруа лежалъ мертвый на полу. Эсѳирь стояла на колѣняхъ у его изголовья и горячо молилась.

Анна осталась «вдовою» и уѣхала вмѣстѣ со своими друзьями заграницу. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ сэръ Патрикъ совершилъ доброе дѣло: онъ женился на ней, далъ ей положеніе въ свѣтѣ и счастливую внѣшнюю обстановку, чтобы тѣмъ отчасти сгладить ея недавнія страданія.

Эсѳирь посадили въ сумасшедшій домъ.—Романъ конченъ.

Какъ видитъ самъ читатель, новое произведеніе талантливаго [...]ра Уильки-Коллинса обращаетъ на себя вниманіе болѣе вслѣд[...]віе задѣтыхъ въ немъ вопросовъ, высказанныхъ мыслей, не[...]ели характеристикою отдѣльныхъ лицъ. Можно даже сказать, [...]о въ этомъ романѣ нѣтъ полныхъ характеровъ, и потому тотъ, [...]о ищетъ оригинальнаго психологическаго очерка, останется [...]маномъ недоволенъ. Всѣ главныя лица, кромѣ самой Анны, [...]вольно выдержаны, но они не увлекаютъ читателя настолько, [...]обы у него явилось стремленіе слѣдить за ихъ душевными

движеніями и мыслями. Все вниманіе невольно сосредоточивается на ходѣ событій и ихъ жизненномъ процессѣ.

Насколько намъ извѣстно, парламентъ еще не пришелъ къ необходимости пересмотрѣть шотландскій законъ о бракѣ, хотя онъ уже утвердилъ законъ о признаніи за замужней женщиной права собственности, о которомъ упоминаетъ Уильки-Коллинсъ въ своемъ предисловіи. Утвержденіе этого закона особенно благопріятно отразится для женщинъ низшихъ классовъ. Женщины высшихъ классовъ не такъ часто страдаютъ отъ произвола мужей своихъ [1]); образованіе всеже кладетъ свою печать и удерживаетъ отъ слишкомъ явной и грубой жестокости. Положеніе же англійской женщины изъ народа одно изъ самыхъ печальныхъ, и авторъ какъ нельзя лучше изобразилъ его въ разсказѣ Эсѳири. Въ простолюдьи дѣвушка выходитъ замужъ, и она больше не *членъ общества*, а *вещь своего мужа;* для нея нѣтъ закона. Мы говоримъ *нѣтъ закона*, потому что англійскіе суды чрезвычайно дороги, такъ что судиться могутъ только достаточныя женщины; а гдѣ же можетъ достать средства, чтобы отплатить судъ, женщина изъ народа? Такимъ образомъ, *фактически* для нея *нѣтъ закона.* Она должна терпѣть и слѣпо исполнять приказы мужа. «Законную жену», говоритъ старинная поговорка, до сихъ поръ еще удержавшаяся въ англійскомъ простонародьи—«мужъ можетъ опутать веревкой и продать на базарѣ какъ корову». Хотя это понимается и въ переносномъ смыслѣ, но все же дѣйствительность не много лучше. Если мужъ не имѣетъ теперь права продать свою жену, то онъ можетъ безнаказанно бить ее до полу-смерти, и такъ какъ у ней нѣтъ денегъ, чтобъ заплатить за вмѣшательство закона, то она обречена прожить всю жизнь подъ періодически - повторяющимися побоями.

Можетъ быть, найдутся люди, которые будутъ порицать Уильки-Коллинса именно за самый выборъ сюжета. Нѣкоторые еще связываютъ со словомъ *романъ* описаніе будничной жизни безъ другихъ тревогъ и волненій, кромѣ любовныхъ. Такой взглядъ на романъ въ настоящее время едва-ли имѣетъ много партизановъ. Съ тѣхъ поръ, какъ общество начало интересоваться всѣми жизненными вопросами, и какъ въ обыденную бесѣду въ семейномъ кругу входятъ вопросы политическіе, научные и соціальные, всѣ они такъ тѣсно сплелись съ жизнью, что выдѣлить ихъ изъ жизни невозможно. Точно также нельзя ихъ выдѣлить и

---

[1]) Такой случай, какъ случай между Жоффруа и Анной нельзя считать общимъ правиломъ.

изъ литературы. Теперь врядъ-ли кто-нибудь имѣлъ бы терпѣніе читать многостраничное, сантиментальное описаніе злосчастныхъ приключеній любящихъ сердецъ. Даже люди, которые порицаютъ такъ-называемую «заданную тему» въ романѣ, и тѣ высказываютъ свое недовольство, когда имъ попадается беллетристическое произведеніе безъ общественной мысли. Съ измѣненіемъ и развитіемъ интересовъ общества, измѣнились и расширились и условія литературы. Теперь отъ романа требуется не одинъ длинный перечень любовныхъ волненій, приводящихъ къ счастливому или несчастному концу. Теперь общество уже знаетъ, что въ мірѣ существуютъ еще и другіе люди, помимо обольстительныхъ барынь и барышень въ бѣлыхъ платьяхъ, очаровательныхъ наслѣдницъ многихъ милліоновъ и ихъ прелестныхъ возлюбленныхъ и любовниковъ съ туго набитыми карманами. Романисты вообще до сихъ поръ не любили описывать людей небогатыхъ, несовсѣмъ безошибочно основываясь на томъ, что бѣдность не можетъ привлекать, очаровывать и причудничать какъ богатство. А обратившись къ жизни людей всѣхъ слоевъ общества и входя въ ихъ кругъ дѣйствій и образъ мыслей, романисту, разумѣется, пришлось задѣть вопросы, составляющіе главную основу убѣжденій этихъ людей и мотивы ихъ поступковъ. Вотъ почему многіе изъ новѣйшихъ романистовъ являются писателями тенденціозными; но дѣло въ томъ, что и новѣйшая жизнь, выходя изъ своихъ прежнихъ каноновъ, сама преисполнена тенденцій, и потому при вопросѣ о достоинствѣ писателя остается обсуживать только одно: откуда ведетъ начало его тенденція? родилась ли она въ головѣ самого автора или она обнаружилась уже въ самой жизни и оттуда заимствована имъ? Тенденція романа Уильки-Коллинса не выдумана имъ.

Н. А. Таль.

РУССКОЕ НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ

и

ЗЕМСТВО.

О самоуправленіи. Князя А. Васильчикова. Томъ II. Спб. 1870 г.

Вопросъ о народномъ образованіи, или вѣрнѣе сказать, объ элементарномъ образованіи массы, переживаетъ въ наши дни многознаменательное время: давно ли мы были готовы заподозрить политическую благонадежность всякаго, кто хлопоталъ объ устройствѣ школъ? Давно ли заботы о просвѣщеніи массы не приравнивали къ противугосударственнымъ стремленіямъ и, въ виду безтолковыхъ или преступныхъ увлеченій немногихъ изъ лицъ, посвятившихъ себя народному образованію, подозрительно относились къ самому дѣлу? И что-же?... Въ настоящее время народное образованіе остается пугаломъ лишь для ничтожнаго меньшинства, отъ котораго отвернулось большинство, предоставивъ ему шипѣть въ безсильной злобѣ; за народное образованіе ратуетъ не только молодежь, у которой всегда живѣе симпатіи ко всякому благородному дѣлу; за народное образованіе берутся люди, неспособные ни къ какимъ вздорнымъ увлеченіямъ, закаленные опытомъ жизни, берутся люди, знающіе потребности народа не изъ книгъ, а изъ самой жизни. Самый вопросъ о народномъ образованіи, переставъ быть исключительно литературнымъ вопросомъ, сталъ вопросомъ дѣла, перешелъ въ самую жизнь, гдѣ за рѣшеніе его взялись не только люди

науки, но сами плательщики, непосредственно заинтересованные въ томъ или иномъ исходѣ его.

Съ точки зрѣнія земскихъ людей, плательщиковъ, взглянулъ на дѣло и князь Васильчиковъ въ своей книгѣ, почти половина которой посвящена обстоятельному изученію хозяйственной стороны народныхъ школъ въ Пруссіи, Америкѣ и Франціи, участію государства, общинъ и частныхъ лицъ какъ въ расходахъ на училища, такъ и въ наблюденіи за ними, и выводамъ, на основаніи этихъ данныхъ, условій для наилучшей организаціи дѣла въ Россіи. Рельефно выяснено авторомъ, съ какою непоколебимою послѣдовательностію прусское правительство, сознавъ однажды, что народная школа относится къ числу самыхъ существенныхъ государственныхъ потребностей, неотступно и неуклонно стремилось къ упроченію народнаго училища на прусской почвѣ. «Послѣдовательность эта—говоритъ почтенный авторъ—тѣмъ болѣе достойна уваженія, что и прусское правительство не избѣгло въ этомъ отношеніи сильнѣйшей оппозиціи реакціонерной партіи; ему предсказывали, что народныя школы будутъ служить разсадниками демагогическихъ ученій, а сельскіе учителя агентами революцій, и эти зловѣщія предсказанія отчасти сбылись: при общемъ броженіи умовъ, обуявшемъ Германію въ 1848 г., многія народныя школы и учительскія семинаріи пристали къ движенію: учительскіе съѣзды превратились въ настоящіе политическіе клубы. Но прусское правительство, и это послужитъ ему къ вѣчной чести, *не устрашилось этихъ юношескихъ увлеченій*, не закрыло школъ, не сослало учителей, какъ французскіе временные правители въ томъ же 1849 г., и не мечтало построить китайской стѣны противъ сокрушительнаго дѣйствія новыхъ идей; оно дало простыть этому лихорадочному жару и, немедленно послѣ усмиренія мятежей, *принялось съ новымъ рвеніемъ* за дальнѣйшее развитіе своей системы народныхъ школъ». Дополнимъ эти строки, обрисовывающія вполнѣ отношеніе автора къ дѣлу, еще немногими словами его, которыя вполнѣ выяснятъ ту основную мысль автора, которою проникнута вся его книга. Указавъ на денежныя средства, необходимыя нашему отечеству для организаціи дѣла народнаго образованія, авторъ продолжаетъ: «Несравненно труднѣе найти людей, искренно проникнутыхъ духомъ цивилизаціи, признающихъ образованіе народныхъ массъ высшимъ благомъ страны и высшимъ долгомъ правительства, предпочитающихъ временныя уклоненія и увлеченія общественнаго мнѣнія непробудному застою невѣжества, людей, довольно настойчивыхъ, чтобы заявить высшимъ властямъ, что народное образованіе есть вопросъ жизни или смерти для народовъ

нашего вѣка, и что величіе современныхъ державъ зависитъ еще болѣе отъ числа грамотныхъ, чѣмъ отъ числа солдатъ.... Содѣйствіе начальному образованію — говоритъ авторъ — должно быть оказано не уставами, не чувствами, не рѣчами, а деньгами, и нужныя суммы найдутся, если только *захотятъ* искать ихъ въ сокращеніи излишнихъ расходовъ».

Намъ кажется, что такое мнѣніе почтеннаго автора безусловно справедливо только по отношенію къ земскимъ собраніямъ, городскимъ и сельскимъ обществамъ; эти корпораціи не располагаютъ иными средствами содѣйствія, кромѣ траты денегъ на дѣло обученія. Что же касается участія государственной власти въ этомъ дѣлѣ, то *на сегодня* мы были бы готовы значительно умѣрить требованія по отношенію къ ней: до тѣхъ поръ, пока не найдены ею суммы, потребныя на дѣло народныхъ училищъ, пусть бы она предоставила полный просторъ дѣятельности земскихъ и сословныхъ учрежденій, равно какъ и частныхъ лицъ, и пусть бы правительство не только терпѣло и допускало школу, но оказало ей моральную поддержку, открыто признавъ устройство народныхъ школъ и учительскихъ семинарій безотлагательною потребностію времени, возможно большее удовлетвореніе которой *входитъ въ виды правительства.* Эти «виды правительства» имѣютъ магическое значеніе въ странѣ, въ которой органы самоуправленія и самодѣятельности состоятъ въ большинствѣ изъ лицъ, пріученныхъ вѣками къ правительственной опекѣ и выжидающихъ взмаха правительственнаго камертона. Мы вполнѣ сочувствуемъ князю Васильчикову, когда онъ возмущается тѣмъ, что *прусское* правительство, оставляя всѣ расходы по устройству школъ и управленію ими на мѣстныхъ обществахъ, ничего не давало и не даетъ имъ, «кромѣ моральной поддержки, платонической любви». Но, для Россіи, мы были бы очень счастливы такою «платоническою любовью» и «моральною поддержкою», такъ какъ у того же почтеннаго автора узнаемъ, что Пруссія, въ періодъ 30 лѣтъ, прерванный кровопролитнѣйшими войнами, разоренная постоемъ французскихъ войскъ и потрясенная до основанія, въ 1822-мъ году уже имѣла 20,440 училищъ съ 1.436,045 учениками, при населеніи въ 11.664,000. Такіе результаты достигнуты, благодаря исключительно *моральной* поддержкѣ правительства, благодаря твердому убѣжденію правительства въ томъ, что народная школа должна быть, и благодаря неуклонной дѣятельности правительства на пользу школъ.

Не разъ указываетъ почтенный авторъ книги «О самоуправленіи» на необходимость энергическаго содѣйствія правитель-

ства; онъ предостерегаетъ правительство и общество отъ *притворнаго* сочувствія народному образованію, которое выражается исключительно словами, безъ готовности дѣйствовать въ пользу дѣла; такихъ союзниковъ дѣла онъ считаетъ опаснѣе враговъ. Авторъ является поборникомъ дарового обученія на счетъ плательщиковъ *всѣхъ* сословій и государства, поборникомъ совмѣстнаго обученія въ народной школѣ дѣтей всѣхъ сословій, поборникомъ прочнаго обезпеченія школы училищнымъ фондомъ, движимымъ или недвижимымъ. Не имѣя возможности исчерпать, хотя бы вкратцѣ, богатаго содержанія книги князя Васильчикова, мы рекомендуемъ читателю внимательно прочесть её; онъ почерпнетъ въ этой книгѣ много пользы и много наслажденія. Эта прекрасная книга даетъ читателю въ руки чрезвычайно богатый статистическій матеріалъ и согрѣетъ его теплымъ и чёстнымъ отношеніемъ почтеннаго автора не только къ вопросу о народномъ образованіи, но и ко множеству другихъ вопросовъ, близко съ нимъ соприкасающихся. Казалось намъ, однако, что въ этой замѣчательной книгѣ проведена авторомъ — и съ большою настойчивостію — одна мысль, съ которою не только не возможно согласиться, но отъ которой необходимо предостеречь читателя, чтобы предохранить его отъ вліянія этой мысли и тѣмъ самымъ отъ невѣрныхъ заключеній, къ которымъ эта основная мысль привела самого почтеннаго автора.

Мы уже указывали на то, что авторъ взглянулъ на вопросъ о народномъ образованіи съ точки зрѣнія плательщика, земскаго человѣка; но онъ этимъ не ограничился: онъ вездѣ противупоставляетъ требованія педагога «требованіямъ практическаго человѣка», находитъ ихъ какъ бы несовмѣстимыми, пренебрегаетъ требованіями педагогики, или, по крайней мѣрѣ, не считаетъ ихъ существенными, для настоящей минуты; при этомъ авторъ обнаруживаетъ не совсѣмъ правильныя понятія о «педагогикѣ, дидактикѣ и методикѣ». Мы не упрекнемъ автора за то, что онъ (стр. 155) признаетъ «себя и большую часть людей, принадлежащихъ къ земскимъ сословіямъ, совершенно некомпетентными для установленія программъ обученія и экзаменовъ, методы преподаванія и всѣхъ прочихъ педагогическихъ условій»; но нелишнимъ будетъ пояснить, въ какомъ смыслѣ мы считали бы возможнымъ согласиться съ такимъ мнѣніемъ автора. Если князь Васильчиковъ хотѣлъ сказать, что большинство земскихъ людей—неспеціалисты по педагогіи, и что изученіе науки о воспитаніи и обученіи составляетъ такую же спеціальность, какъ изученіе всякой иной науки, то съ нимъ нельзя не согласиться. Но едва ли отсюда слѣдуетъ, чтобы земскіе люди, боль-

шинство которыхъ призвано воспитывать своихъ собственныхъ дѣтей, могли оставаться совершенно чужды наукѣ о воспитаніи и обученіи. Можно не быть врачемъ, но имѣть правильное понятіе о такъ-называемыхъ симпатическихъ средствахъ; можно не быть физикомъ, но знать, что отъ тепла тѣла расширяются; можно не быть химикомъ, но знать, что горѣніе есть соединеніе съ кислородомъ; можно не быть физіологомъ и анатомомъ, но имѣть понятіе объ устройствѣ и назначеніи нервной системы; можно не быть историкомъ и, при этомъ, знать ходъ развитія городскихъ общинъ, папской и императорской власти. Короче сказать: земскій человѣкъ, не бывши спеціалистомъ по какой-либо наукѣ, можетъ и долженъ усвоить себѣ тѣ основныя начала ея, безъ которыхъ трудно прожить развитому существу въ наше время; такимъ должно быть и отношеніе земскаго человѣка къ педагогіи. Скажу болѣе: народная школа составляетъ такую существенную часть мѣстнаго самоуправленія и всё *хозяйственное* бытіе ея такъ тѣсно связано съ успѣхами обученія, что наука, посвященная изученію условій этихъ успѣховъ, не можетъ оставаться чуждою земскому человѣку, устроителю школы, плательщику на школу. Итакъ, если почтенный авторъ, признавая большинство земскихъ дѣятелей некомпетентными въ педагогикѣ, этимъ и ограничится, то явится недосказаннымъ то, что они въ извѣстной мѣрѣ *должны* быть компетентны, если только они желаютъ успѣха школамъ, о которыхъ заботятся. Князь Васильчиковъ не только не сдѣлалъ такого дополненія, крайне существеннаго при практическомъ осуществленіи вопроса, но ставитъ земскихъ дѣятелей въ самое странное отношеніе къ педагогамъ и педагогіи; вмѣсто того, чтобы связать земскихъ людей и педагоговъ, онъ противуполагаетъ однихъ другимъ.

Приведемъ нѣсколько примѣровъ въ доказательство сказаннаго. Опредѣляя, на стр. 189, среднюю стоимость содержанія одной школы въ 200 р. сер., авторъ предвидитъ возраженія, «какъ со стороны оффиціальныхъ людей, привыкшихъ считать расходы и составлять смѣты по казеннымъ справочнымъ цѣнамъ, такъ и со стороны *педагоговъ*, требованія которыхъ часто такъ преувеличены, что превышаютъ средства мѣстнаго населенія. Сельскіе жители, земскіе люди — говоритъ авторъ — напротивъ разсчитываютъ стоимость училища еще ниже, полагаютъ на жалованье учителя не болѣе 60—100 руб. сер.» Спрашивается, неужели эти земскіе люди не обязаны настолько ознакомиться со свойствомъ учительскаго труда, чтобы понять, что невыгодно платить учителю 60 руб. сер. въ годъ жалованья, такъ какъ такой учитель ничему не научитъ? Неужели эти

«практическіе люди» не обязаны настолько прислушаться къ голосу педагоговъ и ознакомиться съ педагогіею, чтобы, не успокоивая себя на мысли о томъ, что они «некомпетентны въ педагогическихъ вопросахъ», понять, что воспитаніе и обученіе требуютъ извѣстнаго развитія, которое трудно допустить въ учителѣ, соглашающемся преподавать за 60 руб. сер. въ годъ?

Авторъ предвидитъ возраженія чиновниковъ; онъ предвидитъ и возраженія педагоговъ, отъ большинства которыхъ почему-то ожидаетъ полнаго незнакомства съ жизнію и пренебреженія къ мѣстнымъ условіямъ и средствамъ плательщиковъ; но при этомъ ему и въ голову не приходитъ представить себѣ точку зрѣнія педагоговъ, участвующихъ собственнымъ карманомъ въ платежѣ на школу, педагоговъ-земскихъ людей. Авторъ (стр. 185) убѣжденъ не только въ томъ, что въ настоящую минуту нѣтъ среди образованныхъ земскихъ гласныхъ людей, знакомыхъ съ основными началами науки о воспитаніи, но въ томъ, что по образу жизни и складу мыслей «практическихъ» людей «нельзя ожидать, чтобы они пріобрѣли тѣ спеціальныя и нѣсколько *отвлеченныя* (?) познанія, которыя нужны для выбора методъ преподаванія, испытанія учителей, экзамена учащихся и *всѣхъ прочихъ педагогическихъ пріемовъ*». Такимъ образомъ, педагогія, дидактика, методика являются, по словамъ автора, науками *отвлеченными*, несродными людямъ, преданнымъ хозяйственнымъ и торговымъ занятіямъ. Авторъ, повидимому, недопускаетъ, что наука о воспитаніи и обученіи, основываясь на наукахъ естественныхъ, относится къ числу *опытныхъ*, отнюдь не отвлеченныхъ наукъ, такъ какъ только наблюденія надъ дѣтскою природою служатъ ей основою. Наиболѣе «практическою» и наименѣе «отвлеченною» изъ всѣхъ педагогическихъ наукъ нельзя не признать методику, т.-е. науку о пріемахъ обученія, такъ какъ эта наука, для того чтобы достигать цѣли, должна сообразоваться не только со степенью развитія учащихся, но съ ихъ домашнимъ бытомъ и всею житейскою обстановкою школы. Если бы почтенный авторъ взглянулъ съ такой точки зрѣнія на педагогію, то сама собою исчезла бы та пропасть, которая у него раздѣляетъ теперь земскихъ людей и педагоговъ; послѣдніе перестали бы казаться ему парящими въ выси поднебесной, и «практичность» перестала бы быть удѣломъ исключительно земскихъ людей; явилась бы возможность просвѣтить земскихъ устроителей школъ данными науки о воспитаніи и обученіи и дать прочную опору спеціалистамъ этой науки въ близкомъ знакомствѣ съ жизнію и мѣстными условіями. Но не такъ смотритъ на дѣло авторъ, который

настойчиво проводитъ разобщеніе названныхъ двухъ лагерей, практическихъ плательщиковъ и педагоговъ. Такъ, авторъ (стр. 60) съ сочувствіемъ останавливается на томъ, что американцы озаботились матеріально обезпечить школу, «*оставляя впереди* вопросы о педагогикѣ, методикѣ и наилучшихъ пріемахъ обученія». Исключивъ, на стр. 61, педагогическіе вопросы изъ числа вопросовъ «практическихъ», авторъ (стр. 103) заходитъ такъ далеко, что рѣшается утверждать, что порядки, «*противные всякой методикѣ и дидактикѣ*», дали однако въ Англіи блестящіе результаты. Мы еще возвратимся къ вопросу о *результатахъ* различныхъ системъ народнаго образованія; теперь мы ограничимся лишь выясненіемъ точки зрѣнія автора на педагогію; для этого намъ осталось сказать немного: авторъ, взглянувъ крайне своеобразно на педагогію, не затрудняется даже повторять ходячія фразы о «туманной учености» Германіи. Такъ, авторъ (стр. 65) говоритъ, что *педагогическія системы ученой Германіи*, вѣроятно, не выдержатъ сравненія съ новой методой самоуправленія и самообразованія, введенной въ Новомъ Свѣтѣ». Не говоря уже о томъ, что нѣтъ ничего общаго между «педагогическими системами» и «новыми» или старыми системами самоуправленія, мы не охотно встрѣчаемъ въ книгѣ настолько просвѣщеннаго и даровитаго автора подобное отношеніе къ наукѣ, которая лежитъ въ основѣ того дѣла, за которое краснорѣчиво, энергично и съ неподдѣльною теплотою ратуетъ почтенный земскій дѣятель, настойчиво отгоняющій отъ себя педагогію, какъ какой-то туманъ, мѣшающій разсмотрѣть окружающіе предметы. Мы можемъ объяснить себѣ подобное отношеніе только личнымъ вкусомъ автора относительно педагогіи.

По мнѣнію автора (стр. 103), педагогика «разсматриваетъ, какими методами и пріемами достигается *наивысшій* уровень народнаго просвѣщенія». Сопоставимъ съ этими строками слѣдующія (стр. 169): «устройство желѣзныхъ дорогъ и паровыхъ сообщеній желательно повсемѣстно, и въ сравненіи съ ними грунтовыя дороги можно признать такими же неудобными путями, какъ *грубое* обученіе въ сельской школѣ въ сравненіи съ гимназическимъ и университетскимъ курсомъ». Такъ возражаетъ авторъ тѣмъ, которые доказываютъ, что начальная школа даетъ такъ мало своимъ питомцамъ, что не стоитъ и хлопотать объ осуществленіи ея; но теперь дѣло, для насъ, не въ этомъ, а въ томъ лишь, что, по мнѣнію автора, въ сельской школѣ можетъ и должно происходить «*грубое* обученіе», и что педагогика занимается лишь «*наивысшимъ* уровнемъ народнаго просвѣщенія». Убѣдимъ ли мы автора, если скажемъ, что *начальное* обу-

ченіе требуетъ отъ преподавателя гораздо *большей* педагогической подготовки, чѣмъ среднее и высшее?... Попытаемся въ интересѣ читателя; для того, чтобы успѣть въ этомъ, нѣтъ надобности прибѣгать къ «туманнымъ теоріямъ высокоученой Германіи», а можно разсуждать совершенно «практически». Если «земскіе люди, преданные хозяйственнымъ интересамъ», не пожелаютъ отворачиваться отъ педагогіи, то отъ этой послѣдней они узнаютъ, что учителю нѣтъ возможности заниматься съ каждымъ ученикомъ особо и что, поэтому, учащіеся по познаніямъ своимъ подраздѣляются въ школѣ на классы; учитель, прежде всего, старается воспитать въ ученикахъ вниманіе, для того чтобы получить возможность обращаться съ преподаваніемъ къ цѣлому классу, постоянно поддерживая вниманіе каждаго отдѣльнаго ученика въ классѣ. Познанія и степень развитія учениковъ зависятъ преимущественно отъ возраста дѣтей и продолжительности обученія ихъ; вслѣдствіе этого ученики, ежегодно вновь поступающіе въ школу не-грамотными, обыкновенно образуютъ особый, отдѣльный класъ. Понятно, послѣ этого, что всякая сельская школа должна состоять изъ нѣсколькихъ классовъ, которые должны быть *одновременно* заняты и которые поручаются *одному* учителю, такъ какъ, во-1-хъ, нѣтъ денегъ на приглашеніе особаго учителя для каждаго класса, и во-2-хъ, училищныя зданія не дозволяютъ помѣщенія каждаго класса въ отдѣльной комнатѣ, а всѣ классы сидятъ въ одной и той-же классной комнатѣ. Теперь сравните, читатель, что легче: преподавать ли въ гимназіи одному классу, или занимать въ народной школѣ три класса (въ Германіи, при обязательности осьмилѣтняго періода обученія, восемь классовъ) одновременно? Отъ кого потребуется бо́льшаго умѣнья, бо́льшаго знакомства съ тѣми пріемами, при помощи которыхъ учитель нравственно овладѣваетъ дѣтьми, отъ кого потребуется бо́льшей *педагогической* подготовки, — отъ учителя гимназіи, или отъ начальнаго учителя? Добавьте къ этому, что гимназіи посѣщаются болѣе или менѣе исправно, а въ сельской школѣ бѣдность нерѣдко заставляетъ пропускать уроки; что въ гимназіяхъ ученье продолжается десять мѣсяцевъ въ году, а въ сельской школѣ пять; что ученики гимназіи проводятъ время дома среди такой обстановки, которая сколько-нибудь гармонируетъ съ тѣмъ, что̀ происходитъ въ стѣнахъ учебнаго заведенія, а семейная обстановка сельскаго ученика прямо реагируетъ противъ вліянія школы; что, наконецъ, нерѣдки случаи, что въ народной школѣ учитель обращается къ сотнѣ учениковъ, поступающихъ крайне неразвитыми, а въ гимназіи учитель обращается къ десяткамъ

дѣтей, сколько-нибудь подготовленныхъ къ школѣ жизнію. Представивъ себѣ всѣ эти обстоятельства, читатель, скажите, возможно ли не согласиться съ тѣмъ, что отъ начальнаго учителя требуется менѣе общеобразовательныхъ свѣдѣній, чѣмъ отъ учителя гимназіи, но гораздо болѣе свѣдѣній спеціально-педагогическихъ?

Чѣмъ труднѣе борьба, тѣмъ опытнѣе долженъ быть боецъ, и если искать гдѣ-нибудь мѣста педагогики *по преимуществу*, то въ начальной школѣ, т.-е. именно тамъ, гдѣ князь Васильчиковъ надѣется обойтись безъ нея, или гдѣ онъ предоставляетъ ей наименьшее значеніе. Если земскіе люди не станутъ отворачиваться отъ педагогіи, то она скажетъ имъ, что *первоначальная* учебная подготовка дитяти настолько существенна, что нерѣдко отзывается цѣлую жизнь; это скажутъ педагоги не потому, чтобы они предъявляли «преувеличенныя требованія», и не потому, чтобы они посвятили себя «отвлеченной» наукѣ, но потому, что они вывели это, какъ «практическіе» люди, изъ наблюденій надъ дѣтьми. Народная школа, начальная школа есть основа всего дальнѣйшаго образованія; не «грубымъ», т.-е. какимъ попало должно быть въ ней обученіе, но возможно болѣе раціональнымъ. Если земскіе люди хотятъ въ томъ убѣдиться наглядно, то пусть они присмотрятся къ тому, какъ въ школу, въ которой обучаютъ кое-какъ, не дождешься учениковъ, а въ школѣ, въ которой царитъ педагогія, нѣтъ отбоя отъ учащихся; крестьянинъ не въ состояніи разсудить о достоинствѣ примѣняемыхъ въ школѣ методъ обученія, но онъ въ силахъ различить черное отъ бѣлаго, систематическое притупленіе дѣтей отъ систематическаго развитія ихъ. Разсуждать о результатахъ извѣстной организаціи народнаго образованія, не останавливаясь внимательно на *педагогической* сторонѣ дѣла, которая въ извѣстной мѣрѣ должна быть доступна всякому земскому дѣятелю изъ относительно образованной среды—значитъ строить на пескѣ.

Между тѣмъ, какъ поступаетъ авторъ той почтенной книги, которая составляетъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе для нашей литературы? Отправляясь отъ того взгляда на педагогію, съ которымъ мы уже познакомили читателя, онъ сравниваетъ *результаты* различныхъ системъ народнаго образованія, принятыхъ въ Пруссіи, Соединенныхъ Штатахъ, Англіи и Франціи, *исключительно* по статистическимъ даннымъ о числѣ учащихся. Чему учатся и чему научаются дѣти въ различныхъ странахъ — объ этомъ не заходитъ и рѣчи. Такъ, напримѣръ (стр. 15), авторъ старается доказать, что въ Пруссіи въ 1822-мъ году уже были

достигнуты почти *тѣ-же* результаты, какъ въ 1858-мъ году, такъ какъ въ 1822-мъ году обучались въ школахъ 122 ученика на 1000 жителей, а въ 1858-мъ году 145 учениковъ на 1000 жителей. Между тѣмъ у того же автора мы узнаемъ, что только въ 1806-мъ году началось въ Пруссіи открытіе учительскихъ семинарій, т.-е. такихъ учебныхъ заведеній, которыя готовили спеціально свѣдущихъ учителей; что только въ 1819-мъ году учрежденіе семинарій было признано государственною потребностію; что первоначально ученики поручались отставнымъ солдатамъ, а «помѣщики пользовались правомъ попечительства надъ школами, чтобы производить своихъ домашнихъ служителей въ званіе сельскихъ учителей и награждать ихъ добавочнымъ жалованьемъ изъ общественныхъ суммъ и школьной платы». Возможно ли поэтому равнять результаты отъ прусской народной школы въ 1822-мъ году, когда едва начиналась систематическая подготовка учителей народныхъ школъ, съ результатами ея въ 1858-мъ году, когда большинство народныхъ учителей уже обладали *педагогическою* подготовкою? Но такія соображенія не могли остановить на себѣ вниманіе автора, такъ какъ онъ счелъ возможнымъ полное разобщеніе съ педагогикою, при обсужденіи вопроса о народномъ образованіи.

Сравнивая результаты отъ организаціи народнаго образованія въ Англіи съ результатами, достигнутыми въ Пруссіи, авторъ приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: англійская система привела «Англію отъ полной безграмотности всего простонародья къ тому результату, что всѣ малолѣтніе, за исключеніемъ 120,305, получаютъ начальное образованіе», и это, какъ мы уже говорили, «*вопреки всякой методикѣ и дидактикѣ*» (стр. 103). Не останавливаясь на томъ, что самъ авторъ далѣе (стр. 173) называетъ этотъ разсчетъ «едва ли не преувеличеннымъ», стóитъ обратить вниманіе на то, какъ мало интересуетъ автора педагогическая сторона дѣла, безъ которой онъ считаетъ вполнѣ возможнымъ обойтись, при обсужденіи вопроса о результатахъ народной школы. Авторъ признаетъ (стр. 87), что въ Англіи «оффиціальныя показанія числа училищъ преувеличивались, и школами назывались такія заведенія, гдѣ кромѣ машинальнаго, одуряющаго долбленія азбуки, ничего не преподавалось». Авторъ указываетъ на то, что только въ тѣхъ школахъ Англіи сколько-нибудь гарантирована педагогическая сторона дѣла, которыя ревизуются правительственными инспекторами и потому имѣютъ право на правительственную субсидію; онъ указываетъ на то, что въ 1860-мъ году изъ 22,849 школъ только 6,897 состояли подъ педагогическимъ контролемъ инспекторовъ. Авторъ говоритъ (стр. 95),

что до 1846—1847 годовъ въ Англіи посвящали себя учительской профессіи «*только* люди, *отставленные по неспособности* отъ другихъ службъ и должностей; что только съ этого времени начались заботы о подготовкѣ народныхъ учителей и что еще въ 1858-мъ году, въ десяти изслѣдованныхъ округахъ, на 3594 учителя только 17 имѣли аттестаты и получали правительственное пособіе, какъ доказательство педагогической годности ихъ. И всѣ эти данныя, приводимыя княземъ Васильчиковымъ, не помѣшали ему, при сравненіи Англіи съ Пруссіею, придти къ тому заключенію (стр. 141 и друг.), что Англія «почти догнала» «глубокомысленныхъ нѣмцевъ» въ дѣлѣ народнаго обученія; авторъ пришелъ къ такому неожиданному заключенію потому, что считалъ возможнымъ основать его *исключительно* на цифрахъ о числѣ учащихся, оставаясь совершенно чуждымъ изученію педагогическихъ условій бытія школъ въ той и другой странѣ.

Еще любопытнѣе выводы автора о результатахъ, достигнутыхъ системою народнаго образованія, принятою въ Соединенныхъ Штатахъ. Авторъ съ особенною любовью останавливается на американскихъ школахъ, находя (стр. 58), что онѣ могутъ составлять предметъ справедливой гордости американскаго народа и изумленія всѣхъ иностранныхъ изслѣдователей. Съ такимъ взглядомъ на дѣло никакъ нельзя согласиться безусловно: справедливо, что американцы могутъ гордиться тѣмъ, что у нихъ дѣло начальнаго обученія давно признано дѣломъ національнымъ, первостепенною государственною потребностью, основою государственной жизни. Совершенно правъ, по нашему мнѣнію, почтенный авторъ и въ томъ случаѣ, когда онъ любуется практичностью американца, побудившею его, *прежде всего*, даже раньше полнаго пробужденія потребности въ образованіи, прочно обезпечить школу поземельнымъ фондомъ, цѣнность котораго возрастаетъ вмѣстѣ съ приращеніемъ населенія и вмѣстѣ съ усиленіемъ потребности въ образованіи. Но вопросомъ объ обезпеченіи школы далеко еще не рѣшается вопросъ о тѣхъ результатахъ, которые покупаются народомъ цѣною этой затраты. Расходъ на школу производителенъ только въ томъ случаѣ, если школа поставлена въ такія педагогическія условія, чтобы она могла приносить возможно бóльшую пользу своимъ питомцамъ. Едва ли «практическіе» люди, полагающіе, что «отвлеченныя» педагогическія премудрости вовсе не ихъ дѣло и имъ настолько недоступны, что и подходить къ нимъ не стóитъ, не согласятся однако съ тѣмъ, что первымъ и главнымъ условіемъ успѣха обученія, т.-е. производительности расхода на школу нельзя не признать свойства самого учителя; выше мы уже ста-

рались выяснить, какой подготовки требуетъ начальный учитель. Что же мы видимъ въ Соединенныхъ Штатахъ, каковы тамъ учителя? Для отвѣта на этотъ вопросъ, старательно избѣгая указаній на какіе бы то ни было источники, кромѣ разсматриваемой нами книги, обратимся къ почтенному автору, съ которымъ мы ведемъ рѣчь. Отъ него мы узнаемъ, что въ Америкѣ не существуетъ учительской профессіи; тамъ преподаетъ *всякій* сколько-нибудь образованный человѣкъ, посвящая этому дѣлу не болѣе 4 или 5 лѣтъ, пока ему дѣваться некуда, пока ему не представится лучшей карьеры.

Мало того: учителя до такой степени часто перемѣняются въ школахъ, что въ 1850-мъ году, въ одномъ изъ наиболѣе просвѣщенныхъ штатовъ, на 2,447 учителей было только 273 такихъ, которые занимали эту должность въ тѣхъ же школахъ въ предъидущій годъ. Неужели нужно быть педагогомъ по профессіи, чтобы понять, какъ губительно *должны* дѣйствовать на успѣхи обученія отсутствіе спеціальной подготовки въ учителяхъ, отсутствіе нравственной связи между преподавателемъ и его временнымъ пристанищемъ, безпрерывная перемѣна учителей, т.-е. пріемовъ обученія и воспитанія?... Но пойдемъ далѣе по пути разслѣдованія педагогическихъ условій американской школы. «Учебный сезонъ въ американскихъ школахъ очень коротокъ» — говоритъ князь Васильчиковъ, поясняя, что въ штатѣ Нью-Йоркѣ въ 1854 г. на 900,532 ученика, посѣщавшихъ школы, почти половина, а именно 429,651 учились *менѣе* (!!) 4 мѣсяцевъ въ году; по новѣйшимъ узаконеніямъ въ *большей части* штатовъ предписано обучать не менѣе *трехъ* мѣсяцевъ. Такія педагогическія безобразія, повидимому, вовсе не смущаютъ почтеннаго автора, который считаетъ возможными успѣхи обученія, при четырехъ и менѣе мѣсяцахъ въ году обученія и при 8 и болѣе мѣсяцевъ праздности (въ учебномъ отношеніи), при отсутствіи указаній на то, сколько лѣтъ сряду происходитъ такое обученіе. Авторъ не только не останавливается на грустной сторонѣ этого дѣла, но поясняетъ даже (стр. 60), что учебный сезонъ сокращается, *«для удешевленія»* всего дѣла народнаго образованія и какъ сокращается! Учебный періодъ въ году сокращается населеніемъ *достаточнымъ*, даже богатымъ, до пяти учебныхъ мѣсяцевъ, изъ которыхъ только три остаются на долю учителя, *потому что его жалованье высокое*—26 и 30 руб. въ мѣсяцъ (мы приводимъ подлинныя слова автора), а содержаніе учительницъ въ половину и даже втрое дешевле; остальное время преподаетъ въ школѣ учительница, также не долѣе двухъ мѣсяцевъ, для того, чтобы «удешевить» дѣло. «Практично», нечего

сказать! Впрочемъ столь же практично поступаетъ нашъ крестьянинъ, предпочитая учителемъ въ школѣ *безусловно* того, кто дешевле возьметъ, или тотъ старшина, который, «для удешевленія дѣла», не топитъ одну изъ классныхъ комнатъ, для того, чтобы въ нее не набивалось учениковъ, и не снабжаетъ училища бумагой, для того, чтобы дѣти ее не пачкали и не пришлось вновь затрачивать денегъ на покупку бумаги. Указанныя нами педагогическія условія американской школы не помѣшали однако восхищаться ея результатами автору, который обыкновенно принимаетъ въ разсчетъ лишь *число* учащихся, для того, чтобы получить понятіе о положеніи дѣла. На стр. 151 авторъ утверждаетъ, что «если Германія съ своими Schulpflicht и Schulgeld достигла всенародной образованности послѣ цѣлаго столѣтія напряженныхъ усилій, то Америка, при вольномъ и безплатномъ обученіи, прошла *тотъ же путь* въ послѣдніе 30 лѣтъ». «Эти двѣ системы привели *къ результатамъ одинаково блистательнымъ*, если судить по статистическимъ даннымъ» (стр. 61 и 21). Затѣмъ, какъ бы спохватившись и разсудивъ о томъ, что по однимъ статистическимъ даннымъ о числѣ учащихся невозможно сравнивать результатовъ, данныхъ различными школами, авторъ говоритъ (стр. 64): «стóитъ лишь сопоставить предпріимчиваго, неутомимаго и смышленнаго простолюдина yankee съ тупымъ нѣмецкимъ Bauer'омъ, чтобы удостовѣриться въ преимуществѣ перваго. Это авторъ, очевидно, приписываетъ американской *школѣ*, такъ какъ на той-же странницѣ, перечисляя всѣ условія обученія въ Америкѣ, утверждаетъ, что американцы достигли, *при этихъ условіяхъ*, результатовъ болѣе удовлетворительныхъ, чѣмъ всѣ другія страны свѣта. Post hoc, ergo propter hoc! Не странно ли, что почтенному автору, при сопоставленіи развитія нѣмецкаго рабочаго съ американскимъ, не пришло на мысль того, что воспитываетъ не только школа, но самая жизнь, и послѣдняя гораздо болѣе первой?

Странно, крайне странно, такъ какъ самъ авторъ (стр. 104) заявляетъ о томъ, что въ Америкѣ «вся соціальная основа пропитана духомъ личной самодѣятельности», а «пользы и нужды народнаго образованія сами собой проникали въ тѣло и душу каждаго человѣка, коснувшагося почвы вольной республики». Неужели такія условія не могли и не должны были перевоспитать нѣмецкаго «Bauer'а», независимо отъ школы, вопреки крайне плохой педагогической обстановкѣ школы, которая, при иныхъ общественныхъ условіяхъ, могла дать результатъ равный нулю. Замѣчая, что средній уровень развитія американскаго

рабочаго выше европейскаго, слѣдовало бы не только не забывать объ общественныхъ условіяхъ тамъ и здѣсь, но вспомнить и о томъ, сколько, въ особенности въ послѣднее время, европейскіе переселенцы вывезли въ Соединенные Штаты матеріальныхъ и нравственныхъ капиталовъ. Вмѣсто того, чтобы остановиться на этихъ обстоятельствахъ, князь Васильчиковъ, пораженный результатами, которые онъ невѣрно поясняетъ, рисуетъ намъ слѣдующую картину (стр. 63): «Американскіе порядки идутъ такъ прямо и рѣзко наперекоръ всѣмъ нашимъ европейскимъ, или позаимствованнымъ изъ Европы понятіямъ, что мы готовы бы были ихъ признать безсмысленными, противуестественными, еслибъ факты, дѣйствительные и неопровержимые факты не свидѣтельствовали, что Соединенные Штаты, безъ всякихъ министерствъ и министровъ народнаго просвѣщенія, безъ принужденія и попеченія (?) правительства, съ учителями, кочующими изъ одной школы въ другую и переходящими отъ педагогики къ другимъ ремесламъ и промысламъ, со школами, открытыми только 5 — 6 мѣсяцевъ въ году, со всей этой обстановкой вольнаго, произвольнаго, отрывистаго обученія,—что Соединенные Штаты, говоримъ, достигли результатовъ болѣе удовлетворительныхъ, чѣмъ всѣ другія страны свѣта, *принявшія разныя другія системы педагогики, методики, народнаго просвѣщенія и элементарнаго обученія*». Вслѣдъ затѣмъ авторъ, послѣ оговорки, что о результатахъ нельзя судить по одному числу учащихся, указываетъ на то, что въ Пруссіи учатся изъ 1000 учениковъ 145, а въ Америкѣ 171. Результатъ въ Америкѣ лучше!

Въ отвѣтъ на картину, представленную авторомъ, мы позволимъ себѣ предложить иную: ученики собираются въ церковной сторожкѣ, въ которой темно и гдѣ не на чемъ и нечѣмъ писать; у каждаго изъ учениковъ предъ глазами книга, которой онъ понять не въ силахъ; раза два въ недѣлю заглядываетъ туда священникъ, который въ остальное время занятъ исполненіемъ обязанностей по приходу; его отъ времени до времени замѣняетъ едва грамотный пономарь; запуганныя и забитыя дѣти проводятъ въ такой школѣ около трехъ мѣсяцевъ въ году. Между тѣмъ, вдумайтесь читатель: такихъ школъ[1]), открытыхъ духовнымъ вѣдомствомъ, въ Россіи 21,420 съ 413,523 учащихся! Какое вѣдомство можетъ указать подобныя цифры, какихъ желать «результатовъ» и не всмотрѣться ли поближе въ тѣ порядки, при которыхъ эти результаты достигнуты? Но стóитъ ли вду-

---

[1]) Нѣтъ правила безъ исключеній. — *Авт.*

мываться въ такія педагогическія условія, при которыхъ успѣхи обученія *немыслимы?...* Вотъ надъ этимъ-то вопросомъ и не задумывался почтенный авторъ, совершенно успокоившійся на мысли о томъ, что онъ «не компетентенъ» въ педагогическихъ вопросахъ, и благодаря тому, что онъ усиленно отворачивался отъ педагоговъ и педагогіи, пришедши къ самымъ страннымъ выводамъ о положеніи школъ въ различныхъ государствахъ. Вмѣсто того, чтобы прислушаться къ голосу науки, князь Васильчиковъ рисуетъ себѣ педагогію какою-то отвлеченною наукою, оторванною отъ почвы, расходящеюся въ своихъ требованіяхъ съ жизнью и ея потребностями. Заявивъ о томъ (стр. 103), что педагоги осуждаютъ англійскую организацію и опровергая этотъ взглядъ науки данными *о числѣ учащихся*, авторъ говоритъ: «предъ подобными *положительными данными*, предъ подобнымъ *фактомъ* наука должна бы, кажется, смягчить свой приговоръ».

Наука не только смягчаетъ свои приговоры вслѣдствіе факта, но только на «фактахъ и положительныхъ данныхъ», т.-е. на наблюденіи и можетъ основывать свои приговоры; иначе то будутъ бредни, а не наука. Но вопросъ въ томъ, что нужно умѣть наблюдать и нужно умѣть установить факты, для того, чтобы изъ нихъ могло вытекать правильное заключеніе: наука педагогіи никогда не признаетъ цифры о числѣ учащихся фактомъ, пока ей не дадутъ другихъ цифръ о числѣ толково *научающихся*, и земскіе люди, которые, издерживая деньги на школы, успокоятся на томъ, сколько въ нихъ сидитъ дѣтей, не освѣдомившись о другомъ, что они тамъ дѣлаютъ, будутъ обманывать себя и другихъ. По поводу картины школъ въ церковныхъ сторожкахъ, намъ могутъ замѣтить, что статистическія данныя духовнаго вѣдомства о числѣ учащихся крайне недостовѣрны, а потому и примѣръ, мною избранный, не вполнѣ подходитъ къ дѣлу. Изберемъ иной: духовенство дѣйствовало безъ всякихъ матеріальныхъ средствъ, а потому ничего не могло и выйти изъ его трудовъ. Положимъ; но вотъ «штатныя училища» министерства государственныхъ имуществъ, которыя были обезпечены *ежегоднымъ* доходомъ въ 400 и болѣе руб. сер., и что же? Мы знаемъ не мало примѣровъ того, что подобныя училища существовали въ селѣ десятки лѣтъ, *дѣйствительно* всякую зиму посѣщались учениками, ежегодно ревизовались окружными начальниками, а не дали селу и десятка грамотныхъ людей. Значитъ не только въ матеріальныхъ средствахъ училища дѣло; штатныя училища не могли, при относительно роскошной обстановкѣ, принести пользы народу, потому что педагогія оставалась имъ совершенно чуждою. Несомнѣнно впрочемъ, что если бы обстановка нашего крестьянина

янина развивала его и подзадоривала его взяться за книгу, то не мало могло бы оказаться такихъ учениковъ штатныхъ училищъ, которые, вынесши изъ школы хотя бы только процессъ чтенія и письма, *сами* бы добрались до остальнаго. Чѣмъ хуже обстановка ученика послѣ выпуска изъ школы, тѣмъ болѣе должна ему дать школа, тѣмъ прочнѣе должно быть привито къ нему ея вліяніе, тѣмъ болѣе у мѣста «педагогія» въ школѣ. Поэтому такая школа, которая въ Америкѣ, при тамошнихъ общественныхъ условіяхъ, можетъ оказать хоть какую-нибудь услугу, у насъ не оказала бы никакой. Мы далеки отъ мысли приравнивать американскія школы къ училищамъ «въ церковныхъ сторожкахъ», или «штатнымъ училищамъ»; но симпатіи наши къ готовности американскаго народа положить образованіе массъ въ основу государственной жизни, не могутъ помѣшать намъ отнестись трезво къ *педагогическому* состоянію американскихъ школъ, т.-е. къ вопросу о томъ, *какъ* идетъ обученіе въ американскихъ школахъ. Въ одномъ изъ лучшихъ спеціальныхъ изданій за этотъ годъ (Rheinische Blätter. 1870, V) мы встрѣчаемъ статью, касающуюся этого предмета, написанную очевидно человѣкомъ, искренно расположеннымъ къ американскимъ порядкамъ, и отъ него узнаемъ мы то, что и прежде читали сотни разъ, что «большинству американскихъ учителей еще и теперь мысль о томъ, что педагогика—наука, кажется *абсурдомъ*». Если такъ стоитъ дѣло теперь, то какъ оно стояло десять лѣтъ тому назадъ, т.-е. чему научили *такіе* учителя при обстановкѣ школы, обстоятельно очерченной княземъ Васильчиковымъ, нимало ею не возмутившимся? Мы получимъ понятіе объ этомъ, если ознакомимся съ пріемами обученія; вотъ что сказано о методѣ преподаванія въ американскихъ школахъ въ энциклопедіи Шмида, въ которой князь Васильчиковъ почерпалъ, къ сожалѣнію, исключительно статистическія данныя, оставляя безъ вниманія педагогическія: «Обученіе ограничивается въ сущности задаваніемъ и выслушиваніемъ выучиваемыхъ уроковъ. Нѣтъ и слѣдовъ самостоятельнаго преподаванія, пособія къ самодѣятельному усвоенію ученикомъ выученнаго; напротивъ, господствуетъ извѣстная машинальность, сообразно которой и учебныя книги такъ составляются, чтобы ученики такъ и могли *заучивать ихъ наизусть*» (Encyclopädie, Schmid. I, 103.). Такое ли положеніе народныхъ училищъ, близко знакомое тому, кому случалось экзаменовать учениковъ въ церковныхъ сторожкахъ, давало почтенному автору книги «о самоуправленіи» право сказать, что Соединенные Штаты въ дѣлѣ народнаго образованія догнали, или даже перегнали Пруссію? Если въ пятидесятыхъ годахъ американцы посылали

коммисаровъ для изслѣдованія прусскихъ учительскихъ семинарій, и по образцу ихъ стали устраивать нормальныя школы для подготовки учителей, то не далеко и то время, что американцы поймутъ различіе между преподаваніемъ ученика нормальной школы, человѣка, всю свою жизнь посвятившаго учительскому дѣлу, и преподаваніемъ тѣхъ искателей мѣстъ, которымъ было ввѣрено до сихъ поръ воспитаніе и обученіе массы народа въ Америкѣ. Неужели намъ, дѣйствующимъ позже другихъ, повторять ихъ ошибки, и неужели изъ того, что Соединенные Штаты подали прекрасный примѣръ, какъ обезпечить школу матеріально, слѣдуетъ, что мы у себя, организуя школы, должны начать съ той же педагогической неурядицы, на которую не мало потрачено американцами времени и денегъ? Этого не совѣтуетъ намъ и князь Васильчиковъ; но онъ, не всмотрѣвшись въ педагогическое состояніе школъ Пруссіи, Англіи и Америки, считая результатомъ организаціи дѣла собственно *число* учащихся, приходитъ къ заключенію, что путь обязательнаго обученія, принятый въ Пруссіи, *въ принципѣ* не лучше вольнаго обученія, господствующаго въ Англіи и Америкѣ, такъ какъ эти послѣднія страны достигли такихъ же результатовъ, какъ Пруссія. Мы уже имѣли случай указать на то, какъ невѣренъ такой выводъ, вытекающій изъ фактовъ, вовсе не обрисовывающихъ педагогическое состояніе школъ въ сравниваемыхъ государствахъ; теперь дополнимъ сказанное нѣсколькими замѣчаніями объ обязательномъ обученіи и *педагогическихъ* результатахъ германской школы.

Почтенный авторъ является противникомъ обязательности обученія не въ примѣненіи къ Россіи только, или къ Россіи въ настоящее время, но въ принципѣ. Онъ говоритъ: «Пруссія избрала систему принудительную, Англія — порядокъ добровольныхъ соглашеній посредствомъ казенныхъ субсидій, а если результаты, добытые этими двумя народами, въ настоящій моментъ ихъ соціальнаго развитія почти одинаковы (?), то едва ли не слѣдуетъ дать предпочтеніе той организаціи, которая внушаетъ самому народу потребность просвѣщенія передъ той, которая его принуждаетъ къ такому же просвѣщенію» (стр. 105).

Читателямъ «Вѣстника Европы» вѣроятно извѣстно, что вопросъ объ обязательности обученія, «о принужденіи къ просвѣщенію», до сихъ поръ принадлежитъ еще къ числу спорныхъ вопросовъ; обязательность обученія защищаютъ во имя свободы, противъ нея ратуютъ также во имя свободы, въ огражденіе правъ личности отъ гнета общества. Имъ, вѣроятно, извѣстно также, что въ послѣднее время обязательность обученія находитъ себѣ болѣе сторонниковъ, чѣмъ противниковъ; что лучшіе умы въ Англіи,

Бельгіи и Франціи, гдѣ обязательности обученія не существуетъ, высказались въ послѣднее время въ пользу прусской системы «принужденія къ просвѣщенію», полагая, что невѣжество отдѣльныхъ членовъ общества настолько вредитъ всему обществу, что не можетъ быть терпимо послѣднимъ, хотя бы оно и допускалось родителями подрастающаго поколѣнія.

Мы не имѣемъ возможности исчерпать въ эту минуту вопросъ объ обязательности обученія и обстоятельно доказать князю Васильчикову, почему мы въ принципѣ стоимъ за обязательность обученія, хотя и считаемъ примѣненіе такой мѣры къ нашему отечеству рановременнымъ [1]). Мы желали бы только остановить еще разъ вниманіе автора и читателей на томъ, какъ много повредило безошибочности заключеній автора то, что онъ всячески отстранялся отъ педагогіи. Приведенный нами выше отрывокъ доказываетъ, о чемъ мы уже говорили, что авторъ результаты отъ школы измѣряетъ *числомъ* учащихся; не возвращаясь болѣе къ изслѣдованію этого пріема, ошибочность котораго мы старались доказать, мы не можемъ не обратить вниманія на то, что почтенный авторъ за обязательностію обученія признаетъ лишь одну полезную сторону — привлеченіе всего подрастающаго поколѣнія въ школу. Если бы авторъ сколько-нибудь менѣе чуждался педагоговъ и педагогіи, то онъ несомнѣнно усмотрѣлъ бы въ обязательности обученія еще и другую, едва ли не болѣе полезную сторону — непрестанно исправное посѣщеніе школы тѣми учениками, которые въ нее уже поступили. Если статистика о числѣ учащихся и въ самомъ дѣлѣ доказываетъ, что при извѣстной степени политическаго развитія большинства населенія возможно привлечь въ школы значительное большинство дѣтей и иными средствами, помимо обязательности обученія, то этимъ самымъ она вовсе не доказала того, чтобы существовало средство, равносильное обязательности обученія, для того, чтобы никто изъ родителей, опекуновъ и хозяевъ не позволялъ себѣ никогда удерживать дома ученика и тѣмъ мѣшать обученію въ школѣ этого самаго ученика и того класса, въ которомъ ученикъ состоитъ. Съ этой точки зрѣнія обязательность обученія представляется гарантіею не только того, что дѣти поступятъ въ школу, но и того, что

---

[1]) Мы опасались бы присоединиться къ мнѣнію почтеннаго критика, и вотъ почему не рѣшимся назвать обязательное обученіе у насъ рановременнымъ. Обязательность обучаться для однихъ предполагаетъ обязательность обучать, т.-е. строить школы, приготовлять учителей, для другихъ. Послѣдній вопросъ есть финансовый, а потому онъ никакъ не можетъ быть рановременнымъ. Тутъ нельзя говорить о томъ, что нужно еще подождать. — *Ред.*

вынесутъ изъ школы надлежащія познанія; но мы уже не разъ видѣли, что авторъ разсматриваемой нами книги не обращаетъ вниманія на то, какими дѣти покидаютъ школу, присматриваясь лишь къ тому, поступаютъ ли они въ училище? Между тѣмъ вопросъ объ успѣхахъ учениковъ, вездѣ крайне существенный, особенно важенъ у насъ, гдѣ еще предстоитъ возбудить въ большинствѣ крестьянскаго населенія охоту пускать дѣтей въ школу, а этого возможно достигнуть не щедрымъ матеріальнымъ обезпеченіемъ школы, не циркулярами или проповѣдями, а возможно болѣе успѣшнымъ обученіемъ дѣтей того меньшинства крестьянъ, которое и теперь готово дозволить, иногда даже поощрить обученіе своихъ дѣтей. По этимъ соображеніямъ кажется намъ крайне опаснымъ высказываться, въ виду интересовъ Россіи, противъ принципа обязательности обученія, и мы совершенно согласны съ г. Миропольскимъ, почтившимъ критическою статьею нашу книгу «Русская начальная школа», и указавшимъ въ «Журн. мин. народн. просвѣщ.» на то, что для нашего отечества могъ бы быть выработанъ особый видъ обязательности обученія, примѣнительно къ быту, степени развитія и матеріальнаго благосостоянія нашего народа. Но теперь вопросъ не въ томъ, а въ томъ лишь, что, если не ошибаемся, авторъ книги «о самоуправленіи» иначе бы взглянулъ на обязательность обученія и на прусскую, принудительную систему, если бы онъ считалъ для себя, какъ и для всякаго земскаго дѣятеля, необходимымъ вниманіе къ голосу педагогики и нѣкоторое знакомство съ требованіями этой науки. Увѣривъ же себя въ томъ, что педагогика—наука «отвлеченная», недоступная «практическимъ людямъ», а педагоги непремѣнно витаютъ въ выси поднебесной, авторъ проходитъ мимо такихъ крупныхъ явленій, имъ же самимъ приводимыхъ, какъ то (стр. 5), что въ Пруссіи ученики, по достиженіи 14-ти лѣтъ, увольняются не иначе, какъ по удостовѣренія, *что познанія ихъ признаны удовлетворительными*. При малѣйшемъ вниманіи къ педагогической сторонѣ дѣла, прусскія цифры о числѣ учащихся, поставленныя рядомъ съ вышеприведенною мѣрою, получили бы въ глазахъ автора бо́льшее значеніе, чѣмъ англійскія, и не сталъ бы авторъ ставить ихъ рядомъ для того, чтобы доказать, что двѣ другъ другу противоположныя организаціи народнаго образованія, прусская и англійская, дали тождественные результаты. Еслибы князь Васильчиковъ подумалъ, что мы считаемъ прусскую школу идеаломъ школы и прусскую систему народнаго образованія идеаломъ организаціи дѣла, то онъ бы ошибся; мы знаемъ недостатки за прусскою школою и

прусскою системою; мы думаемъ, что Россія должна старательно избѣжать того сословнаго и клерикальнаго хлама, которымъ еще загромождена прусская организація народнаго образованія; но мы убѣждены и въ томъ, что германское народное училище, при всѣхъ его недостаткахъ, лучшее изъ существующихъ и во многихъ и многихъ отношеніяхъ могло бы послужить намъ образцемъ. Германская начальная школа, по отзыву безпристрастныхъ и компетентныхъ судей, во всякомъ случаѣ педагогически настолько выше англійской, американской и французской, что цифры о числѣ учащихся не могутъ служить мѣриломъ для изслѣдованія средняго уровня образованности въ этихъ странахъ.

Мы желали доказать въ предлагаемой статьѣ, что въ основу въ высшей степени полезной книги князя Васильчикова легла одна мысль, кажущаяся намъ ошибочною и съ настойчивостью проведенная авторомъ. Читатель изъ книги «О самоуправленіи» можетъ вынести убѣжденіе, что вопросъ о народномъ образованіи, съ точки зрѣнія земскихъ людей и съ точки зрѣнія педагоговъ — не одно и то же. Съ такимъ воззрѣніемъ автора мы никакъ согласиться не можемъ; онъ не убѣдилъ насъ въ томъ, что дѣло плательщиковъ платить на школу и заботиться лишь о матеріальномъ обезпеченіи ея. Авторъ не убѣдилъ насъ въ томъ, что педагогическая сторона *начальной* школы недоступна большинству образованныхъ земскихъ людей. Мы думаемъ, напротивъ, что знакомство съ методикою начальнаго обученія, тѣсно соприкасающеюся съ семейными интересами каждаго, не только вполнѣ доступно всякому непредубѣжденному практическому дѣятелю, но и обязательно для него, какъ для лица, заботящагося о томъ, чтобы расходъ на школу былъ производителенъ. При всемъ уваженіи къ почтенному автору и при всей признательности за его почтенный трудъ, мы сохраняемъ глубокое убѣжденіе въ томъ, что не можетъ быть двухъ точекъ зрѣнія на начальную школу, земской, т.-е. «практической», и педагогической, т.-е. «идеальной». По вопросу о начальной школѣ возможно высказаться основательно лишь въ томъ случаѣ, если знать тотъ народъ, для котораго создается школа, и знать ту науку, которая должна господствовать въ школѣ; изъ этого не слѣдуетъ, чтобы каждый земскій гласный сталъ спеціалистомъ по педагогіи, или чтобы каждый педагогъ сталъ спеціалистомъ по финансовымъ вопросамъ, по истребленію вредныхъ животныхъ и устройству путей сообщенія. Но педагогъ, на нашъ взглядъ, только въ томъ случаѣ можетъ оказать услугу школѣ, если возможно ближе ознакомится съ матеріальною и нравственною об-

становкою учащихся и тою мѣстностію, населеніе которой онъ призванъ обучать; въ свою очередь земскій человѣкъ, если желаетъ принести дѣйствительную пользу школѣ, имъ содержимой, долженъ ознакомиться съ *педагогическими* потребностями ея, съ основными началами науки о воспитаніи и обученіи. Если педагогъ, при обученіи или сужденіи о школѣ, будетъ имѣть въ виду только человѣка, а не русскаго крестьянина, бѣдняка, мастерового, земледѣльца, рыбака, торговца.... то онъ станетъ смѣшонъ; но не лучше поступитъ и тотъ земскій человѣкъ, который, учреждая школу, только посчитаетъ деньги въ своемъ карманѣ, не освѣдомившись о томъ, что̀ такое школа и что̀ ей нужно?

Земскому человѣку, организующему школу, не можетъ быть чужда *педагогическая* сторона дѣла; это въ природѣ вещей. Мы находимъ блестящее доказательство тому и въ книгѣ князя Васильчикова, который неоднократно, признавъ себя и большинство земскихъ дѣятелей «некомпетентными въ составленіи учебныхъ программъ», впадаетъ въ противурѣчіе съ самимъ собою и проектируетъ (стр. 157) учебную программу для учительскихъ семинарій. Мы вполнѣ сочувствуемъ такому противорѣчію, такъ какъ считаемъ крайне неестественнымъ то, чтобы плательщики не имѣли права выразить, на какой предметъ и для достиженія какихъ учебныхъ цѣлей они желали бы издержать деньги. Но на учебной программѣ учительскихъ семинарій, проектированной почтеннымъ авторомъ, если не ошибаемся, слишкомъ сильно отзывается то увлеченіе его американскою педагогическою неурядицею, на которое мы уже указывали. Такъ, князь Васильчиковъ полагаетъ «дать учительскимъ семинаріямъ не столько (sic) спеціально-педагогическій характеръ, сколько общеобразовательный». Если бы авторъ сказалъ, что учительская семинарія должна быть «*не только*» спеціальнымъ, но общеобразовательнымъ заведеніемъ, то нельзя было бы съ нимъ нѐ согласиться, такъ какъ государство не вправѣ, отказавъ народнымъ учителямъ въ общемъ образованіи, воспитывать изъ нихъ не людей, а машинъ, приспособленныхъ къ извѣстнымъ, спеціальнымъ цѣлямъ.

Но авторъ прямо утверждаетъ, что «не педагогика и методика должны составлять въ учительскихъ семинаріяхъ главный предметъ изученія, а народный бытъ (?) во всѣхъ его добрыхъ и вредныхъ проявленіяхъ». Мы до сихъ поръ не знали науки «о народномъ бытѣ» и думали, впрочемъ, и продолжаемъ думать, что бухгалтеру необходимо изучать бухгалтерію, сельскому хозяину—сельское хозяйство, врачу—медицину; хотя сельскій хо-

зяинъ и медикъ въ деревнѣ только въ томъ случаѣ и достигнуть своихъ цѣлей, если ознакомятся съ бытомъ среды, въ которой имъ предстоитъ дѣйствовать, но изъ этого не слѣдуетъ того, чтобы агрономія для сельскаго хозяина, а медицина для врача не составляли *главнаго* предмета. Такъ же точно педагогика не можетъ не составлять главнаго предмета для учителя, если только не исключать педагогіи изъ числа наукъ. Почтенный авторъ, увлеченный воображаемыми успѣхами американскихъ учителей, получающихъ общее, а не спеціальное образованіе, желаетъ Россіи такихъ учительскихъ семинарій, которыя занимались бы прямою спеціальностью учительскаго дѣла только *между прочимъ*. Едва ли полезно переносить на нашу почву ошибки другихъ народовъ, притомъ безъ ихъ добродѣтелей и едва ли не полезнѣе, подвергая результаты различныхъ системъ народнаго образованія *педагогической* критикѣ, избѣгать намъ тѣхъ ошибокъ, въ которыя впали народы, дѣйствовавшіе безъ предшественниковъ. Предположеніе князя Васильчикова о томъ, чтобы ежегодно съ 1-го мая по 1-ое октября воспитанники учительскихъ семинарій отпускались домой, для полевыхъ работъ, ежегодно сокращаетъ учебный періодъ на половину, а потому исполнимо только въ томъ случаѣ, если учебный курсъ въ учительской семинаріи будетъ продолжаться шесть лѣтъ, а при трехъ учебныхъ полугодіяхъ семинаріи дадутъ намъ недоучекъ, близкихъ къ народу не только по быту и нравамъ, но и по невѣжеству. Крайне любопытно другое предположеніе автора, въ которомъ такъ и сквозитъ увлеченіе его американскими порядками: «чтобы учитель не задерживался на всю жизнь въ должности сельскаго педагога, но имѣлъ бы прямой исходъ (!) изъ этой службы и средства, по безпорочной выслугѣ (!) извѣстнаго числа лѣтъ, перейти къ другимъ занятіямъ и преимущественно къ сельско-хозяйственнымъ устройствамъ съ помощью капитала, ему на этотъ предметъ ссужаемаго»!... Короче сказать: «упаси насъ Боже отъ учительской *профессіи!*»...

Начать съ того, что практика доказала, что сельское хозяйство, на которое затрачивается лѣтнее полугодіе, вполнѣ совмѣстимо съ учительскою дѣятельностью, совершающеюся въ зимнее полугодіе; но независимо отъ этого, возможно ли желать народному учителю такой обстановки, чтобы онъ искалъ изъ нея «исхода»? Возможно ли желать такого развитія и такой подготовки народному учителю, чтобы онъ, *не любя учительскаго дѣла* и взирая на него, какъ на какую-то рекрутчину, мечталъ о томъ, когда-то истечетъ срокъ «безпорочной

службы», который дастъ ему возможность сбросить ярмо? Отъ такого ли учителя мы станемъ ожидать *любви* къ дѣтямъ и *любви* къ наукѣ? Или, быть можетъ, положить въ основу воспитанія и обученія *любовь*—значитъ вдаваться въ *«отвлеченную»* педагогію?... Загляните, читатель, въ толковую школу, и по лицамъ дѣтей вы уже угадаете, господствуетъ ли въ ней любовь, или мастерство, ищущее себѣ иного «исхода». Авторъ признаетъ, что предлагаемое имъ устройство учительскихъ семинарій (стр. 156) «противорѣчитъ обще-европейскимъ воззрѣніямъ и взыскательнымъ (?) требованіямъ *современной педагогики*, но съ нашей точки зрѣнія, продолжаетъ онъ, практической (?), земской, намъ кажется, что этотъ постоянный приливъ и отливъ свѣжихъ и юныхъ умовъ, *проходящихъ* (!) черезъ школу *для передачи* своихъ свѣдѣній подростающему поколѣнію, что этотъ обмѣнъ мыслей, познаній между молодыми людьми и малолѣтными дѣтьми несравненно лучше нашихъ школьныхъ пріемовъ, гдѣ учительская должность, какъ и всякая другая комнатная (?!) служба отчуждаетъ человѣка отъ народнаго быта, вселяетъ въ него односторонніе мнѣнія и мысли и превращаетъ учителей, какъ и большую часть (?) людей науки, въ пристрастныхъ (!), но безсильныхъ порицателей народныхъ пороковъ, къ исправленію коихъ они не подготовлены». Въ этихъ немногихъ строкахъ столько сказано, что стоило бы разобрать каждое слово; но возможно, если не ошибаемся, выяснить дѣло и въ немногихъ словахъ: авторъ желаетъ «обмѣна мыслей между молодыми людьми и малолѣтными дѣтьми»; выражаясь словами автора, такой обмѣнъ возможенъ только въ томъ случаѣ, если молодой человѣкъ умѣетъ понимать ребенка, говорить съ ребенкомъ и передать ему свои свѣдѣнія. Авторъ называетъ занятія въ народной школѣ «комнатною» службою, отчуждающею учителя отъ народнаго быта; но народная школа не закрытое заведеніе и учитель такъ часто соприкасается съ родителями учениковъ, такъ часто въ лицѣ учениковъ своихъ имѣетъ предъ глазами нагую, ничѣмъ неприкрашенную дѣйствительность, что не существуетъ лучшаго способа, какъ преподаваніе въ народной школѣ, для того чтобы сблизиться съ народомъ и изучить его. Затѣмъ, авторъ называетъ «бóльшую часть» (sic) людей науки пристрастными и безсильными порицателями народныхъ пороковъ»; мы оставляемъ это безъ возраженія, довольствуясь лишь тѣмъ, что эти слова почтеннаго автора сами еще разъ укажутъ читателю на отношеніе автора къ педагогіи и педагогамъ. Наконецъ, авторъ, какъ видѣли читатели, противуполагаетъ «требованіямъ современной педагогіи» иную

точку зрѣнія, которую называетъ «практическою, земскою», а мы еще разъ скажемъ, что на вопросъ о народномъ образованіи не можетъ и не должно быть двухъ точекъ зрѣнія, земской и педагогической. Земскіе люди должны быть педагогами, если они не желаютъ бросать денегъ въ воду, и педагоги должны быть земскими людьми, если они не хотятъ строить на пескѣ; каждому своя спеціальность, изъ чего однако не слѣдуетъ того, чтобы онъ былъ чуждъ предметамъ, тѣсно съ нею соприкасающимся, и книга «О самоуправленіи» краснорѣчиво доказываетъ, насколько земскому устроителю школы необходимо прислушиваться къ голосу педагогіи, для того, чтобы не впадать въ ошибки.

Въ заключеніе, мы все же не можемъ не посовѣтовать еще разъ читателямъ ознакомиться съ превосходнымъ трудомъ князя Васильчикова; она заставитъ ихъ многое передумать и перечувствовать, подаритъ ихъ обиліемъ весьма интереснаго матеріала, возбудитъ въ нихъ живѣйшую симпатію къ автору и тому дѣлу, которое онъ такъ краснорѣчиво и искренно защищаетъ.

Бар. Н. Корфъ.

Дер. Нескучное
Алекс. уѣзда, Екатер. губ.

РЕМЕСЛЕННОЕ ОБРАЗОВАНІЕ

въ

ВИРТЕМБЕРГѢ.

Своими быстрыми успѣхами въ области народнаго хозяйства, обнаружившимися въ послѣднее полустолѣтіе на всемірныхъ выставкахъ и въ торговой статистикѣ, а равно во всемъ бытѣ жителей, Виртембергъ обратилъ на себя вниманіе не только прочихъ германскихъ государствъ, но и спеціалистовъ другихъ странъ [1]). Результатомъ явились подражанія тѣмъ учрежденіямъ Виртемберга, которыя восполняютъ въ немъ исконные способы распространенія общаго и спеціальнаго образованія. Виртембергъ прекрасно пользуется и этими способами; на населеніе менѣе 1.800,000 жителей, маленькое королевство это представляло въ 1867—8 году: тюбингенскій университетъ, въ зимній семестръ съ 1093-мя слушателями, въ лѣтній съ 845-ю, ветеринарную школу съ 63-мя учащимися, пользующуюся заслуженною европейскою извѣстностью; земледѣльческую академію въ Гогенгеймѣ, со 113 и 111-ю слушателями (зимній и лѣтній семестры); земледѣльческія училища въ Эльвангенѣ, Кирхбергѣ и Оксенгаузенѣ, каждое, въ 3-хъ курсахъ, съ 12-ю учениками, политехникумъ съ 535 и 460-ю студентами (опять зимній и лѣтній семестры); строительное училище съ 603 и 136-ю учениками; художественную школу съ 60 и 57-ю учениками; музыкальную консерваторію съ 370-ю учащимися; 91 ученую школу, преимущественно классическія гимназіи, съ 4,800-ми учениковъ; 83 реальныя школы съ 5,387-ю уч.; 2 сиротскіе дома съ 619-ми питомцами; 6 училищъ для глухо-

---

[1]) Между прочимъ, см. отчетъ Дорна австрійскому министерству народнаго хозяйства и торговли; касающуюся того же предмета брошюру веймарца Маркса, члена швейцарскаго ремесленнаго общества, и сочиненіе англичанина Скотта Русселя «Systematic technical education for the english people».

нѣмыхъ со 120-ю дѣтьми; 1 училище для слѣпыхъ съ 34-ми дѣтьми; 2,755 евангелическихъ и католическихъ народныхъ школъ [1]); и 8 мужскихъ и женскихъ учительскихъ семинарій съ 588-ю учащимися.

Но всѣ такія учрежденія требуютъ отъ общества удосуженія молодежи, слѣдовательно денежныхъ жертвъ для нѣкоторыхъ сословій, къ несчастію, непосильныхъ; а поэтому, хотя бы они хорошо выполняли свои спеціальныя задачи, но все же не могутъ оказать такой услуги какъ предоставляемая обществу возможность образовываться и развиваться, не отвлекаясь отъ труда изъ-за насущнаго хлѣба. Виртембергъ умѣлъ пробудить въ своемъ рабочемъ сословіи стремленіе къ образованію именно учрежденіями, не нарушающими трудовой жизни народа, и отвѣчалъ этому стремленію устройствомъ вечернихъ и воскресныхъ школъ, которыхъ было въ 1867—8 году: 765 земледѣльческихъ съ 17,439-ю учащимися, и 135 ремесленныхъ съ 8,352-ю учениками.

Для связнаго ознакомленія читателя съ учрежденіями Виртемберга, распространяющими техническое образованіе въ его ремесленномъ сословіи, остановлюсь прежде всего на центральномъ учрежденіи для этой цѣли, создавшемъ и всѣ остальныя и прекрасно выясняющемъ ихъ своимъ складомъ и своею дѣятельностью.

Въ Виртембергѣ не существуетъ министерства промышленности и торговли, и вся забота о развитіи этой дѣятельности общества лежитъ на учрежденіи, называемомъ „Центральнымъ Мѣстомъ ремеслъ и торговли“ (Centralstelle für Gewerbe und Handel). Учрежденіе это не завѣдуетъ, подобно министерствамъ торговли другихъ государствъ, желѣзными дорогами, почтами, казенными фабриками и проч., и служитъ только образцемъ настоящему министерству промышленности и торговли, такъ какъ печется лишь объ интересахъ частнаго заработка и, для вѣрнѣйшаго достиженія этой цѣли, состоитъ не только изъ должностныхъ лицъ, но и изъ депутатовъ торговаго и ремесленнаго сословій.

Учрежденное въ Штутгартѣ, въ 1848 году, Центральное Мѣсто, по своему административному и вмѣстѣ съ тѣмъ представительному отъ сословій характеру, является учрежденіемъ единственнымъ въ своемъ родѣ; оно избавлено отъ всѣхъ фискальныхъ и полицейскихъ отправленій и обязано лишь возбуждать и поддерживать промышленную и торговую дѣятельность страны. Подчиненное министерству внутреннихъ дѣлъ, но пользующееся чрезвычайною самостоятельностью, оно состоитъ изъ предсѣдателя, съ правами директора коллегіальнаго

---

[1]) Число учениковъ и ученицъ этихъ школъ не показано въ отчетѣ министерства исповѣданій и просвѣщенія за 1867—8 годъ, которымъ я пользовался при составленіи статьи; но объ этомъ числѣ можно составить себѣ представленіе по тому факту, что изъ 41,400 человѣкъ, съ 1858 по 1866 годъ поступившихъ въ военную службу, только восемь не умѣли читать и писать.

учрежденія, должностныхъ лицъ администраціи и техниковъ отъ правительства, нѣсколькихъ членовъ изъ сословія учителей высшихъ техническихъ заведеній и 12-ти совѣтниковъ, служащихъ представителями торговаго сословія, фабрикантовъ и мелкихъ промышленниковъ. Должностные члены назначаются правительствомъ, депутаты окружными палатами промышленности и торговли.

Дѣятельность Центральнаго Мѣста слѣдующая.

Во-первыхъ, оно старается запастись возможно-точными свѣдѣніями о положеніи ремесленнаго и торговаго сословія страны, включая подмастерьевъ и учениковъ, и достигаетъ этой цѣли частью личными наблюденіями членовъ, частью при посредствѣ подчиненныхъ ему органовъ, именно палатъ промышленности и торговли, а равно мѣстныхъ административныхъ учрежденій и промышленныхъ обществъ. Эти сношенія даютъ ему возможность направить мѣры правительства къ развитію торговли и усовершенствованію промысловъ, согласно съ нуждами и желаніями ремесленнаго и торговаго сословій. На немъ лежитъ забота вызывать къ жизни учрежденія, полезныя для промышленныхъ и торговыхъ цѣлей, напримѣръ, ярмарки и рынки, общества страхованія, кредитныя и сберегательныя кассы, помогать сбыту произведеній техническими и сельско-хозяйственными выставками, а равно ходатайствовать предъ правительствомъ объ измѣненіи или отмѣнѣ мѣръ, могущихъ препятствовать свободному развитію промысловъ и торговли.

Затѣмъ, Центральное Мѣсто заботится объ образованіи промышленнаго и торговаго сословій, и достигаетъ того устройствомъ новыхъ школъ, улучшеніемъ преподаванія въ существующихъ, распространеніемъ лучшихъ техническихъ сочиненій, изданіемъ „Ремесленнаго Листка“ [1]) (на двадцатомъ году своего существованія расходится въ 6,000 экземплярахъ), ознакомленіемъ рабочихъ съ лучшими способами и орудіями производства и образцовыми издѣліями, для чего посылаются свѣдущіе людей на промышленныя выставки, и наконецъ, состоитъ въ постоянной перепискѣ съ однородными ему заграничными учрежденіями и спеціалистами всѣхъ странъ.

Центральное Мѣсто разсматриваетъ также всѣ вносимыя на его обсужденіе предложенія, требующія законодательныхъ мѣръ, всѣ проекты законовъ, касающихся промышленности и торговли, а равно обсуждаетъ всѣ вопросы, возбуждаемые промышленными и торговыми отношеніями Виртемберга къ другимъ странамъ, и свои мнѣнія и заключенія представляетъ правительству.

Рѣшеніе всѣхъ возникающихъ вопросовъ и исполненіе по нимъ

---

[1]) Годовая подписная цѣна около 1 р. с.

распредѣляется между цѣлою коллегіей, распорядительнымъ комитетомъ и лицомъ президента.

Всей коллегіи подлежитъ обсужденіе общихъ мѣръ относительно промышленности и торговли, всѣхъ важныхъ сельско-хозяйственныхъ, торговыхъ и техническихъ вопросовъ, расходъ вспомогательнаго промышленнаго капитала, утвержденіе въ званіи и увольненіе депутатовъ и контроль надъ палатами промышленности и торговли.

Распорядительный комитетъ, состоящій изъ предсѣдателя, должностныхъ лицъ и учителей, подаетъ мнѣнія по выдачѣ патентовъ на изобрѣтенія, разсматриваетъ споры относительно патентовъ и другія столкновенія.

Предсѣдатель исполняетъ всѣ рѣшенія коллегіи и распорядительнаго комитета и завѣдуетъ внутренними дѣлами Центральнаго Мѣста частью по личному усмотрѣнію, частью по соглашеніи съ референтами по возникающему вопросу.

Затѣмъ, для сбора свѣдѣній о всѣхъ новыхъ изобрѣтеніяхъ и усовершенствованіяхъ, сдѣланныхъ въ области промышленности и торговли въ другихъ странахъ, а также для сообщенія иностранцамъ свѣдѣній объ условіяхъ, существующихъ въ Виртембергѣ, при предсѣдателѣ состоитъ бюро, ведущее дѣятельную переписку съ различными учрежденіями и спеціалистами. Дѣятельность бюро значительно облегчаютъ многочисленныя знакомства, завязанныя предсѣдателемъ въ бытность его коммиссаромъ и членомъ жюри на всемірныхъ выставкахъ, а равно и большое число виртембергцевъ, разсѣянныхъ по всему лицу земли. Кромѣ того, бюро сносится съ многочисленными торговыми консулами Виртемберга и имѣетъ своихъ особыхъ корреспондентовъ въ значительнѣйшихъ торговыхъ пунктахъ: Лондонѣ, Парижѣ, Нью-Іоркѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ бюро обнародываетъ въ своемъ „Промышленномъ Листкѣ“ доходящія до него журнальнымъ и частнымъ путемъ полезныя свѣдѣнія изъ области промышленности и торговли.

При Центральномъ Мѣстѣ состоятъ еще различныя учрежденія. Мы упоминали уже о подчиненныхъ ему палатахъ промышленности и торговли, служащихъ ему проводниками мѣръ и источниками свѣдѣній въ 8-ми промышленныхъ центрахъ Виртемберга. Установленныя въ 1854 г., палаты эти были сначала учрежденіями чисто-административными; даже члены палатъ назначались королемъ. Но желаніе привлечь къ заботѣ о хозяйствѣ страны само общество побудило еще въ 1858-мъ г., предоставить выборъ членовъ палатъ промышленному и торговому сословіямъ. Какъ представительные органы послѣднихъ, палаты подаютъ правительству, ежегодный и подробный отчетъ о состояніи промысловъ и торговли и ихъ нуждахъ, о желательныхъ улучшеніяхъ и средствахъ къ ихъ достиженію, отвѣчаютъ на запросы правительственныхъ мѣстъ

о предметахъ промышленности и торговли, собираютъ статистическія свѣдѣнія, помогаютъ общиннымъ и государственнымъ установленіямъ въ проведеніи принимаемыхъ ими мѣръ на пользу промышленности и торговли, контролируютъ дѣятельность служащихъ этой цѣли учрежденій, и наконецъ, въ случаѣ обращенія заинтересованныхъ лицъ, рѣшаютъ иски и споры по промышленнымъ и торговымъ вопросамъ.

Возвратимся къ результатамъ дѣятельности Центральнаго Мѣста. Первое мѣсто между ними занимаетъ постоянная техническая выставка. Главнымъ пособіемъ къ устройству ея послужила парижская выставка 1849-го года, на которую самъ предсѣдатель Штейнбейсъ былъ посланъ коммиссаромъ отъ виртембергскаго правительства. Между тѣмъ какъ прежніе коммиссары представляли лишь отчеты о выставкахъ, Штейнбейсу было разрѣшено закупить предметы, которые могли выгодно повліять на промышленность страны: рисунки, модели, орудія, машины и проч. Временная выставка закупленныхъ предметовъ въ Штутгартѣ возбудила большой интересъ, и посѣтившій ее король выразилъ желаніе расширить это учрежденіе и сдѣлать его постояннымъ. Это было исполнено при помощи лондонской выставки 1851-го года, на которой Штейнбейсъ опять присутствовалъ коммиссаромъ отъ Виртемберга и, въ совѣщаніяхъ со всѣми германскими коммиссарами и судьями, имѣлъ случай обратить вниманіе на совершеннѣйшія издѣлія въ отдѣльныхъ группахъ. Составившееся собраніе образцовъ, будучи пополнено закупками въ другихъ центрахъ промышленности, представляетъ теперь до 1000 предметовъ и помѣщается въ искусно-перестроенномъ подъ него корпусѣ военной казармы.

Изъ самой исторіи выставки уже видно, что она представляетъ систематически-разставленное собраніе образцовъ иноземной промышленности, которое должно служить виртембергцамъ указаніемъ, на какой ступени стоитъ данная отрасль промышленности, какія ея издѣлія достойны подражанія и какія, напротивъ, невыгодны. На выставкѣ пользуются предпочтеніемъ иноземныя издѣлія совершенно новыя и могущія породить въ Виртембергѣ новую отрасль промышленности, затѣмъ цѣлые сортименты уже извѣстныхъ издѣлій, съ указаніемъ сравнительныхъ цѣнъ продуктовъ, а также сопоставленія издѣлій на различныхъ ступеняхъ обработки, чтобы руководить промышленниковъ при изготовленіи этихъ издѣлій удобнѣйшимъ путемъ, и наконецъ группы сырыхъ матеріаловъ, употребляемыхъ въ туземной промышленности, чтобы указать выгоднѣйшее мѣсто закупки лучшаго матеріала.

Пользованіе музеемъ облегчается систематической разстановкой предметовъ, надписями, содержащими имя изготовителя и цѣну продукта, систематическимъ каталогомъ. Для ближайшаго осмотра и изученія издѣлій дозволяется брать ихъ на́-домъ. Безплатный входъ на выставку разрѣшенъ промышленникамъ, заносящимъ свое имя въ особую

книгу, въ будніе дни 10—12 час. утра и 2—6 ч. вечера, прочей же публикѣ въ воскресенье; въ другіе дни за входъ взимается съ лица по 6-ти крейцеровъ (около нашихъ 6-ти коп. сер.), не съ цѣлью дохода, а для отклоненія праздныхъ посѣтителей. Ежегодно число посѣтителей доходитъ до 30 т., а число выдаваемыхъ на́-домъ предметовъ 5 т. При чрезвычайной предупредительности, съ которою лица, завѣдывающія выставкой, сообщаютъ посѣтителю всѣ интересующія его свѣдѣнія, польза выставки должна быть огромна [1]).

Чтобы дать и дальнимъ промышленникамъ Виртемберга возможность пользоваться выставкой, предметы ея высылаются интересующимся ими промышленнымъ обществамъ, причемъ Ц. Мѣсто заботится, чтобы съ выставкой предметовъ на мѣстѣ совпадали лекціи о соотвѣтствующемъ промыслѣ, о новѣйшихъ въ немъ открытіяхъ и усовершенствованныхъ машинахъ и инструментахъ. Эта дѣятельность Ц. Мѣста, сильно содѣйствуя распространенію промышленныхъ знаній, достигаетъ еще и другой цѣли: оживляетъ собранія промышленныхъ обществъ, часто затруднявшихся въ пріисканіи подходящихъ предметовъ для бесѣдъ.

Такъ какъ центральная постоянная выставка должна представлять картину развивающейся промышленности, то, само собою, она подлежитъ безпрерывнымъ измѣненіямъ: старые предметы должны быть замѣняемы новыми. Поэтому и не существуетъ подробнаго описанія этой выставки. Чтобы хоть сколько-нибудь ознакомить читателя съ богатымъ составомъ музея, перечислю его 12 отдѣловъ: издѣлія изъ глины, камня и стекла; металлы въ необработанномъ видѣ; металлическія издѣлія, слесарные и ножевые инструменты; издѣлія изъ дерева; издѣлія изъ кожи; ткани и ихъ сырые матеріалы, равно вышиванье и вязанье; издѣлія изъ бумаги; химическіе продукты и вещества для домашняго и техническаго употребленія; машины; орудія работы; предметы домашняго хозяйства. Спеціально для ткачей и торговцевъ тканями образчики еженедѣльно присылаются агентами изъ значительнѣйшихъ промышленныхъ центровъ свѣта, что даетъ возможность Ц. Мѣсту въ лѣтнее полугодіе выставлять образчики будущаго зимняго сезона и наоборотъ. Кусочки этихъ образчиковъ разсылаются фабрикантамъ Виртемберга, чтобы дать имъ возможность слѣдить за измѣнчивыми требованіями вкуса и моды. Собраніе этихъ образчиковъ въ теченіе 12-ти лѣтъ представляетъ фабрикантамъ, конечно, богатое пособіе. При музеѣ находится еще собраніе моделей различныхъ ткацкихъ станковъ.

Машины выставлены въ отдѣльномъ залѣ, которое снабжено дви-

---

[1]) Ту же любезную предупредительность испыталъ я въ Ганноверскомъ промышленномъ музеѣ, устроенномъ по образцу штутгартскаго. Подобные же музеи существуютъ въ Карлсруэ и Нюрнбергѣ.

гателемъ; тутъ выставляются не только иностранныя машины, но и издѣлія Виртемберга, представляющія общій интересъ, напримѣръ, вновь изобрѣтенные инструменты, а также новые сырые матеріалы. Для ознакомленія промышленниковъ Виртемберга съ изобрѣтеніями другихъ странъ по части машинъ, выставляются или модели, или самыя машины, если онѣ обѣщаютъ утвердиться въ промышленности. Многіе внутренніе производители находятъ выгоднымъ выставлять здѣсь свои изобрѣтенія, тѣмъ болѣе, что Ц. Мѣсто съ готовностью предлагаетъ имъ двигающую силу или, въ случаѣ выставки двигателя, топливо.

При постоянной выставкѣ устраиваются еще періодическія. Изъ нихъ интересна выставка работъ народныхъ школъ.

Основанное въ 1837-мъ году и состоящее изъ духовенства, учителей и друзей просвѣщенія, виртембергское Общество народной школы, въ засѣданіи 7-го октябрѣ 1858-го года, выставило, между прочими тезисами, слѣдующій:

„Подготовка къ спеціальному занятію ремесломъ составляетъ задачу вечернихъ и воскресныхъ школъ для ремесленныхъ учениковъ (Fortbildungsschulen). Но народная школа должна, опираясь на цѣлесообразно-составленную книгу для чтенія, по крайней мѣрѣ изощрять взглядъ учениковъ на роды промышленной дѣятельности и при всякомъ удобномъ случаѣ сообщать дѣтямъ требуемыя этою дѣятельностью свѣдѣнія, особенно же упражнять дѣтей въ рисованіи и промысловомъ письмоводствѣ".

Возникшія по этому тезису пренія [1]) вызвали предложеніе рѣшить вопросъ не теоретическимъ путемъ, а на практикѣ, чтобы оцѣнить пріемы учителей, стремящихся къ практическимъ цѣлямъ, на работахъ ихъ учениковъ и ученицъ, устранить пріемы, несоотвѣтствующіе цѣли или вредные, а пріемы хорошіе сдѣлать достояніемъ общимъ. Когда для устройства такой выставки работъ народныхъ школъ и на поощреніе успѣшнѣйшихъ учителей преміями была пожертвована за-

[1]) Какъ извѣстно, реальное направленіе народной школы есть одинъ изъ самыхъ спорныхъ предметовъ педагогической литературы. Но нельзя не сознаться, что если сообщеніе реальныхъ свѣдѣній не вредитъ общему развитію учениковъ народной школы, то составляетъ чистый выигрышъ. Несогласимость же этихъ двухъ цѣлей, пока, не доказана. И потому всѣ попытки соглашенія представляютъ высокій интересъ, по крайней мѣрѣ, для исторіи педагогики и всякаго, кому предстоитъ организовать народную школу. Не слѣдуетъ еще забывать, что практическое направленіе народной школы. всего скорѣе привлекаетъ къ ней сочувствіе рабочаго класса, отъ котораго такъ сильно зависитъ и успѣхъ школы, и ея вліяніе на народную жизнь. Но, конечно, чтобы преслѣдовать практическія цѣли, школа должна быть увѣрена въ своихъ силахъ, въ томъ, что изъ-за этихъ цѣлей не упуститъ общаго развитія дѣтей, а также должна располагать богатымъ выборомъ пособій. Обоихъ этихъ условій у насъ еще не существуетъ.

чительная сумма, нѣсколько учителей и друзей школы составили коммиссію для выполненія предположенія. Въ этомъ намѣреніи они были поддержаны одобреніемъ того же Общества народной школы, выставившаго по этому случаю тезисы, которые будутъ небезъинтересны нашимъ читателямъ:

„1) Цѣль народной школы практическая, и потому школа должна стать въ ближайшую связь съ жизнью народа.

„2) Это направленіе согласуется какъ съ идеей народной школы, такъ и съ ея историческимъ развитіемъ; но современная школа еще далеко не выполняетъ указанной задачи.

„3) Нынѣшнее состояніе школы расходится съ принципомъ ея наиболѣе по отношенію къ промысловой жизни народа, и жалоба, что школа даетъ слишкомъ мало для жизни, всего справедливѣе съ этой стороны.

„4) Народная школа въ состояніи снабдить своихъ учениковъ техническими свѣдѣніями и умѣньемъ, пригодными для жизни.

„5) Народная школа можетъ дать подготовку къ промысловой дѣятельности, если:

„a) при употребленіи книги для чтенія, она распространитъ наглядное обученіе на область человѣческой промысловой дѣятельности и заставитъ учениковъ, особенно старшихъ классовъ, осмысленно разрабатывать усвоенныя представленія;

„b) позаимствуетъ у нагляднаго обученія матеріалъ для упражненія въ устномъ и письменномъ изложеніи мыслей и для этихъ упражненій выберетъ формы, примѣнимыя въ жизни;

„c) присоединитъ къ наглядному обученію упражненія въ рисованіи, и

„d) воспользуется числами, доставляемыми такимъ преподаваніемъ, для обученія практическому счетоводству."

Объявляя конкурсъ народныхъ школъ, коммиссія выясняла его цѣль такимъ образомъ:

„Желательно, чтобы народная школа, не уклоняясь отъ своей теперешней задачи, старалась болѣе прежняго удовлетворять практическимъ требованіямъ жизни, въ согласіи съ дѣйствующими законами и общечеловѣческимъ, опирающимся на религію образованіемъ, вступила въ соревнованіе по достиженію этой важной цѣли, сильно видоизмѣняемой мѣстными условіями, подѣлилась своими опытными наблюденіями и тѣмъ содѣйствовала къ проникновенію неувѣренныхъ, мѣстами даже вредныхъ, можетъ быть, попытокъ обдуманнымъ и испытаннымъ планомъ.

„Для предупрежденія недоразумѣній оговаривается слѣдующее. Отъ народной школы отнюдь не требуется особаго обученія сельскому хозяйству или ремесламъ, введеннымъ въ курсъ вечернихъ и воскрес-

ныхъ школъ (Fortbildungsschulen). Но можно желать, чтобы въ народной школѣ, не въ ущербъ добросовѣстному преподаванію обязательныхъ въ ней предметовъ, разумнымъ выборомъ для нихъ матеріала изъ мѣстнаго хозяйственнаго быта и мѣстной земледѣльческой и ремесленной дѣятельности, а равно изъ всей обстановки, затѣмъ цѣлесообразною разработкой естественно-историческаго и реальнаго матеріала книгъ для чтенія и другихъ учебныхъ пособій и особенно введеніемъ курса рисованія, преподаваніе велось способомъ, одинаково возбуждающимъ и практически-плодотворнымъ, притомъ развивающимъ чувство и нравственность; чтобы этимъ путемъ будилось и облагораживалось въ ученикахъ стремленіе къ практически-полезному, чтобы ребенокъ, не переставая развиваться сообразно своему возрасту, подготовлялся къ предстоящему ему промысловому пошкольному обученію."

Чтобы предупредить слишкомъ большое число соискателей, къ конкурсу были допущены лишь тѣ школы для возраста 10—14-ти лѣтъ, въ которыхъ, соотвѣтственнымъ обученіемъ рисованію, дѣти подготовляются къ предстоящей имъ промысловой дѣятельности. Эти школы должны были представить: росписаніе занятій, списокъ учебныхъ пособій, изложеніе хода преподаванія и всѣ тетради дѣтей по чистописанію, правописанію, письму сочиненій и счисленію, изъ которыхъ можно бы было видѣть послѣдовательность и методъ обученія.

На конкурсъ было доставлено изъ 37-ми школъ до 8,000 тетрадей; онѣ были размѣщены на выставкѣ такимъ образомъ, что всякій желающій могъ разсмотрѣть ихъ содержаніе и по немъ судить и о ходѣ преподаванія въ каждой школѣ, и объ ея успѣхахъ.

Хотя преміи были незначительны [1]), большое число съѣхавшихся на выставку учителей показало удачно-возбужденный въ нихъ интересъ, и такъ какъ оцѣнка трудовъ каждой школы происходила при экспонентахъ и ихъ товарищахъ, то каждый могъ сознать свои промахи и успѣхи, выслушать добрый совѣтъ и усовершенствовать свое преподаваніе.

---

[1]) Одна въ 60 флориновъ (флоринъ — 66 к. с.), три въ 40, одна въ 30, одна въ 15; на первомъ конкурсѣ было присуждено еще 9 похвальныхъ отзывовъ. И большое число школъ, надѣявшихся удовлетворить требованіямъ въ высказанномъ коммиссіей направленіи, и число присужденныхъ поощреній, и, по отзывамъ очевидцевъ, дѣйствительное достоинство работъ, заслужившихъ одобреніе, заставляетъ полагать, что учителя виртембергскихъ народныхъ школъ уже за-долго до конкурса работали въ указанномъ направленіи. Насколько это слѣдуетъ приписать взглядамъ Центральнаго Мѣста, выражавшимся въ его «Промышленномъ Листкѣ» и другихъ изданіяхъ, а также при ревизіяхъ школъ, и насколько, напротивъ, учителя старались лишь удовлетворить требованіямъ среды, мы не можемъ рѣшить. Во всякомъ случаѣ, успѣхъ выставки доказалъ, что Ц. Мѣсто дѣйствовало не по увлеченію новой идеей, а зрѣло-обдуманно.

Чтобы ознакомить читателя съ оцѣнкой работъ, приводимъ отзывъ комиссіи о заслужившихъ первую премію работахъ учениковъ средней (высшей народной) евангелической школы въ Фрейденштадтѣ (Шварцвальдъ), городѣ предпочтительно промышленномъ:

„Выдаются успѣхи какъ въ рисованіи, такъ и въ большей части остальныхъ предметовъ преподаванія, при очевидной любви учителя (Руосса) къ рисованію. Изъ ариѳметики рѣшеніе задачъ до извлеченія корней, изъ „геометрическаго вычисленія" постепенное разрѣшеніе практическихъ задачъ по вычисленію линейныхъ протяженій, площадей и тѣлъ до усѣченнаго конуса и шара; изъ физики важнѣйшіе отдѣлы, частью примыкающіе къ книгѣ для чтенія. По всѣмъ вопросамъ двухъ послѣднихъ предметовъ занесены въ тетради наглядныя изображенія. По исторіи и географіи ближайшее и важнѣйшее изложено подробно; но по тетрадямъ не видно, осталось ли при такомъ курсѣ время для общаго обзора важнѣйшихъ событій всемірной исторіи. Письмо очень хорошо. По дѣловому письмоводству желательно бы было большее разнообразіе матеріала. Чистота тетрадей удовлетворительная. Рисунки превосходны и въ большомъ числѣ. Заслуживають полнѣйшей признательности выборъ и постепенность матеріала и употребленіе его, равно чистота и отчетливость рисунковъ чернилами".

Вызванные выставкою обмѣнъ мыслей и соревнованіе учителей были признаны настолько плодотворными, что Центральное Мѣсто рѣшилось сдѣлать выставку періодическою (1860, 1863, 1866).

Сознавая, что рисованіе есть одно изъ важнѣйшихъ пособій для развитія ремесленнаго искусства, Ц. Мѣсто обратило особенное вниманіе на этотъ предметъ и установило еще особую, повторяющуюся каждые два года, выставку работъ школъ рисованія, именно по рисованію, черченію и лѣпкѣ. И эта выставка оказала полезное вліяніе; между прочимъ, она подтвердила вѣрность принятаго въ послѣднее время принципа необязательности посѣщенія вечернихъ и воскресныхъ ремесленныхъ школъ и исключенія изъ нихъ нерадивыхъ и непослушныхъ учениковъ [1]). Къ выставкѣ было приглашено много учителей рисованія въ вечернихъ и воскресныхъ школахъ, чтобы, при оцѣнкѣ высланныхъ на выставку работъ, обсудить какъ методы обученія, такъ и другія мѣры къ успѣшнѣйшему преподаванію рисованія и лѣпки. На основаніи сдѣланныхъ заявленій, Центральное Мѣсто устроило при себѣ центральный складъ рисунковъ и гипсовыхъ моделей, служащихъ какъ для рисованія, такъ и для лѣпки, занятія столь важнаго для весьма многихъ ремеслъ. Складъ этотъ, чрезвычайно богатый моделями, методически подобранными для цѣлей преподаванія и выполненными художественно, отливаетъ ихъ въ большомъ числѣ экзем-

[1]) Мѣра эта вызвала чрезвычайное соревнованіе учениковъ.

пляровъ и разсылаетъ во всѣ вечернія и воскресныя ремесленныя школы. Въ пособіе учителямъ рисованія, при Ц. Мѣстѣ составлена изъ классическихъ оригиналовъ такъ-называемая летучая библіотека, цѣнностью до 3 т. фл., представляющая лучшіе рисунки по всѣмъ ремесламъ и обращающаяся въ школахъ Виртемберга. Въ связи съ упомянутымъ складомъ устроена еще, при самомъ Ц. Мѣстѣ, школа рисованія и лѣпки, отличающаяся тою особенностью, что занятія въ ней не опредѣлены извѣстными часами, а залъ открытъ для желающихъ въ теченіе всего дня. Пользуясь этимъ, ремесленные ученики, дѣйствительно желающіе поучиться, проводятъ за рисованіемъ или лѣпкой выпадающіе въ мастерской часы досуга.

При Ц. Мѣстѣ существуетъ еще химическая лабораторія съ пробирной, доставляющая ремесленникамъ возможность производить касающіяся ихъ производства изслѣдованія. Химикъ лабораторіи читаетъ по временамъ, въ ней или въ другой залѣ, лекціи о наиболѣе обычныхъ въ производствѣ химическихъ процессахъ.

Наконецъ, при Ц. Мѣстѣ устроена библіотека сочиненій техническихъ и вообще касающихся производствъ (до 3 т. сочиненій) и читальня, выписывающая до 50-ти промышленныхъ періодическихъ изданій. Чтобы обратить вниманіе ремесленниковъ на литературныя новости, онѣ исчисляются и разбираются въ упомянутомъ нами „Промышленномъ Листкѣ".

Приведемъ еще нѣкоторыя изъ временныхъ мѣръ и учрежденій Ц. Мѣста Къ нимъ принадлежитъ, во-первыхъ, выставка улучшеній въ области промышленности. Стоимость и затруднительность общихъ техническихъ выставокъ для цѣлыхъ странъ навели Ц. Мѣсто на мысль устроивать по временамъ выставки улучшеній, еще не бывавшихъ на выставкахъ. Какъ значительно такое ограниченіе сокращаетъ расходы и хлопоты по выставкѣ, можно заключить изъ того, что на выставку улучшеній, устроенную въ 1858 г. въ Канштадтѣ (пригородѣ Штутгарта), было доставлено лишь 172 предмета, тогда какъ на промышленную выставку въ Мюнхенѣ было прислано изъ Виртемберга (слѣд. со значительными издержками) 419 предметовъ.

Установленную за улучшенія медаль коммиссія присуждающая ее можетъ назначать или за совершенно новое изобрѣтеніе, или за новое улучшеніе уже извѣстнаго продукта, или за открытіе новой отрасли промышленности, по издѣлію хотя бы извѣстнаго продукта, но не потреблявшагося въ размѣрѣ, предусматриваемомъ по улучшенію. Конкурренты на медаль должны доказать выполненіе ими этого условія, а для контроля показанія ихъ опубликовываются.

Такія выставки могутъ быть устраиваемы на очень небольшія средства. На ряду съ ними упомянемъ еще устроенную Ц. Мѣстомъ

единовременную выставку швейныхъ машинъ, служившую къ ихъ распространенію и къ облегченію публикѣ выбора.

Ни одно иное учрежденіе не умѣло извлечь столько пользы изъ выставокъ другихъ странъ, въ Лондонѣ, Мюнхенѣ, Парижѣ, какъ Ц. Мѣсто. Оно имѣло при этихъ выставкахъ постоянныя коммиссіи съ торговыми агентами и не только поощряло своихъ экспонентовъ медалями и похвальными отзывами, но открывало новые рынки предметамъ вывоза.

Наконецъ, слѣдуетъ еще упомянуть о посылкѣ Ц. Мѣстомъ странствующихъ учителей тканья (въ мѣстности, далекія отъ существующихъ ткацкихъ школъ), а также учителей промышленныхъ бухгалтеріи и письмоводства.

Описавъ учрежденія Центральнаго Мѣста, обратимся къ его главному органу для распространенія ремесленнаго образованія, именно къ виртембергскимъ вечернимъ и воскреснымъ ремесленнымъ школамъ (Fortbildungsschulen). Какъ видно уже изъ перевода ихъ названія, онѣ отличаются тѣмъ, что не отрываютъ своихъ учениковъ (не моложе 14-ти лѣтъ) на болѣе или менѣе продолжительное время отъ заработка, что дѣлаетъ школу доступною лишь дѣтямъ людей достаточныхъ и готовыхъ на пожертвованія, а предлагаютъ ремесленнымъ ученикамъ посвящать самообразованію лишь часы досуга отъ работы въ мастерской. Правда, онѣ предполагаютъ его грамотнымъ (и то не для всѣхъ предметовъ, напр., не для рисованія и лѣпки), но при обязательности и доказанной успѣшности элементарнаго обученія въ Виртембергѣ, курсъ ремесленныхъ школъ доступенъ, почти безъ исключенія, всѣмъ дѣтямъ подходящаго возраста [1]). Кромѣ того, необходимость грамотности для посѣщенія этихъ школъ выясняетъ ремесленнику съ новой стороны, наиболѣе совпадающей съ его разсчетами на помощь дѣтей, необходимость для нихъ начальнаго обученія.

Заслуга перваго почина въ устройствѣ виртембергскихъ ремесленныхъ школъ принадлежитъ опять-таки Центральному Мѣсту. Къ числу его задачъ относится, какъ мы видѣли, сборъ свѣдѣній о состояніи ремесленнаго образованія и предложеніе улучшеній въ существующемъ. Уже въ первый годъ по своемъ учрежденіи Ц. Мѣсто замѣтило недостатокъ школъ для техническаго образованія ремесленныхъ учениковъ мелкихъ промысловъ, для снабженія этихъ учениковъ техническимъ искусствомъ, умѣньемъ вести правильный учетъ оборота и

---

[1]) Единственное ограниченіе обусловлено самымъ назначеніемъ школъ: требуется, чтобы ученикъ уже занимался изученіемъ какого-либо ручного ремесла (у родителей или мастера).

возможностью слѣдить за изобрѣтеніями соперничествующей иноземной промышленности, и потому вошло въ министерство внутреннихъ дѣлъ съ ходатайствомъ объ удовлетвореніи этой потребности учрежденіемъ цѣлесообразныхъ школъ.

„На поприщѣ сельскаго хозяйства — говорится въ докладѣ — дѣйствительная нужда въ такихъ спеціальныхъ школахъ давно признана и вызвала ихъ учрежденіе [1]). Постоянно-развивающаяся организація земледѣльческихъ школъ даетъ сословію сельскихъ хозяевъ возможность подготовки для этой отрасли народной дѣятельности. Потребности ремесленнаго сословія удовлетворяетъ лишь въ высшей техникѣ политехникумъ. На пользу же мелкихъ ремеслъ не сдѣлано ничего подобнаго, и они крайне нуждаются въ спеціально-ремесленномъ образованіи. Начальное обученіе ремесленниковъ въ народной школѣ должно быть закончено въ направленіи ихъ дѣятельности. Всѣ преслѣдующіе другія цѣли учебные предметы, какъ бы образовательны они ни были, должны быть устранены изъ ремесленныхъ школъ для сбереженія скуднаго у ремесленниковъ времени".

Въ существовавшихъ уже въ то время, возникшихъ различнымъ образомъ, воскресныхъ ремесленныхъ школахъ (числомъ 80) обучалось до 5 т. учениковъ, но обучалось лишь отъ 2 до 3 часовъ въ недѣлю; притомъ же школы эти располагали лишь недостаточнымъ числомъ учителей, и преподаваніе въ нихъ не было настолько практично, чтобы удовлетворять нуждамъ ремесленнаго сословія. И потому Ц. Мѣсто настаивало на необходимости организовать спеціально-ремесленныя школы, установить предметы обученія и методы преподаванія, сообразные съ общими и мѣстными потребностями ремеслъ, постоянно пріобрѣтать издѣлія, способныя развить вкусъ учащихся, озаботиться подготовкой практически-свѣдущихъ учителей, хоть частью принадлежащихъ ремесленному сословію, и возбудить общій интересъ къ такимъ школамъ. Свой докладъ Ц. Мѣсто заключило ходатайствомъ, чтобы ему предоставлено было учреждать ремесленныя школы въ указанномъ направленіи и принять ихъ подъ свой надзоръ и свое управленіе. Разрѣшеніе послѣдовало, и Ц. Мѣсто съ энергіей принялось за выполненіе наложенной на себя обязанности.

Характеръ организованныхъ имъ впослѣдствіи школъ опредѣляется предложеніемъ, съ которымъ Ц. Мѣсто отнеслось въ то время къ мѣстнымъ управленіямъ о принятіи подготовительныхъ мѣръ къ устройству школъ. Вотъ оно:

„Ремесленныя школы не могутъ, конечно, упражнять своихъ уче-

---

[1]) Организація земледѣльческихъ школъ Виртемберга подробно описана въ интересной брошюрѣ: «Ueber landwirthschaftliche Fortbildungsschulen und Wanderlehrer, von Dr. H. W. Pabst. Wien 1867.

никовъ въ отдѣльныхъ пріемахъ избраннаго ими промысла. Эта задача выполняется мастерской. Съ другой стороны, ремесленныя школы не должны задаваться продолженіемъ усвоеннаго учениками въ народной школѣ формальнаго образованія. Хотя желательно, чтобы и эта цѣль не упускалась изъ виду, но она не составляетъ первой задачи ремесленной школы. Главная цѣль такого учрежденія: непосредственная подготовка къ практическому занятію ремесломъ, слѣдовательно сообщеніе свѣдѣній, которыя, при навыкѣ въ ручной работѣ, необходимы для успѣха въ ремеслахъ, не требующихъ научнаго или высшаго техническаго образованія".

Устройство ремесленной школы предоставляется произволу каждой общины. Правительство ограничивается предложеніемъ пособія городамъ съ сильною промышленною дѣятельностью. И посѣщеніе школы не обязательно; напротивъ, какъ уже сказано, въ послѣднее время сознательно принято за правило оставлять въ школѣ лишь способныхъ и прилежныхъ учениковъ, а лѣнивыхъ и неспособныхъ, которые задерживали бы прочихъ, исключать, отсылая ихъ въ установленныя закономъ воскресныя школы. Непосредственное завѣдываніе ремесленной школой обыкновенно возлагается на мѣстнаго священника и главу мѣстнаго самоуправленія. Въ большихъ городахъ составляются обыкновенно, для завѣдыванія школой, особыя коммиссіи, въ которыя, кромѣ указанныхъ двухъ лицъ, избираются общиной еще компетентныя лица изъ ремесленнаго сословія. Предсѣдатель коммиссіи утверждается правительствомъ. Мѣстная учебная коммиссія избираетъ изъ среды учителей смотрителя школы. Расходы по школѣ покрываются общиной, иногда цѣлымъ округомъ, взносами учащихся и пособіемъ отъ правительства. Центральное Мѣсто снабжаетъ ремесленныя школы графическими и лѣпными учебными пособіями. Учебные предметы и ихъ распредѣленіе обусловливаются мѣстными потребностями. Во всѣхъ ремесленныхъ школахъ преподаются рисованіе, ремесленное счисленіе и письмоводство. Въ большей части малыхъ общинъ преподаваніе и ограничивается этими предметами. Рисованіе распадается, по мѣстнымъ потребностямъ и степени подготовки учениковъ, на рисованіе отъ руки, геометрическое и ремесленное или техническое. Послѣднее также примѣняется къ мѣстнымъ потребностямъ. Такъ, въ Штутгартѣ рисованіе преподается особо плотникамъ и каменьщикамъ, столярамъ, слесарямъ и сѣдельщикамъ. Математика ограничивается ариѳметикой, съ разрѣшеніемъ задачъ изъ области ремеслъ, коммерческой ариѳметикой и вычисленіемъ площадей и тѣлъ. Къ ремесленному письмоводству присоединяется ремесленная и конторская бухгалтерія. Упражненія въ правописаніи и чистописаніи встрѣчаются лишь въ немногихъ школахъ, чистописаніе почти исключительно въ торговыхъ. Въ случаѣ достаточной подготовки учениковъ

имъ преподается плоская и начертательная геометрія, стереометрія, механика, физика и химія. Стереометрія соединяется иногда съ ремесленнымъ счисленіемъ, начертательная геометрія съ техническимъ рисованіемъ. Французскій и англійскій языки преподаются лишь въ большихъ городахъ.

При заключеніи условія съ общинами объ учрежденіи ремесленной школы обращается, конечно, вниманіе и на необходимый для ея успѣха свѣдущій надзоръ. Такъ какъ при установленіи контроля надъ обыкновенною народною школою къ нему не привлекались лица ремесленнаго сословія и въ большихъ школахъ привлеченіе такихъ лицъ не приводило къ желаемымъ результатамъ, то для завѣдыванія ремесленными школами были установлены особые ремесленные училищные совѣты, которые въ большихъ городахъ состоятъ обыкновенно изъ предсѣдателя и отъ 4 до 6-ти членовъ. Такой совѣтъ составляетъ собственно правленіе ремесленнаго училища, завѣдующее имъ по утвержденной программѣ и смѣтѣ расходовъ. Представителемъ его предъ мѣстною и общею властью служитъ предсѣдатель, а органомъ совѣта въ училищѣ бываетъ смотритель (обыкновенно старшій учитель), присутствующій, хотя лишь съ совѣщательнымъ голосомъ, въ качествѣ непремѣннаго референта, при всѣхъ засѣданіяхъ училищнаго совѣта.

Вслѣдствіе обычнаго распредѣленія расходовъ на училище поровну между государствомъ и общиной, они пользуются и равнымъ вліяніемъ на рѣшеніе дѣлъ, такъ какъ предсѣдатель назначается училищной коммиссіей, а другіе члены избираются общиной.

Гдѣ школѣ удается привлечь въ училищный совѣтъ людей свѣдущихъ и энергичныхъ, не тяготящихся посѣщеніемъ школы и возбужденіемъ къ ней сочувствія въ ремесленномъ и купеческомъ сословіи, тамъ школа достигаетъ прекрасныхъ результатовъ. Училищные совѣты оказываютъ значительную помощь дѣлу еще тѣмъ, что при ихъ посредничествѣ легче выполняется главное условіе успѣха школы: привлеченіе и приличное вознагражденіе хорошихъ преподавателей. Кромѣ того, участіе въ совѣтѣ лицъ ремесленнаго сословія всего скорѣе въ состояніи возбудить въ послѣднемъ интересъ къ школѣ и заботу о надлежащемъ научномъ и практическомъ образованіи подростающаго ремесленнаго поколѣнія.

Въ ремесленныхъ школахъ преподаютъ, обыкновенно, учителя народныхъ и реальныхъ школъ, но мѣстами должность учителей исполняютъ и ремесленники или вообще лица, не принадлежащія къ сословію учителей. Такъ, въ большихъ городахъ техническое рисованіе преподается часто городскими архитекторами. По важному значенію рисованія въ ремесленныхъ школахъ, учителямъ его доставляется всякая возможность къ усовершенствованію: снабженіемъ ихъ средствами къ посѣщенію курса рисованія въ Центральномъ Мѣстѣ, политехни-

жумѣ или штутгартскомъ строительномъ училищѣ, доставленіемъ учителямъ постоянной возможности пользоваться книгами и рисунками изъ Центральнаго Мѣста и, наконецъ, пособіемъ къ посѣщенію внутреннихъ и заграничныхъ выставокъ и съѣздовъ. И въ доказательство того, на какой высокій уровень Центральное Мѣсто съумѣло поднять въ своихъ ремесленныхъ школахъ рисованіе и лѣпку, эти два столь важные для промышленности предмета, можно привести то, что нерѣдко учебныя администраціи другихъ германскихъ государствъ обращаются къ Центральному Мѣсту съ просьбою пригласить учителя въ одну изъ ихъ школъ. Упоминаю объ этомъ фактѣ съ цѣлью показать, какія важныя услуги такое все-таки небольшое учрежденіе, при цѣлесообразномъ составѣ и либеральномъ отношеніи къ нему правительства, можетъ оказать распространенію просвѣщенія а чрезъ него и благосостоянію страны.

Для контроля надъ школами онѣ періодически визитируются, ежегодно, по очереди, или относительно рисованія, или по преподаванію научныхъ предметовъ. Той же цѣли служатъ и упомянутыя уже нами школьныя выставки, на которыя является постоянно большее и большее число конкуррентовъ (въ 1860 году 37 школъ, въ 1863 г. 41, въ 1866 г. 60).

Какъ сказано, ремесленныя школы не задаются обученіемъ дѣтей спеціальнымъ ремесламъ, а стараются снабдить учениковъ свѣдѣніями и умѣньемъ, которыя могли бы пригодиться имъ на любомъ ремесленномъ поприщѣ. Но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ съ преобладающею спеціальною промышленностью существуютъ еще школы съ обученіемъ извѣстнымъ ремесламъ. Такъ, въ Рейтлангенѣ и Гейденгеймѣ есть ткацкія школы, въ Гмюндѣ школа гравированія и чекана, въ Роттенбургѣ школа рѣзьбы на деревѣ, въ Гейслингенѣ—на деревѣ и кости. Послѣднія три школы представляютъ мѣстнымъ ремесленнымъ ученикамъ возможность въ извѣстные часы дня работать подъ надзоромъ и при указаніяхъ людей, опытныхъ въ мѣстномъ ремеслѣ и притомъ развитыхъ художественно, почему мастера охотно посылаютъ своихъ учениковъ въ эти школы. Ткацкія же школы замѣняютъ своимъ ученикамъ и мастерскія, такъ какъ въ нихъ молодые люди съ 14-ти-лѣтняго возраста, посвятившіе себя ремеслу ткачей, проводятъ цѣлый день, частью за тканьемъ, частью слушая теоретическое преподаваніе или разрѣшая задаваемыя учебныя работы, состоящія въ разложеніи образцовъ, тканей, вычисленіи ихъ стоимости, изготовленіи рисунковъ и патроновъ и т. п.; за полдневную работу на станкѣ ученики разсчитываются по установленной таксѣ, и выручка покрываетъ, по крайней мѣрѣ, половину ихъ расходовъ на свое содержаніе. Остальную половину несутъ или родители, или, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, государство, либо различныя установленія (сиротскіе дома и т. п.). По основатель-

ности даваемаго въ этихъ школахъ образованія, въ нихъ охотно поступаютъ дѣти не только мѣстныхъ богатыхъ промышленниковъ и купцовъ, желающихъ обучить своихъ дѣтей именно этой спеціальности, напр. для завѣдыванія фабрикой или торговымъ домомъ, но зачастую можно встрѣтить и иностранцевъ, между прочими и нашихъ отечественцевъ. Посѣщеніе школы въ Роттенбургѣ доставило мнѣ наслажденіе не только прекрасными издѣліями ея учениковъ, но и очевидными признаками той любви, съ какою занимается ею, со значительными денежными пожертвованіями, устроившій ее учитель Шварцъ. Упомяну здѣсь, что этотъ учитель можетъ служить прекраснымъ образцомъ того стремленія къ самообразованію и возвышенію своего сословія, которое воодушевляетъ массу виртембергскихъ ремесленниковъ. Шварцъ былъ ученикомъ у кандитера, затѣмъ у слесаря. Пристрастившись, при посѣщеніи ремесленной школы, къ рисованію, онъ докончилъ свое художественное образованіе въ Мюнхенѣ и, вернувшись на родину, устроилъ школу рисованія и рѣзьбы на деревѣ и всею душою предался своему прекрасному дѣлу. Честь и слава учрежденіямъ, воспитывающимъ въ ремесленномъ сословіи такія личности!

Послѣ ремесленныхъ школъ слѣдуетъ упомянуть еще о такъ-называемыхъ Industrieschulen (всего вѣрнѣе рабочихъ школахъ), въ которыхъ дѣти занимаются ручными работами (дѣвочки учатся шитью, вязанью, кройкѣ и проч.), иногда съ предоставленіемъ имъ выручки отъ работъ. Эти школы устроены и содержатся также частью общинами, частью государствомъ. Цѣль ихъ—призрѣть дѣтей въ свободное отъ школы время, пріучить ихъ, особенно дѣвочекъ, къ ручной работѣ, а иногда и дать заработокъ, въ подспорье родителямъ. Въ Лудвигсбургѣ существуетъ частная, съ пособіемъ отъ правительства, женская семинарія съ цѣлью приготовленія учительницъ для этихъ школъ. Въ 1866-мъ году, въ Виртембергѣ было 1450 такихъ-школъ съ 52,157-ю дѣтьми (50,536 дѣв. и 1,621 мальч.), съ 1778-ю учителями и учительницами и 266,691 часами работы.

Во что же обходится Виртембергу это громадное число земледѣльческихъ, ремесленныхъ и рабочихъ школъ? Расходы на эти школы, насколько они не покрываются платою съ учащихся (съ каждаго вездѣ ничтожною), падаютъ на общины и государство, въ большинствѣ случаевъ поровну. На государство пало: въ учебномъ 186⁴/₅ году 19,322 фл., въ 186⁵/₆ 21,243 фл. Утвержденная смѣта коммиссія ремесленныхъ школъ исчисляетъ, за періодъ съ 1867 по 70-й, ежегодный расходъ въ 34,600 фл., по слѣдующимъ статьямъ: пособіе общинамъ—28,000, визитація школъ—1,700, выставки ученическихъ работъ и преміи—800, образованіе учителей, преимущественно художественное усовершенствованіе учителей рисованія путешествіями—1,500, изготовленіе и распространеніе хорошихъ учебныхъ пособій—1,200, денежныя пособія жен-

-скимъ рабочимъ школамъ—500, на расходы самой коммиссіи—900. Расходы на ремесленныя школы Штутгарта равнялись въ 186⁷/₈ году 11,518 фл., изъ которыхъ приходилось на вечернюю ремесленную школу 7,557 фл., воскресную 2,995, женскую 996. Изъ этой суммы не покрыты платою за ученье 8,918 фл. и потому пали поровну на общину и государство. Большую часть расхода составляла плата учителямъ и учительницамъ: въ вечерней школѣ 4,812 фл., въ воскресной 1,970, въ женской 696; слѣдовательно, при даровомъ преподаваніи расходы на ремесленныя и рабочія школы такого города, какъ Штутгартъ,—школа съ 61 преподавателемъ и 1,285-ю учащимися—стоила бы 4,070 фл. (2,686 рублей). Да и весь расходъ, съ платою преподавателямъ, право, не обременилъ бы смѣты любого изъ нашихъ большихъ промышленныхъ городовъ. А затѣмъ ремесленныя школы стали бы возникать и въ меньшихъ!

Описавъ учрежденія, служащія въ Виртембергѣ для распространенія ремесленнаго образованія, остановлюсь на сходномъ по цѣли учрежденіи, возникшемъ въ средѣ самихъ ремесленниковъ. Это ихъ общества для самообразованія. Я имѣлъ случай ознакомиться лишь со штутгартскимъ обществомъ. Оно помѣщается въ центрѣ города, въ хорошенькомъ домикѣ, представляющемъ помѣщеніе для склада и бюро общества бережливости, для рисовальной и читальной залы, библіотеки и залы для лекцій. Я не разъ бывалъ въ немъ и всегда выносилъ самое пріятное впечатлѣніе отъ его стремленій и внутренней жизни. Въ читальнѣ я нашелъ 17 періодическихъ изданій, литературно-политическихъ и техническихъ, и каждый вечеръ сюда собирается человѣкъ 12 ремесленниковъ, молодыхъ и пожилыхъ. Конечно, въ мое пребываніе въ Штутгартѣ (лѣто 1870 г.) всего болѣе занимали и ремесленный классъ политическія и военныя извѣстія; но и тогда техническія изданія не оставались безъ употребленія. Всѣ присутствовавшіе были заняты чтеніемъ, и мнѣ ни разу не случалось замѣтить что-либо такое, что обличало бы въ комъ-нибудь изъ посѣтителей желаніе лишь убить вечеръ. Выраженныя въ особой книгѣ желанія членовъ, съ исполнительными отмѣтками противъ этихъ записей, вывѣшенное объявленіе о способѣ пользованія кассою больныхъ, росписаніе адресовъ и часовъ пріема должностныхъ лицъ общества, а также отношенія присутствовавшихъ выборныхъ лицъ къ остальнымъ членамъ показали мнѣ дружное стремленіе всѣхъ членовъ къ выполненію задачи общества. Удалось мнѣ быть и на одномъ изъ чтеній. Предметомъ ея служилъ ставшій тогда современнымъ вопросъ объ экономическомъ значеніи постоянныхъ армій. Читавшее лекцію частное лицо развивало въ ней мысль Адама Смита о важныхъ государ-

ственныхъ интересахъ, защищаемыхъ арміями, а также о той привычкѣ къ порядку и дисциплинѣ, которую члены общества вносятъ въ армію, какъ постоянный бытовой элементъ. На лекціи присутствовало до 80-ти рабочихъ, и на всѣхъ лицахъ замѣтно было удовлетвореніе бесѣдой. По окончаніи чтенія присутствовавшіе члены обсуждали предложеніе общества бережливости объ уступкѣ ему, въ уплату долга, сдѣланнаго при основаніи общества рабочихъ, одного изъ двухъ домовъ послѣдняго. Хотя при обсужденіи предложенія пришлось коснуться его мотивовъ и побужденій лицъ, защищавшихъ его предъ обществомъ рабочихъ, но дебаты велись до такой степени прилично, что обнаружили въ членахъ полнѣйшее взаимное уваженіе и привычку къ рѣшенію общественныхъ вопросовъ.

Такія же общества рабочихъ для самообразованія существуютъ въ большинствѣ промышленныхъ городовъ Виртемберга, и вліяніе ихъ на бытъ его ремесленнаго сословія должно быть громадно. Для успѣшнѣйшаго достиженія своихъ цѣлей, общества Виртемберга составили союзъ, оживляемый съѣздами для обсужденія общихъ вопросовъ, и завязали сношенія съ такими же союзами другихъ южно-германскихъ государствъ, Баваріи и Бадена. Воспитываемая этими обществами привычка рабочихъ искать облегченія своего положенія въ единеніи интересовъ, выразилась въ нѣкоторыхъ самостоятельныхъ учрежденіяхъ. Въ южной Германіи болѣе и болѣе распространяются такія же общества для лицъ отдѣльныхъ ремеслъ; затѣмъ, въ средѣ ремесленнаго же сословія, общества бережливости, кассы на случай болѣзни и смерти, наконецъ общественныя помѣщенія и хозяйства для подмастерьевъ и учениковъ. Одно изъ послѣднихъ учрежденій, въ Штутгартѣ, поразило меня удобствами помѣщенія и хозяйства, представляемыми имъ странствующимъ и безсемейнымъ подмастерьямъ и ученикамъ. Въ немъ такой рабочій находитъ, за ничтожную плату, сухое и теплое помѣщеніе, постель съ чистымъ бѣльемъ, здоровый и сытный столъ, уходъ въ случаѣ болѣзни и, наконецъ, возможность не искать развлеченій на улицѣ и въ пивныхъ, а находить ихъ дома, въ чтеніи, рисованіи, пѣніи и бесѣдѣ объ интересующихъ его предметахъ.

Съ другой стороны, удача въ этой попыткѣ единенія интересовъ порождаетъ рабочія артели. Мнѣ удалось проѣздомъ побывать въ мастерскихъ двухъ такихъ артелей въ Гёппингенѣ, недалеко отъ Штутгарта: одной — ткачей-корсетчиковъ, другой — литейщиковъ. Не останавливаясь на организаціи этихъ артелей, замѣчу только, что участвующіе въ нихъ рабочіе очень дорожатъ своимъ учрежденіемъ, находя въ артельномъ производствѣ и облегчаемомъ имъ общемъ хозяйствѣ множество выгодъ и для заработка, и для устройства своего домашняго быта. Обѣ посѣщенныя мною артели постоянно расширяются и болѣе и болѣе становятся хозяевами заведеній, устроенныхъ ими первоначально въ кредитъ.

Для оцѣнки всего описаннаго ряда учрежденій, нужно помнить, что они направлены, какъ мы сказали, къ развитію преимущественно мелкихъ промысловъ и къ увеличенію благосостоянія занимающагося ими ремесленнаго сословія. Какимъ орудіемъ могло это сословіе бороться съ усиливающимся фабричнымъ производствомъ, почерпавшимъ знаніе въ исконныхъ техническихъ заведеніяхъ, доступныхъ лишь дѣтямъ людей богатыхъ? Ремесленникъ не умѣлъ даже разсчитать своего безсилія въ тѣхъ случаяхъ, когда производство сводилось на рядъ неизмѣнно-повторяющихся, точно опредѣлимыхъ механическихъ пріемовъ, выполняемыхъ гораздо лучше человѣка безсознательной силой природы или машины. Въ этой неизбѣжно - безплодной борьбѣ ремесленное сословіе другихъ государствъ истиралось или безотвѣтно, даже незамѣтно, или въ отчаяніи разрушая все окружающее. Нужно было направить его въ ту область труда, гдѣ еще предстоитъ широкій просторъ осмысленной манипуляціи и вкусу. Но не безжалостно ли было бы дать оттѣснить ремесленника на новое поприще лишь для того, чтобы онъ и по немъ брелъ на угадъ, руководимый развѣ случаемъ или тяжкими бѣдами? Гдѣ почерпнуть ремесленнику осмысленное умѣнье и вкусъ, еслибъ онъ и сталъ искать ихъ? Политехникумы и реальныя училища, гдѣ и существуютъ, доступны лишь досужему. На что же и существовало бы общество, еслибъ оно не сжалилось надъ такимъ безвыходнымъ положеніемъ? Или его слѣдовало испугать переполненіемъ тюремъ, стачками рабочихъ, соціальными революціями?

Виртембергъ не выжидалъ этихъ понужденій, и изъ одного гуманнаго чувства понесъ ремесленнику единственное спасительное для него средство — образованіе, понесъ чуть не въ домъ, понимая, что рабочему нельзя отрываться отъ труда. И въ награду за этотъ порывъ, общество можетъ съ гордостью смотрѣть на постоянно возрастающее въ ремесленномъ сословіи число учащихся, на замѣтно повышающійся уровень его осмысленія и образованія, на его попытки дополнить свое образованіе и сложить свою жизнь какъ можно разумнѣе и нравственнѣе, наконецъ, на его попытки заручиться, въ борьбѣ съ капиталомъ, орудіемъ ассоціаціи.

Въ заключеніе, позволю себѣ высказать нѣсколько мыслей относительно желательной прививки описанныхъ учрежденій къ Россіи. Не знаю, насколько осуществилась бродившая въ Петербургѣ, во время технической выставки, мысль сдѣлать ее постоянною. Если предположеніе привело къ какому-нибудь учрежденію, то желательно, чтобы послѣднее исчерпало всю пользу, какую оно можетъ принести при либеральномъ уставѣ и дѣятельномъ завѣдываніи. Если же мысль осталась на этотъ разъ мечтой, то за осуществленіе ея могло бы взяться наше техническое общество. Въ предпріятіи этомъ оно могло бы опереться на выгоду самихъ производителей сдѣлать свои издѣлія извѣст-

ными, а также привлечь къ дѣлу заинтересованныя въ немъ не менѣе отдѣльныхъ производителей городскія управленія. Ремесленныя школы, какъ общія для учениковъ различныхъ ремеслъ, такъ и соединяющія преподаваніе съ практическими занятіями, способными исподволь совершенствовать какой-либо отдѣльный промыселъ, всего болѣе соотвѣтствуютъ интересамъ промышленныхъ мѣстностей и потому могутъ быть устраиваемы тамошними органами самоуправленія, а равно и частными лицами, интересующимися успѣхами промышленности и отдѣльныхъ производствъ или желающими поднять благосостояніе ограниченныхъ мѣстностей. Съ нѣсколько бо́льшими усиліями такія школы могли бы быть устраиваемы въ мѣстностяхъ, природныя и бытовыя условія которыхъ дозволяютъ надѣяться на успѣхъ извѣстнаго промысла. Припомните случаи, когда въ западной Европѣ цѣлыя мѣстности были спасаемы отъ нищеты и голода воспитаніемъ въ нихъ новой отрасли промышленности. Бѣдствующихъ мѣстностей въ Россіи довольно; онѣ представляютъ широкое поприще благотворительности въ такомъ видѣ. Большое вліяніе на развитіе отдѣльныхъ мѣстныхъ промысловъ могли бы оказать посвященныя ихъ издѣліямъ частныя выставки, требующія весьма небольшихъ затратъ. Онѣ указывали бы мѣстнымъ промышленникамъ и совершеннѣйшіе образцы, и лучшіе способы производства. Наконецъ, учрежденіе рабочихъ ассоціацій было бы лучшимъ способомъ контроля надъ бывшими питомцами пріютовъ, проектированныхъ въ послѣднее время для малолѣтныхъ преступниковъ. Рабочая ассоціація, сохраняющая связь съ пріютомъ и заинтересованная въ этой связи его посредничествомъ въ пріобрѣтеніи сырыхъ матеріаловъ и сбытѣ произведеній, съ выгодою могла бы замѣнить существующій на Западѣ патронатъ надъ бывшими питомцами пріюта. Удовлетворительное устройство патроната сопряжено съ большими затрудненіями для заведенія и съ значительными и разносторонними пожертвованіями частныхъ лицъ. Рабочая же ассоціація, снабжаемая еще способами къ самоусовершенствованію членовъ въ ихъ спеціальномъ промыслѣ и къ самообразованію вообще, представляетъ прекрасный переходъ изъ-подъ надзора пріюта къ болѣе и болѣе самостоятельной жизни питомцевъ на собственный трудъ и рискъ. При цѣлесообразномъ устройствѣ такой ассоціаціи, рецидивы въ преступленіи очень невѣроятны.

Ф. Р—ъ.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го января, 1871 г.

Прошедшій годъ. — Новыя реформы и новыя желѣзныя дороги. — Денежный рынокъ и промышленность. — Нерѣшенные вопросы. — Наборъ 1871 года, въ его связи съ военнымъ преобразованіемъ. — Дѣло народнаго обученія у насъ, и печальная зависимость отъ него всѣхъ реформъ и всѣхъ отраслей государственной дѣятельности.—Петербургское земское собраніе.—Отчетъ барона Н. А. Корфа.—Уровень народной нравственности.—Письмо въ редакцію изъ Остзейскаго края.

Окончился годъ, который назовутъ въ лѣтописяхъ исторіи кровавымъ. Мы не принимали участія въ самой войнѣ, но нравственное ея давленіе распространялось и на насъ. Это давленіе было даже болѣе, чѣмъ одно нравственное: война повліяла на наши экономическія и финансовыя дѣла и отодвинула совершенно на задній планъ весь интересъ общества къ внутреннимъ вопросамъ, кромѣ одного, который истекъ опять-таки изъ войны. Это обстоятельство не лишено своего значенія: спрашивается, какое пагубное вліяніе могло бы имѣть на нашу судьбу активное участіе въ войнѣ? Кому не очевидно теперь, что всякое воинственное увлеченіе съ нашей стороны было бы рѣшительнымъ отступленіемъ на задній планъ всей нашей внутренней работы, и уже не только въ одномъ общественномъ вниманіи, но и въ самой правительственной дѣятельности.

Въ истекшемъ году мы, какъ и въ ближайшихъ къ нему, шли, что называется, „помаленьку". Въ выработкѣ новыхъ реформъ наиболѣе дѣятельности выказало министерство внутреннихъ дѣлъ. Имъ было предпринято и преобразованіе губернской администраціи, съ устройствомъ на новыхъ началахъ провинціальной полиціи, и реформа муниципальная, съ цѣлію обезпечить самоуправленію городовъ бóльшій просторъ и бóльшую самостоятельность, давъ ему и болѣе раціональное устройство. Предположенная административная реформа остановилась, быть можетъ, потому именно, что имѣла происхожденіе отчасти случайное. Но городская реформа дозрѣла и постепенно вводится въ им-

періи. Она и представляетъ собою едва ли не важнѣйшее пріобрѣтеніе наше за истекшій годъ, такъ какъ, несмотря на свои пробѣлы и нѣкоторые недостатки, о которыхъ мы упоминали въ свое время, она доставила городскому управленію гарантію немаловажную въ лицѣ новаго учрежденія губернскихъ по городскимъ дѣламъ присутствій, а за губернаторами въ дѣлѣ муниципальнаго самоуправленія признаетъ только право надзора.

Промышленный прогрессъ нашъ и въ этомъ году шелъ благопріятно, въ томъ смыслѣ, что показывалъ способность къ росту производительныхъ силъ страны и дѣйствительные успѣхи, отчасти впрочемъ задерживаемые неудовлетворительнымъ финансовымъ положеніемъ. Это послѣднее преимущественно отзывается, конечно, на земледѣліи, такъ какъ оно именно выноситъ на себѣ тяжкую систему подати съ труда. Преобразованіе этой подати, какъ извѣстно, предположено министерствомъ финансовъ, которое свой проектъ разослало на разсмотрѣніе земствъ. Этой мысли нельзя не сочувствовать. Но шести-мѣсячный срокъ, назначенный земскимъ учрежденіямъ для обсужденія такой реформы, въ которой нельзя произнесть основательнаго мнѣнія иначе, какъ собравъ предварительно отсутствующія у насъ цифры (такъ, напр., въ самой Петербургской губерніи, до-сихъ-поръ еще неопредѣлено съ достовѣрностью количество *земли*), кажется уже слишкомъ короткимъ, особенно послѣ десяти-лѣтнихъ трудовъ по этому дѣлу самой податной коммиссіи.

Успѣхи, сдѣланные нашею мануфактурною промышленностью, и преимущественно всѣми отраслями желѣзнаго дѣла, засвидѣтельствовались въ минувшемъ году выставкою въ Петербургѣ, которая и заключила собою въ общественномъ вниманіи первую половину года. Война отвлекла мысли общества и отъ выставки, такъ что закрытіе ея прошло почти незамѣтно и далеко не соотвѣтствовало нѣсколько преувеличенному, впрочемъ, эффекту ея начала. Изъ успѣховъ промышленнаго развитія, главный въ настоящее время, какъ показала и выставка, относится къ области желѣзно-дорожнаго строительства.

Въ 1870-мъ году открыты новыя желѣзныя дороги: финляндская (т.-е. участокъ отъ Выборга до Гельсингфорса), московско-ярославская (т.-е. отъ Сергіевскаго посада до Ярославля), второй участокъ орловско-грязской, участокъ кіево-брестской (отъ Кіева до Жмеринки), новоторжская, рыбинско-бологовская, участокъ тамбовско-саратовской (отъ Тамбова до Умета), участокъ харьковско-кременчугской (отъ Кременчуга до Полтавы), московско-смоленская и балтійская. Всего, по „Ежемѣсячному Календарю", число верстъ желѣзныхъ дорогъ, открытыхъ для движенія, къ октябрю составило 10,319, и 4,160 верстъ находилось еще въ постройкѣ. Сказать однако, что качественное улучшеніе нашихъ дорогъ соотвѣтствуетъ ихъ численному развитію никакъ нельзя,

ни въ отношеніи порядка на линіяхъ, ни въ отношеніи самыхъ порядковъ въ компаніяхъ. Послѣдніе весьма замѣчательные образцы безпорядка въ эксплуатаціи представляетъ балтійская дорога: по винѣ ихъ—какъ мы слышали изъ частныхъ извѣстій, болѣе откровенныхъ, чѣмъ оффиціальныя—часть товаровъ продолжаетъ идти изъ Ревеля въ Петербургъ на извощикахъ и приходитъ не многимъ позже, чѣмъ на медленныхъ „парахъ" балтійской компаніи;—образцы же безпорядковъ въ самомъ веденіи акціонернаго дѣла представлены въ послѣднее время рыбинскою компаніею.

Война хотя и нельзя сказать, чтобы явилась неожиданно, но все-таки застала всѣхъ врасплохъ. Ее предвидѣли въ будущемъ, но не ожидали такъ скоро, такъ внезапно. Война не могла не отозваться у насъ не только на общественномъ вниманіи, но и на матеріальныхъ интересахъ. Она повліяла и на отпускную торговлю, и на курсъ, и на цѣнность промышленныхъ бумагъ. Вывозъ хлѣба въ значительной степени стѣснился прекращеніемъ отпуска его во Францію, а весь отпускъ изъ сѣверныхъ портовъ—блокадою, которая затормозила сѣверогерманское мореходство. Вліяніе на курсы война, естественно, должна была произвесть какъ въ связи съ ея вліяніемъ на дѣла по внѣшней торговлѣ, такъ и потому еще, что петербургская биржа находится въ зависимости отъ биржи берлинской. Вексельный курсъ, подъ вліяніемъ войны, упалъ и до-сихъ-поръ не возвратился къ нормѣ, бывшей до войны. Курсъ на Парижъ въ началѣ іюня былъ 330 сант. съ наклонностію къ повышенію; война тотчасъ довела его до 300 сант., а со времени блокады Парижа прекратилась и котировка на Парижъ. Курсъ на Лондонъ въ началѣ іюня былъ 31 пенс., тоже съ наклонностію къ повышенію; война уронила его до 29 пенс. Прусскія побѣды поддержали наши бумажныя цѣнности, но на курсъ вліянія оказали мало. Дѣло въ томъ, что какъ только на берлинской биржѣ прошла первая паника, то дѣла на ней съ нашими бумагами тотчасъ оправились; между тѣмъ какъ вексельный курсъ, въ виду значительной задержки вывоза, ничего не выигралъ отъ успокоенія берлинской биржи. Со времени фактическаго прекращенія блокады балтійскихъ портовъ Пруссіи, курсъ нѣсколько поднялся, но и къ половинѣ декабря все еще не сравнился со своимъ повышеніемъ въ началѣ лѣта, а именно состоялъ по 30¹/₄ пенс. на Лондонъ (биржа 11-го декабря).

Дѣла съ фондами и промышленными цѣнностями на нашей биржѣ не представляли ни такихъ колебаній, ни такого оживленія, какъ въ биржевомъ, спекуляціонномъ 1869-мъ году. Но, подъ вліяніемъ и войны, и самой спекуляціи, колебанія были все-таки значительны. Вліяніе войны здѣсь оказалось преимущественно въ первыя двѣ недѣли по ея объявленіи. Въ это время выигрышные займы упали: первый съ 147¹/₂ р., а второй—съ 144—до 125 р.; даже рента упала съ 86 (5%) на

81, и съ 87½ (5½%) до 85. Замѣчательно, что пониженіе частныхъ промышленныхъ бумагъ не было значительнѣе, чѣмъ выигрышныхъ займовъ. Для примѣра укажемъ только на акціи Главнаго общества; здѣсь écart составилъ только 14½ р. (съ 144½ на 130), между тѣмъ какъ на первомъ выигрышномъ займѣ écart составилъ 22½ р. Даже рязанскія акціи, которыя, такъ сказать, специально занимаются огромными скачками, упали всего на 20 р. (съ 245 на 225). Всѣ эти явленія зависѣли именно отъ паники на берлинской биржѣ, гдѣ облигацій выигрышныхъ займовъ особенно много. Побѣды нѣмцевъ тотчасъ подняли спросъ на наши бумаги въ Берлинѣ, а затѣмъ и цѣну ихъ у насъ. Но все-таки, въ общемъ результатѣ нельзя не замѣтить, что бумаги, по большей части, не поднялись до высшихъ цѣнъ бывшихъ лѣтомъ, до войны. Такъ, первый выигрышный заемъ и теперь (биржа 11-го декабря), несмотря на приближеніе тиража и происходящія по этому случаю закупки, стоитъ 144½ р., а второй 141¼. Рента 84 (5%) и 87 (5%). Акціи Главнаго общества стоятъ на 140. Однимъ словомъ, вліяніе войны, въ концѣ концовъ, было неблагопріятно и на нашей биржѣ, хотя и не въ очень значительныхъ размѣрахъ. Однѣ московско-рязанскія акціи, которыхъ колебанія вообще неуловимы, стоятъ теперь гораздо выше, чѣмъ передъ войной, а именно на 271. Надо впрочемъ замѣтить, что на нынѣшнее состояніе биржи имѣли вліяніе, кромѣ войны во Франціи, еще и слухи, распространившіеся вслѣдъ за отмѣною статей трактата 1856-го года.

Объявленіе нашимъ правительствомъ нейтралитета было принято обществомъ съ большимъ сочувствіемъ. Не менѣе живое сочувствіе вызвалъ и циркуляръ нашего канцлера, освобождающій Россію отъ дальнѣйшаго перенесенія условій нашей беззащитности на Черномъ морѣ. Общество явно сочувствуетъ мѣрамъ обороны, но именно обороны только, потому что сознаетъ, какому запустѣнію подвергла бы война дѣло внутренняго развитія, во многихъ существенныхъ своихъ отрасляхъ еще весьма не устоявшееся. Положеніе крестьянъ, положеніе народнаго образованія и печати, положеніе окраинъ, наконецъ самого nervus rerum, т.-е. финансовъ, требующее постоянныхъ займовъ—все это лежитъ въ сознаніи мыслящихъ людей, истинныхъ патріотовъ, многозначительнымъ противовѣсомъ всякому шагу къ исполненію мнимыхъ „историческихъ" задачъ.

О положеніи дѣлъ народнаго образованія мы говоримъ далѣе подробно. О положеніи печати можно только сказать, что на новый годъ слухи предсказываютъ новый для нея уставъ; точно такіе слухи были и въ концѣ 1869-го года. Остается только пожелать, чтобы этотъ годъ отсрочки былъ истолкованъ въ смыслѣ дозрѣванія нашего общества, а не въ смыслѣ усугубленія его незрѣлости.

Одного взгляда на истекшій годъ достаточно, чтобы замѣтить, что

хотя мы и дѣлаемъ успѣхи, и идемъ впередъ, но не безъ случайности, нерѣшительности и даже уклоненій, идемъ помаленьку и не всегда твердо. Таковы наши успѣхи и въ *мирное* время: въ *военное* время о нихъ не пришлось бы и говорить.

Чтобы дополнить въ двухъ словахъ этотъ очеркъ, упомянемъ, что въ числѣ важныхъ внутреннихъ вопросовъ, стоящихъ на очереди или ожидающихъ разрѣшенія, находятся и вопросы объ окончательномъ устройствѣ западныхъ окраинъ государства: литовско-русскія губерніи все еще находятся въ положеніи исключительномъ, а въ балтійскомъ краѣ даже и не приступлено еще къ рѣшенію основнаго — крестьянскаго вопроса. Но и для всего состава имперіи къ прежнимъ вопросамъ присоединился одинъ новый, весьма важный, именно вопросъ о военномъ преобразованіи. Въ началѣ ноября объявлено было повелѣніе о приготовленіи этого преобразованія, а 1-го декабря послѣдовалъ манифестъ о наборѣ, который уже назначенъ съ тѣмъ, чтобы „въ виду этихъ предположеній озаботиться заблаговременно образованіемъ на будущіе годы достаточнаго запаса отпускныхъ нижнихъ чиновъ“. Впрочемъ, это есть обыкновенный наборъ на 1871-й годъ, только цифра его разсчитана выше, именно по приведенному соображенію, выраженному въ манифестѣ.

Наборъ 1871-го года опредѣленъ не въ 4, а въ 6 душъ съ тысячи, съ обѣихъ полосъ имперіи и губерній Царства Польскаго. Съ 1866-го года наши ежегодные наборы были по 4 души съ тысячи съ обѣихъ полосъ (въ замѣнъ прежнихъ по 8 д. съ одной полосы поочередно). Къ началу будущаго года общая цифра служащихъ и отпускныхъ нижнихъ чиновъ должна, по заявленію оффиціальнаго органа военнаго министерства, простираться до 1.250,000 чел. Эта цифра совершенно подтверждаетъ наши предвидѣнія, высказанныя въ прошлой хроникѣ, именно, что и безъ введенія прусской системы мы можемъ имѣть такую огромную цифру войска. Къ этому мы сейчасъ возвратимся, но прежде всего привѣтствуемъ провозглашенное въ манифестѣ 1-го декабря начало объ „освобожденіи отъ рекрутскихъ повинностей лицъ, состоящихъ въ должности учителя начальнаго народнаго училища, если лица эти предварительно выдержали испытаніе на упомянутое званіе въ установленномъ порядкѣ или же съ успѣхомъ окончили курсъ наукъ въ учебныхъ заведеніяхъ, дающихъ право на званіе учителя начальнаго народнаго училища“. Включеніе этой благотворной мысли уже въ первый же наборъ послѣ повелѣнія 4-го ноября ручается за осуществленіе ея и въ проектѣ военнаго преобразованія.

Значеніе сдѣланнаго правительствомъ приступа къ военному преобразованію въ настоящее время уже выяснилось. Задача умѣрять порывы диллетантовъ, воображавшихъ, что все это дѣло было внезапно вылито въ окончательную форму, нынѣ уже не предстоитъ намъ, какъ

въ прошлый разъ. Задача эта уже исполнена „Русскимъ Инвалидомъ", который, перечисливъ нѣсколько (не всѣ, впрочемъ) вопросовъ, поднятыхъ по этому въ печати, высказалъ, что „положительное рѣшеніе всѣхъ этихъ вопросовъ еще не принадлежитъ настоящей минутѣ", что даже выработанныя основанія для работъ учрежденныхъ по этому коммиссій еще не заключаютъ въ себѣ „никакихъ положительныхъ рѣшеній", и что во всякомъ случаѣ „законодательное ихъ разрѣшеніе потребуетъ еще долгаго времени". Проектъ, какой будетъ выработанъ военнымъ министерствомъ, сколько намъ извѣстно, будетъ сообщенъ на заключеніе и другихъ вѣдомствъ, до которыхъ онъ касается, предварительно внесенія его въ комитетъ министровъ и въ государственный совѣтъ. Можно только радоваться, что вопросъ этотъ будетъ подвергнутъ всестороннему обсужденію, тѣмъ болѣе, что здѣсь не можетъ быть и рѣчи о потерѣ времени. Еслибы намъ въ самомъ дѣлѣ угрожала близкая война, то тѣмъ менѣе было бы причинъ къ излишней поспѣшности въ этомъ отношеніи. Преобразованіе, хотя бы самое поспѣшное, все-таки не поспѣло бы къ войнѣ, и война, по всей вѣроятности, заставила бы отложить въ сторону такое дѣло, какъ перемѣна существеннѣйшихъ основъ нашего военнаго устройства. А между тѣмъ поспѣшность въ дѣлѣ, которая будетъ имѣть вліяніе на все будущее нашей внутренней жизни, могла бы имѣть весьма неудовлетворительныя послѣдствія; нѣсколько лишнихъ мѣсяцевъ обсужденія нисколько не ослабятъ Россію въ случаѣ близкой войны, а могутъ много содѣйствовать къ установленію такихъ именно прочныхъ, наиболѣе раціональныхъ и практическихъ основъ этого важнаго преобразованія, которыя, увеличивая средства обороны, не истощали бы средствъ страны, какъ экономическихъ, такъ и образовательныхъ.

Сберечь наши средства къ развитію въ странѣ образованія — должно быть одною изъ главныхъ заботъ при обсужденіи военной реформы. На этой необходимости мы настаивали въ послѣднихъ двухъ „Обозрѣніяхъ". Но еще задолго до предпринятой нынѣ реформы, задолго и до той европейской войны, которая навела на мысль о необходимости усиленія обороны Россіи, именно годъ тому назадъ, въ нашемъ журналѣ были высказаны мысли, которыя и въ настоящее время мы вполнѣ раздѣляемъ и полагаемъ нелишнимъ припомнить. Въ статьѣ „Европа и ея силы" [1]), авторъ, по поводу сравнительной статистики народнаго просвѣщенія, коснулся еще тогда вопроса о введеніи у насъ „обязательности военной службы для всѣхъ сословій безъ изъятія", и выразивъ сомнѣніе, чтобъ контингентъ нѣсколькихъ тысячъ образованныхъ людей могъ составить значительное усиленіе обороны въ странѣ, содержащей огромную армію, поставилъ вопросъ, который какъ нельзя

---

[1]) См. январь, 1870.

болѣе кстати теперь, въ виду того, что и само военное преобразованіе должно видоизмѣниться подъ вліяніемъ малоразвитости большинства народа. „О, если бы—говорилъ авторъ—вмѣсто трехлѣтняго пребыванія подъ знаменами, на казенномъ пайкѣ, которое рекомендуютъ для молодыхъ людей, кончившихъ курсъ въ школахъ и университетахъ, какъ хорошую подготовку къ практической дѣятельности, возможно было устроить трехлѣтнее пребываніе тѣхъ молодыхъ людей, на казенномъ же пайкѣ, въ видѣ благородной повинности, подъ знаменами великаго дѣла народнаго обученія! Какая громадная польза для народа, слышать первое слово умственнаго развитія отъ человѣка образованнаго и молодого, который смотрѣлъ бы на свою дѣятельность не какъ на вѣчную, скудно оплачиваемую профессію, а какъ на истинный гражданскій подвигъ, на жертву, приносимую имъ сознательно будущности своего народа“.

Эту точку зрѣнія мы удерживаемъ и теперь, по глубокому убѣжденію, что устраняя привилегіи сословныя, необходимо оберечь интересы образованія, сберечь наши образовательныя силы, допустивъ для людей, кончившихъ высшее и среднее образованіе, изъятія изъ личной военной повинности, не увольняя ихъ все-таки отъ иного участія въ этой повинности, или хотя бы возложивъ на нихъ, въ самомъ дѣлѣ, личную повинность трехлѣтней службы въ качествѣ народныхъ учителей. Усвоивая себѣ выраженіе той же статьи, мы скажемъ, что исполненіе подобной повинности представляло бы превосходную нравственную дисциплину для самихъ учителей, для всего образованнаго сословія, тѣсно сближая его съ массою народа не въ сочувствіяхъ только, а на самомъ дѣлѣ, установляя между этими слоями солидарность чистою, безкорыстною дѣятельностью образованныхъ гражданъ на пользу народа, наконецъ давало бы крайне нужное практическое знаніе положенія и нуждъ народа той средѣ, изъ которой должны выходить общественные и государственные дѣятели.

Мы представляемъ эти мысли не въ видѣ проекта о формальномъ введеніи подобной повинности, но утверждаемъ, что введеніе чего-либо подобнаго было бы гораздо полезнѣе для Россіи и гораздо либеральнѣе, чѣмъ поглощеніе и безъ того скудныхъ образовательныхъ силъ безусловною, недопускающею изъятій конскрипціею. А впрочемъ, если продержится еще нѣсколько лѣтъ настоящее отношеніе министерства народнаго просвѣщенія къ дѣлу безотлагательнаго приготовленія возможно бо́льшаго числа народныхъ учителей, то приведенная мысль можетъ получить и буквальное примѣненіе: больше ничего не останется и дѣлать, какъ создать, наконецъ, серьезные зачатки обширнаго народно-учительскаго учрежденія посредствомъ конскрипціи всѣхъ образованныхъ людей, создавъ и здѣсь силы дѣйствующія и силы резервныя, и зачисливъ чиновниковъ министерства народнаго просвѣщенія въ резервъ или ландштурмъ на-

роднаго просвѣщенія, выступающій на дѣло только въ случаяхъ совершенной крайности. А между тѣмъ заботою о распространеніи общаго образованія дѣло еще не исчерпывается: за общимъ слѣдуетъ техническое или ремесленное — столь изумительно организованное у нѣмцевъ, какъ-то можетъ видѣть читатель изъ вышеприведенной статьи о ремесленномъ образованіи въ Виртембергѣ.

Но въ ожиданіи такого техническаго образованія нашего общества, безъ чего и общая военная повинность не принесетъ желаемыхъ результатовъ, поднятіе умственнаго уровня массы, распространеніе образованія въ народѣ, — вотъ, главная, самая настоятельная потребность Россіи; эту истину мы считаемъ необходимымъ повторять почти въ каждой изъ нашихъ ежемѣсячныхъ бесѣдъ съ читателями. Никто изъ нихъ, мы увѣрены, не возразитъ намъ на это и мысленно, что, провозглашая неоднократно такую очевидную истину, мы какъ будто „взламываемъ дверь, которая отперта". Есть истины, которыхъ очевидность остается пока въ сферѣ абстрактной. Никто, конечно, не сомнѣвается, что распространеніе въ народѣ образованія было бы полезно. Даже само министерство народнаго просвѣщенія не имѣетъ на этотъ счетъ такихъ сомнѣній, которыя прямо заставили бы его отказаться и отъ той малой доли, какую оно нынѣ въ этомъ дѣлѣ принимаетъ, между прочимъ, нѣкоторымъ содѣйствіемъ содѣйствію земствъ ко введенію въ дѣйствіе школъ грамотности и учительскихъ семинарій. Но озабочиваясь и этой подробностью своей задачи, министерство при этомъ не упускаетъ изъ виду, что главная, предстоящая ему въ дѣлѣ народнаго образованія, цѣль есть не столько собственно народное образованіе вообще, сколько политическія соображенія. Остатки же отъ своихъ денежныхъ средствъ, за достиженіемъ сихъ цѣлей, а равно за обезпеченіемъ классическаго средняго и высшаго образованія, и удѣленіемъ 5% всего своего бюджета—на управленіе, и на изданіе журнала министерства,—оно причисляетъ къ государственнымъ доходамъ, соблюдая такимъ образомъ экономію. Къ государственнымъ же доходамъ причисляетъ оно и 13 т. рублей дохода отъ изданія упомянутаго журнала, такъ какъ эти 13 т. р. исходятъ, главнымъ образомъ, изъ обязательной подписки на это изданіе училищъ, стало быть представляютъ опять - таки сбереженіе государственнаго расхода на эти училища. Для государства, слѣдовательно доходъ этотъ является какъ бы въ видѣ оборотнаго поступленія.

Мимоходомъ замѣтимъ, что расходъ казны на доставленіе министерству народнаго просвѣщенія своего литературнаго органа, полезнаго иногда для возраженій слишкомъ неотвязчивымъ просьбамъ объ увеличеніи средствъ образованія для женщинъ, а также на изготовленіе „факсимиле подписей" и другія художественныя и литературныя необходимости, — этотъ расходъ составляетъ 25 т. рублей, и есть уже

чистый расходъ для казны, расходъ безвозвратный, по крайней мѣрѣ въ строго-финансовомъ смыслѣ, ибо въ другомъ смыслѣ, этотъ подвигъ редакціи, можетъ быть, сторицею возвращается грубыми насмѣшками и легкомысленнымъ глумленіемъ надъ дѣломъ женскаго образованія.

Но если уже существуетъ органъ для непосредственнаго литературнаго творчества того вѣдомства, которое спеціально завѣдуетъ нашею цивилизаціею, то не мѣшало бы поручить кому-либо изъ опытныхъ Боклей — доказать въ этомъ органѣ, что всѣ условія нашей жизни, умственное и нравственное положеніе народа соотвѣтствуетъ у насъ такой именно умѣренной степени участія министерства въ дѣлѣ грамотности и вообще первоначальнаго народнаго обученія. Легкой побѣды надъ „орѳографіею" нѣкоторыхъ подписей журналъ министерства народнаго просвѣщенія никакъ не исчерпалъ истиннаго своего призванія; одно изъ двухъ: или административному вѣдомству вовсе не нужно органа, или если онъ ему нуженъ, такъ это именно для уясненія смысла всей дѣятельности того вѣдомства.

До тѣхъ же поръ, пока реальныя условія нашей народной жизни не сведены въ такую картину, которой вполнѣ соотвѣтствовало бы нынѣшнее направленіе дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія, намъ остается только—недоумѣвать. Мы должны недоумѣвать потому, что каждый почти фактъ, почерпнутый изъ жизни Россіи, является какъ бы свидѣтелемъ противъ кажущагося почти совершеннаго бездѣйствія администраціи въ дѣлѣ народнаго образованія. Объясненіе необходимо. Безъ того, факты и факты, общіе и ежедневные, неудержимо повлекутъ общество къ прискорбной мысли, что министерство народнаго просвѣщенія у насъ отстало отъ всѣхъ вѣдомствъ, что оно не исполнило задачи, возложенной на него общими реформами, оставило умственное развитіе, а стало быть и нравственность народа далеко позади произведенныхъ реформъ и тѣмъ создало трудно одолимыя усложненія и затрудненія почти всѣмъ прочимъ вѣдомствамъ.

Такъ, военное министерство, при проведеніи задуманнаго имъ преобразованія прежде всего должно встрѣтиться, благодаря министерство народнаго просвѣщенія, съ тѣмъ затрудненіемъ, какое представляется въ непроходимомъ невѣжествѣ нашихъ народныхъ массъ. Нѣтъ сомнѣнія, что находя въ числѣ рекрутъ всего одинъ процентъ „грамотныхъ", между которыми большинство только едва знакомо съ буквами, и то церковными, находя въ матеріалѣ, представленномъ конскрипціею, только ничтожный процентъ людей съ какимъ-либо умственнымъ развитіемъ, военное министерство должно будетъ по необходимости отказаться отъ многаго, что могло бы сдѣлать при иныхъ условіяхъ, и между прочимъ именно въ вопросѣ относительно краткосрочности службы. Отчего же, хотя

бы въ виду „боевой силы", какою явился прусскій народный учитель въ 1866-мъ году, министерство народнаго просвѣщенія не хотѣло примѣнить къ Россіи того факта, что въ Пруссіи существуетъ 70 учительскихъ семинарій? Отчего именно въ теченіе этихъ послѣднихъ четырехъ лѣтъ, въ дѣлѣ народнаго обученія министерство народнаго просвѣщенія не сдѣлало ни одного шага впередъ, и если и испрашивало усиленіе денежныхъ средствъ на этотъ предметъ, то все-таки не предпринимало ничего серьезнаго, да и средства, во-первыхъ, усилило все-таки далеко несоотвѣтственно этой важной государственной потребности, а во-вторыхъ, ихъ же еще и расходовало не вполнѣ? Пока все не будетъ выяснено надлежащимъ образомъ, не можетъ ли въ обществѣ возникнуть мысль, что бездѣятельность въ дѣлѣ народнаго обученія, недостатокъ почина въ этомъ дѣлѣ министерства народнаго просвѣщенія исказили самыя основанія для военнаго преобразованія?

Такое недоразумѣніе очень возможно. Въ теченіи четырехъ лѣтъ нельзя окончательно перевоспитать народъ; но четырехъ лѣтъ вполнѣ достаточно, во-первыхъ, чтобы дать цѣлому поколѣнію весьма прочные зачатки умственнаго развитія, еслибы только за это дѣло взялись, какъ за дѣло въ самомъ дѣлѣ государственное, а не такъ между прочимъ, какъ за поддержаніе чего-то будто бы уже существующаго, въ дѣйствительности же почти несуществующаго. Во-вторыхъ же—четырехъ лѣтъ было слишкомъ достаточно, чтобы выработать и привесть въ дѣйствіе *систему*, которая давала бы возможность предвидѣть, что масса русскаго народа, въ опредѣленное число лѣтъ, *вся пройдетъ* черезъ школу. Тогда—пусть она вся проходитъ и черезъ полкъ. Четырехъ лѣтъ было слишкомъ достаточно, чтобы подготовить въ Россіи цѣлое поколѣніе благонадежныхъ народныхъ учителей, десятокъ тысячъ народныхъ учителей (а въ 4 года можно было приготовить ихъ и больше)—вѣдь это значитъ человѣкъ 15 учителей на каждый уѣздъ. Все это дѣло легко было разсчитать самымъ опредѣлительнымъ образомъ: сколько семинарій выпустятъ сколько учителей, сколько первоначальныхъ школъ можетъ быть открыто въ теченіи опредѣленнаго числа лѣтъ? Затѣмъ, когда именно можно будетъ объявить первоначальное обученіе *обязательнымъ* въ Россіи?

Будь все это сдѣлано, будь предусмотрѣнъ срокъ для введенія обязательнаго обученія, хотя бы въ десятилѣтній періодъ — тогда можно было бы сказать, что сдѣлано *возможное*, что дѣло поставлено прочнымъ образомъ. Тогда и военное вѣдомство, наприм., опредѣляя условія возложеннаго на него военнаго преобразованія, знало бы, что оно имѣетъ дѣло съ народомъ, въ которомъ умственному развитію положено прочное начало, и могло бы разсчитать срокъ службы въ виду точныхъ, практическихъ указаній, системы, приведенной въ дѣйствіе министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Мало того, при опредѣленіи самаго состава разныхъ родовъ войскъ, при выборѣ между системою прохожденія всѣхъ новобранцевъ чрезъ дѣйствующія войска или системою отдѣльнаго обученія войскъ запасныхъ — военное вѣдомство *тогда* могло бы поступать свободно, руководствуясь соображеніями исключительно матеріальнаго свойства. Теперь же, когда усиленной дѣятельности по военной реформѣ предшествовала полная бездѣятельность по дѣлу умственнаго развитія массъ, дѣло и для военнаго вѣдомства должно представиться въ иномъ видѣ, и выборъ его можетъ быть стѣсняемъ совсѣмъ посторонними соображеніями. Принужденное неразвитостью массы къ назначенію срока не слишкомъ краткаго, оно должно будетъ спросить себя еще и о томъ: чтó же произойдетъ, если большинство всего населенія страны, большинство совершенно невѣжественное, безъ всякой нравственной устойчивости, большинство, среди котораго, по общему отзыву духовенства низшаго и высшаго и по оффиціальному удостовѣренію, сильно развилось пьянство, — если большинство всего населенія при такихъ условіяхъ проводить чрезъ дѣйствующія войска, то есть на нѣсколько лѣтъ отрывать отъ пріобрѣтенія себѣ средствъ существованія и отъ семьи? Чтó оно будетъ дѣлать тогда, когда вернется снова домой, отвыкнувъ отъ работы, привыкнувъ ко всему готовому, поживъ вдали отъ дома безъ внутренней нравственной поддержки? Пугались свободы переселенія, подъ тѣмъ предлогомъ, что она разовьетъ страсть къ бродяжничеству.... Но вѣдь переселеніе означаетъ прежде всего *усиленную работу*. Совсѣмъ иное дѣло состоять нѣсколько лѣтъ на пайкѣ.

Въ Пруссіи нѣтъ же такихъ результатовъ? скажутъ намъ. Да, въ Пруссіи ихъ нѣтъ. Но въ Пруссіи есть 70 учительскихъ семинарій. Въ Пруссіи въ отчетахъ министерства народнаго просвѣщенія также встрѣчается цифра 25,000, какъ и у насъ, только тамъ она означаетъ не число талеровъ расходуемыхъ на журналъ министерства народнаго просвѣщенія, а число существующихъ въ Пруссіи первоначальныхъ школъ. Однихъ результатовъ въ Пруссіи нѣтъ именно потому, что есть другіе. У Пруссіи на 18 милліоновъ населенія (въ 1865-мъ году) было образованныхъ народныхъ учителей 30,800 человѣкъ. Изъ нихъ, за исключеніемъ около $5^1/_2$ т. учителей и учительницъ, *всѣ вышли изъ учительскихъ семинарій*. Напомнимъ также, мимоходомъ, что въ Пруссіи однѣхъ реальныхъ гимназій (реальныхъ школъ 1-го класса)—въ 1868-мъ годъ было 64. Что сдѣлало наше министерсяво народнаго просвѣщенія съ 1866-го года для достиженія сколько-нибудь однородныхъ результатовъ? И теперь, когда для обороны государства пришлось справиться съ прусскою военною системою, не приходится ли сдѣлать прискорбное признаніе, что министерство просвѣщенія не сдѣлало ничего серьезнаго,

чтобы вести народъ къ уровню уже совершенныхъ и предполагаемыхъ великихъ реформъ?

Намъ говорятъ: если у Пруссіи на 18 милліоновъ населенія было восемьсотъ тысячъ солдатъ, то у насъ на 80 милл.—должно быть солдатъ три или 2½ милліона. А мы говоримъ, если у Пруссіи было 30,800 образованныхъ народныхъ учителей, то Россіи необходимо ихъ сто тысячъ. Гдѣ они, гдѣ и 30 тысячъ ихъ у насъ, есть ли у насъ и сотни ихъ? Почему ихъ нѣтъ? Быть можетъ, кто-нибудь подумаетъ, что правительство даетъ недостаточно денегъ для этого дѣла? Совсѣмъ нѣтъ. Вся сила въ системѣ, принятой министерствомъ. Если же виновата существующая система народнаго просвѣщенія, то эту систему необходимо немедленно отмѣнить. Вѣдь это не шутки, вѣдь этимъ дѣломъ нельзя заниматься такъ, между прочимъ, какъ занимаются поддержкою существующихъ шоссейныхъ дорогъ, когда есть уже дороги желѣзныя, т.-е. не торопясь, и соблюдая прежде всего экономію. Къ народному образованію у насъ нѣтъ дорогъ никакихъ; къ серьезному поднятію умственнаго развитія массы мы не только не стремились на парáхъ, мы еще и не мостили пути къ этой цѣли ничѣмъ, кромѣ добрыхъ намѣреній. А между тѣмъ, Россіи теперь нужны не столько „быстрые разумомъ Невтоны и—въ особенности—доморощеные Платоны" (для приготовленія послѣднихъ процвѣтаетъ и у насъ классицизмъ), сколько именно возвышеніе всего уровня умственнаго развитія массы народа.

Итакъ, всѣ вѣдомства, слѣдуя предначертаніямъ высокой воли, направленной къ благу народа, выработали реформы, которыя создаютъ массѣ его новыя условія жизни: двадцать милліоновъ пріобрѣли гражданскую равноправность; всѣ крестьяне получили волостное самоуправленіе; отмѣнена эксплуатація откупа; отмѣнены тѣлесныя наказанія по суду; введенъ судъ гласный, судъ по совѣсти; облегчена военная служба; введено гражданское равенство сословій, которое полагается завершить теперь военной повинностью — вотъ великія дѣла нынѣшняго царствованія, въ которыхъ всѣ вѣдомства приняли самое дѣятельное участіе, работали дружно для одной цѣли. А между тѣмъ то вѣдомство, которому предстояла одна изъ важнѣйшихъ частей задачи,—поднятіе умственнаго уровня народа, сообщеніе ему способности и умѣнья пользоваться главными условіями жизни — отъ всѣхъ вѣдомствъ отстало. Если спросить его, что *оно* сдѣлало для того, чтобы вести народъ въ уровень съ реформами, оно—можетъ показать только свой бюджетъ. Но не цифра въ бюджетѣ нужна, а нужны результаты. Гдѣ тысячи образованныхъ народныхъ учителей; сдѣлано ли хотя бы прочное начало для обширной инициативы государства въ настоятельномъ дѣлѣ народнаго образованія?

Ничего этого нѣтъ. Въ такомъ случаѣ, не удивляйтесь, что самъ

народъ отстаетъ отъ реформъ, не удивляйтесь, что всѣмъ другимъ вѣдомствамъ приходится наталкиваться на затрудненія и изъ нихъ создавать такіе новые вопросы, которые не имѣли бы никакой причины быть. Министерство военное половину времени солдата должно употреблять на обученіе его грамотѣ, и по необходимости стѣснится дать военному преобразованію тѣ основы, которыя обусловлены образованностью большинства народа. Министерство юстиціи, видя огромное число преступленій, назначаетъ коммиссію для разсмотрѣнія вопроса, не слѣдуетъ ли усилить наказанія, положенныя законами за убійство и грабежъ. Само образованное общество, несмотря на замѣчательное сочувствіе къ положенію массы, несмотря на почти полное отсутствіе у насъ „буржуазнаго" отношенія къ народу — по временамъ недоумѣваетъ, испытываетъ истинно-болѣзненное чувство. Подъ вліяніемъ такихъ фактовъ, какъ несомнѣнное развитіе пьянства, или такихъ случаевъ, какъ, напр., три или четыре убійства въ ряду въ Петербургѣ, день за день — въ умѣ многихъ образованныхъ людей закрадывается крайне непріятный вопросъ: что же это значитъ? И вотъ происходитъ маленькая, благонамѣренная комедія: газеты, подвергаясь сами такому же впечатлѣнію, и опасаясь чтобы всѣ эти факты не были истолкованы ко вреду реформъ, — начинаютъ доказывать съ натяжками, что все это не значитъ ровно ничего, что такихъ фактовъ даже и нѣтъ, что пьянство, напр., не только не усиливается по мѣрѣ размноженія кабаковъ, но совсѣмъ наоборотъ. Отсюда завелось у насъ въ печати даже какое-то особенное идолопоклонство: сказать, что народъ грубъ, или что развилось пьянство, это грѣхъ, и тотчасъ рискуешь прослыть приверженцемъ партіи покойной „Вѣсти". Это вполнѣ естественно, ибо *есть* толкователи народныхъ пороковъ съ цѣлью эксплуатаціи народа. Но фарисейство все-таки фарисейство, какъ бы либерально оно ни было.

Отъ коммиссіи, вырабатывающей проектъ усиленія наказаній за нѣкоторыя преступленія, едвали можно ожидать, что она пособитъ горю. Не всякій человѣкъ, готовый на грабежъ, знаетъ, сколько именно положено за это лѣтъ наказанія. Уже и для того, чтобы онъ это зналъ, надо, чтобы онъ былъ грамотный. Но, если мы подойдемъ къ этому вопросу поближе, то увидимъ, что пособить этому горю могла бы своевременно не такая криминальная коммиссія, а—министерство народнаго просвѣщенія, и что криминальная коммиссія является здѣсь работать за бездѣйствіе администраціи народнаго образованія. Криминальная статистика въ наше время разработана уже до такой степени, что общіе выводы ея, основанные на сравненіи данныхъ, собранныхъ въ разныхъ странахъ, уже не подлежатъ сомнѣнію. Изъ этихъ выводовъ самый общій и несомнѣнный тотъ, что хотя и нельзя сказать, что грамотность и первоначальное обученіе уменьшаетъ общее число преступленій, но она положительно уменьшаетъ число преступленій наиболѣе грубыхъ,

и въ особенности число убійствъ съ цѣлью грабежа. И это вполнѣ естественно, такъ какъ образованіе, хотя бы самое элементарное, не только уже открываетъ человѣку міръ умственный, но и дѣлаетъ его тотчасъ болѣе *свѣдущимъ* въ общественныхъ дѣлахъ. У насъ ежедневно бываютъ примѣры покушеній на убійство съ цѣлью грабежа, просто по глупости виновныхъ, по незнанію ими, чему они подвергаются, и невыгодности того риска, на который они рѣшаются. Не имѣя понятія ни о средствахъ къ раскрытію преступленій, ни о законной отвѣтственности, наши преступники часто предпринимаютъ дѣла положительно невозможныя, какъ, напр., убійство въ кабакѣ днемъ, въ серединѣ города, убійство члена иностраннаго посольства, и то множество убійствъ, которыя совершаются по большимъ дорогамъ просто изъ-за того, чтобы украсть лошадь, или нѣсколько рублей у крестьянина, возвращающагося изъ города. У насъ преобладаетъ именно тотъ видъ преступленій, который объясняется полнѣйшимъ незнаніемъ, невѣжествомъ, неспособностью сообразить рискъ съ тѣмъ, что онъ можетъ дать. Спрашивается, много ли поможетъ усиленіе срока наказанія тамъ, гдѣ само преступленіе доказываетъ полную неспособность разсчитывать рискъ и вообще полное незнаніе общественныхъ отношеній. Итакъ, министерство юстиціи, въ настоящемъ случаѣ, едва ли не напрасно взялось устранить то, что гораздо вѣрнѣе могло бы ограничивать вѣдомство образованія, еслибы хотѣло серьезно взглянуть на свою задачу.

Послѣ министерствъ военнаго и юстиціи, поставимъ въ числѣ тѣхъ, кому такое бездѣйствіе въ дѣлѣ народнаго образованія создаетъ наиболѣе затрудненій—министерство внутреннихъ дѣлъ. Не знаемъ, извѣстенъ ли министерству народнаго просвѣщенія фактъ возрастанія пьянства, удостовѣряемый годъ отъ году отчетами г. оберъ-прокурора св. синода. Министерство народнаго просвѣщенія могло бы вполнѣ положиться на удостовѣреніе г. оберъ-прокурора, тѣмъ болѣе, что оно основано на совершенно безпристрастныхъ отзывахъ начальниковъ епархій. Какъ бы то ни было, вниманіе на этотъ фактъ обратило другое вѣдомство, именно министерство внутреннихъ дѣлъ. Собравъ само по этому факту болѣе точныя свѣдѣнія, министерство внутреннихъ дѣлъ недавно формально удостовѣрило его слѣдующими словами: „поступившія въ министерство внутреннихъ дѣлъ изъ губерній свѣдѣнія представляютъ собою неопровержимыя данныя о большомъ вредѣ, который наносится нравственному и экономическому быту народа развившимся въ немъ пьянствомъ“ („Прав. Вѣстн.“ 9 октября 1870 года). Затѣмъ, министерство сдѣлало съ своей стороны предположеніе къ ограниченію пьянства, и въ числѣ ихъ слѣдующее: „опредѣлить для всѣхъ уѣздовъ maximum и minimum числа питейныхъ заведеній по соображенію съ количествомъ населенія уѣздовъ, предоставивъ вѣдѣ-

ніе сего дѣла земству". Это предположеніе мы встрѣчаемъ съ полнымъ сочувствіемъ; въ прошломъ году мы разсуждали объ этой мѣрѣ, и оставаясь при убѣжденіи въ ея пользѣ, можемъ только сожалѣть, что министерство финансовъ не признало возможнымъ осуществить ее.

Но что же значила бы эта мѣра въ сравненіи съ тѣмъ, что̀ могло сдѣлать министерство народнаго просвѣщенія для предупрежденія развитія пьянства, если бы оно одно не отставало въ реформахъ отъ всѣхъ другихъ вѣдомствъ? Сдѣлано ли что-нибудь серьезное, чтобы дать массѣ народа доступъ къ чему-либо иному, кромѣ кабака? Гдѣ народные учителя, гдѣ школы, гдѣ книги дѣльныя и дешевыя? Если есть порядочныя народныя школы, то ихъ завело земство на свои гроши; если есть порядочныя книги для первоначальнаго обученія, то ихъ издали нѣсколько частныхъ лицъ, истинные дѣятели народнаго просвѣщенія. Если есть библіотеки для чтенія учащихся и самихъ учащихъ въ народныхъ школахъ, то это заслуга тѣхъ же истинныхъ дѣятелей народнаго просвѣщенія, каковъ, напр., баронъ Н. А. Корфъ. „Еслибы училищный совѣтъ — говоритъ онъ въ своемъ отчетѣ о состояніи народныхъ школъ участка александровскаго уѣзда (за 1869—1870 годъ)—еслибы совѣтъ призналъ возможнымъ издержать въ этомъ году только около *двухъ* рублей на каждую школу, то я считалъ бы возможнымъ снабдить *всѣхъ* учителей уѣзда нѣсколькими полезными книгами" и т. д.

Весь этотъ отчетъ барона Корфа столько же показываетъ энергію и любовь къ дѣлу нѣкоторыхъ частныхъ дѣятелей народнаго образованія, сколько и тѣ неодолимыя препятствія, то отсутствіе денежныхъ средствъ и учителей, которое никогда не можетъ быть устранено въ обширныхъ размѣрахъ и прочнымъ образомъ самою горячею дѣятельностью отдѣльныхъ лицъ. А министерство не оказало этому дѣлу даже той, ужъ конечно не требующей съ его стороны особенныхъ денежныхъ усилій, поддержки, которая представлялась бы снабженіемъ школъ достаточнымъ числомъ книгъ для учениковъ и учителей. И вотъ происходитъ странное явленіе: земскія учрежденія обращаются за помощью въ этомъ отношеніи не къ министерству народнаго просвѣщенія, а въ состоящій при Вольно-экономическомъ обществѣ въ Петербургѣ комитетъ грамотности, который, конечно, далеко не имѣетъ въ своемъ распоряженіи девяти-милліоннаго бюджета. Такъ, напр., Борзенская земская управа обратилась въ этотъ комитетъ съ просьбою о присылкѣ безплатно хотя бы нѣсколькихъ экземпляровъ „Родного Слова" и получила въ отвѣтъ, что комитетъ „такихъ дорогихъ книгъ не пріобрѣтаетъ". Примѣровъ обращенія земства къ комитету грамотности извѣстно нѣсколько; такъ какъ министерство занято „болѣе высокими цѣлями", то долгъ его въ настоящемъ случаѣ приходится исполнять комитету, который существуетъ на сборы съ

даваемыхъ въ его пользу концертовъ. Все это вмѣстѣ представляетъ такую картину или, если хотите — концертъ, въ которомъ дѣло нейдетъ на ладъ именно оттого, что не всѣ сидятъ на своихъ мѣстахъ.

А гдѣ книги въ деревняхъ? Ихъ вовсе нѣтъ. У *учителей* книгъ нѣтъ, *учителя* лишены возможности идти далѣе, продолжать дѣло своего умственнаго развитія; что же сказать о крестьянахъ! При такомъ положеніи, интересно бы узнать мнѣнія нашихъ Боклей, есть ли *возможность*, чтобы пьянство не держалось на высотѣ повальнаго, (страшно сказать) національнаго порока?

Мы говорили, что другимъ вѣдомствамъ приходится работать за вѣдомство народнаго просвѣщенія: главное участіе въ распространеніи грамотности взяло на себя военное вѣдомство, о противодѣйствіи безнравственности хлопочутъ министерство внутреннихъ дѣлъ и министерство юстиціи. Но не однимъ правительственнымъ вѣдомствамъ приходится испытывать на себѣ запущеніе въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія. Что сказать объ участіи нашихъ крестьянъ въ большинствѣ земскихъ собраній и о волостномъ и мірскомъ самоуправленіи? Такъ какъ дѣло народнаго образованія находится въ запущеніи, то понятно, что и участіе необразованнаго народа въ общественномъ самоуправленіи должно быть и слабо и въ высшей степени неудовлетворительно. Что роль крестьянъ въ земскихъ учрежденіяхъ мала, въ этомъ виноваты не законы, а также и не какія-либо сословныя интриги. Прежде всего виновато въ этомъ невѣжество массы. Что сельское самоуправленіе у насъ имѣетъ нравственный характеръ весьма неудовлетворительный—въ этомъ виновато то же самое невѣжество. Слѣдовало дать самоуправленіе, слѣдовало освободить крестьянъ отъ опеки, потому что „опека“ нравственною быть не можетъ, по самому существу своему, которое есть — эксплуатація. Но что освобожденіе отъ опеки не произвело еще умѣнья пользоваться правами, въ этомъ кто виноватъ? Въ этомъ виновато запущеніе народнаго образованія. Удивляться ли, что нашъ крестьянинъ выбираетъ въ земство вмѣсто себя дворянина, или если самъ выбранъ, то въ большинствѣ случаевъ молчитъ и соглашается; удивляться ли, что на волостной сходкѣ дѣла рѣшаются кулакомъ - старшиною и грамотѣемъ - писаремъ? Французскому крестьянину были даны даже политическія права, и онъ избралъ—Наполеона Третьяго, и въ настоящее время, пожалуй, готовъ избрать его же.

Обратимся еще къ примѣрамъ. Въ докладѣ костромской губернской земской управы своему собранію, находятся такія указанія: число грамотныхъ въ этой губерніи на 1,000 душъ—86 человѣкъ. Но замѣтьте, что изъ этого числа грамотныхъ „значительное большинство“ состоитъ изъ такихъ, для которыхъ „предѣльнымъ совершенствомъ“ было чтеніе славянской печати, „преимущественно часослова и псалтыря, и

умѣнье кое-какъ выводить на бумагѣ подобіе буквъ". Способность „понимать читанное" вовсе и не входила въ програму выучки. Спрашивается, еслибы сдѣлать статистику людей въ самомъ дѣлѣ грамотныхъ въ Россіи, какой бы оказался процентъ населенія? Судя по приведенному удостовѣренію, никакъ не болѣе 4%. Существующія сельскія училища—отчетъ Костромской управы признаетъ неудовлетворительными, и въ числѣ причинъ ихъ неудовлетворительности называетъ „крайній недостатокъ въ учебныхъ пособіяхъ и часто безполезное пріобрѣтеніе плохихъ учебниковъ, вслѣдствіе незнакомства съ лучшими книгами для сельскихъ школъ".

При такомъ положеніи дѣла, при такой огромности задачи, можно ли добросовѣстно возлагать всю эту задачу на земство, утѣшать себя мыслью, что земство окажется въ силахъ и безъ министерства народнаго просвѣщенія дѣйствительно поднять умственное развитіе массы народа въ Россіи? Обратимся къ земству Петербургской губерніи, дѣйствующему всего ближе къ тому центру, въ которомъ просвѣщеніе замыкается. Въ истекшемъ мѣсяцѣ происходила сессія губернскаго петербургскаго собранія. Въ отчетѣ губернской управы, представленномъ при открытіи этой сессіи петербургскаго земскаго собранія, мы находимъ, что въ пяти уѣздахъ, о которыхъ доставлены свѣдѣнія относительно школъ, имѣется школъ только 156, то-есть по 31 школѣ на уѣздъ, что почти всѣ эти школы помѣщены неудовлетворительно, что учителя въ нихъ получаютъ мѣсячнаго содержанія отъ 10 р. — до 4 р. 30 копѣекъ (!), наконецъ, что вся губернская издержка по дѣлу образованія, то-есть та именно издержка, на которую хотятъ приготовить хорошихъ учителей, снабдить ихъ книгами и вообще *улучшить* положеніе дѣла народнаго обученія въ губерніи, составляетъ, на 1870 годъ, всего 3875 р. (на 1871-й г. предположено 7800 р.). Удивляться ли незначительности этой цифры, когда изъ доклада управы на 1871-й г. видно, что такой суммы, которою губернское собраніе можетъ распорядиться по усмотрѣнію и всего-то, на *всѣ* губернскія потребности, 46,800 р., а за исключеніемъ расходовъ земскаго управленія—12,800 р. Что изъ 12-ти тысячъ необязательныхъ расходовъ, цѣлыхъ 7,000 р. предполагается употребить на улучшеніе училищнаго дѣла, это только показываетъ, до какой степени неотлагательнымъ и первостепеннымъ считается *земствомъ* интересъ народнаго просвѣщенія. Но распоряжаться не только въ пользу просвѣщенія, а вообще на всѣ *губернскія* потребности петербургское земство вольно только такою суммою, которая составляетъ ровно столько, сколько государственное казначейство издерживаетъ безвозвратно на одинъ журналъ министерства народнаго просвѣщенія.

Можно ли ожидать отъ земствъ въ дѣлѣ образованія такихъ результатовъ, которые бы имѣли въ самомъ дѣлѣ государственное зна-

ченіе? Очевидно, нельзя. Они дѣлаютъ что могутъ, но могутъ мало да и въ томъ что́ могутъ иногда встрѣчаютъ еще препятствія, съ той именно стороны, съ которой, казалось бы, всего менѣе можно ожидать препятствій. Замѣчательный курьезъ въ этомъ отношеніи представляется въ томъ же отчетѣ петербургской управы за 1870-й годъ. Главною заботою губернскаго земства въ дѣлѣ образованія было именно доставленіе нѣкоторой педагогической подготовки учителямъ: съ этой цѣлью изъ 3,875 р.—2,000 р. и были ассигнованы собраніемъ на устройство временныхъ педагогическихъ курсовъ для учителей народныхъ училищъ. Министерство содѣйствуетъ этому благому дѣлу, но содѣйствуетъ ему собственно тѣмъ, что даетъ свое *разрѣшеніе*. А между тѣмъ, чтобы добиться этого содѣйствія (т.-е. разрѣшенія открыть курсы) пришлось хлопотать до половины іюня, то-есть потерять *полгода*. Но этого мало. Земство, съ своей стороны, изъявило полную готовность не только подчинить курсы, устраиваемые на его счетъ, всѣмъ распоряженіямъ, требованіямъ и программамъ министерства, которое на нихъ не даетъ ни копѣйки, но даже избрало и для руководства курсами именно лицъ рекомендованныхъ директоромъ училищъ и состоящихъ, въ качествѣ учителей, на службѣ по вѣдомству министерства народнаго просвѣщенія, конечно по добровольному соглашенію, за вознагражденіе отъ земства. Кажется, все уже было сдѣлано земствомъ, чтобы только устранить препятствія и потери времени. Что́ же вышло въ концѣ апрѣля: попечитель петербургскаго округа отвѣчалъ директору училищъ, „что онъ (попечитель), не имѣя достаточнаго убѣжденія, чтобы гг. Бортовъ, Ивановъ, Вальхъ и Добромысловъ могли съ успѣхомъ повести даже учебную часть (что́ значитъ это *даже*?) въ предполагаемыхъ къ устройству (на счетъ земства) педагогическихъ курсахъ, и тѣмъ менѣе дать таковымъ надлежащее *направленіе въ другихъ* отношеніяхъ (направленіе въ грамотности и четырехъ правилахъ ариѳметики?) *затрудняется* сдѣлать о семъ представленіе г. министру народнаго просвѣщенія". Затѣмъ г. попечитель прямо указалъ на лицо, извѣстное ему „благонадежнымъ направленіемъ", каковое лицо состоитъ инспекторомъ народныхъ училищъ. Земство тотчасъ подчинилось, лишь бы какъ-нибудь, да позволили. Тогда попечитель потребовалъ еще, чтобы курсы происходили непремѣнно въ разное время для того, чтобы инспекція его, представляемая лицомъ благонадежнымъ, но числомъ единственнымъ, могла *наблюдать* за этими курсами. Новая проволочка. Въ заключеніе, земская управа была вынуждена еще издержать сверхсмѣтно 250 рублей земскихъ денегъ (т.-е. болѣе годового оклада двухъ учителей) на разъѣзды указаннаго попечителемъ благонадежнаго лица.

Что же это значитъ? Какимъ образомъ, министерство, держа на ...ителей, не увѣрено въ ихъ благонадежности? — это во-пер-

выхъ. А во-вторыхъ, развѣ такой неблагопріятный отзывъ начальства о служащихъ не есть горькая, незаконная обида, если онъ незаслуженъ? Если же къ этому отзыву были основанія, т.-е. *факты*, а не внушенія системы заподозриванія и опальничества, то какимъ же образомъ эти учителя оставались на службѣ?

Содѣйствіе министерства земству въ настоящемъ случаѣ состояло въ томъ, что комитетъ управы долженъ былъ сократить число курсовъ, назначивъ вмѣсто четырехъ—три (сократить преподаваніе, чтобы облегчить его инспекцію — гдѣ это происходитъ? Въ петерубурскомъ округѣ?), да сверхъ того издержать 250 рублей земскихъ денегъ на разъѣзды благонадежнаго лица. Ясно, что чѣмъ *менње* будетъ народныхъ школъ, тѣмъ легче ихъ инспекція. Что это за „надлежащее направленіе въ другихъ отношеніяхъ", о которомъ упоминалъ г. попечитель? Въ программѣ курсовъ, одобренной министромъ народнаго просвѣщенія, мысль эта выражена весьма опредѣлительно: „Учителя должны быть *доведены до полнаго сознанія* (какими средствами не сказано, но вѣроятно мягкими), что обученіе *грамотѣ* имѣетъ преимущественно *цѣлію* развитіе *въ народѣ* нравственно-религіознаго и патріотическаго чувства". Министерство предприняло учить патріотизму русскаго крестьянина!? Да нашъ крестьянинъ недостаткомъ патріотизма вовсе не страдаетъ, и никто еще не заподозривалъ его въ отсутствіи готовности жертвовать для отечества и имуществомъ и жизнью.

По нашему мнѣнію, министерство не совсѣмъ основательно полагаетъ, что главное его содѣйствіе дѣлу начальныхъ народныхъ училищъ въ Россіи должно заключаться именно въ *разрѣшеніи* ихъ (съ неизбѣжною проволочкою) и *наблюденіи* за ихъ политическимъ направленіемъ,— а не въ *устройствѣ* ихъ. Дѣйствительно, въ смѣту 1871-го г. министерство внесло около 9-ти мил. р.,—изъ нихъ на инспекціи и дирекціи народныхъ училищъ (наблюденіе и направленіе)—703 т. р.; на содержаніе центральнаго и окружныхъ управленій (разрѣшеніе) около — 475 т. р.; а на самыя училища, приходскія и начальныя, $255^{3}/_{4}$ тысячъ рублей.

Вмѣсто того, чтобы „доводить до полнаго сознанія учителей", гораздо нужнѣе бы давать средства развитія народу, то-есть учреждать школы. Нѣтъ спору, что направленіе въ дѣлѣ преподаванія нужно, но странно видѣть, что на направленіе дѣла издерживается вдвое болѣе, чѣмъ на самое дѣло. Однимъ словомъ, въ распредѣленіи всей дѣятельности министерства нар. просв. нельзя не видѣть коренной ошибки, лишающей Россію всякой вѣроятности скораго и успѣшнаго возвышенія умственнаго и нравственнаго уровня большинства. Исправить эту ошибку можно, только измѣнивъ всю систему, которая хочетъ сдѣлать изъ Россіи страну классическихъ затѣй, оставляя ее въ тоже время страною невѣжественныхъ присяжныхъ, безмолвныхъ земскихъ гласныхъ и уродливыхъ мірскихъ и волостныхъ сходокъ, гдѣ

главную цѣль и вмѣстѣ главное средство управленія составляетъ вино.

Правда, есть истинные патріоты, которые посвятили всѣ свои усилія на служеніе дѣлу народнаго образованія; правда, земства на свои скудныя средства дѣлаютъ что могутъ, и успѣли-таки изъ остатковъ отъ массы обязательныхъ для нихъ расходовъ удѣлить на дѣло народнаго образованія въ сложности не много менѣе, чѣмъ удѣляетъ на это дѣло, изъ своего 9-ти-милліоннаго бюджета вѣдомство, спеціально существующее для распространенія образованія. Но у частныхъ и земскихъ дѣятелей не можетъ оказаться ни довольно средствъ, ни достаточно авторитета, ни той свободы, ни того единства дѣйствій, которыя могъ бы имѣть серьезный государственный починъ. „Дѣлу нашему,—говоритъ баронъ Н. А. Корфъ, въ своемъ отчетѣ,—предстоитъ будущность, если *устоитъ самое дѣло*. Какое роковое условіе!... Да, устоитъ самое дѣло школы противъ бѣдности сельскаго населенія и отсутствія подготовленныхъ учителей. Два, три неурожайныхъ года могутъ заставить народъ круто повернуть назадъ, а неудачи обученія, всегда неизбѣжныя тамъ, гдѣ, за отсутствіемъ подготовленныхъ учителей, *воспитаніе огромнаго большинства населенія довѣряется случаю*, могутъ оттолкнуть народъ отъ школы“.

Вотъ, въ какомъ положеніи представляется дѣло послѣ всѣхъ жертвъ, усилій, упорнаго труда земства и отдѣльныхъ лицъ даже тамъ, гдѣ были сдѣланы такія жертвы и усилія.

Костромское земство произноситъ сочувственныя слова: „необходимость обязательнаго обученія“. Но чтобы возможно было провести эту великую реформу, которая дополнитъ и облегчитъ остальныя — надо имѣть массу образованныхъ учителей. Гдѣ они? — ихъ нѣтъ, и ихъ никогда не будетъ, пока министерство народнаго просвѣщенія не поставитъ себѣ приготовленія ихъ первою, главною своею обязанностью предъ государствомъ, то-есть, пока въ этомъ министерствѣ не произойдетъ совершенная перемѣна системы. А до тѣхъ поръ огромное большинство населенія вовсе не будетъ имѣть средствъ образованія, воспитаніе же остальной части — опять-таки — въ огромномъ большинствѣ будетъ *довѣрено случаю*. И вотъ, застой въ дѣлѣ образованія будетъ продолжаться, умственное развитіе народа отстанетъ отъ хода великихъ реформъ, предоставленіе правъ большинству останется краснымъ словомъ на бумагѣ, дѣятельность другихъ вѣдомствъ будетъ стѣсняться коснѣніемъ народа въ невѣжествѣ, процвѣтаніемъ, а можетъ быть и дальнѣйшимъ развитіемъ пороковъ. За то тѣ немногіе счастливцы, которымъ удастся окончить курсъ классическихъ гимназій, съ гордостью будутъ питать въ себѣ доблестныя чувства примѣрами Алкивіада и Сеяна, а сельское хозяйство Россіи улучшать по „Георгикамъ“.

Но не можетъ ли устранить ту ужасную мысль, что самыя нравственныя основы въ народѣ не укрѣпляются, а при неблагопріятныхъ обстоятельстахъ могутъ и еще ослабѣть — убѣжденіе, что въ народѣ нашемъ достаточно крѣпки другія нравственныя основы, а именно истины религіи? Къ сожалѣнію, такой увѣренности имѣть никакъ нельзя. Приведенное выше мнѣніе министерства народнаго просвѣщенія о необходимости „доводить учителей до полнаго сознанія, что обученіе грамотѣ имѣетъ *преимущественною* цѣлію развитіе въ народѣ нравственно-религіознаго и патріотическаго чувства“ — очевидно цѣликомъ заимствовано изъ чуждыхъ, не русскихъ обстоятельствъ. Эта фраза имѣла бы смыслъ, еслибы масса народа у насъ, будучи уже давно грамотною, и пройдя чрезъ вѣка религіознаго воспитанія, начала бы „заражаться вольтеріянствомъ“. Но у насъ совсѣмъ не въ томъ дѣло: у насъ дѣло въ томъ, что большинство совершенно не знаетъ ни грамоты, ни самыхъ истинъ религіи. У насъ все дѣло въ томъ, чтобы доставить не направленіе, а *знаніе*. Сельскіе священники, надѣемся, доведены до сознанія, что грамота должна преимущественно служить для названныхъ сейчасъ цѣлей, а между тѣмъ, много ли оно дѣлаетъ для улучшенія нравственнаго уровня массы народа?

Дѣло именно въ томъ, что масса народа у насъ ни грамоты, ни истинъ религіи *не знаетъ*, и значитъ, надо прежде всего дать ей *знаніе*. „Вотъ догматика православнаго крестьянина“,—пишетъ въ „Совр. Лѣтописи“ человѣкъ компетентный, почтенный о. Беллюстинъ: „на монастыри подавай, да поминки заказывай, да молебны служи; при этомъ, что́ бы ты ни дѣлалъ въ жизни, Богъ все проститъ. И вотъ практика: справляй праздники, да держи, какъ быть слѣдуетъ, посты, и ты православный христіанинъ“.

„То что́ у насъ называется православіемъ—говоритъ тотъ же авторъ — часто въ народѣ есть не сила нравственно сдерживающая, а фарисейское самообольщеніе, при коемъ самое вопіющее зло нисколько не тревожитъ нравственнаго чувства, вслѣдствіе убѣжденія, что отъ кары за него можно откупиться, и очень даже дешево“. Авторъ очертилъ нѣсколькими живыми штрихами, какъ отношеніе духовенства къ народу у насъ преимущественно — экономическое, и какъ народъ, не имѣя умственнаго развитія, не можетъ и понимать проповѣди, и остается совершенно къ нимъ равнодушенъ, даже въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда ему удается ихъ слышать. Взглядъ на проповѣдь такой: „По селамъ и заведенія такого нѣтъ, чтобы ихъ говорить; вертятъ все какъ бы поскорѣе изъ церкви уйти. Да коли хочешь знать правду, такъ и въ томъ, что въ городѣ говорятъ, толку мало: инó зайдешь съ базару и послушаешь,—*ничего не поймешь*; такъ и пойдешь съ чѣмъ пришелъ. Да ужъ должно-быть толку мало: городской-то народъ вѣдь хуже нашего“.

Вотъ, взглядъ на исповѣдь: „Да намъ-то что отъ нея? Что сходишь къ попу, что нѣтъ—все равно: „ну, грѣшенъ,—ну Богъ тя проститъ", не велико значитъ дѣло". „Въ послѣднее время,—говоритъ авторъ въ заключеніе,—тамъ и здѣсь, кое-кто изъ хорошо разумѣющихъ, къ чему неизбѣжно ведетъ такое православіе, пытались-было внести въ жизнь хоть что-либо нравственно возвышающее, старались въ дѣлѣ проповѣди, по крайней мѣрѣ въ городскихъ соборахъ, ввести разумный порядокъ, чтобъ она была непрерывною, осмысленною; старались всячески распространить Евангеліе въ народной средѣ и преимущественно въ народныхъ училищахъ, съ тѣмъ, чтобы чтеніе этой книги, въ которой весь свѣтъ жизни, шло впереди всего и пр. и пр. Грустныя попытки!... Пытавшихся поставили въ такое положеніе (довели до полнаго сознанія?), что они впередъ не осмѣлятся быть выскочками. Что вы скажете на это, почтенный „Русскій гражданинъ"? А тутъ еще нѣтъ и тысячной доли того, что есть, что творится въ крестьянской средѣ (напримѣръ, задушить незаконно прижитаго ребенка, имѣть связь свекру со снохой — совсѣмъ и не считается грѣхомъ, по крайней мѣрѣ считается меньшимъ грѣхомъ, чѣмъ хлебнуть ложку молока въ постъ, и пр. и пр.). Не укажете ли и вы, въ опроверженіе сказаннаго, на ревность нашего гражданина о благолѣпіи церквей, о постройкѣ новыхъ монастырей, о многотысячныхъ вкладахъ въ старые и т. п.? Но всмотритесь въ мотивы всего этого, и вы несомнѣнно убѣдитесь, что, въ большинствѣ, тутъ главную роль играютъ — или бѣсъ тщеславія, или страхъ, что „припекутъ-де"! Хуже же всего, это — нежеланіе знать и эти усилія скрыть отъ общественнаго сознанія все то, что́ есть въ дѣйствительности. Прочитайте нѣкоторые „отчеты", время отъ времени появляющіеся въ печати, и васъ прошибутъ слезы умиленія отъ риторически-картинныхъ описаній того религіозно-нравственнаго уровня, на которомъ стоитъ наше общество. Станьте лицомъ къ лицу съ дѣйствительностью и всмотритесь въ нее прямыми глазами, а не сквозь призму фарисейства, и вы неизбѣжно придете къ вопросу: ужели я въ *христіанской* средѣ, а не въ той растлѣнной языческой, гдѣ все было ни почемъ? А затѣмъ неизбѣжно придете и къ другому вопросу: ради какого-жъ и чьего блага все это прикрывается риторическими ухищреніями, когда одна только правда могла бы исправить то, что́ еще можно поправить". Прикрывается это, скажемъ мы, съ тою цѣлью, чтобы не дѣлать *дѣла*, а заниматься политиканствомъ. Вѣдь въ „нѣкоторыхъ отчетахъ" показываются у насъ многія тысячи народныхъ школъ, въ томъ числѣ такія, которыя, какъ положительно дознано, не существуютъ. Но министерство народнаго просвѣщенія, очевидно, обольщается мыслью, что все *дѣло* народнаго обученія за него сдѣлаетъ *духовенство*, съ помощью земства, а ему останется заниматься только *направленіемъ*.

Оно упускаетъ время, и если въ этомъ вѣдомствѣ не будетъ перемѣнена вся система, если оно само не будетъ „доведено до полнаго сознанія" своей ошибки, то можно опасаться, что русскій народъ еще долго не воспользуется реформами — трудами другихъ правительственныхъ учрежденій, а между тѣмъ упадутъ наконецъ и частныя, отдѣльныя усилія, немогущія замѣнить въ дѣлѣ народнаго просвѣщенія власть государственную — и въ результатѣ, дай Богъ, чтобы не заглохло у насъ надолго все внутреннее развитіе.

Мы уже заключили нашу хронику, когда намъ было доставлено письмо изъ окрестностей Везенберга, въ Остзейскомъ краѣ, отъ лица, извѣстнаго намъ и своимъ практическимъ знаніемъ окружащей его среды, и тою степенью безпристрастія, которая допускаетъ по крайней мѣрѣ возможность полемики, не безцѣльной для обѣихъ сторонъ. Авторъ письма обращается къ намъ по поводу нашей декабрьской хроники прошедшаго года (стр. 903 и слѣд.), и между прочимъ говоритъ слѣдующее:

„....Неужели же *надѣлъ* есть единственное условіе правильнаго рѣшенія крестьянскаго дѣла; неужели же онъ есть то conditio sine qua non, тотъ спасающій камень, на которомъ зиждется все поземельное устройство крестьянъ? „Безъ надѣла нѣтъ спасенія"—слышится отвсюду. Да почему же наконецъ? Гдѣ же онъ доказалъ свои всеспасающія свойства? Отчего же и безъ него не допустить правильнаго рѣшенія вопроса, и быть можетъ болѣе правильнаго, чѣмъ съ нимъ? Эти вопросы невольно возникаютъ при чтеніи „Внутренняго Обозрѣнія" послѣдней книги „Вѣстника Европы" (дек. 1870 г., стр. 903 и сл.) Es gehören zwei dazu,—говорятъ нѣмцы. Вполнѣ ли вы увѣрены, что, облагодѣтельствованные *надѣломъ* эстляндскіе и лифляндскіе крестьяне дѣйствительно будутъ вамъ благодарны, и увѣрены ли вы въ томъ, что крестьяне эти принесутъ торжественно свою благодарность „передъ тѣмъ же зданіемъ гвардейскаго штаба, какъ видѣли тамъ крестьянъ великорусскихъ" (стр. 904)? На бумагѣ рѣшать вопросы столь важные легко, благодѣтельствовать еще легче; но предъ вопросомъ о благодѣяніи идетъ вопросъ о дѣйствительной пользѣ благодѣянія. А если оно произведетъ вредъ? На кого падетъ отвѣтственность? Не на тѣхъ ли людей, которые, будучи лично и основательно знакомы съ положеніемъ и развитіемъ края, не поднимали своего голоса и молчали при видѣ мѣръ, ведущихъ къ полному разоренію здѣшнихъ крестьянъ?

„Еще о продажѣ крестьянской земли. Васъ удивила фраза англійскаго консула въ Ригѣ: „многіе крестьяне воздерживаются отъ покупки земли, пока они сохраняютъ неопредѣленную мысль, что когда-нибудь, въ будущемъ, русское правительство дастъ имъ землю". Между

даровымъ надѣломъ, о которомъ все еще мечтаютъ, къ великому нашему сожалѣнію, здѣшніе крестьяне, и надѣломъ по великорусскому образцу—огромная разница. Я много имѣлъ и имѣю дѣлъ съ крестьянами; они понятія не имѣютъ о томъ надѣлѣ, которымъ вы хотите ихъ облагодѣтельствовать; а если кто изъ нихъ поумнѣе и понялъ суть его, то ногами и руками его отвергаютъ: „Боже, упаси насъ отъ такого надѣла, сказалъ мнѣ недавно одинъ умный крестьянинъ, — мы всѣ будемъ разорены". Надѣлъ, о которомъ крестьяне, къ сожалѣнію, сохраняютъ мысль, есть то, что они привыкли называть *inge maa* (Seelenland), т.-е. *даровой надѣлъ*, и пока эта мысль въ нихъ сохранится, то конечно продажа крестьянской земли не можетъ подвигаться столь успѣшно, какъ бы то было желательно. Стоитъ только вполнѣ и навсегда разубѣдить нашихъ крестьянъ въ возможности дарового надѣла, и убѣдить ихъ въ томъ, что и за *inge maa* имъ придется платить, также какъ платятъ крестьяне великорусскихъ губерній, напр. Ямбургскаго уѣзда,—и вы бы увидали, какъ быстро совершится выкупъ крестьянскихъ земель по свободному соглашенію. Только призракъ *дарового* надѣла мѣшаетъ болѣе успѣшному ходу этого дѣла, и только въ этомъ смыслѣ надо понимать слова англійскаго консула въ Ригѣ, напечатанныя въ „Синей Книгѣ". Что же касается до покупки крестьянами своихъ участковъ за баснословныя цѣны, то возьмите же статистическія данныя изъ книги Юнгъ-Штиллинга, гдѣ голыми цифрами, безъ всякихъ фразъ, опровергается эта фразистая выдумка „Московскихъ Вѣдомостей". На страницѣ 26 и 27 „О сельскомъ бытѣ лифляндскихъ крестьянъ" читаемъ, стр. 26: „Изъ всѣхъ 4,002 участковъ, купленныхъ крестьянами, только 2 проданы съ публичнаго торга вслѣдствіе несостоятельности ихъ хозяевъ. Изъ нихъ одинъ (въ 35 талеровъ), купленный въ 1866-мъ году за 5,496 р., проданъ съ аукціона въ 1868-мъ г. за 6,435 р., а другой (въ 22 талера), купленный въ 1862-мъ г. за 2,270 р., пошелъ въ 1867-мъ г. за 6,210 р. Если взять въ разсчетъ всѣ вообще крестьянскіе участки, перепроданные ихъ первыми покупателями, то оказывается, что 2,360 талеровъ 23 гроша земли было куплено крестьянами у помѣщиковъ за 270,866 рублей, а перепродано ими за 340,889 р." Это не фразы, а факты!

„Въ заключеніе скажу: мы, помѣщики (большинство, по крайней мѣрѣ), въ матеріальномъ отношеніи были бы очень рады, еслибы у насъ выкупили крестьянскую землю на тѣхъ же основаніяхъ, какъ то было сдѣлано въ великорусскихъ губерніяхъ. Это было бы очень хорошая спекуляція для насъ, въ ущербъ однако общему благосостоянію крестьянскаго населенія. Существенно необходимая потребность для насъ: это скорѣйшее введеніе судебной реформы на общечеловѣческихъ основаніяхъ, реформы городского управленія, земскаго представительства, словомъ, тѣхъ благодѣтельныхъ реформъ, которыми пользуется осталь-

ная Россія и которыя остаются для насъ до-сихъ-поръ неосуществимы. Повѣрьте, что если названныя реформы будутъ, наконецъ, введены и у насъ, никто болѣе и думать не будетъ о „надѣлѣ“ и его всеспасающей силѣ....“

Время не позволяетъ намъ теперь же отвѣчать на письмо почтеннаго автора, и отвѣчать подробно, какъ того заслуживаетъ важность самаго предмета. Авторъ доставилъ намъ, кромѣ письма, числовыя данныя въ подтвержденіе своихъ мыслей и убѣжденій. Мы воспользуемся первымъ случаемъ, чтобы разрѣшить сомнѣнія автора, а теперь пока ограничимся общимъ замѣчаніемъ. Если остзейскіе крестьяне не имѣютъ вѣрнаго понятія о томъ надѣлѣ, какой былъ бы желателенъ, то въ этомъ опять не ихъ вина; причина такого недоразумѣнія заключается именно въ той нерѣшительности и медлительности, о которой мы, главнымъ образомъ, говорили въ послѣдней хроникѣ; а въ остзейскомъ краѣ, прибавляли мы, говорятъ, что „ему нужны реформы выработанныя тѣми мѣстными интересами, *которымъ уже присвоенъ голосъ* (а не крестьянскими, которые голоса не имѣютъ); если же это реформы общія имперіи, тогда — лучше ихъ совсѣмъ не надо“. Мы очень рады видѣть, что авторъ письма, судя по заключенію, не раздѣляетъ такого мнѣнія, и стоитъ за тѣ реформы въ остзейскомъ краѣ, „которыми пользуется остальная Россія“. Но *надѣлъ* землею относится именно къ числу реформъ, уже введенныхъ въ остальной Россіи. Мы согласимся съ авторомъ въ одномъ, что надѣлъ не имѣетъ въ себѣ ни малѣйшей „всеспасающей силы“; это безспорно вѣрно, и доказательствомъ тому служитъ нашъ собственный примѣръ. Надѣлить крестьянина землею, и оставить безъ вниманія, наприм., обременительную податную систему, затруднить ему передвиженіе, открытіе промысловъ, наконецъ, не позаботиться о его образованіи — все это, конечно, можетъ дать благовидное оружіе противникамъ надѣла, чтобы доказывать даже, что и всѣ бѣдствія крестьянина происходятъ отъ надѣла; а какой-нибудь „умный крестьянинъ“ въ Эстляндіи, пожалуй, и воскликнетъ: „Боже, упаси насъ отъ такого надѣла!“ Но дѣло не въ надѣлѣ: дѣло въ томъ, что крестьянина нужно надѣлять не одною землею, а также надѣлить и народнымъ образованіемъ: для перваго надѣла мы нашли возможнымъ сдѣлать громадныя жертвы; для надѣла образованіемъ жертвы нужны несравненно меньшія, и нельзя не пожелать начинающемуся 1871-му году, чтобы онъ въ исторіи нашего отечества заслужилъ бы себѣ названіе года народнаго просвѣщенія.

РУССКАЯ ДРАМАТИЧЕСКАЯ СЦЕНА.

I.

„Драматическая сцена падаетъ; люди, любящіе искусство и смотрящіе на него серьезно, совсѣмъ перестали посѣщать русскій театръ, не разсчитывая въ немъ найти ничего, кромѣ усердной разработки такихъ отраслей „развлеченія", которыя не должны бы быть достояніемъ уважающаго себя театра. Это словно конкурренція съ „заведеніями" гг. Излера и Берга, это публичная выставка не талантовъ, не драматической игры, а сладострастныхъ позъ и самыхъ низменныхъ сторонъ того, что есть въ балетѣ; не только для здороваго эстетическаго наслажденія театръ ничего не даетъ, но онъ почти ничего не даетъ и для здороваго развлеченія; благоразумная мать не поведетъ въ него дочь свою, чтобы не наткнуться на сцену, которая на порядочной сценѣ несообразна съ самыми обыкновенными правилами приличія. Театръ сдѣлался поприщемъ для праздной молодежи, желающей купить дешевою цѣною оперетокъ и полубалетовъ успѣхъ какой-нибудь актрисѣ, вовсе не заслуживающей успѣха; молодыя дарованія соблазняются этимъ легкимъ средствомъ создать себѣ репутацію и покидаютъ драму и комедію, для успѣха въ которыхъ необходимъ талантъ и изученіе" и проч. и проч.

Все это не только говорилось въ послѣдніе годы, но и печаталось, и, къ величайшему сожалѣнію, во всемъ этомъ было много правды, хотя была доля и преувеличенія. Какъ бы то ни было, всѣ согласны въ одномъ, что драматическая сцена падаетъ — объ этомъ даже нѣтъ и вопроса, который можетъ быть только относительно степени и причинъ упадка. Конечно, ни одинъ здравомыслящій человѣкъ не станетъ мѣрить успѣхи Александринскаго театра его доходами: только совершенно наивные люди могутъ возражать, что театръ не упалъ, если сборы его въ настоящее время лучше, чѣмъ четыре года тому назадъ. Эти наивные люди забываютъ три вещи: во-первыхъ, вкусъ

къ театральнымъ представленіямъ постепенно возрастаетъ, потому что число образованныхъ и грамотныхъ людей становится больше; во-вторыхъ, населеніе Петербурга возрастаетъ еще въ большей прогрессіи чѣмъ образованіе и, съ 1865 года, едва ли не увеличилось на цѣлыя двѣсти тысячъ, что можно доказать статистическими данными и такими осязательными аргументами, какъ большой недостатокъ квартиръ въ Петербургѣ, заставляющій многихъ жить и зимою на дачахъ; въ-третьихъ, надо принять во вниманіе число временныхъ, постоянно смѣняющихся жителей Петербурга, которые, пріѣзжая сюда изъ провинціи на нѣсколько дней, большею частію считаютъ обязанностію своею посѣтить все достопримѣчательное, въ томъ числѣ и Александринскій театръ, хотя тутъ чаще всего поражаетъ ихъ разочарованіе. Такимъ образомъ, населеніе растетъ, а число театровъ остается тоже, запросъ на товаръ увеличивается, а количество товара не увеличивается.

Послѣ этого понятно, что сборы могутъ быть очень хороши, а театръ можетъ быть плохъ, но не наоборотъ, ибо въ хорошемъ театрѣ не можетъ быть плохихъ сборовъ. Еслибъ Александринскій театръ еще спустился на десять ступеней, то и тогда сборы въ немъ не были бы плохи, потому что онъ одинъ. Русскому человѣку, желающему провести вечеръ на русскомъ представленіи, нѣтъ другого выбора, какъ между русской оперой и Александринскимъ театромъ, а такъ какъ русская опера процвѣтаетъ, то чѣмъ труднѣе попасть въ нее, тѣмъ болѣе приливъ въ драматическій театръ. Иностранцу выборъ шире: въ столицѣ русскаго царства только два русскихъ театра и пять театровъ иностранныхъ: михайловскій, нѣмецкій, буффъ, Берга и итальянской оперы. Быть можетъ, это сдѣлано съ цѣлью дать средства русскимъ наглядно изучить иностранные языки?... Я не знаю; вѣрно только то, что частнымъ лицамъ не дозволяютъ открывать русскихъ театровъ, но дозволяютъ открывать театры иностранные; вѣрно и то, что Александринскій театръ ревниво блюдетъ свою русскую монополію, давая, однако, возможность размножаться такимъ „театрикамъ", которые разсчитываютъ исключительно на самые низменные инстинкты толпы.

Объ этой монополіи въ послѣдніе годы исписано много бумаги, едва ли даже не больше, чѣмъ когда-то о монополіи откуповъ; высказано было все, что можно было высказать о казенномъ управленіи театрами; было доказано, что „дирекція театровъ есть присутственное мѣсто, устроенное по бюрократическому образцу", что „люди, поставленные во главѣ его иногда (часто?) были лишены всякаго художественнаго образованія", что люди эти, „власть которыхъ въ театральныхъ дѣлахъ почти неограниченна, сами не заинтересованы въ его успѣхѣ", потому что „они не хозяева, а только управляющіе театральнаго предпріятія, и притомъ управляющіе, надъ которыми

поставленъ отвлеченный, фиктивный хозяинъ — казна. Ихъ отношеніе къ успѣхамъ театра въ сущности безкорыстное; за хорошее веденіе дѣла они могутъ ожидать крестовъ и чиновъ, но тѣ же награды могутъ получить и по связямъ, по протекціи, самая же естественная награда за хорошую администрацію—барыши отъ самого дѣла — имъ не доступны, ибо можетъ достаться лишь тому же отвлеченному хозяину. Вслѣдствіе такого отношенія администраціи къ театру, въ ней не можетъ быть той живости, энергіи, изобрѣтательности, бережливости, которыя свойственны управленію частному". Этотъ губительный для нашихъ театровъ характеръ незаинтересованности въ успѣхѣ ихъ переходитъ изъ управленія въ среду артистовъ. Въ то время, какъ на частномъ театрѣ артистъ вполнѣ зависитъ отъ сценическаго своего успѣха, на казенномъ онъ зависитъ еще отъ успѣха передъ начальствомъ; отъ того многіе истинные артисты покидаютъ сцену, а посредственности пользуются хорошимъ содержаніемъ; „при бюрократическомъ управленіи театра, въ отношенія между артистами и ихъ начальниками необходимо должны поселиться произволъ, пристрастіе, интрига и всякаго рода злоупотребленія, и затѣмъ равнодушіе къ своему дѣлу и слишкомъ легкое отношеніе къ публикѣ. Въ этомъ quasi-художественномъ, но въ сущности канцелярскомъ міркѣ принижаются и мельчаютъ возвышенныя, чисто - артистическія натуры; глохнутъ и слабѣютъ дарованія, гибнетъ и утрачивается искусство. Бездарные или недобросовѣстные артисты, обезпечивъ себя хорошими отношеніями ко всесильному своему начальству, могутъ спокойно оскорблять эстетическое чувство зрителей, могутъ хладнокровно и безопасно морочить имъ глаза; имъ не грозитъ отставка, пока милость начальства не смѣнится на гнѣвъ, а на предупрежденіе этой-то бѣды и уходитъ все ихъ вниманіе. Напротивъ, артисты съ талантомъ, съ горячею любовью къ своему дѣлу, съ основательнымъ знаніемъ, годъ за годъ остаются при самыхъ ничтожныхъ, незамѣтныхъ роляхъ, затираются и стушевываются, если ихъ отношенія къ начальству сложились невыгодно.... Обычай предоставлять учрежденія, которыя долженствовали лелѣять „свободное" художество, на распоряженіе чиновниковъ, и притомъ облекать этихъ чиновниковъ громадной властью, монополіей и канцелярской тайной, можетъ быть только оправданъ тѣмъ убѣжденіемъ, что всегда сами собой найдутся для такого исключительнаго служенія люди обширныхъ свѣдѣній, замѣчательныхъ дарованій и безукоризненной честности. Основываясь на простой теоріи вѣроятностей, слѣдуетъ удивляться, что эти пылкія ожиданія не были чаще и разительнѣе обмануты и что наши театры могли сдѣлаться хотя бы тѣмъ чтб они есть". Все это и многое другое было высказано между прочимъ и московскимъ музыкальнымъ критикомъ, г. Ларошемъ. Вопросъ о несостоятельности здѣшняго управленія теат-

рами разработанъ вполнѣ, и литература въ этомъ случаѣ явилась только вѣрнымъ отголоскомъ общества, среди котораго существуетъ бóльшее предубѣжденіе противъ казеннаго управленія, чѣмъ въ самой журналистикѣ, ибо первое, т.-е. общество, питается, кромѣ дѣйствительныхъ фактовъ, неговорящихъ въ пользу театральной администраціи, еще многочисленными сплетнями и догадками, болѣе или менѣе вѣроятными. Это удѣлъ всѣхъ учрежденій, зиждущихся на канцелярской тайнѣ.

Хотя во всей образованной Европѣ существуетъ уже свобода театровъ вмѣстѣ съ другими свободами, но мы, вѣроятно, еще долго останемся при нынѣшнемъ положеніи вещей, и потому не безполезно, имѣя въ головѣ общую причину паденія драматической сцены нашей, разбить ее на частныя, и отдѣльно каждую разсмотрѣть примѣнительно къ петербургской сценѣ, а затѣмъ сказать нѣсколько словъ о прошломъ театральномъ сезонѣ. Вотъ скромная задача послѣдующихъ замѣтокъ.

II.

У петербургской труппы есть исторія довольно блестящая; она завѣщала потомству достаточное количество именъ даровитыхъ артистовъ и артистокъ, начиная съ послѣднихъ годовъ XVIII-го вѣка и кончая пятидесятыми годами настоящаго столѣтія; театръ, какъ одно изъ прекраснѣйшихъ развлеченій, быстро нашелъ у насъ довольно обширный кругъ посѣтителей и писателей; кромѣ авторовъ отечественныхъ, на петербургской сценѣ перебывали всѣ знаменитые и извѣстные европейскіе драматурги: Шекспиръ, Шиллеръ, Лессингъ, Коцебу, Расинъ, Вольтеръ, Мольеръ, Корнель, Бомарше и проч. и проч. Надъ переводами многихъ изъ нихъ трудились сами актеры, образованіе которыхъ въ то время относительно было шире, чѣмъ образованіе актеровъ намъ современныхъ. Можно сказать, что труппа наша непрерывно совершенствовалась, постоянно заключая въ себѣ нѣсколько весьма даровитыхъ людей, вполнѣ удовлетворявшихъ самому развитому вкусу современниковъ; по мѣрѣ того, какъ одни старѣли, ихъ смѣняли молодые и въ свою очередь дѣлались любимцами публики; тридцатые годы были особенно богаты сценическими талантами: Каратыгинъ, Сосницкій, Брянскій, Борецкій, Каратыгина, Сосницкая, Брянская, Рязанцевъ, Валберхова, Асенкова и другіе, менѣе извѣстные, составляли настоящій букетъ артистическихъ дарованій; не оцѣнивая „школы“ игры, мы можемъ судить объ этой труппѣ по 80-лѣтнему г. Сосницкому, который, несмотря на свои преклонные года, и до сихъ поръ единственный актеръ, котораго можно съ истиннымъ наслажденіемъ смотрѣть въ „Горе отъ Ума“; нельзя уже разобрать словъ,

которыя онъ произноситъ, но передъ вами тѣмъ не менѣе живое типическое лицо, настоящій Репетиловъ; нѣсколько лѣтъ тому назадъ его можно было еще съ удовольствіемъ видѣть въ городничемъ въ „Ревизорѣ", котораго онъ игралъ гораздо лучше г. Зуброва, одного изъ „крупныхъ" представителей теперешней труппы. Потомъ, когда многіе представители этой блестящей труппы еще вызывали громы рукоплесканій и пользовались полнымъ успѣхомъ, выдвинулись Мартыновъ, Максимовъ, Григорьевъ, г-жи Самойловы и др. Сороковые годы, несмотря на довольно печальное состояніе драматургіи, видѣли еще очень хорошую труппу, которая могла сладить любую пьесу; но умерли Брянскій, Каратыгинъ, Григорьевъ, Максимовъ, г-жи Самойловы сошли со сцены, и александринская труппа осталась при Мартыновѣ, Сосницкомъ и Самойловѣ. Появленіе пьесъ Островскаго, вводившихъ новый міръ на сцену, окончательно спутало остатки когда-то блестящей труппы, которая оказалась неспособною воспроизвести новые типы. Новый міръ требовалъ новаго изученія, къ которому оказался готовымъ и способнымъ только одинъ Мартыновъ, превосходно игравшій Маломальскаго и Кабанова; г. Самойловъ явился-было въ Любимѣ Торцовѣ и, по обыкновенію, имѣлъ успѣхъ, но изображенный имъ Любимъ Торцовъ былъ курьезнымъ созданіемъ довольно однообразной фантазіи этого даровитаго артиста; когда въ концѣ пятидесятыхъ годовъ пріѣхалъ сюда г. Садовскій и сыгралъ Любима Торцова — г. Самойловъ долженъ былъ отказаться отъ своей несостоятельной фантазіи и вмѣстѣ съ тѣмъ отъ роли.

Мартыновъ умеръ; ему устроили такіе торжественные похороны, какихъ никто и никогда не удостоивался изъ русскихъ артистовъ; но предавая землѣ прахъ геніальнаго комика, едва ли кто-нибудь думалъ, что съ нимъ вмѣстѣ хоронили и славу александринской труппы. На дѣлѣ, однакоже, это оказалось такъ. Мартынова не только никто не замѣнилъ до сихъ поръ, но никто къ нему не приблизился; труппа осиротѣла и опустилась какъ-то. Между тѣмъ время было горячее, требовавшее умныхъ и даровитыхъ исполнителей, ибо вмѣстѣ съ пьесами Островскаго являлся цѣлый рядъ произведеній далеко не столько талантливыхъ, но отъ которыхъ вѣяло новымъ духомъ, новымъ направленіемъ, новымъ содержаніемъ; но если еще между артистами были такія дарованія, какъ г. Самойловъ, начавшій образованіе въ старой труппѣ и одной стороной своей игры всецѣло ей принадлежавшій, и какъ г. Васильевъ 2, приглашенный на мѣсто Мартынова, то относительно артистокъ существовалъ почти полнѣйшій пробѣлъ; онѣ являлись какъ-то на минуту, какъ мимолетныя видѣнія, и быстро исчезали. Пришлось поневолѣ обратиться къ актрисамъ второстепеннымъ, на которыхъ до того времени не обращали ни малѣйшаго вниманія; оказалось, что одна изъ нихъ, именно г-жа

Струйская, обладаетъ несомнѣннымъ дарованіемъ. Немедленно на нее навалили весь репертуаръ, и она явилась въ главныхъ роляхъ во многихъ пьесахъ; но по штату она продолжала состоять чуть ли не въ послѣднемъ разрядѣ; въ то время какъ публика, обрадовавшись и такой, хотя не особенно драгоцѣнной находкѣ, осыпала артистку рукоплесканіями, начальство признавало въ ней только право получать свое прежнее маленькое содержаніе, и лишь послѣ долгихъ колебаній и сомнѣній назначило ей 5 р. разовыхъ, тогда какъ г-жа Левкѣева, менѣе даровитая и несравненно менѣе пользовавшаяся расположеніемъ публики, получала 25 рублей.

Я упоминаю объ этомъ далеко не единичномъ фактѣ потому, что онъ характеризуетъ очень хорошо отношеніе дирекціи къ артистамъ. Для нея, какъ учрежденія бюрократическаго и мало заинтересованнаго въ успѣхѣ театра, дѣло не столько въ томъ, успѣваетъ ли артистъ или артистка на сценѣ, сколько въ „производствѣ"; бюрократическіе нравы прилагаются въ изрядной степени къ артистамъ и производство въ высшій чинъ совершается либо съ тягостною постепенностью, либо съ необычайной быстротою: сегодня былъ малъ, завтра сталъ великъ, хотя особаго подвига никакого не совершилъ; оно, конечно, могло быть не худо это производство, основанное, съ одной стороны, на постепенности, а съ другой — на быстротѣ, еслибъ то и другое мотивировалось основательными причинами; но по большей части тутъ дѣйствуетъ фатумъ, слѣпой случай, такъ что никто не можетъ предречь и угадать, кто будетъ столоначальникомъ и кто останется въ писцахъ до гробовой доски. Можно бы привести сотни примѣровъ изъ исторіи нашего театра въ подтвержденіе господства этой слѣпой случайности. Ограничиваюсь тѣмъ, что напоминаю примѣры извѣстные всѣмъ: Мартыновъ фигурировалъ въ балетѣ прежде чѣмъ случайно не открылось его дарованіе; затѣмъ „производство" его, несмотря на геніальный талантъ, шло чрезвычайно туго, такъ что долгое время онъ получалъ менѣе, чѣмъ его товарищи съ посредственнымъ дарованіемъ; дирекція, очевидно, руководилась соображеніями, къ искусству не имѣвшими никакого отношенія; гг. Шумскій и Васильевъ 2, воспитанники театральной школы, отпущены въ провинцію, какъ бездарности, которымъ не могло быть мѣста на столичныхъ сценахъ. Но наиболѣе рельефный матеріалъ для характеристики случайности, всесильно царствующей на нашихъ сценахъ, заключается въ цифрахъ актерскаго гонорарія; высшій окладъ жалованья 1,143 руб.; сумма, какъ видите, незначительная, но въ гонорарiѣ она играетъ чуть ли не послѣднюю роль; главное—разовые и бенефисы.

Г. Самойловъ получаетъ 1,143 руб. пенсіи (пенсія выдается послѣ двадцатилѣтняго служенія, стало быть ранѣе, чѣмъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія); 5,000 ассюрированныхъ разовыхъ, то-есть,

сколько бы онъ разъ ни сыгралъ въ году, 5,000 р. во всякомъ случаѣ онъ получаетъ; ассюрированный бенефисъ въ 3,000 рублей и еще довольно значительную сумму на гардеробъ изъ особыхъ суммъ.

Г. Васильевъ 2-й	получаетъ	35 р.	разов. и ассюриров. бенеф. въ 2,000 р.
Г. Бурдинъ	„	25 „	„ и бенефисъ.
Г. Горбуновъ	„	5 „	„ бенефиса не имѣетъ.
Г. Нильскій	„	35 „	„ и бенефисъ.
Г. Зубровъ	„	25 „	„ „ „
Г. Зубовъ	„	10 „	„ 500 р. вмѣсто бенефиса.
Г. Каратыгинъ	„	25 „	„ и бенефисъ.
Г. Григорьевъ	„	35 „	„ „ „
Г. Малышевъ	„	10 „	„ „ „
Г. Леонидовъ	„	35 „	„ „ „
Г. Сазоновъ	„	10 „	„ „ „
Г. Алексѣевъ	„	15 „	„ „ „
Г. Виноградовъ	„	25 „	„ „ „
Г. Самойловъ 2-й	„	2,500	рублей жалованья.
Г. Пронскій	„	12 р.	разовыхъ; бенефиса не имѣетъ.
Г. Душкинъ	„	5 „	„ „ „ „
Г. Шемаевъ	„	10 „	„ „ „ „
Г. Марковецкій	„	25 „	„ и бенефисъ.
Г. Яблочкинъ	„	3,000	руб. жал. и бенефисъ.
Г-жа Жулева	получаетъ	35	руб. разовыхъ и бенефисъ.
Г-жа Линская	„	35	„ „ „ „
Г-жа Левкѣева	„	25	„ „ „ „
Г-жа Струйская	„	5	„ „ „ „

Читателю, сколько-нибудь знакомому съ нашей сценой, предоставляется самому рѣшить, почему, напр., г. Пронскій на 2 рубля даровитѣе г. Шемаева, или почему г. Горбуновъ на 30 рублей и бенефисъ менѣе даровитъ, чѣмъ г. Нильскій и только на 5 рублей и бенефисъ менѣе даровитъ, чѣмъ г. Сазоновъ и г. Малышевъ; съ другой стороны, почему г. Нильскій одинаково даровитъ съ гг. Григорьевымъ, Леонидовымъ и г-жею Линскою, и почему г-жа Линская ни на одинъ рубль не даровитѣе г-жи Жулевой? Читатель можетъ отвѣчать: потому, что измѣрять дарованія очень трудно; я могу отвѣчать такъ: потому что измѣрять дарованія очень легко; если мы призовемъ третьяго, то онъ можетъ отвѣчать: потому что дарованія измѣряются случайно, часто подъ вліяніемъ обстоятельствъ, совершенно постороннихъ искусству; четвертый, наконецъ, скажетъ: потому что система бенефисовъ и разовыхъ — сама несостоятельность. И всѣ мы будемъ правы, и всѣхъ болѣе будетъ правъ тотъ, кто скажетъ, что эта оцѣнка естественное слѣдствіе бюрократическаго управленія театромъ.

Но куда бы еще ни шло, еслибъ оцѣнка эта не ложилась налогомъ на удовольствіе зрителей; на самомъ дѣлѣ она ложится и очень чувствительно. Дирекція, считая извѣстныхъ актеровъ въ одинаковомъ рангѣ, устраиваетъ между ними очередь на извѣстныя роли или, выражаясь театральнымъ языкомъ, „чередовку“; иногда эта чередовка производится, вслѣдствіе какихъ нибудь случайностей, и между актерами несостоящими даже по спискамъ дирекціи, въ одинаковомъ рангѣ; передъ публикою вдругъ является, вслѣдствіе такой чередовки, напр., „Гроза“ Островскаго, въ которой, вмѣсто г-жи Линской, Кабанову играетъ г-жа Сабурова, вмѣсто г. Васильева 2, Кабанова играетъ г. Малышевъ [1]), вмѣсто г. Горбунова, Кудряша играетъ г. Ивановъ, и вмѣсто г-жи Левкѣевой, Варвару — г-жа Прокофьева. Можете себѣ представить, что выходитъ изъ этой прекрасной драмы, и сколько зрителей рискнутъ своимъ вечеромъ, чтобъ увидѣть „Грозу“ въ такой обстановкѣ! И что всего замѣчательнѣе, что подобная чередовка прилагается не къ одной „Грозѣ“, но также къ „Бѣдность не порокъ“, „Доходное мѣсто“, къ „Женитьбѣ“ Гоголя, т.-е. къ пьесамъ, которыя всѣмъ давнымъ давно извѣстны и которыя настолько почтенны, что могли бы разсчитывать, что ихъ не дадутъ на растерзаніе посредственностямъ. И чтожъ дирекція выигрываетъ? Она несомнѣнно теряетъ, ибо, сохранивъ нѣсколько рублей на разовыхъ, она гораздо болѣе проигрываетъ на сборѣ, потому что на подобныя представленія никто не ходитъ. Этого мало: публика, не могущая уловить всѣхъ канцелярскихъ соображеній, клевещетъ на лица, отъ которыхъ зависитъ распредѣленіе ролей, говоря, что это дѣлается нарочно, съ цѣлью донести по начальству, что „пьесы Островскаго не даютъ сбора“. Да помилуйте, говоришь, какое же побужденіе можетъ заставить прикосновенныхъ къ театру лицъ умышленно ронять пьесы Островскаго? — Э, вы ничего не знаете: необходимо оттереть хорошія пьесы, потому что для нихъ необходимъ такой ансамбль, котораго не можетъ доставить александринская труппа, лишенная всякаго руководительства...

Но это, очевидно, парадоксъ или придирка; по моему мнѣнію, дѣлается это просто случайно, или изъ чувства гуманности, изъ желанія поощрить даже обойденныхъ талантомъ: пускай, молъ, подумаетъ, что и онъ — талантъ; во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что именно это чувство заставляетъ дирекцію держать въ труппѣ совсѣмъ престарѣлыхъ актеровъ, платить имъ пенсію, значительные разовые, давать бенефисы и даже сохранять за ними тѣ роли, которыя они играли 20 лѣтъ тому назадъ, если сами они не заблагоразсудятъ отъ этого отказаться. Несмотря, однако, на то, что чувство, руководящее въ этомъ случаѣ дирекціею, очень почтенно, оно все-таки гораздо умѣстнѣе въ человѣ-

[1]) Эту роль игралъ Мартыновъ и до слезъ потрясалъ ею зрителей.

колюбивомъ обществѣ, чѣмъ на сценѣ: великодушіе дирекціи должно бы разбиваться тутъ о великодушіе публики, которая, являясь въ театръ не съ благотворительною цѣлью, терпѣливо принуждена обращать пріятное развлеченіе въ суровую обязанность благотворителя.

III.

Многіе не раздѣляютъ господствующаго мнѣнія о паденіи нашей драматической труппы, хотя раздѣляютъ его о паденіи драматургіи. Они, конечно, соглашаются, что настоящая труппа хуже, чѣмъ всѣ предшествующія, но что, относительно, она все-таки не дурна и при хорошемъ руководствѣ могла бы быть гораздо лучше. Въ этомъ есть своя доля правды, которая лучше всего доказывается тѣмъ, что когда въ нынѣшнемъ году пріѣзжалъ сюда изъ Москвы г. Шумскій, то наша труппа на время его пребыванія какъ бы преобразилась и всѣ пьесы, въ которыхъ участвовалъ этотъ артистъ, исполнялись съ невиданнымъ доселѣ согласіемъ; актеры не метались по сценѣ, не скучивались около суфлерской будки — любимое мѣстопребываніе нашихъ актеровъ — знали свои роли, говорили ихъ толково, входили и выходили во время. Такое временное преображеніе труппы приписывается тому обстоятельству, что пьесы, въ которыхъ участвовалъ г. Шумскій, ставились имъ самимъ, а не г. режиссеромъ александринской труппы. Это естественно ведетъ насъ къ тому, чтобъ сказать нѣсколько словъ о режиссерской части на александринской сценѣ.

Режиссеръ, конечно, не богъ и изъ ничего не можетъ создать нѣчто; но режиссеръ, хорошо образованный, знакомый съ техникою сцены, съ развитіемъ драматической игры и преданный своему дѣлу, можетъ значительно вліять на усовершенствованіе труппы. Мы знаемъ изъ исторіи нашего театра, что труппа обыкновенно тогда лишь становилась на надлежащую высоту, когда надъ нею работали. Московская труппа, напр., многимъ обязана Верстовскому, который часто присутствовалъ на репетиціяхъ и направлялъ артистовъ. Въ настоящее время эта труппа ни мало не зависитъ тамъ отъ режиссера, а руководится сама собою; режиссеръ тамъ лицо болѣе или менѣе номинальное, и ансамбль пьесы старается обыкновенно составить тотъ артистъ, который занимаетъ въ пьесѣ господствующую роль. Много значитъ въ этомъ случаѣ традиція, крѣпко живущая на московской сценѣ. На петербургской сценѣ традиція порвана, а первенствующіе артисты либо лишены вліянія на остальную труппу, въ которой болѣе или менѣе всякій считаетъ себя генераломъ, либо стараются только о томъ, чтобъ выгодно поставить самихъ себя въ пьесѣ. Роль режиссера, такимъ образомъ, является на переднее мѣсто; но дѣльнаго и хорошаго режиссера на петербургской сценѣ не имѣется, и многіе годы

она предоставлена такъ сказать самой себѣ. Г. Вороновъ, умершій нѣсколько лѣтъ тому назадъ, былъ добросовѣстнымъ и довольно образованнымъ человѣкомъ, но въ послѣдніе годы онъ потерялъ энергію и, по правдѣ сказать, особенныхъ режиссерскихъ талантовъ никогда не обнаруживалъ. Говорили, что въ режиссеры приглашенъ дирекціей г. Боборыкинъ, извѣстный своимъ знаніемъ сцены и изучившій основательно драматическое искусство; но слухъ этотъ, нѣкоторое время сильно поддерживаемый одною газетою, оказался неосновательнымъ: режиссеромъ сдѣлали г. Яблочкина, очень посредственнаго актера, воспитанника театральнаго училища. Отъ него никто многаго не ожидалъ и онъ сдѣлалъ дѣйствительно мало. Единственное улучшеніе, бросившееся всѣмъ въ глаза, это—лучшая меблировка комнатъ на сценѣ; аристократическія гостинныя, если таковыя требовались пьесою, украсились деревьями, цвѣтами и золотою мебелью, но декоративная часть другихъ пьесъ, гдѣ не требовалось золотой мебели, осталась въ прежнемъ видѣ, и въ „Грозѣ", напр., какъ прежде небо было рваное, наскоро зашитое театральною швеей, такъ и доселѣ оно рваное; но небо не важная вещь и отъ режиссера зависитъ мало: г. Яблочкинъ не создалъ именно того, чтó лежало на прямой его обязанности, не создалъ ансамбля и не подвинулъ впередъ ни одного актера: кто плохъ былъ прежде, тотъ и теперь также плохъ, а иногда еще плоше сталъ; кто прежде былъ хорошъ — тотъ хорошъ и теперь. Г. Яблочкинъ не обучилъ своихъ актеровъ и внѣшнему обращенію, а когда смотришь на александринской сценѣ пьесу изъ образованнаго и развитого быта, то невольно чувствуешь себя въ лакейской. Изящные франты запускаютъ обѣ руки въ карманъ и походятъ на офиціантовъ; гвардейскіе офицеры напоминаютъ святочныхъ ряженыхъ, графини и великосвѣтскія дамы — горничныхъ. Никто не умѣетъ ни ступить, ни сѣсть, ни откланяться. Исключеніе остается за двумятремя актерами изъ всей труппы, которые ничѣмъ г. режиссеру обязаны быть не могутъ. Тоже отсутствіе дѣльнаго и полезнаго совѣта замѣчается въ гримировкѣ артистовъ; кто самъ мастеръ—тотъ и остается мастеромъ; кто неопытенъ и склоненъ понимать, напр., комизмъ въ короткихъ панталонахъ и во фракѣ, сшитомъ изъ разноцвѣтныхъ матерій, тотъ такъ своимъ вкусомъ и руководится. Однимъ словомъ, артисты второстепенные и третьестепенные остаются безъ всякаго руководства, и заботятся не о томъ, чтобъ соотвѣтствовать своему положенію въ пьесѣ, а о томъ, чтобъ отличиться. Это стараніе отличиться можно даже замѣтить въ тѣхъ несчастныхъ, которые докладываютъ о томъ, что карета подана. Всякій, видимо, хочетъ показать, что онъ вовсе не то, чтó онъ изображаетъ, что онъ не лакей, не конюхъ, не мужикъ, а артистъ императорскихъ театровъ, что лакеи,

конюха или мужика онъ только представляетъ по приказанію начальства.

Все это мелочи, конечно; но на сценѣ мелочи имѣютъ огромное значеніе, ибо изъ нихъ-то образуется то, что̀ называется ансамблемъ. Вѣрно указать каждому его мѣсто въ пьесѣ, сообразить цѣлое, уничтожить и сгладить неровности—все это лежитъ на режиссерѣ труппы; труппа—это оркестръ, режиссеръ—ея капельмейстеръ; у хорошаго капельмейстера и плохая скрипка не будетъ фальшивить и контрабасу онъ не дастъ занять мѣсто первой скрипки; тоже должно разумѣть и о хорошемъ режиссерѣ, каковому понятію г. Яблочкинъ мало удовлетворяетъ. Онъ, очевидно, самъ еще нуждается въ наукѣ, и не по его силамъ создать гармонію въ разстроенномъ хорѣ.

Я, однако, долженъ отдать справедливость г. Яблочкину относительно постановки оперетокъ; тутъ онъ выказалъ себя гораздо сильнѣе и, такъ сказать, налегъ на это дѣло съ усердіемъ. Онъ хорошо понялъ, что на оперетки есть спросъ, что есть для нихъ такая талантливая исполнительница, какъ г-жа Лядова (умершая въ прошедшемъ году), и запрудилъ сцену оперетками. Въ свое непродолжительное режиссерство онъ поставилъ: „Прекрасную Елену“, „Фауста на изнанку“, глупѣйшую пародію на „Фауста“ Гете, „Птички пѣвчія“, „Всѣ мы жаждемъ любви“, „Пансіонъ“, „Чайный цвѣтокъ“. Эти оперетки одно время совсѣмъ заполонили сцену и всѣ, даже совсѣмъ безголосые актеры александринскаго театра запѣли и пустились въ плясъ. Оперетки шли весьма изрядно, можетъ быть, впрочемъ, не столько благодаря умѣнью г. Яблочкина ставить ихъ, сколько оркестру, который направлялъ артистовъ и группировалъ ихъ. Въ постановкѣ же танцевъ, конечно, участвовалъ балетмейстеръ. Раздѣливъ такимъ образомъ трудъ свой, г. Яблочкинъ выказалъ нѣкоторыя режиссерскія способности.

Принявъ въ соображеніе всѣ условія, при которыхъ существуетъ наша сцена, принявъ во вниманіе малую развитость актеровъ, которымъ театральное училище большею частью ничего не даетъ, мы увидимъ еще яснѣе необходимость хорошаго руководителя для труппы. Театръ не подлежитъ критикѣ въ томъ смыслѣ, что замѣчанія критики рѣдко принимаются къ соображенію; актеры — тѣже чиновники, для которыхъ вовсе не важно что̀ объ нихъ говорятъ въ печати; имъ гораздо важнѣе мнѣніе начальства. Только тотъ, кто знаетъ закулисныя тайны, кто рѣшается возиться въ грязи интригъ и обнаруживать ихъ въ листкахъ, спеціально посвятившихъ себя этому дѣлу, — можетъ разсчитывать на нѣкоторый успѣхъ въ театральной средѣ; его читаютъ тамъ „тихонько“, стыдясь признаться, что боятся такой мелюзги; ему и уступку сдѣлаютъ, потому что требованія его не важны въ сущности: поласкайте только его самолюбіе, и онъ станетъ потише....

IV.

Изъ приведеннаго списка гонорарія, который получаютъ актеры, видно, какъ великъ этотъ гонорарій; если распредѣленіе его отличается случайностью и ничѣмъ необъяснимою неровностью, за то никто не скажетъ, что театральное начальство держитъ этихъ жрецовъ и пономарей искусства на сухояденіи; напротивъ, они хорошо обезпечены, иногда выше всякой мѣры; удачный бенефисъ можетъ принести актеру нѣсколько тысячъ; выходъ на сцену, иногда на полчаса, даетъ ему 15, 20, 35 рублей; а если онъ въ одинъ и тотъ же вечеръ играетъ на двухъ театрахъ, то гонорарій его удвоивается; напр., г. Нильскій играетъ въ „Желѣзной Маскѣ" на маріинской сценѣ и поспѣваетъ пріѣхать въ александринскій театръ, гдѣ играетъ въ „Петербургскихъ Когтяхъ"; такимъ образомъ вечеръ даетъ ему 70 рублей. При такомъ хорошемъ обезпеченіи артистовъ, казалось бы, что приливъ на александринскую сцену свѣжихъ силъ долженъ быть постоянный; оно и было бы такъ, еслибъ дирекція не была связана своей театральной школой, въ которой воспитываются артисты и волей-неволей запружаютъ собою сцену. Цѣлая масса совершенныхъ бездарностей питается театромъ; нѣкоторые изъ нихъ совсѣмъ никогда не появляются на сценѣ, но жалованье получаютъ. Комплектъ труппы всегда полонъ, и вакансіи очищаются рѣдко; еслибъ любитель-актеръ пожелалъ дебютировать, то желаніе его такъ и можетъ остаться при немъ; вообще, достать себѣ дебютъ чрезвычайно трудно, и, доставъ его и удачно сыгравъ нѣсколько ролей, трудно попасть въ императорскіе артисты. Тутъ такое множество почти неуловимыхъ вліяній и условій, что невозможно говорить о нихъ опредѣлительно. Однимъ словомъ, правильной конкурренціи не существуетъ; дирекція не вызываетъ актеровъ, не принадлежащихъ къ ея труппѣ, къ соисканію открывшейся вакансіи, хотя это было бы и недурно; случай и протекція и тутъ побѣждаютъ требованія искусства. Иногда посредственный актеръ получаетъ дебютъ и принимается, иногда хорошій актеръ не получитъ дебюта; иногда дирекція принимаетъ актера, но держитъ его безъ жалованья цѣлые годы. Такая ужъ, видно, задача: одному повезетъ, другому—нѣтъ.

Въ послѣдніе годы въ труппѣ открылось нѣсколько вакансій и вообще дирекція старалась подновить свою труппу; не знаю почему, но старанія эти не увѣнчались успѣхомъ. Вышла изъ труппы г-жа Владимірова,—дали дебютъ г-жѣ Лядовой. Съ перваго взгляда ясно было, что актриса эта лишена всякаго дарованія, но она вышла въ эффектной роли Василисы Мелентьевой, у нея нашлось столько хлопальщиковъ — это всегда при дебютахъ бываетъ — что ее быстро приняли. Силъ труппы она ни мало не увеличила, но кассу уменьшила, что́ не

одно и тоже. Явилось еще нѣсколько актрисъ, между прочимъ, двѣ г-жи Яблочкиныхъ, но и это не увеличило силъ труппы, такъ что одна хорошая актриса дала бы дирекціи несравненно больше, чѣмъ три посредственныя. Болѣе удачи было для дирекціи на мужчинъ. Она нашла хорошаго исполнителя для оперетокъ и водевилей въ г. Монаховѣ; онъ является иногда и въ комедіяхъ и даже замѣняетъ собою г. Самойлова, но замѣняетъ онъ его плохо; въ послѣднее время онъ сыгралъ Хлестакова, мѣстами очень не дурно, но типа не создалъ и я того мнѣнія, что у него нѣтъ силъ для типическаго воспроизведенія живыхъ людей. Удачно дебютировалъ г. Самойловъ-сынъ, но послѣ дебюта почти не появляется, вѣроятно потому, что на роли молодыхъ людей у труппы много исполнителей, имѣющихъ передъ г. Самойловымъ-сыномъ преимущество старшинства, но ни въ какомъ случаѣ — таланта. Третій дебютантъ, принятый дирекціей — старый харьковскій актеръ г. Виноградовъ. Во время дебютовъ онъ держалъ себя довольно сдержанно, не развертывался, какѣ говорится, хотя и тогда можно было замѣтить въ его игрѣ не малую долю кривлянья и буфонства, особенно въ роли Расплюева. Принятый дирекціей на весьма выгодныхъ для него условіяхъ, онъ „развернулся" и дѣлается любимцемъ райка. Но вообще онъ человѣкъ не безъ таланта.

Я причисляю эти дебюты къ удачнымъ; но если принять во вниманіе, что амплуа г. Виноградова тоже что́ и Васильева 2-го, причемъ послѣдній превосходитъ его и талантомъ и школою, если принять во вниманіе, что г. Самойловымъ 2-мъ дирекція вовсе не пользуется, изрѣдка выпуская его въ ничтожныхъ роляхъ, то невольно спросишь: зачѣмъ же ихъ приняли, зачѣмъ увеличили ими труппу, когда она имѣетъ уже актеровъ и на роли комика и на роли молодыхъ людей. Выходитъ, что изъ трехъ принятыхъ актеровъ, стоющихъ дирекціи не малыхъ суммъ, только одинъ г. Монаховъ надлежащимъ образомъ заработываетъ свое жалованье. Дирекція словно торопилась набрать побольше актеровъ, а потомъ, когда приняла ихъ, то увидѣла изобиліе въ количествѣ, но не въ качествѣ. Я пропустилъ еще одного изъ недавно принятыхъ, г. Зубова. Это тоже человѣкъ не безъ таланта, но и безъ него, пожалуй, можно было бы обойтись. Извѣстно изреченіе: „много званныхъ, но мало избранныхъ"; къ александринской труппѣ можно обратить его такъ: „много избранныхъ, но мало званныхъ", т. е. людей съ призваніемъ. Гг. Самойловъ и Васильевъ 2-й все-таки стоятъ во главѣ труппы и безъ нихъ она останется безъ головы. Въ женскомъ персоналѣ на роли молодыхъ женщинъ все еще первенствуетъ г-жа Струйская, хотя дирекція и продолжаетъ не признавать ее.

V.

Съ этой труппой связана судьба нашей драматургіи, которая зависитъ отъ дирекціи, отъ исполнителей и отъ цензуры. Драматургія наша тоже падаетъ, какъ и труппа; мы не станемъ разбирать тѣхъ причинъ ея паденія, которыя замѣчаются и въ англійской и въ нѣмецкой литературахъ; мы остановимся на нашихъ спеціальныхъ причинахъ. Вы написали пьесу; переписали ее въ нѣсколькихъ экземплярахъ, и начинаете паломничество: несете въ цензуру — цензура пропускаетъ, хотя можетъ и не пропустить; несете въ литературно-театральный комитетъ — онъ тоже принимаетъ, хотя можетъ забраковать вашу пьесу; въ обѣихъ инстанціяхъ аппеляція не допускается. Но пропущенная пьеса еще не значитъ пьеса сыгранная: надо найти актера, который согласился бы взять ее себѣ въ бенефисъ; иногда актеръ не возьметъ ее у васъ потому, что въ пьесѣ нѣтъ для него роли; вы обращаетесь къ другому, но у другого уже есть пьеса; обратиться къ дирекціи? но она новыхъ пьесъ почти не ставитъ, благоразумно сложивъ съ себя эту обузу на плеча актеровъ. Дирекція ограничивается высшимъ надзоромъ и хозяйственною частью: въ такія мелочи, какъ литературное достоинство произведенія, его нравственная и соціальная сторона—для нея дѣло постороннее. Она знаетъ продолжительность сезона, знаетъ, что у нея чуть не еженедѣльно бываютъ бенефисы, значитъ сезонъ обезпеченъ, а чѣмъ — чѣмъ актеръ послалъ, что цензура разрѣшила, что литературно-театральный комитетъ пропустилъ. У дирекціи есть три инстанціи, и слава Богу!

Я не о лицахъ говорю, а о принципѣ управленія; нынѣшняя театральная дирекція значительно превосходитъ свою предшественницу, принимаетъ участіе въ сценѣ и даже прислушивается къ критикѣ. Она умѣючи отнеслась къ исторической обстановкѣ нѣкоторыхъ пьесъ, роскошно и съ небывалымъ у насъ уваженіемъ къ исторіи, поставивъ „Смерть Іоанна Грознаго", „Бориса Годунова", возстановивъ въ приличномъ видѣ „Горе отъ ума" и „Ревизора"; она разрѣшала театральныя представленія безъ всякихъ стѣсненій въ клубахъ, и такимъ образомъ способствуетъ образованію частныхъ труппъ любителей. За нынѣшней дирекціей есть несомнѣнныя заслуги, и если она не сдѣлала бо́льшаго, то я увѣренъ, что виною тутъ самый принципъ, а не добрая воля директора, человѣка съ литературнымъ и художественнымъ образованіемъ. Дѣлаю эту оговорку съ величайшею охотою: перомъ моимъ руководитъ не желаніе наговорить колкостей и наплести рѣзкихъ обвиненій, а желаніе добра самому дѣлу, желаніе возстановить въ настоящемъ свѣтѣ нѣкоторыя подробности театральнаго существованія; я очень хорошо знаю, что въ такомъ сложномъ и многообразномъ механизмѣ, какъ театральное управленіе, добрая воля, энергія и прекрасное художе-

ственное образованіе иногда оказываются безсильными противъ естественнаго теченія рутины, преданій и вліяній, постороннимъ искусству.

Рутина удерживаетъ бенефисы и рутина же освобождаетъ дирекцію отъ заботъ о томъ, чтó такое ставитъ актеръ. Вслѣдствіе этого, масса совершенно бездарныхъ драматическихъ вещей, вредно вліяющихъ на развитіе актера, отучающихъ зрителей отъ театра и изгоняющихъ со сцены порядочныя произведенія; по рутинѣ, всякая новая пьеса, хотя бы и была она ошикана, непремѣнно ставится разъ и два послѣ бенефиса, словно хотятъ показать большому количеству зрителей, что пьеса никуда не годна; только что сносная пьеса ставится нѣсколько разъ и сплошь и рядомъ вытѣсняетъ болѣе сносную, болѣе толковую или такую, гдѣ какому-нибудь актеру удалось создать нѣчто въ родѣ типа. Цѣлые сезоны проходятъ часто, не оставляя ближайшему будущему ровно ничего. Цензура смотритъ на пьесу съ цензурной стороны иногда довольно произвольно, литературно-театральный комитетъ еще произвольнѣе смотритъ на нее со стороны литературной. Бывали примѣры, что онъ забраковывалъ пьесы, имѣвшія потомъ успѣхъ, и безчисленные примѣры есть на то, что онъ пропускаетъ пьесы, лишенныя всякаго человѣческаго смысла; повидимому и строгость его и снисходительность ровно ни на чемъ не основаны, кромѣ какой-то случайности, которая такъ хронически царитъ на нашей сценѣ. И иначе это и быть не можетъ, потому что, рѣшись литературно-театральный комитетъ поступать строго, онъ, во-первыхъ, рисковалъ бы ошибаться, какъ ошибался, напр., комитетъ французской комедіи, отвергавшій пьесы, имѣвшія на другихъ театрахъ огромный успѣхъ; во-вторыхъ, лишилъ бы актеровъ возможности давать бенефисы за неимѣніемъ плохихъ пьесъ, отвергнутыхъ комитетомъ, и за неимѣніемъ хорошихъ, либо вовсе не представленныхъ въ комитетъ, либо запрещенныхъ цензурою. Такимъ образомъ, литературно-театральный комитетъ является только излишней инстанціей, черезъ которую должна проходить пьеса.

Цензура играетъ въ судьбахъ нашей драматургіи очень видное мѣсто. Вспомнимъ, съ какою постепенностью проходило „Горе отъ ума“. Сначала эту комедію выучила вся грамотная Россія наизусть; потомъ позволили сыграть на сценѣ одинъ первый актъ; черезъ годъ—позволили второй; еще черезъ годъ надо было ожидать третьяго, но неожиданно третій и четвертый пропустили вмѣстѣ; разумѣется, комедію и въ этой постепенности пропустили съ значительными пропусками; прошли десятки лѣтъ, прежде чѣмъ комедія явилась въ печати безъ пропусковъ и еще десятокъ лѣтъ, прежде чѣмъ въ этомъ видѣ поставили ее на сценѣ; та же постепенность, вѣроятно, была бы приложена къ „Ревизору“, еслибъ самъ императоръ не вмѣшался въ дѣло

и не разрѣшилъ ее всю. Однако, цензура удержала свой запретъ на нѣкоторыхъ фразахъ, и лишь въ настоящемъ сезонѣ „Ревизоръ“ шелъ безъ пропусковъ. Впрочемъ, въ этомъ случаѣ слѣдуетъ винить не столько цензуру, сколько традиціонную рутину театральнаго управленія. Оно не дѣлаетъ шагу, если не видитъ въ немъ сильной необходимости; въ библіотекѣ пьеса лежитъ съ цензурными помарками, актеры выучили роли по этой библіотечной пьесѣ—стоитъ ли заводить „дѣло“, писать отношенія, утруждать писцовъ и проч. и проч.? Еслибъ г. Зубровъ нашелъ для своего бенефиса новую пьесу и не былъ бы поставленъ въ необходимость взять старую, „Ревизоръ“ шелъ бы въ прежнемъ своемъ видѣ и доселѣ, а можетъ быть еще и цѣлый десятокъ лѣтъ. Опять-таки хроническая случайность. „Свои люди сочтемся“ Островскаго лежали подъ запретомъ лѣтъ десять; „Доходное мѣсто“ его же — нѣсколько лѣтъ; послѣ представленія „Грозы“, на которомъ присутствовала государыня императрица, выразившая свое удовольствіе нѣкоторымъ актерамъ черезъ тогдашняго директора г. Сабурова, одинъ изъ нихъ сказалъ г. Сабурову, что у сочинителя „Грозы“ есть двѣ пьесы, которыя могли бы имѣть большой успѣхъ, но, къ сожалѣнію, онѣ не дозволены къ представленію. Узнавъ о существованіи недозволенныхъ пьесъ такого извѣстнаго сочинителя, какъ г. Островскій, г. Сабуровъ отослалъ ихъ на вторичный просмотръ начальнику III-го отдѣленія собственной его величества канцеляріи (тогда театральная цензура зависѣла еще отъ этого учрежденія), и пьесы немедленно были пропущены. Безъ этой счастливой случайности онѣ пролежали бы еще нѣсколько лѣтъ, хотя въ одной изъ нихъ предается позору злостное банкротство, а въ другой — взяточничество, пороки, преслѣдованіе которыхъ вполнѣ въ интересахъ правительства, и хотя въ той и другой пьесѣ въ послѣднемъ дѣйствіи законъ торжествуетъ, т.-е. правительство выставляется попечительнымъ.

Извѣстно, впрочемъ, что уловить въ такомъ учрежденіи, какъ цензура, особенно наша, извѣстныя правила, которыми бы писатель могъ руководствоваться, рѣшительно невозможно. Что нынѣ позволяется, то завтра нѣтъ, и наоборотъ. Множество пьесъ переводныхъ, которыя нѣкогда свободно давались на театрѣ, потомъ подвергались запрещенію, потомъ опять разрѣшались, и можно бы доказать, что всякій разъ запрещеніе и позволеніе не имѣло за себя достаточныхъ мотивовъ. Иногда пьесы, пользовавшіяся значительнымъ успѣхомъ, вдругъ исчезали съ репертуара, неизвѣстно по какимъ причинамъ. Такъ было съ пьесой г. Потѣхина „Отрѣзанный ломоть“ и съ его же пьесой „Шуба овечья, а душа человѣчья“. Г. Потѣхину особенно несчастливится у цензуры: въ послѣднее время не прошли двѣ его комедіи: „Современные рыцари“ и „Вакантное мѣсто“; къ постановкѣ „Царя Ѳеодора Алексѣевича“ графа Толстого тоже, говорятъ, встрѣтились цензурныя препят-

ствія; вращаясь въ театральномъ мірѣ, то-и-дѣло слышишь, что та или другая пьеса не пропущены; года два тому назадъ одинъ актеръ представилъ въ цензуру три пьесы одна за другою, и всѣ были запрещены; мнѣ случалось прочитывать нѣкоторыя пьесы, поступавшія потомъ въ цензуру, и быть въ крайнемъ удивленіи, когда я узнавалъ, что онѣ не пропущены: онѣ мнѣ казались не только безопасными, но совершенно пустыми и ничтожными и ожидать, что имъ оказана будетъ честь запрещенія, было рѣшительно невозможно. Съ другой стороны, иногда приходилось встрѣчать на сценѣ такія произведенія, въ пропускъ которыхъ совсѣмъ не вѣрилось: разумѣю оперетки скоромнаго содержанія, яко бы съ подкладкой сатиры. Повидимому, кромѣ случайныхъ вліяній и, вѣроятно, политическихъ комбинацій, цензура руководится еще тѣмъ принципомъ, чтобъ пропускать на сцену какъ можно осторожнѣе пьесы, затрогивающія соціальные вопросы, и не поставлять особенныхъ препятствій пьесамъ содержанія фривольнаго.

Пьесами послѣдняго рода нашъ театръ всегда былъ богатъ, и то, что разсказываютъ театралы о неприличіи куплетовъ въ былое время—превосходитъ описаніе, т.-е. напечатать этихъ куплетовъ въ настоящее время нельзя, по ихъ крайней непристойности; такимъ образомъ „вольности" теперешнихъ оперетокъ — шагъ впередъ на полѣ скромности; еслибъ въ этомъ отношеніи цензура еще усилила разумную строгость, то бѣды никакой бы не было: бѣда въ томъ, что относительная снисходительность къ „вольностямъ" оперетокъ съ избыткомъ выкупается строгостью къ серьезной комедіи; повидимому, принимается за правило, что въ легкомысленной, остроумной формѣ оперетокъ можно допустить довольно свободный трактатъ о разныхъ общественныхъ вопросахъ, но въ формѣ серьезной этого надо избѣгать; на шутку, разсуждаютъ, вѣроятно, блюстители благонамѣренности въ нашей драматургіи, всѣ взглянутъ какъ на шутку, тогда какъ серьезная постановка общественныхъ вопросовъ можетъ возбудить опасные толки. Въ опереткѣ, напр., можно въ привлекательномъ видѣ представлять свободное и ничѣмъ нестѣсняемое отношеніе половъ между собою, но трактовать въ комедіи вопросъ, напр., о разводѣ, вызываемомъ ненормальными отношеніями между супругами, нельзя. Понятно, какой односторонностью страдаетъ взглядъ этотъ; по нашему мнѣнію, на неразвитую массу глумленіе надъ предметами почтенными, заключенное въ форму оперетки, дѣйствуетъ разлагающимъ образомъ; тутъ ни борьбы страстей, ни доводовъ ума, ни страданія, ничего нѣтъ; тутъ все представляется въ шутовскомъ видѣ, все разсчитано на воображеніе и дурные инстинкты, которые легко побѣждаютъ доводы слабаго и неразвитаго разума. Между тѣмъ какъ разработка соціальныхъ вопросовъ въ комедіи, даже широкая разработка, какъ, напр., допускается она у насъ въ романѣ, можетъ только поднять уровень здравыхъ и нравственныхъ идей,

ибо даже самая тенденціозная комедія даетъ мнѣнія объ извѣстномъ вопросѣ за и противъ, не говоря уже о произведеніяхъ безпристрастно трактующихъ явленія жизни. По нашему, что-нибудь одно—либо такъ же снисходительно допускать комедіи, какъ допускаются оперетки,— тогда возможно возстановленіе между вліяніями тѣхъ и другихъ равновѣсія, либо—ни оперетокъ, ни комедій. Но, помилуйте, тогда никто не станетъ въ театръ ходить. Этотъ аргументъ мы слышали отъ лицъ, близко стоящихъ къ театру, но онъ былъ сдѣланъ въ упрекъ театральной цензурѣ: „Какъ же не давать намъ скабрёзныхъ оперетокъ и не привлекать ими публику, когда цензура такъ мало пропускаетъ комедій....“ Кромѣ цензуры, есть еще одно условіе, способствующее бѣдности и безжизненности репертуара — это авторскій гонорарій.

VI.

Еслибъ кто-нибудь сказалъ, что наши роскошные театры содержатся насчетъ литературнаго пролетаріата, насчетъ этой массы бѣдныхъ тружениковъ, изъ которыхъ многіе чуть не умираютъ съ голоду, тотъ выразилъ бы мнѣніе не совсѣмъ неосновательное. Недавній случай съ оперой покойнаго Даргомыжскаго „Каменный гость“ лучше всего показываетъ, въ какомъ отношеніи дирекція театровъ находится къ авторамъ: не имѣть средствъ, или лучше сказать, не имѣть законныхъ основаній для того, чтобы заплатить за произведеніе одного изъ лучшихъ русскихъ композиторовъ 3,000 р., — это курьезъ, приведшій все общество въ недоумѣніе, особенно когда оно узнало, что та же дирекція театровъ заплатила Верди за „Силу судьбы“ 15,000 р. сер. Но дѣло въ томъ, что плата иностранному композитору, надо полагать, не входила въ „Положеніе о вознагражденіи сочинителямъ и переводчикамъ драматическихъ пьесъ и оперъ, когда онѣ будутъ приняты для представленія на императорскихъ театрахъ“.

Положеніе это издано въ 1827-мъ году. Въ свое время оно было шагомъ впередъ для огражденія правъ авторской собственности, но въ настоящее время, когда цѣна на всякій трудъ значительно возросла сообразно возрастанію цѣны жизненныхъ припасовъ, когда плата за литературный трудъ въ частныхъ и казенныхъ изданіяхъ возросла по крайней мѣрѣ впятеро противъ существовавшей въ 1827-мъ году, оно потеряло свой raison d'être. Прежде всего въ этомъ законѣ бросается въ глаза то противорѣчіе, которое существуетъ между правомъ литературной собственности и театральной. Въ то время, какъ литературное произведеніе обезпечено за авторомъ не только по смерть его самого, но и за наслѣдниками его въ теченіе 50-ти лѣтъ, театру предо-

ставлено право считать литературную собственность за авторомъ только по смерть его. Представьте себѣ такой случай: человѣкъ напишетъ превосходную вещь и поставитъ ее на сценѣ, затѣмъ, волею судьбы, умретъ—вещь остается за театромъ, который будетъ пользоваться ею вѣчно; театръ можетъ даже, во избѣжаніе расходовъ, не ставить драматическаго произведенія извѣстнаго автора при жизни его, и поставить послѣ смерти, не спрашивая позволенія у наслѣдниковъ его. Вознагражденіе за пьесу, какъ я уже сказалъ, выдаваемое театромъ автору при жизни, чрезвычайно скромно. Въ законѣ 1827-го года пьесы раздѣлены на пять разрядовъ: къ первому разряду принадлежатъ оригинальныя пьесы въ стихахъ, въ 4-хъ и 5-ти дѣйствіяхъ, ко второму—во-первыхъ, оригинальныя пьесы въ стихахъ въ трехъ дѣйствіяхъ и оригинальныя пьесы въ прозѣ въ 4-хъ и 5-ти дѣйствіяхъ; къ третьему разряду—оригинальныя пьесы въ стихахъ въ 2-хъ и одномъ дѣйствіяхъ, оригинальныя пьесы въ прозѣ въ 3-хъ дѣйствіяхъ и стихотворные переводы трехъ-актныхъ пьесъ и прозаическія пяти и четыреактныхъ; къ четвертому разряду — оригинальныя пьесы въ прозѣ въ 2-хъ или одномъ дѣйствіи, стихотворные переводы двух-актныхъ и одно актныхъ пьесъ и прозаическіе трехъ или двух-актныхъ; къ пятому разряду — переводы одноактныхъ прозаическихъ пьесъ и водевилей. Въ основаніе этого дѣленія на разряды, какъ видите, легли чисто механическія качества пьесы: кто пишетъ стихами—получаетъ больше, кто пишетъ прозою — меньше. Г. Кукольникъ за пятиактныя „Рука Всевышняго отечество спасла" и „Сидѣнье въ Азовѣ", въ стихахъ, т.-е. въ рубленной прозѣ, получалъ больше, чѣмъ Гоголь за прозаическаго „Ревизора". Напрасно безсмертный творецъ „Мертвыхъ Душъ" просилъ, чтобъ его комедію перевели въ одинъ разрядъ съ „Рукою Всевышняго"—такого снисхожденія ему не сдѣлали, и онъ получилъ за свою комедію всего 2,500 р. ассигнаціями „единовременно". Надо замѣтить, что театръ платитъ за пьесы по разрядамъ двояко: или единовременно извѣстную сумму (за перворазрядную 4,000 р. ассиг., второразрядную—2,500 р. ассиг., третьеразрядную—2,000 р. ассиг., и наконецъ 1,000 и 500 р. ассиг.) или такъ-называемыя поспектакльныя въ такомъ размѣрѣ:

За пьесы	1-го	разряда —	десятая часть	двухъ третей сбора.
»	2-го	»	пятнадцатая часть	
»	3-го	»	двадцатая часть	
»	4-го	»	тридцатая часть	

Пьесы 5-го разряда на поспектакльную плату не принимаются. Двѣ трети полнаго сбора съ Александринскаго театра составляютъ 690 р. съ коп., Маріинскаго — 800 р., отдѣляя указанныя части этого сбора за пьесы разныхъ разрядовъ въ пользу авторовъ, получимъ:

На Александринском театрѣ:		На Маріинском театрѣ:	
1-го разряда . . .	69	1-го разряда . . .	80
2-го » . . .	46	2-го » . . .	53
3-го » . . .	34	3-го » . . .	40
4-го » . . .	23	4-го » . . .	26.

Такія деньги авторъ получаетъ, разумѣется, только тогда, когда въ театрѣ всѣ мѣста заняты; чѣмъ театръ пустѣе, тѣмъ получаетъ онъ меньше. Относительно оперъ поступлено еще проще: они раздѣлены на большія, среднія и малыя, при чемъ не опредѣлено, какія оперы считать должно большими, какія средними и какія малыми; большія причислены къ 1-му разряду, среднія—ко 2-му, а малыя къ 3-му. Это несправедливо даже съ механической точки зрѣнія, ибо опера требуетъ для своего написанія гораздо больше времени, чѣмъ драма и комедія. Есть еще третій способъ пріобрѣтенія дирекціей театральныхъ пьесъ и способъ самый остроумный — безвозмездно. Говорятъ, что въ настоящее время онъ не практикуется, но нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ весьма незамысловато избавлялъ театръ и отъ того небольшаго гонорарія, который указанъ выше. Дѣлалось это такимъ образомъ: актеръ пріобрѣталъ пьесу для своего бенефиса отъ автора, платя ему ничтожныя деньги, а иногда получая ее отъ него въ подарокъ. Пьеса давалась въ бенефисъ и затѣмъ поступала въ собственность дирекціи: актеръ—человѣкъ казенный и пьеса, имъ пріобрѣтенная, дѣлалась казенною же. Такимъ образомъ пріобрѣтено дирекціей театровъ масса пьесъ, иногда пользовавшихся значительнымъ успѣхомъ и, стало быть, дававшихъ значительныя суммы театру въ теченіе цѣлыхъ десятковъ лѣтъ. Между пьесами, безвозмездно пріобрѣтенными дирекціей, между прочимъ, находятся „Не въ свои сани не садись“ Островскаго, данная до настоящаго времени около 200 разъ и „Свадьба Кречинскаго“ г. Сухово-Кобылина, данная едва ли не большее число разъ. „Горе отъ Ума“ пріобрѣтено актеромъ Брянскимъ за 1,000 р. ас., а къ дирекціи перешло тоже безвозмездно. Вспомните, что Гоголю заплачено за „Ревизора“ всего 2,500 р. ас., и вотъ вамъ четыре любимыя публикою пьесы, изъ которыхъ двѣ составили бы красу и гордость всякой литературы, пріобрѣтены дирекціей всего за 2,500 р. ас. или за 714 р. 28 к. сер. Не изумительный ли это фактъ въ исторіи безкорыстной службы отечеству нашихъ литературныхъ дѣятелей! Однако, чтобъ глубже проникнуть въ существо этого факта, я попрошу читателя сдѣлать слѣдующую выкладку: г. Сосницкій игралъ роль Репетилова съ того самаго дня, какъ поставлено „Горе отъ Ума“. Предположите, что г. Сосницкій сыгралъ эту роль только 150 разъ и что онъ, среднимъ числомъ, получалъ по 20 р. разовыхъ, — получите, что этотъ актеръ за исполненіе своей маленькой роли получилъ 3,000 р. сер. или 10,500 р. ас., т. е. въ десять разъ больше, чѣмъ Грибоѣдовъ; г. Самойловъ сыгралъ роль Кречин-

скаго навѣрно больше 50 разъ и получилъ за нее больше 2000 р., тогда какъ авторъ — ничего. Если мы это сравненіе между платой, удѣляемой дирекціей хорошему актеру, и авторскимъ гонораріемъ, распространимъ на пьесы, пользующіяся поспектакльной платой, то увидимъ туже несоразмѣрность. Въ вашей, положимъ, пятиактной комедіи, написанной прозою (кто теперь въ стихахъ пишетъ?), играетъ г. Самойловъ; если театръ полонъ—вы получаете 46 р., а г. Самойловъ больше 50 р., если театръ не полонъ — вы получаете меньше 46 р., но г. Самойловъ сохраняетъ свой гонорарій.

Положа руку на сердце, скажите, не въ правѣ ли весь сонмъ литературныхъ пролетаріевъ, поставлявшихъ и поставляющихъ пьесы на театръ, сказать, что театры содержатся на ихъ счетъ?... Въ самомъ дѣлѣ, назовите мнѣ хоть одного писателя, посвятившаго свои силы сценѣ, который бы составилъ себѣ обезпеченное состояніе? Не назовете ни одного, но я могу вамъ указать на Полеваго, которымъ жили театры въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, и который умеръ нищимъ, я укажу вамъ на г. Островскаго, у котораго на сценѣ около 30 пьесъ и который получаетъ съ нихъ ничтожный сравнительно доходъ. Я могъ бы указать на актеровъ, которые составили себѣ состоянія, но писателей такихъ нѣтъ, за то лики нѣкоторыхъ изъ нихъ красуются на плафонѣ театра и газъ теплится передъ ними: невѣщественные знаки вниманія за вещественныя услуги...

Мнѣ остается сказать о текущемъ сезонѣ. Тутъ я буду краткомъ поневолѣ. О постановкѣ „Бориса Годунова“ и новой обстановкѣ „Ревизора“ я уже упоминалъ. Декоративная часть въ первомъ была превосходна, но нравственная, т.-е исполненіе, за исключеніемъ г. Самойлова 1 (Самозванецъ), ниже критики; бѣдность труппы въ хорошихъ актрисахъ сказалась тѣмъ, что не могли найти порядочной исполнительницы на роль Марины. „Ревизоръ“ обставленъ тоже незавидно въ этомъ отношеніи, хотя, при болѣе внимательномъ распредѣленіи ролей, онъ пошелъ бы лучше. Курьезнымъ показалось мнѣ примѣненіе къ „Ревизору“ археологіи, точно эта пьеса XVIII столѣтія, когда ходили въ кафтанахъ и парикахъ, и точно содержаніе „Ревизора“ имѣетъ только историческое значеніе, а не современное: вѣдь въ одномъ прошедшемъ году поймано три ревизора, изъ которыхъ одинъ былъ отсидѣвшій свое время арестантъ, изъ крестьянъ, а лѣтъ шесть тому назадъ писарь Ильяшенко не только привелъ весь городъ Маріуполь въ трепетъ, но и обрилъ одному изъ членовъ суда голову, въ знакъ своей немилости.

Изъ новыхъ пьесъ можно говорить только объ одной, о пятиактной комедіи г. Штеллеса „Ошибки молодости“. Пьеса эта обнаружи-

ваетъ въ актерѣ талантъ и не лишена литературнаго достоинства, но съ идеей пьесы онъ не совсѣмъ справился. Лица въ комедіи рѣзко отличаются на два разряда: одни — обыкновенныя, сплошь и рядомъ встрѣчающіяся въ жизни фигуры, другія только что обозначившіяся въ ней и принадлежащія къ такъ-называемому молодому поколѣнію. Первыя очерчены живо и легко, особенно героиня пьесы, княгиня Рѣзцова; вторыя—слабо и ходульно: это не живые люди, а идеи, да притомъ еще несозрѣвшія идеи. Авторъ, впрочемъ, заслуживаетъ полной симпатіи за свою попытку добросовѣстно и умно отнестись къ тому броженію, которое до сихъ поръ еще не улеглось въ нашемъ обществѣ. Бѣдность труппы въ хорошихъ актрисахъ и тутъ сказалась: одну изъ лучшихъ ролей (Наденьки Моргуновой) исполняетъ г-жа Яблочкина 2-ая, актриса не обладающая ни фигурой, ни голосомъ, ни талантомъ для драматическихъ ролей; за то на роль княгини нашлась актриса—немножко старой школы, но тутъ выказавшая свой талантъ съ блестящей стороны, именно г-жа Читау.

Еслибъ нужно было резюмировать все мною сказанное о недостаткахъ нашего театра, то самое раціональное средство устранить ихъ заключалось бы въ свободѣ театровъ; если на это разсчитывать нельзя, то необходимо, по крайней мѣрѣ, увеличить авторскій гонорарій, регулировать цензуру, отмѣнить бенефисы и разовыя, устранить протекцію и произволъ въ распредѣленіи ролей и въ пріемѣ дебютантовъ, освободить труппу отъ массы безполезныхъ актеровъ и актрисъ, изъ которыхъ нѣкоторые, получая жалованье, совсѣмъ *никогда* не являются на сценѣ, и упростить сложный бюрократическій порядокъ въ администраціи, не совсѣмъ свободной отъ безполезныхъ и ненужныхъ чиновниковъ.

А. С—нъ.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

1-го января, 1871.

Начало и конецъ 1870 года. — Фаталистическій взглядъ европейскаго общества на войну, какъ средство къ разрѣшенію вопросовъ.—Разсужденія Милля о трактатахъ и безсиліе предлагаемой имъ реформы. — Милль о Россіи. — Новая германская имперія и ея возможное будущее. — Три прежнія формы объединенія Германіи.— Голоса изъ сѣверогерманскаго рейхстага.—Прусскій ландтагъ и министръ народнаго просвѣщенія.—Брошюра Наполеона и Базена.—Ходъ войны въ концѣ прошедшаго года.

Давно европейскія правительства и народы не были настроены такъ миролюбиво, какъ годъ тому назадъ, и потому рѣдкій изъ годовъ представляетъ столько любопытнаго при сравненіи его начала съ концомъ. Даже во Франціи, куда съ 1866-го года Европа привыкла посматривать съ безпокойствомъ, происходило, 2-го января 1870-го года, такое зрѣлище, которое, повидимому, устраняло самую возможность мысли о какой-либо войнѣ. Императоръ поставилъ во главѣ управленія талантливаго адвоката Олливье, республиканца, который, впрочемъ, отъ республиканизма отрекся, и уже издавна былъ удостоиваемъ приглашеній. Олливье, поставивъ условіемъ возвращеніе французскому народу всѣхъ конституціонныхъ правъ, взялся за это трудное дѣло—дѣло „либеральнаго искупленія" второй имперіи. Въ составъ кабинета Олливье вошли люди, извѣстные по своей добросовѣстности и твердости, именно Дарю и Бюффе.

Вотъ какая мирная перспектива открывалась для Франціи на 1870-й годъ и не на одинъ 1870-й годъ, а какъ казалось, надолго. Правда, возбужденіе страстей въ Парижѣ и въ январѣ прошлаго года было огромно: родственникъ императора собственноручно убилъ въ своемъ домѣ одного изъ пришедшихъ къ нему секундантовъ. Похороны Нуара подали поводъ къ грознымъ демонстраціямъ на улицахъ Парижа, и еслибы не Рошфоръ, то 12-го января на улицахъ произошло бы страшное побоище, въ которомъ, по всей вѣроятности, погибли бы и всѣ либеральныя начинанія, и возстановился бы режимъ 1852-го года. Только въ этомъ слу-

чаѣ война, о которой тогда никто, впрочемъ, и не гадалъ, могла и не произойти на Рейнѣ. Ее отвлекло бы кровопусканіе въ самомъ Парижѣ.

Изъ обнародованныхъ до сихъ поръ бонапартистскихъ документовъ явно, что либеральныя начинанія второй имперіи годъ тому назадъ были вовсе не добровольнымъ вступленіемъ на путь свободы и мира, а просто отчаянною попыткою спасти себя. Затѣмъ оставались еще два средства: возобновить или 1851-й, или 1859-й года, изъ которыхъ одинъ основалъ имперію кровью, а второй поставилъ ее на высшую точку ея могущества въ Европѣ, также посредствомъ крови, пролитой, впрочемъ, на тотъ разъ на благое дѣло освобожденія сосѣдняго народа отъ рабства. Избранъ былъ для повторенія именно этотъ второй примѣръ, но въ противность логикѣ и очевидному неудержимому ходу событій, вторая имперія на этотъ разъ выступила на борьбу не за стремленія сосѣдняго народа къ единству, а противъ нихъ.

Въ другой имперіи происходили въ первой половинѣ истекшаго года тѣ же самыя попытки то къ удовлетворенію чеховъ и поляковъ, то къ устрашенію. Въ началѣ года, въ Вѣнѣ образовалось министерство Гаснера, министерство нѣмецко-централистское, которое, однако, вскорѣ уступило мѣсто министерству Потоцкаго, имѣвшаго программою примиреніе съ поляками и чехами. Въ настоящее время, какъ извѣстно, опять прибѣгли къ программѣ устрашенія чеховъ, и канцлеръ Бейстъ, припомнивъ имъ невинную ихъ поѣздку въ Россію, назвалъ ее чѣмъ-то въ родѣ измѣны.

Въ Англіи, 1870-й годъ осуществилъ новую мѣру на пользу ирландскаго народа. Внесенный въ февралѣ, ирландскій поземельный билль прошелъ къ іюню уже окончательно. Закончился же этотъ годъ для Англіи фактомъ въ томъ же мирномъ, благотворномъ духѣ соглашенія: сосланные феніане получили прощеніе подъ однимъ условіемъ, чтобы они не возвращались въ Англію.

Въ Римѣ происходили въ 1870-мъ году такія событія, которыя окончательно заключили его средневѣковую исторію, продолжавшуюся до сихъ поръ. Римскій владыка, наканунѣ паденія своей свѣтской власти, какъ бы предчувствуя то, позаботился объ укрѣпленіи своего духовнаго авторитета поставленіемъ его внѣ предѣловъ человѣческаго смысла. Римъ въ первый разъ увидалъ въ своихъ стѣнахъ вселенскій соборъ, и соборъ этотъ представилъ зрѣлище, невиданное во всей Европѣ съ XVI-го вѣка. Несмотря на сильную оппозицію такихъ авторитетовъ, какъ Дюпанлу, Дёллингеръ и др., соборъ утвердилъ догматъ о папской „непогрѣшимости", какъ то было заранѣе рѣшено іезуитами. Но вотъ вспыхнула война, Франція отозвала своихъ солдатъ изъ Рима, и вѣчному городу представилось новое зрѣлище, знаменовавшее

собою уже новую эру: послѣ кратковременной перестрѣлки, колонны войскъ короля Италіи вступили въ Римъ.

Въ Германіи было все тихо; засѣдалъ сѣверогерманскій сеймъ и отмѣнилъ смертную казнь, засѣдалъ и таможенный парламентъ. А между тѣмъ въ Испаніи недавно убитый Примъ уже приготовлялъ ту необыкновенную комбинацію, которая имѣла цѣлью дать щелчокъ самолюбію правителя, нелюбезнаго никому, но Приму и Бисмарку въ особенности. Кандидатуры Монпансье, герцога Аостскаго, Эспартеро и др., по всей вѣроятности, никогда серьезно и не входили въ разсчетъ Прима, хотя старику Эспартеро онъ самъ предлагалъ корону, а герцога Аостскаго долженъ-таки былъ предложить впослѣдствіи. Чѣмъ болѣе чуждъ былъ кандидатъ странѣ, тѣмъ вѣроятнѣе было, что на немъ именно остановится выборъ честолюбиваго министра. Читателямъ слишкомъ памятно, конечно, какъ внезапно открылась кандидатура на испанскій престолъ одного изъ дальнѣйшихъ родственниковъ короля прусскаго Вильгельма и какое благоразуміе выказалъ король въ началѣ, когда къ нему изъ-за Рейна человѣкъ „крутыхъ мѣръ" обратился съ требованіемъ въ тонѣ la bourse ou la vie! Но, возразитъ на это иной читатель, война все равно бы началась такъ или иначе; война между французскою имперіею и Сѣверогерманскимъ Союзомъ была неизбѣжна. Къ стыду человѣчества—это положеніе едва ли можно отрицать.

Замѣчательно, съ какою легкостью европейское общество усвоило себѣ, въ теченіи нынѣшнихъ неслыханныхъ побоищъ, не только спеціальный языкъ войны, но и спеціальный взглядъ на войну, тотъ взглядъ, которому эти побоища представляются чѣмъ-то совершенно натуральнымъ. Большинство общества не только у насъ, но и въ Европѣ, судя по печати, смотритъ на войну какъ на зрѣлище: это громадный бой гладіаторовъ, который привлекаетъ всеобщее вниманіе и вызываетъ аплодисменты побѣдителямъ, а порою и побѣжденнымъ, для ободренія ихъ. Весьма немногіе голоса высказываютъ негодованіе противъ самой возможности такихъ фактовъ. Впрочемъ, одно истекаетъ изъ другого, и еслибы человѣчество дозрѣло до того, чтобы предупреждать всякое преступленіе противъ человѣчества, то вѣроятно не было бы и войнъ. Большинство смотритъ на войну именно какъ праздные зрители, которые сознаютъ себя не въ состояніи предупредить такія дѣла; оно чувствуетъ, что война остается еще въ волѣ какого-то рока, является какъ родъ эпидеміи. Все, что можно сдѣлать, это—помогать страдающимъ, а затѣмъ сложить руки и смотрѣть. Громадное недоразумѣніе, въ силу котораго человѣчество терзаетъ само себя — остается. Солидарность интересовъ человѣчества признана, но только какъ принципъ, весьма отвлеченный. Человѣчество не имѣетъ средствъ дать ему практическое примѣненіе.

Вслѣдствіе того доселѣ международное право въ дѣйствительности

не существуетъ. Оно не существуетъ потому, что для него нѣтъ прочнаго основанія. О какомъ *правѣ* можетъ быть рѣчь, когда каждая нація внѣ своихъ границъ не признаетъ ничего кромѣ права сильнаго? Международныя отношенія и по сю пору, какъ въ средніе вѣка отношенія междусословныя, основаны исключительно на кулачномъ правѣ. При такомъ положеніи дѣлъ, слишкомъ очевидно, что и настоящая война не только, не послѣдняя, но не представляетъ даже и начала конца. Уже возникъ вопросъ люксембургскій, за которымъ всегда можетъ возникнуть и вопросъ швейцарскій; по крайней мѣрѣ швейцарскій союзный совѣтъ уже и теперь встревожился; за образованіемъ германской имперіи могутъ послѣдовать стремленія къ образованію имперіи латинской; вездѣ, гдѣ есть второстепенное государство, легко можетъ возникнуть вопросъ: нельзя ли прекратить его существованія? А славянскій вопросъ, а греческій вопросъ? Не вдаваясь въ гаданія, мы видимъ, что общимъ послѣдствіемъ нынѣшней войны будетъ введеніе поголовныхъ ополченій во всѣхъ континентальныхъ государствахъ. А потомъ, усиленію вооруженія найдется и соотвѣтствующее его употребленіе.

Международныя отношенія и нынѣ, по своей сущности, не отличаются отъ тѣхъ, которыя существовали въ эпоху тридцатилѣтней войны. Вся разница въ словѣ, которымъ насиліе прикрывается: тогда это слово было — религія; теперь оно — „принципъ національностей“. Насильно обратить всѣхъ къ одной религіи было невозможно, невозможно и располосовать Европу удовлетворительно для всѣхъ національностей. Не въ принципахъ дѣло теперь, какъ было и въ то время: дѣло въ силѣ. И пока въ международныхъ отношеніяхъ не будутъ участвовать сами народы, это такъ и останется; пока останется это недоразумѣніе, до тѣхъ поръ народы будутъ всегда готовы драться одинъ съ другимъ, потому что будутъ призываемы къ дѣйствію только тогда, когда ничего не останется болѣе дѣлать, какъ драться.

Ясно, что въ международныхъ отношеніяхъ не можетъ быть истиннымъ принципъ права совершенно отличный отъ принципа того права, который дѣйствуетъ внутри государства. Источникъ и принципъ права международнаго долженъ быть тотъ же самый, какъ и народнаго права, право государственнаго. Главное отличіе новѣйшихъ временъ отъ среднихъ вѣковъ и первыхъ трехъ вѣковъ новой исторіи заключается именно въ томъ, что этотъ послѣдній принципъ совершенно измѣнился. Вотъ почему новое гражданское общество не похоже на старое, и вотъ почему мы говоримъ, что существуетъ прогрессъ. Между тѣмъ, первый принципъ, принципъ такъ-называемаго международнаго права, juris gentium, остался прежній; а потому и международныя отношенія въ новѣйшія времена ничѣмъ не отличаются отъ средневѣковыхъ. Но въ то дикое время, было все-таки единство внутренняго

устройства и международныхъ отношеній. Теперь это единство утратилось, источникъ и принципъ права международнаго противорѣчатъ источнику и принципу права государственнаго — и вотъ отсюда является, въ добавокъ къ кулачной расправѣ, еще необходимость фальши, фарисейства, попытокъ къ оправданію завоеваній въ самомъ обществѣ.

Чтó осталось отъ трактатовъ 1815-го года, которыми безъ всякаго участія народовъ установлено было мнимое публичное право Европы? Только одни границы между Россіею и Пруссіею, Россіею и Австріею. Но столько осталось, пожалуй, и отъ вестфальскаго трактата: имъ впервые признана независимость Швейцаріи. Вѣнскіе трактаты, виллафранкскій, пражскій трактаты, не говоря о разныхъ второстепенныхъ конвенціяхъ — вотъ сколько *основъ* такъ-называемаго международнаго права пали однѣ за другими, пали именно по внутренней своей малоцѣнности. И нелѣпо было бы упрекать кого либо въ ихъ нарушеніи или неисполненіи; трактатъ донынѣ есть монета случая; она имѣетъ цѣну и обращается пока держится случай, который ее произвелъ. Трактаты не суть дѣло свободнаго соглашенія, хотя даже однихъ кабинетовъ: ни одинъ изъ сейчасъ названныхъ трактатовъ отъ 1815-го до 1866-го года, ничѣмъ не отличается отъ вестфальскаго трактата 1648 года. Всѣ они, какъ и онъ, явились только какъ удостовѣреніе факта побѣды, захвата однѣхъ сторонъ и подчиненія другихъ сторонъ. Удивляться ли, что какъ только фактическія условія измѣнялись, трактаты летѣли въ клочки? Это было совершенно естественно, ибо внутренней цѣнности они не имѣютъ. Они не суть акты народныхъ соглашеній, а просто записанные факты побѣдъ. Россія стѣснялась еще трактатомъ 1856 года 14 лѣтъ; а давно ли подписана конвенція о Люксембургѣ?

Въ числѣ противниковъ враждебныхъ дѣйствій противъ Россіи, вслѣдствіе отмѣны трактата 1856-го года, въ самой Англіи, выступилъ и Дж. Ст. Милль въ журналѣ „Fortnightly Review", со статьею, въ которой проводится оригинальная мысль. Милль исходитъ изъ принципа обязательности трактатовъ, но говоритъ, что въ настоящемъ случаѣ державы виноваты были сами, возложивъ на Россію условія несправедливыя и унизительныя, такія условія, которыя она не могла переносить вѣчно. Относительно же самой формы, въ которой Россія сбросила съ себя эти условія, знаменитый англійскій публицистъ находитъ и въ нравственномъ отношеніи удовлетворительнѣе начать съ открытаго провозглашенія своего намѣренія, чѣмъ тайно готовиться къ нарушенію обязательства, въ то время, когда другія стороны полагаются на сохраненіе его. Но оригинальность мысли Милля состоитъ въ томъ собственно, что укрѣпить силу трактатовъ можно, отмѣнивъ неопредѣленность ихъ дѣйствія во времени. Въ настоящее время, разсуждаетъ онъ, политическіе трактаты заключаются „на вѣчныя времена". А такъ какъ очевидно, что вѣчно никакой трактатъ дѣйствительности соотвѣт-

ствовать не можетъ, то вошло, по необходимости, въ практику, придавать имъ только условное, временное значеніе; такимъ образомъ, вѣчными они все-таки не остаются, и весь вопросъ въ томъ, кто и при какихъ условіяхъ нарушаетъ ихъ; но нарушеніе, неизбѣжное само по себѣ, бываетъ неправильнымъ именно потому, что оно есть нарушеніе, а не предвидѣнное впередъ истеченіе срока. Въ опору своей мысли, Милль ссылается на фактъ, что торговые трактаты и въ настоящее время заключаются только на опредѣленный срокъ, а потому и не отмѣняются до срока. Поэтому, онъ предлагаетъ, чтобы политическіе трактаты заключались не иначе, какъ на „умѣренное продолженіе времени", за исключеніемъ, конечно, территоріальныхъ уступокъ, которые Милль признаетъ окончательными, такъ какъ онѣ представляютъ право поземельной собственности.

Милль полагаетъ, что еслибы и трактатъ 1856-го года былъ заключенъ прямо лѣтъ на 20 или 25, то онъ и продержался бы свое время, а будучи заключенъ на вѣчныя времена, онъ былъ нарушенъ черезъ 14 лѣтъ. „Такъ какъ срока опредѣлено не было, то Россія и опредѣлила срокъ сама, и разумѣется, избрала тотъ, который былъ пригоднѣе",—такъ продолжаетъ Милль. „Она не имѣла причинъ вѣрить, что освобожденіе, котораго она желала, было бы предоставлено ей добровольно, на какихъ бы то ни было подходящихъ для нея условіяхъ; и вотъ она выбрала такой случай, который, если бы она за него не ухватилась, быть можетъ долго бы не представился опять, такой случай, когда прочіе участники договора были бы въ положеніи болѣе чѣмъ обыкновенно неблагопріятномъ, для начатія (съ ней) войны". Взглядъ Милля на положеніе Россіи совершенно вѣренъ, и затѣмъ *его* упрекъ Россіи, состоящій въ томъ собственно, что она не хотѣла смягчить своего шага такъ, чтобы не слишкомъ поколебать довѣріе къ трактатамъ, а напротивъ того, сдѣлала этотъ шагъ именно такъ, чтобы „поразить человѣчество (startle mankind)"—представляется, послѣ всего имъ же сказаннаго, ужъ слишкомъ „субтильнымъ".

Мысль о необходимой срочности трактатовъ оригинальна, но едва ли осуществленіе ея привело бы къ прочности трактатовъ, хотя и временныхъ. Достаточно вспомнить, что большинство трактатовъ опредѣляютъ именно границы или самый составъ государствъ; и такъ, къ большинству трактатовъ все бы не могла же быть примѣнена мысль Милля. Главное то, что срочность не измѣнила бы внутренней цѣнности трактатовъ. О прочности международныхъ обязательствъ напрасно и думать, пока сами народныя представительства остаются простыми *машинами* для ихъ утвержденія. Весь ходъ международныхъ дѣлъ составляетъ исключительную сферу дипломатіи, и затѣмъ трактаты, утверждаемые палатами безъ возможности не утверждать ихъ, не могутъ быть разразсматриваемы какъ истинно-международныя соглашенія, и всякая

сторона сбросить съ себя условіе стѣснительное или унизительное вполнѣ законно, какъ законно употребленіе силы противъ силы.

При отсутствіи внутренняго согласія права международнаго съ правомъ народнымъ, нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что войны во второй половинѣ XIX-го столѣтія могутъ быть столь же часты, а практика ихъ столь же ужасна, какъ нѣсколько столѣтій тому назадъ. Онѣ права не создаютъ всего, надо еще умственное развитіе, это вѣрно. Но и одно умственное развитіе, очевидно, не въ состояніи вліять на ходъ дѣла, пока ему такого вліянія не предоставили положительныя права. Теорія международныхъ отношеній оттого до сихъ поръ всегда и оставалась теоріею. Эта теорія охотно изобрѣтала себѣ мнимые раціональные принципы, какъ-то: равновѣсіе Европы, необходимость закругленія государства, естественныя границы, необходимость владѣть устьемъ рѣки, и т. п. Но всѣ принципы оказались ничѣмъ болѣе, какъ предлогами для войнъ. Къ нимъ же, къ этимъ предлогамъ, мы должны, самымъ положительнымъ образомъ, причислить и принципъ религіи, и принципъ національностей.

Изъ нихъ первый пересталъ уже прилагаться къ настоящему времени, хотя былъ примѣненъ еще весьма недавно; второй же—это нынѣшнее Schlagwort для оправданія международной рѣзни. Вся разница этихъ двухъ предлоговъ отъ исчисленныхъ выше состоитъ въ томъ, что именно *они* вызывали всегда войны наиболѣе жестокія, наиболѣе истребительныя, потому именно, что здѣсь сама масса народа отчасти поддавалась ослѣпленію предлоговъ.

Въ дѣйствительности политика въ Европѣ никогда не опредѣлялась мнимымъ международнымъ правомъ, и просто зависѣла отъ честолюбія нѣсколькихъ могущественныхъ государствъ. Это и было понятно до тѣхъ поръ, пока государство и внутри себя представляло только силу. Между этими державами всегда основной вопросъ, одѣваемый въ разныя формы, былъ вопросъ *о преобладаніи*. Между Франціею и Германіею первенство переходило съ одной стороны на другую уже не одинъ разъ. Было время первенства Россіи. Даже Испанія имѣла свою эпоху преобладанія. Франція разрушила первую германскую имперію, и на развалинахъ Франціи возникла вторая германская имперія.

Будетъ ли эта имперія прочнымъ оплотомъ для міра?—вопросъ, котораго рѣшеніе опять-таки совершенно зависитъ отъ степени того вліянія, какое съумѣетъ и сможетъ оказать на внѣшнюю политику Германіи само германское общество. Пора возбужденія, которое въ самомъ этомъ обществѣ заглушаетъ голосъ холоднаго разсудка, пройдетъ. Очень скоро настанетъ то время, когда огромное большинство германскаго народа возвратится къ естественному своему нерасположенію къ завоевательной политикѣ, и не потому собственно, какъ твердитъ „Times“

что нѣмцы миролюбивый народъ, а просто потому, что всякая война для завоеваній не обѣщаетъ прибыли никакому народу, а приноситъ ему однѣ жертвы. Весь вопросъ, стало быть, въ томъ, въ какой мѣрѣ германскій народъ будетъ имѣть вліяніе на внѣшнюю политику имперской власти. Партія прусскихъ національныхъ либераловъ утѣшаетъ себя мыслью, что сама настоящая война обнаружила слишкомъ сильный порывъ единомыслія во всемъ германскомъ народѣ, чтобы послѣ нея возможно было отодвинуть народъ въ сторону и сообразаться единственно съ гогенцоллернскими преданіями. Примѣръ 1813—1815 годовъ забытъ, какъ особенно способны забываться подобные примѣры. Народное единодушіе и инціатива въ войнѣ 1813-го года были не менѣе поразительны, чѣмъ теперь. А между тѣмъ, когда народъ исполнилъ дѣло, его преспокойно отставили въ сторону. Во всякомъ случаѣ, самое притязаніе на присоединеніе Эльзаса и Лотарингіи, а также и рѣзкое заявленіе германскаго канцлера относительно Люксембурга доказываютъ, что сама дипломатія новой имперіи въ собственной своей природѣ никакихъ гарантій либеральной самосдержанности не представляетъ, потому, что эти притязанія предполагаютъ полное сохраненіе прежней извѣстной системы „хозяйничанья" цѣлыми населеніями, противъ явной ихъ воли, и даже въ наказаніе имъ за высказанное нерасположеніе. Итакъ, повторяемъ, исторія возлагаетъ нынѣ на германскій народъ неоспоримое, великое призваніе: недовольствуясь военными лаврами, сохранить силу духа и единодушіе и въ то время, когда прекратится напряженіе войны, и мирною силою общаго единодушія довести развитіе своихъ внутреннихъ учрежденій до того, чтобы они послужили самой Германіи лучшею гарантіею мира, чѣмъ присоединеніе Эльзаса, Лотарингіи или Люксембурга. Если могущественнѣйшее государство въ Европѣ, и притомъ лежащее въ центрѣ Европы, прониклось общественнымъ вліяніемъ на дѣла хоть до такой степени, какъ то видимъ въ Англіи — въ такомъ случаѣ самое могущество этого государства было бы дѣйствительною гарантіею обще-европейскаго мира.

Для этого необходимо, конечно, чтобы не только по одному закону нельзя было депутатовъ арестовывать за рѣчи, произнесенныя въ парламентѣ, какъ-то фактически немыслимо въ Англіи. Но напрасно было бы думать, что нѣмцы вообще неспособны энергически держаться закона. Въ своей собственной исторіи Германія найдетъ примѣръ, когда фактъ нарушенія закона оказывался невозможнымъ: достаточно сослаться на энергическую, и притомъ мирную оппозицію, какую кургессенцы противопоставили попыткамъ нарушенія своей конституціи 1831-го года. Это было въ 1850-мъ году. Не только палата отвергла всякія подобныя попытки и сдѣлала то, что сдѣлала бы всякая англійская палата общинъ, для поддержанія закона, но даже когда, знаменитый по общей

ненависти запятнавшей его имя, министръ Гассенпфлугъ объявилъ въ странѣ отмѣну дѣйствія всѣхъ законовъ посредствомъ объявленія военнаго положенія, то этотъ государственный переворотъ вовсе не могъ быть осуществленъ средствами самого кургессенскаго правительства: точно такъ какъ было бы въ Англіи—государственный переворотъ не былъ никѣмъ признанъ въ странѣ, суды отказались судить по военному положенію, и сама масса административныхъ силъ пребыла на стражѣ закона.

Извѣстно, что Гассенпфлугъ все-таки достигъ своей цѣли; но онъ достигъ ея посредствомъ вмѣшательства Союза, посредствомъ введенія въ Кургессенъ австрійскихъ войскъ. Прежній Германскій Союзъ и не былъ годенъ ни для чего болѣе, какъ для экзекуцій и „общихъ соглашеній" объ „общихъ мѣрахъ" относительно прессы и т. д. Это и были единственныя „соглашенія", къ какимъ успѣшно приходили на франкфуртскомъ бундестагѣ правительства Союза. Необходимо, чтобы *въ этомъ именно и лежало коренное отличіе* нынѣшней формы германскаго объединенія отъ предшествовавшей, т.-е., чтобы нынѣшняя форма обезпечивала развитіе народа, а не единство полицейскихъ мѣръ.

Само прусское правительство имѣетъ въ своей исторіи достаточно поучительные въ этомъ отношеніи примѣры. Такъ, ограничиваясь уже приведеннымъ нами, напомнимъ, что прусскія войска вступили-было въ Кургессенъ, одновременно съ австрійцами, для поддержанія какъ идеи новаго Союза (Union), такъ и кургессенской конституціи. Встрѣча ихъ съ австрійцами при Бронцеллѣ, и отступленіе ихъ, а затѣмъ увольненіе Радовица и поѣздка Мантейфеля въ Ольмюцъ — представляютъ самые унизительные для самой прусской дипломатіи воспоминанія. Въ это униженіе Пруссію повергла *реакція*, которой она поддалась.

Бросимъ бѣглый взглядъ на прежнія формы объединенія Германіи. Всѣ эти формы были до того неудовлетворительны, что въ настоящее время о нихъ нѣмцамъ слѣдуетъ вспомнить собственно для того, чтобы избѣгнуть чего-либо сколько-нибудь похожаго на нихъ въ будущемъ. Чѣмъ менѣе новая имперія будетъ походить на эти старыя формы, тѣмъ лучше. Впрочемъ, всѣ эти формы все-таки выражали, въ теченіи десяти вѣковъ „идею" единства Германіи. Правда, единство это выражалось довольно оригинальнымъ образомъ. Такъ, „священная римско-германская имперія", вмѣщала въ себѣ 289 владѣній. Эта цифра соотвѣтствуетъ 1786-му году, т.-е. тому времени, когда Пруссія уже окончательно поколебала въ имперскомъ союзѣ единство власти и положила начало тому „дуализму", который впослѣдствіи мѣшалъ согласному дѣйствію Германіи въ дѣлахъ внѣшнихъ и внутреннихъ.

Образованіе подъ бокомъ у одряхлѣвшей имперіи предпріимчиваго военнаго прусскаго государства положило собственно уже начало неизбѣжному разложенію германской имперіи. Окончательный ударъ на-

несъ имперіи, какъ извѣстно, Наполеонъ, но ударъ этотъ былъ нанесенъ посреди такихъ обстоятельствъ, которыя показывали, что внутренній процессъ разложенія имперіи начался уже давно и дозрѣлъ до того періода, когда сильный толчекъ извнѣ долженъ былъ только его окончить.

Въ войнѣ 1804-го года южная Германія перешла на сторону Наполеона, а Пруссія не приняла участія. Наполеонъ пожаловалъ курфирстовъ баварскаго и виртембергскаго въ короли, и имперія признала это пожалованіе пресбургскимъ миромъ. Когда же въ 1806-мъ году Наполеону удалось образовать рейнскій союзъ подъ своимъ покровительствомъ, то имперія фактически пала, и Францъ II, сложивъ съ себя вслѣдъ за тѣмъ титулъ германскаго императора, исполнилъ одну формальность. Самъ рейнскій союзъ 1806-го года, основанный на униженіи Германіи, все-таки представлялъ идею германскаго единства, хотя въ формѣ тоже довольно странной, такъ какъ настоящая цѣль его заключалась въ томъ, чтобы выставлять 60-ти-тысячный контингентъ для французской арміи. Въ этомъ союзѣ участвовали также возведенныя Наполеономъ въ королевства (кромѣ Баваріи и Виртемберга, тоже входившихъ въ него)—Саксонія и Вестфалія, а также великія герцогства Баденъ, Гессенъ, Бергъ-Вюрцбургъ, Франкфуртъ и еще 26 менѣе крупныхъ владѣній.

Составъ германскаго союза 1815-го года слишкомъ извѣстенъ. Сѣмена разложенія онъ заключалъ въ себѣ, какъ и прежняя германская имперія, потому что въ него былъ внесенъ тотъ самый дуализмъ, который приготовилъ паденіе первой имперіи. Онъ былъ похожъ на нее и тѣмъ, что не имѣлъ народнаго представительства. Остроумные дипломаты придумывали много средствъ для устраненія вѣчнаго колебанія германскихъ вѣсовъ и всегдашней ихъ невѣрности, но средства только-что упомянутаго нами не предлагали, именно до шестидесятыхъ годовъ.

Главными кризисами въ существованіи Германскаго Союза были года 1849, 1850, 1863 и наконецъ 1866-й, окончившій его существованіе.

Затѣмъ идутъ ближайшія къ намъ событія. Изгнавъ Австрію изъ Германіи, Бисмаркъ тѣмъ самымъ осуществилъ единство Германіи вокругъ Пруссіи. Сѣверо-германскій Союзъ былъ уже совершенно готовою формою, въ которую не могло не вылиться полное единство Германіи. Внѣшній толчекъ только ускорилъ этотъ неизбѣжный процессъ.

И вотъ германская имперія, нѣкогда сломанная Франціею, какъ бы въ отмщеніе, остановилась на фактѣ пораженія Франціи. Существенное отличіе Сѣверо-германскаго Союза отъ его предшественника состояло въ томъ, что онъ внесъ въ себя начало народнаго представительства. Это начало перешло и въ новую германскую имперію, и вотъ

оно-то и многое обѣщаетъ въ будущемъ. Сѣверо-германскій Союзъ въ дѣйствительности былъ осуществленъ насиліемъ, точно такъ, какъ въ основаніи нынѣшней германской имперіи легла значительная доля національнаго возбужденія. То и другое придаетъ пока всей поступи, какъ прежняго Союза, такъ и имперіи, характеръ милитаризма. Но каковы бы въ этомъ ни были ошибки настоящаго, въ будущемъ *возможно* установленіе въ Германіи и при нынѣшнихъ учрежденіяхъ мирнаго внутренняго развитія и истинной свободы. Если мы ошибаемся, то тѣмъ хуже для Германіи и тѣмъ безпокойнѣе и опаснѣе для ея сосѣдей.

Уже самое различіе состава имперіи отъ Союза, самое присоединеніе южной Германіи даетъ опору противъ духа милитаризма. Въ этомъ отношеніи хорошее средство представляетъ статья 11-я новой конституціи, по которой право объявленія войны, во всѣхъ случаяхъ, обусловлено согласіемъ союзнаго совѣта. А въ союзномъ совѣтѣ число голосовъ возрасло съ 43 до 58, между тѣмъ, какъ число голосовъ, принадлежащихъ Пруссіи, осталось прежнее—17. Баварія, Саксонія и Виртембергъ имѣютъ въ сложности 14 голосовъ. Не даромъ кричатъ прусскіе національные либералы: вліяніе Пруссіи въ новой имперіи если въ дѣйствительности и не слабѣе, чѣмъ было въ Союзѣ, то со временемъ можетъ быть сдѣлано слабѣе, со временемъ, т.-е. когда улягутся страсти и люди станутъ смотрѣть трезвымъ взглядомъ на дѣйствительные свои интересы (говоря объ ослабленіи вліянія Пруссіи, мы разумѣемъ не общественную Пруссію, а собственно военную).

Но уже и во время дебатовъ на послѣдней сессіи сѣверо-германскаго сейма, при обсужденіи проекта новой конституціи и трактатовъ съ южными государствами достаточно высказалась возможность, что новая германская имперія будетъ современемъ вовсе не то, что мы видимъ теперь. Такъ, самъ президентъ Дельбрюкъ, открывая общее обсужденіе (засѣд. 5-го дек.), сказалъ, что чѣмъ могущественнѣе становится Союзъ, тѣмъ болѣе долженъ онъ уяснять передъ Европою свое чисто-оборонительное назначеніе. Положимъ, что союзъ оборонительный, въ которомъ приведеніе всѣхъ войскъ на военную ногу предоставлено исключительно усмотрѣнію прусскаго короля, обладаетъ такою оборонительною силой, которая легко можетъ перейти и въ наступательную. Но это опять-таки такъ кажется—теперь. А усиленіе федеративнаго элемента въ новой имперіи все-таки несомнѣнно и даетъ средство для будущаго, а потому и нельзя признать основательнымъ положенія, поставленнаго Бебелемъ (засѣд. 6-го дек.), что новая конституція неудовлетворительна не только съ соціалистической точки зрѣнія, но и съ точки зрѣнія монархической и конституціонной. Такія дѣла не дѣлаются вдругъ.

Національныхъ либераловъ возмущало усиленіе федеративнаго эле-

мента въ Союзѣ, а въ особенности то, что они называли Sonderstellung Баваріи. Новая конституція, предоставляя рѣшеніе вопроса о войнѣ союзному совѣту, допустила учрежденіе особой коммиссіи иностранныхъ дѣлъ для союзныхъ государствъ, подъ предсѣдательствомъ Баваріи. Этой коммисіи центральная власть, т.-е. прусское правительство, будетъ постоянно сообщать „свѣдѣнія" о ходѣ дѣлъ. Эта коммиссія будетъ, конечно, весьма невиннаго свойства. Опасность не въ ней, опасность именно въ томъ, чтобы элементы милитарные *на практикѣ* не одержали верхъ въ духѣ и направленіи дѣятельности новой имперіи. Мы считаемъ это маловѣроятнымъ; по нашему мнѣнію, когда пройдетъ періодъ возбужденія, то *на практикѣ* одержитъ верхъ здравый смыслъ нѣмецкаго народа. Но опасность эта все-таки есть; она представляется со стороны того именно милитаризма, который возобновилъ въ исторіи примѣръ полнаго разоренія покоренной страны. Когда ганноверскій профессоръ (засѣд. 6-го дек.) намекнулъ на цезаризмъ, сославшись на гибельность его для Франціи, то національные либералы смѣялись очень долго (langanhaltende Heiterkeit), но едва ли очень искренно. Духъ „папá Врангеля", который предлагалъ покойному королю, для устраненія конституціоннаго затрудненія, „призвать трехъ фельдфебелей"—этотъ духъ въ Пруссіи вовсе не мечта и понынѣ. Но не надо забывать, что въ обыкновенное, нормальное время духъ этотъ въ самой Пруссіи, при каждомъ своемъ проявленіи, встрѣчается съ глубокою ненавистью со стороны всего общества. Не только die Junker (т.-е. феодалы) вошли въ Пруссіи въ пословицу; еще раньше вошли въ пословицу die Lieutenants. Въ южной же Германіи милитаризмъ не найдетъ опоры—чего нельзя сказать за то о клерикализмѣ.

Въ новой конституціи къ общему законодательству для всего Союза причислены и законы о печати. Но въ настоящее время въ южныхъ государствахъ законы о печати болѣе либеральны, чѣмъ въ Сѣверо-германскомъ Союзѣ. Не только нѣтъ штемпеля, но и есть большая свобода. Къ сожалѣнію, рейхстагъ не принялъ дополненія, предложеннаго къ этой (4-й) статьѣ прогрессистомъ Дункеромъ, въ томъ смыслѣ, что никакія „предупредительныя" мѣры противъ печати и никакое стѣсненіе ея обращенія не допускаются (засѣд. 7-го дек.). Національные либералы слишкомъ увлечены военными пріобрѣтеніями; за предложеніе Дункера подали голоса только прогрессисты. Но замѣчательно, что за это предложеніе подалъ голосъ Ласкеръ, одинъ изъ самыхъ первыхъ членовъ національной либеральной партіи, и въ дѣйствительности — глава ея.

Депутатъ Маллинкрáтъ (католикъ, засѣд. 9-го дек.) привѣтствовалъ возстановленіе словъ Kaiser и Reich, съ своей точки зрѣнія. Тутъ, хотя и есть опасность, но гораздо меньшая, чѣмъ та, о которой упомянуто уже не разъ. Въ этомъ же засѣданіи произнесъ свою рѣчь

Либкнехтъ, стоявшій на томъ, что „единство истинное было возможно въ 1849-мъ году, но изъ рукъ народа гогенцоллерны не хотѣли принять короны". Но это, очевидно, одна рекриминація; если народъ желалъ единства, то долженъ быть доволенъ тѣмъ, что оно осуществилось; остальное — вопросъ времени. Но нельзя при этомъ не замѣтить неприличнаго обращенія президента Симсона къ Либкнехту (онъ напомнилъ оратору, что „онъ имѣетъ честь находиться въ собраніи почтенныхъ и образованныхъ людей") и еще болѣе неприличнаго „всесторонняго браво", которое раздалось при этомъ. Эта манера Морни и Шнейдера въ законодательномъ корпусѣ, вызывавшая такое же „гоготанье" со стороны большинства, отрекшагося отъ всякаго достоинства и независимости.

Трактатъ съ Баваріею былъ въ заключеніе принятъ гораздо болѣе значительнымъ большинствомъ, чѣмъ можно было ожидать. Удержаніе за Баваріею права содержать посланниковъ, и отдѣльность баварской арміи—возмущало національныхъ либераловъ. Но, при подачѣ голосовъ, они всѣ стали на сторону трактата, и онъ былъ принятъ большинствомъ 195 голосовъ противъ 32.

Послѣ сѣверогерманскаго сейма собирался въ Берлинѣ прусскій ландтагъ. Національно-либеральная партія хотѣла окончить всю сессію этого сейма до праздниковъ. Но прогрессистская партія не допустила такого „сокращенія" ландтага, настоявъ на соблюденіи всѣхъ формъ бюджетнаго разсмотрѣнія! Вслѣдствіе того, пришлось отсрочить засѣданія до 5-го янв., съ тѣмъ, чтобы продолжать потомъ обсужденіе бюджета. При обсужденіи бюджета министерства народнаго просвѣщенія, не могъ не представиться и на этотъ разъ вопросъ о чисто анти-народномъ направленіи прусскаго министра духовныхъ дѣлъ и народнаго просвѣщенія, Мюлера. Система Мюлера состоитъ въ полнѣйшемъ подчиненіи духовенству школы, а въ программы преподаванія на низшихъ степеняхъ онъ ввелъ такую систему фарисейства, которая должна глубоко возмущать каждаго истиннаго христіанина. Не только языку, но и ариѳметикѣ учатъ по библейскимъ примѣрамъ, и ни одно правило не можетъ быть выясняемо иначе, какъ на библейскихъ числахъ: годахъ жизни патріарховъ, хронологіи царства іудейскаго и израильскаго и т. п. Положеніе народнаго обученія въ Пруссіи и у насъ можно противупоставлять одно другому, какъ крайности, только съ точки зрѣнія успѣха вообще учебнаго дѣла въ Пруссіи; а потому неудивительно, что здравомыслящіе люди въ Пруссіи тѣмъ не менѣе сильно вооружены противъ Мюлера и давно требуютъ его смѣны. Но въ Пруссіи все-таки самыя средства для начальнаго обученія существуютъ уже давно, и были въ полномъ дѣйствіи уже до назначенія Мюлера. Представьте же себѣ, какъ отнеслось бы къ Мюлеру общество, еслибы даже и самыхъ средствъ, т. е. школъ и учительскихъ се-

минарій почти вовсе не было, а іезуитъ-Мюлеръ не хотѣлъ бы и создавать ихъ, а только утѣшалъ бы общество періодическими отчетами о высотѣ религіознаго чувства въ народѣ. Фанатики всѣхъ исповѣданій, конечно, стоятъ за Мюлера, и лучшее свидѣтельство выдали ему римскіе іезуиты, подавъ мысль о „временномъ" переѣздѣ папы въ Кёльнъ подъ сѣнь новой германской имперіи, украшенной такимъ отчаяннымъ врагомъ современныхъ идей, каковъ именно протестантскій іезуитъ Мюлеръ.

Извѣстно, что въ Пруссіи существуетъ огромное число учительскихъ семинарій. Однакожъ, при обсужденіи статьи смѣты, опредѣляющей расходъ на учительскія семинаріи, коммисія палаты сдѣлала предложеніе о „настоятельнѣйшей потребности учрежденія новыхъ или распространенія существующихъ учительскихъ семинарій". Предложеніе это было принято, хотя прогресисты вотировали противъ него, по недовѣрію къ министру; у нихъ было на умѣ: timeo Danaos! И въ самомъ дѣлѣ, можно себѣ представить, какъ способенъ такой іезуитъ, какъ Мюлеръ, исказить лучшія идеи и сдѣлать изъ нихъ новое орудіе обскурантизма. Потому мы нисколько не удивляемся, что Мюлеръ дѣлаетъ либеральныя предложенія, а либералы отказываются отъ нихъ.

Въ этомъ засѣданіи министру народнаго просвѣщенія пришлось выслушать горькую правду. Одинъ изъ членовъ ландтага упрекалъ министра въ томъ, что послѣдній не можетъ дать движенія проекту училищнаго преобразованія. Еще за семь мѣсяцевъ до войны, представленная Мюлеромъ полумѣра была взята имъ обратно изъ коммисіи палаты. Съ тѣхъ поръ дѣло такъ и остается безъ движенія, хотя самъ Мюлеръ въ войнѣ участія не принимаетъ. „Мы сожалѣемъ объ этомъ — сказалъ Лёве — потому что это тѣ реформы, которыхъ такъ давно требуетъ страна и которыя такъ долго затягиваются, и въ особенности еще потому, что это реформы, касающіяся нашей умственной жизни. А потому именно, что потребность въ этихъ реформахъ такъ велика, что реформы эти такъ важны и что онѣ такъ долго были затягиваемы, потому и сожалѣемъ мы прежде всего о томъ, что во главѣ этого министерства остается человѣкъ, который нисколько не пользуется сочувствіемъ народа, который, во все время своего пребыванія въ министерствѣ, не смогъ удовлетворить ни одной изъ этихъ потребностей, а на оборотъ, каждымъ проектомъ, съ какимъ онъ только выступалъ, доказывалъ постоянно, что его направленіе діаметрально противуположно духу народа".

Такое отношеніе въ Пруссіи къ правительственнымъ дѣйствіямъ позволяетъ не отчаяваться за будущность Германіи въ формѣ второй нѣмецкой имперіи. Вообще, чѣмъ меньше она будетъ похожа на первую, или на свою соименницу во Франціи, тѣмъ лучше. Но сама общественная Германія, въ ея обычаяхъ и взглядахъ сдѣлала такіе великіе

успѣхи, до такой степени привыкла ставить выше всего (исключая моменты возбужденія, конечно), *уваженіе правъ личности*, строгое безпристрастіе суда, невозможность системы основанной на шпіонствѣ и безправіи личности, что можно ожидать хорошихъ результатовъ и отъ нынѣшней формы ея объединенія, лишь бы она съ самаго начала не занялась системою захватовъ провинцій, вовсе ненужныхъ народу.

Между тѣмъ какъ совершалось основаніе второй германской имперіи, герои второй французской имперія не удовольствовались самоуничтоженіемъ на дѣлѣ; они не захотѣли пребыть въ молчаніи, приличномъ ихъ личному ничтожеству. Живя и дѣйствовавъ всегда ложью, они теперь выступили съ новой ложью въ оправданіе своихъ послѣднихъ подвиговъ. Это показываетъ ихъ намѣреніе жить и дѣйствовать еще въ будущемъ. Но оправданія, представленныя ими „на судъ общественнаго мнѣнія“, также жалки, какъ и самые подвиги, коимъ они посвящены. Вышли двѣ наполеоновскія брошюры: одна, посвященная Седану [1]), приписывается самому Людовику-Наполеону; другая, посвященная Мецу [2]), имѣетъ авторомъ самого Базена. Это два вполнѣ удачныя покушенія на нравственное самоубійство. Мы упоминаемъ о нихъ, потому что есть еще люди вѣрящіе въ возможность возстановленія третьей имперіи во Франціи. Достаточно сопоставить эти признанія седанскаго и метцскаго героевъ съ тѣмъ, что сама Франція въ дѣйствительности сдѣлала со времени ихъ паденія, чтобы убѣдиться въ совершенной невозможности подчиненія вновь этой страны этому правленію. Какъ ни фразиста, а подчасъ и ошибочна была дѣятельность адвоката Гамбетты, направляющаго усилія провинцій, какъ ни малоуспѣшны были до сихъ поръ наступательныя дѣйствія „генераловъ-писателей“ Трошю и Дюкро—но между ихъ, во всякомъ случаѣ, сознательною и энергичною работою, опирающеюся на усилія страны, и тѣмъ полнымъ безсиліемъ бонапартизма, которое обусловилось не только его бездарностью, но въ особенности отчужденіемъ его отъ страны,—невозможно никакое сравненіе. Это вещи совершенно не однородныя, и послѣ того, какъ даже настоящая анархія, существовавшая во Франціи въ теченіи почти мѣсяца, сдѣлала несравненно болѣе для защиты страны, что громкій наполеоновскій авторитетъ, послѣ того, какъ войска созданныя „адвокатомъ“ выказали въ десяткахъ битвъ съ германскими арміями несравненно болѣе стойкости, нравственной силы и даже военнаго умѣнья, чѣмъ жандармскія арміи декабрьской си-

[1]) Campagne de 1870; des causes qui ont amené la capitulation de Sédan. Par un officier attaché á l'Etat-Major-Général. Bruxelles.

[2]) Rapport sommaire sur les opérations de l'armée du Rhin du 13 août au 29 octobre 1870. Berlin.

темы—возстановленіе послѣдней стало фактомъ и нравственно и физически-невозможнымъ, или послѣ того мы затруднимся представить вообще примѣръ чего нибудь невозможнаго.

Послушать Наполеона III, такъ онъ лично ни въ чемъ не виноватъ. Войну (пятую) онъ началъ не по своей волѣ, а по волѣ Франціи. О неравенствѣ силъ Франціи и Германіи онъ зналъ. Онъ зналъ, что Франція могла выставить въ поле не болѣе 300 т. чел. противъ 450 т. пруссаковъ и 100 т. южныхъ нѣмцовъ, но хотѣлъ „замѣнить численную слабость *быстротою движеній* (!)“ По его словамъ, онъ разсчитывалъ сдѣлать вотъ что: перейти Рейнъ между Раштадтомъ и Гермерсгеймомъ, отдѣлить югъ Германіи отъ сѣвера, и быстрымъ ударомъ склонить на свою сторону Австрію и Италію. Какою ироніею все это кажется теперь! Но онъ ошибся: армія, собранная въ Метцѣ, оказалась не въ 150, а только въ 100 т. чел.; армія, собранная въ Страсбургѣ, вмѣсто 100 т. оказалась въ 40 т.; корпусъ Канробера, назначенный стоять въ Шалонѣ въ видѣ резерва, не собрался вó-время. Сверхъ того, ни одна часть войскъ не была снабжена всѣмъ необходимымъ для открытія военныхъ дѣйствій. Пока онъ ждалъ, произошли битвы при Вейссенбургѣ, Вёртѣ и Форбахѣ. „Смѣлый починъ нѣмцевъ захватилъ насъ въ самомъ актѣ нашей формаціи“, свидѣтельствуетъ авторъ. Тогда императоръ хотѣлъ отступить къ Шалону, но Олливье будто бы отсовѣтывалъ ему, и онъ послушался. Затѣмъ онъ, стянувъ свои силы, рѣшился напасть на нѣмцевъ до соединенія ихъ главныхъ силъ, но „къ сожалѣнію“ не онъ напалъ на нѣмцевъ, а нѣмцы напали на него. Онъ хотѣлъ тогда идти на Парижъ, но регентство, т.-е. управленіе Монтобана не хотѣло допустить этого, и требовало, чтобы Мак-Магонъ шолъ освободить Метцъ. Императоръ не могъ дѣйствовать противъ воли регентства, и т. д., и т. д. Однимъ словомъ, исторія кончилась Седаномъ потому только, что Наполеона III-го никто не слушался, ни непріятель, ни свои. Непріятель не ожидалъ, пока онъ назначитъ время для серьезныхъ дѣйствій, и билъ его, не справляясь о его диспозиціяхъ; а свои помыкáли имъ по своему капризу и не хотѣли слушаться langage de la raison, съ какимъ онъ обращался къ нимъ. Эта брошюра, если она въ самомъ дѣлѣ сочинена Наполеономъ, хороша тѣмъ, что можетъ служить какъ публичное признаніе имъ своего личнаго ничтожества.

Самообличеніе Базена и его сподвижниковъ также весьма полно. Что Базенъ измѣнилъ Франціи—это давно не подлежало сомнѣнію: объ этомъ свидѣтельствовало негодованіе жителей Метца, записка о происках главнокомандующаго въ офицерской средѣ, напечатанная послѣ сдачи Метца нѣсколькими офицерами, наконецъ напечатанное письмо метцскаго коменданта Коффиньера, который, правда, говоритъ только о „совершенной неспособности Базена“—но это выраженіе, очевидно,

употреблено только для благозвучія. Мы не утверждаемъ, конечно, что Базенъ взялъ съ пруссаковъ деньги за сдачу имъ крѣпости. Но что онъ измѣнилъ Франціи—въ этомъ нѣтъ возможности сомнѣваться, хотя совершенно вѣрно и то, что въ то время, когда онъ сдалъ свою армію, онъ уже не могъ не сдать ее. Но онъ разсчитывалъ именно на то, чтобы или выйти изъ Метца во главѣ своей арміи съ позволенія пруссаковъ, для поддержанія наполеоновскаго правленія, другими словами—для производства во Франціи междоусобной войны; если же это не удастся, то-есть если пруссаки въ *то время* не согласились бы на такой планъ, то сохранить возможность приведенія его въ исполненіе въ будущемъ. Для этого надо было сохранить прежде всего армію Наполеону, а Франціею пожертвовать. А чтобы армія сдалась безпрекословно, надо было довести ее до безусловной необходимости сдаться. Все это Базенъ сдѣлалъ, и все это удостовѣряется тѣми фактами, которые онъ излагаетъ въ своей брошюрѣ. Неспособность его проявилась въ битвахъ 31-го августа и 1-го сентября; тогда онъ дѣйствовалъ еще искренно, ибо Наполеонъ былъ еще во Франціи. Но съ тѣхъ поръ, и до конца октября, то-есть въ продолженіи 1½ мѣсяца, Базенъ съ 170 т. солдатъ, имѣя противъ себя никакъ не болѣе 200 т. чел., не сдѣлалъ ни одной серьезной попытки, а только занимался политическими переговорами съ графомъ Бисмаркомъ и императрицею Евгеніею, ожидая, что его выпустятъ *на Францію*. Съ этой цѣлью онъ посылалъ генераловъ Бойе́ и Бурбаки. Графъ Бисмаркъ далъ ему запутаться въ своихъ же сѣтяхъ; но еслибы онъ и не сдѣлалъ этого, а согласился бы на предложенія Базена и выпустилъ его съ арміею изъ Метца, то и тогда Базенъ былъ бы точно такой же измѣнникъ своему отечеству, каковъ онъ теперь. Наконецъ узнавъ, уже 18-го октября, о неуспѣхѣ предложеній Бойе́, Базенъ пропустилъ еще 8 дней совершенно даромъ. Полтора мѣсяца онъ ничего не дѣлалъ, а только интриговалъ съ непріятелемъ и велъ дѣло къ тому времени, когда выйдутъ всѣ припасы. Когда этотъ срокъ насталъ, когда не было уже лошадей, чтобы везть пушки въ поле и багажъ за арміею—тогда Базенъ, 25-го октября, послалъ къ Фридриху—Карлу генерала Шангарнье, чтобы прикрыться его авторитетомъ. Военному совѣту, созванному 26-го числа, не осталось ничего рѣшать, какъ рѣшиться положить оружіе.

Вотъ факты, какъ они явствуютъ изъ брошюры самого Базена. Затѣмъ онъ оправдывается своею „забывчивостью" въ томъ, что не уничтожилъ знаменъ до капитуляціи. Но зачѣмъ же ихъ было бы уничтожать, когда весь разсчетъ состоитъ въ томъ, что они будутъ возвращены арміи Наполеона III самимъ прусскимъ правительствомъ? И вотъ, среди двухъ безмолвныхъ рядовъ вооруженныхъ германцовъ-побѣдителей—показалась передовая колонна базеновской арміи—пьяная дивизія знаменитаго Лебёфа, и прошла изумивъ нѣмцевъ и англи-

чанъ своими непристойными жестами, скачками и пѣснями. Эти веселые побѣжденные, они ли — французская армія будущности, армія третьей имперіи?

Неужели же Франція нравственно упала такъ низко, чтобы это было возможно? Нѣтъ, достаточно мы сказали, сравнить съ дѣлами бонапартовской полной военной организаціи то, что сдѣлала страна съ тѣхъ поръ одна, оставленная на произволъ судьбы, ту военную импровизацію, съ которою выступила страна посреди анархіи, чтобы убѣдиться, что Франція не пала такъ низко, какъ думаютъ герои Седана и Метца, не пала до уровня ихъ возстановленія.

Парижане признали своимъ военнымъ начальникомъ Трошю и, несмотря на нѣкоторые вздорные бунты, остались вѣрны своему выбору. Голосованіе въ Парижѣ подтвердило полномочіе правительства обороны. Трошю не потерялъ времени: призвавъ флотъ, онъ позаимствовалъ у него сильныя орудія, которыми и снабдилъ главные форты Парижа, взявъ для управленія ими и опытную артиллерійскую прислугу съ флота. Не имѣя въ своемъ распоряженіи никакой арміи, кромѣ 20 т. чел. генерала Винуа, онъ составилъ и мало-по-малу обучилъ армію весьма многочисленную, и, какъ показала послѣдняя вылазка Дюкро, имѣющую въ себѣ элементы весьма стойкіе. Фортификаціи Парижа, онъ вмѣстѣ съ Доріаномъ, министромъ публичныхъ работъ, дополнилъ; особенно важны работы произведенныя ими для укрѣпленія югозападной и южной линій, представляющихъ наиболѣе слабые пункты защиты.

Гамбетта, по выраженію одной англійской газеты „спустившись съ облаковъ", изъ 20 т. мобилей, разбитыхъ остатковъ орлеанской арміи, составилъ луарскую армію, которая оказалась во всякомъ случаѣ лучше наполеоновской, потому что умѣла всегда и имѣть свѣдѣнія о непріятелѣ, и нападать на него столько же разъ, сколько онъ нападалъ на нее, и наконецъ отступать сражаясь и не бѣжать въ разстройствѣ или сдаваться цѣликомъ.

Въ срединѣ октября, луарская армія еще считалась миѳомъ; даже въ концѣ октября, корреспондентъ „Daily News", три раза къ ряду опредѣлялъ различно ея численность, и всякій разъ въ меньшую цифру: сперва въ 80 т., потомъ въ 60 т., потомъ въ 40 т. Между тѣмъ, уже 9-го ноября эта армія одерживаетъ побѣду, при Куломье, беретъ Орлеанъ и быстрымъ движеніемъ къ сѣверу, по направленію къ Эвре, приводитъ въ безпокойство нѣмецкихъ военачальниковъ подъ Парижемъ. Затѣмъ, по соглашенію съ парижскими войсками, луарская армія идетъ на Фонтенбло съ цѣлью соединиться съ вылазкою изъ Парижа съ восточной и юговосточной стороны. И послѣ неудачи всего этого плана, послѣ пораженія при Бон-ла-Роландѣ луарская армія, отступая на Орлеанъ и за Орлеанъ, даетъ цѣлый рядъ сраженій, и черезъ восемь

дней послѣ того какъ была принуждена нѣмецкими войсками начать (4-го декабря) отступленіе отъ окрестностей Фонтенбло, выдержавъ рядъ битвъ, она находится въ такомъ положеніи, что король прусскій даетъ ей такое свидѣтельство (12-го декабря): „по численному превосходству непріятеля, движеніе нашихъ войскъ впередъ до сихъ поръ замедлилось".

Оказывается, что въ эту армію Гамбетта направилъ старыхъ солдатъ выслуживших сроки, и благодаря энергическому содѣйствію генерала Ореля, довелъ ее до 200 т. чел., съ 400 орудій, дѣйствовавшихъ хорошо. Въ тоже время, образовались на сѣверозападѣ (въ Бретани), на сѣверѣ (въ Аміенѣ) и на востокѣ (отъ Ліона до Безансона) три арміи, менѣе сильныя конечно, но такія однако, которыя потребовали всѣхъ усилій двухъ корпусовъ генерала Мантейфеля и корпуса генерала Вердера. Все это сдѣлано въ теченіи трехъ мѣсяцевъ страною, которая только-что претерпѣла страшныя пораженія, лишилась 340-тысячной наполеоновской арміи, огромныхъ запасовъ оружія, страною въ революціонномъ состояніи, безъ власти законно признанной, наконецъ безъ финансовъ. Франція сдѣлала совершенно достаточно, чтобы спасти свою честь, какъ нація. Въ виду того, что сдѣлалъ Людовикъ-Наполеонъ и его маршалы, и того, что сдѣлала сама Франція до сихъ поръ, очевидно, что нація эта, при всѣхъ огромныхъ ея недостаткахъ, все-таки стоитъ неизмѣримо выше бонапартизма. Но бонапартизмъ оттого и велъ войны, оттого началъ и послѣднюю войну, что чувствовалъ себя слабымъ предъ Франціею.

Ограничиваемся этимъ, самымъ общимъ очеркомъ войны въ декабрѣ, и предоставляемъ нашему почтенному корреспонденту изложить подробности въ связи съ картиною внутренняго положенія Франціи настоящей минуты.

ШВЕЙЦАРСКІЯ ПИСЬМА.

15 (27) декабря 1870.

Наканунѣ народной войны.

Къ тому времени, когда мое письмо попадетъ въ руки читателя, исполнится ровно полгода съ того пресловутаго дня, когда герцогъ де-Грамонъ (недавно переселившійся, по газетнымъ извѣстіямъ, въ Петербургъ) объявилъ выжидавшей Германіи, предъ лицомъ смущенной Европы, „войну за наслѣдство испанскаго престола". Но въ сущности, второй имперіи нужно было окрестить огнемъ и мечемъ импера-

торскаго принца. Отъ саарбрюкенскихъ „крестинъ" до „похоронъ" седанскихъ прошло какихъ-нибудь 30 дней. Казалось, все было кончено; но на дѣлѣ только тогда началась война. Народная? нѣтъ еще; но симпатіи и антипатіи нейтральныхъ, отзывы органовъ общественнаго мнѣнія начали уже перемѣнять свой прежній тонъ, слѣдя лихорадочно за перипетіями военныхъ дѣйствій. Успѣхи нѣмцевъ вызывали слишкомъ поспѣшныя надежды; первыя пораженія французовъ породили преувеличенный скептицизмъ. И вѣрующіе, и сомнѣвающіеся были одинаково обмануты въ своихъ разсчетахъ. Потому, съ конца ноября начинается для общественнаго мнѣнія періодъ болѣе трезваго отношенія къ войнѣ. Самъ побѣдитель утратилъ теперь въ своихъ манифестахъ тонъ прежней увѣренности и презрѣнія къ непріятелю; корреспонденты газетъ заговорили другимъ языкомъ, увидя въ пораженной, но свободной отъ ига Наполеона Франціи гораздо болѣе энергіи, нежели то было во Франціи, вызвавшей самонадѣянно Германію на бой, но въ тоже время подавленной цезаризмомъ.

Обратите, въ самомъ дѣлѣ, вниманіе на одно изъ послѣднихъ воззваній побѣдителя при Седанѣ къ нѣмецкому народу. Прошло слишкомъ три мѣсяца послѣ Седана и болѣе шести недѣль, какъ взятъ Метцъ, а король Вильгельмъ говоритъ, что „война вступаетъ въ *новый* фазисъ"…. „Весь народъ нашъ — сказано по поводу королевскаго манифеста въ „Staatsanzeiger"—готовъ направить *всѣ свои силы* на достиженіе достославной цѣли…. Наши арміи находятся теперь въ *тяжеломъ* зимнемъ походѣ, среди населенія, котораго *національныя слабости* (?) и страсти злоупотребляются властями-узурпаторами для порожденія *народной войны*…. То, чтó не могъ сдѣлать призывъ къ сознанію національной чести, то долженъ былъ произвести терроризмъ, которымъ нынѣшніе властители Франціи *заставляютъ* народъ браться за оружіе…. И война, которую наши войска стараются еще вести въ *смыслѣ европейской нравственности*, приняла теперь во Франціи совершенно иной оборотъ. Трудно сказать, гдѣ у фран-тирёровъ и у легіоновъ, организованныхъ иностранными искателями приключеній, находятся границы между *солдатскимъ* и *разбойничьимъ* образомъ веденія войны. При ихъ способѣ войны нельзя знать, гдѣ кончается *честная* борьба и гдѣ начинается простое *убійство*. Фанатизированное населеніе принимаетъ участіе въ ужасныхъ безчинствахъ и нѣмецкое веденіе войны вынуждается къ жестокимъ мѣрамъ ихъ предательствомъ и нарушеніемъ вѣрности. *Велика и трудна* задача нашихъ армій при такихъ обстоятельствахъ; способъ, которымъ она будетъ выполнена, долженъ удовлетворить требованія и честь нѣмецкаго народа…. Рядомъ съ войною противъ крѣпостей, съ осадою всемірнаго города, *гигантскія* укрѣпленія котораго считаются *непреодолимыми*, и *колоссальныя* военныя силы котораго тщетно бьются для того, чтобы пробиться

чрезъ наши ряды; рядомъ съ великими стратегическими движеніями нашихъ операціонныхъ армій, охватывающихъ собою болѣе цѣлой трети Франціи; съ усиленными маршами, при неблагопріятной погодѣ и *лишеніяхъ* всякаго рода, мы ведемъ *кровавыя* битвы и *безчисленныя* сраженія противъ непріятеля, который *безустанно вербуетъ войска изъ народа* и *самый народъ, какъ только можетъ, возбуждаетъ къ сопротивленію*.... Отечество знаетъ все величіе и всю *тяжесть* задачи, которую должны выполнить ея сыны.... Конечно, *оно жаждетъ мира и возвращенія своихъ дѣтей;* конечно, оно глубоко печалится о герояхъ, могильныя насыпи которыхъ возвышаются на далеко-разсѣянныхъ поляхъ битвы,—но при этомъ отъ всякаго далека мысль, чтобы королевскій полководецъ могъ привести обратно наши войска, не достигнувъ той *достославной* цѣли, на которую указываетъ королевскій приказъ"...

Кто, послѣ Седана и Метца, ожидалъ найти въ „Государственномъ указателѣ" подобныя строки?! Не говорю о перемѣнѣ тона и воззрѣній въ корреспонденціяхъ англійскихъ, бельгійскихъ и австрійскихъ газетъ. Но не могу пропустить поразительныхъ и назидательныхъ признаній такихъ органовъ, какъ „Кёльнская газета". Ея извѣстный корреспондентъ, при арміи принца Фридриха-Карла, Вахенгузенъ, постоянно смѣявшійся надъ луарскою арміей, вдругъ дѣлаетъ слѣдующее чистосердечное признаніе по поводу одной изъ битвъ при вторичномъ занятіи Орлеана нѣмцами: „Непріятельская (французская) артиллерія осыпáла насъ бомбами съ замѣчательною мѣткостью. Врагъ защищался отчаянно.... Я все болѣе и болѣе могъ убѣдиться, что для этой арміи многое было сдѣлано. Ея воинскіе пріемы, ея вооруженіе (шасспо) *безукоризненны*. Еслибъ они могли усовершенствоваться въ продолженіе еще мѣсяца, они стали бы весьма опаснымъ противникомъ.... Въ ней очевидно представляется разница между дряннымъ продуктомъ системы замѣщенія (remplacement) и нынѣшней организаціей, сходной съ нашимъ ландверомъ.... всѣ они научились дѣйствовать оружіемъ и дѣйствуютъ хорошо".... Прибавимъ къ этому: и дѣйствуютъ хорошо—послѣ какихъ-нибудь двухъ мѣсяцевъ приготовленія, между тѣмъ какъ вторая имперія употребила двадцать лѣтъ,—чтобъ сдѣлать Францію неспособною къ защитѣ.

Такая перемѣна въ оффиціальномъ языкѣ самого непріятеля и въ свидѣтельскихъ показаніяхъ очевидцевъ произошла, конечно, вслѣдствіе того, что измѣнилось самое положеніе вещей, и измѣнилось самымъ существеннымъ образомъ. Дѣйствительно, начиная съ послѣднихъ чиселъ ноября, характеръ войны измѣнился во многомъ. По прежнему Франція обливается кровью и своихъ дѣтей, и своихъ враговъ; но въ декабрѣ уже не было ни одной битвы, о которой нѣмцы могли бы сказать, какъ прежде: veni, vidi, vici! Обѣ стороны дерутся отчаянно-храбро; обѣ стороны часто не знаютъ, кто одержалъ побѣду, кто потерпѣлъ пораженіе; обѣ сто-

роны отдаютъ другъ другу должное въ храбрости и упорствѣ, и обѣ стороны одинаково уже не скрываютъ болѣе, что подобныя потери чрезвычайно велики, но что и эти потери не даютъ возможности предвидѣть не только окончательнаго исхода борьбы, но даже и шансовъ одного грядущаго дня! Французы, проученные своимъ фанфаронствомъ, вскормленнымъ второю имперіею, рѣшились быть болѣе сдержанны на языкъ, а ихъ полководцы, подобно нѣмецкимъ, не разглашаютъ заранѣе своихъ плановъ и по возможности ставятъ непріятеля въ полное невѣдѣніе о своихъ передвиженіяхъ и намѣреніяхъ. Правда, нѣмцы, въ свою очередь, заимствовали у французовъ ихъ императорскіе и даже *турскіе* бюллетени—т.-е. стали въ своихъ депешахъ скрывать точныя обстоятельства битвы и размѣры своихъ потерь.

Въ концѣ концовъ, современная война вполнѣ свидѣтельствуетъ о трудности и тяжести даже такъ-называемой успѣшной войны и представляетъ собою полезное поученіе, что ни въ какомъ случаѣ и ни при какихъ обстоятельствахъ съ войною не слѣдуетъ шутить, какъ съ игрушкою, не слѣдуетъ воображать, что даже столь ослабленнаго и потрясеннаго врага, какъ Франція, можно „шапками закидать"; нѣтъ, война всегда остается обоюдоострымъ оружіемъ, и стóитъ побѣдителю не менѣе кровавыхъ жертвъ, чѣмъ побѣжденному; вотъ почему нельзя не усомниться въ той *достославности* цѣли, которую видитъ прусскій „Государственный Указатель" — во взятіи Парижа, неизбѣжно связанномъ съ новыми десятками, если не сотнями тысячъ жертвъ. Кто ожидалъ всего того, чтó случилось послѣ Седана и Метца? Кто не считалъ тѣхъ дней концомъ войны? Кто послѣ этого рискнетъ утверждать, что взятіе Парижа будетъ концомъ войны, а не такимъ же началомъ, какимъ оказался впослѣдствіи Метцъ и Седанъ? Тотъ, кто обманулся одинъ разъ, не обманется ли онъ вторично? Есть причина отвѣчать на всѣ эти вопросы утвердительно, и бѣглый взглядъ на положеніе Франціи въ концѣ истекшаго года подтвердитъ наше предположеніе, что мы, весьма вѣроятно, живемъ въ настоящій моментъ наканунѣ новой войны — народной; въ „Государственномъ Указателѣ", какъ мы видѣли, обозначены только ея первые ужасающіе признаки.

Чтó дѣлается въ Парижѣ? кáкъ ему живется? кáкъ переживаетъ онъ свои лишенія, какія страсти волнуютъ эту двухмилліонную тюрьму—объ этомъ, конечно, намъ суждено узнать позже, по снятіи осады, или даже можетъ быть никогда: люди рѣдко пишутъ такія откровенныя исповѣди, какъ писалъ Ж.-Ж. Руссо; люди рисуются и обманываютъ даже самихъ себя и не любятъ сознаваться въ слабостяхъ, свойственныхъ человѣческой природѣ. Врядъ ли кто изъ всего нынѣшняго населенія Парижа признается послѣ о волновавшемъ его желаніи мира, о готовности сдѣлать Пруссіи какія бы то ни было уступки, лишь бы избавиться отъ тяжелаго затворничества. Говорятъ, что Луи-

Бланъ готовитъ теперь исторію осады Парижа, — но можно впередъ сказать, что эта исторія представитъ собою *героическую* сторону медали, будетъ эпопеею героизма Парижа,—и вы впередъ можете знать, что не найдете въ ней истинной психологіи великаго города. Когда, ровно за мѣсяцъ до блистательной вылазки изъ Парижа, правительство обратилось къ населенію съ своимъ плебисцитомъ послѣ 31-го октября, относительно довѣрія къ правительству, — въ то время, когда шла рѣчь о перемиріи, противъ котораго протестовала красная партія Бельвиля, — въ этомъ плебисцитѣ многіе основательно видѣли желаніе парижанами скорѣйшаго мира. Теперь же, наоборотъ, населеніе Парижа, повидимому, настроено самымъ воинственнымъ образомъ. Люди свыкаются съ своимъ положеніемъ и стоически пренебрегаютъ *меланхоліей желудка:* за кониной послѣдовалъ оселъ, за осломъ—кошка, за кошками—крысы, и одинъ парижскій публицистъ съ торжествомъ оповѣщаетъ всю Францію: „у насъ есть еще двадцать милліоновъ крысъ!“ Та же жизнь, повидимому, цвѣтетъ на рынкѣ,—то же барышничество показываетъ свое корыстолюбивое ухо, несмотря на братство нужды и на равенство всѣмъ одинаково грозящей смерти, и тотъ же буйный парижскій духъ возмущается противъ *частной собственности* лавки и рынка: вчера вышла смута изъ-за селедки, за которую лавочникъ запросилъ 50 сантимовъ; сегодня вышелъ бунтъ на Halles-Centrales изъ-за конинныхъ сосисекъ, за килограммъ (2 фунта) которыхъ торговки запросили 9 фр.—за что ихъ сосиски полетѣли имъ въ голову, и парижане грозили повѣсить торговокъ, такъ что національная гвардія должна была вмѣшаться въ эту *гражданскую войну.* И несмотря на то, что Парижъ, вмѣстѣ со всѣмъ образованнымъ міромъ, кричалъ, что коммунизмъ представляетъ собою насиліе, гибель и казарму,—Парижъ теперь охотно живетъ именно подъ такъ-понимаемымъ коммунистическимъ режимомъ, охотно подчиняется абсолютному государственному завѣдыванію всѣми съѣстными припасами и казенной болѣе или менѣе равенственной раздачѣ пищи!

Только изрѣдка, несмотря ни на какія военныя эмоціи,—даже въ первыхъ дняхъ декабря, въ самую минуту вылазки, прорываются въ письмахъ осажденныхъ, долетающихъ воздушнымъ путемъ, признанія печали и страданій: „Болѣе уже рѣчи нѣтъ о свѣжемъ мясѣ; соленое мясо выдается весьма ограниченными порціями, и все стало очень дорого. Никто не думаетъ жаловаться; будутъ сопротивляться до послѣдней крайности.... Стало очень холодно, уже три дня стоитъ морозъ, а наши бѣдные солдаты ночуютъ подъ открытымъ небомъ; но, можетъ быть, приближается конецъ нашихъ бѣдствій.... Наша бѣдная страна очень опустошена, но лишь бы она осталась неприкосновенною: если честь будетъ спасена, благосостояніе вернется современемъ. Только

мертвые не вернутся, а число ихъ велико. Парижъ не хорошъ теперь для *дѣтей*, ихъ *умираетъ очень много*....“

Увы, это только цвѣточки, ягодки впереди. По статистикѣ лазаретовъ оказывается, что между плѣнными Метца умираетъ теперь несравненно бóльшее число, чѣмъ между плѣнными Седана: лишенія матеріальныя и нравственныя подкашиваютъ организмъ и смерть коситъ людей и безъ бомбъ и ядеръ; впереди, значитъ, тоже болѣзни и смерть!... Но это не мѣшаетъ Парижу напрягать всѣ свои усилія, чтобъ жить своей новою *нормальною* жизнью. Газеты печатаются и расходятся въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ, книги печатаются и продаются. Букинисты на набережной зазываютъ прохожихъ: voilà les document de la famille infernale (вмѣсто impériale). Въ Collége de France читаются лекціи; въ большомъ Циркѣ, перекрещенномъ изъ Impérial въ *National*, идутъ знаменитые популярные концерты Паделу классической музыки. Тѣ изъ моихъ соотечественниковъ, которые были въ Парижѣ и посѣщали эти концерты, припомнятъ, какая *война* происходила на нихъ въ *мирное* время: классики и романтики сражались такъ ожесточенно, что не давали слушать ни классической, ни романтической музыки! Теперь, въ военное время, дѣло происходитъ совершенно наоборотъ; въ циркѣ господствуетъ полный миръ, и музыка совершается съ литературнымъ прибавленіемъ, полнымъ современности и не лишеннымъ высокаго интереса! Какъ во времена первой революціи, несмотря на отчаянную войну, французы не переставали обращаться съ словами мира и братства ко всѣмъ народамъ, и прежде всего къ нѣмцамъ, такъ и теперь въ Парижѣ происходятъ сцены дѣйствительно полныя патетическаго, универсальнаго характера.

За нѣсколько дней до вылазки, 27-го ноября, пасторъ Берсье обратился съ рѣчью къ громадной толпѣ, собравшейся на концертъ въ національномъ циркѣ. Юморъ и веселость не оставили парижанъ и въ эту минуту. Берсье заговорилъ о печальномъ положеніи парижской кухни, утратившей *высокій стиль* и всякую *классическую* традицію, и громкій смѣхъ огласилъ залу. Но смѣхъ скоро смѣнился серьезнымъ настроеніемъ, когда Берсье перешелъ отъ кухни къ другимъ лишеніямъ, которыхъ нельзя искупить никакимъ золотомъ въ продолженіи осады: „Старая французская веселость остается съ нами для утѣшенія насъ. Но часто сердце не позволяетъ смѣяться. Приходится сидѣть у одра любимаго больного. Чтó ему нужно было бы? всѣ знаютъ очень хорошо. Этому ребенку, у котораго глаза мутятся и у котораго нѣтъ силъ болѣе улыбаться, ему надо бы немного молока. Этой дѣвушкѣ, которая прежде времени чахнетъ, надо бы немного чистаго воздуха, нѣсколько лучей южнаго солнца; этому раненому, гибнущему отъ слабости,—надо бы подкрѣпляющей пищи, и мы должны отказывать имъ въ томъ, за что готовы были бы заплатить всѣмъ своимъ

золотомъ; и мы должны видѣть умирающими тѣхъ, за спасеніе которыхъ отдали бы все; и тысячи дѣтей уже скошены смертью, и каждое утро у воротъ нашихъ кладбищъ совершается цѣлая процессія маленькихъ гробиковъ.... Подумайте же о тѣхъ, которые теперь всего лишены...“

Ораторъ послалъ упрекъ тѣмъ иностранцамъ, которые теперь поносятъ Парижъ прозвищемъ Византіи и которые недавно сами наводняли его, восхищаясь императорскою роскошью и пользуясь его развратомъ, и затѣмъ перешелъ къ объясненію тѣхъ впечатлѣній, которыя пробуждаетъ въ человѣкѣ музыка. Я приведу здѣсь слова Берсье, встрѣченныя рукоплесканіями, потому, что, при скудости свѣдѣній изъ Парижа, мы можемъ принимать его слова за *норму* того восторженнаго настроенія, въ которое способна еще приходить большая часть осажденнаго города: „Съ тѣхъ поръ, какъ мы побѣждены въ этой ужасной войнѣ, въ которой справедливость должна наступить раньше или позже, знаете ли, чтó говоритъ мнѣ эта музыка (Бетховена), полная глубокой меланхоліи? Она не говоритъ мнѣ болѣе о моихъ личныхъ печаляхъ, но она вторитъ въ моемъ сердцѣ скорбямъ Франціи. Я слушаю, и въ этихъ рыдающихъ звукахъ я узнаю вопли моей родины, облекшейся въ трауръ. О! мы не забываемъ здѣсь нашей родины, и голосъ ея господствуетъ надъ всѣми другими. Да, мы любили Францію и мы гордились ею. Наши уши въ дѣтствѣ были пріучены къ шуму ея побѣдъ. Мы слышали магическія, звучныя слова Арколя, Аустерлица, Фридланда, Іены: страсть славы была половиною нашего патріотизма. Но теперь, когда Франція страдаетъ, когда врагъ душитъ ее, развѣ голосъ ея, который неотступно преслѣдуетъ васъ, развѣ онъ не потрясаетъ вашего организма? Мы любили ее торжествующею, во сколько же разъ болѣе станемъ мы любить ее измученною, угнетенною, окровавленною? Вчера она еще можетъ быть была идоломъ для насъ, сегодня — она мать наша.... Но когда мы слышимъ здѣсь одну изъ пѣсенъ славы и надежды, созданныхъ великими учителями, или одно изъ этихъ бурныхъ allegro, въ которыхъ разражается могучая страсть и выливается въ восторгѣ радости, или одинъ изъ тѣхъ тріумфальныхъ маршевъ, про которые Гёте, слушавшій въ первый разъ Бетховена, сказалъ: „это странно и грандіозно, кажется домъ рухнетъ“,—знаете ли вы, чтó я вижу тогда? Эти пророческіе звуки предвѣщаютъ мнѣ *возстаніе всей Франціи и грядущую побѣду. Я вижу, какъ вдали встаютъ одна за другою наши старыя провинціи и спѣшатъ на спасеніе умирающей свободы*. Вотъ Бретань, вотъ Турень, Вандея, Овернь, Нормандія; *онѣ идутъ, онѣ приближаются;* онѣ протягиваютъ руки своимъ двумъ сестрамъ, покрытымъ трауромъ, и зовущимся Альзасъ и Лорень, и, тѣснясь во взаимномъ объятіи, у ногъ освобожденнаго Парижа, онѣ возносятъ къ небу, какъ горячую молитву, гимнъ вновь-завоеванной

свободы и навсегда — воздвигнутой республики!... Такъ я думаю о Франціи, слушая музыку Германіи, и я думаю въ то же время о Германіи, и мною овладѣваетъ впечатлѣніе грустнаго контраста. Въ основаніи этихъ концертовъ лежала мысль о соединеніи и гармоніи двухъ великихъ расъ, созданныхъ, чтобъ понимать и любить другъ друга.... Посмотрите же теперь на ихъ странный результатъ: въ то время, какъ на разстояніи трехъ лье нѣмецкія пушки направлены на этотъ городъ, здѣсь вы апплодируете нѣмецкимъ маэстро: вы противупоставляете такимъ образомъ Германію прошлаго Германіи настоящаго; поступая такимъ образомъ, вы говорите ей: ты, которая была великою, чистою и честною націей, ты, которая была предкомъ нашей расы и землею мыслителей и великихъ артистовъ! Вотъ и ты опьянена военною славою и ты обольщена политикою цинизма и лжи! И ты въ свою очередь мечтаешь объ имперіи, когда мы ее не хотимъ болѣе, и кровавые лавры перваго изъ Наполеоновъ смутили твой миръ! Увлеченіе побѣды ослѣпляетъ тебя, и ты, которая могла быть столь велика мыслью, ты ломаешь царскій скипетръ твоихъ философовъ и поэтовъ для того, чтобъ склониться подъ палкою капрала. Слѣдуй же своей мечтѣ о вторженіи, о мщеніи и ненависти! Иди, иди еще до того дня, въ который рыканіе пробуждающагося льва скажетъ тебѣ, что Франція встала. Мы же, которымъ ты угрожаешь своимъ гнѣвомъ, мы будемъ помнить, что если ты сегодня зовешься Пруссіей, то еще вчера ты звалась Германіей; мы будемъ помнить, что ты была страною Шиллеровъ, Гёте, Мендельсоновъ, Веберовъ, Бетховеновъ. Поруганные дѣтьми, мы съумѣемъ все же чтить отцовъ, потому что мы думаемъ, что еслибъ они могли встать изъ своихъ гробовъ, то они воззвали бы къ тебѣ: „чти Францію, ибо, какъ сказалъ величайшій изъ твоихъ поэтовъ: „уничтожить Францію значило бы ослѣпить человѣчество“.

Эти концерты, эти рѣчи нисколько не мѣшали дѣловому Парижу сосредоточивать всю свою энергію на вооруженіи, на подготовленіи войска къ битвамъ. Я нарочно подчеркнулъ въ рѣчи Берсье мѣсто о провинціяхъ: въ его словахъ выражалась вѣра всего Парижа въ непремѣнную, скорую помощь провинцій: онѣ не могутъ оставить Парижа на произволъ судьбы, онѣ поспѣшатъ на выручку его! Извѣстіе о взятіи французами Орлеана—объ этой первой *побѣдѣ* французовъ въ долгіе четыре мѣсяца—еще болѣе пробудило надежды парижанъ. Исторія и до сихъ поръ еще рисуетъ торжественными красками картину Парижа въ сентябрѣ 1792 г., когда, при угрозѣ прусскаго нашествія, все Марсово поле обратилось въ лагерь гражданъ, спѣшившихъ вооружаться и готовиться къ встрѣчѣ врага. Я полагаю, что картина современнаго Парижа гораздо болѣе изумительна, и исторія дѣйствительно никогда еще не видѣла осажденнаго, замкнутаго двух-милліоннаго лагеря, и лѣтописи войны никогда еще не разсказывали, какъ въ три

мѣсяца могла составиться изъ ничтожныхъ остатковъ деморализованнаго войска и изъ непривычныхъ, не помышлявшихъ о военномъ ремеслѣ гражданъ—цѣлая полу-милліонная армія! Правда, и теперь до насъ долетаетъ *слухъ* объ *эгоизмѣ* и о неисправимомъ шарлатанствѣ парижскихъ буржуа: они кричатъ о патріотизмѣ и о самопожертвованіяхъ, въ сущности же никто изъ собственно-парижской національной гвардіи, изъ парижскихъ обывателей, не идетъ въ огонь, предоставляя это дѣло линейнымъ войскамъ и провинціальнымъ мобилямъ, а этихъ мобилей успѣло забраться въ Парижъ 80 тысячъ; но тѣмъ не менѣе предъ нами открылся неоспоримый фактъ о существованіи дисциплинированной и отважной арміи въ Парижѣ.

Очевидно, вылазки 29-го ноября—2-го декабря, должны были находиться въ тѣсной связи съ дѣйствіями луарской арміи. Генералъ д'Орель долженъ былъ придти на встрѣчу арміи Дюкро у Лонжюмо. Арміи Дюкро и Орель Паладина отстояли другъ отъ друга на 90 километровъ, т.-е. на три дня марша; какъ извѣстно, парижане готовились на 3-хъ-дневную битву и солдатамъ былъ данъ трехъ-дневный паекъ. Въ ночь на 28-е ноября, началась страшная канонада и въ 4 часа утра батальоны линейныхъ полковъ и департаментскихъ мобилей бросились по направленію къ Ге—(l'Hay, южная сторона); они налетѣли сначала на *желѣзныя нити*, разставленныя пруссаками предъ ихъ траншеями, и извѣстныя уже при осадѣ Метца; заплативъ жертвами за неосторожность, они бросились на баррикады и завязалась драка на улицахъ и въ домахъ ружьями, штыками, въ рукопашную. Влѣво отъ *Hay* шла драка у *Choisy*,—гдѣ участвовали, вмѣстѣ съ моряками, 106-й и 116-й батальоны національной гвардіи, и гдѣ извѣстный ученикъ Прудона, Ланглуа, занялъ съ своимъ батальономъ la Gare-aux boeufs (дебаркадеръ для быковъ—грозно укрѣпленный пруссаками). Но вскорѣ батальонамъ, дравшимся въ *Hay*, велѣно было отступить: ихъ движеніе было, повидимому, предпринято только для диверсіи или прикрытія настоящаго движенія Дюкро чрезъ Марну, а между тѣмъ оказалось, что Дюкро долженъ былъ замедлить своимъ планомъ вслѣдствіе внезапнаго прилива воды въ Марнѣ, потопившаго набросанные мосты. (Въ газетахъ было извѣстіе, будто пруссаки нарочно заперли воду Марны въ шлюзы и выпустили ее какъ разъ, когда ожидали нападенія!) 29-го ноября, Дюкро двинулся изъ Венсенскаго лѣса на Марну и, несмотря на жестокую встрѣчу нѣмцевъ, перешелъ чрезъ девять мостовъ Марну и сталъ занимать одно мѣстечко за другимъ *на ю.в. сторонѣ*, гдѣ сосредоточилось въ эти дни главное побоище, на небольшомъ пространствѣ, представляющемъ видъ трех-угольника между Brie, Villiers и Champigny на Марнѣ. Такой рѣзни, какъ происходившая на этомъ трех-угольникѣ 30-го ноября и 2-го декабря не было еще съ начала войны: все было пущено въ ходъ, начиная отъ канонады фортовъ Но-

жана и Аврона, и кончая топорами баррикадныхъ отрядовъ, организованныхъ Рошфоромъ. (Говорятъ, что въ эти дни Рошфоръ въ первый разъ снова явился на сцену послѣ своего исчезновенія изъ временного правительства, и въ этотъ разъ въ качествѣ простого артиллериста и въ самыхъ опасныхъ мѣстахъ!) Корреспонденты, посѣтившіе тѣ мѣста чрезъ нѣсколько дней послѣ битвы, наткнулись на цѣлыя груды замерзшихъ труповъ; по положенію труповъ можно было легко судить, что сотни людей были покинуты здѣсь ранеными и умерли въ страшныхъ мученіяхъ отъ ранъ, голода и мороза! Деревни Бри и Шампиньи, какъ я уже упоминалъ, были заняты французами. 1-е декабря прошло мирно; хоронили мертвыхъ, подбирали раненныхъ, снаряжали живыхъ. 2-го декабря на зарѣ, виртембергцы получили телеграфическій приказъ Мольтке: „Champigny und Brie sind durch Handstreich wieder zu nehmen"—эта телеграмма служила имъ паспортомъ на тотъ свѣтъ! ихъ нападеніе встрѣтили баррикады и шасспо изъ-за баррикадъ; подкрѣпленные пруссаками и саксонцами, остатки виртембергцевъ выбивали французовъ изъ ихъ позиціи, но, около 10-ти часовъ утра, новыя французскія силы подоспѣли изъ Венсенскаго лѣса, и битва изъ-за позиціи Бри, Виллье, Коэли и Шампиньи—длилась до $3^1/_2$ часовъ дня. Результаты дня остались *неизвѣстны*! Нѣмцы говорятъ, что они выбили непріятеля изъ всѣхъ позицій, но признаютъ, что деревня Шампиньи осталась раздѣленною во власти обоихъ враговъ. Парижане, съ своей стороны, считаютъ свои войска побѣдителями и говорятъ, что они ночевали на полѣ битвы. И они, повидимому, правы, потому что, еслибъ нѣмцы одержали верхъ, то французы поспѣшили бы отступить и перейти на правый берегъ Марны, между тѣмъ какъ ихъ войска оставались спокойно на лѣвомъ берегу Марны, весь день 3-го декабря, и только въ воскресенье, 4-го декабря, перешли Марну и сломали за собой мосты.

Этимъ кончились первыя смѣлыя попытки прорваться чрезъ линіи нѣмцевъ.

Чего ждали спокойно Трошю и Дюкро 3-го декабря? отчего они только въ воскресенье рѣшили повернуть назадъ? Я думаю, отвѣтъ на это очень простъ—они ждали побѣдоносныхъ извѣстій съ береговъ Луары, они ждали переполоха въ Версалѣ, и готовы были кинуться на нѣмцевъ, чтобъ сдавить ихъ съ двухъ сторонъ.

Увы! видѣніе пастора Берсье осталось видѣніемъ, провинція не пришла на помощь, провинція сама рада бы звать на помощь. Въ тотъ день, когда парижскія войска отдыхали отъ перваго приступа, 1-го декабря, на берегахъ Луары, завязалась новая битва.

Послѣ взятія французами Орлеана, луарская армія раскинулась впереди его по дорогѣ къ Парижу, имѣя свой центръ въ Орлеанѣ и опираясь правымъ крыломъ на *Жіенъ* (Gien, юв.), лѣвымъ крыломъ на

лѣвую сторону Луары, по направленію Блуа (юз). 1-го декабря, французы побили баварцевъ; Шанзи съ 16-мъ корпусомъ занялъ укрѣпленную позицію, и готовился на другой день занять *Jeanville* и *Toury*, для того, чтобъ овладѣть орлеанской желѣзной дорогой къ Парижу. Но 2-го декабря французы были аттакованы герцогомъ Мекленбургскимъ, подкрѣпленнымъ пруссаками принца Фридриха-Карла, и здѣсь произошла страшная сѣча, здѣсь пало болѣе 500 волонтеровъ вандейца Шарета, который самъ или убитъ, или раненый въ плѣну; здѣсь бросился впередъ генералъ Сони, для воодушевленія дрогнувшихъ мобилей, и, тоже раненый и оставленный мобилями, взятъ въ плѣнъ. Французская линія была прорвана, и несмотря на геройство Шанзи, гнавшаго нѣмцевъ у *Pithiviers*,—дѣло было очевидно проиграно. Началось отступленіе къ Орлеану, кончившееся сдачею Орлеана нѣмцамъ, вечеромъ 4-го декабря.

По газетамъ вы знаете и о всѣхъ колебаніяхъ генерала Ореля, сначала отказывавшагося отъ возможности защиты Орлеана, потомъ, утромъ 4-го декабря, снова рѣшившагося отстаивать его, и о всемъ гнѣвѣ Гамбетты, пришедшаго въ отчаяніе отъ новой потери Орлеана, которому суждено столь дорого стоить обѣимъ сторонамъ. Враждебныя газеты даже хотѣли распустить слухъ, будто при извѣстіи въ Турѣ о новомъ пораженіи, Гамбетта помѣшался, будто онъ плакалъ и кричалъ, произнося безсвязныя слова, и только Гле-Бизоенъ и Фуришонъ едва успѣли немного успокоить его. Все это, конечно, чистый вздоръ, но ударъ, безъ сомнѣнія, былъ и силенъ и неожиданъ: всѣ планы, всѣ надежды казались разрушенными.

Можетъ быть, Дюкро и Трошю отказались отъ своей попытки пробиться сквозь ряды нѣмцевъ, извѣщенные во-время о пораженіяхъ луарской арміи. Это предположеніе вовсе не особенно смѣлое, потому что между Туромъ и Парижемъ, по всей вѣроятности, существовало и существуетъ тайное сообщеніе, несмотря на уничтоженіе пруссаками открытаго или подземнаго телеграфа.

Пораженіе было жестокое: разбитая луарская армія перешла на лѣвый берегъ Луары; часть ея поспѣшно отступила къ *Буржу*, преслѣдуемая Фридрихомъ-Карломъ до *Vierzon'a*. Нѣмцы торжествовали побѣду, считая луарскую армію уничтоженною въ конецъ, и, болѣе того, считая всю Францію ввергнутою теперь въ полную анархію вслѣдствіе угрозы Туру, гдѣ засѣдала еще делегація временного правительства. Делегація была перенесена въ Бордо; д'Орель смѣненъ и назначена слѣдственная коммиссія; Гамбетта отправился въ лагерь; луарская армія была раздѣлена на двѣ арміи: южную — подъ начальствомъ Бурбаки, западную—подъ начальствомъ Шанзи. Генералъ Шанзи молодой полководецъ, созданный нынѣшнею войною и составляющій надежду республиканской Франціи. Начиная съ 8-го декабря и до

этихъ послѣднихъ дней, Шанзи рѣшился доказать, что луарская армія существуетъ. Онъ занялъ позиціи между *Meung* и Beaugency, на лѣвой сторонѣ Луары, на ю-з. отъ Орлеана и покрылъ такимъ образомъ *Блуа*, куда, по его вѣрному разсчету, должны были направиться нѣмцы. Защита Тура съ правой стороны предоставлена была генералу Моранди, на ю. отъ Beaugency, а въ самомъ Турѣ долженъ былъ оставаться генералъ *Соль*. Но старые генералы остались вѣрны императорской традиціи: какъ только Моранди услышалъ громъ непріятельскихъ пушекъ, онъ „бѣжалъ во всѣ лопатки", предавъ *Шамборъ* нѣмцамъ, и открылъ, такимъ образомъ, Туръ и возможность нападенія на Шанзи съ тыла. Съ своей стороны, генералъ Соль не остался въ долгу: зять бывшаго сенатора Гуэнъ, владѣющаго богатымъ имѣніемъ въ окрестностяхъ Тура, генералъ Соль довелъ свой *локализмъ* до nec plus ultra и предпочелъ пощадить *частную собственность* своего тестя-сенатора, т.-е., поспѣшно очистилъ Туръ для того, чтобъ нѣмцы не разгромили благочестиваго города и его окрестностей. Генераловъ Моранди и Соля, конечно, смѣнили тотчасъ же. Но отъ этого положеніе Шанзи не могло стать легче. Онъ отважился на смѣлое предпріятіе, небывавшее еще въ нынѣшней войнѣ: онъ сталъ отступать медленно и шагъ за шагомъ къ *Вандаму* (на притокѣ Луары, *le Loir*, а не на самой Луарѣ—это различіе сбило многихъ корреспондентовъ, оповѣщавшихъ, что битвы идутъ на Луарѣ), давая врагу ежедневный кровавый отпоръ, оспаривая деревню за деревней: Marcheuoir, Fretevul, Epuisay, la Fontenelle, le Poilay—усѣяны трупами съ обѣихъ сторонъ. Этотъ энергическій отпоръ далъ Шанзи время отступить такъ, какъ нѣмцы не ждали, въ то время какъ они хотѣли гнать его къ *югу* и отрѣзать ему путь отъ соединенія съ Бурбаки, употребляя при этомъ свое обычное фланговое оцѣпленіе непріятеля; Шанзи самъ сдѣлалъ неожиданное фланговое движеніе, и вмѣсто того, чтобъ пойти на югъ, незамѣтно исчезъ изъ-подъ носу непріятеля и двинулъ всѣ свои силы на с. з. къ *Le Mansy*. Этотъ смѣлый пріемъ сдѣлалъ то, что нѣсколько дней ни французскія, ни нѣмецкія газеты не знали, куда дѣлся Шанзи, и самъ нѣмецкій главный генеральный штабъ долженъ былъ смутиться не на шутку: несмотря на цѣлую недѣлю видимо побѣдоноснаго для нѣмцовъ побоища, Шанзи оказался все-же не далѣе отъ своей главной цѣли—Версаля, только въ другомъ направленіи, въ направленіи врядъ ли не болѣе выгодномъ. Около *Манса* (въ 20-ти верстахъ) лежитъ лагерь *Конли*, состоящій изъ 40—60 тысячъ новаго войска;—Шанзи такимъ образомъ удалось соединиться съ силами бретанской арміи и ему одинаково открыть путь и на с.в. и на югъ, гдѣ, по послѣднимъ извѣстіямъ, армія Бурбаки, именно и составляющая теперь луарскую армію, двинулась изъ Буржа къ Орлеану и успѣла занять *Vierzon*. Куда двигается теперь Шанзи? Какъ его будутъ преслѣдовать нѣмцы? въ

этомъ теперь весь вопросъ настоящей минуты. Съ одной стороны, принцъ Фридрихъ-Карлъ не можетъ рѣшиться идти далѣе на югъ, боясь нападенія Шанзи съ тылу; съ другой стороны, если, какъ полагаютъ, Шанзи захочетъ идти къ Парижу, направляясь на Шартръ, то рискуетъ попасть въ сѣти и быть окруженнымъ войсками Фридриха-Карла и нѣсколькими корпусами арміи, осаждающей Парижъ, если только Парижъ не заставитъ нѣмцевъ держать вокругъ него всѣ войска подъ ружьемъ. То и другое положеніе находится, въ свою очередь, въ зависимости отъ сѣверныхъ войскъ нѣмцевъ и французовъ: на с. около Аміена, ожидаютъ битвы между Мантейфелемъ и Федербомъ и отъ побѣды той или другой стороны можетъ зависѣть положеніе и арміи Шанзи и сѣверныхъ городовъ. Послѣ сдачи Аміена, послѣ позорной капитуляціи Руана (гдѣ рабочее населеніе хотѣло защищаться, и видя предательство властей—стало стрѣлять въ окна городской думы и даже, говорятъ, наказало смертью нѣсколькихъ чиновныхъ лицъ) нѣмцы проникли до океана, и Гавръ ждетъ осады; важность приморскихъ мѣстъ понятна: нѣмцы хотѣли бы снабжаться провіантами съ моря....

Вы видите теперь, какъ Франція все болѣе и болѣе становится однимъ сплошнымъ театромъ войны, но я не исчерпалъ еще терпѣнія читателя и прошу его еще на минуту перенестись со мною съ сѣвера на югъ и на востокъ. На ю.в. стоятъ войска Вердера и Вильгельма баденскаго, а противъ нихъ Гарибальди и его регулярный сподвижникъ Кремеръ — 34-хъ-лѣтній республиканскій генералъ. На востокѣ мекленбургскія и виртембергскія войска осаждаютъ *Бельфоръ*.

Эта послѣдняя эльзасская крѣпость, оставшаяся въ рукахъ Франціи, не хочетъ отдаться нѣмцамъ. Предмѣстья Бельфора горятъ, но онъ держится и даже не можетъ быть до сихъ поръ совершенно отрѣзанъ отъ внѣшнихъ сообщеній: письма изъ его стѣнъ долетаютъ до тѣхъ, кого связываютъ родныя узы съ засѣвшими въ Бельфорѣ и обрекшими себя на гибель. Частыя вылазки французовъ изъ крѣпости наносятъ значительный ущербъ нѣмцамъ, а между тѣмъ ихъ орудія большого калибра засѣли гдѣ-то на пути и не страшатъ Бельфора. Другая небольшая крѣпость, *Фальсбургъ*, продержалась геройски все долгое время съ самаго начала войны, и *сдалась* только теперь. Впрочемъ, противъ выраженія *сдалась* на капитуляцію, геройскій комендантъ крѣпости протестуетъ: „мы не думали *капитулировать;* когда у насъ вышли всѣ припасы и люди должны были умереть съ голоду, мы уничтожили всѣ боевые снаряды, заклепали наши пушки, переломали ружья и открыли непріятелю ворота, предоставляя ему дѣлать чтò угодно, и ни чуть не прося ни пощады, ни милости"....

Я говорилъ въ прошломъ письмѣ о всемъ невыгодномъ положеніи, въ которое поставленъ Гарибальди и правительствомъ и реакціонною

партіей, а между тѣмъ на него возложена тяжелая обязанность служить авангардомъ въ огражденіи Ліона и юга Франціи. И несмотря на скудость своихъ средствъ, на ничтожное количество своего войска, Гарибальди вотъ уже два мѣсяца не даетъ нѣмцамъ двинуться впередъ, и нѣмцы ни разу не могли похвастаться разбитіемъ Гарибальди, между тѣмъ какъ имъ уже не разъ доставалось и отъ Ричіоти и отъ самого Гарибальди. Въ послѣднихъ числахъ ноября, Гарибальди едва не взялъ *экспромтомъ* Дижона. Битва шла цѣлый день и гарибальдійцы гнали нѣмцевъ, начиная съ полдня. Подъ ихъ ядрами падали лошади и раненые, но гарибальдійцы все шли впередъ. Гарибальди спросилъ у своихъ итальянскихъ волонтеровъ и волонтеровъ Боссака и Дельпеша, хотятъ ли они остановиться въ преслѣдованіи нѣмцевъ или идти дальше? „Въ Дижонъ, въ Дижонъ"! раздалось ему въ отвѣтъ. Гарибальди приказалъ двигаться тихо и отнюдь не стрѣлять. Глаза волонтеровъ увидѣли фонари Дижона... впереди шли итальянцы, сзади мобили... Вдругъ раздался залпъ изъ дижонскихъ пушекъ. Итальянцы и всѣ другіе волонтеры шли спокойно впередъ, но... мобили не вытерпѣли, они падали на землю, чтобъ укрыться отъ выстрѣловъ, хотя ядра и безъ того летали высоко надъ головами; въ паденіи они переранили другъ друга штыками, и начали стрѣлять куда глаза глядятъ: ихъ выстрѣлы попали въ спину волонтерамъ, шедшимъ впереди; —волонтеры подумали, что зашли слишкомъ далеко впередъ и непріятель пробрался имъ въ тылъ; напрасно гарибальдійскіе офицеры бросились удерживать мобилей, офицеры которыхъ исчезли такъ, что ихъ и найти было нельзя! Напрасно Гарибальди вскочилъ на ноги и громко запѣлъ „Allons enfants de la patrie!"—мобили бѣжали и своимъ безпорядочнымъ бѣгствомъ заставили быстро отступить гарибальдійцевъ. Старый герой заплакалъ: успѣхъ былъ такъ вѣренъ! проклятая трусость, недовѣріе вселенное мобилямъ къ своимъ начальникамъ ихъ неспособностью, и къ Гарибальди реакціонною клерикальною прессой —сдѣлали свое дѣло: не нѣмцы, а мобили побили Гарибальди; нѣмцы были такъ испуганы, что у нихъ было все приготовлено къ выходу изъ Дижона, и они не посмѣли преслѣдовать бѣгущихъ: „мы пропали бы, еслибъ за нами ударились въ погоню"! Эта неудача не помѣшала Гарибальди снова возобновить успѣшныя битвы на слѣдующіе дни, подъ *Отен'омъ* и въ окрестныхъ деревняхъ (1-го декабря). Но его положеніе все же остается весьма горькимъ: „у меня сердца нѣтъ вести моихъ людей въ бой, когда они мерзнутъ и лишены всего нужнаго", говорилъ онъ недавно. Старые друзья его, англичане, въ эти послѣдніе дни, снова являются ему на помощь съ всевозможной провизіей и теплою одеждой. Старые враги его — клерикалы — продолжаютъ тоже оказывать помощь.... пруссакамъ: въ деревняхъ населеніе боится помогать гарибальдійцамъ и предпочитаетъ отдавать всю провизію прус-

сакамъ!... Въ то время какъ Гарибальди пережидалъ морозное время и давалъ отдыхъ волонтерамъ, войска Вердера рѣшились начать движеніе на югъ и аттаковать генерала Кремера у Нюи (Nuits, 18-го декабря). Враги дрались цѣлый день, начиная съ 4-хъ часовъ утра, когда Кремеръ двинулся впередъ къ Gevrey; но силы были слишкомъ не равны; Кремеръ напрасно ждалъ цѣлый день помощи изъ Бонъ (Beaune), которая поспѣла только къ 3-мъ часамъ дня, когда ясно было, что нѣмцы хотятъ окружить Кремера и заставить сдаться въ плѣнъ: Кремеръ направился къ Бону, отчаянно защищая свое отступленіе. Бѣды въ сущности большой не вышло, нѣмцы заняли Nuits, поживились добычею, но не остались и сочли за лучшее, въ виду возможнаго подкрѣпленія Кремера гарибальдійцами, — удалиться. Но...

Здѣсь начинается *гражданская* исторія — и мы снова встрѣчаемся съ *гражданскими* волненіями.

Сраженіе при *Нюи* привело въ лихорадочное смущеніе весь Ліонъ, и особенно его предмѣстье Круа-Русъ: въ сраженіи участвовали 1-ый и 2-ой ронскіе легіоны; до Ліона быстро донесся слухъ—преувеличенный—о страшныхъ потеряхъ этихъ легіоновъ, будто бы почти истребленныхъ! Разразилась гроза, Круа-Русъ зашевелился; начали демонстрацію противъ городской думы, противъ префекта; нѣкоторыя газеты даже поспѣшили заявить, что „демонстрація намѣрена была убить префекта"! Для того, чтобъ демонстрація явилась во всеоружіи, потребовалось созвать людей барабаномъ (le rappel). На сцену явился злополучный комендантъ 12-го батальона національной гвардіи Арно.... что произошло между нимъ и партизанами демонстраціи—трудно сказать, и я отложу подробный разсказъ объ этомъ событіи до времени суда надъ виновниками. Вѣрно только то, что вслѣдствіе угрозы, сдѣланной ему, или для угрозы, онъ вынулъ изъ кармана револьверъ и выстрѣлилъ два раза, не попавъ ни въ кого! Этого достаточно было, чтобы взволновать густую толпу: „онъ стрѣлялъ въ народъ, разстрѣлять его" Его повели въ залу клуба Valentino; тамъ образовался временный военный судъ изъ партизановъ демонстраціи; Арно былъ приговоренъ къ смерти и разстрѣлянъ,—разстрѣлянъ, какъ говорятъ, самымъ мучительнымъ образомъ, такъ какъ его не умѣли застрѣлить сразу. Говорятъ, что подъ протоколомъ приговора находятся 50 подписей. Понятно, какое смущеніе произошло въ городѣ. Но оно произошло не вдругъ: вѣсть объ убійствѣ разнеслась не тотчасъ же. Послѣ полудня явилась на Place des Terreaux другая манифестація женщинъ въ трауре, съ чернымъ и краснымъ знаменемъ; онѣ шли къ городской думѣ съ петиціей, требующей отъ національнаго правительства немедленной постановки на боевое положеніе и отправки на мѣсто битвы всѣхъ мобилизированныхъ легіоновъ. По улицамъ раздалась барабанная тревога, національная гвардія поспѣшила со всѣхъ сторонъ окружить,

для защиты, городскую думу. Этимъ демонстрація и кончилась и, понятно, никто не захотѣлъ быть виновнымъ въ убійствѣ; со всѣхъ сторонъ явились протестаціи, хотя и перемѣшанныя съ обвиненіями Арно за его выстрѣлъ въ народъ. Похоронная процессія была замѣчательна не длинною вереницею всѣхъ батальоновъ національной гвардіи, не рѣчью префекта, а присутствіемъ Гамбетты!

Надо отдать ему честь, онъ не могъ выбрать болѣе удобнаго для себя момента для появленія въ Ліонѣ! Давно уже всѣ удивлялись, почему онъ не рѣшался посѣтить Ліонъ, и многіе объясняли это его боязнью встрѣтиться съ болѣе чѣмъ холоднымъ пріемомъ ліонскаго народа. Неизвѣстно что́ было бы, еслибъ онъ явился въ другой моментъ, но въ моментъ похоронъ, все населеніе было до того смущено убійствомъ и его послѣдствіями, что Гамбетта впередъ могъ разсчитывать на полное спокойствіе, и разсчитывалъ вѣрно: если не было никакой демонстраціи въ пользу его, то не было и противъ; зрители замѣтили только его серьезную сдержанную физіономію: событія очевидно воспитуютъ людей, которымъ суждено оказываться во главѣ ихъ, и Гамбетта конечно выросъ въ глазахъ людей и въ своихъ собственныхъ въ эти мѣсяцы своей полной диктатуры, несмотря на ропотъ и негодованіе обѣихъ крайнихъ партій: реакціонной—за то, что онъ смѣетъ провозглашать себя республиканцемъ, и все болѣе и болѣе пренебрегать ея услугами и совѣтами; революціонной и республиканской партій—за то, что онъ тѣснитъ и преслѣдуетъ всякую дѣйствительно *національную иниціативу*, и мы сейчасъ увидимъ, какъ департаменты стремятся протестовать противъ него и выдти изъ-подъ его диктаторской опеки. Мы увидимъ это и на примѣрѣ Ліона......

Гроза народнаго недовольства и раздраженія разразилась на злополучномъ Арно, но тучи этой грозы собирались уже давно и врядъ ли скоро разсѣются. Ліонъ,—и не одинъ Ліонъ, а весь югъ,—недоволенъ и экономическимъ и военнымъ положеніемъ. Недавно, въ Ліонѣ, разыгралась, въ миніатюрѣ, исторія парижскихъ національныхъ мастерскихъ 48-го года: послѣ снабженія рабочаго класса Круа-Русса работою въ національныхъ мастерскихъ по укрѣпленіямъ города; послѣ частыхъ столкновеній между рабочими и муниципальнымъ совѣтомъ изъ-за уменьшенія поденной платы, муниц. совѣтъ вдругъ закрылъ окончательно мастерскія, объясняя свое распоряженіе тѣмъ, что, во 1-хъ, нѣтъ болѣе работъ, во-2-хъ, нѣтъ денегъ для платы за трудъ. Это распоряженіе было печальною неожиданностью для тысячей рабочихъ, совершенно непредупрежденныхъ о томъ заранѣе. Такимъ образомъ, вслѣдствіе этого закрытія, вслѣдствіе полнаго застоя въ ліонскомъ шелковомъ издѣліи, населенію Круа-Русса предстоитъ голодать,—впредь до новаго распоряженія. Круа-Руссъ попробовалъ напомнить о себѣ демонстраціями, но не рѣшился сдѣлать энергической демонстра-

ціи, потому что для таковыхъ теперь время плохое. Тотчасъ же обвинятъ въ подкупѣ пруссаками, національная гвардія поспѣшитъ на площадь во всеоружіи противъ *домашнихъ пруссаковъ*. „Мы посмотримъ—говорилъ мнѣ одинъ изъ голодающихъ Круа-Русса,—какъ наша національная гвардія поспѣшитъ показать свою храбрость противъ *не-домашнихъ*, а *настоящихъ* пруссаковъ: она бережетъ свои деньги, и не помышляетъ, что пруссаки раззорятъ ее во сто разъ болѣе, чѣмъ всѣ наши требованія"!.

Но вотъ, вслѣдъ за Круа-Руссомъ, самъ ліонскій муниципальный совѣтъ громко выражаетъ свое недовольство военными дѣйствіями правительства, и обращается съ призывомъ и къ правительству и къ коммюнамъ Франціи.

„Спасеніе Франціи требуетъ участія въ немъ всѣхъ ея дѣтей, и мы видимъ съ глубокимъ сожалѣніемъ преступное равнодушіе, душащее патріотическія чувства въ большой части департаментовъ. Ничего до сихъ поръ не сдѣлано на югѣ Франціи: люди, призванные къ оружію, нагло прогуливаются по улицамъ и оскорбляютъ чувство патріотовъ. Въ другихъ мѣстахъ меры посвящаютъ всю свою дѣятельность на укрывательство нарушителей закона о всеобщемъ повстаніи. Истинная причина всѣхъ этихъ бѣдствій заключается въ неразумномъ выборѣ служителей республики и въ полномъ отсутствіи ихъ отвѣтственности.... Бездѣятельность, неспособность, предательство — стали теперь синонимами. — Мы требуемъ теперь отъ васъ, граждане-министры, чтобъ суровая кара постигла высшихъ администраторовъ, префектовъ, интендантовъ, неисполняющихъ точно своихъ обязанностей въ опредѣленный срокъ, и чтобы меры и муниципальные совѣтники были отвѣтственны за свои дѣйствія. Тогда половина Франціи не будетъ присутствовать равнодушно и апатично при разрушеніи общаго отечества. Развѣ событія не достаточно серьезны, и опасность не довольно грозитъ, чтобы вы могли еще медлить примѣненіемъ этихъ мѣръ. По-менѣе декретовъ! по-менѣе прокламацій! смѣлость и дѣйствія! Не забудьте, что Франція имѣетъ право знать свое настоящее положеніе; что ее тяготятъ эти умалчиванія, скрывающія правду, эти обманчивыя надежды, разрушаемыя на другой день. Несмотря на предательства, опутавшія ее со всѣхъ сторонъ, съ самаго дня ея рожденія, республика достаточно сильна, для того, чтобы преодолѣть своихъ внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ, и когда страна поклялась побѣдить или умереть, то она столько же не считаетъ своихъ пораженій, сколько и своихъ враговъ".

Этотъ адресъ умѣреннаго ліонскаго совѣта вполнѣ вѣрно выражаетъ собою недовольство весьма многихъ департаментовъ [1]).

---

[1]) Не говоря уже о Марсели, Тулузѣ, С. Этьенѣ и пр., въ самомъ Бордо, не-

Въ высшей степени характеристично при этомъ засѣданіе муниципальнаго совѣта, въ которомъ шли разсужденія объ адресѣ. Одинъ изъ совѣтниковъ требуетъ, чтобъ было выражено полное недовѣріе къ правительственной коммиссіи вооруженія; другой, чтобъ правительство не поручало болѣе начальство надъ войсками генераламъ имперіи; третій, чтобъ правительство прямо было обвинено въ предательствѣ. При вопросѣ о врученіи адреса правительству, въ отвѣтъ на предложеніе отправить депутацію, одинъ изъ совѣтниковъ замѣчаетъ, что „депутація—лишняя, что она была бы только тогда полезна, еслибъ могла войти въ самый составъ правительства и придать ему силу и способность, которыхъ совершенно нѣтъ у правительства, и кромѣ того, *содѣйствіе можетъ быть оказано правительству только по соглашенію со всѣми другими городами Франціи*. Другой членъ муниципальнаго совѣта полагаетъ, что присутствіе вялыхъ стариковъ въ правительствѣ не имѣетъ смысла; во всей делегаціи правительственной есть только одинъ человѣкъ, и очень молодой человѣкъ — Гамбетта, который одинъ составляетъ правительство; но этотъ человѣкъ не достаточенъ одинъ, и надо указать ему подземную работу реакцій противъ него, и потребовать, чтобъ онъ присоединилъ къ своему правительству людей, представляющихъ всѣ большіе центры Франціи". „Такое требованіе, замѣчаетъ этотъ третій—должно быть сдѣлано заразъ всѣми департаментами, или до тѣхъ поръ правительство останется немощно".

Такимъ образомъ, мы опять встрѣтились съ тѣмъ же требованіемъ участія народной иниціативы въ дѣлахъ защиты республики, о которомъ я говорилъ и въ прошломъ письмѣ, описывая движеніе въ Марсели. — Тоже самое требованіе идетъ со всѣхъ концовъ Франціи, съ юга и съ запада. Но одинъ отвѣтъ Гамбетты делегатамъ *юго-западной лиги* вполнѣ обрисовываетъ отношеніе диктаторской власти къ серьезному участію такой иниціативы въ дѣлахъ Франціи.—„Правительство національной защиты, которому мы должны были оффиціально заявить объ образованіи юго-западной лиги и на усмотрѣніе котораго мы подвергли нашу программу, объявило намъ, что оно не допускаетъ лигъ, и что оно рѣшилось преслѣдовать ихъ всегда и повсюду, желая не допустить нарушенія своей власти... Въ его глазахъ, лиги грозятъ нарушить единство и нераздѣльность республики и повести Францію къ федераціи". Таковъ отчетъ делегатовъ.

смотря на присутствіе въ немъ Делегація правительства, муниципальный совѣтъ вотировалъ тоже адресъ, подобный ліонскому: «Время—говорится въ немъ между прочимъ—время полумѣръ прошло; наступилъ часъ великихъ рѣшеній; надо, чтобъ все, что представляетъ препятствіе національной защитѣ—было удалено. Муниципальн. совѣтъ Бордо умоляетъ правительство принять самыя энергическія, самыя дѣйствительныя мѣры для того, чтобъ исчезли причины нашихъ неудачъ и чтобъ обезпечить торжество нашихъ армій.

Между тѣмъ, самое страшное зло военной защиты Франціи, самая роковая причина ея неудачъ — лежитъ именно въ *локализмѣ* защиты: каждая провинція, каждый департаментъ, каждый городъ и каждая деревня заботятся преимущественно только о своемъ существованіи и знать не хотятъ остальной Франціи. Если Ліонъ пришелъ въ возбужденное состояніе при извѣстіяхъ о битвѣ въ *Нюи*, то и здѣсь была причина *локализма*; въ битвѣ, какъ я говорилъ, участвовали ліонскіе легіоны; Ліонъ не возмущался такъ при несравненно болѣе кровавыхъ битвахъ. И посмотрите, что выходитъ: со взятіемъ Тура опасность наступила и для департаментовъ Бретани и Вандеи; ихъ любимому Нанту стало грозить вторженіе. Жители переполошились; республиканскій комитетъ требуетъ организаціи сопротивленія *для огражденія Нанта и Бретани*, требуетъ назначенія *особаго* молодого и энергическаго генерала для командованія всѣми военными силами *запада*! И журналы Нанта требуютъ отъ *мѣстныхъ* властей, чтобъ они попросили *генерала* у делегаціи въ Бордо; если же делегація замедлитъ отвѣтомъ, то пусть мѣстныя власти сами найдутъ генерала (генералъ найденъ заранѣе—Кератри, только онъ желаетъ попытаться получить одобреніе изъ Бордо) и организуютъ защиту Бретани и Вандеи (не Франціи!) Гдѣ же въ этомъ „единство и нераздѣльность"? Именно въ этомъ-то и заключается самый отчаянный *локализмъ* и сепаратизмъ; образованіе лигъ, которыя преслѣдуетъ Гамбетта, вызвало бы изъ французской націи несравненно болѣе могучую *единую* силу защиты и сопротивленія врагу. Вотъ почему, мы думаемъ, что прусскій „Государственный Указатель" ошибается, провозглашая, какъ мы видѣли, что Франція уже ведетъ *вполнѣ народную войну*. Нѣтъ, война еще и до сихъ поръ далеко не народная, потому что диктатура препятствуетъ такой войнѣ. Правда, поселяне сами во многихъ мѣстахъ встаютъ на защиту своей мѣстности, потому что видятъ, что имъ все равно не уйти отъ прусскихъ реквизицій и пожаровъ; но это явленіе далеко не общее.

Иниціатива южныхъ департаментовъ пробивается теперь наружу только въ томъ, что они сами, по своему усмотрѣнію, вотируютъ суммы для Гарибальди и снаряжаютъ для него волонтеровъ, и Гарибальди, такимъ образомъ, является болѣе самобытно-связующимъ звеномъ *общности* защиты, чѣмъ декреты Гамбетты.

Но если война продолжится еще нѣсколько недѣль и Парижъ будетъ взятъ, то пожалуй, „Государственный Указатель" окажется правъ, и нѣмецкому правительству придется возвѣстить опять о *новомъ* фазисѣ войны, которая для Франціи будетъ въ первый разъ настоящею народною войною. Тогда наступитъ время диктатуры голода, которую едвали устранятъ сѣмена, столь благородно жертвуемыя теперь англійскими фермерами на обсѣмененіе утученныхъ кровью полей Фран-

ціи. Но та война будетъ войною слѣпаго отчаянія, мести и освобожденія, когда придется сказать не только: горе побѣжденному! но и—горе побѣдителю!

Ав. Свиъ.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА.

НАРОДНАЯ БЕЛЬЛЕТРИСТИКА.

Народныя южнорусскія сказки.—Издалъ И. Рудченко. Выпускъ I-ый, 1869. Выпускъ II-ой, 1870. Кіевъ.

Русская этнографія въ послѣднее время сдѣлала большіе успѣхи, если не со стороны обработки, то со стороны собранія матеріала. Въ числѣ этого матеріала первое мѣсто занимаютъ памятники народной словесности, которыхъ въ послѣднее время издано у насъ весьма много. Къ сожалѣнію, надо сказать, что эти изданія обнимаютъ далеко не равномѣрно всѣ мѣстности Россіи и всѣ племена, составляющія русскій народъ. За немногими исключеніями, весь матеріалъ народной русской словесности, напечатанный въ послѣдніе десять-двѣнадцать лѣтъ, принадлежитъ къ произведеніямъ великорусскаго племени. Памятниковъ малорусскихъ и бѣлорусскихъ издается сравнительно очень мало. Между тѣмъ было время, когда относительнымъ обиліемъ, выборомъ и старательностію редакціи изданія малорусскихъ памятниковъ народной словесности превосходили изданія великорусскія. Такъ, до половины пятидесятыхъ годовъ, сборникамъ украинскихъ пѣсень и думъ гг. Максимовича, Метлинскаго и отчасти г. Срезневскаго, не говоря о другихъ, меньшихъ (Цертелева, Лукашевича), соотвѣтствовалъ въ великорусской этнографической литературѣ только сборникъ Сахарова. Не лишено характеристичности и то обстоятельство, что названные выше три издателя памятниковъ народной южнорусской словесности были профессора университетовъ, находящихся на югѣ Россіи,—кіевскаго и харьковскаго. Такое предпочтительное вниманіе къ южнорусской народной словесности, даже со стороны не южноруссовъ по происхожденію—каковъ, напр., проф. Срезневскій,—можетъ быть объяснено почти исключительно эстетическимъ интересомъ, какой въ прежнее время возбуждала народная словесность: по общему признанію, словесность южнорусская отличается значительными эстетическими красотами, которыми она превосходитъ великорусскую. Таково было мнѣніе и Бѣлинскаго.

Съ конца пятидесятыхъ годовъ эстетическое отношеніе къ словесности вообще, въ томъ числѣ и къ народной, смѣняется исторически-соціальнымъ. На этнографію стали смотрѣть, какъ на матеріалъ для характеристики быта народа, его нравственныхъ и общественныхъ понятій, его памяти о прошломъ — симпатій и антипатій. Пробудившійся интерессъ къ народной словесности повелъ за собою изданіе такихъ сборниковъ, какъ пѣсни, собранныя Кирѣевскимъ, Рыбниковымъ, Худяковымъ, сказки, изданныя г. Аѳанасьевымъ и др., пословицы Даля и т. п. Въ самомъ началѣ того литературнаго движенія, которое вызвало на свѣтъ упомянутыя тотчасъ изданія памятниковъ народной великорусской словесности, южнорусская этнографія не только не отставала отъ сѣвернорусской, но даже въ нѣкоторомъ отношеніи упреждала ее, чему доказательствомъ можетъ служить прекрасное въ этнографическомъ отношеніи изданіе записокъ о Южной Руси г. Кулиша и сборникъ пѣсень г. Костомарова, напечатанный въ малорусскомъ сборникѣ г. Мордовцева, отличающійся превосходнымъ выборомъ варіантовъ. Прекрасные, хотя отдѣльные нумера народныхъ пѣсень и разсказовъ стала печатать и „Основа". Но скоро изданіе памятниковъ народной южнорусской словесности оборвалось именно въ то время, когда изданіе памятниковъ словесности великорусской стало идти въ гору, когда въ обществѣ пробудился интересъ къ этнографіи по мѣрѣ того, какъ эта послѣдняя начала оставлять прежній исключительно-археологическій и эстетическій характеръ, и стала покушаться на составленіе выводовъ о бытѣ и духѣ народа. Изданіе памятниковъ народной великорусской словесности оставило далеко позади себя изданіе памятниковъ южнорусскихъ. Это обстоятельство отнюдь нельзя приписать большему интересу къ изученію народности въ публикѣ сѣвернорусской передъ южнорусской. Конечно, центры образованія и книжности находятся у насъ на сѣверѣ,—чѣмъ объясняется и большее число спеціалистовъ по всѣмъ отраслямъ знаній въ Петербургѣ и Москвѣ, чѣмъ въ Харьковѣ или Кіевѣ. Конечно также, что книги, содержащія сырой матеріалъ, какъ, напримѣръ, памятники народной словесности, не могутъ имѣть очень большого и быстраго сбыта. Но ни то, ни другое не говоритъ противъ интереса южнорусскаго общества къ изученію своей этнографіи. Во всякомъ случаѣ, сборниковъ гг. Максимовича и Метлинскаго теперь нѣтъ въ продажѣ, значитъ они раскуплены; не много осталось и записокъ о Южной Руси и сборника г. Мордовцева. Это обстоятельство говоритъ, что явись лица, которыя бы взяли своей спеціальностію изданіе матеріяла для южнорусской этнографіи, будь сдѣланы для этого единовременныя затраты труда и капитала, — и общество, хотя медленно, но оплатило бы капиталъ, если не трудъ. Но дѣло въ томъ, что по многимъ причинамъ спеціалистамъ, которые бы имѣли досугъ и средства для посвя-

щенія себя изученію Южной Руси, не легко образоваться; оффиціальные же спеціалисты въ центрахъ науки на югѣ Россіи, за самыми малочисленными исключеніями, или пребываютъ въ покоѣ, или занимаются чѣмъ угодно, кромѣ изученія того, что у нихъ предъ глазами. Югъ Россіи не имѣетъ ученыхъ органовъ, каковы, напр., Московское историческое общество, или Московское же общество любителей словесности, которое оказало такое дѣятельное пособіе при изданіи сборниковъ пѣсень Кирѣевскаго и Рыбникова, пословицъ и словаря Даля, безъ чего эти труды, весьма можетъ быть, остались бы долго неизданными, или окончились бы на первомъ выпускѣ, какъ, напр., Сборникъ украинскихъ пѣсень г. Максимовича, или южнорусскій словарь г. Шейковскаго. Какъ бы тамъ ни было, — а въ то время, какъ великорусскія пѣсни, думы, сказки издаются въ большомъ числѣ и становятся предметомъ для ученыхъ изслѣдованій, диссертацій, журнальныхъ статей, занимаютъ видное мѣсто въ курсахъ среднихъ учебныхъ заведеній и наполняютъ даже учебныя пособія для дѣтей младшаго возраста,—южнорусская народная словесность, которую всѣ хвалятъ въ общихъ словахъ, весьма лестно (напр., г. Галаховъ говоритъ, что южнорусская народная поэзія, по своему историческому и эстетическому значенію, принадлежитъ къ самымъ замѣчательнымъ явленіямъ безъискусственнаго творчества), остается, можно сказать, въ забвеніи. Въ послѣдній десятокъ лѣтъ изъ изданій этой словесности явились только Сборникъ украинскихъ пословицъ г. Номиса, изданіе тщательное и по систематичности и полнотѣ едва ли не превосходящее Далевское, но за то пропущенное, кажется, вовсе безъ вниманія нашею ученою критикою, — и сборникъ галицко-русскихъ пѣсень г. Головацкаго, печатавшійся въ Чтеніяхъ московскаго общества исторіи— изданіе, отличающееся плохою системою и подчасъ выборомъ, хотя во всякомъ случаѣ заключающее въ себѣ богатый матеріалъ. Но и это изданіе почему-то прервалось и вотъ уже болѣе двухъ лѣтъ не продолжается. Ни изслѣдованій, ни журнальныхъ статей по малорусской народной словесности не появляется. (Исключеніе составляетъ, если не ошибаемся, только весьма живая, не затерянная для массы публики въ „Чтеніяхъ" за 1867 г., статья о малорусской женщинѣ по пѣснямъ г. Боровиковскаго и отчасти недавняя статья: Малороссія въ ея словесности, въ „Вѣстникѣ Европы"). Въ курсахъ словесности, назначенныхъ для общаго образованія во всѣхъ мѣстностяхъ Россіи, южнорусская народная словесность едва упоминается. Что же касается до употребленія ея съ педагогическою цѣлью въ элементарномъ образованіи въ такомъ видѣ, въ какомъ, напр., употребляется великорусская народная словесность въ учебникахъ и христоматіяхъ, то объ этомъ и говорить нечего, — такъ какъ особымъ распоряженіемъ, вы-

званнымъ паникою 1863 г., всякая малорусская строка въ книгѣ для элементарнаго образованія должна быть истреблена цензурой.

При такомъ положеніи южнорусской народной словесности въ нашей литературѣ, всякое изданіе ея памятниковъ заслуживаетъ вниманіе, какъ попытка помочь всестороннему изученію русской народности, изученію, отъ котораго у насъ столько ждутъ и мистическихъ и реальныхъ послѣдствій. Въ предисловіи къ первому выпуску „Народныхъ южнорусскихъ сказокъ“ г. Рудченко изъявляетъ желаніе издать возможно болѣе подобнаго матеріала, — а именно сказокъ, которыя тѣмъ болѣе въ настоящую минуту интересны, что южнорусскія сказки до сихъ поръ печатались только въ ничтожномъ числѣ экземпляровъ по разнымъ изданіямъ, — такъ что въ этомъ отношеніи южнорусская этнографія отстала всего болѣе. Г. Рудченко уже напечаталъ два выпуска южнорусскихъ сказокъ и объявляетъ о приготовленіи къ печати третьяго. Пожелаемъ ему догнать изданіе г. Аѳанасьева хоть въ количественномъ, если не въ качественномъ отношеніи,—а пока скажемъ нѣсколько словъ о напечатанныхъ выпускахъ.

Между редакціей перваго и второго выпуска есть разница, и притомъ въ пользу второго. Въ первомъ, по нашему мнѣнію, слишкомъ уже много варіантовъ однихъ и тѣхъ же сказокъ. Варіанты эти каждый, правда, заключаютъ въ себѣ что-либо новое, — но все-таки, въ видахъ экономіи мѣста, слѣдовало бы помѣщать изъ нихъ только то, что дѣйствительно новое, — какъ и сдѣлано во второмъ выпускѣ, въ которомъ почти всѣ сказки оригинальны. Притомъ, въ первомъ выпускѣ есть сказки характерныя по содержанію, но довольно плохо изложенныя, очевидно, вслѣдствіе малаго искусства попавшагося разсказчика, а подчасъ и записывателя (сборникъ г. Рудченко состоитъ изъ сказокъ, доставленныхъ многими лицами). Безъ сомнѣнія, содержаніе для спеціалистовъ важнѣе формы, — но не-спеціальный этнографъ можетъ остаться недоволенъ, встрѣчая чаще, чѣмъ бы слѣдовало, сказки съ малохудожественной формой. Наконецъ, первый выпускъ содержитъ нѣсколько сказокъ, представляющихъ отрывки, изъ коихъ одинъ (№ 70), даже мало понятенъ. Всѣ эти недостатки почти не существуютъ во второмъ выпускѣ,—что слѣдуетъ объяснить, кромѣ опыта, еще и бо́льшимъ выборомъ матеріала, доставленнаго издателю.

По роду матеріала, сказки, изданныя г. Рудченкомъ, весьма разнообразны. Онъ включалъ въ свое изданіе (какъ и г. Аѳанасьевъ) не только сказки въ собственномъ смыслѣ слова, но и народныя басни, разсказы, анекдоты и, отчасти, легенды, — хотя послѣднимъ, какъ показываетъ примѣръ изданія г. Аѳанасьева, еще долго не придется получить право гражданства въ нашей литературѣ, благодаря духовной цензурѣ. Такое разнообразіе, быть можетъ, покажется предосудительно

строгимъ приверженцамъ раздѣленія поэзіи на роды и виды, но за то весьма полезно для этнографа, сообщая ему матеріалъ для характеристики не только народныхъ преданій, миѳологическихъ понятій и художественной изобрѣтательности, но и бытовыя черты и образчики нравственныхъ и общественныхъ понятій народа. Такъ какъ пока еще южнорусскихъ сказокъ печатано мало (отъ 20 — 30 варіантовъ разбросано въ разныхъ изданіяхъ, въ томъ числѣ наиболѣе —11 — у г. Аѳанасьева, а у г. Рудченка 83 варіанта въ первомъ выпускѣ и 54 во второмъ), то всякіе сколько-нибудь рѣшительные выводы о свойствѣ южнорусскихъ сказокъ, о миѳологическихъ, нравственныхъ и иныхъ понятіяхъ южнорусскаго народа по сказкамъ пока еще преждевременны. Мы позволимъ себѣ только нѣсколько самыхъ бѣглыхъ и общихъ замѣчаній лишь о тѣхъ сказкахъ, которыя находятся въ напечатаныхъ г. Рудченкомъ выпускахъ.

Каждый выпускъ г. Рудченка начинается съ сказокъ о звѣряхъ. Начало этихъ сказокъ, безъ сомнѣнія, очень древне, еще въ эпохѣ фетишизма и зооморфизма. Но южнорусскіе варіанты такихъ сказокъ показываютъ, насколько масса народа малорусскаго уже ушла отъ первоначальнаго страха передъ звѣрями, что и слѣдовало ожидать, такъ какъ народъ этотъ давно уже сталъ земледѣльческимъ. Звѣриный эпосъ у южноруссовъ принялъ уже почти окончательно дѣтскій характеръ. Даже хищные звѣри, волкъ и медвѣдь, поставляются вовсе не въ страшное, но въ комическое положеніе и изображаются большими дураками и даже трусами, — какъ это можно видѣть особенно изъ прелестной, полной юмора сказки „Бідный вовк“ (вып. I, № 1), или другой, тоже довольно юмористической, хотя и уступающей первой сказки „Лисичка, кіт, вовк, медвідь и кабан“ (вып. I, № 12). Даже лисица, при всей своей знаменитой хитрости, посрамляется то людьми, то домашними животными, напр. собакой (въ прекрасной сказкѣ Лисичка-сестричка, вып. I, № 7), и даже кошкой (напр. въ граціозной сказкѣ Лисичка, котик и пiвникъ, вып. I, № 15, вып. II, № 4). Сборникъ г. Рудченка впрочемъ не заключаетъ въ себѣ сказокъ изъ глубокаго Полѣсья, Волынской или Гродненской губерніи, гдѣ отношенія къ звѣрямъ должны носить нѣсколько иной, менѣе юмористическій характеръ. Нѣкоторыя изъ сказокъ о животныхъ совершенно приноровлены для дѣтей самаго малаго возраста, и чрезвычайно граціозны по формѣ, сохраняя въ тоже время внѣшніе характеристическіе признаки разныхъ животныхъ,—напр., кромѣ названныхъ, „Звѣри въ рукавичкѣ“ (вып. II, № 1), „Коза-дереза“ (вып. I, № 25), и въ особенности „Горобець та былина“ (ib., № 27) и „Хозяйство“ (ib., № 28), которыя такъ и просятся въ иллюстрированное изданіе для дѣтей, въ родѣ „Родное Слово“ г. Ушинскаго.

Ближе всего къ звѣрямъ въ народномъ сознаніи стоятъ звѣропо-

добные люди и оборотни. Сказокъ о нихъ у г. Рудченка очень мало — можетъ быть потому опять-таки, что нѣтъ сказокъ изъ Полѣсья, гдѣ должны быть сказки объ оборотняхъ, о которыхъ собственно у г. Рудченка нѣтъ ни одной сказки. Двѣ сказки, въ которыхъ дѣйствуютъ звѣроподобные люди, напечатанныя у г. Рудченка, представляютъ образы, кажется, не мѣстные, а заимствованные. Таковы людоѣды-песиголовцы въ сказкѣ „Парубокъ и Чорт." (вып. I, № 39) и женщина въ шерсти на необитаемомъ островѣ въ сказкѣ „Волохаті люде" (в. II, № 9). Послѣдняя сказка, разсказывающая о томъ, какъ одинъ человѣкъ послѣ кораблекрушенія попалъ на островъ и встрѣтилъ обросшую шерстью женщину, которая накормила его, увела въ пещеру, какъ онъ прижилъ съ нею дитя до половины покрытое шерстью, и потомъ сѣлъ на подъѣхавшій случайно корабль, а его волосатая супруга съ горя разорвала дитя, причемъ бѣлую половину бросила въ море, а покрытую шерстью закопала въ землю, — сказка эта, очевидно, иностраннаго, книжнаго происхожденія. Когда южнорусскихъ сказокъ будетъ больше издано, то, навѣрно, сказокъ такого, явно иноземнаго, происхожденія найдется больше, и по нимъ можно будетъ судить о степени проникновенія въ массу южнорусскаго народа той басенно-сказочной и фантастически-географической литературы, какая была въ ходу въ Европѣ между XIV-мъ и XVII-мъ вѣками. Въ сборникѣ г. Рудченка мы встрѣтили одну сказку индѣйскаго происхожденія (и притомъ не стараго, арійскаго вѣка, а поздняго, послѣ-буддійскаго), попавшую во многія европейскія басенныя литературы; она разсказываетъ о томъ, какъ монахъ пекъ яйцо на свѣчкѣ въ постъ. Въ южнорусскомъ варіантѣ монахъ называется *калугиръ*, что указываетъ на то, что сказка перешла черезъ Аѳонъ и Болгарію, не безъ посредства людей книжныхъ [1]).

За сказками звѣринаго цикла, которыхъ особенно много въ I-мъ выпускѣ, у г. Рудченка слѣдуютъ сказки демонологическія, въ которыхъ дѣйствуютъ черти, а потомъ богатырскія, изъ коихъ многія имѣютъ болѣе или менѣе явный миѳологически-стихійный колоритъ. Характеръ, съ какимъ является въ южнорусскихъ сказкахъ чортъ, показываетъ тоже, какъ и характеръ южнорусскаго звѣринаго эпоса, значительный

---

[1]) Отдѣльныя черты и образцы съ индѣйскимъ характеромъ, напр. яйцо, изъ котораго выходятъ стада животныхъ (сказка Яйце-Райце, вып. I, № 52, 53) и цѣлыя сказки, сходныя съ находящимися въ Панчатантрѣ (напр. Зла Химка и Чортъ вып. I, № 31—32) могли зайти въ Русь и не книжнымъ образомъ. Впрочемъ опять скажемъ, что желательно бо́льшее число печатныхъ южнорусскихъ сказокъ. Россія, особенно югъ ея, могутъ сильно помочь уясненію поднятаго Бенфеемъ вопроса о распространеніи сказочной индійской литературы въ Европѣ съ запада черезъ мавровъ и съ востока черезъ татаръ. Коротко объ этомъ вопросѣ см. M. Karrier die Kunst и проч., т. I.

шагъ впередъ народа. Чортъ въ малорусскихъ сказкахъ вовсе не страшенъ, а скорѣе глупъ, хотя проказливъ, или же иногда вступаетъ въ добродушно-пріязненныя отношенія съ людьми, и вообще представляется въ комическомъ видѣ. Чорта дурачитъ баба, кузнецъ, цыганъ, солдатъ (вып. I, № 29, 41; вып. II, № 45, 46), чортъ-змій является трусомъ и дуракомъ даже и передъ весьма не хитрой лисицей (вып. II, № 5). Даже пьяница, заложившій чорту душу, избавляется отъ него,—правда съ помощью совѣта, даннаго святыми, но вовсе не замысловатаго (вып. II, № 10, 11). Въ одной сказкѣ человѣкъ даже избавляетъ самого чорта отъ опасности быть съѣденнымъ волкомъ (вып. I, № 39), за что чортъ остается премного благодаренъ избавителю. Согласно религіознымъ понятіямъ, черти и въ южнорусскихъ сказкахъ успѣваютъ овладѣть душами и тѣлами людей, — но только на время; люди побѣждаютъ чертей если не хитростью, такъ молитвою, какъ напр. въ сказкѣ Відьма, въ которой паробокъ выгоняетъ чертей изъ вѣдьмы и женится на ней (вып. I, № 42), или въ прекрасной сказкѣ Упирь и Миколай, которой конецъ схожъ съ сюжетомъ гоголевскаго Вія, съ тою только разницею, что у Гоголя Хома Брутъ растерзанъ вѣдьмою и чертями, а здѣсь набожный паробокъ съ помощью образа св. Николая отчиталъ дочь царя, которою овладѣли-было бѣсы, и женился на ней (вып. II, № 12). Примѣры эти показываютъ, что южнорусскій народъ усвоилъ изъ христіанскаго дуализма болѣе свѣтлую, чѣмъ мрачную сторону, надъ своей же, чистонародной и двувѣрной демонологіей возвысился до юмористическаго къ ней отношенія.

Сказокъ богатырскихъ сборникъ г. Рудченка представляетъ не мало, — и между ними есть превосходныя въ художественномъ отношеніи, каковы въ особенности № 49 перваго выпуска (ЦаренкоНовішній), и №№ 25, 27, 28, 29 второго выпуска (Летючій корабель, Богатырь у бочки, Царівна Жаба, Ох) и др. Богатырскія сказки въ большинствѣ случаевъ миѳологическаго происхожденія; ихъ миѳологическое значеніе теперь состоитъ въ томъ, что или герои ихъ сами суть стихійные боги, явные или превращенные, или имѣютъ столкновеніе съ такими богами. Большее или меньшее очеловѣчиваніе героевъ, большая или меньшая примѣсь части художественнаго элемента въ разсказѣ, — свидѣтельствуетъ о большемъ, или меньшемъ удаленіи народа отъ первоначальнаго миѳологическаго міровоззрѣнія. Что касается до сказокъ, которыя теперь передъ нашими глазами, то, кажется намъ, объ нихъ можно сказать слѣдующее: сказки южнорусскія представляютъ дѣйствующими стихійные предметы, которые оказываютъ непосредственное вліяніе на жизнь народную,—какъ-то солнце, морозъ, вѣтеръ и т. п., называя ихъ ясно подъ собственными именами (напримѣръ см. №№ 44 и 45 перваго выпуска — Иванъ Ивановичъ

руській царевичъ и Безсчасный Иванъ; и №№ 31 и 32 второго — Вітеръ и Торба). Или же южнорусская сказка, еще чаще, передаетъ похожденія лицъ, которыя были когда-то стихійными, но теперь очеловѣчились до того, что похожденія ихъ интересуютъ народъ только со стороны своей фантастической занимательности (большая часть нумеровъ богатырскихъ сказокъ); лица эти сталкиваются съ разными чудищами (большею частью побѣждая ихъ въ концѣ концовъ); чудища эти, конечно, сохранили больше стихійныхъ чертъ, но черты эти рѣдко принадлежатъ къ опредѣленному роду стихій,—а представляютъ сводъ разныхъ страшныхъ чертъ, составляющихъ болѣе или менѣе отвлеченное, фантастическое существо — змія, чорта и т. п. Съ бо́льшею миѳологическою индивидуальностью выступаетъ въ числѣ этихъ чудищъ только подземный царь, какъ напр., въ особенности Ох, представляющій соединеніе чертъ лѣсного бога съ подземнымъ (№ 29, вып. II). Иногда и эти чудища и боги изображаются комическими чертами, а иногда и вся сказка, въ которой представляется стихійное существо и его дары, получаетъ совершенно юмористическій характеръ, какъ напр., №№ 31 и 32 вып. II, въ которыхъ изъ подаренной вѣтромъ торбы выскакиваютъ казаки или молотокъ и начинаютъ бить вызвавшаго ихъ, ожидавшаго получить деньги, или обѣдъ. Такимъ образомъ, южнорусская богатырская сказка имѣетъ наклонность или къ чистому матеріализму изображенія стихій, или къ чистой фантастичности. Гораздо менѣе свойственъ ей средній терминъ—смѣшеніе стихійныхъ чертъ съ животными и человѣческими, порождающее преимущественно сказки о превращеніяхъ. Такого рода сказокъ есть не много въ сборникѣ г. Рудченка; изъ нихъ, напр., (№ 43, вып. I) „Ужцаревичъ и вірна жона“ заставляетъ предполагать въ ужѣ-царевичѣ превращеніе солнечнаго божества, а царівна-жаба (№ 28, вып. II) есть очевидно божество того же солнечнаго цикла, только женскаго рода. Кромѣ своей болѣе или менѣе чистой фантастичности, южнорусскія богатырскія сказки отличаются скорѣе моралистическимъ, нежели миѳологическимъ колоритомъ. Герои ихъ преодолѣваютъ препятствія и получаютъ богатства, женъ и т. п. блага въ награду за терпѣніе, за милосердіе и т. п. нравственныя качества (см. особенно сказки II-го выпуска). Въ особенности снисхожденіемъ герои получаютъ любовь и помощь животныхъ, — которыхъ роль во многихъ богатырскихъ сказкахъ, а также коварство женщины—сестры героя, заставляетъ выводить эти сказки прямо изъ Индіи.

Если сказки богатырско-фантастическія въ южнорусской редакціи получили моралистическій пошибъ, то имъ всецѣло отличаются сказки, которыхъ дѣйствіе происходитъ въ семьѣ. Сказки подобнаго рода отличаются трогательнымъ, симпатическимъ характеромъ и могутъ оказывать полезное вліяніе на дѣтей. Такова, напр., Голуб (вып. II,

№ 14),—о томъ какъ съ голоду дідъ и баба съѣли своего сына, какъ сестра не ѣла, а закопала косточки брата, поливала водою, какъ выросъ изъ нихъ голубь, который и пропѣлъ пѣсню о своей смерти.

Послѣдній отдѣлъ въ сборникѣ г. Рудченка составляютъ разсказы, занимающіе средину между сказками и анекдотами. Содержаніе ихъ— бытовое. Разсказы подобнаго рода, напечатанные въ I-мъ выпускѣ, часто весьма плохи по формѣ, хотя все-таки не безъинтересны по содержанію,—во второмъ же выпускѣ почти всѣ очень хороши и по формѣ. Г. Рудченко говоритъ, что онъ не безъ умысла помѣщалъ сказки полународнаго, лакейскаго происхожденія, довольно безобразныя по формѣ и языку, а часто и по понятіямъ и содержанію, чтобъ показать вредное вліяніе на народную поэзію и на самый народъ полуобразованной, промежуточной среды, лакейско-солдатской. Это совершенно вѣрно,—но, кажется, г. Рудченко въ I-мъ выпускѣ превзошелъ мѣру въ печатаніи такихъ разсказовъ. Разсказовъ лакейской редакціи довольно много среди бытовыхъ сказокъ въ первомъ выпускѣ. Лакейская редакція прошла особенно по сказкамъ о разбойникахъ и ворахъ.

Не блистательны по редакціи и мало симпатичны по духу и многіе изъ сказокъ о „злыхъ", лѣнивыхъ и невѣрныхъ жонахъ (№№ 62, 65, 67, вып. I), исправляемыхъ большею частью палкою и батогомъ. По нимъ однакожъ нельзя составить понятія о семейныхъ нравахъ южноруссовъ вообще, ни даже объ общихъ принципахъ южнорусскаго семейнаго права. Сказки эти рисуютъ одну только сторону семейнаго быта, котораго другая, противуположная, представляется лирическими пѣснями. Впрочемъ и изъ сказокъ о „злыхъ" женахъ есть нѣсколько, полныхъ дебеловатаго, но неподдѣльнаго юмора, напр., № 61, вып. I, о томъ, какъ мужъ засталъ у жены волокиту-попа, № 63 и ея варіантъ № 64, о томъ, какъ мужъ, заставъ, что жена его спитъ, а не жнетъ, обмазалъ ей голову смолою и сдѣлалъ видъ, что принимаетъ ее за чорта, когда она пришла домой и т. д., № 66—(Явдоха - Святоха)— отравленіе лѣнивой жены-святоши и др. Почти безъ исключенія полны юмора разсказы нравоописательные, представляющіе типы и типическія черты разныхъ сословій и народностей: солдатъ, поповъ, цыганъ, жидовъ, литвиновъ (вып. II, №№ 37—53). На такихъ разсказахъ вскормленъ юморъ Гоголя, въ „Вечерахъ на хуторѣ" котораго такъ много образовъ, прямо взятыхъ изъ народныхъ разсказовъ.

Мы окончили краткій отчетъ о содержаніи двухъ выпусковъ народныхъ южнорусскихъ сказокъ, изданныхъ г. Рудченкомъ. Надѣемся, изъ него читатель можетъ убѣдиться, какой интересъ имѣетъ эта, еще мало изслѣдованная область народной русской словесности. Какъ ни старались мы воздерживаться по двумъ выпускамъ дѣлать заключенія объ общихъ свойствахъ южнорусской сказки, нѣкоторыя изъ обобщеній невольно напросились подъ наше перо. Даже и то небольшое число

сказокъ, которое мы имѣли передъ глазами, отражаетъ въ себѣ характеристическія черты южнорусскаго племени: богатое развитіе фантазіи и въ то же время стремленіе къ свободному мышленію (напр., въ отношеніи къ демонологіи и въ легендахъ), стремленіе къ морали и анализу жизни, которые вмѣстѣ производятъ ту юмористическую наблюдательность, какую представляютъ намъ указанныя выше бытовыя сказки преимущественно II-го выпуска. Народная словесность въ настоящее время переживаетъ трудный кризисъ: она, можно сказать, подвергается разложенію подъ вліяніемъ полународныхъ, псевдо-цивилизованныхъ сферъ, какъ, напр., приказчики, лакеи, солдаты и даже выше стоящіе. Кризисъ этотъ для народа южнорусскаго усложняется еще тѣмъ, что сферы выходящія изъ народа подвергаются великорусскому вліянію и совершенно обезнароживаются. Впрочемъ, для народной южнорусской словесности это послѣднее обстоятельство имѣетъ и не безвыгодныя стороны. Если судить по сборникамъ великорусскихъ народныхъ пѣсенъ позднѣйшаго времени, напр., по сборнику г. Якушкина, то великорусская народная поэзія угрожаетъ погибнуть подъ наплывомъ безобразныхъ цыгано-лакейскихъ и солдатскихъ, то цинически-разудалыхъ, то клубнично-сентиментальныхъ измышленій, которыя несутъ въ народъ иногда даже лица, обзывающія себя цивилизованными пѣвцами. Подобнаго рода поэзія лѣзетъ и въ малорусскія села изъ лагерей и переднихъ, русскихъ и польскихъ, но съ меньшимъ удобствомъ, какъ все-таки чужая, и притомъ, если уже пролазитъ, то меньше портитъ народную поэзію: при худшемъ исходѣ, послѣдняя только забывается или кругъ ея распространенія съуживается, но по крайней мѣрѣ она менѣе ассимилируется съ лакейскою. Такимъ образомъ, малорусская народная словесность болѣе отступаетъ, чѣмъ портится. Но если она гдѣ сохраняется, то сохраняется въ достаточной чистотѣ, и если новые мотивы жизни возбуждаютъ мысль и чувство народа, то появляются и новыя произведенія или новыя редакціи ихъ, мало уступающія, а иногда и превосходящія старыя. Читатели „Вѣстника Европы“ могли недавно ознакомиться съ образцами народныхъ южнорусскихъ пѣсенъ новѣйшаго образованія съ соціально-историческимъ содержаніемъ. Сказки, изданныя г. Рудченкомъ, заключаютъ въ себѣ нѣсколько нумеровъ явно новѣйшихъ редакцій. Таковъ, напр., № 1-й I-го выпуска въ отдѣлѣ животнаго эпоса; множество чертъ новѣйшихъ находится въ отдѣлѣ нравоучительномъ и нравоописательномъ. Но всего характернѣе въ этомъ отношеніи сказка „Гордый Царь“ (вып. II, № 36),—которая вмѣстѣ и нравоучительная и нравоописательная. Мы думаемъ, что нѣкоторыя наши замѣчанія о малорусской народной поэзіи будутъ подтверждены, если мы переводомъ познакомимъ читателей, не имѣвшихъ въ рукахъ разбираемаго сборника, съ этой сказкой, которая, замѣтимъ мимоходомъ, сходна по мотиву съ недавно обошедшей весь свѣтъ сказкой-памфлетомъ Лабуле „Prince-Caniche“.

„Въ нѣкоторомъ царствѣ, въ нѣкоторомъ государствѣ, — такъ начинается наша сказка, — не въ нашей землѣ, не на нашей памяти, жилъ себѣ царь, да такой гордый, такой гордый, что не приведи Господи! Кто бы ему что ни посовѣтывалъ, что бы ни говорилъ,—никого не послушаетъ, а дѣлаетъ все, что только ему на думку спадетъ,—и никто ему перечить не смѣй! Опечалились всѣ министры и бояре, за то опечалился и людъ весь.

„Разъ пошелъ царь въ церковь. Слушаетъ, — попъ читаетъ святое письмо.... Какое-то тамъ слово ему не понравилось, — мнѣ и говорили, да я на старости забылъ. Послѣ службы идетъ царь домой и велѣлъ попа привести. Приходитъ попъ.—„Какъ ты смѣлъ читать такое-то и такое мѣсто?“ — Какъ же не читать, говоритъ, когда написано!—„Такъ что жъ, что написано? Этакъ будетъ написано не знать-что, такъ ты и то будешь читать? Чтобъ ты это мѣсто замазалъ,—и больше читать не смѣй“.—Не я, ваше царское величество, писалъ тѣ слова, говоритъ попъ, не мнѣ ихъ и замазывать! — „Какъ ты смѣешь мнѣ перечить? Я царь—ты долженъ меня слушать“! — Все, говоритъ попъ, буду слушать, а въ церковномъ дѣлѣ Богъ постановилъ, а людямъ не перемѣнять! — „Какъ это не перемѣнять?! крикнулъ царь. Если захочу перемѣнить, то и перемѣню! Чтобъ ты мнѣ сейчасъ выкинулъ слова тѣ и чтобъ никогда не читалъ ихъ въ церкви! Слышишь“?—Не смѣю, говоритъ, не моя воля.—„Я тебѣ приказываю!“—Не смѣю, говоритъ.—„Ну, такъ я тебѣ даю три дня думать, а на четвертый день вечеромъ явись ко мнѣ, — и не сносить тебѣ головы на плечахъ„!—Попъ низенько поклонился и пошелъ домой.

„Вотъ уже третій день кончается, — а попъ и самъ не знаетъ, что дѣлать? умереть за вѣру не страшно, — да жена и дѣти маленькіе.... Ходитъ да плачетъ.... Горе! — Легъ онъ спать, — такъ не спится. Только къ свѣту заснулъ. Заснулъ и видитъ во снѣ: стоитъ въ головахъ ангелъ и говоритъ: „не бойся ничего: Богъ меня послалъ на землю боронить тебя!“ Всталъ попъ утромъ радостный, будто на свѣтъ народился и горячо помолился Богу.

„Просыпается и царь утромъ, да и крикнулъ, чтобъ скорѣе охотники собирались;—на охоту поѣдетъ.

„Охотятся они въ лѣсу. Вдругъ видитъ царь: олень выскочилъ изъ-за куста. Царь за нимъ; такъ гонится: олень не уйдетъ, царь не догонитъ. Распалился царь, погналъ коня: вотъ, вотъ, вотъ догонитъ!... Тутъ рѣчка на дорогѣ. Олень въ воду; царь одежу съ себя да себѣ въ воду. Плавать умѣлъ хорошо, думалъ — догонитъ. Вотъ-вотъ еще крошечку—и за рога бы ухватилъ. А олень переплылъ на берегъ,—и царь разомъ съ нимъ, да только хотѣлъ его за рога, — а оленя и не стало... (То былъ ангелъ). Царь удивился — смотритъ туда, сюда: гдѣ то олень дѣвался? Когда видитъ: на томъ берегу кто-то одѣвается

въ его одежду, садится на его коня и трогаетъ. Царь думалъ, что то воръ, а то былъ тотъ самый ангелъ. Принялъ онъ на себя обличье царя, догналъ охотниковъ и поѣхалъ съ ними домой. А царь остался голый въ лѣсу.

„Когда смотритъ: далеко гдѣ-то дымъ поднимается надъ лѣсомъ и будто облако стоитъ на чистомъ небѣ. Онъ подумалъ: „то, вѣрно, мои охотники огонь разложили“. Пошелъ туда на тотъ дымъ. Приходитъ,—а то кирпичный заводъ. Работники вышли; смотрятъ,—что это за человѣкъ голый? А онъ въ кустахъ ноги покалѣчилъ, тѣло поцарапано.... Люди смиловались надъ нимъ; дали ему старую завалявшуюся свитку, вынесли ему ѣсть хлѣба черстваго да огурцовъ... Спрашиваютъ: Скажи, человѣче, кто ты такой“?—Дайте, говоритъ, наѣмся, а то ѣсть хочу. — Накормили его. Можетъ, онъ отъ роду не ѣлъ ничего съ такимъ вкусомъ, какъ тотъ черствый хлѣбъ да огурцы. Вотъ какъ наѣлся, то и говоритъ: „Теперь скажу вамъ, кто я такой: я царь вашъ! Какъ прибуду въ столицу, то я васъ награжу“! — Ахъ, ты каналія! Чтобъ то нищій какой-то да смѣлъ себя царемъ величать?!... Смотри на него: еще и онъ награждать хочетъ!! „Вы, говоритъ, не смѣйте меня бранить, иначе велю вамъ головы срубить!“ —(Забылъ: думалъ, что дома)—Кто? ты?!—Да давай его бить. Били, били; взяли и прогнали.—Пошелъ онъ, по лѣсу блуждаючи.

„Идетъ да идетъ,—анъ видитъ снова: дымъ поднимается надъ лѣсомъ. Онъ снова подумалъ, что то охотники, да и пошолъ на нихъ. Анъ къ вечеру уже снова приходитъ къ другому заводу. Тамъ надъ нимъ смиловались: накормили его, напоили, дали ему драные штаны и сорочку,—потому что и сами были бѣдны. Они жъ думали, что то такъ себѣ какой-нибудь бѣдный человѣкъ, можетъ быть отъ рекрутства прячется, или что-либо въ такомъ родѣ. А онъ, какъ наѣлся, да одѣлся, то и говоритъ: „Я царь вашъ!“ — Тѣ смѣются надъ нимъ. Онъ снова поссорился съ людьми. И тѣ его побили порядкомъ да и прогнали. Пошелъ онъ себѣ въ лѣсъ—анъ уже и ночь. Вотъ прилегъ онъ подъ деревомъ, да и переночевалъ; а утромъ вставши, и пошелъ, куда глаза глядятъ.

„Вотъ приходитъ онъ въ третій заводъ, да уже и не признается, что онъ царь: все думаетъ про то, какъ бы ему въ столицу добраться. Вотъ и тамъ его накормили работники, да и видятъ, что у него босыя покалѣченныя ноги, да и смиловались: дали ему старенькіе сапоги. Онъ ихъ спрашиваетъ: „Не знаете-ли, куда тутъ дорога въ столицу?“ — Они ему разсказали. А онъ уже далеко ушелъ въ сторону за цѣлый день....

„Вотъ пошелъ онъ той дорогой, какъ ему показано. Идетъ да идетъ и приходитъ въ какое-то мѣстечко. Анъ—вотъ встрѣчаетъ его на дорогѣ становой.—„Стой“! кричитъ. Тотъ сталъ. „Паспортъ есть?“

—Нѣтъ, нѣту.—„Какъ же ты безъ паспорта ходишь? ты бродяга какой-то!... возьмите его"! крикнулъ на сотскихъ. Тутъ, гдѣ ни взялись,—взяли его и посадили въ холодную. Черезъ сколько тамъ времени спрашиваютъ: „а откуда ты"? Онъ и сказалъ: съ такой и такой, говоритъ, столицы. Тогда его сковали съ ворами и повели.

„Вотъ привели его въ ту столицу да и снова сажаютъ въ тюрьму. Черезъ сколько тамъ времени приходитъ старшій и распрашиваетъ: кто за что сидитъ? Вотъ одинъ и говоритъ: „Меня, говоритъ, панъ знай билъ и жену у меня отнялъ, такъ я терпѣлъ-терпѣлъ да и посадилъ его на вила; такъ вотъ меня сюда и посадили"! Подходитъ къ другому.—„А ты, спрашиваетъ, за что"?—Въ солдатахъ, говоритъ, былъ, такъ меня били да нивѣчили, за то что не умѣю на трубѣ играть, такъ я и ушелъ,—а меня это и поймали.—„А ты за что?" спрашиваетъ дальше. — А я, говоритъ, не имѣлъ, что ѣсть, да и полѣзъ къ жиду въ комору,—такъ меня сюда и отдали. А тамъ иной говоритъ, что съ богачемъ въ шинкѣ побился, такъ богачу ничего, а онъ въ тюрьму попалъ... Сказано, — кто за что. Вотъ приходитъ старшій и къ нему (къ царю). — „А ты, спрашиваетъ, старичокъ, за что"?—Вотъ онъ ему и разсказалъ всю правду: „Былъ я, говоритъ, царемъ, да такое и такое приключилось со мною... „Тутъ на него смотрятъ, что онъ совсѣмъ не похожъ на царя. А онъ, извѣстно, за долгое время похудалъ, борода отросла... Куда тамъ — совсѣмъ не похожъ? А таки-упирается, что царь. Какъ уже его ни допрашивали: царь да и конецъ"!

„Вотъ порѣшили всѣ, что онъ сумасшедшій, да и выгнали изъ тюрьмы. „Для чего, говорятъ, сумасшедшаго будемъ держать, только хлѣбъ царскій переводить". И какъ, выпустили его, — то такъ бѣдствуетъ, такъ бѣдствуетъ, что Господи! Какъ найдетъ еще какую-нибудь работу (а до работы не привычный), то еще ничего; а часомъ тѣмъ только и живетъ, что выпроситъ кусокъ хлѣба. Ночуетъ, гдѣ Богъ дастъ: часомъ гдѣ въ бурьянѣ, или и такъ гдѣ подъ плетнемъ. До того дожился!

„А ангелъ, сдѣлавшись царемъ, поѣхалъ съ охотниками домой. Пріѣхалъ. Никто ничего и не догадывается, что то не царь, а ангелъ. Когда вечеромъ приходитъ къ нему попъ да и говоритъ: „Воля твоя, царь, голову мою снять; не пристану я на то, чтобъ выкинуть и слово изъ святого письма"!—А царь ему: „Ну, слава Богу,—теперь я знаю, что въ моемъ царствѣ есть такой попъ, что твердо стоитъ за слово Божіе. Дѣлаю тебя наистаршимъ архіереемъ". Попъ поблагодарилъ, поклонился до земли и пошелъ себѣ удивляясь, — что это такое, что съ гордаго царя да сталъ такой тихій да справедливый? Вотъ и всѣ, всѣ удивляются, что такое съ царемъ сталося? Такой сталъ тихій да серьезный: по охотамъ не разъѣзжаетъ, а все ходитъ да распраши-

ваетъ, — гдѣ какая неправда, или какая кому кривда и тому подобное; на все самъ обращаетъ вниманіе, вездѣ судъ справедливый дѣлаетъ, судей справедливыхъ назначаетъ.... Какъ прежде народъ печалился, такъ теперь радуется: и подати небольшія и судъ справедливый.

„А царь тотъ такъ бѣдствуетъ, такъ бѣдствуетъ! Когда черезъ три года выходитъ такой царскій указъ: чтобъ на такой-то и на такой день всѣ сходились къ царю обѣдать: и богатые и убогіе, и паны и мужики.—Вотъ сошлись всѣ. Пришелъ и тотъ царь несчастный. А на царскомъ дворѣ столько, столько столовъ накрыто, что Господи!—Вотъ садятся всѣ за столы, пьютъ да ѣдятъ, а царь самъ съ министрами всякіе напитки и кушанья разноситъ, каждаго самъ припрашиваетъ; а тому царю несчастному вдвое противъ другихъ накладаетъ и наливаетъ. Всѣхъ накормили и напоили,—а дальше царь и началъ распрашивать людей: нѣтъ ли кому какой кривды, или обиды? А какъ начали уже люди расходиться, царь сталъ въ воротахъ съ мѣшкомъ денегъ и всѣмъ даетъ по гривнѣ, а тому царю несчастному далъ три гривны.

„Черезъ три года снова царь сдѣлалъ обѣдъ и снова сзываетъ всѣхъ людей. Вотъ накормилъ, напоилъ, распросилъ про все, что въ его царствѣ дѣлается, далъ всѣмъ по гривнѣ, а тому царю несчастному вдвое давалъ ѣсть и пить и на дорогу вновь далъ три гривны.

„Вотъ черезъ три года снова дѣлаетъ обѣдъ:—чтобъ были всѣ—и богатые, и убогіе, и паны и мужики. Вотъ сошлись люди, наѣлись, напились; стали расходиться. Тотъ царь несчастный и себѣ хочетъ идти, такъ онъ (ангелъ) его остановилъ. Повелъ его къ себѣ во дворецъ, да и говоритъ: „это тебѣ Богъ присудилъ, чтобъ ты девять лѣтъ искупилъ свою гордость; а меня послалъ, чтобъ я научилъ тебя, какъ царь долженъ любить людей. Ну, теперь ты, бѣдствуючи да шатаючись по свѣту, набрался немножко разуму,—то гляди, чтобъ хорошо народомъ правилъ! Съ этого часу ты будешь снова царемъ, а я полечу къ Богу на небо." Да, говоря это, велѣлъ ему умыться и побриться,—борода у него отросла, будто у пасѣчника,—да далъ ему царскую одежу и говоритъ: иди жъ теперь,—тамъ въ покояхъ сидитъ царская честная бесѣда,—иди туда, то тамъ никто и не узнаетъ, что ты тотъ самый, что нищимъ шатался. Пускай тебѣ Богъ поможетъ во всемъ добромъ!" Да какъ сказалъ это ангелъ, то и не стало его, — только одежа осталась.

„Вотъ царь прежде всего помолился горячо Богу, а потомъ и пошелъ къ бесѣдѣ. Съ той поры правилъ онъ уже народомъ, какъ его ангелъ научилъ".

Археологическая топографія Таманскаго полуострова.

Изслѣдованіе *К. Герца*. Съ 15-ю политипажами, 1-й хромолитографической и 3-мя литографированными картами. Изданіе Московскаго Археологическаго Общества. Москва, 1870.

Археологическія изысканія въ Россіи ведутъ свое начало съ прошлаго столѣтія. Поѣздки академиковъ по Россіи, съ ученою цѣлію ознакомиться съ природнымъ богатствомъ страны, сдѣлать описаніе ея мѣстности въ археологическомъ и естественномъ отношеніи, были первымъ счастливымъ опытомъ ученыхъ изслѣдованій въ нашемъ отечествѣ. Этимъ путешествіямъ усвоено даже типическое названіе академическихъ (Academische Reise). Но первоначальнымъ виновникомъ этого вѣрнаго и полезнаго стремленія былъ все тотъ же великій пробудитель Россіи отъ богатырскаго сна, все тотъ же царственный работникъ. Во время пребыванія своего въ Парижѣ въ 1717 г., Петръ Великій посѣтилъ парижскую Академію наукъ, присутствовалъ въ ея собраніи и чрезъ нѣсколько лѣтъ потомъ сдѣлался ея членомъ [1]). Точная карта Каспійскаго моря, вновь снятая по его приказанію, была первымъ подаркомъ парижской Академіи отъ ея новаго члена. Ревность его росла вмѣстѣ съ предпріятіями. Вопросъ о соединеніи Азіи и Америки привлекъ его вниманіе. Датчанинъ Берингъ готовился къ разрѣшенію этого вопроса морскимъ путемъ. Другой ученый, датскій медикъ, Даніилъ Готтлибъ Мессершмидтъ былъ посланъ въ 1719 г. въ Сибирь, для ея изслѣдованія въ естественномъ отношеніи. Воротившись въ началѣ 1727 г., этотъ неутомимый путешественникъ не только коснулся всѣхъ отраслей естественныхъ наукъ, но изслѣдовалъ древности [2]) и измѣрилъ полярныя возвышенности. Отчетъ о началѣ этого путешествія Петръ Великій, по своей собственной инціативѣ, приказалъ представить въ парижскую Академію наукъ и обѣщался увѣдомить ее также и о будущихъ результатахъ [3]). Преемница Петра, Екатерина I, держалась предначертаній своего великаго предшественника. Племянница—Анна Іоанновна повелѣла образовать „Общество путешественниковъ“ (Reisegesellsch«fft), которое не только было бы въ состояніи совершить отдаленный путь, но также составить описаніе историческаго быта неизслѣдованныхъ земель Россіи и естественныхъ ея произведеній. Съ этихъ поръ начались плодотворныя для нашего отечества ученыя путешествія, археологическія и естественныя, на востокъ

---

[1]) Johann Georg Gmelins Reise durch Siberien. Göttingen 1751. Erster Theil. Vorrede.

[2]) Seine Geschicklichkeit nicht nur in allen Theilen der natürlichen Geschichte, sondern auch in Untersuchung der Alterthümer.... zur Genüge gezeigt hat. Gmelin's Reise Тамъ же.

[3]) Lettre de M-r Blumentrost à l'Académie des sciences de Paris, dans l'histoire de la même Académie 1720 ed. Hell. p. 173. 174.

и югъ Россіи Гмелина, Мюллера, Палласа и др. Еще до-сихъ-поръ, при всемъ благотворномъ существованіи у насъ разныхъ географическихъ и археологическихъ обществъ, совершенно не лишнимъ бываетъ обращаться и къ старымъ академическимъ трудамъ и въ нихъ искать отвѣта на возникающіе въ наше время вопросы. Въ нынѣшній вѣкъ эти ученыя изслѣдованія въ Россіи стали соединяться съ раскопками тѣхъ историческихъ мѣстностей, на которыхъ когда-либо существовали образованныя государства.

Югъ Россіи преимущественно богатъ такими историческими сокровищами, археологическими находками. На берегахъ Чернаго моря въ глубокой древности процвѣтали государства. Греки, передовой народъ древняго міра, усѣяли своими колоніями сѣверо-восточные берега этого гостепріимнаго моря (Pontus Euxinus).

Во время всепоглощающаго господства римлянъ, здѣсь долгое время существовало независимое Босфорское царство. Богатство страны въ пшеницѣ, въ виноградѣ, въ рыбахъ составляло постоянную приманку для средневѣковыхъ торговыхъ народовъ. Венеціяне, генуезцы стремились къ монополіи въ этой мѣстности и часто гостепріимныя воды дѣлались мѣстомъ кровавой брани. Здѣсь же, внедалекѣ, пролегалъ большой путь для народовъ Азіи, вытѣсняемыхъ обстоятельствами въ Европу. Каждый изъ нихъ счелъ какъ бы своею обязанностью свернуть съ большой дороги на проселочную, посѣтить узкую кайму прибережья и наложить на него свой отличительный характеръ: готы, хозары, половцы, монголы усвоились съ этимъ краемъ, хотя и не удержались здѣсь надолго. Господство турокъ было продолжительнѣе, но и оно уступило болѣе цивилизующему славянскому племени. Не даромъ же сюда стремились гордые и непокорные внуки Ярослава Великаго, находили убѣжище изгои земли русской. Самое направленіе рѣкъ съ обширной равнины уже указывало на будущаго властелина этой страны.

На эту-то интересную мѣстность, еще заключающую въ своихъ нѣдрахъ остатки греческой классической образованности, еще отзывающуюся средневѣковою жизнію и господствомъ дикихъ воителей, обращаются взоры чуткихъ до ученой поживы археологовъ.

Въ прошедшемъ году происходилъ диспутъ въ большой залѣ московскаго университета, профессора искусствъ въ этомъ университетѣ, доцента К. К. Герца на степень магистра. Предметомъ диссертаціи былъ отрывокъ изъ десяти-лѣтняго труда профессора. Производя раскопки близь станціи Сѣнной, на Таманскомъ полуостровѣ, въ 1859-мъ году, по порученію Императорской археологической коммиссіи, нашъ русскій ученый составилъ планъ двухъ сочиненій: 1) историческаго обзора археологическихъ изслѣдованій на Таманскомъ полуостровѣ, долженствующаго сберечь время у будущихъ изслѣдователей и прямо указать, чтó и гдѣ добыто; и 2) топографіи Таманскаго полуострова, представленной имъ на ученую степень.

Дѣйствительно, для совершеннаго пониманія всѣхъ бывшихъ открытій въ этой мѣстности, необходимо должно было предшествовать изученіе топографіи этой мѣстности.

На диспутѣ, изученіе классической древности, поставленной авторомъ на задній планъ, было совершенно неосновательно выдвинуто однимъ изъ его оппонентовъ на первое мѣсто. Черезъ то недостаточно обращено было вниманіе на главное достоинство ученаго труда въ археологической области.

Раскопки, сдѣланныя самимъ авторомъ въ 1859-мъ году, увѣнчались успѣхомъ [1]). Найдены разные фрагменты, относящіеся къ памятнику какого-либо божества или лица, также къ зданіямъ большихъ размѣровъ, черепицы съ надписями византійской эпохи, рельефъ изъ известняка и два мраморныхъ пьедестала съ двумя древне-греческими надписями. Одна надпись указываетъ на памятникъ, поставленный въ честь царицы Динамиды, дочери царя Фарнака и внука Митридата Эвпатора; она относится къ послѣднимъ десятилѣтіямъ перваго вѣка до Р. Х. Другая надпись принадлежитъ къ XI-му вѣку по Р. Х. и обозначаетъ культъ „богини“ солнца. Но въ разборѣ этихъ надписей, какъ кажется, самая слабая сторона автора. Углубленный въ свою болѣе общую задачу археологическаго изслѣдованія всего полуострова и въ критическую оцѣнку извѣстій, оставленныхъ Палласомъ, Кларкомъ, Дюбуа де-Монтере, авторъ положился на авторитеты извѣстныхъ ученыхъ Стефани, Виндишмана и др. при разборѣ этихъ надписей и усвоилъ ихъ результаты. Даже недостаточно ясно, въ какомъ видѣ эти надписи были на памятникахъ. Здѣсь онѣ представлены совершенно готовыми для чтенія, не для критическаго разбора. Впрочемъ, авторъ самъ сознается въ трудности разрѣшенія всѣхъ вопросовъ и отказывается отъ ихъ обсужденія. Въ этомъ мы не согласны съ нимъ. Результаты его раскопокъ были бы полнѣе при окончательной разработкѣ надписей, безъ всякихъ стѣсненій своихъ мнѣній авторитетами.

Впрочемъ, мы далеки ставить въ укоръ автору, чтобы онъ, въ ущербъ истиннаго значенія новѣйшей археологической науки, занялся въ своей диссертаціи филологическими выводами. Слѣдуетъ всегда осторожно обращаться съ такими выводами и припоминать себѣ, какъ въ одномъ ученомъ собраніи убѣдительно было доказано, что Кіевъ и Пекинъ одни и тѣ же названія.

Автору предстоитъ теперь заключить свои труды по изслѣдованію полуострова историческимъ обзоромъ археологическихъ изслѣдованій на Таманскомъ полуостровѣ; пожелаемъ ему также успѣшно окончить дѣло, какъ успѣшно оно было начато имъ.

---

[1]) Описаніе предметовъ этой раскопки сдѣлано на стр. 76—85 этого сочиненія.

EST MODUS IN REBUS!

Отвѣтъ г-ну Каткову, редактору «Московскихъ Вѣдомостей».

Предупреждаемъ читателя, что дѣло идетъ вовсе не о полемикѣ съ г. Катковымъ. Полемика съ г. Катковымъ также невозможна, какъ она была бы невозможна съ Репетиловымъ. Ежедневные монологи г. Каткова, называемые „передовыми" статьями (хотя бы правильнѣе было называть ихъ „задними", такъ какъ собственно настоящее ихъ назначеніе—лягаться), можно только прерывать время отъ времени короткими напоминовеніями ему о необходимости „знать мѣру". Древніе въ подобныхъ случаяхъ говорили: est modus in rebus! Затѣмъ, мы знаемъ уже впередъ, г. Катковъ опять вскочитъ на ноги и будетъ съ прежнею же развязностью продолжать свою прерванную нашимъ восклицаніемъ рѣчь; но до полемики дѣло дойти никогда не можетъ, и мы опять когда-нибудь найдемъ себя вынужденными пріостановить оратора все тѣмъ же замѣчаніемъ: „да знай же мѣру!"

Декабря 18-го дня, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ" вышелъ 273-й монологъ г. Каткова, посвященный весь декабрьскому Обозрѣнію „Вѣстника Европы", а еще болѣе—редактору того журнала, гдѣ г. Катковъ нѣкогда прочелъ статью: „Московскіе Компрачикосы". Памятуя эту статью, г. Катковъ разсердился на „зеркало", и началъ нынѣшній разъ свой 273-й монологъ сѣтованіемъ на то, что нашъ журналъ „не отличается согласіемъ составныхъ частей своихъ; если въ его книжкахъ не рѣдко встрѣчаются прекрасныя произведенія, подписанныя извѣстными и уважаемыми именами, придающими интересъ журналу и распространяющими его въ публикѣ, то въ другихъ *безыменныхъ* статьяхъ...." (читателю хорошо извѣстно, что монологи г. Каткова тоже безыменные.) Вотъ эти-то статьи, по мнѣнію г. Каткова, и портятъ все дѣло; въ нихъ-то онъ и находитъ непріятные толки о необходимости Репетиловымъ знать „мѣру" во всемъ, даже и въ монологахъ. Кто пишетъ ихъ—спрашиваетъ тревожно г. Катковъ: „самъ ли г. Стасюлевичъ, или какой-либо *нанятый* (да знай же мѣру!) имъ борзописецъ, во всякое время готовый строчить обо всемъ, что ему прикажутъ". На этотъ языкъ какой-то подвальной литературы, редакторъ „Вѣстника Европы" еслибы захотѣлъ вмѣшаться въ нашу бесѣду съ г. Катковымъ, могъ бы замѣтить г. Каткову одно, а именно, что для подобнаго дѣла нанимаютъ только тѣ, которые *сами* служатъ по найму.

Таковъ прологъ 273-го монолога; онъ даетъ читателю предвкушать всю дальнѣйшую прелесть репетиловской рѣчи, помѣщенную въ центрѣ,

за которымъ слѣдуетъ уже на пятомъ столбцѣ газеты финалъ съ бенгальскими огнями.

Г. Катковъ въ быстромъ речитативѣ излагаетъ случаи вышеупомянутаго имъ несогласія составныхъ частей журнала. Но — восклицаетъ г. Катковъ — „есть однако одинъ *предметъ* и одно *чувство*, относительно которыхъ „либеральный“ журналъ „Вѣстникъ Европы“ обнаруживаетъ необыкновенную стойкость: *оный* (остроуміе) предметъ есть учебное дѣло въ Россіи; *оное* (большое остроуміе, но крайне дешевое) чувство — неутомимая злоба (!) къ *нынѣшнему* (?) управленію этимъ дѣломъ и ко всему, что стремится установить наконецъ въ нашемъ отечествѣ систему высшаго и плодотворнаго умственнаго образованія на общихъ всему цивилизованному міру основаніяхъ.“ Изъ устройства лицея г. Каткова всѣмъ уже извѣстно, что „общими всему цивилизованному міру основанія“ для пріобрѣтенія „высшаго и плодотворнаго умственнаго образованія“ служатъ 900 рублей, или около того, платы за пансіонера. Замѣчаемъ это только мимоходомъ, и возвращаемся къ главному сюжету.

Спокойный и безпристрастный читатель, узнавъ отъ г. Каткова, что „Вѣстникъ Европы“ обнаруживаетъ стойкость именно относительно *онаго* предмета, а именно учебнаго дѣла въ Россіи, вѣроятно скажетъ: въ чемъ же тутъ бѣда?! Учебное дѣло есть самое важное дѣло въ Россіи настоящей минуты, и стойкость въ такомъ дѣлѣ можетъ быть только почтенна! Но читателя нѣсколько затрудняетъ другое извѣстіе относительно *онаго* чувства, т. е. злобы къ управленію, и именно къ нынѣшнему, да еще притомъ злобы къ такому невинному предмету, какъ древніе языки. Читатель обращается къ г. Каткову съ вопросомъ: Откуда же вся сія злоба? Вы, г. Катковъ, знаете все, и все можете объяснить, у васъ есть способность залѣзть въ душу и вылѣзть, у васъ есть, „корреспонденты“; не дадите ли порученія кому слѣдуетъ развѣдать, въ чемъ дѣло; намъ очень нравится стойкость „Вѣстника Европы“, но мы тѣмъ болѣе огорчены извѣстіемъ о какой-то „злобѣ“, и притомъ вовсе не той, которая „довлѣетъ каждому дневи“, какъ-то предписано свыше.“ Но въ своей предупредительности г. Катковъ не забылъ удовлетворить любопытство своихъ читателей.

Впрочемъ, г. Каткову отвѣты вообще не стоютъ большого труда; спросите его еще: отчего Лютеръ питалъ злобу къ папѣ? Онъ вамъ отвѣтитъ скороговоркой: „Лютеру захотѣлось жениться, и изъ-за того, смѣю васъ увѣрить, вся реформація; а потомъ... Лютера удалили изъ монастыря, и это ему было очень обидно!“ Затѣмъ г. Катковъ быстро переходитъ къ вашему первому вопросу относительно „злобы“ г. Стасюлевича, и продолжаетъ свой монологъ такъ: „Мы, конечно—говоритъ онъ—не станемъ входить (*правда-ли, что не станете?* восклицаетъ одинъ изъ читателей-скептиковъ) въ разборъ тѣхъ побужденій, которыя могутъ въ

этомъ случаѣ (т. е. злобы „Вѣстника Европы" на нынѣшнее управленіе) руководить издателя означеннаго журнала. Мы знаемъ только (*не выдержалъ характера!* восклицаетъ тотъ же читатель: *все-таки будетъ разбирать!*), что ревностный защитникъ общей европейской, то-есть, такъ-называемой классической системы общаго образованія, во всю бытность свою *(слушайте!)* членомъ ученаго комитета министерства просвѣщенія, издатель „Вѣстника Европы", *какъ только это учрежденіе закрылось для него* (понимаете, господа, въ чемъ дѣло— замѣтилъ г. Катковъ, подмигивая), счелъ для себя болѣе удобнымъ (эту тираду ораторъ выговорилъ съ разстановкой и многозначительной миной; „понимаемъ!—раздалось въ нѣсколькихъ мѣстахъ: подпольная интрига, измѣна!") превратиться въ свирѣпаго противника *нашей* учебной реформы (г. Катковъ считаетъ ее *своею*) и предать сожженію (есть слѣдовательно и поджоги, кромѣ интриги) свои вчерашніе кумиры..." Въ этомъ мѣстѣ оратора прервали вопросами относительно деталей сожженія.

Но и намъ пора прервать потоки рѣчей г. Каткова обычнымъ восклицаніемъ: „да знай же мѣру!" Чтобы человѣку такого закала, какъ г. Катковъ, объяснить, насколько его выходка удачна, необходимо ему представить argumentum ad hominem. Г. Катковъ, какъ извѣстно, лѣтъ пять или шесть тому назадъ (когда, слѣдовательно, онъ не былъ уже малолѣтнимъ), писалъ, какъ выражались въ тѣ времена и какъ, вѣроятно, думалъ и самъ г. Катковъ, „громовыя" статьи противъ министерства народнаго просвѣщенія; въ своей „злобѣ" онъ доходилъ до того, что сознавался въ своей способности, напр., напечатать частныя письма, не предназначавшіяся къ печати (какъ извѣстно, для такихъ поступковъ нужно имѣть извѣстнаго сорта куражъ). Пусть г. Катковъ представитъ себѣ теперь какого-нибудь журналиста въ то время, съ его собственными качествами и замашками, и пусть этотъ журналистъ попробуетъ объяснить своимъ читателямъ, что злоба г. Каткова основана, молъ, на томъ, что издатель „Московскихъ Вѣдомостей", мы слыхали, просилъ субсидіи у министерства, но ему въ томъ отказали. Конечно, г. Катковъ отнесся бы съ негодованіемъ къ такому толкованію и справедливо наградилъ бы своего комментатора довольно сильными эпитетами. При такомъ безпристрастіи г. Каткова, мы съ полной довѣренностью предоставляемъ ему и теперь перенести всѣ эти эпитеты на комментатора „злобы" редактора „Вѣстника Европы" къ современному управленію учебнымъ дѣломъ въ Россіи. Просимъ г. Каткова принять это къ свѣдѣнію и на будущее время, а за тѣмъ посмотримъ, какъ по мнѣнію г. Каткова, выразилась въ „Вѣстникѣ Европы" „злоба" на нынѣшнее управленіе учебнымъ дѣломъ въ Россіи?

„Патріотъ „Вѣстника Европы"—гласитъ г. Катковъ—призываетъ

высшій авторитетъ къ немедленному изслѣдованію преступныхъ дѣйствій вѣдомства народнаго просвѣщенія относительно реальнаго образованія въ Россіи, грозя въ противномъ случаѣ, что всѣ ожидаемые „благіе результаты" отъ реформы военной повинности должны обратиться въ прахъ и дымъ! Какое безстыдство! Но слушайте далѣе...."

Но „знай же мѣру"—восклицаемъ мы снова. Г. Катковъ рѣшается въ глаза говорить своимъ читателямъ, что связывать реформу военной повинности съ реальнымъ образованіемъ, это — безстыдство! Ужъ не желаетъ ли онъ связывать и военную повинность съ изученіемъ древнихъ языковъ? Посмотримъ. Мы говорили въ декабрѣ о пользѣ, которую реальныя гимназіи могли бы принести русскому Обществу пароходства и торговли, особенно въ настоящую минуту, когда это общество само начало̀ вызывать къ себѣ на службу воспитанниковъ *реальныхъ* гимна́зій. Это—фактъ: именно, воспитанниковъ *реальныхъ* гимназій! Во-1-хъ, не мы виноваты, что Общество обратилось къ *реальнымъ* гимназіямъ и связало съ ними свое существованіе, а не съ лицеемъ г. Каткова; и пусть г. Катковъ пошлетъ ему выговоръ за упущеніе изъ виду классическихъ гимназій и его лицея; а во-2-хъ, что̀ отвѣчаетъ намъ г. Катковъ? По его мнѣнію, нашему флоту было прежде хорошо съ Морскимъ Корпусомъ, и никакихъ тутъ гимназій не нужно. Далѣе: „Коммерческая компанія, именуемая *Русскимъ* Обществомъ Пароходства и Торговли" уволила (!) изъ своей службы и тѣхъ бывшихъ черноморскихъ офицеровъ, чья опытность и спеціальныя познанія давали несомнѣнное право на управленіе его пароходами, и замѣнило ихъ капитанами бо̀льшею частью изъ *иноземныхъ* уроженцевъ средиземнаго побережья (вотъ тебѣ и разъ!)"

Тутъ, какъ видитъ самъ читатель, г. Катковъ рѣшительно, какъ говорится, зарапортовался; да оно и неудивительно, такъ какъ мы теперь уже въ концѣ третьяго столбца его монолога. Оказывается изъ словъ самого автора, что частная компанія не очень-то удовлетворяется туземными продуктами, а предпочитаетъ колоніальный товаръ. Изъ-за чего же г. Катковъ негодуетъ на насъ за то, что мы не желаемъ, чтобы развитіе нашего флота обусловливалось исключительно Морскимъ Корпусомъ, и думаемъ, что въ этомъ случаѣ реальныя гимназіи (конечно, устроенныя, какъ въ Пруссіи или Виртембергѣ: надѣемся, что г. Катковъ не стоитъ за худоустроенныя классическія гимназіи) могутъ оказать огромную пользу, если не прямо для судоходства, то для судостроенія. А можетъ быть, г. Катковъ намекаетъ, что у насъ предпочитаютъ капитановъ изъ иностранныхъ уроженцевъ потому, что они знаютъ древніе языки? Г. Катковъ ко многому способенъ, но едва ли онъ рѣшится на подобную шутку.

Впрочемъ „безстыдство" г. Каткова еще впереди. Отъ вопроса о вышеупомянутомъ Обществѣ, монологъ направляется (четвертый столбецъ).

къ ужасающему факту: „Отъ редакціи журнала г. Стасюлевича никто, разумѣется, изъ мыслящихъ и зрячихъ людей не ожидаетъ серьезнаго отношенія къ учебному дѣлу въ ихъ русскомъ отечествѣ. Но какъ всякій, садясь за игорный столъ, имѣетъ право требовать, чтобъ его партнеръ не подтасовывалъ картъ, такъ читатель въ правѣ требовать, чтобы пишущая братія не подтасовывала фактовъ". Какъ видно, г. Катковъ, не считая насъ серьезными людьми по учебнымъ вопросамъ и въ тоже время посвящая намъ пятиярусный монологъ, исключаетъ себя изъ круга „мыслящихъ и зрячихъ людей"; но дѣло не въ томъ: онъ обвиняетъ насъ въ литературномъ шулерствѣ, а мы имѣемъ основаніе ему отвѣтить: „врачу, исцѣлися самъ"! Въ нашемъ обозрѣніи, въ ссылкѣ, приведено извѣстіе изъ „Спб. Вѣд." съ точнымъ указаніемъ нумера газеты и, разумѣется, сокращенно, о превращеніи Кѣлецкой гимназіи классической въ реальную. Этому извлеченію предшествуютъ наши слова: „почти ежедневно можно читать *исторію* превращенія реальныхъ гимназій въ классическія." Самое слово *исторія* показываетъ, что мы не имѣли въ виду современность, по поводу именно этого примѣра; а въ „Спб. Вѣд.", въ полномъ текстѣ сказано, что это было въ 1862-мъ году. Г. Каткову показалось, что мы не упомянули время единственно для того, чтобы сложить и этотъ фактъ на современное министерство народнаго просвѣщенія. Но современное министерство не принадлежитъ еще исторіи; да притомъ и мы не выразились такъ, какъ бы выразился г. Катковъ, а именно: читали мы-молъ въ *одной* газетѣ, а въ какой—ищите, коли есть охота! Нѣтъ, мы назвали и газету и нумеръ ея, чего конечно „шулера" не дѣлаютъ. Если г. Каткову угодно видѣть обращикъ литературнаго и несомнѣннаго шулерства, то онъ найдетъ то въ своемъ же монологѣ, гдѣ онъ приводитъ нашу рѣчь о Кѣлецкой гимназіи, и утверждаетъ, будто бы мы сказали, „что въ томъ числѣ (т.-е. въ числѣ гимназій реальныхъ, превращенныхъ въ классическія) *на дняхъ* (курсивъ у г. Каткова) преобразована, *къ общему сожалѣнію* (это вѣрно), въ городѣ Кѣльцахъ существовавшая тамъ реальная школа въ семиклассную классическую гимназію". Въ этихъ дѣйствительно нашихъ словахъ, вставлены г. Катковымъ два маленькія слова, которыхъ у насъ нѣтъ, а именно: *на дняхъ*, и въ довершеніе безстыдства пропечатаны курсивомъ. Какъ назвать это? безстыдство! нѣтъ, это мало. Г. Катковъ разсчитываетъ: „ну, кто тамъ пойдетъ справляться: какъ заподлинно сказано въ въ „Вѣстникѣ Европы"; изъ моего монолога видно, что редакція его опустила названіе года и вставила: надняхъ... Да наконецъ есть золотое правило: calomniez, calomniez!..." На все это мы можемъ отвѣтить тѣмъ, что мы отдаемъ г. Каткову пальму первенства даже предъ Ноздревымъ: тотъ по крайней мѣрѣ рукавомъ халата проводилъ пѣшку въ дамки, а г. Катковъ не церемонится это дѣлать собственноручно и на глазахъ всѣхъ.

Итакъ, г. Катковъ выступилъ въ походъ съ намѣреніемъ доказать, что мы, какъ онъ выражается, не только пишемъ *„доносы"* на министерство народнаго просвѣщенія, но и пишемъ, кромѣ того, лживые доносы. Лживость оказывается не съ нашей стороны; что же касается до слова: *доносъ*, то мы почти готовы обратиться къ г. Каткову съ вопросомъ: не прожилъ ли онъ послѣднія лѣтъ десять въ Бухарѣ? Неужели онъ ничего не слыхалъ о законѣ 6 апрѣля 1865 года, а слѣдовательно и не читалъ извѣстнаго § 16, въ четвертой главѣ третьяго отдѣла: „не вмѣняется въ преступленіе и не подвергается наказаніямъ обсужденіе какъ отдѣльныхъ законовъ и цѣлаго законодательства, такъ и распубликованныхъ правительственныхъ распоряженій, если въ напечатанной статьѣ не заключается возбужденіе къ неповиновенію законамъ, не оспаривается обязательная ихъ сила и нѣтъ выраженій, оскорбительныхъ для установленныхъ властей". Г. Катковъ, конечно, видитъ доносы вездѣ, какъ Макбетъ видитъ тѣнь Банко; но пусть онъ познакомится съ современнымъ положеніемъ дѣлъ, и тогда онъ убѣдится, что то, что, на бухарскомъ языкѣ, можетъ быть и называется доносомъ, то по-русски зовется критикою и обсужденіемъ даже законовъ; а вопросъ о реальныхъ и классическихъ гимназіяхъ не есть и законъ, а только система учебнаго дѣла. Мы, вообще, никогда не имѣемъ дѣла съ лицомъ, какъ читатели могутъ убѣдиться и изъ нынѣшняго обозрѣнія: мы интересуемся только системою. Г. Катковъ не правъ, еще и въ томъ отношеніи, что—мы вовсе не ограничиваемся „стойкостью" въ анализѣ дѣятельности министерства народнаго просвѣщенія. Еще не такъ давно и не менѣе усердно мы обращали вниманіе на почтовое дѣло въ Россіи, говоря, что хорошая почта нужна государству, какъ и хорошая школа. Почему г. Катковъ въ то время не пустилъ слуха, что редакторъ Вѣстника Европы былъ удаленъ изъ службы въ какомъ-нибудь почтовомъ комитетѣ—не знаемъ. Знаемъ только одно, что почтовое вѣдомство правильно поняло значеніе свободы печати и не потерпѣло отъ того никакого ущерба.

Но пора кончить. Въ заключеніе приведемъ еще одно небольшое мѣсто изъ монолога, котораго послѣдній столбецъ посвященъ на защиту мин. нар. просвѣщенія. „Въ поученіе читателей Вѣстника Европы — говоритъ г. Катковъ — мы можемъ сообщить имъ въ заключеніе кое-какія (именно, кое-какія) свѣдѣнія, которыя намъ, конечно, не удастся никогда встрѣчать на страницахъ этого журнала. Если вѣдомство нашего народнаго просвѣщенія, къ величайшей похвалѣ его, не намѣрено увеличивать въ имперіи число тѣхъ *анти-реальныхъ* заведеній, которыя окрещены у насъ названіемъ *реальныхъ гимназій*, то оно, сколько извѣстно, *озабочено* распространеніемъ техническихъ познаній въ нашей народной и общественной массѣ, какъ можно судить изъ того, что имъ *предполагается* внести весьма скоро (?) въ государственный со-

вѣтъ *проектъ* цѣлой системы училищъ, назначенныхъ для той части молодежи, которая, не стремясь къ университетскому образованію, имѣетъ потребность въ пріобрѣтеніи практическихъ, полезныхъ для непосредственного примѣненія къ жизни знаній".

Когда слухъ *), пускаемый г. Катковымъ оправдается, тогда мы и напишемъ *доносъ*, какъ выражается г. Катковъ; а пока ограничимся небольшимъ замѣчаніемъ и короткою ссылкою. Распространеніе ремесленныхъ свѣдѣній и практики, гдѣ это распространеніе устроено раціонально, нигдѣ не возлагается на министерство народнаго просвѣщенія, по той простой причинѣ, что трудно ожидать хорошаго устройства дѣла отъ людей, которые о немъ естественно не могутъ имѣть ни малѣйшаго понятія. Желающимъ же познакомиться съ наилучшимъ устройствомъ современнаго ремесленнаго образованія, каково именно въ Виртембергѣ, указываемъ на вышепомѣщенную (с. 336) статью, изъ которой видно, что въ Виртембергѣ министерство народнаго просвѣщенія въ этомъ дѣлѣ не играетъ никакой непосредственной роли...

Что же сказать намъ еще г. Каткову? Ему что ни говори, это все равно; онъ, вѣроятно, будетъ и въ 1871 году писать свои монологи, а мы—нечего дѣлать—какъ и нынѣшній разъ, возьмемъ опять на себя трудъ указывать ему постоянно на необходимость знанія „мѣры". Мы замолчимъ только въ одномъ случаѣ, если г. Катковъ начнетъ свой монологъ, подобный настоящему, слѣдующею просьбою къ своимъ читателямъ: „Не любо, не слушай...."

24 декабря, 1870 г. А.

*) Мы позволяемъ себѣ считать это извѣстіе, сообщаемое «Москов. Вѣд.» не основательнымъ, такъ какъ министерство народнаго просвѣщенія, по крайней мѣрѣ такъ было въ прежнія времена, имѣетъ обычай, теперь впрочемъ почти общепринятый, предварительно публиковать проекты или основанія ихъ для вызова мнѣній въ обществѣ, которыя можно такимъ образомъ принять въ соображеніе, прежде нежели проектъ получитъ окончательную санкцію. Въ настоящемъ случаѣ это было бы тѣмъ необходимѣе, что въ самомъ министерствѣ народнаго просвѣщенія по вопросу о ремесленномъ образованіи всего менѣе могутъ оказаться компетентные люди.—*Ред.*

М. Стасюлевичъ.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Стихи и проза *Я. П. Полонскаго.* Спб.
71. Стр. 530. Ц. 3 р.

ъ этимъ названіемъ вышелъ первый вы-
собравшій въ одно цѣлое труды нашего
разсѣянные по изданіямъ періодическимъ.
въ настоящемъ выпускѣ занимаютъ не бо-
ьшой части; главное мѣсто принадлежитъ
«Признанія Сергѣя Чалыгина» и рас-
«Женитьба Атуева». Романъ въ свое вре-
шелъ незамѣченнымъ, благодаря отрывоч-
го появленію въ различныхъ журналахъ,
тѣмъ какъ простота изложенія, отсутствіе
овъ и всякой вычурности ставятъ этотъ
высоко надъ среднимъ уровнемъ совре-
беллетристики. Изъ стихотвореній, два
выдающихся и по объему, а если не оши-
, и по достоинству, уже знакомы нашимъ
амъ: «Сонъ въ Лѣтнемъ-Саду», сатира,
которою послужилъ памятникъ И. А. Кры-
и «Покинутый домъ», явившійся въ отдѣль-
изданіи подъ заглавіемъ «Міазмъ»—легенда
торіи основанія Петербурга.

атическій анализъ. Соч. *П. З. Воскресен-*
ию. Т. I. Варшава. 1870. Стр. 525. Ц. 3
б. 50 к.

своемъ предисловіи авторъ говоритъ, что
нее не намѣренъ писать «ариометику, ал-
геометрію или что либо сему подобное....
писаніи этой книги я имѣлъ въ виду не воз-
исключительно и не спеціальность, а во
ществу общество, глубоко вѣруя, что въ
онаго находятся люди способные и гото-
кать знаній помимо школы.... Будетъ въ
й степени скромно, если я скажу, что
быть ни теологомъ, ни медикомъ, ни юри-
ни литераторомъ и пр., не зная матема-
О знаніяхъ же, съ которыми сопряжено
іе судебъ царствъ и народовъ, я и не го-
полагая, что сіе разумѣется само собою».
му, авторъ желаетъ популяризировать
ваніе формальныхъ истинъ и убѣдить чи-
, что «ни картина художника, ни голосъ
а, ни стихъ поэта не могутъ доставить сра-
льно столько наслажденія, сколько (матема-
ая) формула». Но вотъ, въ чемъ состоитъ ме-
агоръ, который, по его мнѣнію, обладаетъ
вомъ обращать сочиненіе спеціальное въ
рное: «я вопрошаю: данъ кругъ — къ ка-
результату придти можно, анализируя этотъ
бытіе коего для насъ несомнѣнно? Симъ
ъ я намѣренъ идти и далѣе и, ежели Прови-
угодно, чтобы сіе сочиненіе продолжалось,
рой томъ онаго наполнится изслѣдованіемъ
свойствъ шара.... При посредствѣ шара мы пе-
ренесемся въ пространство, а затѣмъ мало по
малу и въ область высшихъ созерцаній». Предо-
ставляемъ спеціалистамъ судить о степени успѣш-
ности намѣреній автора; мы съ своей стороны,
могли только ограничиться указаніемъ на эти на-
мѣренія, характеризующія впрочемъ до нѣкото-
рой степени средства автора и степень попу-
лярности его весьма объемистаго труда.

Общеславянская азбука, съ приложеніемъ образ-
цовъ славянскихъ нарѣчій. Сост. *А. Гиль-*
фердингъ. Издано Славянскимъ Благотворит.
Ком., на счетъ суммы, пожертвов. *Н. А. По-*
пховымъ. Спб. 1871. Стр. 16 и CXXIX.

Все, что облегчаетъ общеніе людей между со-
бою, служитъ конечно прогрессу: общая единица
мѣръ, вѣсовъ и т. д. могла бы облегчить сноше-
нія международныя, и потому всегда желательна.
Тоже можно сказать и объ общей азбукѣ, по
крайней мѣрѣ для отдѣльныхъ племенныхъ группъ.
А. Ѳ. Гильфердингъ посвятилъ свой трудъ именно
на выработку такой общей азбуки для группы
славянскихъ народовъ, избравъ русскій алфавитъ
основою и дополнивъ его вводными буквами для
другихъ славянскихъ племенъ. Подобное уже сдѣ-
лано для германо-латинскихъ народовъ, остано-
вившихся на римской азбукѣ. Какъ ни почтененъ
трудъ г. Гильфердинга, но мы находимъ, что его
общеславянская азбука много уступаетъ въ простотѣ
обще-германолатинской азбукѣ. Намъ кажется,
что было бы цѣлесообразнѣе въ этомъ случаѣ по-
ступить такъ, какъ польскій языкъ поступилъ съ
римской азбукой, а именно, не вводя въ нее
буквъ другого характера, какъ то дѣлаетъ г. Гиль-
фердингъ, т.-е. не увеличивая числа буквъ рим-
скаго алфавита, онъ ограничился присоединеніемъ
къ нимъ знаковъ: напр. *l* и *ł*, *e* и *ę*. Почему не
поступить также съ русской азбукой, чтобъ сдѣ-
лать ее общеславянскою? Отчего не поставить
надъ русскимъ *a* точку, чтобъ выразить глухое
a у болгаръ? Почему будетъ лучше въ этомъ
случаѣ ввести новую букву въ русскій алфавитъ
съ рисункомъ чуждымъ характеру всей русской
азбуки? Англичане пишутъ *e*, какъ и французы;
но это *e* они выговариваютъ какъ русское *и*, и
надъ нимъ не ставятъ даже никакого знака. Для
лица, не знающаго, какъ выговаривается глухое *a*
у болгаръ, все равно—обозначить ли его посред-
ствомъ русскаго *ȧ* или посредствомъ ѧ, какъ то
сдѣлано въ азбукѣ Гильфердинга; тоже можно
сказать и о знающемъ, если ему впередъ извѣстно,
что *ȧ* выражаетъ глухое *a* у болгаръ.

ПОДПИСКА на „ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ“

въ 1871 году.

---

1. *ПОДПИСКА* принимается только на годъ: 1) *безъ доставки* — **15 руб.**; — 2) съ [illegible] *ставкою на домъ въ Спб. по почтѣ, и въ Москвѣ, чрезъ кн. маг. И. Г. Сол*[illegible] **15 р. 50 к.**; 3) *съ пересылкою* въ губерніи и въ г. Москву, по почтѣ — **16 р. 50** [illegible] въ нижеслѣдующихъ мѣстахъ:

а) *Городскіе подписчики въ С.-Петербургѣ*, желающіе получать журналъ съ достав[illegible] или безъ доставки, обращаются въ Главную Контору Редакціи и получаютъ [illegible] вырѣзанный изъ книгъ Редакціи; при этомъ, для точности, просятъ представлять [illegible] адрессъ письменно, а не диктовать его, что бываетъ причиною важныхъ ошибокъ. — Желающіе получать безъ доставки присылаютъ за книгами журнала, прилагая [illegible] для помѣтки выдачи.

б) *Городскіе подписчики въ Москвѣ*, для полученія журнала на домъ, обращаются [illegible] подпискою въ кн. магазинъ И. Г. Соловьева, и вносятъ только 15 р. 50 к. Жела[illegible] щіе получать по почтѣ адрессуются прямо въ Редакцію и присылаютъ 16 р. 50 [illegible]

в) *Иногородные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ*, исключительно въ Редак[illegible] и при этомъ сообщаютъ подробный адрессъ съ обозначеніемъ: имени, отчества, фа[illegible] милія и *того почтоваго мѣста*, съ указаніемъ его губерніи и уѣзда (если то не [illegible] губернскомъ и не въ уѣздномъ городѣ), куда можно прямо адресовать журналъ, [illegible] куда полагаютъ обращаться сами за полученіемъ книгъ; — 2) *лично*, или чрезъ [illegible] коммиссіонеровъ въ Спб., въ Контору, открытую для городскихъ подписчиковъ.

г) *Иностранные подписчики* обращаются: 1) *по почтѣ* прямо въ Редакцію, какъ и [illegible] городные; 2) *лично*, или чрезъ своихъ коммиссіонеровъ въ Спб., въ Контору для [illegible] родскихъ подписчиковъ, внося за экземпляръ съ пересылкою: *Пруссія и Герман*[illegible] 18 руб.; *Бельгія, Нидерланды и Придунайскія Княжества* — 19 руб.; *Франція* [illegible] *Данія* — 20 руб.; *Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція и Греція* — 21 р[illegible] *Швейцарія* — 22 руб.; *Италія* — 23 рубля.

Примѣчаніе. — «Вѣстникъ Европы» выходитъ перваго числа ежемѣсячно, [illegible] книгами, отъ 25 до 30 листовъ; два мѣсяца составляютъ одинъ томъ, около 1000 страниц[illegible] — шесть томовъ въ годъ. Для городскихъ подписчиковъ и получающихъ безъ доставки, [illegible] сдаются въ Контору и на Городскую Почту въ день выхода книги, а для иногородныхъ [illegible] иностранныхъ — въ теченіи первыхъ семи дней мѣсяца въ установленномъ порядкѣ [illegible] товъ. Журналъ доставляется на почту въ бандероляхъ; экземпляры иногородные, [illegible] себѣ адрессъ подписчика, отправляются при особой *именной карточкѣ* для россійскихъ [illegible] телей, съ обозначеніемъ дня сдачи книгъ въ Газетную Экспедицію.

2. *ПЕРЕМѢНА АДРЕССА* сообщается въ редакцію такъ, чтобы извѣщеніе [illegible] поспѣть до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью [illegible] редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой конторѣ свой [illegible] адрессъ для дальнѣйшаго отправленія журнала, а редакцію извѣстить о перемѣнѣ адре[illegible] для слѣдующихъ нумеровъ. При перемѣнѣ адресса, необходимо указывать мѣсто [illegible] наго отправленія журнала, и съ какого нумера начать перемѣну.

Примѣчаніе. — По почтовымъ правиламъ, городскіе подписчики, переходя въ иногород[illegible] ные, прилагаютъ 1 р. 50 к., а иногородные — въ городскіе 50 коп.

3. *ЖАЛОБА*, въ случаѣ неполученія книги журнала въ срокъ, препровождается пря[illegible] въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы [illegible] ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно препровождаетъ въ Га[illegible] зетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно списаться [illegible] Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворитъ только по полученіи отвѣта [illegible]

Примѣчаніе. — Жалоба должна быть отправляема никакъ не позже полученія слѣдующаго [illegible] мера журнала; въ противномъ случаѣ, редакція лишится возможности удовлетворить [illegible]

М. Стасюлевичъ
Издатель и отвѣтственный редакт[illegible]

РЕДАКЦІЯ «ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ»:
Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Невскій просп., 30.

Второе изданіе «Вѣстника Европы» въ 1870 г. разошлось все по подпискѣ!

3 2044 036 901 809